

Наталья Матвеева

АКВАМАРИН

(часть 2):

по моим правилам

Наталия Александровна Матвеева

Аквамарин: по моим правилам. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18291719

Аннотация

Она была счастлива: семья, любимый муж, работа – все ее сокровенные мечты сбылись... Но появляется он. Человек, знающий обо всех ее тайнах, гонимый одной лишь жадой мести и желанием планомерно уничтожить все, что Оливия с таким трудом пыталась сохранить. Шаг за шагом, он отбирает у нее самое ценное, втягивая в свою хитроумную игру. Удастся ли ей победить на этот раз, когда ее саму разрывают на куски призраки прошлого, когда ее мучитель имеет на своих руках все главные карты?..

Наталия Матвеева

АКВАМАРИН (часть 2): по моим правилам **Роман**

Natamatveeva89@mail.ru

Аквамарин (часть 2): по моим правилам

Пусть горы сомкнутся в объятьях,
забрав кислород из легких моих:

Я буду жить.

Солнце раскрасят узоры морозные,
тепло падшим воином бесследно исчезнет:

Я буду жить.

Ядом сомнений отравлены вены,
жадно глотая сущность мою:

Я буду жить.

Болью душа распадется на капли,
звуки сокрыты от чувств:

Я не погибну.

Ветром отчаяния, и безнадежности
жгучим дыханьем распята я:

Я не умру.

Крохотной каплей надежды на счастье,
любовью единой:

Дыханье цветет.

Маленькой звездочкой в злой бесконечности
вспыхнет мечта:

Я буду жить.

Силой моей станет зов к всепрощенью,

И я цела.

Глава 1

Оливия затормозила около неприметного, серого, трехэтажного здания на углу Флетбуш-авеню и Стивенс-корт и, нахмурившись, глянула на темно-синие, потрепанные ветрами и дождями буквы, складывающиеся в слова: «Бильярдная Уорта». Судя по характеристике, которую ее милый папуля яростно декламировал ей в трубку, позвонив ни раньше, ни позже, а точно в половину третьего ночи, это и было то место, где «засранец Уорт торгует своей чертовой марихуаной и играет в покер с такими же, как и он, засранцами и подлюгами», но почему-то, по какой-то, одному его «дружку-дьяволу известной причине», он решил насолить папочке Лив, самому известному и могущественному боссу Нью-Йоркской мафии Эйдену Мартинесу и «как последняя собака, зажать от него положенные сто пятьдесят штук в месяц», мотивируя это тем, что «торговля его вонючими наркотиками в этом месяце шла не так бойко»... «В общем, дочь, завтра же разберись с этим тараканом, я ему это так не оставлю!» – громыхнул рассерженный, как туча пчел, Эйден уже

практически засыпающей лицом в подушку и давно уже потерявшей нить его гневного повествования Лив, отчего она подпрыгнула в кровати, моментально очнувшись и случайно пихнув раскинувшегося в расслабленной позе и сладко спящего Джонни, тут же получив от него совет «договорить с отцом в каком-нибудь другом укромном месте, желательно на обратной стороне Луны или еще где-нибудь, только подальше от их спальни», потому что «тут кое-кто пахал весь день» и, видите ли, «отдыхает»...

Лив задумчиво, но совершенно безэмоционально изучила вывеску и черную парадную дверь, почесав колено, которое, равно, как и другое, принадлежавшее девушке, колено было обтянуто стильными брючками из нежно-бежевой ткани, отлично сидящими на ее стройных ножках так же, как и белоснежная свободная блузка без рукавов с симпатичной, по мнению окружающих, золотой застёжкой на шее, украшенной россыпью изумрудов. Лив недовольно покосилась на свой наряд, который она считала жутко неудобным и, конечно, не в ее стиле и вкусе, но отец настоял на том, чтобы ее утренняя встреча с управляющим казино «Золотой Фазан» проходила в официальной обстановке, а не напоминала сомнительное свидание серьезного бизнесмена с девочкой-подростком, ученицей старших классов, которую, к тому же, пять раз оставляли на второй год.

Лив пришлось подчиниться, нехотя подозревая себя в том, что папуля каким-то непостижимым образом научился

достаточно сильно влиять на нее, что ей, конечно, не совсем приходилось по душе.

За прошедшие два года, что она стала работать вместе с ним, девушка научилась избирательно выполнять его просьбы, правда, отец никогда не знал, получит ли он в результате то, чего хочет: Лив продолжала плыть на своей собственной, оригинальной волне, не желая беспрекословно подчиняться и следовать четким инструкциям.

Просьба Эйдена надавить на хозяина подконтрольного ему заведения не стала для девушки чем-то неожиданным или новым, что могло вызвать в ней чувства взволнованности или раздражающей неуверенности. За пролетевшие пару лет, она выполнила не одну сотню подобных указаний отца, во многих случаях, не оставив у своих жертв какого бы то ни было желания встретиться с ней снова.

Лив откинула длинную белокурую прядку, непослушно закрывшую добрую половину ее удивительного, нежного лица, и посмотрела в зеркало заднего вида на второй черный «Кадиллак Эскалэйд», следовавший за ней по пятам, как назойливый комар.

В этот момент яркий солнечный зайчик, отразившись в зеркале ее «Кадиллака», так резко ослепил ее, что девушка зажмурилась, ощутив, как быстро стартанул внутри нее поезд раздражения, подталкивая наверх, к горлу, все ее внутренности. Разлепив глаза, один из которых теперь видел перед собой только большое, черно-красное пятно, Лив гневно

уоставилась вновь на сопровождавший ее автомобиль, как раз в тот момент, чтобы заметить, как один из ее телохранителей, Мартин Кларк, с беспечной и довольно наивной улыбкой убирает зеркальце в бардачок, а второй – Эдди Уокер, что-то серьезно и раздраженно ему выговаривает, виновато поглядывая на машину Лив.

Лив опустила боковое стекло и раздраженно показала в зеркало заднего вида маленький, но ощутимо весомый и грозный кулак, гневно прошипев: «Носорог debilный», после чего она легко выпрыгнула из машины и, звонко стуча высоченными шпильками белых, лакированных туфель, двинулась в сторону «Бильярдной Уорта», махнув незамедлительно выскочившим следом за ней охранникам, которых она ласково называла «суповым набором»:

– За мной.

Надо сказать, «суповой набор» получил свое прозвище не только из-за бурной, легко развивающейся в «ругательном» направлении фантазии сумасбродки Оливии, и даже не потому, что они оба напоминали смесь сырого мяса, перебитых хрящей и раздробленных костей, что не было, конечно же, правдой. С тех пор, как девушка стала работать вместе с отцом, успешно перевалив на свои хрупкие, но отнюдь не слабые, плечи некоторое количество его дел, «приставучий папаша», ставший, по мнению Лив, маниакально-депрессивным, склонным к паническим настроениям, испуганным «осиновым листом» в отношении единственной, оставшей-

ся живых дочери, сумел навязать сопротивляющейся всеми частями тела Лив свою опытную и «мудреную в различных таких делах» охрану. С тяжелым вздохом, устав от недовольных бурчаний Эйдена, Лив пришлось согласиться, но она вдруг заявила, что сама выберет себе подходящую парочку качков-преследователей.

После такого заявления Эйден устроил для дочери целый «модельный показ» тех, кто, по его авторитетному мнению, смог бы справиться с архиважной задачей по защите беззащитной малышки Оливии. «Модельный показ» изрядно повеселил девушку, она хохотала, уткнув лицо в плечо Джонни, и просила пройти перед ней от бедра «еще разок! Пожалуйста!» Джонни и отец лишь переглянулись хмурыми, обреченными взглядами, в которых явно пробивала броню серьезности веселая усмешка, но пожелание Лив приказали выполнить.

В результате, перед девушкой, один за другим, дефилировали не длинноногие, в различных модных мужских нарядах, утонченные и стройные юноши-нарциссы, а не менее длинноногие, но довольно тяжеловесные громилы-качки в одинаковых, на первый взгляд, черных костюмах, с большими, нередко лысыми или полу-лысыми головами, лицами, украшенными шрамами и другими следами «былых заслуг», и отнюдь не отличающиеся небрежным изяществом в одежде. В тот момент, когда Лив привередливо и обреченно разглядывала вереницу белых, хорошо откормленных стерои-

дами, лебедей раздраженным и уставшим взглядом больших бирюзовых глаз, она и увидела их.

В результате, в ее жизни появился высокий, худоватый, но крепкий и устрашающе широкоплечий Марти Кларк, который, помимо своей странной и наивной улыбки веселого простачка, являлся еще и счастливым обладателем ярко-зеленых коротких волос, стоящих по всей его голове в виде модных (правда, не для сорока двух-летнего взрослого мужчины) сосулук, сооруженных с помощью геля для волос и, наверное, чего-нибудь еще, потому что после нанесения этой адской смеси его волосами можно было спокойно рыхлить землю. Этот самый Марти стал настоящей «веселой проблемой» для Лив, потому что в отличие от остальных, угрюмо-серьезно-хмурых людей Мартинеса, включая и его двоюродного брата Эдди Уокера, не только не боялся Лив и ее угроз, но и умудрялся доставать ее своими шуточками и приколами, наивно полагая, что она не только не рассердится и не прикажет тому же Эдди пустить пулю в его расслабленный мозг, но и наоборот, будет счастлива от его бесконечных попыток поднять ей настроение.

А вот Эдди Уокер был полной противоположностью своему брату во всем. Тоже высокий, но довольно коренастый и крепкий, сорокалетний Эд выделялся в толпе ежиком ярко-красных, как бешеное пламя, волос, карими глазами и суровым видом, пугающим своей излишней суровостью прохожих на улице. Однако, в глубине души он являл собой во-

площение доброты, рассудительности и справедливости, отличался умением применять здравый смысл в сложных ситуациях и мог в любую секунду остановить своего импульсивного, зеленоволосого родственничка, который, с легкой улыбкой, не дрогнув ни одним мускулом, готов был спокойно поубивать всех вокруг, представляющих потенциальную угрозу для их подопечной.

Когда Лив разглядела в черно-серой, хмурой толпе этих двоих, то радостно захохотала и сообщила, что только их она всю жизнь и искала, поэтому именно они поступят в ее единоличное пользование и никто другой. Надо отдать девушке должное: в отличие от устоявшихся обычаев больших боссов относиться к своим охранникам, как к коровам, послушно бредущим за своим пастухом, Лив окружила их аурой благосклонного и даже дружеского отношения. Конечно, она не делилась со своей новоиспеченной свитой планами на будущее, равно, как и на текущий день, но общалась с мужчинами не как с бесплатным приложением, о которое можно вытереть милую пару обуви, а наоборот, как с дальними (правда, чуть более дальними, чем это обычно бывает) родственниками. По крайней мере, она обедала вместе с ними и проявляла уважение... в своей манере.

Подходя к черной, замызганной отпечатками рук и обуви, невзрачной двери, Лив вдруг резко обернулась, пристально посмотрев на Марти и ткнув пальцем в его грудь:

– И кстати, огурец, если я вдруг случайно ошибусь и вме-

сто колена этого самого... – Лив быстро и недовольно покосилась на вывеску заведения, припоминая имя владельца. – ...Уорта прострелю твое, то, прошу, не обижайся, это все дурацкое черное, пляшущее твист, пятно перед моим левым глазом от того самого невинного солнечного зайчика! – уже более гневно закончила она и, толкнув дверь, первой вошла внутрь, не удосужившись подождать, когда Марти начнет оправдываться или отшучиваться перед ней.

Проходя по серому коридору, впереди которого, в дверном проеме, виднелся зал с бильярдными столами, Лив услышала позади себя:

– Мисс Оливия, кажется, не в духе! – весело, но тихо (однако, с явным расчетом на то, что она его услышит) сказал Марти, чем-то позвякивая.

– Это ты будешь не в духе, Марти, когда она из тебя этот самый дух вышибет. – серьезно предупредил Эдди, и Лив незаметно усмехнулась: как же плохо все-таки они ее знают! В действительности, эта парочка ужасно импонировала ей, поэтому все ее угрозы были не более, чем плодом ее фантазии, который никогда не будет реализован на практике... Но разубедить наивных разноцветноволосых дядек она не собиралась.

В помещении оказалось около десятка игровых столов, половина из которых были заняты теми, кто предпочитал поиграть в бильярд в половину двенадцатого утра вместо посещения интересного и очень увлекательного места под назва-

нием «работа».

Около одного из столов терлась группа не очень презентабельных, похожих на тех, кто не прочь иногда побаловаться легкими наркотиками, мужчин, состоящая из пяти человек довольно помятого вида. Лив решительной походкой направилась к ним, улыбнувшись сияющей, счастливой улыбкой победительницы телевизионного шоу «Форт Боярт».

– Доброе утро, джентльмены! Кто из вас господин Уорт? – вежливо, но с плохо скрываемой угрозой в голосе, проговорила Лив.

Голоса смолкли по всему залу, и на секунду воцарилась тишина. Сложив руки на груди, Лив смотрела на пять пар настороженных, немигающих глаз, внимательно оглядывающих ее деловой наряд сверху вниз... Как вдруг, наконец, губы одного из мужчин, одетого в серый, немного испачканный на коленях, спортивный костюм, медленно проговорили:

– Это она. Прости, чувак, я сваливаю.

В следующую секунду Лив снова была буквально ослеплена, только уже сверканием пяток четверых трусливых дружков Уорта, бросив своего компаньона на растерзание еще контролирующей себя, но уже потихоньку начинающей звереть миниатюрной блондинки.

Оставшийся мужчина, который по праву мог называть себя Уортом, одетый в черный джемпер с горлом и серые, помятые брюки, медленно стал отступать к стене, нервно взъерошив свои темные волосы рукой и вытаращив на Лив

черные, вылезающие из орбит, глаза. В сочетании с высокими, угловатыми скулами его лицо напомнило девушке картинку одной странной рыбы – обитателя морских глубин и темных впадин, которую буквально плющило давлением, кое ей, в силу своих природных особенностей и превратностей судьбы, приходилось героически переносить своим тщедушным телом.

– К-кто вы??? Что... это... что вам нужно? – севшим голосом взволнованно спросил Уорт.

Лив улыбнулась и пожала плечами, медленно надвигаясь на него.

– Меня зовут Оливия Мартинес. Слышал когда-нибудь такую фамилию?? – мило, но гневно проговорила Лив, следя за реакцией пучеглазого. Как и ожидалось, он испуганно вздрогнул.

– С-слышал... Мисс Мартинес, я... это... честное слово...

– Значит, я могу не отвечать на твой вопрос о том, что мне нужно. Прекрасно. – Лив приблизилась к нему, устрашающе (для Уорта, конечно) сократив между ними дистанцию до метра, и теперь Уорт оказался припертым к серой, облупившейся стенке. – Тогда гони папины денежки, да побыстрее, у меня сегодня еще очень много дел.

– Я... это... – Уорт покосился на замерших позади Лив Эдди и Марти и взволнованно выдохнул, покрывшись потом. – ...Это... Я говорил мистеру Мартинесу... В этом месяце у меня почти не было левого дохода... Это... откуда я

возьму столько денег?.. – его вытаращенные глаза забегали по залу, видимо пытаясь подать сигнал мозгу о возможном пути отступления.

Лив вздохнула, резко начиная злиться.

– А папочка думает иначе, Уорт. Повторю второй раз, пока еще по-хорошему: гони бабки. Сто пятьдесят штук. Быстро, быстро! – импульсивно поторопила его Лив, нервно постукивая каблуком по полу. Уорт был трусливым, но жадным, и это второе его качество явно с лихвой компенсировало первое, потому что, несмотря на то, что Лив буквально видела, как трясутся его поджилки, он все равно держался, до последнего пытаясь сохранить деньги в своих руках.

Уорт сглотнул и потупился. Его стала бить мелкая дрожь.

– У меня... это... нет денег... Если можно, я заплачу в следующем месяце.

Лив буквально ощутила внутри себя взрыв злости. Ну почему она опять должна причинять кому-то боль?? Почему этот Уорт так сильно не хочет платить ее папаше? Из-за этого осла снова придется проводить показательное выступление, того требуют законы мафиозной семьи. Чертова мафия!

– Конечно, можно. Ты заплатишь в следующем месяце, скат расплющенный, а еще – ты заплатишь в этом. Предупреждала же: давай по-хорошему! – с этими словами Лив кивнула Марти и Эдди.

Личная охрана принцессы мафиозного клана всегда понимала ее с полуслова. В мгновение ока мощный кулак Эдди

два впечатляющих раза встретился с лицом Уорта, уронив его на пол, как груды костей в поношенном тряпье, а затем, обладатель милой улыбки с отблеском зелени легко подхватил его и уложил на бильярдный стол, по дороге крепко приложив беднягу затылком об лампу, нависшую над зеленой поверхностью стола. Крепко держа за обе руки пытающегося вырваться или, хотя бы, сесть, Уорта, Эдди и Марти с любопытством посмотрели на Лив, явно гадая, что она будет делать дальше.

– Мисс Оливия, может, убьем его? – наивным голосом, но без тени шутки, спросил Марти.

Лив взяла лежащий на столе бильярдный кий и, размахнувшись, врезала им по стене. Кий переломился на два грустных, деревянных кия поменьше, с зазубренными краями. Легко, несмотря на каблуки и офисную одежду, девушка взобралась на стол и, наклонившись к Уорту, приставила осколок кия к его шее. Тот забился сильнее, особенно когда заметил, как разозленно засверкали ее аквамариновые глаза. Он успел даже мимоходом отметить, что она чертовски красива... Прямо завораживает, особенно этот уверенный блеск в ее взгляде... Жаль, что эта милашка с неукротимым нравом – дочь того самого ублюдка, который каждый месяц практически полностью выкачивает из него весь доход от продажи марихуаны...

Из задумчивости его вывели слова «милашки», которые были адресованы ее зеленоволосому быку:

– Да, Марти, конечно, кончай его сию же секунду... – Лив раздраженно посмотрела на охранника. – Придурок ты, что ли?? А сто пятьдесят штук я отцу из своего кармана платить буду? Или из твоего жалованья?? А может, я их в воздухе нарисую и материализую силой мысли, использовав энергетическое поле удачи, как пишут в книжках для законченных лузеров и тюфяков??? Совсем ты уже!!! – она покрутила у виска и вновь перевела ядовитый взгляд на Уорта.

– Так, мистер выпуклые глазки, слушай сюда: если ты не заплатишь моему папаше долг, то он завтра же даст копам шикарную наводку на одного потрепанного распространителя марихуаны, прячущегося под личину хозяина задрипанной бильярдной... И тогда тебе крышка, дружок. Думаешь, – Лив с силой надавила обломок кия в его шею, пуская кровавую дорожку, – ты успеешь сделать ноги? Не волнуйся, мой отец никогда не останавливается на полпути, и тебя он найдет, даже если ты прикинешься кактусом в чьем-нибудь уютном садике. Усек, кретин? А теперь – гони бабло.

Но Уорт хотел пойти до конца. Из-за покровительства Мартинеса и своих личных долгов вся прибыль от подпольной игры в покер и продажи марихуаны испарялась, как дождевая лужица на солнцепеке... Он должен рискнуть и переломить ход событий... Если только они не переломят его самого...

– Ничего я не отдам! У меня... это... нет денег! Слышишь? Если... это... хочешь, можешь приказать этим цвет-

ным обыскать меня...

– Цветным?!? – захохотал Марти, а его глаза недобро блеснули. Ни Эдди, ни Лив просто не успели даже шевельнуться, как Марти молниеносно схватил Уорта за нос и лихо крутанул. Послышался совсем даже не неожиданный, неприятный хруст – и из носа пучеглазого полилась кровь. Он заверещал, конвульсивно дергаясь и зажмурившись от брызнувших из-за боли слез.

Лив поморщилась, недовольно посмотрев на Марти. Точно таким же взглядом его наградил и Эдди, сопроводив его, вдобавок, несколькими непечатными словечками.

Лив подкинула кий в руке и, ловко поймав, проговорила: – Извини, Уорт, сломанный нос не входил в список издевательств, которыми я хотела тебя помучить... – она перевела гневный взгляд на весело улыбающегося Марти и процедила:

– А с тобой я позже разберусь, огурец, не расслабляйся!

– А что я такого... – начал было Марти, но Лив уже не слушала. Она снова смотрела на всхлипывающего Уорта.

– Ну что, дружок? Надумал платить? Или мы втроем выгядим неубедительно?

Уорт захлебывался собственной кровью, которая лилась ему из носа прямо в рот и горло, но он все же сумел выдать:

– Мне... нечем... платить.

– Жаль. – разозлилась Лив и, резко размахнувшись, вса-

дила осколок кия прямо в ладонь Уорта. Тот завизжал еще громче и каким-то не своим голосом, отчего сердце девушки резко и очень болезненно вздрогнуло от жалости и неприязни к самой себе... Черт возьми!! Ну почему она делает это??? Почему этот странный, лупоглазый оборванец страдает от ее руки? Он ничего не сделал лично ей... Папаша, который десятилетиями руководит хладнокровной и жестокой мафиозной семьей, считает подобные издевательства над теми, кто попытался сделать хоть что-то не по его плану, делом повседневным и обыденным, посылая свою дочь выполнять эту грязную, совсем не для ее женского сердца и натуры, работу, совершенно не понимая, что творится при этом в ее душе... Она казалась твердой и жестокой, она натягивала маску безразличия в его присутствии ради того, чтобы не выглядеть слабой в его глазах, но на деле ее внутренний мир каждый раз проходил испытание на прочность ее моральных принципов... И лишь Джонни мог всегда понять ее, он угадывал любые ее эмоции и скрытые чувства по одному только взгляду, ему не нужны были слова, и только с ним Лив могла быть искренней.

Пока Уорт конвульсивно извивался с обломком кия в руке, Лив спрыгнула со стола, машинально отметив, что брызги его крови попали на ее брюки, и ощутив подступающую тошноту где-то в районе горла.

– Ладно, Уорт, даю минуту на отдых... – Лив медленно двинулась вдоль зала, распуская остальных посетителей,

с ужасом наблюдавших за происходящей, довольно нелюбезной сценой, а теперь в темпе линяющих из зала, как аквариумные рыбки гуппи из ракушки. – А у тебя тут как-то мрачновато... Надо бы стены перекрасить... И парочку натюрмортов повесить, для повышения спроса на орешки из буфета... Не находишь? – Лив неспешно прогуливалась по периметру зала, как ее внимание кое-что привлекло. – О, выпуклые глазки, а тут какая-то дверка! Не возражаешь, если я загляну?..

Уорт с ужасом дернулся, но затем, обреченно признав свое поражение, безвольно обмяк и сокрушенно притих.

Лив толкнула замаскированную под серые стены с облупившейся краской низкую, деревянную дверь и очутилась в комнате. Внутри никого не было, зато все внимание привлекал стол, на котором беспорядочно были разбросаны карты, фишки, кости и... деньги. Много денег, целые пачки...

– Так-так... Малыш Уорт, да ты, оказывается, великий выдумщик нашего времени! – с усмешкой проговорила Лив и вернулась к столу. – Эдди. Собери сто пятьдесят штук из той комнаты. Марти, поддержи его... Полегче, ты же его в лепешку превратишь! – прикрикнула на зеленоволосого девушка, увидев, как тот с радостью схватил Уорта за шею и извлек из него душераздирающий хрип.

Лив наклонилась к налитым кровью, едва державшимся в орбитах, глазам и покачала головой:

– Скот, ты что, любишь, когда из тебя делают боксерскую

грушу? Заплатил бы сразу – ничего из этого, – она картинно обвела рукой его сломанный нос и руку с торчащим из нее кием, – не было. Мне не важно, умрешь ты, или будешь жить. Но это имеет значение для моего строгого папули. Он может быть очень жестоким и опасным, Уорт, не играй с ним в детские игры.

В этот момент подошел Эдди и протянул Лив пачку денег с самым, что ни на есть, скорбным видом. Лив вздохнула и выдернула кий из руки несчастного хозяина бильярдной. Достав зажигалку, которая когда-то давно принадлежала Бобби, одному из первых, после ее возвращения в Нью-Йорк из Сицилии, охранников, погибших в ту самую роковую ночь, когда была убита Джессика, ее сестра, и почти убита сама Лив, девушка спокойно посмотрела на Уорта и ухмыльнулась:

– Расслабься, пучеглазый, мы уже уходим. А в следующем месяце постарайся сделать так, чтобы нам не нужно было возвращаться, иначе я просто раскатаю бульдозером твою дыру. Не люблю делать по десять раз одно и то же. – с этими словами она подожгла кий и, дождавшись, когда он загорится устойчивым и крепким пламенем, сунула его на полку, где торчали остальные, только целые и, пока еще, невредимые инструменты игры в бильярд.

Уорт с ужасом смотрел, как коварная огненная змейка зашпешила к деревянному перекрытию, а затем, с большим аппетитом увлеченно перекинулась на остальные деревянные

кии, медленно, но целенаправленно уничтожая их один за другим.

– Идем. – приказала Лив охранникам и, уверенно и грациозно снаружи, но разбито и отвратно внутри, зашагала к двери, бросив через плечо:

– Туши давай, придурок, а то придется столами торговать, а это не такой прибыльный бизнес!

И все трое исчезли за дверью.

Глава 2

Погрузившись в угрюмое молчание, прерываемое лишь на то, чтобы пригрозить нагонявшему ее автомобиль «Эскалэйд-ду» с Марти и Эдди, которые развлекались тем, чтобы подъехать к девушке вплотную и глупо помахать рукой... точнее, махал один придурочный, с зарослями сорняков на голове, пустившими свои корни, судя по всему, глубоко в мозг и тем самым хорошенько повредив его, а второй, человек-феникс, только виновато разводил руками и что-то выговаривал веселому братишке, который с блаженной улыбкой разглядывал машущий ему женский кулак и ловил на себе молнии от взгляда Оливии. Девушка злилась, но внутри нее что-то как будто отпускало после той ситуации в бильярдной... Будто эта наивная и простая улыбка Марти помогала ей преодолеть неприязнь к себе, которая болталась на границе с абсолютным самопрезрением и ненавистью к своим действиям, к своим дурацким, стильным брючкам, на которых прояви-

лись пятна крови Уорта, будто насмешливая, горькая проекция пятен грязи на ее душе, к своим рукам и словам и той жизненной, веселой, как помойка на пустыре, ситуации, из которой она, дочка могущественного мафиозного босса и его единственная наследница, никогда не выберется.

По плану, следующим пунктом, который посреди ночи обозначил ей деловой Эйден в телефонную трубку, была проверка финансового отчета по казино за прошедший месяц. Зная, что отец и Брайан уехали на какую-то важную сходку, Лив решила заняться напряженным глазением на колонки цифр и болезненным для неподготовленных извилин финансовым анализом в тайном убежище отца – в клубе «Иль чьело стелато».

Охрана беспрепятственно пропустила ее в кабинет с таким знакомым уже дубовым столом, чопорными, с намеком на роскошь, диванами из натуральной крокодиловой кожи и прочими неизменными вещами, которые так сильно впитали в себя железный дух Эйдена Мартинеса, что Лив иногда ожидала, что настольная лампа или ежедневник ее папочки откроют жесткие, как сталь, глаза и, прочистив горло, со всей дури громыхнут на нее характерным для Эйдена низким и повелительным тембром.

Лив прошла за дубовый стол, плюхнувшись с разгона в удобное кожаное кресло и в который раз с раздражением посмотрев на свой «наряд деловой и серьезной женщины», окропленный неподдающимися никакой здоровой характе-

ристике свежими пятнами крови. Послав Марти на поиски шоколадного чиз-кейка, Лив вздохнула и окунулась в бездну цифр, сравнивая колонки с предыдущими показателями и отчаянно пытаясь не уснуть, в чем ей сильно помогало принесенное лакомство и разговоры, перемежающиеся с хохотом Марти, за дверью.

Плавая между финансовыми показателями и реальностью, Лив вдруг заметила кое-что из ряда вон выходящее, кое-что, что своими многочисленными нулями даже в колонку с трудом помещалось, и то – при уменьшенном втрое размере шрифта...

– Ну, Джонни, дубина, готовься к виселице! – воскликнула в сердцах Лив, гневно набирая номер своего единственного и горячо любимого мужа. Жуя чиз-кейк и нетерпеливо слушая длинные гудки, девушка яростно смотрела на вызывающую, мягко говоря, сомнение статью расходов в отчете и сочиняла всевозможные пункты назначения, куда «благотворительный фонд имени Джонни О-Коннела» может пойти вместе с тем физическим или юридическим лицом, которому ее муж так щедро разрешил отмыть свои денежки. Вроде бы, он должен быть на переговорах с поставщиками элитного алкоголя для сети умопомрачительно дорогих ресторанов «Колизей», предназначенных для тех денежных мешков, у которых немолодая, холщовая ткань успела достаточно сильно прохудиться. Эти рестораны когда-то принадлежали отцу Джонни, боссу другой мафиозной семьи Оливеру

О-Коннелу, а после свадьбы Лив и Джонни им посчастливилось перейти в руки к его беспечному и веселому красавчику-сыну, умеющего, однако, иногда убедительно изображать серьезность и жесткость.

Наконец, долгожданный голос Джонни сменил противные гудки, и Лив, не смотря на гнев, ощутила десятикратные теплые вспышки внутри себя при звуках такого горячего, чертовски обаятельного и бесконечно любимого тембра.

– Лив? Что стряслось? Я, вообще-то, немножко занят... – влиятельно и серьезно проговорил он, что могло навести только на мысль о том, что рядом с ним действительно сидел кто-то, на кого необходимо было произвести благоприятное впечатление, но Лив все равно уловила то самое, что заставляло ее таять от любой его фразы. То самое энергетическое тепло, которое было адресовано только ей и принадлежало только ей...

– Джонни!!! – громыхнула Лив, получив в ответ эхо, отлетевшее от стен пустого помещения и вернувшееся к письменному столу, заставив ее поморщиться: надо же – заорала, прямо как папаша! Нужно срочно вычеркнуть из расписания встреч с ним пару дней, пока у нее не выросла щетина и не возникла непреодолимая тяга подымить дорогими, но от этого не менее вонючими, сигаретами... – Какого черта ты опять используешь мое казино в качестве дома для пожертвований нищим и безруким, а может, еще и безмозглым инвалидам???

Джонни весело вздохнул.

– Судя по всему, ты добралась до отчета...

– И до тебя доберусь, идиотина! Какие еще три миллиона на переделку освещения в главном зале??? Только если ты и твой новый дружок, которых ты ухитришься подцеплять чуть ли не каждый день, уж не знаю, на какой выставке пожизненных неудачников, не собираетесь украсить весь потолок люстрами из платины, инкрустированными огромными бриллиантами, я клянусь, я прибью и тебя, и этого чертового пройдоху вашими же тремя миллионами, снятыми с карточки в ближайшем банкомате!!! Ты вообще в своем уме??? Мое казино тебе что, сортир для отмывания чьих-то грязных бабок??? – кричала Лив в трубку, пылая гневом и ощущая, как горят ее щеки.

Джонни рассмеялся.

– Неужели из-за какого-то, как ты выразилась, «пройдохи» и пожизненного неудачника ты уже готова стать вдовой в столь юном возрасте? Между прочим, этот пройдох... Лив, давай обсудим этот вопрос позже? Я на совещании.

Лив вдруг услышала на заднем фоне у Джонни какой-то шум и томный женский голос отчетливо проговорил:

– Джонни, закажем шампанское? Я предпочитаю «брют»

...

Услышав это, Лив вздрогнула от громкого щелчка внутри ее головы: так ее бешеный гнев переключается на не менее бешеную ревность. Она ощутила пульсацию по всему ор-

ганизму, кровь побежала по ее венам, спеша и спотыкаясь в каждом органе ее тела, а сердце яростно взвыло... Чертов Джонни!!! Любитель заигрываний и мечта всех женщин на земле!!! Угораздило же ее полюбить именно такого мужчину, которого вечно приходится выцарапывать из чьих-нибудь цепких, наманикюренных ноготков...

Как в тумане Лив услышала обходительный, с игривыми нотками, но достаточно деловитый ответ ее мужа:

– Конечно, Летиция. Все, что пожелаешь. – и затем, ближе к уху Лив:

– Лив, я освобожусь через час, встретимся и поговорим...

«Лив». Ревность, которая маршировала в глазах девушки на пару с желтыми кругами, угодливо подсунула ее мозгу мысль, что Джонни нарочно не называет ее привычным «Оливка» рядом с этой Летицией... Значит... значит... он... она... они...

– Джонни. – прошипела Лив, еле сдерживая связки от бешеного крика. – Что еще за Летиция??? Что ты делаешь с шампанским и какой-то там чертовой Летицией, а самое главное – где??? Отвечай немедленно, или я из тебя подушечку для иглолок сделаю!!! Живо, Джонни, адрес!!! – уже гневно крикнула она, все-таки не удержавшись, а Джонни тепло рассмеялся:

– Лив, у меня переговоры, я же говорил тебе сегодня о них, помнишь? Не кипятись, через час я освобожусь, приеду к тебе и отвечу на все, интересующие тебя вопросы, идет? –

он говорил тепло и спокойно, и Лив еще больше взбесилась, резко подскочив на ноги и полетев к двери, за которой, по обыкновению, должны были торчать Эдди и Марти, на ходу проклокотав в трубку:

– Джонни, идиот, если ты не скажешь, где ты, через час можешь приходить закованным в рыцарские доспехи, потому что то, что я собираюсь с тобой сделать, без брони ты вряд ли переживешь!

Она выглянула за дверь и многозначительно посмотрела на Эдди, затем указала на свой телефон и одними губами шепнула: «Проследи звонок». Эдди кивнул и, достав свой сотовый, развел бурную деятельность, бомбардируя звонками каких-то бедняг.

Тем временем, Лив, летающая на крыльях жгучей ревности, услышала строгий, приобретший жесткие, беспрекословные интонации ответ Джонни:

– Все это очень мило, Лив, и я бы с удовольствием узнал, что еще ты думаешь обо мне в эту секунду, но мне, к сожалению, пора. Не хочешь встречаться через час – увидимся вечером. Пока.

Короткие гудки.

Лив сжала зубы и кинула телефон на стол. Вцепившись руками в свои длинные, пышные волосы, она попыталась успокоиться. Это всего лишь переговоры. Только переговоры. Джонни ни с кем не заигрывает, никого не обольщает, он договаривается о поставках алкоголя с... Лив вдруг неужи-

данно припомнила, что сегодня утром, притворившись реактивным двигателем и разгоняя воздух по квартире в попытках собраться и позавтракать за двенадцать с половиной минут, Джонни мимоходом беспечно протрещал, что будет встречаться с каким-то там... Дорианом Валентайном, владельцем чего-то там... Лив не помнила. Но это уже не важно. Важно то, что Дориан Валентайн никак не мог говорить томным, призывным, а главное – женским голосом с кошачьими интонациями животного в весенне-обостренный период и покачивать бокалом прохладного «брюта» в руке...

– Чертов Джонни!!! И откуда вообще выкатилась эта любительница золотых пузырьков с явной аллергией на сахар и нездоровым интересом к чужим зеленоглазым красавчикам с дуплом в голове??? Я из него фарш накручу!!! – погрозила кулаком в воздух Лив и в этот момент услышала позади себя:

– Что, мисс Оливия, опять ревнуете бедного мистера О-Коннела? С кем он на этот раз?

Лив обернулась и увидела блаженного Марти, с милой, но глуповатой улыбкой следящего за ней, подперев своим широким плечом дверной проем. Он знал о том, что Оливия разрушительно и импульсивно, неистово и страстно ревнует своего чертовски обаятельного и неотвратимо притягивающего женщин муженька, ревнует... Ко всем на свете.

– Если она старая и страшная, с бородавкой на носу и культяпкой вместо левой ноги, я прошу ему все и не буду мешать пить дальше свою кислятину и наслаждаться роман-

тическим обществом друг друга. – воодушевленно пофантазировала Лив, даже весело усмехнувшись от удовольствия, мечтая, чтобы хотя бы эта ее мысль воплотилась в прекрасную реальность.

Марти рассмеялся и добродушно пожал плечами. В кабинет вошел Эдди и с самым официальным видом сообщил:

– Мисс Оливия, мистер Джонни О-Коннел сейчас в ресторане «Колизей» на Хай-Уоллей-стрит.

– Отлично! Поехали! – обрадовалась девушка.

В ресторане они были уже через десять минут бешеной гонки, включая езду на красный свет и пару вылетов на встречную полосу движения. Администратор, милая девушка лет двадцати, тепло поприветствовала Лив, натянув дежурную улыбку: она прекрасно знала, кто такая эта рассерженная, миниатюрная блондинка, и с интересом покосилась на ее, необычного цвета, сопровождающих.

– Где мой муж? – вежливо, но с нажимом спросила Лив, сложив руки на груди. Девушка немного испуганно потупила взгляд:

– Простите, миссис Мартинес, у него важная встреча, он просил не беспокоить...

Лив слегка наклонила голову, испепеляюще глянув на нее.

– Веди. Немедленно. Не бойся, он тебя не накажет.

Девушка недоверчиво улыбнулась, но со вздохом подчинилась: с различного рода мафиозными дочками было опасно пререкаться, особенно для здоровья... О характере же-

ны владельца «Колизея» наслышан был весь персонал. Жаль, что он выбрал ее, и какая муха его укусила? А такой деловой и эффектный молодой мужчина, красивый, сильный, обаятельный... Такие мысли крутились вихрем в голове администратора, пока она вела Лив и ее неформатную охрану к закрытой кабинке, где и находился хозяин заведения собственной персоной.

Распахнув чистую, с золотыми узорами на матовом, непрозрачном стекле дверцу, администратор вытаращила наполненные благоговейным ужасом глаза на Джонни, удивленно и немного сердито сверкнувшего на нее взглядом зеленых глаз.

– Прошу прощения, мистер О-Коннел... Я... я сказала, что вы заняты, но...

Джонни перевел взгляд с администратора на стоящую позади нее Лив, внимательно и с открытым, мощным вызовом разглядывающую его партнера по переговорам, за спиной которой возвышались две мощные фигуры в черных костюмах с разноцветными головами. Насмешливо и обреченно вздохнув, он спокойно посмотрел на девушку-администратора и проговорил:

– Все в порядке, Бет. Ее даже солнечный удар во время землетрясения не остановил бы. Можешь идти.

Девушка зарделась, украдкой взглянув в его горячие зеленые глаза, и удалилась, мысленно уничтожая Оливию самыми страшными способами, о которых только знала.

Лив с триумфальной улыбкой и злорадным сиянием в глазах посмотрела на Джонни, чуть приподняв брови. На самом деле ей удавалось тщательно скрывать такое знакомое ей, радостное чувство восторга, тепла и трепетной любви, которое всецело поглощало роль холодной и язвительной тигрицы и замещало ее на неистовое желание прильнуть к нему, окунуться в такую обожаемую ею ауру тепла, исходившую от него, ощутить себя в его крепких объятиях и целоваться с ним, пока не наступит поздняя ночь... Она не удержалась и бросила жадный взгляд на его губы... в прочем, через секунду опомнившись. Джонни же, вопреки всему, заметил его, и в его ясных, и таких очаровательных и игривых зеленых глазах вспыхнул горячий огонек.

Он выглядел прекрасно в модном, черном пиджаке с застегнутыми до локтей рукавами, темно-синей футболке, привлекающей женский взгляд к его крепкому, мускулистому телу, черных брюках и дорогих туфлях. Но Лив не замечала его небрежного, обольстительного стиля, она и утром видела, в какую одежду он одевался. Каждой клеточкой своего тела она чувствовала и впитывала, впитывала этот его шар раскаленной энергии, шар тепла и обаяния, мужества, силы, страсти, что так мощно притягивал ее.

И к ее огромному раздражению, сияние темноволосого, зеленоглазого красавчика с невероятной, сражающей наповал, искрометной улыбкой, демонстрирующей очаровательные ямочки, замечала не только она.

За столом, на диванчике напротив, в уверенной и довольно красноречивой позе сидела женщина. Лив отклеила свои большие аквамариновые глаза от созерцания чертового, сводящего ее сердце и мозг с ума, мужа и посмотрела на эту видную дамочку. Она тоже была блондинкой, с прямыми (в отличие от кудрявой и вечно непослушной гривы до талии у Лив), зачесанными назад и заколотыми по бокам двумя заколками из явно не дешевого и явно не полудрагоценного металла волосами, идеальным, будто для съемок голливудского блокбастера, гримом, то есть макияжем, умело скрывающим на ее немного вытянутом, но, при не очень внимательном рассмотрении, все же не отталкивающим лице мелкие морщины, которые имеют обыкновение возникать у женщин, переступивших сорокалетний порог, а так же подчеркнутым крупными серыми глазами на фоне тонкого, длинного носа и пухлых, малиновых губ.

За пару секунд испещрения этой особы недобрым взглядом, Лив успела заметить, что она довольно худая и достаточно высокая: ее длинные ноги, обутые в лакированные полусапожки, не помещались под столом, а потому были сложены, одна нога на другую, около него. Женщина была одета в темно-фиолетовое плотное платье с пышной юбкой из дорогой ткани, поверх которого был накинут вязаный, малиновый кардиган. Ее взгляд – взгляд хищной птицы, заметившей очередную жертву, открыто блуждал по лицу Джонни и его фигуре, светясь изнутри триумфом и игривым флиртом.

Лив холодно и красиво улыбалась, откинув свои длинные, роскошные волосы за спину, но в голове ее ярко светились картинка, как она опрокидывает стол со всей посудой прямо на эту дамочку, затем использует вилку, чтобы нанизать на зубчики оба ее глазных яблока и, в довершении прекрасного, мстительного образа, ломает ей все пальчики на руках, один за другим, один за другим... Может быть, тогда Джонни перестанет смотреть на нее, как на клубничный десерт...

– Оливка. Ну и что ты здесь делаешь? – со скрытой, самодовольной усмешкой проговорил Джонни, окидывая девушку огненным взглядом.

Лив пожала плечами и плюхнулась рядом с ним, также, как и Летиция, закинув ногу на ногу. Невозмутимо заглянув в его тарелку, туда, где виднелись жалкие останки некогда вкусного салата, из которого сумели сохранить себе жизнь только помидорки черри (она знала, что Джонни их терпеть не может), Лив непринужденно схватила его вилку и с самым счастливым видом сунула один из отвергнутых мужем помидоров себе в рот, весело проговорив:

– О, это вышло случайно, Джонни: мы с ребятами ехали мимо... И мне вдруг ужасно захотелось поздороваться лично с Дорианом Валентайном... – Лив перевела жесткий, пренебрежительный взгляд на Летицию, которая спокойненько потягивала из бокала шампанское и с большим, однако очень заметно снисходительным, интересом и каким-то агрессивным, хорошо скрытым напором соперницы изучала девушку

с ног до головы. – Кстати, ты случайно не знаешь, где он? – язвительно спросила Лив у Джонни, не сводя при этом грозного взгляда с его, так называемой, партнерши.

Джонни не удержался и улыбнулся, мимолетом обжигаяще посмотрев на Лив.

– Он не смог приехать. Ты ради этого пришла? Мне казалось, у тебя сегодня много дел. – намекнул он и посмотрел на Эдди и Марти, зависших у входа в кабинку. Лив, конечно, поняла намек, но уходить ей очень сильно не хотелось... Особенно после того, как она лично убедилась в намерениях Летиции очаровать и присвоить себе ее Джонни.

– День только начался. – мило улыбнулась Лив, сверкнув на Джонни злым взглядом. – Ты вроде что-то там говорил о совещании и важной дребедени, которую необходимо было обсудить в столь интимной обстановке? Ну так продолжай, мы не будем тебе мешать.

Лив снова подцепила помидорку и с самым сияющим и довольным видом отправила ее в рот, глядя на Летицию в упор. Та вдруг усмехнулась и, посмотрев на Джонни, проговорила неожиданно низким, чуть хриловатым голосом:

– Джонни, дорогой... Это она? Та самая крошка Оливия Мартинес?

Лив удивленно посмотрела на Джонни и захохотала:

– Ничего себе! Моя популярность в этом городе скоро вынудит меня передвигаться по улицам только ночью и только короткими перебежками, чтобы фанаты не разорвали мое, и

без того не очень большое, тело на сувениры и мясной гербарий... Второй раз за сегодня слышу в свой адрес неопределенное «это она». – в ту же минуту, резко посерьезнев, она перевела гневный взгляд на Летицию и угрожающе проговорила:

– Предупреждаю, еще раз услышу слово «дорогой» по отношению к моему мужу в твоём исполнении – и твои шикарные заколочки будут торчать из твоих ноздрей, создавая препятствие к поглощению десертов, выдуванию горячительных напитков и вообще к любым действиям, в которых могут быть хоть как-то замешаны губы...

Джонни дернул Лив за локоть, едва сохраняя свою физиономию кирпично-серьезной и удерживаясь от оглушительного хохота только мечтой о положительном окончании этой деловой встречи, и возмущенно проговорил:

– Оливка, прекрати немедленно! Ты в своем уме? Если тебе лень вести машину, то я сейчас же закажу тебе такси!

Летиция же, не сдерживаясь, холодно и надменно рассмеялась:

– Уже боюсь, крошка! А ты действительно похожа на своего отца. По крайней мере, толстокожий характер кое-кого из семейства носороговых тебе явно достался по наследству. А это кто такие? – вдруг с любопытством спросила она, глядя на улыбающегося ей широченной улыбкой и яростно подмигивающего Марти и угрюмо изучающего начищенную до блеска напольную плитку Эдди с выражением апокалипсиса

на лице.

Лив чуть гневно прищурилась.

– Это – моя охрана. Зеленый и красный.

– Да? – удивленно спросила Летиция. – И почему они такие?

Лив пожала плечами.

– Ошибка природы... Необычная, но красноречивая мутация гена в соответствии с некоторыми выдающимися чертами характеров... Откуда мне знать? Зеленый мне все разрешает, поэтому он – зеленый, а красный страдает излишней осторожностью и вечно лезет с запретами и предостережениями, поэтому он – красный.

– Как дела, малышка? – вдруг шепнул Летиции «зеленый», и она холодно усмехнулась, испепелив его презрительным серым взглядом.

Джонни закатил глаза и снова посмотрел на Лив. Девушка встретилась с ним взглядом и поняла, что наряду с игривым весельем в его зеленых глазах потихоньку начинает расти недовольство и гнев. В ее мозгу неожиданно проснулся здравый смысл, который услужливо подсказал, что она действительно может сорвать ему сделку... Лив опустила глаза, ощутив, как ее сердце пронзил стыд. Летиция, тем временем, снова переключилась на нее:

– Я много слышала о тебе, Оливия. Ты... – она вдруг замерла, удивленно и неприязненно вылупив серые глазищи на ее брюки. – Это что, кровь?!?

Лив спокойно и даже весело проследила за ее взглядом и тоже посмотрела на эти ненавистные пятна крови Уорта на ее брючине... Ей до ужаса захотелось проклясть себя и свою жизнь, провалившись с этого мягкого диванчика прямо в ад... Но на лице отражалась лишь беспечная улыбка... Джонни тоже вопросительно посмотрел на нее, хотя в его зеленых глазах значилось больше понимания, чем в гляделках Летиции. Лив усмехнулась:

– Это?? Ах, да... Я оказывала первую помощь пострадавшему... псу. Беднягу сбили машиной и бросили умирать у обочины... Кто-то же должен был осмотреть раны и сделать несчастному непрямой массаж сердца! Люди в наше время – просто воплощение бездушной жестокости... – язвительно, без единой запинки выдала душещипательное вранье девушка, для наглядности театрально покачав головой.

– Э-э-э... Мисс Оливия, я чего-то не понял... – вдруг задумчиво подал голос из дверного проема господин сама Обаятельность, перестав, наконец, моргать глазом в сторону Летиции в припадке нервного тика, и почесав свои изумрудные сосулины. – Это вы сейчас Уорта, что ли, псом назвали?.. Так вы же сами ему обломок кия в руку...

– Заткнись, тупица! – прошипел Эдди, одарив братишку грозным взглядом и тычком в ребра.

Лив закатила глаза и, раздражаясь со скоростью света на себя за то, что выбрала в свои провожатые великовозрастного ребенка, прошипела:

– Еще слово, огурец, – и завтра ты будешь дефилировать с потрясающим, изящным, подобранным под цвет волос, канцелярским зажимом на губах!! Придурок.

Джонни и Летиция переглянулись и дружно расхохотались.

– Джонни, *дорогой*... – Летиция сделала особый упор на этом слове, с наслаждением глядя на реакцию Лив, которая резанула ее гневным, уничтожающим все живое, взглядом. – Эта девочка – просто прелесть! Этакая дикая смесь отвратительного, испорченного характера тринадцатилетней девочки и довольно-таки, хоть и с большой натяжкой, но вполне презентабельного вида взрослой женщины! Зачем ты женился на ней?

Лив от такой наглости чуть не захлебнулась ядом. В ее голове суетливо забегали огненно-красные строчки, наполненные яростными угрозами и крепкими словечками, но посвятить окружающих в ход своих мыслей она не успела. Джонни встал и, подхватив ее под локоть, легко направил к выходу, игриво улыбнувшись Летиции:

– У нее богатое приданое. И к тому же, ты бы только знала, как божественно пахнет ее шампунь! – Джонни подмигнул Лив, которая обиженно и возмущенно пилила его взглядом. – Извини, Лети, я сейчас вернусь, только провожу Оливку до машины.

Летиция благосклонно кивнула, послав ему нежный взгляд, а его жене – вызывающий и дерзкий. Лив тоже в дол-

гу не осталась, правда, на ответное уничтожение глазами ей было выделено не более секунды: Джонни нетерпеливо вытащил ее из кабинки и повел к выходу из ресторана.

– Глупышка Лив, ты зачем приехала?!? – возмущенно прошептал ей на ухо Джонни, пока они двигались по залу к парадной двери. Лив чувствовала, что он злится на нее за ее ревнивое и ужасно идиотское появление, но все-таки не настолько, чтобы не среагировать на ее нежный взгляд и игривую улыбку. Секунду поглядев в ее глаза, Джонни с улыбкой вздохнул, и его рука нежно переместилась от локтя Лив к ее ладони. Ощувив его горячую, сильную ладонь, девушка чуть сжала пальцы, чувствуя, как резко в ней поднимается горячая волна откуда-то из глубин ее сердца, заставив ее щеки слегка порозоветь.

– Ты должен был встретиться с каким-то там Дорианом Валентайном! А вместо этого жуешь салат с помидорами в приватной кабинке на пару с чертовой... Летицией! – возмущенно прошептала она, любуясь его красивым профилем и наслаждаясь внутренним огнем, который он незамедлительно пробуждал в ней. – И мне не понравилось ее мяуканье в трубке, когда мы говорили!

Джонни ухмыльнулся и огненным взглядом посмотрел на Лив. Его зеленые глаза весело искрились, нежно оглядывая ее лицо.

– Чтобы ты знала: это Летиция Валентайн, дочка «какого-то там» Дориана Валентайна, который сегодня просто не

смог встретиться со мной из-за своих неотложных проблем, но зато прислал ее, чтобы мы обговорили условия нашего сотрудничества... Глупая, милая, ревнивая Оливка! – горячо шепнул он ей в волосы, сжав в ответ ее руку и подарив стремительно сдающей позиции от его близости девушке огненный, сияющий и очень ласковый взгляд.

Они вышли на залитую солнцем улицу и развернулись лицом друг к другу, продолжая держаться за руки и передавать друг другу свои нежные чувства через бесконечный в своей страсти зрительный контакт, который медленно, но целеустремленно сносил обоим крышу.

– Сам ты идиот, Джонни! – вспльчиво проговорила Лив, не ощущая внутри уже ни малейшей песчинки гнева, пребывая на просторном берегу огромного, теплого, нежного сияния его зеленых глаз. – Тебе что, вороны глаза выклевали???? Не делай вид, будто не замечаешь, что она с тобой заигрывает!

– Ну и что. – невозмутимо улыбнулся Джонни и, пока Лив не начала громко и возмущенно кричать, притянул ее к себе и, обняв за талию одной рукой, обжигая до костей ее кожу под рубашкой, и нежно проведя другой рукой по ее щеке, наклонился к ее лицу так близко, что она с трепетом ощутила его горячее дыхание и тонкий морской аромат его одеколona и могла разглядеть черные крапинки на радужках его с каждой секундой все больше завораживающих зеленых глаз, тихо проговорил:

– Ты же сама только что сказала – это она заигрывает со мной, а не я с ней. Я понимаю, тебе тяжело меня не ревновать, я же, все-таки, обалденный красавец, но...

Лив прыснула и шуточно пихнула его в плечо, однако, не вырываясь из объятий и не прерывая чудесного зрительного контакта, продолжая с невероятным наслаждением и счастьем пялиться в его обжигающие зеленые глаза, жадно переместившиеся на ее губы и мгновенно потемнев, заставив девушку снова взорваться вулканической вспышкой из недр ее живота и поскорее прижаться к его горячему, сильному телу, чтобы немного успокоить тот огненный шар, который грозил в ближайшие минуты скинуть ее с тормозов. Она нежно положила голову ему на грудь и слушала такой родной и самый восхитительный в мире стук его сердца, чувствуя, как его руки нежно поглаживают ее спину и просто растекаясь в его теплом сиянии, с каждой минутой становящимся все горячее... На каком-то инстинктивном желании Лив запустила руки под его футболку и провела горячими ладонями по его пояснице, но не поднимая головы, потому что если Джонни ее поцелует, то дальнейшие попытки завершить все намеченные на сегодня дела закончатся полным провалом... Услышав, как его сердце пустилось вскачь, а дыхание сделалось тяжелее, Лив почувствовала, как Джонни только крепче и более требовательно сжал ее своими ладонями, запустив одну руку ей в волосы и со вздохом, взволнованно прошептал:

– Оли-и-ивка... Ты что делаешь? Знаешь же, что я не могу прямо сейчас уехать с тобой! Это ты так жестоко мстишь мне за Летицию?

Лив триумфально улыбнулась, раскрасневшись от собственного пылающего факела, в который превратилось ее переполненное от счастья, бешеное сердце, умирая от обжигающей ауры ее мужа, и посмотрела в его требовательные, сверкающие желанием, глаза.

– Нет, это за то, что сказал ей, будто женился на мне из-за приданого. – она игриво улыбнулась и, не удержавшись, нежно и легко коснулась губами его губ, подарив ему едва заметный, но очень важный и такой необходимый им обоим поцелуй. Тут же отстранившись, она весело проговорила, мстительно сверкнув глазами:

– Прости, милый, но я не смогу встретиться с тобой через час – дел просто хренова туча! – и подмигнув недовольному, чуть прищурившемся Джонни, она двинулась к машине, сделав знак ожидающим поодаль со скучающими лицами Марти и Эдди, чтобы следовали ее примеру, и через плечо добавила:

– А это тебе за Летицию, индюк!

Джонни сложил руки на груди, шутливо грозно покачав головой, но Лив видела его улыбку, когда он провожал ее «Кадиллак» взглядом – улыбку влюбленного мужчины.

Глава 3

Заметно повеселев после своей маленькой мести и предвкушая, как еще можно будет поиздеваться над Джонни вечером, Лив приехала в Даун-Таун. Остановившись около неприметного четырехэтажного жилого дома, девушка пулей влетела в свою любимую, небольшую квартирку, которую они с Джонни снимали у милой пожилой леди по имени Амелия Портер.

За прошедшие два года обстановка в трех комнатах и маленькой кухоньке почти не изменилась: те же мягкие ковры, диваны, кресла и пуфы с многочисленными, вышитыми умелыми и добрыми руками миссис Портер подушечками, тот же молочный кухонный гарнитур и стол, накрытый белой, с красными полосками, скатертью, те же шторы, та же уютная, успокаивающая энергетика...

Лив пронеслась в свою спальню, в которой теперь ночевала, только когда Джонни уходил на ночную смену в бар, открыла шкаф и выгребла оттуда белую, крупной вязки, тунику с рукавом в три четверти и широким вырезом от плеча до плеча, джинсовые шорты и, немного подумав, Лив решила оставить те белые лакированные туфли, что были на ней с утра.

С облегчением скинув с себя окровавленную и жутко неудобную одежду, и переодевшись и безуспешно попытавшись причесать свою белокурую гриву, Лив кометой помчалась обратно к выходу из квартиры, на ходу подхватив свои испачканные вещи и еще пару футболок Джонни, небреж-

но брошенные им прямо на пол в гостиной и буквально зашедшиеся в крике о помощи... Победить невероятное и не слишком благодостное пристрастие Джонни раскидывать свои, между прочим, сто раз не дешевые, вещи по всему дому и на следующий день гудеть на пятой скорости по всем комнатам, кухне и даже ванной в поисках того, что еще можно было надеть, Лив ну никак не удавалось.

Закинув вещи в стиральную машинку и запрыгнув в туфли, девушка, наконец, дезертировала из квартиры.

Марти и Эдди неспешно прогуливались около своего «Кадиллака», устроив перекур и о чем-то тихо переговариваясь. Лив с тоской посмотрела на свой автомобиль, ощутив, как ее захватывает в плен наползающая со всех сторон серая, слизеподобная лень, поэтому она подскочила к своей живописной охране и с веселым: «хватит прохлаждаться, овощи, поехали скорей, папашины дела не дремлют!», запрыгнула на заднее пассажирское сиденье и довольно развалилась там, закинув ногу на ногу.

Братьев долго уговаривать не пришлось, и через секунду «зелененький» сверкал своей наивной улыбкой пятилетнего мальчишки за рулем, а «красненький» устроился рядом с устрашающей маской главного злодея планеты на лице.

– Куда едем, мисс Оливия? – весело спросил Марти, обернувшись и уставившись откровенно восторженным взглядом на чудесные, стройные ножки девушки, даже ни на секунду не подумав, что отвечать ему будет ее рот, который находит-

ся на лице, а уж никак не ниже. Лив раздраженно пощелкала пальцами у него перед носом:

– Эй, экстракт пустырника! Смотри в глаза, – она показала двумя пальцами себе на лицо, – в глаза смотри, кому сказала! Бери пример с... – она перевела раздраженный взгляд на всегда примерного и правильного Эдди и вдруг случайно заметила, как он с совершенно каменным лицом тоже украдкой косится на ее ноги. Лив еще больше вспыхнула от возмущения. Шлепнув Эдди по плечу, она рассерженно воскликнула:

– И ты туда же, помидор! Лицо хоть попроще сделай, там у нас есть мышцы, они в щеках и на лбу расположены, в носу, наверное, тоже есть... Так вот, их можно расслабить, а то выглядишь, как бульдог, который мечтает сломать себе глаза! – она выдохнула, пытаясь успокоиться и не оглохнуть под звонкий хохот Марти, но все еще злясь, девушка прошипела, не удержавшись:

– Совсем уже! – достав из кармана мобильный, Лив посмотрела на время и, решив поехать в банк, чтобы проверить счета по отмыванию доходов, угрюмо буркнула:

– Едем в Баттери-плейс. «Южный интернациональный банк». – она зевнула.

– Мисс Оливия, я прошу прощения, такое больше...

– Не повторится. Да, да, да. – закончила за Эдди его виноватую речь Лив, сосредоточенно глядя в телефон. На самом деле с таким серьезным и ужасно деловым видом она всегда

играла в игру «Город мечты», озабоченно пытаюсь построить высокий и пригодный для жизни небоскреб, но со стороны казалось, будто она занята чем-то невероятно важным. – Это ты Джонни будешь объяснять, птичка-Феникс. – как бы между прочим обронила она и украдкой посмотрела на лицо Эдди, в котором мелькнуло напряжение и тревога, едва пробившись через угрюмую маску. Она хихикнула. – Шучу, дружище! Я никому не скажу. Кроме папочки...

Эдди превосходно держал себя в руках, но Лив все равно заметила, как нервно и взволнованно сжалась в кулак его рука, лежащая на колене.

– Мисс Оливия... – начал он загробным голосом, в то время, как концовку его преисполненной чувством вины и переживания речи заглушил Марти, который откровенно ржал, радуясь тому, что, впервые в истории, не он, а его степенный и серьезный коллега-братец попал под грозовые молнии маленькой красавицы-блондинки на заднем сиденье. Лив на секунду оторвалась от игры, что повлекло за собой немедленное, трагическое разрушение небоскреба высотой в пять сотен этажей, и игриво улыбнулась, посмотрев на Эдди:

– Да расслабься ты, Эдди! Воспитывай в себе чувство юмора, оно, между прочим, жизнь продлевает! А ты слышал когда-нибудь о долгожителях с траурными рожами на лицах?.. Так вот... – закончить глупость Оливии не позволил телефонный звонок.

– Повезло тебе, братишка! Сейчас ее разъярит кто-нибудь

другой, и она про тебя забудет! – хохотнул Марти, шлепнув Эдди по плечу. Тот, как обычно, промолчал, но явно расслабился и даже обмяк в кресле. Все-таки не каждый может долго выдерживать насмешливое внимание этой непредсказуемой мелкой красотки, дочки очень опасного и очень дорожающего ею папашки – крупного мафиози, который только за один неверный вздох в сторону его чада может устроить любому вентиляцию легких... А все-таки ножки хороши... Эдди не удержался и снова украдкой посмотрел на них.

Впрочем, Лив ничего не замечала. Ее гнев действительно переключился на телефонную трубку, в которой весело и радостно подсвечивался позитивным зеленым номер отца. Чувствуя, как котел внутри стал потихоньку закипать, девушка ответила на вызов:

– Что такое, папочка? Не иначе, как еще пара сотен мест и людей сегодня ну никак не обойдутся без моего внимания? А я, между прочим, с шести утра ничего не ела!

– А как же шоколадный чиз-кейк? – с наивным удивлением громко спросил Марти, глянув на девушку и почесав сосулины из зеленых волос в затылочной зоне черепа.

Лив яростно глянула на него и, чувствуя, как кипящий гнев вырывается из котла, звонко дребезжа крышкой, в унисон ему задребезжала:

– Заштопаю тебе твою трепалку как покойнику, Марти, я серьезно, дебил!

– Лив! – жесткий голос отца вновь обратил ее нерадостное

расположение духа на себя. – Кому ты опять угрожаешь? Не важно! – тут же напряженно громыхнул он и добавил характерным беспрекословным тоном:

– Ты где??? Немедленно приезжай в поместье! Это срочно!!!

Лив раздраженно посмотрела вперед, через лобовое стекло, на дорогу и уловила в голосе отца, помимо обыкновенного грозного, приказного бухтения еще какое-то непонятное напряжение...

– Чего??? Папаша, когда ты мне ночью полтора часа под запись диктовал список дел на сегодня, то там не значился пункт «долгожданная встреча с любимым папочкой в фамильном доме»! Если тебе все же интересно, я еще до середины твоего списка не добралась! Так что не выдумывай ерунду, встретимся завтра. Пока-пока.

– Оливия. – медленно, но с каким-то тяжелым нажимом проговорил отец, и Лив настороженно нахмурилась. С отцом явно что-то было не так...

И в эту секунду ее ухо отчетливо уловило, как совсем рядом с трубкой раздался до боли знакомый, самый неприятный из всех возможных звуков на земле, щелчок предохранителя пистолета.

Сердце Лив мгновенно обледенело и ухнуло куда-то вниз, забыв о том, что в этом тонком теле тоже нужно поддерживать жизнь, а руки и ноги отяжелели, будто на них обрушилось килограмм по сто лишнего груза.

– Дочь, приезжай в наш дом прямо сейчас. – также медленно и жестко процедил Эйден, и Лив, с трудом дыша, судорожно выпалила:

– Буду через двадцать минут! – и, сбросив звонок, она крикнула, глядя на Марти:

– Планы поменялись, огурец, рули в поместье Мартинесов, быстро, быстро, быстро!!!

Марти, против обыкновения, не стал задавать лишних вопросов, а просто с визгом развернул «Кадиллак» и понесся на максимальной скорости в сторону выезда из города. Лив закусила губу, еле сдерживая бешеную панику, рвущую ее изнутри. Что случилось с отцом? Кто держит его на мушке? Какого черта там происходит???

Железные клещи неопишуемого страха за одного из таких немногочисленных близких ей людей сдавили грудь. Она взяла телефон и дрожащими пальцами настрочила Джонни смс: «Еду в поместье, кажется, кто-то хочет украсить стену моего дома детства папочкиными мозгами».

В ответ пришло незамедлительное: «Понял. Увидимся на месте».

Лив с трудом вздохнула и еще раз поторопила Марти, сообщив ему, что хочет успеть прибыть туда до того, как «труп отца начнет остывать или его настигнет неизбежный процесс разложения, сопровождаемый изменениями в облике тела и гнилостным запахом».

Глава 4

Охваченный аурой дурного предчувствия, «Эскалэйд» залетел в небольшую, но живописную деревушку Кэнди-вилладж в пяти километрах от Нью-Йорка, которая отличалась от других, примыкающих к городу, поселений тем, что состояла на девяносто процентов из старинных особняков и коттеджей, принадлежавших популярным артистам, политикам, известным общественным и культурным деятелям и... некоторым преступным лидерам.

Фамильный дом Мартинесов, где прошли первые шесть лет жизни Оливии, располагался примерно в середине деревни, не особо выделяясь среди соседних домов высоченным, титановым забором, по поверхности которого тянулись миллионы километров тонкого, еле заметного, черного провода под напряжением. Безопасность для крестного отца Эйдена Мартинеса была превыше всего на свете.

Лив заметила, что ворота, большие, изумляющие своей толщиной, возле которых сверху на заборе мелькали огоньки видеокamer, против обыкновения, были настежь распахнуты, и «Кадиллак» без каких-либо затруднений свернул на широкую дорогу из гравия, ведущую к шикарному, трехэтажному особняку.

Двор около дома впечатлял не менее роскошным вишневым садом по левую сторону, густыми кронами с красными вкраплениями ягод прикрывавшего почти половину древнего, величественного поместья, а с правой стороны цвели

фигурно постриженные кусты роз и наблюдался небольшой фонтан из белого мрамора, изображавший летящих вверх Дедала и Икара с широкими, раскрытыми крыльями. Лив мимоходом посмотрела на шипящих водой представителей древнегреческой мифологии и, почему-то, с грустью подумала, что бедняги никогда не долетят до солнца.

Во дворе, к неприятному удивлению девушки, тоже не было ни единой живой души, хотя обычно это место кишит охраной, держащей руку на пульсе. Зато прямо около дома были брошены три «Тойоты Лэнд Крузер» ослепительного белого цвета, которые Оливия никогда раньше не видела рядом с ее отцом.

Пытаясь держать себя в руках, ощущая, как напряжение, страх и гнев бурлят внутри нее и готовы захлестнуть с головой, Лив легко взбежала по белоснежному крыльцу и вошла в дом. Эдди и Марти следовали за ней по пятам, держа оружие наготове.

В шикарном холле с пушистым, огненно-красным ковром на древнем блестящем паркетном полу, многоуровневой позолоченной (или золотой, Лив не знала, но не удивилась бы: заскокам ее отца иногда не было предела) люстрой, такими же красными, с золотыми узорами, обоями на стенах и картинами Сальвадора Дали в рамках никого не было.

Более того, в доме стояла зловещая тишина. Ни единого звука. Лив нахмурилась и свернула влево, заглянув в просторную, но не менее претенциозную гостиную, отвечающую

по мебели и обстановке принципам современности, но там тоже было пусто. Тогда девушка рванула в противоположную сторону, где располагалась шикарная столовая и кухня с современной техникой и гарнитуром, а главное – с огромным обеденным столом, за которым Лив, наконец-то, обнаружила первого живого человека – горничную средних лет, судорожно вздымающую и дрожащую от страха, крепко обхватив руками свое тело. Лив вопросительно посмотрела на нее, и та шепотом произнесла: «В кабинете», слабо кивнув на деревянную резную лестницу, ведущую из холла на второй этаж.

Лив кивнула и, стиснув зубы, бросилась наверх.

Толкнув дверь кабинета, Лив вошла и ощутила, как ее внутреннее напряжение достигло своего пика. Чтобы скрыть волнение и неопишное удивление от увиденной картины, девушка сложила руки на груди и потихоньку отпустила свои дьявольские тормоза.

В кабинете, помимо отца, Брайана и Джонни, который ухитрился приехать раньше Лив, торчало еще около десятка человек. Лив никогда их раньше не видела, но они и не отличались особой оригинальностью во внешности: по крайней мере, среди темно-серого пятна блеснуло что-то яркое, из ряда вон выходящее, но Лив, которая уже пикировала на крыльях своего гнева, замещающего сильнейшую тревогу за отца и Брайана, не успела как следует разглядеть непрошенных гостей: перед ее глазами возник десяток стволов, каж-

дый из которых в мгновение ока был направлен на нее.

Она раздраженно сложила руки на груди и посмотрела в сторону большого дубового стола-секретера, покрытого лаком и различными бумагами, и даже ноутбуком, который немного не вязался с образом средневековой комнаты, безуспешно навязываемым этому помещению отцом, не побрезговавшим, однако, поставить здесь два черных дивана из крокодиловой кожи, четыре подобных же кресла и обшить одну из стен, на которой опять же уютно устроились непонятные и слегка сбивающие с толку произведения Дали, кожаной плиткой. Возможно, со второй стеной он поступил бы точно так же, но, к несчастью, она вся, слева направо и сверху вниз, была занята пуленепробиваемым панорамным окном, которое, к тому же, было непрозрачным снаружи.

Не смотря на панорамное окно, зрительно расширяющее и без того огромную комнату, в кабинете было очень душно и тесно.

Незнакомцы, которые сейчас хмуро держали только что вошедшую Лив на мушке, столпились в правой части кабинета, а сам Эйден, восседавший за столом, Джонни, вальяжно пристроившийся на краешке этого же стола, Брайан, напряженно глядящий на чужаков с правой стороны от папаши и около двадцати человек – охрана отца, которые, заняв позицию за спиной своего босса, нацелили пистолеты на незваных гостей, – все они расположились в левой части помещения.

Лив хмуро посмотрела на Джонни, который даже в такой наэлектризованной ситуации не терял бодрого расположения духа и совершенно в свойственной ему манере игриво осмотрел девушку с ног до головы горячими зелеными глазами, завершив ритуал обворожения обаятельным подмигиванием, что, конечно, мигом отозвалось в душе Лив теплым сиянием, но она, впрочем, не подала виду. Переведя гневный взгляд на Эйдена, сидящего за столом в самоуверенной позе и с беспокойством глядящего на десяток стволов, которые своими немигающими черными глазами пристально уставились в голову его дочурке, Лив все же успела уловить в его стальных, сияющих холодом, глазах невероятную ярость, которая могла в любую минуту взять над ним верх и дать команду его же громовым голосом своим верным песикам сделать из агрессивно настроенных чужаков решето, но он почему-то еще сдерживался...

И вообще, они все молчали. Даже здесь, посреди этой ватаги людей, вошедших в состояние холодной войны, царила напряженная и густая, как туманный воздух, тишина.

– Отец, ты что, решил собрать кучку чокнутых в своем кабинете и организовать свое ТВ-шоу? – язвительно и гневно спросила Лив, обведя жестом десятерых мужчин, с самыми серьезными лицами не сводящих с нее прицелов. – А где же Опра? Ты что, забыл ее пригласить?? – ядовито негодуяще воскликнула она и снова посмотрела на незнакомцев раздраженным, но ничуть не испуганным взглядом, невозмути-

мо скидывая туфли и отбрасывая их к двери. Из-за невероятного напряжения Лив вдруг поняла, что даже не замечала, как ноют ее ноги от ношения каблучков с самого утра. Она была в своем доме и не собиралась показывать слабость или страх перед этими любителями потыкать своими пушечками в чье-нибудь лицо, это могло означать лишь их победу над ней, ее семьей и ее чувствами, но она не даст этим странным типам такой радостной возможности...

И Эйден с самым суровым видом, и Джонни с эдакой веселой, недвусмысленной ухмылочкой, и все люди отца, включая Брайана, недоуменно проследили за ее спокойными, беспечными действиями, десять пар глаз из-за спин блестящих револьверов внимательно прошлись по ее ногам, а руки с оружием описали дугу следом за движением головы Лив.

Молчание и пристальное внимание раздражало девушку и сбивало с толку все больше, но, продолжая играть свою стервозную роль, она двинулась в сторону отца, давя глубоко в себе пытающийся высунуться и посмотреть, насколько здесь, снаружи, лучше, чем внутри, страх. И в этот момент в поле ее зрения случайно попало кое-что странное...

Странными были двое мужчин, которых Лив не заметила раньше. Они оба расслабленно покоились в креслах, не двигаясь и одинаково откинув головы назад, будто пытались поймать ртом несуществующий, подкинутый в воздух попкорн. Мужчины были одеты довольно претенциозно: один был в аккуратном костюме-тройке и полосатом галстуке, а

второй – в сером джемпере и черных брюках... В руке у него тлела сигарета, но он и не думал ее докуривать. Лив наклонила голову набок и медленно, испытывая неприятное предчувствие, подошла к странной парочке, сложив руки на груди. Ее худшие опасения подтвердились, а к горлу подступила тошнота: странные мужчины оказались вовсе не странными. А мертвыми. С самыми, что ни на есть, настоящими дырками во лбах.

Лив поморщилась, подойдя к ним, и недовольно посмотрела на отца:

– Фу! А это что, атрибуты для спиритического сеанса? Где же тогда тарелочки, которые ты тут должен крутить со своими новыми друзьями, или что-то в этом роде?.. Или ребята просто решили не дожидаться окончания шоу и сами быстрее сбежали на тот свет??? Ай-яй-яй, папаша, а этот даже докурить не успел. – язвительно и укоряюще проговорила Лив, аккуратно вытаскивая из рук мертвеца тающий окурок, и, нисколько не смущаясь, затушила его об прекрасный, лакированный стол отца, случайно встретившись с Джонни взглядом и прочитав в его глазах укор по поводу ее не очень уважительного отношения к отошедшим в мир иной, но и уловила там же искры смеха, предположив, что если бы не десяток вооруженных мужиков, он бы ограничился небольшой наставительной нотацией, а затем бы уже весело захохотал.

– Дочь. Помолчи, пожалуйста. – жестко, металлическим

голосом проговорил Эйден, хмуро взглянув на девушку. Та только скептически подняла брови и прошла к бару, открыв его (вызвав при этом волну щелчков снимаемых с предохранителей пистолетов) и с интересом сунув туда свой нос, внимательно оглядывая содержимое. Щелчки она, конечно, слышала, и это только распалило ее гнев еще больше.

– Помолчать? А по какому случаю минута молчания?.. О, да у тебя и ром есть! М-м-м! – Лив вытащила из бара увесистую бутылку на пару с бокалом и обернулась к отцу. Откупорив сосуд с зеленым змием, она вдруг снова бросила быстрый, понимающий взгляд на двоих мертвых и хмыкнула. – А, ну да. Я и забыла... Ладно, минута, так минута, могу даже за них выпить, помянуть, почтить память так скоростижно покинувших нас... Кто бы это ни был. Не знала, что эти двое были так дороги всем присутствующим!

Она налила себе в бокал полупрозрачный напиток и сделала глоток, мечтая, чтобы этот ром немного ослабил фонтан гнева, бьющий из нее, и, хотя бы немного, притупил мерзкие поползновения страха, вызванные неопределенной, но не предвещающей ничего хорошего ситуацией, которая буквально выбивала из-под ее ног почву, заставляя нести всякую чушь, лишь бы только спровоцировать... Что? Да хоть что-нибудь, любое действие, слово, которое могло бы внести ясность в то, что здесь происходит.

– Оливия! – еще сильнее повысил голос отец, а мужчины напротив посмурнели еще больше, крепче сжав в руках пи-

столеты. Лив раздраженно закатила глаза и прошипела:

– Может, хватит уже? Вы что, думаете, я сейчас вытащу из своих шортиков огнемет и положу вас всех одной мощной волной огня, очищающего от всех грехов грешных??? – она вдруг обратила внимание, что среди десяти здоровенных мужчин в одинаковых темно-синих костюмах, черных джемперах с горлом и блестящих туфлях в расслабленной позе пришедшего на сеанс увлекательного, остросюжетного кинофильма, на кожаном диване восседал молодой человек.

Он выглядел, мягко говоря, оригинально: светлые, белокурые, кудрявые волосы россыпью завитушек по всей голове, падающие ему на лоб и затылок, утонченное, почти женственное лицо с аккуратным маленьким носом, немного полноватыми губами и тихими, безмятежными, как штиль в океане, серыми глазами, которые вроде бы с интересом следили за Лив, но в то же время как будто смотрели сквозь нее, не фокусируясь на глазах или каких-то других чертах лица; небольшие плечи, тонкие длинные руки, такие же тонкие ноги, одна была изломлена в кривую, зигзагообразную линию в районе колена и сложена на другую, и короткое тело... Но все это переставало бросаться в глаза, потому что юноша отвлекал внимание от своего не очень ладного телосложения с помощью ярко-салатового кардигана на пуговицах, под которым виднелась малиновая, кожаная (Боже мой, или со зрением у девушки совсем худо, или такие действительно бывают!) футболка, облегающие бежевые брюки, заканчива-

ющиеся как раз на таком месте, чтобы явить свету костлявые щиколотки, синие носки и лакированные голубые башмаки. Лив изумленно таращилась на это угловатое, колоритное пятно и не сразу заметила, что руки парня были скрыты кожаными черными перчатками с отрезанными пальцами, на запястье одной из которых болталась фенечка из простых деревянных бусинок, которую он медленно перебирал пальцами другой руки. Он выглядел настолько уверенно и расслабленно, что Лив фыркнула:

– А этот у них самый главный... Выделяется на фоне остальной театральной труппы. Безумный режиссер постапокалиптического жанра с криминальными наклонностями и чудаковатой манерой одеваться... Еще бы берет в горошек, и тогда... – она снова сделала глоток рома и, поморщившись, спросила:

– Отец, ты, наконец, расскажешь, что здесь происходит? Или этот белобрысый шаман в зеленом тулупе заколдовал вас всех на вечное молчание? Было бы неплохо, кстати...

Эйден сокрушительно выдохнул, умерив гнев внутри себя, и перевел ледяной взгляд с дочери на «шамана», вибрирующим от злости голосом проговорив:

– Действительно, может, начнем? Или пожелаешь еще послушать красочные метафоры в свой адрес? Предупреждаю, моя дочь может говорить часами, и ее не очень волнует, слушает ее кто-нибудь или нет.

Лив закатила глаза, но ее взгляд быстро вернулся к «вы-

дающемуся», во всех смыслах этого слова, блондину на диване: она отчего-то ощутила странное притяжение к этому парню, у которого, явно, не все были дома, туманно глядящему на нее и сквозь нее и слегка улыбающемуся. Странно, но она не боялась его, он не вызывал в ней какого-то отторжения, несмотря на то, что его люди в любую секунду могли обеспечить ей путевку в дальние края.

Станный тип немного попялился через Лив туманно-призрачным взглядом и медленно и плавно перевел взгляд на стену, отделанную кожаной плиткой, и большую картину, висящую на ней.

– Оливия. – неожиданно мягким, вкрадчивым и очень тихим, но отчетливым голосом вдруг проговорил юноша. – Что это за картина?

Лив недоуменно посмотрела на него, затем бросила взгляд на полотно, где отчетливо вырисовывались ярко-оранжевые кирпичики, мягкие, как будто стекающие куда-то, часы, силуэт лошадиного крупа и, позади всего этого символического коктейля, тихая, темно-синяя гладь озера. За последние два года работы вместе с отцом Лив частенько приходилось бывать в этом кабинете, поэтому она, не задумываясь, ответила:

– «Распад постоянства памяти» Сальвадора Дали. Если пожелаешь, могу помочь прочувствовать на себе это неповторимое состояние, обеспечив более близкое знакомство с данной репродукцией... – с сарказмом и раздражением про-

говорила Лив, а затем уже более нетерпеливо:

– Ты ради этой информации потратил столько бензина? Ради этого столько добирался в это захолустье с выводком профессиональных убийц женщин и беспомощных стариков??? Так мог бы и у папаши спросить, зачем меня ждал? Сомневаешься в его познаниях собственного кабинета?

Она покачала головой, показывая всем своим видом, что паренек явно страдает расстройством ума. После этой фразы отец окончательно присоединился к обществу «хмурых мира сего», а Джонни ухмыльнулся и весело, с большим энтузиазмом прошептал:

– Здесь еще есть мужчины средних лет, Оливка.

Лив подняла брови и шутливо оглядела комнату, с насмешкой ответив:

– Ах да... Брайан. Извини, вермишель. – Брайан покачал головой, а Джонни грозно посмотрел на жену, но, впрочем, нисколько не обиделся на ее шутку.

Молодой любитель изобразительного искусства, однако, на сарказм и предложение быть контуженным картиной никак не отреагировал. Он снова пощупал пальцами свою фенечку на руке и туманно посмотрел сквозь Лив. Все тем же тихим, но каким-то завораживающим и заставляющим прислушаться, голосом он удивленно спросил:

– А почему здесь именно эта картина?

Лошадь гнева внутри Лив от бессмысленности этого разговора понеслась галопом, и она злобно выпалила:

– Потому что «Постоянства памяти» на распродаже в Куинсе уже не было! К чему эти идиотские вопросы?? Отец, кто это, и почему ты до сих пор не убил его??? – недоуменно и гневно проговорила она.

– Дочь. – внушительно осадил ее отец и посмотрел на Оливию таким металлическим взглядом, что до девушки, наконец, дошло, что на весь этот цирк у отца были свои причины.

– Подойди ко мне. – вдруг мягко, но как-то беспрекословно велел белобрысый девушке, и та аж вытаращила глаза от такой наглости, но прыснуть ядом не успела.

– Не приказывай ей! Сам подойди. – вдруг жестко проговорил Джонни, сложив руки на груди и недобрый взглядом глядя на типа в зеленом кардигане.

Тот почти безэмоционально посмотрел на него, а затем вдруг поднялся, с легкостью проговорив:

– Ладно. – он двинулся к девушке странной, прыгающей походкой, да, к тому же, как-то нелепо выставляя колени вперед. Лив с ухмылкой следила за ним, все больше и больше ощущая к нему странное притяжение... Даже желание потрогать его за плечо... Когда парень проходил мимо Джонни, он вдруг тихо, но с возникшими из ниоткуда нотками безумной угрозы, звучащими при его вкрадчивом тембре довольно устрашающе, проговорил:

– Но ты мне за это ответишь.

Джонни беспечно пожал плечами и улыбнулся, явно не

испугавшись «прыгающего» коленками вперед незваного гостя, который, к тому же, своей макушкой едва доставал ему до плеча. А тот, тем временем, подошел к Лив и встал напротив нее, да так, что девушка фактически могла ощущать его дыхание на своем лице. Она поморщилась: парень вошел в ее личное пространство, а она не позволяла таких телодвижений в свою сторону никому, кроме самых близких ей людей... Но отчего-то она не отступала. Парень оказался всего лишь сантиметров на пять выше ее, а его серые глаза больше не были туманными: они очень даже конкретно смотрели прямо в аквамариновые глаза девушки, не мигая и не отрываясь, и слегка улыбались.

– Не так близко, Эрнесто. – жестко проговорил отец, и Лив с удивлением обнаружила, что и он, и стоящий позади блондина Эрнесто Джонни, и даже Брайан нацелили на него свое оружие. Эрнесто спокойно и очень непонятно улыбнулся, сделав малюсенький шагок назад, все по-прежнему не отрывая от Лив своего внимательного, изучающего взгляда и даже не думая о том, чтобы как-то реагировать на нацеленное на него оружие.

– Чего надо, кузнечик? – не слишком проявляя вежливость, спросила Лив.

«Кузнечик» насмешливо поднял брови, услышав свое лестное прозвище, и тихо проговорил:

– Какая ты грубая, Лив. Тебе нужно уважительнее относиться к людям, в особенности ко мне... – он вдруг поче-

му-то перевел взгляд на ее горло, и это девушке ой как не понравилось. – Я же, все-таки, твой брат.

Лив почувствовала удар где-то внутри головы. Шокировано вытаращившись, она глупо смотрела на ненормального парня и от удивления и изумления не могла выдать ни звука. Глотнув ром из бокала, она медленно посмотрела на отца, чей разъяренный взгляд уже медленно убивал коротышку Эрнесто с угловатой фигурой, и подняла брови в немом вопросе.

– Не зарывайся, маленький засранец! Ты ей не брат и вообще никто! – громыхнул отец. – А еще раз заикнешься на тему родственных связей, я...

Остаток предложения утонул в хохоте Лив. Она поставила бокал на стол и, уперев руки в колени, хохотала, глядя на Эрнесто, спокойно вззирающему на нее, аки удав.

– Прости, насекомыш, но если бы у меня был брат, я бы, наверное, заметила! По крайней мере, о том, что у меня была сестра, я помню до сих пор. – Лив перевела дух и посерьезнела: воспоминание о Джессике больно резануло сердце, и она поморщилась.

Эрнесто спокойно переждал, когда девушка утихнет, и вкрадчиво проговорил:

– Твой отец, по объективным причинам, никогда не рассказывал тебе обо мне. Он наивно верил, что эта история закончилась много лет назад... Какой недалезоркий. – вдруг с огромной долей тихого яда и злой насмешкой, проскочив-

шей через маску спокойствия, проговорил он, бросив взгляд на Эйдена. – Меня зовут Эрнесто Карелли. Я – единственный сын Рико Карелли, которого безжалостно и хладнокровно убил твой отец, и Алисы Фелбс, которая умерла несколько лет спустя от сердечной недостаточности: она жила в постоянном страхе за своего единственного сына и других родственников, которых мистер Эйден Мартинес вырезал, как поголовье крупного рогатого скота.

Лив со смесью ужаса и шока в расширенных бирюзовых глазах так и уставилась на новообращенного сводного братца. Сын Рико и Алисы??? Она внимательно взгляделась в Эрнесто: волосы... кудрявые, светлые, как у нее, черты лица тонкие, изящные... большие глаза, только не голубые, а серые и почти одинаковый рост и комплекция... Изумление от тщательного осмотра странного парня перед собой потеснилось, позволив раздражению и злости почти полностью занять собой лавочку в душе Лив. Он явно пришел сюда не с самыми добрыми намерениями, и Лив ощутила, что постепенно в ней растет ощущение сопротивления и агрессии.

– Ты??? Сын Алисы?!? Моей биологической мамы? – Лив ухмыльнулась и посмотрела на отца с возмущением. – Папаша, ты же говорил, что развеял по ветру всю семейку этого подонка? А этого таракана что, забыл прихлопнуть??

Эйден гневно ударил ладонью по столу и закурил, еле сдерживая себя от того, чтобы не дать своим людям указание сделать из угловатого парнишки журнальный столик.

– Когда я мстил за твою маму, этому отпрыску было четыре года... И он выглядел жутким задохликом! Не мог же я предположить, что пугливый мальчишка вырастет и...

– Станет главой Чикагского синдиката? – с мягкой улыбкой закончил за него Эрнесто и добавил вкрадчивым голосом:

– Никогда не суди о книге по обложке, Эйден. Да, я был хилым и трусливым...

– А сейчас прямо Геркулес, можно подумать. – съязвила Лив.

– Дочь, не паясничай! – приказал отец.

– Позвольте продолжить? – мягко, но с нотками угрозы, проговорил Эрнесто, посмотрев снова куда-то сквозь Лив.

– Валяй. – махнула рукой девушка и уселась прямо на отцовский стол, закинув ногу на ногу. – Раз папочка не спешит тебя убивать, значит, видимо, придется слушать твой противный голос, от которого, кстати говоря, хочется спать.

Эрнесто с укором посмотрел на нее и покачал головой.

– Невоспитанная девочка. Так вот. Я был хилым и трусливым, а после смерти матери мой дядя, которого Эйден расстрелял через пару месяцев после этого, отдал меня в приемную семью. Мои новые родители не были простыми жителями Чикаго. Они тоже входили в клан Карелли, который вел ожесточенную борьбу с кланом Мартинеса, но оставались в тени. Им была дана задача – воспитать из меня самого грозного и безжалостного мафиозного босса Чикаго за

последние десятилетия... И они планомерно ее выполняли. Они обучили меня всем видам оружия, постепенно посвящали в основы нелегального бизнеса, учили принимать экстренные и неординарные решения... И я стал тем, кем стал.

Лив скучающе переглянулась с Джонни и проговорила:

– Ладно, крутой чикагский мафиози, а сюда-то ты какого черта приперся? Желаешь отомстить за родителей? Очень оригинально! Экстренно и неординарно... Так ты выразился? И почему мой отец еще преспокойненько сидит и покуривает вместо того, чтобы лететь к праотцам вместе с теми двумя бедолагами???

Эрнесто тихо ухмыльнулся и посмотрел на Эйдена, который испепелял его яростным, блестящим взглядом.

– Да, я хочу отомстить, Оливия, ты угадала... Все-таки твой отец безжалостно расправился с моим отцом, и из-за него погибла моя мама...

– Твой папаша, Эрнесто, убил мою жену! – взревел Эйден. – И пытался убить дочь!!! Я просто исполнил один из законов мафии – совершил вендетту! Он не имел права врываться в мой дом...

– А разве не ты совокуплялся с его будущей женой, которая должна была родить тебе сына? – все тем же вкрадчивым голосом, но явно испытывая гнев, проговорил Эрнесто. Его тонкие ноздри раздувались, а серые глаза снова стали ясными и конкретными.

Эйден грозно поднялся из кресла и выдохнул дым в лицо

парню. Его глаза пылали диким, бесконтрольным гневом.

– Полегче ты, сосунок! Я встречался с твоей матерью еще до того, как Рико женился на ней! Поэтому он не имел права мстить за то, что у Алисы кто-то был до него!!! Он поступил грязно и подло, придя в мой дом и разобравшись с моей женой, а не выступив в открытую против меня! Так что он заслужил свою участь.

Эрнесто поморщился от дыма и пожал плечами.

– Вообще-то, Рико и Алиса начали встречаться задолго до свадьбы... Может, отец и поступил поспешно и необдуманно, но мама... – Эрнесто блеснул злобой в сторону Эйдена. – Моя мама, которая родила вам ее, – он ткнул в Оливию пальцем, – она была не при чем! Ее смерть – ужасная ошибка... И я собираюсь отомстить за нее.

Лив спрыгнула со стола и подошла к Эрнесто, пылая гневом.

– Папаша, напомни мне, почему мы полчаса выслушиваем стрекотание этого слизня, и все еще не убили его???

– У него кое-что есть против нас, Оливия. – угрюмо буркнул Эйден и, злясь от бессилия, плюхнулся обратно в кресло.

Лив подняла брови, посмотрев на «стрекочущего слизня». Тот вдруг повеселел, а его глаза снова подернулись дымкой. Он посмотрел на картину «Распад постоянства памяти» и тихо проговорил:

– О да, Эйден прав. У меня есть много чего... Против него, против тебя, Лив, против Джонни О-Коннела... И это

покажется весьма интересным ФБР... О, да они смогут покончить с мафиозной семьей Мартинес раз и навсегда! – Эрнесто счастливо просиял, а Лив вытаращила глаза, почувствовав, как внутри нее ледяной волной поднимается страх.

– Чем докажешь, кузнечик?

Эрнесто прошел к так сильно заинтересовавшей его картине и стал внимательно и задумчиво ее разглядывать, наконец, заговорив:

– Доказать? Легко, милая сестра! Когда три года назад я стал главой Чикагского синдиката, то первой моей идеей была месть твоей семье... Но просто приехать и убить – это банально и неправильно, не позволяет прочувствовать свою вину до конца... Поэтому я придумал одну интересную игру, в которой ты, Оливия, сыграешь главную роль... Но об этом позже. Чтобы собрать компромат на твоего отца, я стал следить за ним и за Джессикой, твоей старшей сестрой. – Эрнесто повернулся и триумфально посмотрел на Лив. – Следить оказалось легко, но вот найти зацепку... Твой папа действительно умел чисто вести бизнес, придраться было не к чему. Да и Джессика, такая милая и красивая, такая безумно влюбленная в твоего нынешнего мужа и мечтающая о скорой свадьбе с ним, не оставляла после себя никаких следов, которые могли бы заинтересовать следствие. Она была истинной дочкой своего отца: послушная, верная, деловая и преданная... Я почти отчаялся и хотел придумать новую игру... Но на сцене появилась ты. – Эрнесто подошел к Лив,

ядовито следящей за ним взглядом, и внимательно заглянул ей в глаза. – Ты была настоящей находкой для меня! Непослушная оторва, готовая в любой момент подпортить репутацию отца, прожившая шестнадцать лет в закрытом пансионате для девочек, злая на весь мир за свою судьбу и одиночество, не научившаяся контролировать свой гнев и держать себя в руках, доводящая до иступления всех окружающих, случайно попавшихся ей под руку, вдруг прилетает в Нью-Йорк... И любимый папуля сразу же решает пристроить ее в свой бизнес и с ее помощью присоединить к себе еще одну влиятельную семью под фамилией Уолш... Но он не ожидал, что дочка воспротивится браку с сексуальным извращенцем Блейком, да еще и подерется с ним на глазах публики в баре! Это, кстати, было очень эффектно. – проговорил Эрнесто с видом знатока, будто лично присутствовал при том событии. – А дальше снежный ком повлек за собой смерть бедной Джесси, так и не познавшей счастья семейной жизни с любимым, и чудесное спасение Оливии, отделавшейся разрывом селезенки и сломанными ребрами. Я думал, малышка-сестра побежит к папочке, но... К моему великому изумлению, она решила действовать самостоятельно. Благодаря своей любовной интрижке с советником Генри Уолша Максом Вератти, Лив получала...

– Что-о-о??? – взревел отец, а Лив возмущенно посмотрела на Эрнесто.

– Ну, ты, насекомое, не обязательно было все рассказы-

вать, тут кое-кто не в курсе...

– Оливия, какая еще интрижка??? – громыхнул отец, выпучив на дочь глаза. – Ты... у тебя... что-то было с Максом??? Да ты хоть знаешь, что он меняет женщин, как... как...

Эйден задохнулся и приложился к бутылке с ромом, а Лив посмотрела в пол, почувствовав затаенную боль внутри себя и гложущее сердце чувство вины. Она помнила Макса и сейчас, помнила свои чувства по отношению к нему, но любовь к Джонни затмевала эти ощущения, тем более, она знала, что больше никогда его не увидит, и это помогало ей почти не думать о нем.

– Успокойся, папаша, все в далеком прошлом. – махнула рукой Лив и с тревогой посмотрела на Джонни, изучающего ее пронизательным зеленым взглядом, пытаясь понять, что она чувствует сейчас.

– Эйден, не волнуйся, Макс действительно полюбил Оливию, вопреки своим привычкам разнообразить личную жизнь, так что чувства твоей дочери были взаимными... но не однозначными. С помощью своего единственного друга Джонни, к которому Оливия начала привязываться, не осознавая этого, – Эрнесто снова вернулся к созерцанию картины, – она сумела в одиночку бросить вызов могущественной мафиозной семье и начала планомерно мстить. Подрыв борделя, подмена автобуса с наркотиками и захват в заложники Макса вывели Генри Уолша на чистую воду. Он сознался в

убийстве Джесси и началась война... Только я одного не понял, – Эрнесто снова повернулся к Лив, – почему ты все-таки выбрала Джонни? Мне казалось, Макс сводил тебя с ума, по крайней мере там, в квартире этой милой женщины Амелии Грейс Портер, где вы до сих пор живете, мне казалось...

Лив вытаращила глаза и, спрыгнув со стола, вскинула руку в останавливающем жесте:

– Так, стоп!!! А ты, любитель подглядывать в замочную скважину, мог бы легко стать моим биографом! Но моя личная жизнь тебя не касается, запомни, насекомый! И как ты обо всем этом узнал??? Такое чувство, что твоя несуразная фигура держала свечку прямо в моей спальне...

Эйден хмурился все больше, равно, как и Джонни, а вот Эрнесто напротив, засиял ярче солнышка, посмотрев сквозь Лив:

– Я же сказал, я следил за тобой! Я знаю о тебе ВСЕ, Оливия Мартинес... Так что, думаю, видеозаписи, на которых видно, что именно ты взрываешь клуб, именно ты и твой будущий муж выкрадываете Макса и именно вы и твой папочка причастны к перестрелке около заброшенных гаражей и в здании старой больницы, могут попасть в руки ФБР... да хоть сейчас, в эту самую минуту! – он мягко рассмеялся.

Лив подошла к нему и, чувствуя, как ее распирает гнев изнутри, пихнула рукой в плечо «братца», прошипев:

– Тогда я просто разорву тебя прямо здесь, и никто ничего не узнает, как тебе идея, наблюдатель?

Эрнесто пожал плечами и снова принялся перебирать руками фенечку на запястье.

– Сделай это. И тогда мой хороший друг, о котором вы все здесь не в курсе, через минуту после того, как мое сердце перестанет биться, будет уже в ФБР. Твоего отца, мужа и тебя ждет пожизненное заключение... или смертная казнь.

– Замолчи, мальчишка!!! – вдруг взревел Эйден, стремительно подлетев к Лив и Эрнесто. – Ты не смеешь врывать в мой дом и угрожать моей семье, ясно тебе?.. Думаешь, ты сможешь обдурить того, кто уже тридцать лет стоит у руля и имеет богатый опыт общения с шантажистами? – Эйден насмешливо рассмеялся, но через секунду его взгляд снова заметал искры, и он процедил, неожиданно направив на Эрнесто пистолет и вызвав аналогичную реакцию в свой адрес со стороны его людей:

– А теперь забирай своих людей и выметайся из моего дома, пока я не обеспечил тебе путевку в ад в один конец. И да, – задумчиво добавил Эйден, – только из-за того, что ты – сын Алисы, подарившей мне замечательную дочь, я не убью тебя за твою наглость и не развяжу войну с твоим кланом, оставив все, как есть.

Эрнесто безразлично смотрел на пистолет, направленный на него, а его взгляд снова отключился, но он, по-видимому, все понимал, потому что мягко улыбнулся и проговорил:

– Прости, Эйден, не могу принять твоего предложения... Видишь ли, если ты и твоя дочка не согласитесь играть со

мною в мою игру, я просто прямо сейчас поеду и сдам весь свой архив с компроматом ФБР. Они очень долго ждали этого шанса... По крайней мере, так говорит один мой друг из этого самого бюро...

Эйден зарычал и с силой вдавил дуло револьвера в висок Эрнесто, который с безмятежным видом был прижат к кожаной плитке на стене. В этот момент рядом с отцом Лив возник Джонни и положил руку на его револьвер, строго проговорив:

– Не надо, Эйден. Не сейчас.

Лив кивнула и гневно прошипела, глядя на Эрнесто:

– Я тебе не верю, кузнечик. Где доказательства, что видеозаписи действительно существуют??? Может, ты просто брешешь.

Эрнесто мягко улыбнулся и спокойно достал из кармана мобильный. Отыскав в нем что-то, он протянул его Лив и вкрадчиво ответил:

– Я никогда не вру, сестричка.

Лив взяла телефон и посмотрела на экран. Там шла какая-то запись, явно снятая среди кустов или кроны дерева, листья то и дело попадали в кадр. Девушка увидела блистающий своей вывеской, еще вполне себе целый, ночной клуб «Кабриолет», заснятый в темное время суток, то ли поздним вечером, то ли ночью. Камера медленно сместилась к углу дома и сфокусировала темную фигуру девушки, выглядывающей из-за угла и явно кого-то поджидавшей.

Лив изумленно подняла брови. Да, сомнений не оставалось: это была та ночь, когда они с Джонни взорвали ночной клуб Блейка, и она сама, выжидающая ушлепка с сумкой, полной взрывчатки, через плечо.

Дальше она в легком шоке следила за тем, как ее собственная личность встретила Джонни, как они завернули за угол (камера, при этом, следовала за ними по пятам) и влезли в клуб через окно туалета. Дальше камера внезапно переключается на одну из тех, что установлены в зале, и снимает то, как девушка, морщась от боли, пристраивает взрывчатку под стол шумной компании, ни один из членов которой не выйдет живым этой ночью... И снова переключение на камеру в кустах, проследившую, как Джонни и Лив спрятались на парковке от охраны Блейка и как через определенное время прогремел взрыв.

Лив, которая смотрела видео вместе с отцом и Джонни, сморщилась и, чтобы скрыть тревогу, если не сказать, панический ужас, сунула сияющему суперзвездой Эрнесто телефон, презрительно проговорив:

– Да-а-а, парниша... А я-то думала, что Блейк Уолш – настоящий чертов маньяк... Ан нет. Ты его переплюнул, чудила.

Эрнесто улыбнулся и отошел от нависшей над ним троицы, вернувшись на кожаный диван. Закурив тонкие сигареты, он проговорил:

– Я же говорил. Я знаю о тебе все... Я знаю, что твой отец,

тайком от тебя, перепроверяет за тобой счета по отмыванию денег... – услышав это, Лив возмущенно и гневно воззрилась на отца, который только безразлично пожал плечами и махнул рукой, мол, «потом объясню». – Я знаю, что Джесси, на момент смерти, была... – он вдруг осекся и тихо рассмеялся, глядя на Джонни и Эйдена, которые расширенными глазами грозились убить его на этом самом месте, если он продолжит фразу. Лив вздрогнула и беспокойно посмотрела на мужа и отца... Что это? У Джесс был какой-то секрет, о котором они двое знали, но не хотели ей говорить?.. Что-то мерзкое и болезненное сдавило ей сердце, и она поспешно и с нажимом воскликнула:

– Что?.. Джессика что??? Говори, коротышка, или я тебе пересадку костного мозга прямо на этот диван сделаю!!! – гневно крикнула Лив, но отец положил руку ей на плечо, а Джонни с другой стороны взял ее за локоть, и она немного остыла.

– О, я вижу, твои родственники не очень хотят, чтобы я поведал тебе эту тайну. – непринужденно куря, проговорил Эрнесто. – И, кстати говоря, они тоже не знают о твоём маленьком секрете от них...

Теперь уже Джонни и Эйден удивленно и требовательно посмотрели на Лив, и та дико покраснела, разъярившись еще больше:

– Я тебя убью, подлюга, даже духа твоего не останется, слышишь, насекомое?.. Готовься к смерти!!!

– Это все сейчас не важно. – громыхнул отец. – Мы поняли, что ты фанатеешь от нашей семьи, но давай уже перейдем к сути! Мы торчим здесь уже чертовых сорок минут, а у меня еще много дел. Ты хочешь, чтобы мы что-то сделали взамен на твое молчание. Что же это?

Эрнесто улыбнулся и вскинул руки.

– Рад, что ты об этом заговорил, Эйден! Моя игра включает в себя несколько этапов... И ты либо откажешься играть, и я передаю пленки, обеспечив вам троим и всем вашим подсобникам электрический стул, либо согласишься... И тогда медленно, но верно уничтожишь себя сам... Но в этом варианте твоя Оливия стопроцентно останется жить и на свободе... Насчет остальных – обещать не могу.

Лив аж затрясло от такого заявления.

– Договаривай быстрее, слизень, или я сверну твою тонкую шейку прямо сейчас, уже руки чешутся... – прошипела Лив, ощущая, как внутри нее происходит взрыв кастрюли с гневом, заставляя все внутренности полыхать огнем. Эйден и Джонни, по-видимому, испытывали нечто подобное, потому что оба стояли с такими выражениями на лицах, что, казалось, еще минута – и от Эрнесто останутся только фрагменты тела, по которым установить принадлежность именно этому человеку сможет только ДНК-экспертиза.

– Что за... черт возьми... игра?.. – прошипел Эйден, стискивая кулаки от злости.

Эрнесто затушил сигарету и с удовлетворением вздохнул:

– Так ты выбираешь игру? Это прекрасно! Что ж... Первый этап начнется совсем скоро... Когда там должны состояться выборы мэра Нью-Йорка? Через месяц?

– Да. Тридцатого октября. – проговорил Джонни. Эрнесто кивнул.

– Отлично! Эйден, у тебя же наверняка есть подкупленный кандидат, который стремительно набирает популярность у общественных организаций и профсоюзов, да и у простых жителей тоже? Этакая твоя личная марионетка, которая будет покрывать твой бизнес и остальную деятельность, обеспечив тебе безопасное существование, не так ли?

Эйден стиснул зубы и кивнул.

– Ну разумеется, Эрнесто. Думаю, это и так понятно. И что дальше?

Эрнесто снова посмотрел в пространство мутным, серым взглядом и вкрадчиво произнес:

– У меня есть свой кандидат. Я пришлю тебе его досье. Ты сделаешь так, что выборы выиграет не твой, а мой человек. Только и всего.

Эйден изумленно воззрился на него, потеряв на секунду дар говорить и думать.

– Только и всего? Да ты совсем спятил, мальчик! – захохотал Джонни. – Предвыборная компания длится уже несколько месяцев, и ты хочешь, чтобы за тридцать дней мы полностью все переиграли в пользу твоего человека??? А свет на Марсе тебе не зажечь??

Лив прыснула, Эйден лишь сурово покачал головой, а Эрнесто пожал плечами:

– Можешь зажечь, конечно, но вы сделаете то, что я говорю. Иначе первым на столе у агентов ФБР окажется видео с Оливией в главной роли. И кстати, – оживленно добавил он, – Эйден, сделаешь хоть что-нибудь не так – и результат будет тот же... Прости, сестра, ничего личного.

Лив обхватила себя руками и стиснула свои плечи до боли, еле сдерживаясь, чтобы не разразиться новой огненной тирадой. Внутри нее все кипело от бессилия и злости. Очередная ловушка, очередная борьба за выживание... Она ненавидела все это, но понимала, что, оставшись в Нью-Йорке с отцом и Джонни, войдя в семейное дело, она автоматически встала на рыхлую почву. Это был сознательный выбор...

Эйден, полыхая яростью, подошел к Эрнесто и процедил:

– Запомни, мальчишка: всегда, когда ты будешь думать, что на шаг впереди, я буду еще на два шага дальше. Ты думаешь, что сможешь манипулировать семьей Мартинес? Ты еще узнаешь, Эрнесто, что такое настоящая игра... А теперь вон отсюда! Или через десять секунд мои люди откроют огонь! Ну же!!! – жестко громыхнул он, и Эрнесто с мягкой ухмылкой встал, снизу-вверх посмотрев на Эйдена. Пожав плечами, он направился к выходу:

– Ты все равно будешь играть, Эйден! У меня в руках жизнь твоей дочери... И кстати, – он вдруг остановился у

двери и странно посмотрел на Марти и Эдди, которые все представление находились у стены, не спуская прицелов с Эрнесто, – мог бы просто попросить уйти... Повежливее. А так... Придется сделать это... да... – порассуждал сам с собой на какую-то тему Эрнесто и, сделав знак одним пальцем, покинул комнату.

Его люди последовали за ним, выходя один за другим из кабинета, а последний мужчина вдруг остановился около телохранилителей Лив и неожиданно, к огромному недоумению всех оставшихся, вдруг резко выстрелил и тому, и другому охраннику прямо в одно и то же место на ноге, чуть ниже колена, и пока те, скорчив лица, терпели боль, он быстро скрылся следом за своим безумным хозяином.

– Вот ублюдок мелкий! – вспыхнула Лив, подбежав к своим супчикам, которых только что немного подзаправили свинцом, и теперь они с самыми героическими видами скрипели зубами. Она наклонилась и посмотрела на раны. – Вы в порядке? Марти? Эдди?

Оба с трудом кивнули, и Лив, подхватив туфли, подбежала к окну, на ходу ругая Эрнесто почему зря.

Эйден, тоже горя злобой и уязвленным чувством собственного достоинства, вернулся за стол и закурил, возмущаясь:

– Мерзавец! Я оставил его жить, а он теперь смеет угрожать моей семье!!! Да как он посмел, крысеныш!.. Я раздавлю его...

Лив, тем временем, следила за тем, как «Лэнд Крузеры» вырывают с лужайки ее дома. Быстро, на ходу цепляя туфли на ноги и не обращая внимания на то, что отец и Джонни серьезно о чем-то переговариваются и кому-то звонят, а Брайан, равно как и она, внимательно следит за автомобилем Эрнесто из окна, девушка протараторила:

– Огурец, помидор, я позвоню Калебу, будьте здесь! Пока, папаша. Джонни, я буду поздно! – и она уже почти скрылась за дверью, но ее остановил голос Джонни:

– Стой, стой, Оливка, ты куда???

Лив нетерпеливо закатила глаза и заглянула обратно в кабинет.

– Как «куда» ??? Прослежу за этим кузнечиком, дубина! Может, удастся хоть что-нибудь о нем узнать! Все, Джонни, теряем время!

И только Лив хотела умчаться на крыльях решительного преследования, как теперь ее задержал голос отца:

– Эй, а ну остановись, дочь! – громыхнул из-за стола Эйден. – Ты – мой андербосс, ты не должна заниматься такой мелкой работой, как какая-то чертова слезка! Вернись в кабинет, я отправлю за Эрнесто своих капореджиме: Тома и Марко...

– Ой, да делай ты что хочешь, отец! – нетерпеливо воскликнула с раздражением Лив. – Во-первых, я не твой андер... как его там... андербосс. Во-вторых, доверять свою судьбу в руки твоих кривоглазых капо тоже не собираюсь,

так что отвали!

И она вылетела из дома. Эйден угрюмо переглянулся с Джонни.

– Нет, ты видел? Она опять за свое!! Тоже мне, самостоятельная... И мои капо, видите ли, кривоглазые! Эх...

Джонни тепло улыбнулся и проговорил:

– Не волнуйтесь, Эйден. Я за ней присмотрю. – и, что-то весело насвистывая, Джонни вихрем вылетел следом.

Лив несколько не удивилась, когда увидела сияющего яркой, довольной улыбкой и невозмутимо залезающего к ней в «Кадиллак» Джонни, сразу ощутив его теплый, энергетический пузырь, окутавший ее с ног до головы и погрузивший в такую привычную ей ауру защищенности и надежности, а только почувствовала внутри себя радостное подергивание: его присутствие было нужно ей, как воздух.

– Ну и куда же ты без меня собралась, Оливка? – игриво подмигнул ей Джонни, посмотрев на нее сияющими зелеными глазами. – Я, может, тоже хочу поучаствовать в спектакле «Поймай меня, если сможешь» ...

Лив закатила глаза и нажала на газ, торопясь нагнать белоснежный «Лэнд Крузер» с Чикагскими номерами, которые она разглядела из окна кабинета отца.

– Конечно, ни один спектакль без тебя не обходится, прилипала! Только, к сожалению, в пьесе этого чокнутого Эрнесто у тебя не самая главная роль... Я убью его! – вдруг в сердцах воскликнула она, а Джонни рассмеялся.

– Успокойся, малышка Лив, это просто очередной псих, мы найдем способ, как обыграть его.

Лив гнала на выезд из деревни и скоро попала на трассу, ведущую в город. На длинной, прямой дороге в степной местности она без труда разглядела три белых «Тойоты», движущихся в Нью-Йорк.

– Вон он! – воскликнула девушка и увеличила скорость, быстро нагоняя. Джонни задумчиво посмотрел на сверкающую белизной крышу внедорожника, лавирующую между автомобилями:

– Думаю, он в курсе, что мы едем за ним... И вряд ли покажет нам свой уютный домик... Наверняка наготове какой-нибудь фокус...

Лив почти не слышала мужа: она беззаветно злилась.

– Тоже мне, прима-балерину своего кордебалета больных и убогих нашел! Пусть даже не мечтает насекомыш... И как это он все про нас разузнал??? О том, что мы сделали два года назад... О том, что происходило тогда в квартире миссис Портер... О моих чувствах... И сейчас... – Лив резко вздрогнула, вспомнив о том, что Эрнесто обмолвился о ее секрете перед Джонни и отцом... И о секрете Джессики... Она посмотрела на сосредоточенного и задумчивого Джонни, внимательно следящего за «Лэнд Крузером» впереди, и ей так ужасно захотелось спросить о сестре... Но тогда, по-видимому, придется выдавать и свой секрет, а она пока не готова...

Джонни вдруг подался вперед.

– Смотри: номера сбросил! Значит, были ненастоящие...

Лив очнулась от своих нерадостных мыслей и посмотрела на «Тойоту», от которой только что будто «отстегнулись» номера и упали на разгоряченный асфальт, тут же попав под колеса мчащихся по шоссе автомобилей.

– Да какая разница? Мы же все еще едем за ним... – договорить Лив не успела.

Впереди «Лэнд Крузеров» показались два, идущих друг за другом, здоровенных тягача. Ровно за секунду все три машины вышли на обгон одного из них и перестроились в полосу грузовиков, аккуратно между ними.

– Давай, Оливка, жми, они сейчас уйдут! – азартно воскликнул Джонни, и девушка утопила педаль газа в пол.

– Черт!! – ругнулась Лив, выскочив на полосу для обгона тягачей и постепенно вырываясь вперед, но в этот момент ее постигло ужасное и жестокое разочарование, смешанное с невероятным удивлением: ни одного белого внедорожника между грузовиками не было. Лив вытаращила глаза и переключила скорость, обгоняя и второй грузовик, но и на дороге впереди ни одного «Лэнд Крузера» не наблюдалось.

– Вот проклятье!!! – воскликнула она. – Как так, Джонни??? Они что, плащ-невидимку накинули??? Какого дьявола??

Джонни захохотал, расслабленно откинувшись в кресле.

– Так я и думал! Оливка, не печалься, этот твой милый

братишка просто все предусмотрел, а так как он слишком хорошо тебя изучил, то догадался, что ты, скорее всего, потащишься за ним, вот и придумал план внезапного исчезновения! А неплохо у него полу...

– Джонни! – остановила мужа Лив и гневно воскликнула.

– Этот гад от меня все равно не уйдет, я его переиграю, переиграю и выиграю сто тысяч раз, я превращу его жизнь в страшное наказание, нечего тут приходить и лезть в нашу семью, изучать то, какой зубной пастой я пользуюсь, и угрожать отцу своими тупыми видяшками!!! Он первый заплачет, моля о пощаде!!!

Джонни весело захохотал и, взяв ладошку Лив, нежно поцеловал ее, с любовью оглядев ее страстным, игривым взглядом ярких зеленых глаз.

– Ух, какая ты страшная, моя маленькая, грозная девочка! Бедный Эрнесто не знает, во что вляпался... А может, он этого и ждет от тебя? Азарта, с которым ты пытаешься победить, но все же оказываешься втянутой в его игру???

– Ой, философ, не путай меня! – отмахнулась от него Лив. – Ты слишком много думаешь, не боишься, что головушка закипит и расплавит твои невинные зеленые глазки?

Они переглянулись и вместе рассмеялись. Джонни наклонился и прошептал Лив на ушко, горячо положив руку на ее бедро и вызвав огненные всполохи во всем ее теле от своего прикосновения и тонкого морского аромата парфюма:

– Ми-и-илая... – его рука ласково погладила ее бедро

вверх и вниз, заставив Лив взволнованно вздохнуть, а батальон мурашек выступить по коже. – Моя головушка действительно кипит, только не от того, что я слишком много думаю... – он слегка сжал обжигающей рукой ее ногу, продолжая дразнить девушку, а затем мимолетно поцеловал ее в щеку и вернулся в свое кресло, оставив Лив всеми силами успокаивать огонь, вспыхнувший внутри ее живота, от которого дрожали пальцы, и попытаться сосредоточиться на дороге. – Кстати, утром ты была одета более... целомудренно. Не считая пятен крови хозяина задрипанной бильярдной на штанишках.

Лив захохотала, счастливо посмотрев на Джонни. Ну как же у него всегда получалось переключить ее настроение со злобно-разрушительного на романтически-легкое?

– «Штанишках»! – передразнила его со смехом Лив. – Это ты – детский сад, Джонни! И разгуливаешь в штанишках! А у меня это вообще-то называется...

Она не договорила, почувствовав, как в кармане завибрировал ее сотовый. Достав его, девушка увидела входящее сообщение с незнакомого номера:

«Думала, все так просто, сестричка? Даже не пытайся следить за мной... Я знаю много способов скрыться... Лучше не совершай необдуманных поступков, а то может пострадать кто-то очень близкий... Джонни, например».

Лив секунду изумленно тарасилась на экран, затем в гневе швырнула телефон недоумевающему над ее вновь резко

понизившимся градусом мужу и яростно воскликнула:

– Вот урод!!! Ненавижу!!! И как он только узнал мой номер??? Как догадался, что это я слежу за ним?? Он что, и в машину «жучки» напихал??? Как только я узнаю, как он это делает... – Лив погрозила кулаком в воздухе, а Джонни, с невозмутимым и даже веселым видом прочитав сообщение, параллельно вытащив откуда-то из кармана конфетку и сунув ее в рот, и тут же перезвонил на этот номер.

Довольно вежливый и холодный женский голос оповестил, что абонент или выключил телефон, или вне зоны доступа. Посмотрев на полыхающую праведным гневом Лив, он легко заявил:

– Так я и думал. У него миллион номеров, которые он меняет, как китайские лампочки – в день по десять раз. Так мы его точно не вычислим. А насчет «жучков» ... – он задумчиво прищурился, грозно хрустя леденцом. – Надо бы проверить, конечно... Но я думаю, он прослушивает нас немного по-другому... Обсудим это на встрече с твоим папой.

Лив поморщилась. Они уже заехали в Нью-Йорк, как ее телефон снова задребезжал на приборной панели, оповестив о входящем звонке. Вздохнув, Лив, не глядя на экран, сняла трубку.

– Оливия! Вы в порядке? Где вы??? – громыхнул обеспокоенный, жесткий тембр Эйдена, и девушка усмехнулась. – Мои люди, черт возьми, потеряли этого задохлика еще на трассе! Вы выследили его?

Лив покачала головой:

– Нет. Мы тоже потеряли его на трассе... Он, скорее всего, трансформировался в пыль: секунду назад слепил нас своей белой крышей, а еще через секунду – его не стало...

– Это как так??? – опешил Эйден.

Лив рассмеялась.

– А может, пересел на метлу и улетел на ней... Мы как-то не осматривали обочины, когда гнались за ним. В любом случае, господин мафиозный король, он опять нас обошел, да еще и прислал мне сообщение наставительного характера, что, мол, негоже молодой девушке преследовать всяких там, недостойных внимания насекомых, а стоит получше следить за своим муженьком, чья голова может, невзначай так, оказаться на дне какой-нибудь пресноводной лужицы. Вот наша история. А теперь, с твоего позволения, – Лив широко зевнула, глянув на хихикающего Джонни, – мы поедem домой. Джонни нужно принять успокоительное.

Теперь уже ее любимы муженек откровенно хохотал, чем вызвал еще большее замешательство со стороны Эйдена, который из всего, сказанного дочерью, понял только фразу «он опять нас обошел».

– Оливка, ты мне за каждое слово ответишь! – шутливо шепотом пригрозил Джонни, игриво сверкнув на девушку горячим взглядом.

Лив также игриво улыбнулась в ответ, все-таки соизволив послушать, что там проурчит ей в ухо папаша.

– Дочь, опять ты со своими иносказаниями! – не выдержал собственного непонимания аллегорий Эйден, раздосадовавшись сам на себя. – Короче, я так понял, что вы тоже его упустили, и он еще прислал тебе какое-то там сообщение про лужу и про Джонни... В общем, нужно немедленно разработать план уничтожения! Приезжайте обратно к нам домой, и мы...

– Эй, эй, тпру, великий злодей из комиксов! Подождет до завтра твой план уничтожения, еще хуже он от этого все равно не станет! – раздраженно затормозила отца Лив, глянув на часы: время шло к вечеру. – Я же, кажется, упомянула, что мы едем домой? То есть к нам домой, где живем я и Джонни, в Даун-Таун, а с тобой, так уж и быть, встретимся завтра, ты все запомнил? А то повторить могу.

Эйден раздраженно вздохнул в трубку, видимо осознав, что главное сражение – сражение за то, чтобы единственная дочь хоть немного стала послушной, – проиграно.

– Ладно, тогда завтра, в восемь утра...

– В час дня. – снова зевнула Лив.

– В десять! Не позже! – разозлился Эйден, пойдя на компромисс. – Мы встретимся и все обсудим. Место сообщу позднее. Спокойной ночи, дочь.

– Наконец-то. Спокойной ночи, папочка. – мило прощбетала Лив с радостной улыбкой и бросила телефон обратно на приборную панель.

– Мне кажется, ты теряешь позиции. Стала так мягко раз-

говаривать с отцом... А вдруг он заподозрит, что небезразличен тебе? – шутливо поддел ее Джонни, потрепав по волосам.

Лив гневно глянула на него, буркнув:

– Следи лучше за собой, придурок. А то мне кажется, ты стал каким-то жестким... Вон даже взрослые женщины к тебе клепаются, считают большим дяденькой.

Они возмущенно посмотрели друг на друга и расхохотались.

Так, тихонько препираясь насчет «чертовой Летиции», которая «чуть все глаза не сломала и наизнанку не вывернулась», чтобы очаровать Джонни, и насчет того, что «кое у кого на почве ревности какие-то нездоровые галлюцинации в отношении обычных, деловых женщин», Лив и Джонни вошли в свою маленькую и уютную квартиру.

– И вообще, Оливка, хватит уже о ней говорить, – весело вещал Джонни, легко заплывая в гостиную и бросая свое тело в расслабленную позу на диван, тут же вперившись взглядом в планшет, – она – наш деловой партнер, поставщик элитного алкоголя с неплохой скидкой...

– И неплохой фигурой. – шепнула обиженно Лив, скидывая туфли и следуя за мужем в гостиную, тоже с облегчением приземлившись на диван и вытянув ноги.

– ...так что давай лучше поговорим о чем-нибудь другом. – весело и наставительно закончил Джонни, уткнувшись сверкающими глазами в экран, белый свет от которого, па-

дая на его лицо, придавал ему оттенок грима грустного клоуна из пантомимы.

Лив прищурилась и мстительно улыбнулась.

– Хорошо, милый, давай. Например, о том, как какой-то чертовски везучий прохиндей отмыл три миллиона в моем казино...

Джонни посмотрел на Лив большими, сияющими игривым блеском глазами и до ужаса мило и обаятельно улыбнулся, проговорив виноватым голосом:

– Ну, Оливка... Тебе что, жалко, что ли? Этот «прохиндей» попросил об одолжении, не мог же я пройти мимо нуждающегося и не протянуть ему руку помощи!..

– Ага, а в качестве руки ты предпочел мое казино, а не свои, к примеру, оружейные магазины! – возмутилась Лив, все еще злясь, но чувствуя, что скоро от ее злости не останется даже воспоминания...

Джонни, по-видимому, тоже это понимал, что незамедлительно отразилось в огненном, ласкающем взгляде, с которым он нежно скользнул по ножкам девушки, ее шортикам, вязаной тунике, слегка задержавшись в районе груди, и выше, к губам... Секунда, Лив успела заметить только горячий блеск его зеленых глаз, после чего Джонни легко схватил девушку за руку и, ловко пересадив ее к себе на колени, поцеловал.

Вспышка! Гнев моментально испарился, только поцелуй, такой нежный, успокаивающий, забирающий на себя всю

негативную энергетику, занял собой все пространство внутри ее груди... Вспышка... Лив нежно обняла его за шею, растворяясь в невероятном тепле его сияния, чувствуя, как поднимается внутри нее лавина огня, заставляя ее сердце биться все быстрее... Ах, если бы этот поцелуй мог быть вечным! Она умирала от его губ, запустив пальцы в его мягкие, густые волосы, проводя руками по его сильным плечам и теснее прижимаясь к нему, чувствуя, как все жарче и жарче горит его тело... Вспышка... Джонни почувствовал, что она больше не злится, поэтому резко стал набирать обороты, переходя от нежных ласк к более грубым, настойчивым, вызывая в ней бешеную страсть... Вспышка! Его руки огненно прошлись по ее бедрам, поднявшись выше и скользнув под кофту, опалая кожу девушки на спине, ласкаясь перейдя на живот, двинувшись к груди, но, игриво остановившись, тем же путем вернулись на бедра... Лив сжала в ладонях его футболку на спине, с трудом выдохнув от дикого салюта внутри ее живота... Вспышка... Поцелуи переместились на ее шею, становясь все горячее, все быстрее, быстрее, она теряла контроль, инстинктивно сжав ноги вокруг его бедер и услышав, как взволнованно и тяжело он вздохнул... Вспышка, вспышка... руки, руки уже везде, она превратилась в оголенный провод – каждое прикосновение усиливалось в тысячу раз... Сердце билось в бешеном ритме, легкие почти не качали кислород, разум отключился... Только страсть, только его поцелуй... Ох, опять губы, и снова все сначала, играет

с ней... Вспышка... Она запустила руки под его футболку, горячо пройдя своими маленькими ладошками по его пояснице и ощутив, как напряглись все его мышцы... Вспышка... Он все теснее прижимал ее к себе, все грубее и настойчивее становились его ласки и прикосновения, Лив ощущала себя на вершине своей дикой любви и невероятно счастливой... Вспышка... В ее сознании вдруг неожиданно резко всплыл образ, засадив ржавую иглу прямо в середину сердца: Летиция... Смотрит на нее победным взглядом, как на маленькую глупышку, уверенная в том, что заполучит Джонни, ее Джонни, лишь только поманив пальцем... В сердце Лив на смену бешеной страсти пришла бешеная ревность... Боль, боль... Он должен быть только с ней... Она не перенесет, если он решит...

Порыв неконтролируемых сильных, перемешанных эмоций – и Лив, сходя с ума от бешеной, огненной бури и сумасшедшего страха потерять его, вдруг резко и неожиданно укусила Джонни за нижнюю губу и, тут же отстранившись, залепила ему звонкую пощечину...

Секунду они смотрели друг на друга, тяжело дыша. Она видела, как блеснуло недоумение в его черных-пречерных, наполненных безумным желанием глазах... Но оно быстро улетучилось. Он слишком хорошо знал ее и все понял... Лив дрожала всем телом, Джонни схватил ее за запястья и крепко сжал их... Она уже жалела, что ударила его... Она слишком сильно его любила... Но, на ее счастье, Джонни, кажется, не

обиделся, потому что вдруг резко и грубо схватил ее в охапку и поволок в спальню.

Уронив ее на кровать и избавив за пару секунд от лишней одежды, Джонни принялся горячо и неистово целовать ее... Лив закрыла глаза, снова проваливаясь в омут огня с головой... Каждый поцелуй обжигал ее кожу, вызывая в ней мелкую дрожь и мучительное желание поскорее перейти к финалу... Он ласкал ее шею, спускаясь ниже, к груди, к животу... Вспышка, вспышка... Тысячи вспышек! О, проклятье... Ее руки впивались в его спину, шею, потягивая его за такие любимые темные волосы... Он все горячее, сейчас сожжет ее заживо, черт возьми, а они еще так и не дошли до финала!

Неожиданно она увидела снова его глаза... Он вернулся к ее лицу, его губы были в сантиметре от ее губ... Но он лишь смотрел, тяжело вдыхая и выдыхая воздух... Лив умирала от счастья... Она видела в этих родных глазах лишь бесконечную любовь, перемешанную с поглощающим его целиком желанием... «Ну поцелуй, поцелуй, поцелуй...» – жадно кричали ее глаза, но Джонни лишь игриво улыбнулся.

– Я люблю тебя ты понимаешь? – с трудом на выдохе прошептал он, и Лив закусила губу чтобы не закричать от счастья... Райские птицы запели в ее голове, а ржавая игла ревности и страха исчезла из ее сердца в неизвестном направлении, оставляя его лишь взволнованно и трепетно биться... Его рука нашла ее ладонь, и их пальцы переплелись. Лив по-

чувствовала, как сильно сжал ее ладонь Джонни, в порыве неконтролируемой страсти, и все ее нутро снова разорвалось огненным извержением... – Не смей ревновать, моя маленькая, милая глупышка! – уже более отчетливо прошептал он, склонившись к ее ушку и с новой силой принявшись ласкать губами ее шею...

Нет, это невозможно, невозможно, он медленно убивает ее, она сейчас умрет... Задохнется... Сгорит... Закрыв глаза и чуть откинув голову, Лив нетерпеливо и умоляюще прошептала:

– Джонни...

Она почувствовала, как все его тело отреагировало на ее чувственный шепот... Он сильнее прижал ее к кровати и, наконец, поцеловал в губы, затаскивая в пучину безудержной страсти, когда остановиться уже было невозможно.

Вот так и закончился не самый веселый и легкий день.

Глава 5

Звонок. Жужжит где-то мобильный. Лив с трудом продрала глаза: в комнате было еще темно, но где-то за шторами брезжил рассвет... Еще рано... А мобильный продолжает настойчиво издеваться, громко дребезжа где-то в районе пола...

Понимая, что, видимо, проигнорировать звонящего не получится, ибо в такую рань это может быть только один человек – обладатель седеющей шевелюры, громкого, грозно-

го голоса и заваленного дорогими костюмами гардероба, девушка выбралась из-под руки мирно спящего и абсолютно не реагирующего на окружающий мир Джонни и осоловелыми глазами оглядела тумбочку: нет... это где-то не здесь...

Трещит внизу... А, ну да, в кармане шорт, которые вчера по настойчивому и нетерпеливому повелению Джонни полетели на пол и теперь грустно лежали там, освещаясь изнутри мигающим экраном.

Лив тяжело вздохнула и, достав мобильник, отметила про себя половину восьмого утра и хмурую рожу отца на экране, нажала на кнопку приема вызова:

– Папуля, я скучала по тебе всю ночь. – зевая, проговорила девушка в трубку.

– Оливия, дочь! С тобой все в порядке??? Ты в порядке??? Говори немедленно!!! – проорал взволнованный, но не менее командный голос в трубку с такой силой, что даже Джонни проснулся, удивленно глянув в сторону сонной, сторбленной фигуры жены.

– Отец, потише, я же еще сплю! И наши соседи слева тоже! – поморщилась от громкого ора Лив. – Ты чего вообще??? Нормально у меня все...

– Слава Богу, спасибо тебе, Господи!.. – выдохнул Эйден и, наверное, перекрестился, но Лив, к сожалению, или к счастью, не могла этого видеть. – Слушай меня внимательно, дочь! Бери Джонни и срочно!!! Слышишь?? Срочно!!! Приезжай в... куда бы... – пораздумывал Эйден, – в «Пантеон».

Давай скорее, жду!

– Эй, эй, да погоди ты, отец! – тут же проснулась Лив. – Чего случилось-то?

Эйден тяжело вздохнул.

– Сегодня ночью из моего гаража пропали шесть наших машин, шесть «Эскалэйдов», и были совершены нападения на... – он снова вздохнул, – на содружественные нам группировки.

– Что-о-о-о??? – подпрыгнула Лив. – На какие еще?..

– Гарлем, Южный порт, латиноамериканцы, арийское братство и... на людей Оливера.

Лив в шоке замерла, уставившись в пространство и пытаясь переварить вышесказанное... В этот момент задрезжал телефон Джонни. Она медленно, расширенными глазами, пронаблюдала за парнем, который ловко, как будто и не спал вовсе, подскочил с кровати и, натянув футболку, весело ответил в трубку:

– Привет, пап.

– Это он, этот говнюк, насекомое несчастное!!! Это его игры!!! – вдруг в гнев закричала Лив отцу, а Джонни зашикал на нее, пытаясь понять то, что говорит ему его отец. – Я заиграю этого кузнечика до смерти!!!

– Оливия, не кричи. – устало приказал отец. – Это и так понятно. Будем решать проблему.

– Отец, мы будем через час. – выпалила девушка в трубку и, сбросив вызов, уставилась на Джонни, который пытался

влезть в джинсы, зажимая плечом телефон и хмуро слушая возмущенный крик в трубке.

– Да погоди, погоди ты, пап! – строго прикрикнул он. – Ты что, совсем, что ли, спятил??? Эйден никогда бы не пошел против тебя, он – твой друг! И наша семья... Тут просто кое-что произошло... – Джонни замолчал, хмуро слушая повышенные децибелы. – Да, отец, послушай же ты меня! У нас через час встреча... Где, Оливка? – он требовательно посмотрел на злую девушку, все еще задумчиво сидящую на диване, сложив руки на груди и глядя в одну точку.

– В «Пантеоне». Папаша сказал, что лично позвонит Оливеру. – не отвлекаясь от своих мыслей, на автомате проговорила Лив.

– В «Пантеоне». – повторил Джонни в трубку. – Эйден сам тебе позвонит. Приезжай и все узнаешь. И не ори ты так, у тебя давление. – и он положил трубку, рассерженно посмотрев в окно. – Вот черт. Задохлик перешел в наступление.

– Я его размажу. – пробубнила Лив, но дальше распалиться на тему продуманного сводного брата не успела: в дверь громко постучали.

Опередив Джонни, который, в отличие от нее, уже успел одеться, Лив, все еще пребывая в угрюмом раздумье, накинула поверх ночной сорочки шелковый халатик с васильками и, на ходу пытаясь распутать непослушные белокурые пряди, упавшие на один глаз, и не очень элегантно почесывая кулачком второй глаз, девушка, двигаясь по инерции, пошла

открывать.

То, что она встретила за дверью, удивило ее так, что она окончательно проснулась и раскрыла глаза, второй раз за последние десять минут своего бодрствования испытав шок.

На пороге ее квартиры топтались около десяти человек в военизированных жилетах, брюках с накладными карманами и ботинках на шнуровке. Лив также успела заметить у каждого из них небольшой черный чемоданчик в руке и, слегка трянув головой, чтобы проверить, действительно ли она проснулась, девушка уставилась на высокого крепкого мужчину, светловолосого и очень коротко подстриженного, возвышающегося прямо перед ней. Еще через секунду до нее, наконец, дошло, что нужно хотя бы запахнуть полы халата... Впрочем, лично на нее никто не смотрел, а все они, с одинаковым профессиональным любопытством оглядывали ее жилище.

– А вы еще кто??? – удивленно спросила Лив светловолосого, и тот вежливо склонил голову.

– Доброе утро, миссис Мартинес. Ваш отец прислал нас прошерстить вашу квартиру на наличие в ней «жучков» и других подобных прослушивающих устройств... Заходим. – тут же скомандовал блондин своим ребятам, не дождавшись официального приглашения от хозяев квартиры. Лив не успела и слова вымолвить, как десяток мужчин уже важно протопали мимо нее внутрь и рассыпались, словно бисер, по комнатам, шагая без стеснения своими грузными бо-

тами прямо по мягким, пушистым коврам.

Лив ошарашено открыла рот, чувствуя, как все внутри нее сорвалось в гневном потоке и помчалось бешеной каруселью вокруг ее сердца, но она лишь посмотрела на Джонни, который, с невозмутимым видом жуя бутерброд, весело наблюдал за методично переворачивающимися дом вверх тормашками «гостями». Он перехватил шокированный взгляд девушки и вдруг резко хлопнул себя по лбу:

– Точно! Я забыл тебя предупредить! Прости, Оливка, Эйден вчера говорил мне, что пришлет бригаду проверить квартиру... Но ты меня не вовремя отвлекла. – весело улыбнулся он.

Лив тяжело вздохнула, глядя на своего мужа... Но может ли она сердиться на него, когда вчера все так хорошо закончилось?..

В этот момент соседняя по лестничной клетке дверь отворилась, и на площадке показалась миссис Портер – пожилая женщина в цветастом фартуке поверх зеленого, шерстяного свитера и черной юбки ниже колена, в толстых коричневых колготках и пушистых вязанных носках, на которых болтались мягкие домашние тапочки. Ее ярко-рыжие волосы блеснули в тусклом свете лампы на этаже, а лицо выглядело очень взволнованным:

– Оливия, милая! Все в порядке??? Что это за странные мужчины? Что они делают??? Я слышала, как кто-то говорил о жучках... У нас что, завелись насекомые??? – с ужасом

протараторила она, заглядывая в квартиру Лив.

Девушка еле удержалась от хохота, а в голове едко пронеслось: «Не поверите, миссис Портер, у нас действительно завелся один злостный жучара, правда, чтобы уничтожить его, придется изобрести самый большой в мире «дихлофос»». Впрочем, вслух сообщать данную информацию бедной, встревоженной старушке, Лив не собиралась, а лишь красноречиво переглянулась с Джонни и, нацепив беспечную улыбку, успокаивающе затараторила:

– Миссис Портер, не волнуйтесь... Это... это из службы по уничтожению домашних вредителей... Видите ли, соседи снизу пожаловались, что у них завелись какие-то жуки... Теперь проверяют все квартиры по соседству...

– На всякий случай. Мало ли. – добавил Джонни, с игривой искоркой наблюдая, как выкручивается его жена. Миссис Портер в ужасе посмотрела на Лив, затем – на Джонни, и проговорила с явно выраженным беспокойством:

– Кошмар какой! А у вас точно нет... этих...

– Нет, нет, конечно! Как вы могли подумать! – в унисон прозвучал ей ответ убедительными голосами.

Миссис Портер все еще с тревогой окинула взглядом прошаривающих ее вторую квартиру серьезных мужчин, и вдруг строго заявила:

– Тогда им незамедлительно следует после вас зайти ко мне и проверить мою квартиру тоже! Вдруг эти твари и ко мне могли подселиться...

От хохота Лив и Джонни удержал только очень обеспокоенный, печальный взгляд милой и такой дорогой им обоим старушки, так что Лив, судорожно раскинув трясущимися от смеха мозгами, проговорила:

– Э-э-э... Нет, вы же не соседка этих самых... ну, которые снизу под нами живут. Так что у вас никто не может... подселиться, не волнуйтесь, миссис Портер!

Старушка еще немного помялась на пороге, но, к облегчению обоих, вздохнула и проговорила:

– Черт те что! С утра пораньше приходят, жуков каких-то ищут... Ну ладно, милые, если все в порядке, то я пойду... И Оливия. – она внимательно посмотрела на замершую девушку. – Закрывайте, пожалуйста, кастрюли с едой! Кто его знает... – и она скрылась за соседней дверью.

– Если бы еще в этих кастрюлях после Оливии оставалась хоть какая-то еда... – весело хмыкнул Джонни, игриво подмигнув в ответ на обиженный взгляд Лив, которая облегченно выдохнула и захлопнула входную дверь.

Увидев, как бригада без стеснения расшвыривает по квартире ее вещи (вещи Джонни уже любезно были расшвыряны заранее им самим), она недовольно крикнула:

– Эй вы! Поаккуратней там! Только попробуйте что-нибудь испортить... И вообще – чего это вы тут в своих танкерах коврики мне пашете? А ну быстро разулись в коридоре! Ну же, кому говорю!

Мужчины застыли, удивленно переваривая все вышеска-

занное всклокоченной маленькой блондинкой в цветастом халате и, как один, перевели взгляд на Джонни, который улыбался им прекрасной, освещающей путь в ночи, блистательной голливудской улыбкой. Он поднял брови, увидев, что они, как стадо быков, уставились на него и, подмигнув, кивнул в сторону коридора:

– Давайте, давайте! Ботиночки – в ряд, как в детском садике! И поживее! Ну?

Мужчины вздохнули и подчинились. Через пару минут Лив созерцала, как ее вещи разлетаются по всей квартире от рук «полусолдат в недокрученных портянках» – это такому лестному комментарию подверглись носки присутствующих, под веселый смех Джонни.

Через полчаса, переставив вверх ногами чуть ли не каждую пылинку в квартире и передислоцировав все вещи из шкафов на пол, мужчины таким же стройненьким рядом обулись и, сообщив, что в квартире «все чисто», – утопали в неизвестном направлении.

Лив с угрюмым раздражением обвела взглядом беспорядок и тяжело вздохнула: кажется, она уже знает, чем будет заниматься весь сегодняшний вечер...

Джонни же даже не волновался по этому поводу, заявив, что наконец-то заодно можно будет прибрать и его вещи, а то он «свои «Ролексы» уже месяц не может найти». Лив гневно прищурилась, глядя на то, как он беззастенчиво разгреб себе на диване место и плюхнулся в образовавшуюся нишу,

схватив планшет и кинув сияющий, игривый взгляд на Лив:
– Да не волнуйся ты так, Оливка! Помогу я тебе убрать-ся здесь, но не сейчас, потому что через полчаса нас ждет Эйден, а ты еще в халате... И с такой отпадной прической, как будто к тебе в ванную упало, по меньшей мере, десяток фенов и других включенных электроприборов...

Лив шутливо рассердилась и, запустив в Джонни его же футболкой, которая валялась у нее прямо под ногами, унеслась в свою спальню переодеваться. Пятнадцать минут ушло только на то, чтобы причесать длинные, запутавшиеся кудри, но Лив, наконец, справилась с этой задачей, после чего сделала себе нежный макияж и, натянув декоративно драные облегающие джинсы и розовый, удлинненный топ свободного покроя, завязывающийся на шее и расшитый бисером в районе декольте, девушка вылетела из комнаты ровно через полчаса.

Джонни посмотрел на время и усмехнулся:

– Ты отлично уложились, малышка Лив! Именно в эту минуту мы должны важной поступью входить в позолоченные, шикарные, раздвижные двери отеля «Пантеон».

Лив только махнула рукой, роясь в коробке с обувью в коридоре и пытаясь подобрать подходящие к наряду туфли.

– Не бубни, Джонни, не умрет папаша, подождет еще полчаса... Куда спешить, если все самое главное уже случилось ночью?..

Джонни с теплой ухмылкой посмотрел на нее, обувая свои

«найковские» синие кеды, и игриво подмигнул:

– Это ты о нашем шикарном сексе, малышка?

Лив, обувая туфли цвета фуксии на высоком каблуке с открытым носом, приснула, шлепнув мужа по плечу:

– Это я о нападениях на украденных тачках отца, идиотина озабоченная! Нужен ему больно наш секс! – и, желая поддразнить сияющего самодовольной улыбкой мужа, Лив спокойно добавила:

– Неужели ты думаешь, что кому-то придет в голову обсудить то, что так скоропостижно закончилось прошлой ночью?

И она, хитро улыбаясь, первой вылетела из квартиры. Джонни весело захохотал и, легко догнав девушку на лестнице, обнял ее за талию:

– Да??? А вот несколько часов назад, помнится мне, кто-то умолял, что больше не может и хочет спать... Странно, Оливка, мне казалось, это была ты... – он горячо поцеловал ее в макушку и открыл перед ней дверь подъезда. – Хорошо, милая, я учту на будущее.

Лив с огромным удовольствием и любовью посмотрела на него и, ощущая внутри себя счастье и гармонию от того, что он с ней, просто улыбнулась и вышла на душную, опутанную бабьим летом, улицу.

Марти и Эдди были на своем месте, стоя около своего «Кадиллака» и угрюмо насупившись. Увидев Лив и Джонни, они натянули дежурные улыбки и, одинаково прихрамывая

на одну и ту же ногу, двинулись им навстречу.

– Привет, супчики, как ваши ранения? – весело, но обеспокоенно спросила Лив.

Эдди нахмурился еще больше, хотя, казалось, ниже опустить лицевые мышцы уже некуда, а Марти, закуривая, посмотрел на Лив большими и искренне грустными детскими глазами, возмущенно проговорив:

– Мисс Оливия, да пуля в ноге – это ерунда обыкновенная, что мы, раньше огнестрелов не получали, что ли? Случилось кое-что, куда более страшное: кто-то ночью выкрал наш «Кадиллак» из гаража, пока мы были у Калеба! Вы представляете!!! НАШ «Кадиллак» !!!

Лив и Джонни хмуро переглянулись.

– А это что, не «Кадиллак»? – глупо спросила Лив, махнув в сторону их автомобиля. – Вроде точно такой же, черненький...

– Точно такой же??? – возмущенно, с самым негодующим мальчишеским видом возопил Марти. – Точно такой же??? А где моя супер-коллекция дисков с Бобом Марли?? Где супер-чувствительная система торможения?? Где супер-холодильник в багажнике, который я достал за три доллара на одной шикарной распродаже?? Где супер-пресупер-потрясный DVD??? Мисс Оливия, да как вы... Точно такой же... – задохнулся он, а Джонни хлопнул его по плечу и успокаивающе, но со своим неизменным задором, проговорил:

– Успокойся, Марти, она разбирается в машинах точно

так же, как ты – в шоколадных пудингах и блесках для губ. Они же для тебя тоже все одинаковые, а вот для нее...

Марти угрюмо вздохнул, а Лив закатила глаза:

– Ладно, не плачь, малыш, постараюсь как-нибудь найти тебе твою игрушку, а сейчас, может, поедем уже? Или у этого «другого», совсем не такого «Эскалэйда», руль на потолке?

Через минуту они уже гнали, рассекая горячий воздух, в сторону «Пантеона», но доехать именно сейчас у них все-таки не получилось. Всему виной как всегда оказался мобильный Лив, который своим звонком в кармане ее джинсов устроил ей вибромассаж бедра. Хмуро глянув на экран, Лив охватило дурное предчувствие и напряжение, и она вздохнула:

– Ну вот. Началось. – она недовольно посмотрела на Джонни. – Сейчас Трейшоун Джонс наполнит мою пустую голову отборным афроамериканским сленгом. – она нажала на кнопку приема вызова. – Трейшоун?

– Что это, черт тебя дери, такое было?!? – заорал жесткий и властный голос в трубку. – Девочка, что за на хрен, я спрашиваю??? Какого вонючего дьявола твой %запрещено цензурой% папаша нападает на моих людей???

– Трейшоун...

– Какого, я спрашиваю, дерьмового хрена он подослал своих людей в мой район и расстрелял шестерых!!! Слышишь, девочка??? Шестерых моих долбанных людей из своей тачки???

– Трейшоун!

– А может, это ты сделала, а, блондинка безмозглая??? У нас же был уговор!!! Да за такое я поломаю тебя и твоего гниду отца на паззлы из собиралочки, и каждый твой и его орган буду замуровывать в стену позора до тех пор, пока не останется...

– Трейшоун!!! – уже крикнула Лив, пытаясь привлечь внимание главаря банды «Острые ножи», которого уносило, как парусник в океан, на волнах безумного гнева и жажды мести, что, наконец, поспособствовало тому, что он услышал что-то, кроме своего голоса.

– Что?!? – проорал он.

– Это не мы сделали! У нас угнали «Эскалэйды» этой ночью, мы никого не посылали, слышишь? – жестко и гневно проговорила Лив. Трейшоун на секунду замолчал, а потом рявкнул:

– Что за хренотень ты еще несешь??? Так, короче, дочка Эйдена, приезжай немедленно в Гарлем, ко мне в клуб, слышишь? И не забудь о правилах, поняла? Я жду. – и он отключился.

Лив раздраженно сжала кулаки. Говоря о правилах, Трейшоун напомнил ей, что она должна приехать одна, без охраны и приставучего мужа, что делало ее уязвимой на территории очень нестабильного союзника, с которым она таким трудом поддерживала мир.

– Я так понимаю, Эйден подождет еще час. – нахмурился

Джонни, посмотрев в окно. Он ненавидел отпускать девушку в Гарлем одну и сейчас злился – Лив видела это по его глазам и по тому, что его теплое, притягивающее сияние исчезло.

– Да, ничего не поделаешь. Я должна с ним все уладить. Марти, разворачивай, едем в Гарлем.

Марти поморщился, но повиновался, красноречиво переглянувшись со своим красноволосым братцем.

– Дерьмовый день становится еще дерьмовее. – траурным голосом поведал он свою мысль.

К ночному клубу «Кинг» они подъехали через двадцать минут. Лив вышла и, как обычно, отправила «Кадиллак» покататься, чтобы не вызвать недовольства «черного короля». Джонни обеспокоенно посмотрел на нее и попросил выбирать выражения, потому что «отец вряд ли сможет обсудить с ней проблему возомнившего себя великим манипулятором Эрнесто», если она будет «по запчастям замурована в какую-то там стену». Лив нервно рассмеялась и, послав милого красавчика куда подальше, уверенной походкой вошла в клуб.

Наверное, она была единственной белой женщиной в истории, которая с невозмутимым видом могла беспрепятственно пройти через всех темнокожих громил-охранников и подняться лично в кабинет великого главаря афроамериканского преступного движения, не получив при этом пулю в затылок.

Кабинет Трейшоуна, в противовес чопорному порядку,

царившему в обиталищах ее отца, был жутко захламлен коробками, оружием, бутылками, какими-то плюшевыми креслами и даже таким же плюшевым диваном, втиснутым среди коробок и ящиков к дальней стене.

Трейшоун, в черной просторной футболке, брюках цвета хаки и грузных кожаных ботинках на шнуровке, восседал на одной из коробок, курил и смотрел что-то в ноутбуке, почесывая свой квадратно-выстриженный, словно куст роз, ирокез на голове. Когда вошла девушка, он хмуро кивнул ей на одну из коробок рядом с собой и раздраженно процедил:

– Рассказывай.

Лив уселась рядом с громадным негром, резко контрастируя на его фоне цветом волос, одежды и кожи, и гневно сложила руки на груди, а Трейшоун вдруг ткнул ей в грудь откуда ни возьмись возникшим револьвером в своей руке и пристально и очень жестко посмотрел ей в глаза своими большими и черными, как угли, грозными «зеркалами души»:

– Только правду, девочка. Ты же помнишь – я всегда знаю, кто мне врет...

– Ой, здоровяк, только не пугай меня своей пукалкой, за последние полтора дня ты не единственный, кто грозитя меня убить! – язвительно фыркнула Лив, возмущенно оттолкнув его пистолет от себя. – Я, скорее, умру от разрыва сердца от всех ваших угроз... А теперь к делу.

Она обстоятельно поведала хмурому Трейшоуну о появлении чокнутого родственничка с походкой кузнечика, фи-

гурой шеста для прыжков через перекладину и характером плюшевого зайки, которому оторвали лапу и, наверняка, еще парочку совсем не лишним органов, потому-то он, озлобленный на природу, и решил поиграть с семьей Мартинес в интересную игру под названием: «Уничтожь себя сам, пока это не сделал я».

– Короче, этот гений запустил первый этап самоуничтожения нашей семьи, правда, связав это каким-то образом с будущими выборами мэра, а сам решил поиграть в «яблоко раздора» и спёр машины отца ночью из гаража, отправив их разобратся с представителями шести крупных группировок, видимо, для того, чтобы напрочь лишит отца какой бы то ни было поддержки. Вот и вся история. – вздохнула Лив и с любопытством сунула голову через плечо Трейшоуна, пытаясь подглядеть, что он там такое смотрел в ноутбуке.

Трейшоун захлопнул крышку компьютера и, подняв черные брови, впился в Лив подозрительным, металлическим взглядом.

– А у тебя есть доказательства, что это действительно сделал этот самый... Как там его, на хрен?..

– Эрнесто. – спокойно подсказала Лив.

– Да. Хренов Эрнесто. – Трейшоун вдруг прищурился и снова ткнул стволом девушку, но уже под ребра. – А то я ведь могу подумать, что ты все выдумала, чтобы прикрыть действия своего дурного папаши, который ненавидит негров, как...

– Как ты ненавидишь белых? – Лив ухмыльнулась. – По себе людей не судят, черная громадина. Отец не ненавидит вас, он пытается не иметь с вами дел, потому что считает импульсивными и непредсказуемыми... А насчет Эрнесто... Ты что, здоровяк, действительно думаешь, что у меня настолько психически нездоровая фантазия? – Она подняла брови. – Тем более... Ты все-таки мне веришь, раз все еще не убил... Только поставил пару синяков своим пестиком.

– Ну... Ты еще отсюда не вышла, девочка. – жестко прошептал Трейшоун, наклонившись к ней и с напором и желанием сломить ее волю заглянув в ее глаза. Лив держала взгляд, даже не мигала, чтобы доказать ему, что она честна и не боится его угроз...

– Ну так стреляй, верзила. Я пришла одна, у меня нет даже заколки в волосах, которой я могла бы полоснуть тебя по лицу в попытке защититься! Так что все в твоих руках, мистер Властелин Гарлема. – с не меньшей жесткостью прошептала Лив в ответ, тоже наклонившись к нему.

Их зрительный контакт двух, бросивших друг другу вызов из-за косточки, бульдогов, продолжался еще какое-то время, после чего, к огромному облегчению Лив, Трейшоун вдруг усмехнулся и проговорил:

– Я тебе поверю, девочка. Ты еще никогда меня не обманывала. Но я должен отомстить за своих людей. Ты представишь мне эту поганую мразь, что посмела пролить кровь в моем районе. Поняла??

Лив победно ухмыльнулась.

– С удовольствием подарю тебе возможность внести свою лепту в его уничтожение... когда нам удастся найти его. – обескураженно закончила девушка. – Пока что, это он каким-то образом подслушивает мои разговоры и умудряется исчезнуть в небытие прямо у нас из-под носа... Но я его все равно достану. – уверенно и мстительно закончила Лив.

Трейшоун кивнул.

– Дело еще не закончено, но считай, что мы уладили. Уходи.

Лив довольно ухмыльнулась и фривольно похлопала здорового негра по плечу, вскочив на ноги:

– Милашка! Я знала, что ты дружишь с черепной коробкой, грозный повелитель! Ладно, как найду кузнечика, сразу вышлю тебе официальное приглашение на наше свидание! Пока-пока, черная гора!

И Лив, послав каменному лицу Трейшоуна воздушный поцелуй, поскорее выскочила из кабинета, все-таки не представляя, как же он на самом деле относится к таким вот ее дружеским проявлениям. Трейшоун же лишь странно и совершенно непроницаемо посмотрел ей вслед, и в его глазах явно не читалось желания прикончить сумасшедшую девушку.

Когда Оливия села в машину, то весь остаток пути до «Пантеона» ей пришлось подробно описывать все, что происходило в кабинете Трейшоуна, досконально вспоминая

все, сказанные ей самой и им (его-то реплики Джонни почему-то не сильно интересовали) фразы, отвечая на придирчивые и совершенно глупые вопросы Джонни, так что девушка была даже рада, когда они подъехали к шикарному отелю, потому что это означало лишь одно: ревнивое и обеспокоенное внимание мужа переключится на гневный ор недовольного опозданием отца.

Сопровождаемые управляющим отеля с ослепительной фальшивой улыбкой, Лив с Джонни, а также «оригинальные» телохранители-братки были отконвоированы в потрясающую столовую, где стены блестели стеклом и золотом, скатерти слепили своим белоснежным лоском, а уютные кожаные диванчики из белого дуба так и манили присесть на них и начать старинный обед с миллионом блюд и столовых приборов прямо в духе средневековья.

Окруженный охраной и скрытый их широкими спинами от посторонних глаз, накрыт был только один стол в уютной, загороженной с трех сторон нише. Подойдя ближе, Лив разглядела фуршет и несказанно обрадовалась: дома они с Джонни так и не успели позавтракать.

– О, это что, креветки, запеченные в груше под сыром? – в восторге воскликнула Лив и плюхнулась за стол рядом с отцом, активно принявшись накладывать в пустую тарелку кушанье и не удостоив присутствующих ни каплей своего внимания.

Джонни же улыбнулся, глядя на жену, вежливо поздоро-

вался со всеми и извинился за опоздание, пока Лив набивала рот, сходя с ума от блаженства.

– Дочь, вообще-то, помимо креветок, ты должна была заметить за столом еще кое-кого и... – начал было отец довольным голосом, и только сейчас девушка подняла глаза и с удивлением обнаружила, что отец сидит вовсе не под боком, а напротив нее, в отличном сером костюме и темно-синей рубашке, а вот рядом, в черном костюме, который Лив ошибочно приняла за отцовский, сидел вовсе не ее папа, а папа Джонни – Оливер О-Коннел, который с веселой улыбкой, такой же, как и у его сына, смотрел на нее.

Рядом с Оливером восседал неизвестный девушке импозантный молодой человек в темно-бордовой, отлично выглаженной рубашке, с необычной прической (сзади волосы были укорочены, а спереди на глаза падала косая челка) и серьезным, вдумчивым взглядом, ожидающе и немного испуганно глядевшим на Эйдена. Следом пристроился Брайан в коричневом костюме, а уж потом, наконец, глаза Лив добрались и до папаши.

Она с трудом прожевала и с хитрой улыбкой снова посмотрела на стол:

– Ух ты! Точно! Я не заметила стейк! Спасибо, что подсказал, папуля, а ты все-таки еще полезен для этого мира! – и девушка с веселой, довольной улыбкой подтащила к себе огромную тарелку с жареным мясом, попытавшись отрезать себе кусок.

– Вообще-то, дочь, – прошипел рассерженно Эйден, – я имел ввиду наших гостей! Могла бы поздороваться, что за манеры? И сколько еще тебе говорить об уважении к другим?..

– Оливия все такая же шутница. – с хохотом заметил Оливер. – Эйден, она же просто дразнит тебя, маленькая змейка! Давно пора научиться распознавать ее... м-м-м... необычный юмор.

С трудом прожевав огромный кусок мяса и протолкнув его в сторону бедняги-пищевода, Лив с игривым весельем проговорила:

– Кстати, отец, я вообще-то думала, что ты здесь сидишь, а не там. – она с яркой улыбкой посмотрела на Оливера О-Коннела. – Рада вас видеть, мистер О-Коннел! Отличный костюм! А вот у папочки сегодня прикид как-то не очень... – снова с сарказмом проговорила Лив, посмотрев на отца, который с каждой секундой все больше распался, как нагревательный элемент в щипчиках для волос.

Оливер снова рассмеялся и легко потрепал Лив по волосам, переглянувшись с Джонни.

– Оливия, спасибо за комплимент, ты такая внимательная девочка! Вот и я говорю, Эйден, серый не твой цвет...

– Так все! Хватит! – строго пресек дальнейшие насмешки Эйден и налил себе виски в бокал. – Мы собрались не гардероб мой обсуждать. Лучше подумаем, что нам предпринять.

– Так обыск в вашей квартире ничего не дал? – спросил

Брайан у Джонни, закуривая сигарету.

Джонни развел руками и с досадой вздохнул.

– Увы. Все чисто. Он слушает нас как-то по-другому.

– Люк. – проговорил отец, и Лив вздрогнула, сначала не догадавшись, к кому он обращается, но в ту же минуту заметила, как вздрогнул, прямо, как и она, парень в красной рубашке, и тихо усмехнулась: мальчику было явно не по себе в обществе мафиози. – Ты – компьютерный гений. Просвети нас, какие еще могут быть способы прослушать то, о чем говорит моя дочь?

Люк откашлялся и тихо, но уверенно заговорил:

– Если предположить, что у вашего преследователя есть все необходимое оборудование, то он может дистанционно выслеживать сигнал сим-карт ваших телефонов, подключаться к ним через специальную программу и включать видеокамеру или микрофон на мобильнике... Вы об этом знать даже не будете. Он может прослушивать вас круглосуточно. – спокойно развел руками Люк, посмотрев на всех присутствующих. – Также, с помощью этой же техники, он может получать видеозаписи с камер наблюдения по всему городу, а имея связь со спутником, ему будет несложно выследить вас где угодно, в пределах зоны видимости из Космоса, конечно.

Эйден, Брайан и Оливер с Джонни угрюмо переглянулись, при этом в глазах старшего поколения светило еще и изумление. Лив, которая, как и Джонни, смутно знала о таких спо-

собах слежки и выуживания информации, весело захохотала, глядя на ошарашенные лица мужчин.

– Вы что, никогда не слышали о том, как наша доблестная разведка перехватывает телефонные переговоры глав других государств? Темный лес, телек смотреть чаще надо! То, о чем сейчас говорил ваш гений, легко проверить. В отеле только мы одни?

Отец, судя по всему, еще переваривал полученную информацию на пару со своим желудком, переваривающим добрый бокал виски, а потому задумчиво молчал, глядя на Люка, так что ответил девушке более стойкий к подобного рода заявлениям о техническом прогрессе Брайан.

– Да. Отель закрыт, здесь нет никого, кроме нас и нашей охраны, камеры видеонаблюдения выключены, «жучков» нет. Лично проверял утром. К чему ты клонишь, Оливия?

– Она клонит к тому, – заговорил за девушку Джонни, – что если он узнает обо всем, что мы здесь обсуждаем, значит он действительно подключается к нашим телефонам. Другой вопрос, если кто-нибудь ему лично обо всем не расскажет... – Джонни грозно посмотрел на охрану. – Кто-нибудь из них, например...

– Мой суповой набор меня никогда не сдаст! – заявила Лив и шлепнула Джонни по плечу. – И не смей их подозревать!

Марти и Эдди довольно улыбнулись (правда, расплылся

в счастливом оскале только зеленоволосый) и склонили головы (а вот вежливый поклон отвесил только красненький братец).

– Здесь вся охрана проверена временем на надежность. – отмахнулся Эйден. – А вообще, если молодежь права, то он действительно обо всем узнает!.. Маленький уродец...

– Так этот Эрнесто украл твои машины из гаража...

– Перебив при этом всю мою охрану! – прервал рассуждение Оливера злобным рыком Эйден, для наглядности ударив кулаком по столу.

– ...и напал на шесть группировок твоих союзников? – закончил Оливер, не обращая внимания на эмоциональное встревание друга в его речь. Эйден и Брайан одновременно кивнули.

– Да. Из-за этого костлявого, фрикообразного подонка арийское братство, латиноамериканцы, группировка Южного порта и банда Куинса объявили наше перемирие оконченным и сообщили, что будут воевать со мной, пока я не докажу, что в моих машинах этой ночью сидели люди этого задохлика, а не мои!!! – возмущенно громыхнул Эйден. – Этот гад лишил меня основных союзников! Слава Богу, что ты, Оливер, на нашей стороне, да еще неизвестно насчет Гарлема...

– А что Гарлем? – удивленно прошамкала Лив, запихивая в рот целый кусок бисквитного десерта. – Гарлем в порядке. Трейшоун пока не будет выступать против тебя, отец.

Все сидящие воззрились на нее с удивлением, любопытством, а отец с беспокойством в глазах побледнел:

– Откуда ты знаешь, дочь? Ты... ты что, уже ездила в Гарлем??? Опять одна???

– Ну, что поделаешь, отец, если ваши рожи мистер «черная скала» Джонс не переваривает! Он и мне-то верить не хотел, все своим дурацким пистолетом тыкал...

Эйден побледнел еще больше и зарычал:

– Ублюдок... Моя бы воля – переехал бы его на своем «Кадиллаке» раз двадцать, пока не перестанут хрустеть его кости... Оливия, дочка, сколько раз я говорил – предупреждай меня, когда едешь к этим нигге... афроамериканцам! Надеюсь, с тобой было достаточно охраны?

Лив успокаивающе кивнула, посмотрев в свою тарелку. Отец не знал о правилах Трейшоуна, особенно о тех, где девушка должна была всегда приезжать одна и без оружия. Джонни под столом вдруг положил руку ей на колено и очень нежно и ласково погладил ее по бедру, проведя рукой, становящейся все более горячей, от колена до начала бедра. От его прикосновения Лив почувствовала, как краснеют ее щеки, а в животе принялись взрываться горячие искры, которые превратились в теплую лавину, идущую вверх, к ее груди после того, как его пальцы страстно сжали ее ногу, а затем снова ласкающе двинулись в сторону колена.

Разозлившись на то, что окружающие могут заметить ее волнение и пылающие милым, алым румянцем щеки, она

гневно посмотрела на парня, который быстрым, огненным взглядом прошелся по ее лицу, губам, шее, скользнув на грудь, и через пару секунд – на живот, и вернувшись игривыми зелеными глазами к голубым и таким злым и страстным глазам любимой жены, притягательно и с очевидно разгорающимся огнем подмигнул ей.

Лив чуть прищурилась, попытавшись скинуть его руку со своего бедра, но Джонни лишь крепче сжал пальцами ее ногу и с силой прижал к своему бедру, от чего девушка вспыхнула еще больше, почувствовав, как дыхание ее предательски замедляется, а сердце, наоборот, пустилось в бешеный пляс... И хоть бы кто-нибудь догадался включить кондиционер в столовой! Дышать же совсем нечем...

А над столом по-прежнему продолжался серьезный разговор, в котором любитель поиздеваться над чувствами Оливии Джонни принимал самое оживленное и серьезное участие, продолжая под столом ласкать бедро Лив, то ускоряя темпы, обжигая ее все сильнее собственным огнем, то игриво замедляясь, нежно проводя пальцами по бархатистой коже через декоративные прорезы в джинсах.

Лив почти не слышала того, о чем говорили отец, Брайан, Оливер и ее трижды проклятый муж, сжимая в руках десертную ложечку и пытаясь не сгореть в собственном огне страсти, который все усиливался от этой грубой, но нежной руки на своем бедре и одновременно дико злясь и глядя на Джонни убийственным взглядом. Улучив момент, когда все

мужчины были поглощены важным разговором и не обращали на них никакого внимания, она гневно шепнула Джонни на ухо:

– Отвали, придурок, или я оторву тебе руку, совсем ты, что ли???

Джонни только желанно посмотрел на нее своими игристыми зелеными глазами и шепнул в ответ:

– Даже не мечтай, малышка Лив. Тебе так идет этот румянец на щечках...

Лив в ответ больно ущипнула его за ногу, на что Джонни с веселой улыбкой погрозил ей под столом и переключился на остальных присутствующих, только крепче прижав ногу Лив к своей ноге и продолжая мучить ее обжигающим теплом собственного тела.

– ...у нас здесь недостаточно союзников против этого мелкого паршивца. – услышала Лив через бешеное сердцебие-ние в ушах обрывок речи отца и невольно прислушалась. – Чикагский синдикат очень силен, они имеют влияние на Нэшвилл, Детройт... да на чертов десяток соседних городов! И если у него еще есть это хреново оборудование, чтобы вечно за нами следить, то мальчишка хорошо подготовился! Дьявол... Своими силами, да еще и в раздоре с местными бандами, нам его не победить...

– Ну и что нам делать, Эйден? – спросил посерьезневший и задумчивый Оливер.

– Нужно позвать кого-то со стороны. – отозвался Брайан

и, сложив руки на груди, хмуро посмотрел на Эйдена. Тот внимательно поглядел в ответ и вдруг ухмыльнулся:

– Сицилийцев??? – угадал он мысли своего консильери. – А что... Это идея... Пообещаем им... что-нибудь... да что угодно! На кону – жизнь моей дочери!

– Между прочим, кузнечик сказал, что я буду жить. Значит, на кону не моя жизнь, а ваши. – сказала Лив без улыбки. – Но это ничего не меняет. А сицилийцы, говорят, чокнутые... Ну, в смысле, жестокие и кровожадные... Это правда?

– В некотором роде – да. – сказал Оливер. – У них просто иной темперамент. Эйден, ты серьезно? Тебе придется многое отдать за их помощь...

– Я серьезно. Чтобы защитить наши семьи, я пойду на все. – отрезал отец Лив, и девушка невольно с восторгом и гордостью посмотрела на него.

– Там, говорят, несколько месяцев назад взял власть новый крестный отец. – сказал Джонни. – В семье Гаспаро Бернардини произошел переворот... Какая-то мутная история с полицейской облавой на местный коттедж, где проводились нелегальные азартные игры, и этот тип, личность которого до сих пор остается никому не известной здесь, в Америке, сумел дать отпор копам и вывести почти всю семью целыми и невредимыми. А вот бедный старый Гаспаро, похоже, сильно спасовал перед представителями закона и пытался бежать, за что и был убит этим самым новым Доном.

Лив с интересом слушала Джонни, а вот на остальных,

исключая Люка, конечно, который испуганно тарасился на мафиозных шишек и их отпрысков с ошарашенным видом (такими глазами обычно смотрят на душевнобольных, опасных и непредсказуемых отморожков, которые сбежали не откуда-нибудь, а из психиатрического отделения при тюрьме строгого режима), рассказ не произвел особого, пугающего впечатления.

– И что? Никто даже не знает его имени?? – изумленно спросила девушка, увлеченная рассказом до такой степени, что даже не заметила, как рука Джонни из-под стола перекочевала к ней на талию, в более, так сказать, нижнюю ее часть.

– Никто. Ни имени. Ни истории. Ни внешних характеристик. – ответил Брайан за Джонни. – Только то, что он довольно молод и обладает потрясающей хваткой и интуицией. А еще говорят, что он чертовски умен.

Эйден вдруг довольно ухмыльнулся, посмотрев на дочь.

– Если ты хочешь с ним познакомиться, Оливия, я с удовольствием предоставлю тебе такую возможность. Брайан, забронируй билеты на самолет до Кальтаджироне на завтрашний вечер.

Лив вытаращила глаза на отца, чуть не подавившись куском торта.

– Чего-о-о??? Папочка, ты что, хочешь, чтобы я нашла этого вашего человека-паука и договорилась с ним сама??? Или, может, это билеты в один конец? В конце концов, ты уже как-то раз сбагрил меня туда, далеко и надолго...

Эйден захохотал и переглянулся с Брайаном и Оливером, который тоже веселился от души, глядя на любимую невестку.

– Дочка, думаю, повторения истории ты не дождешься. Вылетаешь завтра вечером, найдешь его и уговоришь прилететь к нам на помощь. Условия, которые он выдвинет, сообщишь мне... Но, думаю, нам придется в любом случае в чем-то уступить.

– Что?.. Отец!!! Почему я??? Лети сам к этому «терра инкогнито», ты же босс, крутая колбаса! И ты, кстати говоря, – кипятилась Лив, гневно полая по отцу взглядом, – в отличие от меня, обучен светским манерам. Думаю, конструктивный диалог у тебя выйдет гораздо лучше.

– Не волнуйся, Оливка, ради конструктивного диалога с тобой полечу я. – весело сообщил Джонни, жуя мини-сэндвич с особым энтузиазмом. Он перевел взгляд на отца. – Ты же сможешь без меня несколько дней, правда, пап?

Оливер захохотал.

– Сынок, я как-то справлялся еще до твоего рождения, да и потом восемнадцать лет каким-то образом выкручивался... Так что, думаю, тебе больше стоит переживать о том, как ты будешь сообщать эту великолепную новость маме.

Лив хмыкнула. Мама Джонни была без ума от своего единственного сына и жутко опекала его, не говоря уже о том, что в ее глазах появлялось желание убить каждый раз, когда она видела Лив. Все еще считая ее недостойной ее сы-

ночка, невоспитанной и незрелой девчонкой-вертихвосткой, Трейси О-Коннел жгуче ненавидела Оливию и не стеснялась в открытую это демонстрировать.

– Джонни, ты-то чего лезешь?? – раздраженно посмотрела на сияющего радостной улыбкой с невероятными милыми ямочками парня Оливия. – Я и без тебя прекрасно справлюсь, варан надутый. Так что не смей говорить своей матери, что я без тебя там погибну, понял, дубина??

Джонни только беспечно рассмеялся и поцеловал Лив в лоб.

– Тебе же будет грустно без меня! Нет, Оливка, я поеду, а то вдруг этот новый Дон Корлеоне не просто молод и умен, а еще и чертовски красив? Вдруг ты влюбишься в него и захочешь остаться на родной Сицилии...

– Да, дружок, – злобно и язвительно вздохнула Лив, – умешь ты подумать своей извилиной, даже несмотря на то, что она у тебя одна, да еще и кетчупом нарисована...

– Джонни, прекрати! – весело приказал Оливер. – Ревность в отношениях – это злобный монстр, поддавшись которому, ты будешь сожран изнутри...

– Началась философия. – грустно заметил Брайан, а Эйден, налив себе еще виски, посмотрел на дочь:

– Лив, я не могу поехать, потому что мне нужно руководить предвыборной компанией и вообще продумать, как быть дальше с моим кандидатом и кандидатом этого недоноска... Так что летишь ты, и это не обсуждается. А Джонни

проконтролирует.

– Угу. – насмешливо и обиженно сказала Лив. – Так же, как он тайком контролирует за мной финансовые отчеты, папа???

– Разговор окончен. – поспешно заявил Эйден и, спрятав глаза от дочери, торопливо встал из-за стола.

Половину дороги до дома Джонни пришлось выслушивать множество «приятных» комментариев в свой адрес о том, что он скрывал от Лив просьбы отца перепроверять за ней отчеты, а также угрозы о том, что будет с его жизненно-важными органами, да и лично с ним, если он попробует снова «вытворить без ее ведома что-нибудь подобное». К счастью для парня, который, впрочем, за два года научился пропускать длинные и витиеватые ворчания своей жены мимо ушей, ее восхитительная речь была прервана звонком ее мобильного.

Лив удивленно посмотрела на экран и увидела, что номер скрыт.

– Алло? – буркнула она в трубку.

– Моя милая сестра... Твой голос показался мне каким-то грустным... Кто тебя расстроил, Оливия? – проговорил в трубку тихий и вкрадчивый голос, и Лив ошарашено вытаращила глаза, снова глянув на экран, а затем – на Джонни. Голос Эрнесто в трубке звучал спокойно и уверенно.

– Ты!!! – крикнула она. – Кузнечик, ты что, в стране третьего мира и звонишь из телефона-автомата???

света?? Очень надеюсь, что второе.

Джонни, а вместе с ним и Марти с Эдди, сидящие впереди, одинаково удивленно и заинтересовано посмотрели на нее.

Лив услышала в трубке тихий смех.

– У тебя такое оригинальное чувство юмора... Как прошла встреча с папочкой??? Кстати, я удивлен, что вы сразу не догадались о том, каким образом я подслушиваю ваши разговоры... Подумать только, вам для этого понадобился компьютерщик! Ха-ха-ха... – снова тихий смех – и Лив почувствовала, что этот вкрадчивый голос не только злит ее, но и завораживает, гипнотизирует, ей хотелось слушать его еще и еще...

Тряхнув головой, Лив попыталась снять с себя оцепенение и хмыкнула:

– Значит, ты и здесь успел засунуть свой длинный нос, полено недопиленное?? В следующий раз не напрягайся, просто приходи лично – я с удовольствием помогу твоим ушам свернуться в трубочку.

– Ну не злись, Оливия, я же должен знать, что вы задумали! – весело, но все также невозмутимо плывущим на своей волне голосом заявил Эрнесто. – Кстати, сицилийцы? А что... Неплохо придумано... Они – мощная сила... Но, надо признаться, их визит и присоединение к вашей семье как-то не очень вяжется с планом моей игры... – он притворно вздохнул. – К сожалению, придется и мне подключиться, ду-

маю, новый босс семьи Бернардини будет рад примкнуть к Чикагскому синдикату...

– Чего-о-о??? Ты что, насекомыш, совсем страх потерял??? – заорала Лив, чувствуя, как злость медленно изнутри пожирает ее внутренние органы и давит со всей силы на виски, пытаясь вырваться наружу. – С какой стати от прижмет к тебе, таракан безмозглый???

– Ну... – все также спокойно и рассудительно зазвучало в трубке, – с такой, что завтра я тоже вылечу на Сицилию и... так сказать, предоставлю ему выбор: могущественный синдикат, обладающий отличным компроматом на семью Мартинес, или... пытающиеся спасти свою шкуру неудачники, которым даже нечего предложить взамен... Интересно, кого он выберет?

– Ах ты!!! Недоносок, поспорим на что угодно, что я переиграю тебя, мерзкий ты клоп в зеленом тулупе!!! Ты не сможешь сорвать наши планы, ты не сможешь лишить нас всего, у тебя на это мозгов не хватит! – кричала Лив, а Джонни пытался успокоить девушку и забрать у нее телефон.

Эрнесто снова тихо рассмеялся.

– Лишить вас всего – это самая простая из всех задач. Ваша власть основана на страхе и манипулировании, а не на сотрудничестве и покровительстве... Ты только посмотри, как легко ваши союзники отвернулись от вас, отказавшись поверить, что ночные нападения совершили не вы!

Лив вцепилась в волосы, пытаясь умерить яростную пуль-

сацию в своей голове, и прошипела:

– И зачем тебе это было нужно, если ты, как ты сам утверждаешь, легко раздавишь нас своей маленькой туфелькой золушки, даже имей мы в своих руках весь город? Струсил??

Эрнесто вздохнул.

– Оливия, ну чего мне бояться? Вы сами станете причиной своего сокрушительного падения... А ночное происшествие связано лишь с тем, что твой папа грубо поговорил со мной вчера... А я, знаешь ли, не люблю грубости и не прощаю никакой агрессии в свой адрес. – вдруг жестко, но все также вкрадчиво сказал Эрнесто. – И то же касается сицилийцев. Вы согласились играть по моим правилам, а сами решили действовать за моей спиной... Я бы и не подумал заключать с новым боссом соглашение, если бы вы не придумали это сами.

Лив раздраженно и удивленно поджала губы.

– Так значит, ты просто мстишь, собака трусливая??

– Не трусливая. Лив, пожалуйста, выбирай выражения. Твои обзывательства мне неприятны. – спокойно, как близкий родственник, попросил Эрнесто.

Лив возмущенно покачала головой.

– А в задницу тебя не поцеловать, падаль истлевшая?

– Оливка! – грозно воскликнул Джонни, пытающийся уже минут пять утихомирить бешеную девушку. – Сворачивай бессмысленный треп!

– О, твой любимый муж прав. – весело заявил Эрнесто,

услышав голос Джонни. – Увидимся на Сицилии, сестричка. И помни – я всегда на шаг впереди.

– Конечно, братец, я это прекрасно знаю. Между прочим, отличная позиция, таракан, для того, чтобы я легко прихлопнула тебя большим белым тапочком. – и девушка сбросила вызов, гневно выбросив телефон в окно.

Джонни удивленно посмотрел на нее и сказал:

– Я, конечно, понимаю, что этот чокнутый мальчишка вывел тебя из себя даже больше, чем внезапно раскрытая страшная тайна наших с твоим отцом контрольных перепроверок финансовых отчетов, но телефон-то...

– Меньше будет подслушивать, кузнечик недоломанный. – прошипела Лив и возмущенно посмотрела на Джонни. – Ты хоть представляешь, что этот кукловод придумал??? А, и дай-ка мобильный, мне надо папе позвонить.

Джонни улыбнулся, в шутку негодуяще покачав головой и, для пущей выразительности, поцокав языком, а Марти шепотом сказал Эдди:

– Потом вернемся за ее мобилкой... Ты видел? Дорогой аппарат на шоссе выкинула! Я с ним буду ходить! – и, увидев грозный, предостерегающий взгляд Эдди, он рассудительно добавил:

– А что? Ей теперь он не нужен, а нас с тобой этот парень подслушивать не станет... Или, думаешь, ему интересно, как «Белые медведи» сыграли против «Красных коршунов»?

Эдди только покачал головой, выражая весьма красно-

речивые сомнения по поводу умственного развития своего брата.

Глава 6

Рейс 728, вылетающий из Нью-Йорка в Кальтаджироне (Сицилия) уже принял на свой борт всех желающих попасть в Италию к завтрашнему утру. Лив и Джонни, удачно запихнув свой небольшой чемоданчик в отсек для багажа над головой, уютно устроились в мягких креслах, ожидая, когда самолет, наконец, воспарит в небо. Лив, в обыкновенных, обтягивающих джинсах, белых, мягких тапочках и такой же белой, просторной футболке с нежными розовыми лилиями спереди, листала какой-то журнал, секундой ранее торчавший из кармана сиденья перед ней. Джонни же, с любопытством оглядывающий пассажиров и персонал, уделяя особое внимание стюардессам, тоже выглядел мило и небрежно в черной футболке, выгодно подчеркнувшей достоинства его фигуры, джинсах и фирменных «найках», только не синих, а черных, с желтой «галочкой» по бокам.

– И как мы отыщем этого неуловимого фантомаса-мафиози, если никто не знает, кто он, и как выглядит? – тихо спросила Лив, недовольно ткнув Джонни в бок, заметив, с каким интересом его зеленые игривые глаза изучают стройненькую фигурку одной из стюардесс в фирменной, красной форме авиакомпании и пилотке на голове, с густыми и прямыми черными волосами.

– Легко, Оливка. – он огненно подмигнул Лив, сияя своей теплой энергетикой и брутальностью, и снова, как ни в чем не бывало, устоял на стюардессу, которая, похоже, заметила его взгляд, да и его самого, и теперь смущенно улыбалась и строила глазки, что-то возбужденно шепча своим напарницам. – Спросим у моего друга.

– А кто твой друг? Рэкетир? Наркаторговец? Сутенер? Он с ним работает? – недоуменно посыпалась на мужа с вопросами Лив.

Джонни обаятельно улыбнулся брюнетке в красной форме, которая, судя по виду, пришла в неопикуемый восторг от его ямочек на щеках, и, покраснев, отвела глаза, а затем с ухмылкой весело проговорил:

– Он мороженщик. Но вообще да, немножко работает... Он поделщик, иногда, по просьбе уличных боссов Бернардини, он тайком провозит в своем фургончике наркату вместе с мороженым... Но он осведомлен.

Лив, которая внутренне еще успевала гореть от ревности, но не желая подавать виду, с сомнением рассмеялась, язвительно посмотрев на мужа:

– Если он – всего лишь поделщик, то кто ж его просветил??

Джонни весело и невозмутимо посмотрел на Лив, затем, более медленно, – на ее ноги, вытянутые вперед, насколько позволяло расстояние между креслами, и, наконец, удостоив ее глаза своим вниманием, сообщил:

– Я забыл добавить, что он торгует мороженым около Центрального полицейского участка. И иногда внимательно слушает то, о чем мило и непринужденно беседуют копы, стоя в очереди за мороженым в свой обеденный перерыв.

Лив удивленно посмотрела на Джонни, но ничего не сказала: самолет выехал на взлетно-посадочную полосу и начал набирать скорость.

Через пятнадцать минут, после сытного ужина Лив откинула спинку сиденья и стала смотреть в иллюминатор, на чернеющее вокруг бескрайнее небо и проносящийся под ними океан с маленькими и большими островками – соседями большого брата-материка. Она обернулась назад: через пару кресел от них мирно сидели Марти и Эдди, при этом, зеленоволосый вцепился в ручки кресла так, что, наверное, даже если перевернуть его сиденье вниз головой и с силой потрясти, он бы из него не выпал, а вот Эдди напротив, сияющими глазами таращился в круглое окошко, и его всегда суровое лицо несколько смягчилось и даже посветлело.

Лив улыбнулась и поежилась: в салоне становилось прохладно. Джонни заметил это и, заботливо взяв Лив за руку, позвал стюардессу. Да-да, ту самую, которой он посылал свои завораживающие флюиды, и которая чуть не рассыпалась от счастья, ощущая его мужское внимание на себе.

Лив недовольно заметила, как брюнетка, сияя, как маяк на затерянном острове, грациозно поплыла к ним через проход, отхватывая по пути достаточно мужских глаз на своем

миловидном личике и стройной фигурке, отлично подчеркнутой форменной одеждой и короткой юбкой. Но она-то, как и многие другие, попавшиеся на крючок обаяния зеленоглазого и темноволосого красавчика с каким-то преступным притяжением и страстным, обжигающим сиянием, конечно, не представляла себе, что это просто... Нет, Джонни не играл с женщинами, он просто... просто всегда со всеми заигрывал, вот и все. Джессика, старшая сестра Лив, которая должна была выйти за него замуж, не могла мириться с этим, поскольку думала, что он специально заигрывает с другими из-за того, что ему мало ее, Джессики. Но Лив чувствовала, что это не так. Она не сомневалась в его любви к ней: она видела ее в его глазах, чувствовала ее в том самом энергетическом пульсе, который он неизменно излучал и который окружал девушку своим теплым, защитным светом... Поэтому она понимала, что это всего лишь его манера общения с женским полом, которая ничего не значила для него самого, но зато разбивала очередное женское сердечко, слепо ведущееся на откровенный восторженный взгляд и обходительное отношение.

И вот, очередная жертва Джонни, милая красотка, не подозревающая о том, что сердце этого эффектного и уверенного в себе красавчика занято далеко и надолго одной блондинистой, невоспитанной грубиянкой, подошла к нему и, не отрывая восхищенного и влюбленного взгляда от его ясных и игривых зеленых глаз, откровенно изучающих ее тело

без тени смущения и стыда, и улыбнувшись улыбкой на десять баллов, слегка наклонилась, предоставляя шанс Джонни оценить ее пухлые губки и зону декольте.

– Чем могу вам помочь, сэр? – вежливо поинтересовалась она.

Лив с усмешкой посмотрела на нее, внутренне испытав триумф за то, что этот тип, умудряющийся запудрить мозги любой дамочке за пару секунд, принадлежал ей, а еще чувство жалости к бедной, симпатичной стюардессе, и перевела взгляд на Джонни, который нагло и беззастенчиво, но с огромным удовольствием «заценил» ее грудь и, огненно и брутально посмотрев ей в глаза, проговорил:

– Милая девушка, у вас тут поддувает, закройте пожалуйста окошко.

Стюардесса секунду думала, при этом ее глаза вдруг как-то смешно остекленели, и Лив, не удержавшись, захихикала. Брюнетка, услышав ее смех, поняла, что это шутка, и тоже рассмеялась, с еще большей любовью посмотрев на Джонни.

– К сожалению, не могу убавить кондиционер. Это можно отрегулировать только из кабины пилотов. Могу я предложить одеяло?

Джонни обаятельно улыбнулся и, снова пройдя взглядом по фигурке стюардессы, задержавшись на ее стройных ногах дольше, чем нужно, проговорил:

– Я это и имел ввиду, спасибо, в вашей компании все девушки такие умные работают??

Стюардесса покраснела и неловко пожала плечами.

– Наверное. Что-нибудь еще?

– Да, милая, умная девушка, – веселым голоском с тонкими нотками сатиры проговорила Лив, – принесите и мне одеялко, а то здесь как-то совсем мало красивых мужчин вокруг: моя кровь не так кипит, как кровь моего... м-м-м... случайного спутника.

Джонни в шутку укоряюще и обиженно посмотрел на нее и сказал:

– Вообще-то, Оливка, я тебе одеяло попросил.

Лив сделала круглые, изумленные, очищенные от мутного налета интеллекта, глаза:

– Правда??? Девушка, – она снова посмотрела на стюардессу, которая поглядывала в ее сторону не очень дружеским взглядом, – мне так невероятно повезло! Мой сосед по креслу оказался заботливым и внимательным мужчиной! Принесите мне, в таком случае, два одеяла.

– Два??? – удивилась стюардесса.

Лив с сияющей улыбкой кивнула.

– Два. Одно я повяжу ему на голову вместо повязки, а то в вашем самолете слишком светло, уснуть не сможет! – и заговорщицким шепотом она добавила:

– У него при ярком свете – дисомнии. – она развела руками и притворно вздохнула. – Надо же и мне тогда о нем позаботиться в ответ, не находите?

Стюардесса настороженно посмотрела на Лив, затем – на

еле сдерживающего хохот Джонни, и явно чего-то не понимала... Пока не заметила, как он нежно, но с нажимом, поглаживает ее руку и смотрит на нее с тем самым, особым, ни с чем не сравнимым блеском в глазах... Как же она мечтала, чтобы кто-то такой же, как этот невероятный зеленоглазый брюнет, посмотрел когда-нибудь и на нее такими глазами!.. Ужасно расстроившись, чуть не до слез, она тихо проговорила:

– Сию минуту, мэ. Все принесу. – и удалилась. Лив посмотрела ей вслед и увидела, как поникли ее плечи, а Джонни опять, как ни в чем не бывало, с несказанным удовольствием уставился на ее ноги.

– Ты – мерзкий индюк, Джонни. – ткнула его Лив в плечо, вдруг ужасно пожалев бедную, успевшую влюбиться, девушку. – Твои заигрывания тебе вернутся бумерангом и больно куда-нибудь ударят, вот увидишь!

Джонни беспечно улыбнулся и пожал плечами:

– С чего ты решила, что я с ней заигрывал? И кстати, Оливка, ты почему не сказала, что я – твой муж?

– Постеснялась, дубина, что меня сочтут идиоткой, выскочившей замуж за ловеласа. – съязвила Лив, но тут же нежно положила голову ему на плечо и добавила:

– Отомстила тебе за то, что пялился на ее ноги. И сейчас, между прочим, пялишься!

Джонни поцеловал Лив в макушку и, сильнее сжав ее ладонь своей рукой, прошептал ей на ушко:

– Я не пялюсь, а убеждаюсь в том, что твои ножки не просто самые лучшие в Америке, но самые лучшие в целом мире, малышка Лив.

Оливия улыбнулась, чувствуя, как расслабляется от ощущения идиллии, его близости, чувства своей любви к нему и, прежде, чем уснуть, вдохнула аромат его одеколона с таким волшебным запахом морского бриза и потянулась к нему, получив мимолетный, но такой нежный и теплый, такой чувственный и самый любимый поцелуй в губы, шепнула:

– Идиот ты, все-таки, дубина безмозглая... Зато *мой* идиот. – и, прислонившись к его крепкому плечу, она уснула, зная, что он довольно и счастливо улыбнулся ей в ответ.

Глава 7

Первый раз они заметили Эрнесто, когда выходили из зоны регистрации в общий зал, где, по обыкновению, встречали всех прилетевших. Всюду слышался итальянский говор, и Лив, вертя головой, окунулась в ту неспешную, но эмоционально-насыщенную и светливую атмосферу, в которой прошла практически вся ее жизнь. Джонни уверенно шел впереди, увлекая за руку глазающую по сторонам девушку и лавируя между плачущими, смеющимися, грустными или веселыми людьми, окутанными кто правдой, а кто – фальшью.

Сзади едва поспевали Марти и Эдди, выделяясь в разношерстной, но, преимущественно черноволосой и темноглазой толпе с ярко-выраженными профилями лиц своими чер-

ными костюмами и бросающимися в глаза из любой части зала шевелюрами.

Погруженная в странный, ностальгический гул, Лив не сразу услышала позади себя тихий голос Эдди:

– Мисс Оливия... А вон там, слева, возле входа, случайно не тот самый тип стоит??

Лив очнулась, выдернутая из заполняющей ее воспоминаниями ауры аэропорта, и удивленно посмотрела туда, куда указывал Эдди. Посмотрела и замерла на месте, за что Джонни случайно чуть не оторвал ей пальцы, удивленно обернувшись на девушку:

– Ты чего, Оливка? Привидение уви... – он осекся.

Эрнесто, как ни в чем не бывало, говорил по телефону и одновременно давал указания нескольким своим людям, прилетевшим с ним, отчего те беспокойно суетились вокруг, как муравьи около растоптанного муравейника.

Угловатый и курчавый блондин, на этот раз, был одет в дорогой коричневый свитер, ядовито-кислотный желтый шарф, небрежно болтавшийся на шее, серые джинсы и бледно-голубые лакированные ботинки. Лив также заметила, что он по-прежнему был в черных перчатках с отрезанными пальцами, а на его запястье болталась та самая фенечка, которую он любил перебирать пальцами.

– Да-а-а... – протянул Джонни, весело ухмыляясь. – Оригинальный стиль одежды – это у вас, по-видимому, семейное.

– Угу. Смотри не заразишься. – буркнула Лив, в шутку бросив на Джонни гневный взгляд, и в этот момент Эрнесто вдруг посмотрел на нее.

Секунда. Другая. Его серые, безмятежные глаза не были туманными. Он очень конкретно смотрел прямо на нее. Лив ужасно хотела злиться на него за то, что он угрожает их семье, рушит их планы, преследует ее и хочет уничтожить, но... Почему, когда он смотрел на нее, она испытывала только... замешательство?? Что такое было в его глазах, что нейтрализовывало в ней все эмоции? А он так пристально смотрит, будто гипнотизирует...

Еще секунда – и его взгляд заволокло серым туманом. Щелчок – и гнев девушки включился. Она прищурилась, удивленно осознав, что теперь вполне может его убить... А Эрнесто спокойно и вежливо улыбнулся и слегка склонил голову в знак приветствия. Взамен Лив погрозила ему кулаком и, ощущая, как внутри нее все закипает, буркнула:

– Пошли отсюда.

Вчетвером они заселились в небольшом, но достаточно презентабельном и недешевом отеле в центре города, под странным названием «Tarassaco giallo» («Желтый одуванчик» – с итал.) и, переодевшись в свежую одежду (Лив натянула на себя цветастую пышную юбку на широкой черной резинке, открывшую ее стройные ножки, и простой черный топ на широких лямках, а Джонни просто сменил футболку на темно-синюю и, соответственно, кеды на такие же, не

отреагировав на язвительное замечание жены по поводу того, что было бы, если бы футболка была кислотно-желтой в красный горошек: с его-то маниакальной любовью подбирать кроссовки в тон одежде) и сняв напрокат не новый, но очень эффектный черный, тонированный «Ягуар», поехали к знакомому мороженщику.

Лив с огромным любопытством смотрела по сторонам, вспоминая до боли знакомые улицы, дома, достопримечательности этого небольшого сицилийского города, где, по иронии судьбы, спрятался тот самый неуловимый крестный отец сицилийской мафии, и чувствовала не только ностальгию, но и отторжение. Этот город воспринимался ее разумом как тюрьма: мрачная, черная, наполненная отчаянием и безысходностью, уничтожающая смысл жизни и желание жить. Джонни, кажется, все понимал, потому что с беспокойством поглядывал на нее, ничего не говоря. Эдди и Марти, которые в этот раз ехали на заднем сиденье, тихо переговаривались, тыча пальцами в стекло и с оживлением разглядывая итальянский город с таким видом, будто их привезли на увлекательную экскурсию.

Центральный полицейский участок Джонни, сидевший за рулем, отыскал быстро, всего пару раз уточнив дорогу у прохожих. Остановившись на небольшой парковке, за которой начиналась парковая зона с густыми, зелеными деревьями и множеством тонких, как спутанная паутина, пешеходных дорожек, они вышли из машины и двинулись прямо в центр

парка – к серому, четырехэтажному простому зданию с итальянским флагом и гербом местной полиции, около которого грудились какие-то люди, проскальзывали мужчины в форме и подъезжали полицейские машины.

Солнце жарко пекло спину и плечи, звонкие каблучки простых золотистых босоножек на тонких ремешках уверенно цокали по асфальтированной дорожке вслед за синими, залихватскими «найками», а позади не отставали две пары дорогих черных туфель, начищенных до блеска.

Фургончик с мороженым действительно примостился неподалеку от входа в участок, спрятавшись в тень пушистой и довольно старой пихты. Сейчас около него никого не было, что не могло приятно не радовать.

Когда они подошли ближе, из окошка выглянул молодой и веселый парнишка с короткими, каштановыми волосами, голубыми глазами и длинным, узким лицом, поперек которого разверзлась счастливая, широченная улыбка:

– Johnny! Forse sei tu, mio caro amico! O sto sognando?? Da dove tu possa qui essere visualizzato??? Il panettiere di marijuana, ben presto dal suo odore molto trasferisco a vivere in un mondo immaginario! – воскликнул он, вытащив для крепкого рукопожатия обе руки из окошка. («Джонни! Неужели это ты, мой дорогой друг! Или я сплю?? Откуда ты мог здесь появиться??? Чертова марихуана, скоро от ее запаха совсем перееду жить в вымышленный мир!» – с итал.)

Джонни весело рассмеялся и, пожав пареньку руки, по-

трепал его по тоненькой, впалой щечке:

– Il grullo tu, a Costantino, la marijuana non profuma di fieno e, in generale, a malapena percettibile, così, per trasferirsi così lontano sotto le stelle te bisogno di un lungo e felice il suo fumare! («Дурачок ты, Константино, марихуана пахнет сеном, да и вообще, еле заметно, так что для переезда так далеко под звезды тебе нужно долго и радостно ее курить!» – с итал.)

Оба радостно рассмеялись. Константино с восторгом в молодых, живых голубых глазах смотрел на Джонни.

– Così come ci sei finito, Johnny? – удивленно спросил он и перевел взгляд на Лив, которая с легкой ухмылкой слушала их разговор. («Так как ты здесь оказался, Джонни?» – с итал.)

Он живо и не менее восторженно осмотрел девушку с ног до головы и присвистнул:

– Wow, ma che bella bambina! Но così a lungo sognato di un dolce bambina... («Ух ты, какая красивая малышка! Я так давно мечтал о такой сладкой девочке...» – с итал.)

Лив гневно и насмешливо подняла брови.

– Così hai sempre sognato di avere una ragazza che facilmente si rompe un tuo vertebra nella regione cervicale per ogni, detto te, inappropriato parola? Да ты и правда от мороженый, мальчик. – сказала Лив смесью итальянского и английского, чем насмешила Джонни и привела в еще больший восторг молодого мороженщика, улыбнувшегося еще шире. («Так ты все-

гда мечтал иметь девушку, которая легко сломает по одному твоему позвонку в шейном отделе за каждое, сказанное тобой, пошлое слово?» – с итал.)

– Константино, это моя жена Оливия. – сказал Джонни, нежно взяв Лив за руку и с собственническим видом притянув к себе. Константино грустно вздохнул и улыбнулся:

– Значит, поделиться не сможешь? Жаль. Я, может, такую всю жизнь искал...

– Да, мне очень повезло, ты бы видел, как она умело заказывает пиццу! – со смехом сказал Джонни, шутливо посмотрев на Лив и получив в ответ уничтожающий взгляд.

– Постой-ка... – вдруг осенило Константино, и он восхищенно посмотрел на Лив. – Так это та самая девчонка, которая развязала войну против...

Лив поморщилась. От такой популярности ей становилось дурно: еще того и гляди, слагать легенды начнут и памятник при жизни поставят.

– Эй, болтушка! – прервала его девушка. – Шоколадное есть? Доллары принимаешь? Или только подзатыльники?

Константино намек понял (какой смышленный парень!) и, зачерпнув приличную горстку мороженого, стал ловко запикивать его в вафельный стаканчик, весело проговорив:

– Так зачем вы прилетели, Джонни? Какие-то проблемы? Джонни с улыбкой притворно вздохнул и проговорил:

– Да, есть тут кое-какие проблемы... Нам очень нужно подружиться с местным новым крестным папочкой... Да так

тесно, чтобы он добровольно согласился быть увезенным в Штаты ради оказания нам своей бесценной помощи... Случайно не знаешь, кто он, и где его найти?

Константино расхохотался и протянул Лив огромную порцию мороженого, предусмотрительно воткнув в эту величественную горку пластиковую ложечку. Подмигнув девушке и махнув, чтобы она убрала деньги обратно в карман к Джонни, откуда та их незаметно вытянула (правда, не заметил только беспечный муж, Константино же все видел и даже успел похихикать над другом), парень развел руками:

– Увы! Он очень хорошо скрывается. Никто не знает, где он, кто он и какой он... Полицай совсем головы потеряли, пытаюсь разгадать этого мистера Икс... Проверяют всех крупных бизнесменов города, но у всех «якобы» все чисто, хотя этого по определению быть не может. Кто-то хорошо его покрывает...

– И с чего нам начать? – морщась от холода, сводящего зубы, но все равно набивая полный рот наивкуснейшим мороженым, спросила Лив.

Константино хитро улыбнулся и возвел глаза к небу.

– Есть тут у меня одна догадка... Вам терять нечего, предлагаю проверить. Сегодня в одном из самых дорогих выставочных залов города устраивается аукцион старинных, коллекционных вещичек... Устраивает его очень богатый и влиятельный бизнесмен, владелец этого самого зала... Забыл его имя. Ну так вот. – с энтузиазмом и триумфом вещал пар-

нишка. – Туда слетятся все сливки Сицилии, да и много будет приезжих гостей из других уголков Италии. Копы напряжены, думают, что аукцион – всего лишь прикрытия... Только вот для чего? Отмывания денег? Грязной сделки? Подставного убийства? В общем, – Константино, не стесняясь, зачерпнул яблочного мороженого совком и с удовольствием отправил его себе в рот, – копы хотят понаблюдать... Этот бизнесмен молод и влиятелен, у него хорошие связи и мощный характер... Думаю, он может быть «им».

Джонни и Лив переглянулись и одинаково заулыбались.

– Отлично! Спасибо, дружище. Так где, говоришь, будет аукцион?

– Сегодня в семь. – и Константино подробно объяснил, как проехать на место.

Распрощавшись с веселым мороженщиком, который вместо обычного прощания послал Оливии весьма неоднозначный и очень уж откровенно-похабный воздушный поцелуй, за что в ответ получил неприличный жест от девушки и грозно-предупредительный кулак от Джонни, парочка направилась обратно к своему «Ягуару», погрузившись в раздумья, но все же с блеском оживления в глазах.

– Так мы сегодня на какую-то крутую вечеринку идем? – довольно спросил Марти, вместе с Эдди поспешно шагая следом. – А я нормально выгляжу, Эд? Там наверняка будет столько гламурных цыпочек в коротеньких платьицах...

– И не мечтай, зеленый! – буркнул Эдди. – Ты забыл? Мы

идем по делу.

Лив, краем уха услышав свой «суповой набор», резко затормозила, озаренная внезапной мыслью, и уставилась на Марти:

– Вот черт!!!

– Ты чего? – удивленно спросил Джонни, пытаясь тянуть девушку за руку дальше.

– Огурец прав. – нахмурилась Лив. – Там все будут в шикарных нарядах... Терпеть не могу эти чертовы вечерние платья! Что же мне, теперь, в драных джинсах туда идти???

Проклятье.

Джонни рассмеялся.

– Вот проблема! Поедем в какой-нибудь магазин и купим тебе шикарное платье. Я даже помогу тебе его потом снять. – огненно шепнул ей на ушко Джонни, проведя рукой по ее спине. Лив ощутила мурашки, но, нахмурившись, ущипнула Джонни за бок и залезла в «Ягуар», бросив через плечо:

– В этом-то я не сомневаюсь, трепло.

Через полтора часа бездумной езды по городу, они, наконец, нашли то, что искали: в одном из богатых кварталов золотая витрина, отделанная какими-то блестками и фонариками, демонстрировала манекены в откровенных коктейльных платьях, а вывеска гласила на итальянском: «Мария Селеста».

Увидев название, Лив захохотала:

– Надо же! Сейчас зайдем, а там – одинокие платья на ве-

шалках, недопитый кофе и включенное радио... И ни единой живой души.

Джонни тоже расхохотался.

– Класс! Заберем все, что пожелаем! Идем, Оливка. Вы двое, – он обернулся на Марти с Эдди, – и так неплохо выглядите. Так что останетесь здесь.

Братья вздохнули и кивнули, а Лив с Джонни исчезли в дверях магазина.

Вопреки фантазиям девушки и странному выбору названия, как только они вошли, к ним подскочила худенькая особа в сером, строгом платье до колена и с широченной улыбкой на чистом итальянском провозгласила:

– Доброе утро, синьор и синьора! Что желаете приобрести?? У нас отличный выбор вечерних нарядов на любой вкус!

Лив с тоской прошла вдоль рядов, где как-то совсем не эффектно висели эти самые вечерние наряды с таким унылым видом, будто их с утра мамочка похвалить забыла. Девушке совсем не хотелось вырядиться в неудобное дорогое платье, причесываться и краситься с особой тщательностью, а потом еще весь вечер следить, чтобы грудь не вываливалась в глубокое декольте, а юбка не задралась до неприличной высоты... Фи.

– Нам нужно какое-нибудь вечернее платье. – без энтузиазма заявила Лив, возвращаясь к Джонни. Тот игриво улыбнулся продавщице, покоровив ее горячим блеском зеленых

глаз и своей чертовой обаятельной, красивой рожей и, слегка дернув Лив, добавил:

– Девушка, нам нужно какое-нибудь *самое лучшее* вечернее платье. Что у вас есть?

Худенькая дамочка неопределенного возраста очнулась от любовного созерцания мужа Лив и, вдруг оглядев девушку в обыкновенной майке и довольно дешевой цветастой юбке, робко пожала плечами:

– Есть несколько очень хороших вариантов... Но... – она замялась. – Понимаете... они и стоят весьма... недешево.

Лив удивленно посмотрела на нее, потом – на Джонни, который весело улыбался, и в конце – на себя, сообразив, в чем причина замешательства продавца.

– И что? Значит, не покажете? Или за просмотр этих сверхбесценных нарядов тоже нужно заплатить? – язвительно спросила Лив, чем ужасно пристыдила продавщицу, которая, покраснев, помчалась вдоль рядов со словами:

– Простите, сеньора, я вовсе не хотела ничего такого сказать... Вот, пожалуйста.

Она выскребла с вешалки длинное, в пол, черное платье с глубоким, до начала бедра, вырезом, открытой спиной, золотым металлическим поясом и двумя широкими лентами ткани спереди, описывающими петлю через голову, предназначенными, судя по всему, для того, чтобы прикрывать грудь. Ткань была легкой, тянущейся, невесомой, и как будто слегка блестя, Лив поразились, она никогда не держала в руках

ничего подобного.

– Клевое. – просто заявил Джонни и уже с нетерпеливым и страстным сиянием в глазах добавил:

– Померяешь?

Лив тяжело вздохнула, как будто ее заставили пробежать стометровку, и посмотрела на ценник. Ее глаза вылезли, наверное, даже не на лоб, а на макушку:

– Сколько?!? Девушка, у вас тут какой-то шутник приписал целых три лишних нолика! Может, просмотрим камеры видеонаблюдения и узнаем, что это был за хулиган?

Продавщица жгуче покраснела и хотела было повесить платье обратно, но Джонни перехватил ее руку и, посмотрев на цену, лишь рассмеялся, а затем строго приказал:

– Иди в примерочную. Девушка, не слушайте ее.

– Ты совсем с серым веществом не дружишь, придурок! – грозно шипела Лив, таща платье в примерочную. – Столько бабок за кусочек ткани на один раз!!! Идиотский аукцион...

И девушка скрылась за шторкой, отослав бедную продавщицу «за какими-нибудь туфлями».

Глава 8

Ровно в семь часов Лив и Джонни все на том же «Ягуаре» подъехали к многоэтажному элитному отелю, на первом этаже которого и располагался этот самый выставочный зал. Глядя на огромную парковку, заполненную дорогими автомобилями и людьми, вышагивающими в потрясающих смо-

киндах и коктейльных нарядах за многие десятки тысяч долларов, девушка все больше чувствовала себя не в своей тарелке.

Она знала, что тоже выглядит эффектно: платье отлично подчеркнуло ее тонкую талию, красивую зону декольте, плавный изгиб бедер и демонстрировала почти полностью потрясающую стройную ножку в округлый вырез до начала бедра; волосы Лив зачесала на один бок, и они длинными, нежными, светлыми кудрями падали ей на плечо и спину, доставая до поясицы и таинственно прикрывая ей один глаз, а на лице был наложен яркий, вечерний макияж, подчеркнувший бирюзовые глаза и ярко-малиновые губы. Лив недовольно расправляла несуществующие складки, пытаясь не дышать, чтобы не испортить прическу, и мечтала взять в руки иголку и нитку и, хотя бы, сантиметров на десять зашить чертов вырез на бедре, смущающий ее больше всего. В общем, прекрасная принцесса ужасно злилась на себя и на чертов аукцион с чертовым фантомасом-крестным отцом в придачу.

Джонни же, напротив, не отрывал влюбленных и восторженных глаз от своей «милой ворчуньи», горя удушливым огнем страсти и сводя с ума своим сиянием и притяжением, а также жаром, от которого Лив хотела бежать, потому что боялась, что ее бьющееся в припадке безумной любви к красавцу в шикарном черном костюме, белой рубашке и дорогих туфлях сердце просто не даст ей завершить то, ради чего

они, собственно, и вырядились.

Лив мрачно покосилась в зеркало заднего вида на черный «Фольксваген», который припарковался в десяти метрах от них, и в котором, в отличие от «Ягуара», не было тонировки, поэтому зеленая и красная шевелюры виднелись как нельзя лучше. Она вздохнула и посмотрела на Джонни, который, вместо того, чтобы оценивать обстановку у входа, желанным взглядом таранился на ее бедро, так по-дурацки не скрытое платьем.

Прилив огня внутри заставил девушку слегка порозоветь, но на деле она лишь закатила глаза и проговорила:

– Слава Богу, доехали и ни во что не врезались! Просто чудо какое-то!

Джонни тепло рассмеялся и, нежным взглядом проделав путь от ноги девушки до ее зоны декольте, задержался там ненадолго, вспыхнув искрами, а затем скользнул по ее шее и, остановившись на губах, сказал:

– Ты сомневаешься в моих водительских способностях, милая?

Лив хмыкнула.

– Нет. Я сомневаюсь, что ты хотя бы пять минут времени смотрел на дорогу... Хотя, при сломанной на правую сторону шее, это и не удивительно.

– У меня не...

– Серьезно? – шутливо с раздражением перебила игриво улыбающегося мужа Лив. – Ой, прости, значит, просто по-

казалось, иначе как еще объяснить тот факт, что ты глупо пялился в мою сторону всю дорогу???

Джонни рассмеялся и, взяв Лив за руку, нежно поцеловал ее запястье.

– Это все ты виновата, малышка. Слушай, – он наклонился к ней, остановившись в сантиметре от ее губ и жадно заглянув потемневшим, горящим взглядом в ее глаза, заставив все внутренности девушки взорваться вулканом и даже отодвинуться, потому что голова явственно и до ужаса быстро начала терять рассудок, – а может, мы... задержимся... минут... на... пять???

– шепнул он, горячо и очень нежно коснувшись губами ее щеки, затем шеи, заставив Лив тяжело вздохнуть от нарастающего бурного вулкана кипящей лавы внутри нее, и только чей-то смех у входа в выставочный центр вернул ее в реальность.

– Пять???

Когда это ты за пять минут укладывался, особь обезьяньего типа?? – Лив поспешно отодвинулась от него, выныривая из горящего шара его страстной энергетики и глотнув воздуха, пытаясь скорее остыть, а для пущей надежности еще и сложив его обе руки обратно на руль. – Хватит думать о глупостях, мы здесь по делу. Там, кажется, приглашения спрашивают... Вот черт!

Джонни обиженно вздохнул, но предпринял еще одну слабую попытку:

– Тогда можно я, хотя бы, тебя поцелую?

– Иди к дьяволу, Джонни, я что, для тебя помаду намаза-

ла??

– Подумаешь, еще раз нама...

– Отвали, или я ее тебе на одно место намажу, кретин! – зашептала злобным шепотом Лив, пригрозив Джонни пальцем. Тот притворно и сокрушительно вздохнул, с тоской посмотрев на вход.

– Зайдем с заднего хода? – предложил Джонни, глядя на то, как работник выставочного центра, а ныне – швейцар в красном костюме, проверяет какие-то желтые бумажки у очередных персон в дорогих прикидах.

– Ты имеешь ввиду какое-нибудь окошко в туалете на заднем дворе? – усмехнулась Лив. – Ну уж нет, красавчик, в платье за тридцать тысяч евро я войду только через главный вход, чего бы мне это ни стоило!

Джонни улыбнулся и кивнул.

– Ладно, Оливка, только возьми с собой своих дружков, а я войду сзади.

Лив кивнула.

– Встретимся внутри. – она улыбнулась ему сияющей улыбкой и, героически подобрав подол своего платья-истязателя, вышла из машины, махнув Марти и Эдди.

Швейцар, при ближайшем рассмотрении, оказался молоденьким парнишкой с темными, почти черными глазами, такими же черными волосами и тонкими, длинными, как у пианиста, пальцами рук, которыми он проверял приглашения у богатеньких посетителей аукциона. Единственным и самым

главным недостатком этого милого, приветливо улыбающегося всем блистательной улыбкой, юноши были двое здоровенных качков в черных костюмах, белоснежных жилетках и рубашках с галстуками и, почему-то, в белых, а не черных, что было бы логичнее, лакированных туфлях, грозно маячившие у него за спиной. Однако, немного пораскинув мозгами, Лив подумала, что это устрашающее приложение может даже кое в чем ей помочь.

– Добрый день, сеньорита! Ваше приглашение, пожалуйста! – с угодливой улыбкой осмотрев девушку своими черными глазами проговорил швейцар.

Лив подняла брови и насмешливо проговорила:

– Ах да, сейчас, оно у меня где-то в заднем кармане... – она положила руки себе на зад и сделала трагическое лицо:

– Ой, кажется, забыла его в другом развратном наряде... Прости, парниша, придется мне пройти так. Уйди с дороги. – грозно шепнула она, блеснув злым взглядом на опешившего швейцара и, пододвинув его, попыталась пройти, но двое громил стеснились перед ней так, что даже щели между друг другом не оставили, нависнув над яростной малышкой как парочка полканов.

– Извините, сеньорита, но на аукцион без приглашения нельзя. Приказ хозяина. – проговорила одна мускулистая гора, и Лив, начиная злиться, сложила руки на груди и язвительно и нетерпеливо проговорила:

– Дался мне ваш аукцион! А насчет хозяина... Может, ра-

ди него я сюда и пришла? Короче, Гималаи, а ну-ка быстренько метнитесь к своему боссу или великому властелину Тибетских гор, как вам больше нравится, а я пока подожду у бара. Но учтите, – она чуть прищурилась и ткнула пальцами тоже порядком ошалевших охранников, которые даже не обращали внимания на недовольство постепенно собиравшейся из-за Лив очереди, в белоснежные жилетки, – если придется ждать слишком долго – от вашего бара останутся одни только «розочки».

И, с силой отпихнув громил со своего пути, не ожидавших нападения со стороны малюсенькой блондинки с большими, голубыми глазами, она протиснулась между ними, как, впрочем, и Марти с Эдди, державшие руки под пиджаками на всякий случай, но с ухмылкой наблюдавшие за действиями дочки Эйдена Мартинеса, и вошла в помещение.

Первое, что бросилось в глаза Лив, это величественные резные колонны, подпирающие потолок, странные и до нелепости разнообразные экспонаты под толстыми стеклянными куполами, как-то: обычная старая трость, какой-то хрустальный шар, книга в древнем переплете, вазы, украшения и даже несколько шикарных автомобилей преклонного возраста, и огромные толпы богатеев в дизайнерских нарядах, с видами знатоков ошивающиеся между всей этой бесценной рухлядью и потягивающие шампанское.

– Сеньорита! – громилы сзади не отставали, следуя за Лив по пятам. – Вам сюда нельзя! Просим вас уйти по-хорошему,

иначе мы будем вынуждены...

Лив расхохоталась и обернулась, глядя на разгневанных мужчин, державших в руках рации и с самым серьезным видом собиравшихся вызвать подкрепление.

– Применить силу? О, я бы на это посмотрела! Вот так зрелище – двое верзил заламывают руки хрупкой, беззащитной девушке... И что скажут все эти буржуи кругом??? Ай-яй-яй! – поцокала языком Лив и сделала знак Марти и Эдди, что все под контролем, потому что видела, как они оба напряглись, готовые броситься на ее защиту в любую секунду.

– Сеньорита, мы не хотим угрожать, но вы нам не оставляете выбора... – забухтел один из них, кажется, все тот же, что и раньше, и Лив, раздраженно посмотрев на него, почувствовала, как теряет последние остатки самообладания.

– Слушай меня еще раз внимательно, инвалид, и включи на этот раз слуховой аппарат, потому что в третий раз я повторять не собираюсь: мне нужен ваш шеф! Усек, слоновьи уши??? Пока я с ним не встречусь, я не уйду, и можешь угрожать, пока из тебя зеленая дрянь не полезет, на меня это не действует! Все, я в бар.

И Лив, не обращая внимания на то, что охранники в белых жилетках развернули какую-то бурную деятельность, двинулась к бару, на ходу взяв у Эдди мобильный (своим она все еще не разжилась) и написав Джонни смс: «Я внутри, но охрана решила подтянуть все силы, чтобы выставить меня. Ты только подумай! Буду у бара». В ответ ей пришло неза-

медлительное: «Если что, выводи их из строя своими колоритными репликами. Я скоро буду, Оливка».

Девушка улыбнулась и, легко взобравшись на высокий стул у стойки, заказала себе бурбон. Бармен, с удовольствием скользнув по ней взглядом и оценив с ног до головы, с обаятельной улыбкой поставил перед ней стакан, но, увидев позади нее человек шесть явно агрессивно настроенных здоровых мужчин, которые, как он знал, работали на хозяина этого зала и аукциона, поспешил улетучиться. Настоящий мужчина.

– Сеньорита! Срочно покиньте помещение! – громыхнул злой и очень низкий голос позади Лив, и та гневно развернулась. Увидев шестерых, одинаково одетых, грозных итальянцев, держащих руки под пиджаками, она вдруг ясно поняла: хозяин этого аукциона точно мафиози. Лив чувствовала это на каком-то своем, внутреннем уровне, понимала, что они приехали, куда нужно... А значит, отступать категорически нельзя. Девушка посмотрела на того, кто говорил, самого важного и наиболее озлобленного сицилийца, и решила, что он – начальник охраны.

– Где ваш босс? – невозмутимо заявила она, сложив руки на груди.

«Начальник» побагровел от гнева и прошипел:

– Он не будет тратить время на всяких дрянных шлюшек... Убирайся немедленно, или сильно пожалеешь!..

Лив захохотала, гневно блеснув на него глазами.

– Серьезно??? И что ты мне сделаешь? Убьешь прямо здесь, при всех этих милых олигархах, и вынесешь мое бездыханное тело на ближайшую помойку?? Только выполни напоследок мое единственное желание, дылда безмозглая, – сделала Лив умоляющий взгляд, – разреши сбежать домой, переодеться! Не хочу умирать в этом идиотском платье!

Видимо, «вывести из строя колоритными репликами» у Лив более чем получилось, потому что шестеро мужчин, привлекая уже нехилое внимание немного обеспокоенных гостей, стали наступать на Лив, смыкая вокруг нее тесный хоровод и даже почти вытащив пистолеты. Марти и Эдди в ту же секунду закрыли девушку спинами, вызывающе глядя на сицилийских мафиози, которые, видимо, сначала делают, а потом уже только думают, и не спуская рук с оружия под пиджаками, но холодному конфликту не суждено было перерасти в горячий.

– Эй, Лоренцо, кого вы там собрались убивать в идиотском платье??? Совсем что ли уже??? – проговорил голос...

Лив перестала дышать.

Она могла узнать этот голос из тысячи...

Этот голос заставлял ее сердце трепетать, душу – пищать от восторга, а тело – переставать слушать всякие там команды головного мозга...

Сильный, властный, brutальный... Чертовски обаятельный и притягивающий... Горячий, как адский огонь...

Голова девушки закружилась, а щеки запылали. Она с тру-

дом отвернулась к бару и сильно зажмурилась, мечтая, чтобы это был не он... не он... не он...

Макс. Макс. Макс.

Так стучало ее взволнованное, испуганное как кролик, дрожащее сердце.

– Нет, нет, нет, нет, только не он, Святые Угодники, только не он, только не он!!! – сквозь зубы отчаянно прошептала Лив, жмуря глаза и боясь повернуться.

– Ну-ка, разойдитесь, чего столпились-то? В самом деле, что ли, убивать кого-то надумали?? Лоренцо, я ведь тебе ясно... – голос, видимо, вместе со своим обладателем, распихал охрану и, приблизившись, осекся.

Лив ждала. Она почувствовала его взгляд на себе, и ей стало еще страшнее... Что же будет, когда она посмотрит ему в глаза?? А он, похоже, узнал ее... Во всяком случае, после следующей его реплики Лив могла больше не сомневаться в этом.

– Нет, нет, нет, этого не может... Белоснежка, ты хоть представляешь, сколько алкоголя и распутных женщин мне потребовалось, чтобы забыть тебя??? – голос по-прежнему обжигал, завораживал, заставлял подчиняться ему... Подчинялось ее сердце.

Лив открыла глаза и, глубоко вздохнув, обернулась.

Макс стоял над ней, сложив руки на груди и, чуть наклонив голову, хмурился, слегка улыбаясь.

Время остановилось и... разбежавшись, понеслось назад.

Лив замерла, не в силах вздохнуть, пошевелиться, что-либо проговорить... Он был все также красив: те же темные, волнистые волосы, прядками спадающие на лоб и затылок, те же темные брови; яркие, сияющие огненным притяжением и сумасшедшим обаянием синие глаза, которые сейчас любовно оглядывали снизу-вверх ножку Лив, показавшуюся из-под платья, ее талию, грудь, шею, подбородок, губы, глаза... глаза... и снова губы, как будто он не мог не смотреть на них. Девушка видела тот самый, давно забытый, жадный блеск его решительного, мужественного взгляда, и сама невольно уставилась на его губы...

Да. Она помнила их.

Картинки из прошлого хлынули потоком в ее память, причиняя ей неопишемую боль в груди: их первая встреча в «Аквамарине», его назойливые приглашения на свидание, их первый поцелуй у нее в квартире, первая ночь... О, нет-нет, об этом совсем нельзя вспоминать!!! Она также вспомнила вертолет, его руку, и то, что она отказала ему, ради...

Щелчок. Лив, наконец-то, смогла вздохнуть. Но боль не уходила.

Макс был прекрасен в дорогом черном костюме, подчеркивающим его идеальную фигуру, белой рубашке, расстегнутой на верхние пуговицы и дорогих туфлях... уже не «GҮ»... Итальянской фирмы. Но Лив не замечала всего этого. Она видела только его глаза и это выражение... Глубоко задавленной боли и страсти... любви... Кажется, какие-то из этих

чувств отражало и выражение ее собственных глаз.

– Босс, эта девчонка угрожала разнести бар, ворвалась без приглашения, провоцировала нас и требовала хозяина! – оправдываясь, забормотал главный из охраны, опустив глаза. Макс огненно и обаятельно рассмеялся.

– Ну да. Это на нее похоже. – он строго посмотрел на мужчин. – Разойдитесь! И Лоренцо... Что за манеры? Кто так обращается с женщиной?

Лоренцо еще сильнее потупился и шепнул:

– Простите, босс. – после чего, все шестеро лопнули, как мыльные пузыри.

Макс покровительственно посмотрел на гостей в зале и успокаивающе произнес:

– Все в порядке, просто недоразумение. Продолжаем веселье.

Шум и разговоры в зале возобновились, а Лив, постепенно приходящая в себя, все никак не могла шевелиться: потрясение от встречи давно потерянного угла любовного треугольника было слишком велико. Макс как будто был тем же... но каким-то серьезным, властным, влиятельным... И таким же чертовски красивым, как и раньше...

Он вздохнул, кажется, тоже приходя в себя, и жадно впитывая каждый изгиб тела Лив, впиваясь горячими, сияющими, синими глазами в ее глаза, волосы, в ее лицо и губы, он проговорил:

– А ты все такая же. Выглядишь потрясно.

Лив слегка покачала головой, чувствуя дикое смущение. Дрожь была такой, что поставь девушка ногу на каблук, он отбил бы чечетку на этом прекрасном паркетном полу.

– Макс... – выдохнула она давно забытое, накрытое теплым одеялом вины и смеси странных, притягательных эмоций имя, спавшее на задворках ее сознания. – Да что ты вообще здесь...

– Максик, дружище! Неужели это ты? Два года прошло с тех пор, как мы не виделись, кошмар! – налетел откуда-то слева теплый, но сегодня чересчур уж горячий вихрь по имени Джонни, с веселой и непринужденной улыбкой оглядевший бывшего лучшего друга и пожав ему руку. Лив вздрогнула и в ужасе посмотрела на него: видел ли он ее замешательство? Прочитал ли ее эмоции? Джонни улыббался, но в его глазах горел огонек бросаемого вызова, искрилась ревность и пылало беспокойство. Лив невольно вздохнула: она никогда не могла ничего скрывать от Джонни... Кроме одного маленького секрета... Но об этом позже. – И кстати, ты сейчас смотришь взглядом голодного крокодила на мою жену, так что давай, переключай мозги в другое русло!

Макс удивленно и снова с некоторой жадностью посмотрел на Лив и весело проговорил:

– Правда??? Я знал, Джонни, что ты захочешь официально узаконить свои права на нее. Только знаешь, друг, если она решит от тебя уйти, то никакое свидетельство о браке не поможет тебе ее...

– Эй! – остановила его Лив, почувствовав, что с приходом Джонни, ее организм получил некоторую перезарядку, но чертова сумасшедшая неловкость от того, что сейчас здесь стоят ее бывший парень и нынешний муж, ради которого бывший, собственно, и был отвергнут, никуда не исчезала, а напротив, росла, как уровень ГМО в продуктах.

– И давно вы женаты?? – полюбопытствовал Макс, изучая глаза девушки с особым пронизательным упорством, напугав ее тем, что он может найти в них то, что ищет.

– Два года. Что-нибудь еще? – триумфально поинтересовался Джонни, с самым хозяйским видом обняв Лив за талию. Девушке стало еще более неловко от этой ситуации и от того чертовски сильного напряжения, которое росло между ними с каждым, подчеркнуто вежливым словом, так что она поспешила сменить тему:

– Так это выставочный центр крестного отца местной шайки? А ты, франкенштейн... – Лив нахмурилась, недоверчиво посмотрев на Макса. – Только не говори, что ты опять заделался консильери у какого-то придурка, возомнившего себя «черным плащом», чтобы случайно не показать людям свою утиную морду и пугливую пернатую натуру?

Макс захохотал, и этот смех, будто перо, пощекотал измучившуюся душу девушки. Она невольно заулыбалась... Так, стоп. Здесь Джонни! И чего это она ударилась в ностальгию?? Забыла, кого любит, глупая девчачья голова?

– «Черный плащ» ??? А еще кто-нибудь меня... – он осек-

ся, но глаза Лив в ужасе расширились. – Может, поговорим в моем кабинете?

Лив медленно слезла со стула, чувствуя, как молот долбит в ее виски и грудь. Нет, это какая-то глупая насмешка судьбы... Так только в идиотских фильмах бывает...

– Будь я проклята десять тысяч раз... – прошептала она, глядя в улыбающиеся и по-прежнему сияющие глаза Макса. – Ты... ты... крестный папаша... сицилийской семьи?!? – девушка медленно посмотрела на Джонни, чувствуя ужас и отчаяние, и не в состоянии понять, что делать дальше. – Так это тебя мы приехали... – Бежать. Бежать. Он ни за что не согласится ей помочь после всего, что она ему сделала...

Макс расширил глаза и зашипел на нее:

– Тише ты, белоснежка, не ори так! Тут, вообще-то, народ немножко не в курсе... Поговорим в моем кабинете? – он посмотрел на Джонни, и тот кивнул.

Бежать. Бежать. Нельзя допустить, чтобы он ошивался рядом с ней и Джонни... Нельзя снова впускать его в свою жизнь...

– Так, мне пора. – Лив отодвинула Макса и, с трудом собрав все складки платья, чтобы не наступить на его подол в спешке, девушка уверенно и быстро двинулась ко входу.

– Оливка, ты куда? – удивленно спросил Джонни. Лив обернулась и, не останавливаясь, крикнула через плечо:

– В аэропорт. Мне нужно поменять билеты до Нью-Йорка на сегодня. И пусть папаша, старый гениальный пень, сам

разбирается с этим павлином!

Лив не успела повернуть голову, чтобы посмотреть, куда она так летит, сжимая юбку от платья в руках, как неожиданно наткнулась на кого-то и даже отшатнулась. Подняв глаза, чтобы принести извинения, девушка так и замерла, второй раз за день просто прилипнув к месту, на котором стояла: перед ней, в приталенном темно-малиновом пиджаке, синей рубашке и черном шейном платке, слегка переминаясь с ноги на ногу в светло-бежевых брюках и черных туфлях стоял несравненный Эрнесто собственной туманной персоной. Его серые глаза с улыбкой разглядывали Лив с ног до головы, и среди тумана девушка уловила пронизательность, живой аналитический ум и то странное притяжение, что не давало ей чувствовать свой беспощадный, разрушительный гнев к нему и убить его на месте...

– Оливия? Куда ты так спешишь? – тихо и вкрадчиво спросил Эрнесто, взявшись поигрывать своей фенечкой руками в неизменных перчатках. – Ты что, уже уходишь? Встреча с крестным отцом прошла не так, как вы планировали? И при чем здесь павлин? Помниться мне, ты так называла одного человека...

– Чего пристал, кузнечик? – злобно проговорила Лив, вернув себе привычное состояние гнева от его расспросов. – Во что теперь играешь? «Убей врага тысячей дебильных вопросов» ?? Хочу и спешу, отойди, пока крылышки не пообломала.

И девушка попыталась обойти Эрнесто, но тот мягко взял ее за руку и остановил, вглядываясь в толпу:

– Постой-ка, сестра... Неужели и правда?? – он вдруг радостно захохотал. – Так новый Дон – это Макс Вератти! Тот самый Макс! Вот почему ты убегаешь... Ну что ж. Эта победа досталась мне почти без боя... Макс не согласится помочь тебе после всего, что было тогда... А у меня есть кое-что, от чего он точно не сможет отказаться... Не печалься, милая, – заметив отрешенное лицо Лив, проговорил Эрнесто, – думаю, он не сделает тебе больно... физически, даже если будет воевать на моей стороне. Но вот от твоих душевных терзаний тебя, к сожалению, никто не спасет... Бедняга Джонни... Может, ты все-таки ошиблась с выбором тогда?..

Лив думала. Она слушала то, о чем говорил ей Эрнесто, и с каждым его саркастичным словом все больше убеждалась в том, какая же она дура и трусиха. Если она сейчас упустит шанс переманить Макса на свою сторону, то позволит Эрнесто сунуть к себе в фиолетовый рукав хорошенького короля с целой сицилийской свитой... Сил ее семьи не хватит, чтобы победить их союз. Но и это не так важно сейчас. Не его слова. Не его чертова игра. А Джонни. Джонни, который остался там и который видел ее реакцию на Макса, очень красноречиво прокричавшую о том, что он ей до сих пор небезразличен... Что она только что окончательно доказала, сбежав оттуда минуту назад.

Решительно и гневно посмотрев на Эрнесто, Лив насмеш-

ливо улыбнулась:

– У тебя слишком богатая фантазия, насекомыш. С чего ты решил, что Макс не согласится?? И я вовсе не убежала, просто... – она прищурилась, лихорадочно соображая. – Просто кто-то сказал, что мою машину с парковки угоняют, хорек. Ты ничего такого не видел своим пуховым рыльцем???

Эрнесто грустно покачал головой.

– Опять грубишь? Оливия, пожалуйста, не делай этого, я очень не хочу наказывать тебя! И врать нехорошо.

– Я не вру, клоп. – спокойно и самоуверенно заявила Лив. – Так ты к Максусу? Тебя проводить? Или твоя жалкая попытка подождет до окончания моего с ним разговора?

Эрнесто мягко засмеялся и вздохнул.

– Так и быть, сестра, предоставлю право первой поговорить с ним тебе. Назначу ему аудиенцию на завтра... Торопиться некуда, я все равно не проиграю.

– Ха! Наивный насекомыш. – усмехнулась Лив и, развернувшись, помчалась обратно к мирно беседовавшим Джонни и Максусу.

Парни удивленно посмотрели на нее, а Марти и Эдди, как-то случайно потеряв ее из виду несколько минут назад, вздохнули с облегчением, когда пропажа сама нашлась.

Лив посмотрела на Джонни и кивнула на важно вышагивающего пружинистыми шагами в толпе Эрнесто, в компании своих пешек, и шепнула:

– Он здесь. – переведя взгляд на Макса, который с восторгом пялился на ее ноги, она, подавив в себе дикую дрожь, проговорила:

– Ну так где твой кабинет? На Луне? Или в подвале? Давай, франкенштейн, шагай, нам надо поговорить.

Макс ухмыльнулся и двинулся в сторону лестницы с левой стороны зала.

– Белоснежка, твой командный голос стал еще сексуальнее... Было на ком поупражняться, да? – шутливо проговорил он, с вызовом посмотрев на Джонни, который беспечно пожал плечами:

– Мы много в чем упражнялись, Максик, все-то тебе нужно знать...

– Хватит! – прикрикнула на них Лив, чувствуя себя все хуже и хуже от их словесного противоборства в желании доказать, кто круче.

– А эти разноцветные дядьки, это кто? – с интересом кинул взгляд на Марти и Эдди Макс.

– Сам ты дядька. – хмыкнула Лив. – Это моя охрана. Друзья мои, короче. – она с ухмылкой переглянулась с Марти и Эдди, и те заулыбались в ответ на ее слова.

Макс тоже улыбнулся, но ничего не сказал.

Они поднялись на второй этаж и вошли в резную, деревянную дверь, за которой и находился обычный рабочий кабинет хозяина выставочного центра, с различными фарфоровыми безделушками вдоль стен, массивным письменным

столом у окна, которое выходило в выставочный зал, кожаными креслами для гостей и неизменным спутником любого кабинета богатенькой шишки – баром, расположенным по левую сторону помещения.

– Милая комнатка. – сказал Джонни, устроившись с самым расслабленным и самоуверенным видом в кожаное кресло и с любопытством оглядываясь вокруг. – Совсем в духе крутого, современного мафиози... Максик, а где мешки ворованных денег? Где разбросанные без дела пистолеты? Где горки героина, пылью покрывающие поверхность стола?

Макс расхохотался и снял пиджак, небрежно бросив его на спинку своего кресла.

– Прости, дружище, забыл всю эту атрибутику дома. Так что вы здесь делаете?? Лив, хочешь что-нибудь?? – вежливо поинтересовался хозяин у девушки, с интересом рассматривающей зал через окошко и наблюдающей во все глаза за тощей, несурзной блондинистой фигурой в малиновом пиджаке.

Она очнулась от раздумий и посмотрела на Макса, стоящего у бара и указывающего на напитки.

– А чего ты Джонни выпить не предложишь? – нахмурилась она. – У меня на лице что, штамп алкоголизма отпечатался?

Макс весело и немного нагло посмотрел на Джонни, который, подняв брови, улыбался, ожидая его ответа, и пожал плечами:

– Нет, просто подумал, что тебе нужнее... Ты выглядишь взволнованной.

Лив почувствовала, как шапка злости резко упала ей на глаза и прошипела:

– А ты поменьше думай, франкенштейн, а то последние мозги в пар превратятся!! Лучше расскажи, как так получилось, что ты теперь здесь босс??? Все эти твои воины в жилетках что, ослепли и оглохли на оба уха, когда пошли за тобой???

Макс огненно улыбнулся и, налив себе и Джонни виски, расселся в кресле, бросая горячие взгляды на фигуру девушки сзади, чем еще больше сердя ее мужа.

– Нет, белоснежка, просто кое-кого убил, кое-кому командовал, кое-что сделал... Это скучная история. Так зачем вы здесь?

Лив ухмыльнулась и снова посмотрела в зал, чувствуя, как сходит с ума от нереальности происходящего.

– Одиндохлый кузнечик, в простонародье величающий себя моим сводным братом, сыном Рико Карелли и Алисы Фелбс и главой могущественного Чикагского синдиката в одном лице, вдруг вздумал сыграть со мной и моим папашей в веселую игру под названием «Убей себя сам, или я сдам тебя с потрохами в ФБР». Этот чертов таракан пришел к нам домой и грозился флешкой, битком набитой автобиографическими фильмами из моей прошлой жизни, а все ради того, чтобы мы плясали под его дудку, кукловод чертов... –

Лив сжала кулаки и злобно посмотрела на худенькие плечи и густую, курчавую шевелюру Эрнесто, мечтая выпрыгнуть из этого окошка и приземлиться прямо на него, сломав ему при этом шею в трех местах. – Но я его переиграю, он не знает еще, с кем связался, насекомыш задохлый, убью, убью!!!

Макс выслушал этот странный опус из жизни животного мира и с ухмылкой посмотрел на Джонни, указав на Лив:

– Джонни, мне не нравится этот ее взгляд... Только не говори, что она решила повоевать с Чикагским синдикатом и приехала сюда, чтобы завербовать сицилийцев на свою сторону...

Джонни развел руками и спокойно проговорил:

– Ну... ты, вообще-то, прав, Макс. Так оно и есть.

Макс захохотал и, встав, подошел к Лив, остановившись рядом с ней в нескольких сантиметрах от ее плеча... Девушка с трудом вздохнула. Она ощущала тепло, исходящее от его сильной руки, чувствовала его жгучую, мужскую энергетику, такую жесткую и страстную, такую обаятельную и решительную... Черт, да как же так!?!?

– Может, расскажешь все нормальным языком? – попросил Макс, обращаясь к Джонни и глядя то в зал, то, с тем же жадным огнем – на профиль Оливии, чувствовавшей его синие глаза на себе и потому не поворачивавшейся к нему. – А то истории о каком-то насекомом вперемешку с угрозами и вариантами расправы оставляют много белых пятен.

Джонни расхохотался, а Лив, раздраженно посмотрев на

Макса, хотела было сообщить насчет белого пятна, которое от него останется, если он не прекратит ее подкалывать, как тут появилось еще одно действующее лицо.

Дверь в кабинет распахнулась, и вошла девушка. Все присутствующие обернулись на нее. Она была высокой, ростом почти что с Макса или Джонни, но ей в этом еще помогали длинные шпильки, вытягивающие и без того бесконечные ровные ноги. Она была жгучей брюнеткой, как и полагается коренной итальянке, волосы, прямые и блестящие, были острижены в каре до плеч. Лив не могла бы при всем желании назвать ее страшенькой, напротив, она обратила внимание на ее яркие, притягивающие глаз, черты лица: голубые глаза, тонкие темные брови, носик, чуть вздернутый кверху, и алые губы, покрашенные дорогой красной помадой. Кожа нежная и ровная, на щеках – игривый румянец, длинные, пушистые ресницы... Лив ощутила укол ревности, которой в принцип не должно было быть. Ну уж очень яркой оказалась эта брюнетка... И Джонни, вон, во все глаза смотрит на нее... Ах ты, черт, этот зеленоглазый уже включил все свои чары обольстителя! Страсть и азарт так и прет, ну погоди же...

Брюнетка была одета по-деловому, но со вкусом и изяществом: красный модный пиджак с рукавом в три четверти, черная свободная блуза с каким-то шикарным колье из красных камней на шее, черная узкая юбка, обтягивающая бедра и заканчивающаяся сантиметров на десять выше колена, и

бархатные туфли ей в тон...

Лив уже заранее не любила ее и не любила себя за то, что позволяла себе не любить ее.

– Макс, там аукцион начался, если хочешь поучаствовать, то... – начала красотка деловым тоном и осеклась, увидев в кабинете начальника гостей. Она внимательно, оценивающим взглядом голодной акулы осмотрела Лив с ног до головы, видимо, обратив внимание на то, что она стоит слишком близко к Макс, и девушка буквально почувствовала насмешку и превосходство, а также самоуверенный эгоизм. Она холодно улыбнулась, получив от Лив злобный, прищуренный взгляд, и перевела акулы глазки на Джонни. Судя по вспыхнувшему блеску и интересу, он ей понравился куда больше: отличный костюм, прекрасная фигура, правильное, чертовски красивое лицо, яркие зеленые глаза, темные волосы... Она вдруг улыбнулась опасной улыбкой обольстительницы и получила в ответ обаятельную и невероятно горячую улыбочку с очаровательными ямочками в качестве дополнения.

– Ой, прости, не знала, что у тебя гости. – сказала брюнетка таким голосом, от которого уровень гнева в груди Лив подскочил еще баллов на десять. Эта черная дьяволица решила пофлиртовать с ее мужем! От нее за километр несет заигрыванием на профессиональном уровне!!! Ударить головой об стол и выбросить из этого окна... Нет, лучше ударить головой об голову Джонни и выбросить из окна обоих... Лив

улыбалась, но в душе ее царил погром.

– А вы кто? – мило и огненно спросила, тем временем, акула, сделав несколько движений в сторону Джонни.

Макс ухмыльнулся и сказал:

– Аврора, это мои... друзья из Штатов. В кресле, с видом «получу любую женщину, какую захочу», сидит Джонни О-Коннел, сын Оливера О-Коннела, босса мафии Нью-Йорка. А это...

– Оливия Мартинес??? – вдруг живо и с огромным удивлением закончила за него Аврора, медленно подходя к Лив и снова смерив ее презрительно-насмешливым, оценивающим взглядом... Который, впрочем, Лив вернула ей сполна. – Та самая, Макс??? Девчонка, которая бросила вызов твоему боссу, вскружила тебе голову и отвергла ради какого-то придурка из своего безрадостного детства???

Лив удивленно вытаращила глаза и посмотрела сначала на Макса, потом на надменную красотку, стоящую рядом и возвышающуюся на добрых две головы над ее макушкой с холодной ухмылкой, и проговорила:

– Смотри-ка! Так ты, франкенштейн, так старательно несколько месяцев прикидывался бегонией в горшке, чтобы, не дай Господи, кто-нибудь не прознал, что ты тут – крестный папочка, зато обо мне растрезвонил всяким цаплям на тонких ножках!!! И кстати, мне в начале показалось, что Джонни пришелся тебе по душе... Так ты всегда обзываешь придурками тех, кого намереваешься затянуть в свои паучьи

сети, черная вдова? Какая-то странная логика оболъщения мужчин... – Лив ухмыльнулась, увидев удивленный блеск в глазах Авроры, которая, надо отдать ей должное, довольно быстро справилась с неловкостью и вернула своему лицу насмешливо-высокомерное выражение, недовольно глядя на малышку-блондинку и на то, как та доверительно заглянула в глаза Макс, и недовольно спросила:

– Макс, это вообще кто?

Макс ухмыльнулся, подняв брови, и, кажется, замечая, что в кабинете творится какая-то чертовщина, весело проговорил:

– Лив, это Аврора. Мой консьюери.

Лив удивленно вытаращила глаза на Аврору, гордо задравшую свой вздернутый нос еще выше.

– Консьюери??? – она захохотала. – Придурок ты, павлин! И в каких это вопросах она тебе советует? Как подобрать рубашку к галстуку? Или как очаровать симпатичного парня??? Ну ты и идиот!!!

Аврора рассмеялась и потянулась, очень гибко прогнув спину, почти как черная, изящная кошка. Надменно посмотрев на Лив, она повернулась и направилась к креслу, проговорив:

– Милая моя малышка! Просто кого-то, помимо внешности, природа одарила еще и мозгами, так что завидуй молча! – она села в свободное кожаное кресло и, подкатившись на его колесиках вплотную к Джонни, эффектно закинула

одну длинную ногу на другую и, наклонившись к нему, нежно и призывно улыбнулась:

– Извини за придурка, Джонни, просто я никак не могла предположить, что такой шикарный, – она снова акульим взглядом осмотрела Джонни с ног до головы, за что он огненно ей подмигнул, – и сексуальный мужчина может оказаться мужем этой маленькой, грубой дурынды.

– Я на красивых девушек никогда не сержусь, милая Аврора. – горячо проговорил Джонни и тоже наклонился к ней, обжигающим взглядом пройдя по ее колену, тонкой, нежной руке с длинными пальцами и шее, остановившись на алых губах. Лив ощутила не просто взрыв, а бешеную лавину ревности, приняв несколько секунд, в течение которых лица Джонни и Авроры находились довольно близко друг к другу, а их глаза игриво застыли на губах с ярко выраженным желанием попробовать их на вкус, за целую вечность. Но маленькая, не пылающая убийственным гневом частица в ее мозгу, называемая здравым смыслом, все-таки сумела донести до ее разбушевавшегося сердца мысль, что Джонни таким нехитроумным способом мстит ей за Макса. – Только не обзывай мою девочку, договорились?

Аврора пожала плечами и с вызовом и снисхождением посмотрела на Лив, наконец, прервав этот недвусмысленный зрительный контакт:

– Ладно уж. Но ответь мне на один вопрос: что вы двое таких эффектных красавчиков в ней нашли?? Это что, изящ-

ная форма мазохизма какая-то??

– Нет, цапля, – ответила еле сдерживающая гнев Лив с холодной улыбкой, – просто кое-кого природа одарила не только внешностью, но и мозгами и... как ты там говорила? Забудь молча.

Аврора сочувствующе посмотрела на Джонни и снова – на Лив, откровенно насмехаясь всем своим видом:

– Какая самоуверенная малышка... На твоём месте, я бы лучше присматривала за своим мужем: такого, как он, непросто удержать в своих руках... А ты, я смотрю, даже не ревнуешь, глупышка.

Джонни игриво подмигнул Лив, которая всеми силами пыталась изничтожить такую остроумную цаплю глазами, и весело улыбнулся:

– Ты ошибаешься, Аврора. Она иногда ревнует. Когда я хожу в ресторан или в другие общественные места без нее...

Аврора ласково, по-кошачьи, посмотрела на него и, бросив на Лив презрительный взгляд, нежно проговорила:

– Просто твоя жена – еще маленькая, глупая девочка, которая никак не может понять, что мужчину можно увести в два счета, не пугаясь при этом ее грозного присутствия!

Лив сжала кулаки, чувствуя, что если сейчас это все не остановить, то ее просто «прорвет», и кажется, Макс услышал ее мысли, потому что нахмурился и проговорил:

– Так... Идиотизм набирает обороты... Аврора, иди в зал, ты вообще помнишь, зачем мы все это устраивали? – он ука-

зал на окно позади себя.

– Конечно, Макс. – угрюмо ответила Аврора с видом, будто у нее отбирают вкусную конфетку. – Надо отмыть пять миллионов... Есть какие-нибудь предпочтения? – она встала.

Макс посмотрел в окно, затем – с нежным сиянием в глазах – на Лив, и спросил:

– Белоснежка, может, тебе что-нибудь понравилось? Я с радостью куплю тебе все, что пожелаешь.

Лив вздрогнула и посмотрела в зал, затем хихикнула:

– Да, понравилось, франкенштейн, мне понравился вон тот симпатичный хрустальный шар... Может, если я поколдую на нем, он превратит твоего советника обратно в жабу? А то человек из нее, прям скажем...

– Все, Аврора, иди. – вздохнул Макс, и Аврора с победной улыбкой вышла из кабинета. – И к твоему сведению, это не магический шар, а светильник дочери короля Генриха III...

Лив прыснула.

– Очень жаль! Может, наконец, поговорим о деле?

Через пятнадцать минут пространных рассказов и подробных характеристик Эрнесто Карелли все трое угрюмо пялились на блондина из окошка кабинета, сложив руки на груди.

– Значит, вон тот странный тип в одежде из гардероба работников цирка узнал о планах твоего отца пригласить меня на помощь и, не стерпев поражения, отправился за вами,

чтобы предложить мне что-то супер-классное, гораздо лучшее, чем может предложить Эйден? – задумчиво проговорил Макс. – Да... Психиатрическая больница могла проводить на нем шикарные эксперименты. Я с ним, конечно, встречу. – добавил он серьезно.

Лив посмотрела на Макса, украдкой обратив внимание на такой знакомый ей мужественный профиль, задумчивые, сияющие жестким, решительным светом глаза, и ее снова накрыло мучительное чувство вины и замешательства, вперемешку со страхом.

– Мой отец готов предложить тебе что угодно, если ты согласишься помочь ему. – сказала Лив, нахмурившись. – Но вообще... Я пойму, если ты откажешься и выберешь его. У него больше шансов на победу... да, черт побери, у него все козыри в руках! Мы не можем его вычислить, не можем выследить, не можем сделать и шаг влево, без того, чтобы он не узнал об этом! И у него есть эти чертовы видео... Не говоря уже о мощи чикагской семьи.

«И нет той, которая разбила твое сердце», – подумала про себя Лив, но говорить это вслух и не требовалось: Макс и так все понял. Он посмотрел на Лив внимательным взглядом и проговорил:

– Я должен встретиться с ним. После этого, я приму окончательное решение, белоснежка. Это будет справедливо.

Лив только кивнула, не в силах отвести взгляда от его синих глаз. Джонни внимательно посмотрел сначала на него,

затем – на нее, после чего взял Лив за руку и потянул к выходу со словами:

– Ладно, Макс, раз мы обо всем поговорили, то нам, пожалуй, пора, а то поздно уже, темно на улице, а Кальтаджироне кишмя кишит разными там мелкими хулиганами и воришками! Видел бы ты сводки новостей! Ух! Идем, Оливка, и смотри под ноги, ты же не хочешь наступить на свое любимое платье?

Лив позволила Джонни увести себя, слушая его легкомысленный треп, но все еще глядя на Макса, который провожал ее жадным, собственническим взглядом, сияющим так сильно, что ее сердце с каждой секундой дрожало все больше.

– Где вы остановились? – спросил Макс.

– В «Желтом одуванчике». – сказала Лив, опустив глаза. –
Номер 328.

Макс кивнул.

– Завтра позвоню. Спокойной ночи, снежная королева.

– Пока, павлин. – быстро бросила Лив и выскочила за дверь, проклиная себя за свои слабости, за свои проснувшиеся воспоминания, за то, что до сих пор она что-то испытывает к нему, и это только усложняло все поставленные перед ними задачи...

Джонни злился.

Лив шла за ним, глядя на его сосредоточенное лицо, не чувствуя его обычного тепла, обаяния и притяжения, а только тонкий холодок... А ведь она любила его! Любила до ужа-

са, до безумия, до смерти! Она не могла без него жить, дышать, смеяться... А сегодня она посеяла в нем зерно сомнения, причинила ему боль...

Остро ощущая дикую злость на саму себя и болезненное покалывание в груди, Лив стиснула зубы и, сама того не замечая, руку, которой держалась за его ладонь. Джонни обернулся на нее, но ничего не сказал, а просто продолжил уводить из выставочного центра, пробираясь между людьми. Одни только эпатажно разукрашенные братики с самым обычным, скучающим видом шли следом и не подозревали о бурях чувств, творившихся в душах их подопечных.

Терзаемая чувством вины перед мужем и мыслями о том, что ей нужно будет сказать, чтобы успокоить его, Лив не заметила, как они подошли к «Ягуару». Но сесть в него она не успела. Джонни вдруг резко развернул ее к себе и дико поцеловал, не сдерживая мощной, кипящей лавы внутри себя, с огромным отчаянием, грубо, не церемонясь и не пытаясь даже хоть немного быть ласковым с ней... Взрыв внутри нее, она целовала его в ответ, пытаясь избавиться от боли, которую причиняла вина ее сердцу, и тихо растекаясь в его руках... А он прижимал ее все сильнее, целуя все горячее и требовательнее, будто они не были на улице, будто вокруг них не ходили целые толпы нарядных и важных мужчин и женщин, будто Марти и Эдди не пялились на них так удивленно, никогда прежде не наблюдая за их взаимоотношениями, потому что пара предпочитала вести себя прилично на

публике...

Оливия чувствовала его жгучую, отчаянную, объятую адским пламенем ревность, умирая от его страсти и напора и потихоньку ускользая в мир собственного удушающего вулкана, который запустил ее сердце в бешеном ритме, заставил дрожь пройти по телу, а низ живота – сладко занять от страсти... Его руки жгли кожу на спине, чуть не до боли сжимая ее в своих пылающих ладонях, Лив почувствовала его пальцы под тонкой тканью выреза, когда он опустил руку ниже, к пояснице, и тяжело выдохнула... Пульс, пульс, становится все горячее, поцелуй теряет грубость, превращаясь в нежность и ласку, но напор остается... Лив не могла вдохнуть, не могла выдохнуть, собственное пламя перехватило ей горло, она тонула в его руках и бешеной, неукротимой энергии, в его безумной любви к ней...

Минуты или секунды прошли, пока они стояли так у своей машины и целовались, забыв обо всем на свете в этом мире и о том, что они здесь не совсем одни для демонстрации подобных сцен, но, наконец, Джонни перестал целовать ее и выдохнул, заглянув в ее глаза... Лив смотрела и смотрела в его черные – черней, чем небо над головой – жадные, наполненные необузданным желанием, зеленые глаза и пыталась прийти в себя, ощущая, как горят ее губы от жесткого поцелуя и как дрожит все тело от невероятной слабости, будто она бежала кросс по гористой местности... Все в ее душе тянулось к нему, каждая клетка ее тела впитывала его сия-

ние, а она ждала... Нежно дотронувшись рукой до его щеки, ощущая какую-то затаенную боль и страх, но мечтая, чтобы он не замечал этого, она с любовью и нежностью провела ладонью по его шее и опустила на грудь, слушая ускоренный ритм его сердца, но только глядя в эти глаза... Джонни тоже тяжело дышал, но не смотря на переполнявшую его страсть, был серьезен... Лив испугалась еще больше... Он никогда не был серьезным, он всегда улыбался... но и таких грубых поцелуев он никогда ей не дарил, обращаясь бережнее, чем с самым бесценным сокровищем этого мира...

– Джонни... – в бесконечном ужасе шепнула она, при этом чувствуя, как сходит с ума от безумной смеси желания и душевной боли.

Джонни вдруг снова вздохнул, как бы приходя в себя, и тихо сказал самым серьезным голосом:

– Оливка. Ты должна знать одну вещь. – в душе Лив произошел мощный обвал снежной лавины, она затряслась, закусив губу от страха... Только не говори, что мы расстаемся, или что-то в этом роде... Только не это... не это... не это... Но Джонни сказал кое-что другое, по-прежнему не отводя от нее своих горящих, зеленых глаз. – Ты прекрасна. Ты совершенна. Ты идеальна для меня. За твой смех, я отдам все, что у меня есть, до последней вещи. За твой взгляд, я переверну весь этот мир к чертям собачьим, только попроси. За всего лишь одну каплю твоей любви ко мне – я умру сто миллионов раз любой, даже самой мучительной смертью. За твой

стон в моих руках... – его глаза потемнели еще, хотя казалось, дальше уже некуда... Лив жадно ловила каждое слово и пребывала в лучах эйфории... Солнце светило в ее голове, птицы пели в ее душе, любовь разрывала ее сердце... Неужели она и правда слышит все это сейчас?.. Знал бы он, на что она готова, лишь бы услышать эти слова снова... Вспышка, вспышка, вспышка... Ее щеки запылали... Она закрыла глаза, мечтая услышать конец фразы, и вцепилась в его пиджак с невероятной силой в маленьких ручках, а в животе вновь происходил переворот... – Я продам душу дьяволу и буду делать это снова и снова, чего бы мне это ни стоило. – закончил он, и Лив, дрожа всем телом, открыла глаза...

Она знала, почему он это говорит. Она также, как и он, могла читать в его глазах. Страх ее потерять ревность ревность Макс Макс ревность ревность страх ее потерять – пронеслась линия звуков в ее голове... Черт, нужно немедленно все исправить, или она возненавидит себя на веки-вечные, срочно, срочно!!!

Но Лив не могла отвечать, все в этом мире исчезло: слова, звуки, окружающая их природа... Она слышала только стук собственного сердца и повиновалась его приказам... Потянув его за пиджак на себя, она сама поцеловала его, нежно, жарко, со всей своей безграничной любовью к нему, но тут же отстранилась, мечтая только о том, чтобы скорее попасть в отель, где они остановились, и еле слышно шепнула ему в губы:

– Поехали скорей.

Джонни наконец-то улыбнулся, внимательно присмотревшись к выражению ее глаз, и открыл перед ней дверь машины.

Эта поездка была одной из самых длинных в жизни Лив. Темные улицы были пустынные, Джонни ехал на предельно возможной скорости, но Лив казался каждый запрещающий сигнал светофора вечностью, каждые сто метров – как чертов миллион километров, каждое снижение скорости перед пешеходным переходом – отвратительной насмешкой...

Вся окружающая действительность превратилась в смазанный, темно-синий фон, изредка окрашивающийся оранжевыми полосами встречных фар или уличным, оставляющим желать лучшего по своей яркости, освещением, а в голове девушки четкими линиями оставался только салон «Ягуара», Джонни за рулем, сосредоточенно глядящий на дорогу и периодически – на нее, и его слова, раз за разом повторявшие в ее голове: «Ты идеальна для меня» ... Лив не могла поверить в это. Разве может она быть идеальной хоть для кого-то? Злобная, наполненная ядом, карикатура на взрослую женщину, заключенная в тюрьму собственных комплексов и имеющая серьезные проблемы с контролем гнева... Что в ней есть хорошего?? Она миллион раз задавала себе этот вопрос, когда прокручивала в голове свою же историю прошлого и пыталась понять, почему Джонни не оставил ее еще тогда, когда она в, мягко говоря, нелестной форме

отправляла его куда подальше, обзывалась, что и до сих пор никак не может в себе притормозить, вела себя совершенно по-дурачки? Как он мог полюбить ее такую? Другое дело – Макс. Для него она была определенным образом, возможно каким-то чудом попав в тот типаж женщин, который ему невероятно нравится, но, по воле случая, не встречавшийся ему на пути до нее... Да что уж говорить, он сам был для нее образом, идеализированным до последнего штриха, да и сейчас, если присмотреться, особо отталкивающих недостатков в нем даже с помощью хирургического вмешательства не найдешь...

А Джонни... Лив посмотрела на него, вздохнув и склонив голову на подголовник сиденья. Вот он и правда идеален... Она внимательно посмотрела на его лицо – прекрасный, мужественный профиль, на его темные брови и пушистые ресницы, на его губы... Он лучился такой мощной энергетикой, какой не было в ней самой, тем теплом и той надежностью, которой ей в жизни так недоставало, которая питала ее, заставляя дышать, заставляя верить в то, что счастье и семья – неразделимые понятия, главной основой которых была и остается любовь.

Она разглядывала его, чувствуя, как мысли в голове становятся все тише, а на смену им приходит невероятно сильное желание снова коснуться его, оказаться в его объятьях, ощутить его губы на своих губах и сделать все, чтобы передать ему свои чувства. Чтобы он никогда и ни секунды не

сомневался в ней...

Первый светофор. Джонни затормозил на перекрестке, ожидая зеленого сигнала, и горячо посмотрел на Лив. Она встретилась с ним глазами, но тут же ее взгляд поплыл по его шее к плечу и дальше, по руке, лежащей на рычаге переключения передач всего в каких-то нескольких сантиметрах от ее бедра, открытого не без помощи того самого нелюбимого ею выреза на платье... Джонни проследил за ее глазами и, заметив, как жадно она смотрит на его руку, вдруг нежно коснулся ее бедра костяшками пальцев той самой руки, огненно проведя по ее коже вдоль кромки выреза.

Дыхание перехватило, сердце сжалось в груди, а в животе словно свернулась горячая змея, медленно начинающая потягивать за нервные окончания по всему телу... Лив резко вскинула на него глаза, увидев, как он улыбается, следя за ее реакцией на его прикосновение, и заметив в его взгляде вновь вспыхнувший огонь... Джонни продолжал любовно оглядывать ее лицо, нежно касаясь ноги девушки и все сильнее затягивая ее в сумасшедший жаркий водоворот чувств, как бы играя с ними, пока светофор не поменял окрас, и ему не пришлось рулить дальше...

Рука, рука, Лив не хотела прекращать контакт с ним, ей было жарко, открыть окно? Нет, в салоне довольно прохладно, а щеки все равно пылают... Она обиженно посмотрела на его руку, которая совершенно невозмутимо переключала передачи вместо того, чтобы касаться ее, и, с трудом выдохнув,

провела дрожащими ладонями по своим щекам... Джонни внимательно наблюдал за ее движениями, и его глаза, как по заказу, снова принялись чернеть... Нет, это сумасшествие какое-то...

Второй светофор. Лив снова уставилась на Джонни, утопая в его ласкающем взгляде и, повинувшись собственному инстинкту, протянула руку и дотронулась пальцами до его плеча, нежно проведя по его руке вниз, к пальцам, и наслаждаясь силой его мышц и теперь уже его реакцией... Он глубоко вздохнул и с умоляющими нотками посмотрел на нее... Нет, она уже не могла остановиться, она не могла сидеть рядом с ним просто вот так, не касаясь его, не целуясь с ним, не обнимая его... Лив с трудом дышала, преодолевая нахлынувшую жгучую страсть и продолжала гладить его руку, глядя на него большими аквамариновыми, сияющими глазами, упрашивая продолжить игру...

Снова в путь, теперь ее рука переместилась на его бедро, и Лив провела ноготками по брючной ткани от колена к началу ноги, впиваясь со всей своей страстью и яростно закусив губу... Джонни выдохнул и жестко перехватил ее руку, посмотрев на нее черными глазами – в ее глаза, на ее губы, ниже, ниже, по шее к груди, к животу, к ногам... Она видела, как тяжело ему было держать себя в руках, и ликовала...

– Черт возьми, Оливка! – воскликнул он и, убрав ее руку ей же на бедро, достал из кармана телефон и куда-то позвонил. Лив слушала его, пребывая в огненном тумане, почти не

понимая того, что он говорит, однако, кое-какие слова все-таки донеслись до ее уха:

– Привет, Марти! – весело сообщил Джонни в трубку, и девушка вздрогнула, совсем забыв о том, что за ними следом по пятам ехала машина с ее охраной. – Слушай мою команду: дуйте в отель и ждите нас там, мы будем через полчаса. Усек, дружище? – Джонни с веселой улыбкой послушал ответ и положил трубку, посмотрев в зеркало заднего вида.

«Фольксваген»-преследователь довольно ловко и быстро выехал на встречную полосу и, обогнав «Ягуар», быстро умчался вперед, через пару секунд исчезнув за поворотом.

Лив еще больше расширила глаза, уставившись на Джонни и совсем перестав дышать... или, наоборот, она дышала слишком часто...

Третий светофор. Они одновременно отцепили ремни безопасности и бросились друг к другу, не замечая того, что машина стоит на перекрестке, не замечая недовольства подъезжавших сзади водителей, которым приходилось объезжать никак не желающий сдвинуться на зеленый свет черный «Ягуар», но ничего из этого не стоило того самого поцелуя...

Джонни снова грубо и страстно целовал ее, горячо, жадно лаская то верхнюю губу, то нижнюю, и Лив просто умирала от бешеных вспышек в своей голове, от пульсации крови по всему ее телу, от того, с какой яростной силой его руки ласкали ее тело... Она не могла дышать, как же жарко, где же

кислород, она же умрет без него... И сама не замечала, как отвечала Джонни с той же страстью, тем же безумным огнем, как она с силой тянула его к себе за рубашку, ближе, ближе, мечтая оказаться в его объятьях, прижаться к нему как можно крепче, ощутить, как горит его тело... А он продолжал целовать ее губы, ее пылающие щеки, страстно оттягивая ее голову назад за волосы, чтобы открыть для себя ее нежную шею и целовать с еще большей страстью и напором...

Вспышка, вспышка... Джонни быстро перелез на заднее сиденье, потянув ее за собой, и она послушно последовала за ним, наконец, получив то, о чем так долго мечтала: доступ к телу. Поцелуй, поцелуй, все настойчивее, все требовательнее, Лив сходила с ума, утопала в обжигающем, головокружительном безумии, слыша только его бешеный стук сердца, чувствуя только эти грубые, огненные прикосновения, только его губы на своей коже... Вспышка, вспышка... Платье задралось уже дальше некуда, она умирала от его бешеных ласк и стонала, задыхаясь в собственном фейерверке... Руки – бедра, руки – грудь, губы, губы...

Но кое-что не давало ей покоя... Вспышка, вспышка, вспышка... И почему они не могли потерпеть до отеля?... Утопая в его ласках и совсем теряя контроль, Лив все же заметила, заметила, каким жестким и обжигающим он был... Не как обычно. Не как всегда...

– Джонни... – еле слышно выдохнула она ему в губы, но он лишь качнул головой, посмотрев на нее желанными глазами,

показав всем своим видом, что не собирается тормозить. – Джонни...

Но она должна знать...

Джонни вопросительно и нетерпеливо поднял на нее свои черные, сияющие страстью, глаза и с трудом вздохнул.

– Что с тобой?? – тихо шепнула она, часто-часто дыша и все теснее прижимаясь к нему, как будто испугавшись, что он уйдет.

Джонни ухмыльнулся и горячо шепнул ей на ушко, сжав рукой ее бедро:

– Оливка, ты глупышка. Я люблю тебя, моя девочка, и, по моему, это отличный предлог к тому, чтобы...

Лив вздрогнула. Она все поняла, все поняла. «Моя девочка»... Джонни почти никогда так не говорил... Так говорил Макс. Она посмотрела на него и нежно улыбнулась.

– Это ты придурок, Джонни! Тебе не нужно доказывать мне, что ты лучше, чем он. Я это и так знаю. Для меня ты – самый лучший из всех, я выбрала тебя не просто так, а потому что люблю больше жизни, понимаешь? Тебе нечего бояться. – и она нежно поцеловала его, чувствуя, как он облегченно выдохнул, как потихоньку уходит дикая и необузданная энергетика, сменяясь такой привычной теплой и нежной, но от этого не менее страстной и не менее любимой, той, которая и дарила Лив жизнь. И, пока дело не зашло слишком далеко, Лив снова отстранилась от него и возмущенно прошептала, глядя в теперь уже недовольные заминкой глаза:

– И кстати говоря, с чего это ты решил, что я не ревную, когда ты при мне строишь глазки всяким там цаплям и вампирюгам не первой свежести?? Если я не кидаюсь на них с диким криком и не ломаю им носы или не выдавливаю глаза, то это вовсе не значит...

– Правда? – счастливо, как мальчишка, просиял Джонни. – Оли-и-ивка... Ты хоть понимаешь, что ты со мной делаешь???

Снова поцелуи, жаркие объятия, платье Лив летит куда-то на переднее сиденье бесформенным комком былой роскоши...

– Слушай, там сзади все сигналият, может до отеля подождем? – неуверенно спросила Лив, получив в ответ возмущенное:

– Ты спятила?? Мы не на железнодорожном переезде, объедут, и вообще, какая тебе до них разница??? Все, Оливка, бросай размышления о ерунде и прекрати разговаривать.

Лив закатила глаза, но с удовольствием подчинилась.

Глава 9

Макс позвонил на следующий день, как и обещал. Уже вечерело, Лив, Джонни и Марти с Эдди смотрели какой-то фильм, жуя пиццу в номере отеля, где они остановились.

Прервав оживленную дискуссию на тему того, кто же, все-таки, убил дочь сестры главной героини, и не муж ли это сестры, потому что он выглядел как-то уж слишком «по-ма-

нъячески», а его лицо как будто «утюгом погладили», зазвонил телефон на прикроватной тумбочке.

Джонни вяло потянулся и снял трубку:

– Алло? – зевая, проговорил он, не отрывая глаз от телевизора. – Максик! – его интонации оживились и повеселели... По крайней мере, Лив, которая ощутила резкое обрушение острых сосулук прямо на ее сердце, не услышала хорошо скрытого напряжения. – Как жизнь?

– Ну я же говорил, что это тот менеджер – убийца! – взревел Марти, радостно хлопнув себя по коленке.

– Ты просто случайно угадал, зеленоволосый! – сокрушенно воскликнула Лив. – А создатели фильма – идиоты, убийца не может быть с таким наивным лицом! Это бред.

– Да, мы тут фильм смотрим. – сказал Джонни в трубку. – Зеленый угадал великую тайну этого блокбастера... ну, кто маньяк. А ты смотрел...

Лив недовольно выхватила у Джонни трубку, быстро стукнув ею его по голове, и с замиранием сердца и мольбой, чтобы ее сердце сохраняло ровный ритм, прошипела:

– Что ты с ним фигню всякую обсуждаешь, дубина? Привет, павлин. – сказала она в трубку.

– Привет, белоснежка... – ответил ей брутальный и невероятно притягательный голос, и предательское сердце Лив все-таки задрожало. – Так странно говорить с тобой по телефону... Как будто и не было этих двух лет. – спокойно рассудил Макс, и Лив вздохнула.

– Да уж... Призраки прошлого атакуют. – с горечью сказала девушка, не испытывая по этому поводу ни грамма веселья, а только замешательство и дурацкое чувство вины. – Что ты решил, Макс? Ты встречался с Эрнесто?

– Да... – его голос стал насмешливо-изумленным. – У него было очень... оригинальное предложение ко мне... Но я помогу тебе, белоснежка. – добавил он голосом, в котором мелькнула и нежность, и страсть.

Сердце Лив защемило от радости и... страха. Она победила! Макс на их стороне! Но... теперь им предстоит очень часто видеться... а это тяжело... и больно.

– Ты серьезно??? – деловито спросила Лив, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце, и посмотрела на Джонни, кивнув. Тот нахмурился и просто кивнул в ответ, пусто уставившись в телевизор, но почти наверняка слушающий каждое слово девушки. – Но... ты же понимаешь, что даже вместе у нас мало против него шансов! Мы даже не знаем, где он прячется...

– Лив. – остановил ее Макс властным, жестким голосом. – Даже если бы он предложил мне все сокровища на этой планете и угрожал бы стомиллионной армией, я бы все равно никогда не смог отказать тебе. Неужели ты сомневалась в этом, моя де... белоснежка?

Щеки Лив запылали, нет, это катастрофа! Да как он может такое говорить ей? И называть ее своей девочкой, как раньше? Чертов Макс!!! Убить его мало!!! Лив стиснула зу-

бы, злясь на себя, как сто разъяренных быков, и, посмотрев на Джонни, радуясь, что он не видит ее смущения, тихонько вздохнула:

– А ты не находишь это странным, франкенштейн?? Ты отказываешься от какого-то супер-предложения со стороны мощнейшего Чикагского синдиката ради слабеющей по всем параметрам другой мафиозной семьи и девчонки, бросившей тебя ради другого и сломавшей тебе жизнь??? Ты что, не в своем уме малость?

Макс весело расхохотался в трубку, а Джонни недовольно поморщился. Лив вздохнула.

– Не вижу ничего странного, моя де... тьфу ты, черт!.. белоснежка. Один твой отказ – это еще не конец света, значит, можно попробовать снова завоевать тебя... А насчет спецпредложения... Твой сводный братец немножко не угадал с моими пожеланиями. Я помогу вам, но взамен Эйден обеспечит мне свободную дорогу назад, в Нью-Йорк. Я хочу беспрепятственно летать в свой город. Это мое условие.

Лив молчала, не зная, что сказать. Она почти не слышала, что он там лепетал про свое условие, но одно поняла четко: у этого гада на нее какие-то планы... Дико вспыхнув от нового прилива смущения и гнева, стараясь говорить нормальным голосом, а не шипеть гадюкой, которой наступили на самое болезненное место на теле – на все чертово тело, и пытаюсь унять разбушевавшиеся нервы, Лив воскликнула:

– Ты что, бабуин, совсем умом тронулся??? Ты чего себе придумал, главарь банды белых жилетов??? Так, слушай меня внимательно, Макс, выкинь всю эту ерунду из головы, ясно??? Ты слышишь??? Или я тебя убью, убью, упертый увальень!!!

Макс снова засмеялся и, сквозь веселый и невероятно обаятельный хохот, проговорил:

– Ты все такая же милая, белоснежка! Да ты просто сама не оставляешь мне выбора! Так, когда начнем? Сегодня я не могу, прости, милая, дела. А вот завтра вполне можем вылететь...

Куда вылететь, разъяренная Лив уже не слышала: не менее гневный Джонни выхватил у нее трубку и фальшиво веселым голосом проговорил:

– Макс, дружище... Так ты согласился? – он деловито выслушал ответ, кивнул и вдруг серьезно, с жесткими и угрожающими нотками в голосе, добавил:

– Отлично. Только запомни одно, красавчик: попробуешь подъехать к моей Оливке – и я тебя убью. Убью самым кровавым способом и не на словах, как моя любимая жена, а в реальности, выпустив кровь из каждой вены и артерии по всему твоему телу. Усек, дружище? – он серьезно выслушал ответ и перевел тему в совсем другое русло, обсуждая, на каком самолете они завтра полетят в Нью-Йорк, скольких людей потребуется взять с собой и другие подготовительные мелочи самым обычным, не злым, не ревнивым и не разгне-

ванным тоном.

Лив только смотрела на Джонни, взволновано закусив губу. Великолепно. Ее первая любовь вернулась и решила окончательно восстановить себя в правах одного из углов ее любовного треугольника... Осторожнее, Оливия, твоя игра только начинается!

Марти, который удивленно слушал угрозы Джонни крестному отцу сицилийской мафии, с коим его боссы оказались уже знакомы, ткнул Эдди в бок и, указав на парня, хмыкнул:

– Ну вот, Эд. А ты говоришь, не бывает маньяков с добрыми лицами! Ты только на этого посмотри: милашка, а как убить-то угрожает! С этим... как его... изощрением!

Лив нервно рассмеялась, услышав своего телохранителя и уже совсем не понимая, о чем идет фильм на экране.

Глава 10

Итальянский говор прорезывал душный воздух зала регистрации на посадку в аэропорту Кальтаджироне. Лив, Джонни, Макс и Аврора, которая ни за что не захотела отпустить своего шефа одного и лишать себя возможности поддразнить чужого мужа своими игривыми флюидами, стояли в очереди на посадку, оживленно разговаривая.

– Мои люди узнали самолет, на котором Эрнесто вылетит в Нью-Йорк. – сказал Макс, стоя рядом с Лив в черной толстовке с капюшоном на молнии, джинсах и черных кедах, с огромным интересом и азартом разглядывая зал своими

обаятельными, синими глазами. И Лив, и Аврора, и Джонни понимали, что он ищет своих людей, которые должны были страховать его посадку в самолет и, судя по его беспечному спокойствию, видимо, он их нашел. – Это частный рейс «Парома-грассо», 344, вылетающий с небольшого аэродрома недалеко отсюда и прибывающий в аэропорт «Кеннеди» в Нью-Йорк завтра, в шесть утра. Мы прилетим на полчаса раньше в тот же аэропорт...

– Дождемся и проследим. – кивнул Джонни, прочитав мысли Макса и совершенно невозмутимо жуя какую-то конфету, не забывая при этом еще держать Лив за руку. – Может, в этот раз, вопреки гравитации, он взмоет в небо и скроется за облаками?

– Думаю, он скроется за облаками только в одном случае. – усмехнулась Аврора, нежной тигрицей глядя на Джонни, склонив голову на бок и изучая его потрясающую фигуру, облаченную в синюю, обтягивающую футболку, черную толстовку с воротником-стойкой, накиннутую поверх нее, джинсы и синие «найковские» кеды.

Сама же она была на пике совершенства: и нежно-голубое, закрытое платье-футляр на ней сидело, как влитое, и волосок лежал к волоску на аккуратной голове, и макияж – как на званый вечер, и даже туфли и лак на ногтях подобраны в тон к платью... Вот же несносная цапля! В самолет вырядилась, как на подиум... Так думала Лив, пытаясь все же тушить вспышки гнева в своих нервных клетках и крепче

сжимаемая руку Джонни, явно проигрывая акуле-тигрице в выборе наряда: на ней были любимые цветастые штаны из легкой ткани, черная, обтягивающая майка и сандалии на плоской подошве и тонких кожаных ремешках. Волосы девушки струились белыми локонами по спине как попало, несколько прядей в вечном хаосе свисали ей на лицо, а макияжа было совсем немного... по сравнению с лицом Авроры.

– Словом «думаю» ты описала сейчас невнятное клокотание серого, однородного вещества в твоей голове, которое долгие годы производило процесс самоочистки от любых впадин и неровностей путем бесконечной охоты за теми представителями человечества, что носят модную трехдневную щетину и ходят такой походкой, будто не земля носит их, а они ногами подпирают ее, чтобы в Космос случайно не отлетела? – запутанно, голосом, будто она вела рассказ о составе торта «Наполеон», но, все же, с громадной долей насмешки проговорила Лив, бросив выразительные взгляды на тех самых «представителей человечества» с щетиной и ногами-источниками силы притяжения, стоящих по обе стороны от нее с самыми самоуверенными лицами.

– Оливка! – слегка одернул ее Джонни, правда, следом подпортив впечатление о своей правильности, захихикав, отвернувшись в сторонку, а Макс огненно улыбнулся и ласково посмотрел на Лив.

Аврора бросила уничижительный и рассерженный взгляд на девушку и вдруг окликнула стоящую впереди в очереди

пожилую пару:

– Эй, простите! Это не ваш ребенок?? Она отбилась от своей стаи, и мы теперь не можем найти ее настоящих родителей... – сказала она с самым тревожным видом, честно и серьезно глядя в глаза стариков и указывая на Лив.

– Все в порядке, она шутит. Извините за беспокойство. – вежливо успокоил пожилую пару Макс, и те отвернулись, с упоением тут же облегчив душу и обсудив «нахальную современную молодежь».

Вопреки недовольствам как Лив, так и Авроры, Макс и Джонни, как два обходительных мишки-присоски на стекле автомобиля, уселись в самолете по обе стороны от блондинки с самыми, что ни на есть, победными лицами, невозмутимо не обращая внимания на раздражение маленькой белобрысой ворчуньи и длинной черноволосой ворчуньи, которой пришлось довольствоваться обществом Эдди и Марти, при этом зеленый, обрадовавшись, как милый карапуз – новой машинке, пялился на Аврору и пытался всячески продемонстрировать ей свою симпатию, подкрепляя дурацкими высказываниями, пошлыми, но, как ни странно, очень точными комплиментами и подмигиванием, за что Аврора пригрозила заштопать ему рот и веко навсегда, если он не успокоится.

Сумасшествие в жизни Лив начало пускать свои глубокие корни. Не то, чтобы ей не нравилось внимание Макса и Джонни, но дикое замешательство по поводу того, что слева

от нее – ее любимый муж, а справа – мужчина, которого она тоже любила и, когда-то, с таким трудом отвергла, но который сейчас вдруг заявляет о своих намерениях завоевать ее сердце снова, сводило девушку с ума.

Чувства к Максу были неясными, наполненными виной, воспоминаниями обо всем, что между ними было, о том, на что он пошел ради нее тогда, и, конечно, чем-то туманным, витавшем в воздухе, когда она находилась около него... Но самое ужасное, что эти чувства все-таки были. И это само по себе уже считалось предательством по отношению к Джонни.

Так вот. Не думая о путанице в голове Оливии, эти два мартовских кота с двух сторон обхаживали ее, не смущаясь присутствия друг друга, но бросая друг на друга напряженные, противоборствующие взгляды, прорезая воздух вокруг Лив раскаленным железом.

Это происходило весь полет.

– Белоснежка, хочешь пить?

– Оливка, возьми конфетку!

– Лив, тебе не холодно? Может, одеяло?

– Не ешь с этой стороны контейнера, малышка, там анчоусы, а у тебя на рыбу аллергия! Давай я их лучше съем!

В какой-то момент Лив не выдержала и, вцепившись обеими руками в рукава толстовок парней, переводя убийственно-гневный взгляд с одного на другого, прошипела:

– Хватит разыгрывать спектакль, клоуны! Или следую-

щее, что вы увидите, будет ледяная корка на ваших глазах, когда вы полетите из этого самолета с бешеной скоростью, полной грудью ощущая все прелести высоты в десять тысяч километров и температуры минус 80 градусов по Цельсию! Заткнитесь немедленно!

– Да, отвали, Макс! – весело поддержал ее Джонни, как будто к нему вышесказанное совсем не относилось. – Это моя жена, между прочим, и я тебе не разрешал за ней ухлестывать! Имей совесть, дружище!

Макс рассмеялся и горячо и нежно посмотрел на Лив:

– Нужно мне твое разрешение! А что жена... Штамп в паспорте не помешает исправить то, что она выбрала тебя тогда только потому, что тебя жестоко убивали!

Лив возмущенно посмотрела на самодовольно сияющую рожу Макса и поразилась его наглости и упрямству. Ну надо же было до такого додуматься???

– Не льсти себе, малыш. – вдруг заявил второй самовлюбленный мерзавец. – Она бы осталась со мной, даже если бы я стоял на той крыше живой и здоровый, потому что она любит меня, сечешь, Максик?

– Да ты просто сбил ее с толку своей жалостливой, кровавой рожей, и девичье сердце не выдержало...

– Правда? А отчего тогда она сомневалась, полететь с тобой или нет, неужто ты думаешь, что папочку не хотела оставлять?..

Идиотизм забрался высоко-высоко и не спешил скаты-

ваться вниз с заснеженной вершины горы Арарат. Лив краснела, как помидор, и с каждым их словом была готова выбить дух из этих зазнавшихся идиотов, каждый из которых возомнил себя персоной нон-грата.

– Так, вы двое! – прошипела Лив, стараясь не привлекать внимание других пассажиров. – Прекратите дискуссию и захлопните свои варежки, иначе я туго завяжу ваши шейки кислородными масками, а масочки вам на морды натяну, чтобы не умоляли о пощаде. Вы поняли, бараны с фермы дядюшки Боба?!?

Макс и Джонни недовольно переглянулись и одновременно и одинаково посмотрели на Лив с чувством гиперзаботы и гиперсожаления:

– Прости, Оливка, хочешь, я уберу куда-нибудь этого идиота?..

– Извини, белоснежка, за то, что этот придурок не дает нам спокойно...

– Да вы что, издеваетесь, что ли??? – взорвалась Лив и махнула идущей мимо стюардессе. – Девушка! Сколько стоит отсечь куда-нибудь подальше из этого гнезда дятлов??? Заплачу любые деньги.

Стюардесса удивленно посмотрела на Лив, затем – на оба-ательно улыбающихся Макса и Джонни, видимо, посчитав, что у девушки не все дома, раз она хочет пересечь от таких чудесных милашек, но натянула сочувствующую улыбку и по-английски ответила:

– Извините, мисс... К сожалению, все места заняты. Наш рейс очень популярен. Прошу прощения.

Лив раздраженно вздохнула, а Макс, игриво подмигнув стюардессе синим глазом, источая всю брутальность этого мира и не обращая внимания на то, что одет он был в не совсем новую толстовку и джинсы, огненно проговорил:

– Извините, прекрасная леди, просто она до сих пор не может поверить, что летит в обществе таких красавчиков, как мы. Крышу сносит.

Стюардесса застенчиво улыбнулась и, кивнув, поспешила прочь, иногда оглядываясь на Макса, иногда – на Джонни, который откровенно высунул полтуловища в проход, чтобы попялиться на ее ножки.

– Придурки!! – в сердцах шепнула Лив и откинула спинку кресла назад, закрыв глаза. – Я собираюсь спать, так что заткнитесь сами и по-хорошему!

– Хорошего отдыха, мил... – начал было Джонни, но Лив так посмотрела на него, приоткрыв один аквамариновый глаз, что он подмигнул ей и с веселой улыбкой замолчал.

– Эй! Вовсе не обязательно ложиться ко мне на колени! – услышала Лив возмущенный голос Авроры позади и, не открывая глаз, улыбнулась.

– Прости, но сидеть на них было бы совсем неудобно... Тонкая кожа и острые мослы – не самое приятное место пребывания, цапелька! – улыбнулась Лив, мигом успокоившись и даже повеселев.

Сзади послышался раздраженный вздох, и Лив услышала мстительный ответ:

– А некоторым очень нравятся мои ножки... Правда, Джонни, милый?

– Конечно, правда, красавица! – живо откликнулся довольным голосом проклятый любитель ног. – Ножки – просто чудо!

– А ты что скажешь, Макс? – цапля не унималась.

– Восхитительные ножки, Аврора... Давай их сюда, я поцелую! – обаятельно и невероятно страстно прозвучал голос второго подхалима, и Лив тяжело вздохнула:

– Все. Я отключаюсь из этого дурдома. Когда прилетим – не будите меня, сделаю еще пару кружочков... в спокойной обстановке.

Глава 11

Еще полчаса в аэропорту «Кеннеди», и Лив, окруженная своим личным шапито в лице двух ловеласов мелкого пошиба, длинноногой стервочки с внешностью подружки куклы Барби (сама Барби-то, вроде как, блондинка?) и мигающих своими волосами, не хуже светофора в серой толпе, Марти и Эдди, наконец-то увидела его в окно: маленький частный самолет только что приземлился на одной из полос, и девушка разглядела выпрыгнувшую из него зеленую точку и еще несколько черных, которые, как маленькие букашки, неспешно двинулись к зданию аэропорта.

– А вот и он. – сказал Джонни, и все разом нахмурились. – Марти, тачки у входа?

– А как же? Конечно, босс! – задорно, как мальчишка, улыбнулся Марти. – Все в лучшем виде!

Лив, тем временем, пристально наблюдала за тем, как маленькая зеленая букашка, приближаясь, увеличивалась в размерах, превратившись сначала в клопа, затем в жука, ну а уж в конце – в зеленую плесень с белобрысыми кудряшками, и вскоре Эрнесто, а с ним и пятеро его людей, вошли в здание аэропорта и, пройдя все пункты проверки, наконец, попали в общий зал, двигаясь к выходам и не особо церемонясь с рассыпавшимся по залу бисером народа.

– Скорее! Идем, идем!!! – взбудоражено воскликнула Лив и, тоже изрядно работая локтями, поспешила следом, боясь упустить тощего блондина в зеленом кардигане и голубых брюках из виду.

Личный дурдом Лив последовал за ней, не отставая и даже не перекидываясь глупыми фразочками, что несказанно радовало девушку.

Они выскочили из здания аэропорта и увидели, что Эрнесто в спешке подбегает к белоснежному «Лэнд Крузеру», а его люди – к точно такому же авто, стоящему несколько позади, и торопливо запрыгивают внутрь.

Эрнесто же, прежде чем сесть, вдруг поднял серые глаза на Лив, улыбнулся туманной, мягкой улыбкой и, весело помахав, прыгнул в тачку и с визгом рванул на выезд.

– Бегом, бегом, бегом!!! – воскликнул Макс, и вся компания бросилась к поджидающим их черным «Кадиллакам», припаркованным у самого выхода из здания.

Джонни прыгнул за руль, Лив – рядом с ним, а Макс и Аврора уселись сзади, при этом Макс с оживленным, искрящимся адреналином в глазах расслабленно развалился, как будто сел в кабинку колеса обозрения в парке отдыха.

Марти и Эдди заняли вторую машину, по обыкновению, следуя за Лив по пятам, чтобы, в случае чего, иметь возможность прикрыть ее сзади, если понадобится.

Взвизгнув тормозами, Джонни сорвался с места и ринулся в погоню за белоснежными внедорожниками.

В какой-то момент Лив отчаянно подумала, что они потеряли Эрнесто из виду, но тут Макс подался вперед и, вытянув руку, указал куда-то левее, весело воскликнув:

– Вон они! Сворачивают на Паркер-стрит.

И действительно, два «Лэнд Крузера» уже преодолели пробку на выезд и стремительно уматывали на Паркер-стрит, грозя скрыться из виду.

– Вот черт!! – ругнулся Джонни, но тут его зеленые глаза зажглись веселым возбуждением и азартом. – Придется немножко нарушить правила...

И он с самым, что ни на есть, невозмутимым лицом выскочил на встречную полосу, погнав вперед, за считанные секунды увеличивая скорость. Лив, Аврора и Макс одинаково расширенными глазами посмотрели на неприметный серый

автомобильчик, движущийся им, не куда-нибудь, а прямо в лицо, и даже всем своим видом как-то испуганно ужавшийся, мечтая испариться или подняться в небо, чтобы потом обрушиться на землю грозным, железным дождем.

– Джонни, идиотина, ты разве не видишь его?!? – воскликнула Лив, схватившись за панель авто и бешено тыча в стекло перед собой пальцем.

– Кого? – пошутил Джонни, но в ответ вместо смеха услышал грозный хор женских голосов:

– Сворачивай!!!

Он ухмыльнулся, продолжая лететь на серый, отнюдь не прозрачный, автомобильчик с устрашающей скоростью.

– Ну вот, вы и подружи...

– Джонни!!! – снова грозно и одновременно заорали Лив и Аврора, недовольно при этом посмотрев друг на друга, а Джонни, беспечно глянув на такого же невозмутимого Макса, насвистывающего какую-то песенку, притворно вздохнул:

– Женщины... Такие впечатлительные создания!

– И не говори. – поддержал его Макс. – Из-за такой чепухи столько шума поднимают...

И в тот устрашающий миг, когда до столкновения оставались лишь считанные секунды, Джонни резко крутанул руль и выпрыгнул на газонную траву, с трудом удержав автомобиль после преодоления бордюрного камня, но зато легко объехав встречное препятствие, как, впрочем, и автомобиль

с Марти и Эдди, двигавшийся синхронно с «Эскалэйдом» их боссов.

– Идиоты!!!

– Придурки!!! – восклицали возмущенные Лив и Аврора, облегченно выдыхая и глядя на то, как Джонни вырубивает на Паркер-стрит и несется что есть мочи вслед за «Крузерами» Эрнесто, быстро сокращая расстояние между ними.

Лив бросила недовольный взгляд на Аврору и прошипела:

– Прекрати за мной повторять!

– Не командуй мной! – откликнулась с не меньшим ядом и раздражением Аврора, вглядываясь вперед, на «Крузеры». – И почему вообще Макс согласился помочь тебе, ума не приложу???

– А разве ты, цапля, не хочешь тоже попробовать завоевать мое сердце??? – с издевкой, не глядя на Макса, проговорила Лив, а Аврора зло рассмеялась:

– Очень остроумно! Жаль, что с диагнозом «шизофрения» в цирк обратно не возьмут!

– Так, девочки, все! – приказал Макс, и Джонни согласно кивнул:

– Да, если вы не заметили, леди, мы тут кое-кого преследуем... Черт! Свернул на Западную!

Два белых «Крузера» юркнули направо, помчавшись по Западной улице, обгоняя попутные автомобили. «Кадиллаки» рванули следом, максимально сократив расстояние.

Западная улица сначала пролегла между жилыми много-

этажками, а в конце выскальзывала из спального района и ныряла вдоль парка отдыха, окружавшего ее деревьями и зеленым газоном с обеих сторон.

«Тойоты» летели впереди одни, потерять их из виду было не так-то просто: они легко выделялись на фоне зелени парка и серой паутины пешеходных дорожек.

– И куда это мы едем?? – задумчиво проговорил Джонни, и Лив почувствовала, как он напрягся... Действительно странно... У Эрнесто было бы больше шансов скрыться на широких, запруженных улицах с множеством прилегающих к ним узких переулков, но... Странный тип выбрал пустынную дорогу...

– Понятно, куда. – хмыкнул Макс, тоже угрюмо посмотрев вперед. – В его ловушку.

Лив резко обернулась к нему, посмотрев расширенными глазами, но ответить не успела: сильный удар в заднюю часть машины чуть не развернул авто мордой в обратном направлении.

– Проклятье! – весело выругался Джонни, с усилием разворачивая руль. – А вот и засада!

«Кадиллак» с трудом восстановился на пыльной дороге, но Лив, посмотрев в зеркало заднего вида, увидела, как машина Марти и Эдди скользит по пыли и несется прямо в ближайшее дерево, чтобы с громким треском встретиться с ним и замереть на месте.

– Нет!!! – крикнула девушка, ощутив страх. – Нет!!! Я их

убью!!! Убью!!!

Это уже относилось к двум джипам, снаружи отделанным какой-то громоздкой арматурой в районе бамперов, видимо, специально для таких вот устрашающих целей.

«Крузер» с Эрнесто на борту продолжал гнать по парковой зоне, распугивая ревом голубей и мирных отдыхающих, а в спину «Кадиллаку» дышали два уродливых, железных монстра. Из крыши одного вдруг показалась серьезная морда в кожаной куртке, но Лив не разглядела лица: уж очень завораживающе выглядело дуло гранатомета на плече у этого парня...

Забыв, как дышать, от ужаса, девушка запрыгала на своем сиденье и заорала:

– Джонни, Джонни, Джонни!!! У него эта штука!!!

– Давай, милый, гони!!! – подхватила женскую панику Аврора, не забыв при этом мимолетом нежно тронуть Джонни за плечо, но Лив, впрочем, этого не видела.

– Джонни, виляй, так у него будет меньше шансов... – затараторил Макс, подавшись вперед и пристегнув ремень безопасности: свой и Авроры.

– Не волнуйтесь, детки, папочка вас выта... – одновременно с Максом ободряюще заговорил Джонни, но закончить, как и его бывший друг, тоже не успел: сзади раздался такой веселый «пых», и Джонни, вильнув от снаряда влево, все же не успел полностью убрать машину с линии огня. Граната залетела ровно под задние колеса, и раздался громкий взрыв.

Крик Лив потонул в странной невесомости, когда «Кадиллак» с красными языками пламени позади оторвался колесами от дороги и стал медленно, или быстро, запрокидываться на бок в полете. Картинка перед девушкой перевернулась вверх тормашками, а ремень безопасности больно врезался в живот и плечо, сдавливая грудь со страшной силой... Потом удар – лобовое стекло посыпалось, Лив зажмурилась и закрыла голову руками, дикий скрежет и новый удар – уже где-то сбоку... И, наконец, тишина.

Хотя, в общем-то, треск огня где-то позади нельзя было назвать тихим и успокаивающим... Подорванный «Кадиллак» перевернулся в воздухе и, упав на крышу, проскользил по траве до ближайшего дерева, которое его и остановило.

Тихий, жалобный стон сзади... Лив медленно открыла глаза, чувствуя боль, наверное, везде, и жар вокруг... А воздух все накалялся и накалялся, сзади потрескивало железо и сам огонь...

– Лив. – выдохнул голос Джонни. – Ты как?

Лив вздохнула и с трудом посмотрела на него, висящего, как и она, вниз головой на ремнях безопасности.

– Нормально. Для моей жизни подобные ситуации давно перестали быть чем-то, из ряда вон выходящим. – горько съязвила она.

– Боже... Мои ручки... – со слезами в голосе сзади простонала Аврора.

– Милая, все заживет, не волнуйся, а вот нам пора выби-

раться, тут сейчас все взлетит на воздух! – быстро проговорил Макс, и Лив, Джонни и Аврора одновременно отщелкнули ремни безопасности, упав на засыпанную осколками крышу машины.

Лив ногами толкнула дверь, морщась от боли и видя свои штаны, порванные и окровавленные в нескольких местах, но дверь плохо поддавалась, смятая кузовом авто. А жара и треск усиливались... Огонь добирался до бензобака.

В эту секунду две сильные руки снаружи вцепились в дверь и чуть не оторвали ее: с такой силой и спешкой рванули, пытаясь спасти хрупкую горе-блондинку. Лив улыбнулась, увидев взволнованное лицо зеленоволосого, и протянула к нему свои руки. Марти в ответ тоже выдал очаровательную улыбку и весело заявил:

– Рано еще умирать, мисс Оливия! Идемте!

Через мгновение Лив уже была на газоне, метрах в десяти от поверженного «Кадиллака».

– Оливка! – растревоженные зеленые глаза налетели на нее, а горячие руки с облегчением прижали к себе. Лив вздохнула, уткнувшись носом в его толстовку и просто вдыхая его запах, морской, родной, успокаивающий...

– Бежим! Сейчас рванет! – воскликнул Эдди откуда-то сзади, и Лив понеслась вслед за Джонни, увлекаемая им за руку, словно машинка на веревочке.

Как только они отбежали вглубь парка, «Кадиллак» грохнул и выпустил в небо столп огня, поставив фееричную точ-

ку в их дурацком и бессмысленном преследовании.

Лив обнимала Джонни за талию и смотрела, как горит их автомобиль, на минуту уйдя в свои мысли. Очнувшись, она посмотрела в теплые, заботливые глаза Джонни, которые недовольно оглядывали царапины, покрывшие ее руки и ноги, и вдруг нежно прижалась к его груди щекой, чувствуя, что он сейчас хочет сказать. И он не обманул ее ожиданий. Прижав ее к себе, он наклонился и шепнул ей в волосы:

– Прости меня, малышка. Я подверг тебя опасности... И опять на тебе эти чертовы царапины!

Лив улыбнулась и посмотрела на него.

– Брось, ерунда это все. Вся наша жизнь опасна, Джонни. А это... Не более, чем эпизод. И мы опять ему проиграли. – горько добавила она, думая об Эрнесто, и посмотрела налево, туда, где стояли Макс и Аврора.

Аврора всхлипывала, с ужасом глядя на такие же, как и у Лив, царапины, покрывавшие ее руки и ноги, запачканное и кое-где порванное платье, свои туфли... Макс нежно смотрел на нее с огромной тревогой, а на лице его играла невероятно теплая и заботливая улыбка...

Лив вздрогнула. Она вспомнила... Однажды ей уже приходилось видеть этот взгляд... Он смотрел на нее такими глазами... Когда они встречались в ресторане «Шесть огней», куда Лив, в прямом смысле, приползла после операции удаления селезенки, сбежав из больницы доктора Калеба. Макс жалел ее... и она была ему небезразлична. Лив

покраснела, отчего-то испытал ревность. Видимо, в глубине души, ей ужасно хотелось одной обладать правами над этим мужчиной... Только зачем? Зачем? Зачем? Как же это сложно.

Аврора подняла заплаканные глаза на Макса и шмыгнула носом. Сейчас она выглядела милой, слабой девушкой, нуждающейся в сильном, уверенном парне, его утешительных словах, его крепких объятиях... И ее беспомощный взгляд поразил Лив. Оказывается, уверенная и наглая женщина-кошка боится физической боли. А еще в ее взгляде на Макса было что-то затаенное... Лив нахмурилась. Кажется, между ними что-то было... Что-то, что не осталось для нее пустым воспоминанием...

В этот момент Макс повернул голову и посмотрел на Лив. И в его взгляде не было нежной жалости. Он прекрасно знал, что царапинами Оливию не испугаешь... Только беспокойство и странное, еле уловимое чувство... Из тех, что пригвозждает к месту...

– Ты в порядке, Лив? – серьезно, но с тревогой спросил он.

– Душа не пострадала. Только брэнная оболочка. – с ухмылкой ответила Лив, и Макс тепло подмигнул ей.

– Макс... – простонала Аврора, которой явно не понравилось, что он отвлекся от нее. – А я не умру? Мне кажется, я литров десять крови потеряла... И платье мое любимое порвалось...

Макс рассмеялся и нежно погладил Аврору по щеке. Лив

отчего-то внимательно проследила за этим жестом, будто чувствуя, как рука Макса дотрагивается вовсе не до этой расклеившейся брюнетки с большими голубыми глазами, полными трагичных слез, а до ее сердца, еле заметным, но чертовски болезненным касанием... Ее внимательный взгляд не укрылся от глаз Джонни: Лив ощутила, как его руки чуть сильнее прижали ее к себе, будто он не желал ее выпускать...

– Аврора, не говори глупостей! Ты не умрешь, и, тем более, не потеряла десять литров крови... Ты вообще знаешь, сколько в человеке крови? А насчет платья... Когда ты теряешь очередное из тысячи, что висят в твоём гардеробе, то оно почему-то всегда оказывается любимым...

Они вместе рассмеялись, и Лив, наблюдая за ними, резко почувствовала огромное опустошение и тянущую усталость... Она не хотела больше на них смотреть, не хотела находиться в чьем-либо обществе... Ей нужно было разобраться в себе. Подумать. И насчет Эрнесто в том числе.

– Поедем к Эйдену? – спросил Джонни у Макса, и тот кивнул.

Лив посмотрела на Джонни и вцепилась в его толстовку, умоляюще проговорив:

– А меня – домой, ладно, Джонни? Ладно?

Джонни улыбнулся и потрепал ее по волосам.

– Все, что пожелаешь, моя королева! – и уже более удрученно посмотрев на догорающий «Кадиллак», собравший толпу зевак вокруг себя, и на еле виднеющийся вдали разби-

тый авто Марти и Эдди, вздохнул:

– Ну вот. Теперь придется такси вызывать.

Через полчаса Лив, наконец-то, с облегчением добралась до дверей своей квартиры, чувствуя жуткий сумбур в голове и смертельную усталость, как будто какой-то вампир всю ночь пил и пил ее кровь, не останавливаясь.

Но сладкий сон в девять утра пришлось еще отложить. Из соседней квартиры вдруг выглянула миссис Портер и вздохнула с облегчением, увидев девушку:

– Оливия! Слава Богу, наконец-то! Ты... ты... – она вдруг заметила множество ссадин и размазанную, запекшуюся кровь на руках девушки, испачканную и в нескольких местах порванную одежду, и в ужасе прижала ладони ко рту. – О, Боже! Что случилось, милая??? Что с тобой??? Я думала, это дурацкий розыгрыш...

Лив ошарашено и тупо уставилась на испуганную пожилую женщину, схватившую ее за руки и принявшуюся с особым беспокойством разглядывать степень ее «повреждений».

– Миссис Портер, вы чего? Какой розыгрыш??? О чем вы??

Миссис Портер лишь нетерпеливо вздохнула и повела Лив в свою квартиру.

– Буквально десять минут назад мне на домашний телефон позвонил очень милый юноша. Он представился твоим братом... – старушка провела Лив на кухню и усадила

за стол. Услышав про брата, Лив вытаращила глаза и даже чуть слюной не захлебнулась, закашлявшись. Ну, Эрнесто! Даже милую бабульку умудрился впутать! Чертов таракан, чтоб ему дихлофос в лицо прыснул!!! – Кстати, ты мне не говорила, что у тебя есть брат! – как-то обиженно проговорила миссис Портер, ставя перед Лив чашку чая.

– Да я и сама... недавно узнала. – тихо оправдалась Лив, спрятав глаза в кружку.

– Ну ладно, так вот, твой брат сказал, что ты потеряла телефон, а он хочет узнать, как ты себя чувствуешь после аварии!!! Аварии?!? Лив, милая! Что случилось?? Джонни цел?? – миссис Портер умоляюще сложила руки на груди и с огромной тревогой посмотрела на девушку, которая прямо сейчас сгорала в огне бешенства и желания кое-кого убить. Она вздохнула.

– Миссис Портер, не волнуйтесь, ничего такого не произошло... Просто мы ехали из аэропорта... и в нас врезались... какие-то... пьяницы за рулем... Наша машина завалилась на бок... Ну и вот. – неуклюже закончила врать Лив, указав на свои ссадины.

Миссис Портер в ужасе покачала головой, разразившись длинной тирадой насчет пьяных, вздумавших покататься на машинах среди бела дня, как ее неожиданно прервал маленький черный аппарат, затрезвонивший около локтя Лив так, будто где-то начался пожар, а все сирены тревоги были установлены именно в этой квартире. Старушка обрадован-

но улыбнулась и схватила трубку:

– Это, наверное, опять он звонит, беспокоится о тебе... Алло? – ее лицо светилось ожиданием, и Лив угрюмо сделала вывод, что звонит «этот очень милый юноша», потому как миссис Портер заулыбалась и энергично закивала головой:

– Да, да, она уже пришла, вы как раз вовремя! Передаю ей трубку. – и с самым, что ни на есть, счастливым видом старушка протянула трубку Лив. – Это твой брат, дорогая.

Лив невесело кивнула и взяла трубку:

– Алло?

– Сестричка! Ну наконец-то! – проговорил тихий, вкрадчивый голос с элементами насмешки. Лив поморщилась, но, так как миссис Портер все еще сидела напротив с довольной улыбкой, промолчала. – Где тебя носило так долго?? Я не очень люблю ждать, прости. Ну так ты в порядке? Извини, если напугал гранатометом, я вовсе не хотел тебя убивать, по крайней мере, пока ты не сыграешь свою роль в нашей интереснейшей игре, но вы не оставили мне выбора! А я, знаешь ли, как-то не очень хотел притаскивать к себе в дом хвост из неожиданных гостей. Ну так ты не сильно пострадала, надеюсь?

Лив натянула искусственную улыбку, мельком глянув на миссис Портер, и вежливо проговорила в трубку, тщательно следя за языком:

– Я в порядке, Эрнесто, не стоило так беспокоиться. Только пожалуйста, не звони в квартиру миссис Портер, ты до-

ставляешь ей неудобства, заставляя бегать и караулить меня под дверью. Договорились? – с нажимом произнесла Лив, чувствуя, как голос завибрировал от трудно скрываемого гнева, а Эрнесто рассмеялся:

– О, Оливия, да ты сама вежливость! Что, милая старушка не знает, какая ты злобная бяка на самом деле? Мило, что ты бережешь ее пожилое сердце... И кстати, если через час у тебя не появится свой мобильник, то бедная бабуля послушает увлекательную историю из жизни девочки Оливии по фамилии Мартинес, которая на самом деле крутится в преступном мире и является дочуркой крестного отца... Как тебе план?

«Скажешь ей хоть слово – и я раскромсаю твой язык на мелкие, мелкие кусочки!!!» – бушевало в мозгу девушки, и даже руки непроизвольно сжались в кулаки, но, снова улыбнувшись миссис Портер, она с трудом выдохнула:

– Хорошо, Эрнесто, как скажешь. Это все, что ты хотел? Я так устала после перелета, мечтаю лечь спать...

– О-о-о-у, ты такая лапочка! – вкрадчиво, но с веселой насмешкой в спокойном тембре наслаждался ситуацией кузнечик. – Нет, сестричка, есть еще кое-что. Макс. Он не должен был согласиться на помощь твоей семье... Видимо, его чувства к тебе все еще сильны... Но это уже не важно. Это немножко не входило в сценарий нашей игры... И ты заработала лишнее очко. Прости, милая, но я вынужден буду отомстить. Это будет моя месть номер один... Скоро ты ее по-

чувствуешь на себе, не волнуйся.

– Угу. – угрюмо сказала Лив. – Я не волнуюсь, Эрнесто, мне это до ламп... мне без разницы. – подкорректировалась она, увидев, что миссис Портер немного удивленно смотрит на нее. – А под другими номерами сюрпризы будут?

– Конечно. – живо откликнулся Эрнесто. – Ты же знаешь, я не люблю, когда меня преследуют... И это опять-таки не по плану! Так что чуть позже состоится и месть номер два... Но тебе придется подождать, не все же сразу, Оливия!

– Жду с нетерпением. – насмешливо бросила Лив и широко зевнула. – Ты все?? Ну, я пойду?

– Иди, сестренка. Только не спи слишком крепко... Вдруг, пока ты будешь почивать, кто-нибудь проберется через окно и перережет твоему муженьку горло? Ну все, пока. – и со смехом он отключился.

Лив медленно положила трубку. Она злилась. Она была напугана. Впервые, за последние пару лет. Ей не было причины бояться кого бы то ни было, потому что собственная жизнь не представляла для нее особой ценности... Но этот каучук ходячий... Он был непредсказуем. Ненормален. И мог навредить Джонни... Сердце больно забилося, как раненая птица. Лив встала и, что-то сказав миссис Портер на прощанье, как зомби, вышла из ее квартиры.

Не заходя домой и не переодеваясь, она спустилась в ближайший компьютерный магазин и купила самый дорогой мобильник и новую сим-карту, восстановив свой прежний но-

мер и изрядно удивив продавцов своим побитым видом и количеством денег на банковской карте.

Поднявшись в квартиру, Лив написала Джонни смс: *«Купила мобильник. Ложусь спать. Не смей звонить»*, и, пока переодевалась в свою розовую пижаму, получила ответ: *«Спи спокойно, любимая, думаю, у тебя есть пара часов до моего прихода»*.

Лив улыбнулась и плюхнулась в постель.

Перед тем, как уснуть, она пыталась остановить безумную пляску образов перед своими глазами. Джонни... Макс... Эрнесто... Они проплывали в ее мозгу, и она отчетливо понимала, что испытывает к ним ко всем совершенно неоднозначные чувства.

Ржавый гвоздь сомнения. Вот, что посеял Макс, снова объявившись в ее жизни. Когда она выбрала Джонни и вышла за него замуж, она действительно была счастлива и абсолютно уверена, что останется с ним до конца своих дней... Но что, если... Что, если Макс был прав там, в самолете? Что, если она выбрала Джонни только потому, что его убивали на той крыше и, кроме нее, некому было его спасти???

Ведь когда она его увидела, то точно поняла, что совершенно небезразлична к нему... А этот самовлюбленный нахал еще заявил, что снова будет добиваться ее и не стесняется даже Джонни! Не стоит врать самой себе – это очень приятное заявление... И его глаза, он так смотрит! Кажется, что еще любит... Вот же чертовщина!

Да еще эта Аврора... Заигрывает с Джонни, чтоб ему провалиться в канализацию со своими зелеными глазами и обязательной улыбкой, а сама испытывает чувства к Максу! Да, Лив не сомневалась в этом. Она разгадала значение ее взгляда на него: это было похоже на взгляд отчаянного фаната на любимую рок-звезду. Фанат обожает своего кумира, любит его лицо, голос, повадки на сцене, даже самые идиотские болтания головой и выпендрож с гитарой, но он совершенно не представляет себе, что за человек – этот герой его романа: что он знает, о чем думает, кого любит или не любит... Так и Аврора. Она просто любит Макса, не задумываясь о том, свободно ли его сердце... Получается, что эта раздражающая особа не совсем счастлива.

У нас у всех есть фантомы прошлого.

Лив ухмыльнулась в подушку. Только совершенно не весело. Ее фантомы или демоны настигли ее все и сразу, в один миг. Мучитель Эрнесто... Омерзительный, гениальный, сумасшедший и... такой разорванный внутри на мелкие, ужасные, рваные клочки, которые уже невозможно склеить в целостную личность... Он вызывает в девушке гнев, ненависть, но... она все еще чувствовала, что навредить ему может только на словах. Как будто между ними тонкое и прозрачное стекло, которое не дает нанести ему урон... А может, это и не стекло, а может, это нити...

Звонок мобильного. Лив недовольно потянулась к нему и глянула на экран: незнакомый номер. Думая, что это сно-

ва развлекается Эрнесто, который только что получал богатую характеристику на себя в голове девушки, Лив нажала на кнопку и сонно проговорила:

– Если это какой-нибудь вонючий клоп в зеленом кардигане – я вешаю трубку.

Раздался смех, который мигом вывел Лив из сонного состояния... Веселый, уверенный, брутальный, искрящийся притяжением...

– Нет, леди, тебе невероятно повезло: это никакой не клоп, а редкий и прекрасный амурский тигр собственной персоной! – горячо и обаятельно проговорил в трубку Макс, и сердце Лив сбилось с шага и, оступившись, упало прямо в железные и очень болезненные тиски.

– Я не заказывала вымирающую особь. – с сарказмом проговорила девушка, чувствуя, как запылали ее щеки. – И кстати, ты в курсе, что шкура тигра ценится в нем гораздо больше, чем все остальное?

– Ну, обо всем остальном-то ты уже в курсе... – не смутился Макс. – Да и шкура тебе тоже по душе, признайся, белоснежка... -горячо шепнул он, заставив руки Лив подрагивать.

– Тебе чего надо, Макс? – недовольно осведомилась она. – Я только пятнадцать минут назад как купила мобильник, а ты уже трезвонишь! Мой номер что, пятнами по солнцу выведен?

Макс снова рассмеялся.

– Все гораздо проще, белоснежка: я узнал твой номер у Джонни.

Лив вздрогнула и очнулась от ужасного чувства, которое накрывало ее с головой... Вернее, чувство-то было прекрасным, но... запретным для нее. Она удивленно вытаращила глаза:

– Что-о-о?? И он просто так тебе его дал?

– А что такого? – самоуверенно и нагло заявил Макс. – Он уже смирился со своим поражением, так что...

Лив захохотала, сходя с ума от демонов прошлого, больно атакующих ее сердце, и чокнутого настоящего.

– С чем смирился??? Макс, ты прости, конечно, но я за ним замужем и сейчас жду его в нашей квартире... Тебе слово «любовь» о чем-нибудь говорит?

– Конечно. О многом. – мигом весело согласился упертый павлин на том конце провода и, снова включив все свое горячее обаяние, добавил:

– Я даже слышал, как ты его произносишь. Даже, помнится, в мой адрес.

Лив вздрогнула, и ей стало ужасно дурно. Сердце колотилось, грозясь разбиться вдребезги, грозясь разорваться на куски, а тело била мелкая дрожь... Это очень сильный фантом. Очень жестокий. Зачем? Зачем?? Зачем он издевается над ней??? Воспоминания хлынули в ее душу сильным напором, грозя прорвать плотину... Она помнила все... Все, что было, что они пережили, что она чувствовала... до того

момента, как увидела, что Джонни умирает без ее помощи... Ей вдруг захотелось закричать, заплакать, убежать!.. Что же она должна делать?!?

– Зачем ты позвонил, Макс? – дрожащим голосом, наконец, выдавила она.

Пауза. Кажется, он понял, что перегнул палку.

– Лив... – серьезно и несколько встревожено проговорил он. – Я просто хотел узнать, как ты?

– Нормально. – Лив вдруг резко собралась. Она не поддается фантомам. Она не сломается из-за такой ерунды. – Ну вот, ты узнал, франкенштейн. Теперь отвянешь?

– Только до завтра, моя девочка. – горячо шепнул он и отключился до того, как Лив успела осыпать его громкими и не очень лестными высказываниями.

Вот же чертов Макс!!!

Лив швырнула телефон подальше и упала в подушку. В конце концов, у любой ситуации есть выход. И из этой тоже найдется. Она, наконец, уснула.

Правда, через пару часов, как и обещал, пришел Джонни. Лив услышала сквозь сон его шаги... затем почувствовала его тепло рядом с собой... его обжигающая рука погладила ее по щеке, и Лив взялась за нее и притянула его к себе, ощутив, как его горячие губы накрывают ее губы... Такие любимые губы, нежные, ласковые... о, кажется, уже не такие нежные... Страсть внутри нее возрастала, как и напор, с которым он целовал ее, заставляя сходить с ума... Но она все

еще спала.

На секунду оторвавшись от нее, Джонни шепотом осведомился, не хочет ли она прервать свой сон хотя бы на часик, но Лив покачала головой: она устала и была просто счастлива, что он пришел. Джонни горестно вздохнул, немного остудив свою энергетическую сферу, окружившую девушку в тот миг, когда он вошел в спальню, и лег рядом, а Лив, улыбаясь, положила голову ему на плечо и, обняв за живот, расслабленно уснула. Все-таки, насчет Джонни она ошибалась: к нему ее чувства вовсе не были неоднозначными. Она любила его. Только это. Ничего больше.

Глава 12

– Оливка! Ты что, все еще спишь??? – врезался в ее сон голос Джонни, такой веселый и бодрый, что захотелось в него чем-нибудь швырнуть. Лив со стоном подняла всклокоченную голову и, еле раскрыв один глаз, откинула спутавшиеся кудри с лица, оглядевшись: солнечные лучи пробивались сквозь неплотно задернутые шторы, а не менее сияющий Джонни уже носился вихрем по спальне, оставляя за собой шлейф морского аромата, и подбирал с пола галстуки, которые в разные отрезки времени были брошены то тут, то там им же самим, и которые Лив, решив проучить мужа за беспечное отношение к собственной одежде, специально не стала подбирать, старательно обходя их стороной или же иногда нарочно на них наступая, думая, что хоть отпечаток

ее ноги на каком-нибудь из предметов его немаленького гардероба послужит ему стимулом перестать раздеваться где ни попадя.

Теперь ее светящийся, как фонарь над операционным столом, муж стоял около зеркала в потрясающей, но еще не застегнутой, белой рубашке, черных брюках и туфлях и держал в руке несколько найденных им галстуков, скептически выискивая тот, который из них выглядел не таким мятым.

– Который час? – сонно спросила Лив, и Джонни улыбнулся ей через зеркало, подмигнув огненным зеленым глазом.

– Восемь утра. Уже снова утро, Оливка! Давай, давай, поднимайся, нам уже пора на встречу!

Лив упала на подушку и закрыла глаза, поморщившись.

– Будешь в своих калошах по дому расхаживать – ноги ампутирую! И какая еще встреча??

Джонни весело посмотрел на дорогушие туфли на своих ногах, именуемые теперь «калошами», и, подбежав, взял Лив за обе руки и усадил в кровати, раскидав локоны с ее лица и поцеловав в лоб.

– Встреча с твоим папочкой, Брайаном и нашим кандидатом в мэры... Точнее, уже бывшим кандидатом. Ах да, еще будет твой новый старый ухажер Макс и милашка Аврора.

Лив угрюмо и лениво посмотрела на него.

– Ну и встречайтесь, я-то тут при чем?

Джонни притворно вздохнул.

– Эйден сказал, что мы должны быть всей семьей... Мало

ли что.

Лив фыркнула.

– «Эйден сказал»... Да, ты был бы ему идеальным сыном, такой послушный мальчик! А я-то думала, что у тебя уже есть папочка...

Джонни мило улыбнулся и, схватив ворох галстуков, вылетел за дверь, бросив через плечо:

– Выезжаем через двадцать минут, милая!

Лив горестно вздохнула... Но тут услышала из гостиной какие-то голоса, смех, женский, мужской... И удивленно уставилась туда.

Встав с кровати и, как была, в розовой пижаме, Лив схватила пушистую шаль из кролика, которую для нее связала миссис Портер и, накинув ее на плечи и зевая, вышла из спальни. Сделав пару шагов в гостиную, она встала как вкопанная, почувствовав, как ее сердце куда-то проваливается: по гостиной, с абсолютно хозяйским видом разглядывая интерьер, гуляла цапля Аврора в модном костюме баклажанового цвета, состоящего из пиджака с укороченными рукавами, черной майки, стильных брючек с отворотами внизу и черных туфель на высоченном каблуке, делающих ее еще длиннее и тоньше. Она с насмешкой качала черноволосой головой и ухмылялась красными губами, сунув руки в карманы брюк. Но Лив гораздо больше интересовал ее босс, развалившийся на диване с видом местного аборигена в шикарном темно-синем костюме под цвет глаз. Его величество

Макс что-то с детским энтузиазмом на лице разглядывал в планшете, но когда вышла девушка, он повернулся и уставился на нее.

Фантом прошлого перешел в наступление.

Лив так и замерла, еле дыша, в своей розовой, милой пижамке, состоящей из маечки на бретельках и шортиков, отделанных кружевом. Синие глаза Макса с невероятной, огненной жадностью медленно проскользили от взлохмаченной макушки до стройных ножек, излучая что-то сумасшедшее, что-то притягательное и невероятно нежное... Он и раньше видел ее в подобных пижамах... И Лив снова испытала сводящее с ума чувство де жа вю... Она дико покраснела, но не могла сдвинуться с места, все глядя и глядя в его жадные, горящие глаза, впитывающие каждый сантиметр ее тела...

– О, детская пижамка и бабушкин платок! Да ты просто покорительница мужских сердец, девочка! – насмешливо и надменно проговорила Аврора, желая прервать зрительный контакт Лив и Макса.

Лив очнулась и недовольно посмотрела на Джонни.

– Ты, придурок, почему не сказал, что в нашем доме оши-ваются двое прощелыг??? А ты, цапля, сними ходули, или будешь следующей в очереди на отпиливание ног! – недовольно добавила она, кивнув на туфли Авроры.

Та снисходительно рассмеялась и легко скинула туфли, укоротив себя сантиметров на десять.

– Ладно уж. Так и быть. – проговорила она с насмешкой и снова оглянулась. – А квартирка-то – совсем, как избушка на курьих ножках... А я думала, что семья Мартинес имеет прибыльный бизнес... Все-таки мощнейший клан Нью-Йорка, как никак...

– Отец мне почти не платит, выкручиваюсь, как могу. – съязвила Лив, поплотнее укутавшись в шаль.

Макс игриво посмотрел на нее и окинул любопытным взглядом всю квартиру:

– А здесь почти ничего не изменилось с тех пор... И в какой спальне вы спите, Лив? В его или в твоей?

Лив дико покраснела и разозлилась, но ответил Джонни с веселым, но немного угрожающим блеском в глазах:

– В моей, Максик. Если захочешь еще и посмотреть, как мы это делаем, приезжай сегодня ночью, дверь для тебя оставлю открытой.

Макс рассмеялся, и Лив, вспыхнувшая с новой силой и мечтающая улететь на Меркурий от этого дурдома и сгореть там от солнца, заметила в его глазах упрямый и жесткий блеск, злость и желание победить...

– Нет, спасибо, Джонни. Я приду, только если тебя не будет. Ты уж прости, белоснежка, что спрашиваю, но ты же знаешь, я до ужаса тебя ревную, моя девочка... – горячо проговорил он, игриво подмигнув ей синим глазом, что привело девушку в совершенно коматозное состояние. Вот какие у мальчиков игры... Так и бешеное сердце с ума свести недол-

го... Ощущая, будто кто-то ковыряется внутри нее тупым, ржавым гвоздем, Лив стиснула зубы и, ничего не отвечая и жутко злясь на весь этот балаган и себя в том числе, как первопричину сего сумасшествия, прошла в ванную, на ходу услышав немного грозный, но еще сохраняющий самообладание голос Джонни:

– Ревнуй себе на здоровье, но она – моя, а не твоя.

– Это пока что. – невозмутимо заявил Макс, а Аврора прыснула с жутким скепсисом в голосе:

– Я вас умоляю! Вы серьезно??? Еще убейте друг друга из-за этих детсадовских шортиков!

– Идиоты!!! – прошипела Лив и пустила воду.

Взяв себя в руки и очень быстро собравшись, сменив пижаму на черные легинсы длиною ниже колена, обтягивающие ее ноги, удлиненный топ нежно голубого цвета, отражающий сияние ее глаз, и заколов часть волос брошью на затылке, оставив одну волнистую прядку мило обрамлять ее лицо, Лив наскоро накрасилась, намазала на губы малиновый блеск и вылетела в гостиную, уложившись ровно в двадцать минут.

В гостиной, как это ни странно, царил идиллия: трио распивало виски, который Джонни когда-то притащил из бара, и смотрело что-то на планшете, нисколько не напоминая мафиозных главарей или их детей и ближайших помощников.

– Ну? – нетерпеливо воскликнула Лив, промчавшись мимо в коридор и доставая из коробки замшевые черные туфли

на шпильке.

– Оливка! Ты уложились во времени?? Кто-то невидимый помог тебе собраться сегодня? – весело и мило улыбнулся Джонни, получив тычок в плечо и гневный взгляд обувающейся девушки.

Макс горячо и внимательно осмотрел Лив и улыбнулся. Опять что-то едва уловимое проскочило в его взгляде, и Лив невольно вздохнула.

– Замечательно выглядишь, белоснежка. – игриво подмигнул он и вдруг подошел к ней и, чуть наклонив голову, завороченно, сияющими притяжением, синими глазами уставился на ее губы. – Какой у него вкус? У твоего блеска на губах?

Лив вздрогнула. Фантом прошлого шепнул ей, что два года назад была клубника... и это был ее первый поцелуй с мужчиной... Самый незабываемый, самый волшебный, превративший ее из девчонки в некое подобие женщины... И что-то ей подсказывало, что Макс тоже хорошо помнит тот момент... А пока он жадно смотрел на ее губы, а она видела его красивое лицо, его темные ресницы, чуть нахмуренные брови и помнила... помнила его губы...

В этот момент между ними возник Джонни, отстранив Лив за свою спину. Девушка вздрогнула от стыда за свои мысли и потупила глаза, а Джонни источал невероятное напряжение и гнев, Оливия чувствовала его вызов, стоя даже за его спиной... Он злился и ревновал... Очень сильно злил-

ся... Очень сильно ревновал...

– Макс, кажется, твой нос очень хочет познакомиться с моим кулаком... Мне не очень нравится идея сломать тебе пару лицевых костей, так что лучше отвали от нее по-хорошему. Ты понял? – с нотками угрозы проговорил Джонни, и Лив вспыхнула от чувства вины... Это все она... Да что вообще за черт???

Она вышла и встала между ними, взяв Джонни за руку. Все внутри нее рвалось и бушевало в свистопляске, она гневно прошипела:

– Прекратите!!! Немедленно! Какого черта вы творите? Макс, ты вообще в своем уме?? Я с Джонни, понимаешь? Я его жена! И не надо меня завоевывать, я люблю его! А ты, – она посмотрела на Джонни, сияющего, как радуга после дождя, и самодовольно улыбающегося, – не угрожай ему! Он приехал нам помочь, и хватит уже вестись на этот развод! Все, поехали.

Она первая прошла к двери, где ухмылялась в полный рот Аврора, глядя на это представление, и первая стала спускаться на улицу. Через секунду Аврора догнала ее и язвительно хихикнула:

– Вот так речь, девочка! Не думала, что ты догадаешься.

– О чем? – без интереса буркнула Лив, не имея ни малейшего желания выслушивать точку зрения этой надменной акулы.

– О том, что он играет с тобой. – пожала плечами Аврора

и широко улыбнулась. – Он уже пережил разрыв с тобой. И ты ему не нужна. Он просто... м-м-м... хочет в ответ тебя помучить. Кстати, у него неплохо выходит, не так ли?

Внутри Лив все оборвалось. Аврора с сияющей, победной улыбочкой прошла к «Кадиллаку» и села, а Лив замерла как вкопанная, не чувствуя рук и ног. Неужели это правда?? Макс придумал изощренную форму мести и теперь играет на том, что она что-то испытывает к нему?? Он хочет заставить ее предать Джонни??? А потом что? Бросит?

Ей вдруг дико захотелось заплакать, закричать, умчаться от этого места как можно дальше! Никаких разборок с Эрнесто и его дебильной игрой, пусть сдает ее федералам, плевать! Лишь бы подальше от этой игры... Игры на ее сердце, на ее чувствах, переживаниях! Она стиснула до боли кулаки, заставляя себя не плакать, не плакать! Нельзя показывать слабость, нельзя поддаваться! Нужно... просто... сделать... шаг... вперед.

Сделай... шаг.

Отрежь фантома прошлого. Прошлое ни к чему не ведет.

Живи настоящим. У тебя есть все, что нужно для счастья.

У тебя есть тот, кого ты выбрала.

Не думай о нем. О его глазах. О чем-то неуловимом в них. О его словах. Все это – ложь. Забудь о своих чувствах к нему... Забудь, забудь, забудь...

– Лив. – встревоженный голос Джонни, и его руки мягко развернули ее к себе. – Что случилось?

Она с трудом проглотила комок в горле и посмотрела на него. Его зеленые глаза пронизательно и обеспокоенно оглядывали ее лицо, она чувствовала его неизменную ауру тепла, надежности, его любви к ней. Вот он, ее якорь спасения, якорь, связывающий ее с реальностью и не дающий сойти с ума! Тот самый, который ей всегда так необходим, где бы она ни была, что бы она ни чувствовала; тот самый, что был брошен в ее сердце в тот момент, когда он впервые легко, но так чувственно поцеловал ее два года назад... Лив вцепилась в его пиджак, как будто проваливалась в пропасть прямо на этом самом месте, и от того, насколько крепко она схватится за него, зависела ее жизнь. Сама не зная, что делает и говорит, она расширенными глазами посмотрела на него, зашептала:

– Джонни! Поклянись мне, что никогда меня не оставишь! Поклянись, что не сделаешь этого, прошу тебя, Джонни!!!

Она вдруг почувствовала, как рядом с ними остановился Макс, и медленно, до ужаса испуганно, посмотрела на него. Он слышал каждое ее слово... И отчего-то смотрел не менее встревоженно, чем Джонни... Но Лив больше не могла себе позволить такую роскошь, как доверие.

Джонни тоже посмотрел на Макса, нахмурился и обнял Лив, одной рукой погладив ее по волосам и, вдохнув их запах, совершенно серьезно проговорил:

– Глупышка Лив. Как же я тебя оставлю, ты что такое придумала? Я умру без тебя, Лив. Ты знаешь это. Клянусь тебе,

я никогда не отпущу тебя, ты – моя навсегда, слышишь?

Лив облегченно улыбнулась и глубоко вздохнула. Она слышала. И Макс тоже. Он обеспокоенно смотрел на нее еще пару секунд, потом нахмурился и, ни слова не сказав, уверенной походкой прошел к машине и сел рядом с Авророй.

А Лив решила, что с этой минуты постарается сделать так, чтобы все фантомы, демоны и другие существа из прошлого перестали причинять ей боль. Она поработает над этим.

Не обращая внимания на Макса, воодушевленную Аврору, веселого Джонни, который, впрочем, хорошо скрывал обеспокоенность за маской беспечной развязности, Лив тихо сидела в машине всю дорогу до подпиравшего голубой небосвод семидесятиэтажного торгового центра в Куинсе, где и была назначена встреча.

Время едва подходило к девяти утра, поэтому торговый центр еще уныло блестел стеклом, отражая солнце и тоскуя по десяткам тысяч ног, которые постепенно наполнят его уже буквально через каких-то пару часов. А пока Лив хорошо разглядела на подземной парковке «Кадиллак» отца и великолепный «Мерседес» бизнес-класса с сопровождением в виде такого же черного и блестящего «Фольксвагена Фэттона», принадлежавших соответственно кандидату в мэры Нью-Йорка Майклу Хоффорду и его охране. Остальные тачки на гигантском, многокилометровом паркинге можно было сосчитать по пальцам.

Лив понимала, что это время выбрано не случайно: за

Хоффордом круглые сутки гонялись папарацци, представители общественных движений и простые граждане, в надежде передать ему свои измышления насчет того, что необходимо будет поменять в городе в первую очередь после вступления в должность. Но сейчас все было тихо: около металлических, отражающих свет фонарей под потолком, дверей лифта стоял отец в идеальном, как и всегда, темно-сером костюме, Брайан в черном джемпере и серых брюках, сохраняющий статус делового, но больше практичного, чем претенциозного человека, Майкл Хоффорд, седеющий мужчина, топчущий отметку в невеселые пятьдесят лет, с уверенным взглядом голубых глаз из-под немного набрякших век, гладко выбритыми щеками, ввалившимися так, будто он прикусил их внутри рта и держит специально, чтобы не стать похожим на известного всем песика шарпея, тонкими губами, сжатыми в плотную линию, и чуть полноватой фигурой в отлично сидящем черном костюме и темно-серой рубашке с галстуком.

Окружали наполненные важностью рожи трех мужчин шестеро представительного вида громил, внимательно вглядывающиеся в подъехавшие автомобили с личным дурдомом Лив и с ее веселеньким «суповым наборчиком», готовым броситься на амбразуру в любую секунду.

Лив усмехнулась и первой вышла из машины.

– Наконец-то. – вздохнул отец. – У Майкла, да и у меня, очень мало времени, а нам нужно многое обсудить... – он

замолчал и нажал кнопку вызова лифта.

– Да. Поедем в панорамный ресторан на семидесятом этаже. – добавил Брайан, пожимая руки Джонни и Максу и приветливо улыбаясь Авроре и Лив, последняя очень культурно и по-взрослому показала консьюльери язык.

– Знаете, Эйден, вы привели меня в замешательство своим намерением увидеться так срочно и в таком... общественном месте. – четким, глубоким баритоном проговорил Майкл.

Лив ухмыльнулась.

– Ого! Не голос, а просто песня... Таким тембром запудрить мозги можно в два счета, да, господин кандидат? – подмигнула она Майклу, который недоуменно уставился на нее.

Джонни и Макс рассмеялись, а Эйден вздохнул:

– Майкл, не обращайтесь внимания, это моя дочь Оливия. Она еще молода и не научилась думать, прежде чем говорить.

– Очень... необычная леди. – выдавил Майкл, а Джонни шепнул:

– Слабо сказано!

Лифт подъехал, и вся толпа легко вошла внутрь отдраенной до блеска зеркальной кабины. Как только двери закрылись, Макс быстро проговорил:

– Арматура лифта должна глушить сигналы сотовых. Проверим.

Все тут же достали телефоны, и Лив, наконец, сообразила,

какова же реальная причина того, что они встретились именно здесь. На ее телефоне не было связи. Судя по довольным лицам остальных – у них этой самой связи тоже не было.

Майкл настороженно озирался, не понимая, в чем дело.

– Эйден? Что происходит?

– Отлично. Сколько у нас времени, прежде чем мы поднимемся на последний этаж? – быстро спросил Эйден, и ему ответил Джонни:

– Несколько минут, не больше.

– Тогда не будем терять времени. – кивнул Эйден и резко и очень серьезно посмотрел на Майкла, который как-то даже отошел к своим охранникам, мгновенно сжавшись от его взгляда. – Майкл, у нас серьезные проблемы. Наш враг постоянно прослушивает наши разговоры, поэтому поговорить мы можем только здесь.

– Враг? Эйден, вы о чем? – ошарашено спросил Майкл, и Лив обратила внимание, как смешно затряслись его впалые щеки.

Эйден выдохнул.

– На мою семью ведется открытая охота. Нас шантажируют и требуют, чтобы ты снял свою кандидатуру с выборов.

– Что??? – не веря своим ушам вскричал Майкл. – Но мы же почти...

– Знаю. – Эйден нетерпеливо кивнул. – Но если я не выведу на выборы кое-кого другого и не обеспечу ему полную победу, нас всех сдадут ФБР. Предлагаю следующий вари-

ант. Майкл. Слушай меня внимательно: я организую нападение на тебя. Подставное, не пугайся, ты не пострадаешь. – поспешил успокоить бедного кандидата, у которого душа начала отделяться от тела, крестный отец, увидев, как в унисон щекам, затрясся еще и подбородок Майкла.

Лив мрачно посмотрела на мужчину и поморщилась, тихо буркнув:

– Тряпка.

– Ч-щ-щ! – шикнул на нее Макс с веселой улыбкой, и она поспешно отвела взгляд, чтобы не смотреть в его глаза.

– Одни мои люди нападут на тебя, а другие, якобы случайные прохожие, снимут нападение на видеокамеру, а также тот момент, где злоумышленники случайно вскользь упоминают имя заказчика – нашего врага, полагая, что их никто не слышит. Ты снимаешь свою кандидатуру по состоянию здоровья, а я быстренько плачу бабки куда нужно и продвигаю нового кандидата. Черт, уже подъезжаем. – ругнулся Эйден.

– Но... Эйден... – тихо, в замешательстве проговорил Майкл. – А что, если... я не захочу...

Лив вытаращила глаза, в веселом недоумении посмотрев на до смерти испуганного, но не желающего остаться за пределами «золотой кормушки», Майкла и захохотала:

– Вот это аппетит! Папуля, а ты хорошо откормил мистера Хоффорда! Он даже с мокрыми штанами своего не упустит!

– Оливка! – теперь уже Джонни слегка дернул ее за руку, но она видела, что его зеленые глаза весело улыбались. Даже

Аврора, вопреки обыкновению, хмыкнула и кивнула, в кои то веки согласившись с Лив:

– Да уж. Тот еще тарантул.

А Эйден, бросив на них на всех самый грозный взгляд, теряя терпение, гневно проговорил:

– Будет тебе хороший откат, Майкл, не волнуйся! Просто посидишь месяцок дома, а когда мы разберемся с этим дохлым уродцем, шантажирующим нашу семью, то в полицию попадет та самая видеозапись и тебя восстановят в правах, назначат перевыборы. Усек, Майкл??? – уже прорычал он ему в лицо, и Майкл просто тупо вперился в его грозные серые глаза своим мышиным взглядом. Лифт подъехал на последний этаж и остановился.

– Майкл! – громыхнул Эйден, схватив кандидата за грудки и чуть не подняв бучу между Джонни, Брайаном и Максом с одной стороны и охраной Майкла с другой, но тот успел пискнуть, прежде чем двери лифта отворились:

– Да, да, Эйден!

Двери бесшумно раскрылись, и из лифта, с совершенно обычными, непроницаемыми лицами вышла вся толпа, спокойно оглядев пространный зал с огромным количеством столиков, накрытых белоснежными скатертями, за которыми то здесь, то там сидели мужчины в строгих костюмах, завтракающие и поглядывающие то в гигантское панорамное окно, открывающее вид на добрую половину Нью-Йорка, то на двери лифта.

Все было тихо, спокойно, где-то слева, у барной стойки, толпились официанты, тихо играла музыка...

Но Лив почувствовала его.

Странное ощущение. Напряжение... Столько народу в зале... Человек двадцать, не меньше, а ни одной женщины... И все одеты как-то слишком... одинаково...

Она посмотрела на Джонни, который вдруг нахмурился и остановил ее за руку.

– Стойте. – тихо, но весомо проговорил он, и все удивленно посмотрели на него. – Тут что-то не так.

Лив кивнула и посмотрела на отца, который пристально оглядывал зал внимательным взглядом.

В этот момент из-за дальнего столика у самого окна вдруг поднялась знакомая угловатая фигура с кудрявыми, бело-брысыми волосами, обрамлявшими женоподобное лицо.

Лив удивленно уставилась на Эрнесто, который в этот раз был одет в серый, тонкий пуловер, черную кожаную куртку и темные обыкновенные брюки. Он мягко улыбался, туманно глядя на вошедшую компанию, но в его серых, заоблачных глазах мелькал самодовольный триумф.

– А вот и тот самый враг. – хмуро констатировал Эйден и сунул руку под пиджак.

Лив вздрогнула, ощущая прилив страха: она догадалась о том, что сейчас случится...

– О, господин Эйден Мартинес собственной персоной! Рад встрече, Эйден! – вкрадчиво и тихо, но жутко довольно

произнес Эрнесто. – А мы уже хотели уходить... Оливия! – воскликнул он, посмотрев на Лив, которая разве что только светиться красным светом не начала от переполнявшего ее гнева. – А вот и обещанная месть номер один... Это тебе за неожиданный поворот с мистером Максом Вератти.

– Засада! – крикнул Брайан, и Макс, Джонни и отец одновременно толкнули ногами ближайшие столы, опрокинув их на бок и спрятавшись за ними, потянув за собой остальных, как раз в тот момент, когда все посетители ресторана в представительных костюмах повскакивали с мест и, вытащив автоматы, устроили невероятный, громкий дождь из свинца, поливая им спрятавшихся за столы ошарашенных противников.

От выстрелов, бьющейся посуды, ломающих препятствия пуль и выкриков Лив ничего не понимала и практически глухла, сидя за одним из заваленных столов рядом с Джонни, у которого был с собой пистолет, равно, как и у всех остальных представителей мужского пола, исключая вконец испуганного Майкла, сжавшегося в комок за широкой мраморной колонной.

– Нужно увести Майкла! – крикнул откуда-то слева Эйден одному из шестерых секьюрити, приехавшим со своим кандидатом. Лив попыталась найти глазами отца, но увидела в дыму только темно-серый силуэт и услышала его гневный крик:

– Эрнесто уходит! Макс, прикрой меня!

И серая тень рванула вперед, в самую гущу событий. Лив ощутила прилив бешеного страха, в сочетании с невероятной злостью. Куда, куда унесся ее отец?? Там же, кроме шевелившихся воздух пуль, дыма и черной женской фигуры в капюшоне с блестящей, начищенной по такому случаю косой, танцующей на столе посреди зала, и себя не разглядишь! Заметавшись от нестерпимого, гложащего ее желудок или какие-то иные органы в районе живота, ужаса, Лив резко развернулась к Джонни и отчаянно закричала:

– Джонни!! У тебя есть еще?!!

Джонни, стрелявший куда-то, а может, даже и в кого-то, резко обернулся, удивленно и недовольно посмотрев на нее:

– Лив!! Сиди здесь, даже не думай...

– Джонни скотина дай пистолет или я прямо сейчас отправлюсь вон туда в самый центр на его поиски живо!!! – проорала без каких-либо пауз на взятие воздуха в легкие Лив, и Джонни, кажется, догадался, что лучше всего сделать так, как просит его упертая миниатюрная женушка, огромными, бешеными голубыми глазами смотрящая на него в нетерпеливом ожидании, иначе последствия могут быть необратимыми. Он сунул ей пистолет и снова вылез из укрытия, но, увидев что-то, злобно ругнулся и, приказав Лив ждать его здесь, исчез вслед за отцом в вонючем, с металлическим привкусом, тумане бойни.

Лив сняла предохранитель и выглянула из-за своей засады: несколько незнакомых ей мужчин уже никогда больше

не смогут представиться ей – они лежали в разных позах, но были одинаково мертвы. Ближе к середине зала она заметила Брайана, ловко дерущегося с двумя здоровяками, но, в силу опыта и хороших бойцовских навыков, явно одерживающего победу; дальше, у панорамного окна, шла перестрелка оставшихся охранников Майкла с людьми Эрнесто, и было сложно сказать, кто побеждал; а вот правее Лив, наконец, заметила то, что искала: двое мужчин куда-то тащили за волосы жутко испуганную и верещащую от боли и ужаса Аврору, а Джонни, прикрываемый весело скачущим за ним по пятам Марти, чью зеленую шевелюру можно было и в темноте без труда разглядеть, бежал ей на подмогу.

Лив видела, как он увернулся от пули, ее сердце запротестовало против дальнейшего движения, но девушка глубоким вздохом заставила себя дышать дальше; видела, как он пристрелил пуляющего в него ублюдка прямо в лоб и налетел на этих мерзавцев... А дальше она не видела... Потому что ее организм разом пронзили тысячи осколков боли и отчаяния... Она услышала крик отца.

Вне себя от ужаса и дикой дрожи, ударившей по ее телу, все еще слыша внутри головы его крик, разрывающий нежную оболочку ее души, она быстрее пули (которая, кстати, пролетела при этом в сантиметре от ее виска) выскочила из своего укрытия, бешено выискивая его глазами...

– Нет, Макс, Эдди! Защитите Оливию! Уходите!!! Уходите!!!

Лив затрясло еще сильнее, и ее глаза в приступе паники перестали фокусировать картинку.

– Ну же, ну же, ну же... – приказывала она себе, судорожно заставляя собственный разум возобладать над чувствами, и, наконец, за одной из дальних колонн зала мелькнуло что-то красное.

Не мешкая ни секунды и спотыкаясь об осколки посуды, обломки разбитой мебели и тела, Лив помчалась туда.

За колонной она увидела двоих людей Эрнесто, держащих в крепком захвате обессиленного и окровавленного Эйдена, прижимая к его виску пистолет. Они отступали к какой-то двери, за которой девушка увидела лестницу наверх. На них грозно надвигались Макс и Эдди, не спуская с них прицелов и что-то крича... Лив не могла разобрать слов среди шума стрельбы и драк...

Отец!!! Они куда-то утаскивают его!!! Нет, нет, только не это!!! Не пригибаясь от пуль, не обращая внимания на происходящее вокруг, Лив рванула через весь зал к ним, чтобы освободить, спасти, забрать его любой ценой... Она должна сделать хоть что-нибудь, быстрее, быстрее!

И, как выяснилось, зря она не смотрела по сторонам. В середине зала чья-то сильная и грубая рука поймала ее на бегу и, резко остановив, словно пушинку, развернула к себе. Лив оказалась в захвате огромного светловолосого мужчины с побитым лицом и шрамом на губе, возвышающегося над ней на добрых сантиметров тридцать.

Он мерзко ухмыльнулся и проговорил:

– Не так быстро, крошка...

– Отпусти. – выдохнула Лив, дрожа от гнева и еле сдерживая себя. Секунды... секунды... драгоценные мгновения, нужные для того, чтобы выцарапать отца из лап людей чертового кузнечика, ускользали, пока она стояла тут и разбиралась с каким-то, невесть откуда взявшимся, кретином на ее пути. – Или убью. Я не шучу, здоровяк!

Здоровяк лишь только издевательски заржал, а Лив, чувствуя, как адреналин бьет в голову, резко оттолкнулась от него, как-то через низ вырвавшись из его лап, и наугад выстрелила, попав громиле в область груди. Он завыл, но, видимо, ранение не задело сердце или легкое, потому что уже снова летящая на крыльях паники к той самой лестнице Лив была опять поймана, только теперь уже за волосы, и грубо зашвырнута на усеянный осколками и щепками от обломков стульев и столов пол, проехав по всему этому мусору и очутившись не где-нибудь, а у бара.

Резкая боль в руках и спине, но девушка это уже проходила. Собрав последние остатки сил и думая только об отце, она резко развернулась, как раз в тот момент, когда здоровенный башмак влетел ей прямо в живот, выбив дыхание и, кажется, убив...

О, горячий вулкан боли! Ты опять извергаешься в бедной, маленькой Оливии, которая очень хочет жить... И будет жить.

Лив с трудом открыла глаза, через пульсирующие, болезненные круги, расцветающие внутри нее и снаружи, насыщая изображение депрессивным черным цветом, увидев блеклое, разъяренное лицо блондина со шрамом на губе, и услышала его бешеный рев:

– Дрянь! Ты мне ключицу прострелила... Эрнесто приказал не убивать тебя... Но о твоём самочувствии он ничего не говорил...

Он захохотал и вдруг схватил Лив за волосы и попытался ударить ее головой об пол, но девушка, нащупав какую-то деревянную палку, оказавшуюся оторванной ножкой стула, преодолевая боль, размахнулась и со всей силы саданула эту мерзкую, радостную морду, нависшую над ней.

Блондин качнулся назад, и Лив, ощутив вдруг новый прилив сил, вскочила и снова треснула его по голове, оттолкнув еще на метр от себя... Но здоровяк быстро отошел. М-да. С таким же успехом слона можно было атаковать деревянным прутиком...

– Ах ты... – дальше шло грубое непечатное ругательство, и он бросился на нее, вырвав из ее рук ножку стула и со всего размаху ударив ею Оливию по лицу...

Дикая боль и чернота.

Сознание совсем неподходящим образом ускользнуло от девушки.

Сколько времени прошло?.. Что случилось?.. Она не знала.

Но какой-то шум вдруг стал прорываться через темноту... Какой-то гул, похожий на поток машин по автомагистрали... Гул нарастал, а с ним – и боль в висках, в теле, особенно в животе (живот – бесконечный эпицентр всяких событий, странный орган, может, без него было бы лучше?), и на лице, где-то в районе скулы...

– Лив, Лив, очнись, милая, пожалуйста, Лив... Лив!!! – требовательный и до ужаса взволнованный голос, явно принадлежавший одному зеленоглазому прилипале. – Лив, Оливка, ты меня слышишь? Ну очнись же, Лив!!!

Да. Таким надоедливый может быть только он.

Темнота постепенно рассеивалась, и в нос ударил запах крови и гари... Лив с трудом пошевелилась, застонав от боли и тяжело проговорив:

– Джонни, не трещи ты так, голова раскалывается... – она с трудом открыла глаза и увидела над собой лица Джонни с кровоточащей губой, Макса, вполне себе целого, и, чуть поодаль, Авроры, дрожащей и всхлипывающей, в окружении Марти и Эдди, беспокойно переминающихся с ноги на ногу. – А где мой новый друг?? – вспомнила она своего мучителя и медленно попыталась сесть.

Джонни заботливо помог ей и, нахмурившись, спросил:

– Какой еще друг? У тебя нет друзей, Оливка. Только я... и враги. – весело улыбнувшись, добавил он.

– Может, у нее галлюцинации? – предположил Макс. – Ты видел, как тот урод ударил ее???

Лив кивнула и поморщилась от боли, поднимаясь на ноги.

– Да, я про него и говорю... Черт, врезал мне ножкой стула, вот проклятье!! Фу, голова болит...

Она медленно оглянулась: кругом горели какие-то маленькие костры, валялись рваные тела, весь пол был залит кровью... Что же произошло?.. И почему она подралась с тем мужиком? Бежала... Куда-то...

– А, ты про этого. – небрежно, но с нотками гнева, проговорил Джонни, пнув лежащее около ног Лив тело, лица которого она не видела, зато разглядела ту самую ножку стула в его спине и кровавую рану на затылке. – Так вот он, малышка. Отдыхает.

Лив вдруг вздрогнула, как от электрического разряда. Она вспомнила. Отец. Отец. Она к нему бежала... Паника, боль, страх – все вернулось, закрутило ее в своем торнадо, она тяжело, часто задышала и резко огляделась... Его... нигде... не было... Откуда-то взялся Брайан, он подошел к ней и спрашивает... Что он говорит?? Включите, черт возьми, звук, что за проклятый шум в ушах?? Выключите бешеное сердце, выключите ускоренное дыхание, дрожь – пошла вон из ее тела!!!

– Где... мой... отец?.. – тяжело выдохнула она, схватившись за живот и пытаясь удержать крик внутри себя... Крик ужаса. Да, раньше ей казалось, что она ненавидит его... Что не сможет никогда простить ему то, что он бросил ее такой маленькой и беззащитной одну, заперев на расстоянии це-

лого океана от себя... Но то время прошло. Она давно уже поняла, что и его прочно впустила в свою душу, ощущая радость от приобретения пусть и неполной, но родной и старой семьи, той самой, настоящей, о которой она так мечтала долгие годы... Разве за это нельзя простить все, что было? За один только момент ощущения единства и родства с человеком, отчаянно пытавшимся пробиться к ней сквозь колючий кустарник ее обиды и боли?

Джонни, Макс и Брайан переглянулись. В их глазах не было ничего хорошего. Лив чувствовала, что на грани...

– Где он??? – выдохнула она, пытаясь дышать нормально, но страх, страх ускорял все процессы внутри нее...

– Лив... Он... Его забрал Эрнесто. – тяжело проговорил Джонни, взяв ее за руку.

Да. Это прорыв. Лив закричала и упала на колени, дико зарыдав, спрятав лицо в ладонях. Она! Она не помешала, не остановила, не сделала ничего, чтобы спасти его, а теперь его забрали!!! Да еще кто? Этот чокнутый и непредсказуемый гений-сморчок, у которого каждая новая мысль затмевает по степени ненормальности предыдущую! Что теперь он будет с ним делать?? Он убьет его?? Будет мучить?? Пытать?? Лив плакала, забыв о своей физической боли, ощущая только большую душевную рану, которая кровоточила сильнее, чем любое телесное увечье...

– Лив!! Белоснежка! – услышала она уверенный голос Макса где-то справа. – Мы вернем его, слышишь?? Клянусь

тебе. Мы его вернем!

– Оливка, он прав. – спокойно и убито проговорил голос Джонни. – Слезами делу не поможешь... Перестань, милая. Все будет в порядке. Мы не допустим, чтобы этот ублюдок что-то с ним сделал!

– Уводите ее отсюда. – слышался голос Брайана. – По-едем в поместье. Надо решить, что делать дальше. Ты как, Аврора?

– Я... ужасно. – тихо всхлипнул голос Авроры, и Лив вдруг мигом прекратила рыдать.

Это не она. Это Аврора бы плакала. А она никогда не льет слезы понапрасну. Она – Оливия Мартинес. Дочь крестного отца самого могущественного клана Нью-Йорка. И когда это она ложилась и умирала, встретив на своем пути препятствие? Она придумает, как вернуть отца, чего бы ей это ни стоило. Она разорвет себе жилы, но он вернется домой целым и невредимым... А Эрнесто... Лив подняла опухшие, красные глаза и посмотрела на Джонни и Макса.

С трудом встав на ноги, она ощутила физическую боль. А вместе с ней и гнев. Целую волну сильнейшей, такой привычной ей злости, двигавшей ее телом в любых обстоятельствах, заставляющей ее дышать и думать... То, что нужно. Она пришла в себя.

– Ну и чего мы ждем?? Поехали! Или жить среди этих обгорелых трупиков останемся? – она медленно, но уверенно первой двинулась к лифту, провожаемая удивленными и

восторженными взглядами мужчин и насмешливым – Авроры.

– Вот это моя Оливка! Теперь я узнаю ту девчонку, которая сотрет любого гада в порошок! – развеселился Джонни, догоняя ее и слегка приобнимая за талию. – Ты как? Где болит? – тревожно спросил он, наклонившись к ее уху.

Может, девушка и изменилась по отношению к отцу, возможно, стала понимать чуть больше в людях и взаимоотношениях... Но кое-что осталось прежним: она терпеть не могла, когда ее жалели, и ненавидела жаловаться.

– Спрячь свои жалостливые глазки, кретин! – прошипела она, гневно ткнув его пальцем в грудь. – У меня болит только вот здесь. – она показала себе на голову. – Пока не могу придумать, что делать дальше...

– Она в порядке. – весело заявил Макс, оказавшись с другой стороны от Лив и огненно, с нотками игривой нежности, посмотрев в ее глаза. И его совсем не смущал тот факт, что он обнимал за плечи шмыгающую носом Аврору, которая с раздражением и скепсисом смотрела на Лив, а также тот факт, что и саму Лив обнимал совсем другой мужчина. – Пара таблеток обезболивающего – и белоснежка будет готова дальше крушить своих врагов.

– Серьезно?? – с насмешкой проговорила Аврора, первой входя в подъехавший лифт. – Девочка, а тебе не кажется, что ты заигралась в супергероя? Я видела, как тот амбал пнул тебя в живот, а потом еще ударил обломком стула по лицу...

И ты хочешь сказать, что тебе не больно?

Лив раздраженно посмотрела на нее, встав в противоположный угол лифта, как можно дальше от этой злобной, заплаканной цапли. Она посмотрела в зеркальную стену лифта и увидела уродливую ссадину на своей щеке, кровоточащую и опухшую, как и ее глаза... Лив поморщилась, с тоской и неприязнью глядя на свое изуродованное лицо, и вздохнула. Должна ли она объяснять этой тонконогой и надменной девице, что ей чертовски больно от всех этих ударов, новых шрамов и синяков, но это все ничто, по сравнению с тем, что жизнь ее отца висит... Висит на волоске? Нет, она сейчас в тонких, маленьких ладошках ушлепка Эрнесто, который запросто может в любую секунду ограничить ему доступ к кислороду... Как можно думать о каких-то ранах, когда нужно действовать, двигаться, не останавливаться и спасти его?..

Она промолчала.

– Что??? Он тебя в живот пнул?? – встревоженно воскликнул Джонни, разворачивая Лив к себе и глядя на нее большими, светящимися тревогой и заботой, зелеными глазами. – Оли-и-ивка... Нам срочно нужно к доктору Калебу...

– Ребра целы? – не менее обеспокоенно спросил Макс, тоже подскакивая к Лив и внимательно разглядывая ее рану на лице.

– Я сейчас позвоню Калебу. – подхватил волну озабоченности Брайан, но Лив, смерив их всех раздраженным взглядом, перевела злые глаза на Аврору и воскликнула:

– Вот видишь! Поэтому я никогда им ничего не рассказываю! Они же, как курицы на насесте, начинают кудахтать и отвлекаются от действительно важных вещей, а мне плевать на эти царапины! Подумай своим крошечным мозгом, кукла Синди, если я сейчас буду скакать по больницам, то как это поможет моему отцу?? Нет, сначала нужно придумать, как вырвать его из лап этого дохлого насекомышы и прихлопнуть паразита, а уж потом разлеживаться в кровати!

Аврора недоверчиво вскинула бровь, но, видимо, признавать поражение не желала:

– Да ладно, детсадовская малышка, ты просто хочешь выглядеть крутой и сильной в их глазах, чтобы эти два чокнутых идиота тарасили на тебя в восхищении свои красивые глазки! Ты боишься признать, что тебе чертовски больно и страшно, что ты – маленькая и слабая девчонка, потому что на самом деле тебе нравится, что они вокруг тебя прыгают! Я видела, как ты сидела там и рыдала, потому что тебе, чисто по-женски, было жаль папочку, и ты до ужаса боишься его потерять! Так к чему все эти маски? Будь такой, какая ты есть. Только в этом случае ни Джонни, ни Макс не задержатся около тебя ни одной секунды.

Лив в недоумении и ужасе слушала ее, не веря тому, что она на самом деле выглядит как глупая позерша в глазах окружающих. Ее жизнь что, так похожа на спектакль, где главная героиня скрывает пустоту и ничтожность под маску силы воли и неудержимости духа? Самое ужасное, что она

почувствовала дикую усталость и действительное опустошение после всех этих событий, не оставившее ей ни малейшего желания спорить с этой завистливой выдрой, которая настолько была влюблена в Макса, что готова была пойти на все, лишь бы получить его... Только зачем теперь-то так стараться? Она же сама сказала, что он лишь играет влюбленного завоевателя, а это приводит к логическому выводу, что Лив больше не конкурентоспособна в данной теме...

Ее сердце еще больше рухнуло. Ах да. Еще и это. Игры, кругом одни игры, роли, маски... Что за дьявольский карнавал? Как узнать правду, как заглянуть под расшитый перьями и блестками пластик? Она посмотрела на Макса, внимательно и нежно изучающего ее откровенным взглядом синих глаз... Как-то непохоже, что он играет в чувства... Лив видела что-то прямо в глубине его взгляда, но... Кому же теперь она могла верить? Она отвела глаза.

– Аврора, ты не права. – жестко и категорично отрезал Макс, продолжая смотреть на Лив и вызывать мелкоточечные кровотечения в ее сердце.

– Да, красotka. – мило улыбнулся ей вечно заигрывающий магнит для женщин Джонни. – Даже если бы Оливка была на самом деле слабой и напуганной, я бы не бросил ее.

Лив благодарно посмотрела на мужа и сжала его руку своей ладонью, получив нежное, но горячее поглаживание ее пальцев в ответ. Она тихо проговорила, глянув себе под ноги:

– Я плакала не из жалости к папочке. А оттого, что не успела остановить их и спасти его. Я плакала из раздражения к себе, своей беспомощности... И к тому идиоту, что побил меня.

– Я так и думал. – с легкой улыбкой вдруг сказал Брайан и мягко посмотрел на Аврору. – Ты просто плохо знаешь ее, Аврора. Ею всегда двигало и двигает до сих пор одно чувство – гнев. У нее большие проблемы с контролем, знаешь ли. И ей вовсе не важно, на кого направлена ее ярость: на друга, врага или... саму себя. Гнев заставляет ее забыть боль и действовать. А это не признак слабости.

Аврора удивленно посмотрела на Брайана, и в ее глазах больше не было бешеной зависти. Только обида. Правда, эта хитроумная акула, чтобы реабилитироваться, вдруг натянула нежную улыбку и с грацией и очарованием кошки вдруг положила руку на плечо Джонни и совсем иным, елейным голоском, проговорила:

– Кстати, милый, чуть не забыла... Спасибо, что спас меня от этих... Это было очень благородно с твоей стороны... Без тебя я не знаю, что бы они со мной... Ты настоящий мужчина. – завершила свою обворожительную речь, подкрепленную нежным, довольно откровенным взглядом, цапля, и Лив тихонько вздохнула, понимая, что это ее ответный удар за свое поражение. Не мытьем, так катаньем. Джонни игриво и очень притягательно посмотрел на нее, улыбнулся улыбкой очаровательной кинозвезды и, в добавок, обаятельно под-

мигнул:

– Обращайся в любое время, Аврора. Я очень люблю спасать таких красивых малышей, как ты.

Нет, все-таки ревность приходит не по расписанию. И контролировать ее нельзя... Иначе Лив не бросила бы на эту довольную цаплю настолько уничижительный взгляд и не сжала бы руку Джонни своей ладонью, желая услышать хруст его пальцев...

Разговаривая мало и ни о чем, они, наконец, приехали в поместье. Лив чувствовала себя ужасно: в животе кипел горячий, пульсирующий котел, взрывающийся при каждом движении, и она, думая, что никто не видит, украдкой заглянула себе под топ и увидела огромный фиолетовый синяк, расцветающий на нежной, бархатистой коже, да и голова раскалывалась, слава Богу, хоть не тошнило, значит, сотрясения нет...

Чтобы вернуть себе здравомыслие и силы, Лив первым делом направилась в столовую и принялась методично шарить по шкафам, пока все остальные, исключая Марти и Эдди, оставшихся сторожить снаружи, поднимались в кабинет.

Вывернув все шкафчики и протерев руками пыль на полках, девушка, наконец, нашла обезболивающее и, быстренько хлопнув пару таблеток, с облегчением поднялась наверх.

В кабинете уже шло бурное обсуждение происшедшего: Брайан сидел рядом с отцовским столом на мягком кожаном кресле, Аврора прохаживалась вдоль панорамного окна со

стаканом виски в руке, а остатки бутылки разделили между собой Макс и Джонни, расслабленно развалившись на диване.

– Итак, что мы имеем? – угрюмо начала Лив, вытащив из бара бурбон и усевшись за отцовский стол, наливая себе выпивку в стакан. – Треклятый вонючий клоп Эрнесто забрал моего отца. Я ему за это все лапы поотрываю, ненавижу!!! – в сердцах добавила от себя Лив, но с трудом вернулась к рассуждению. – Где его искать, мы не знаем. Как его выследить – тоже. Что он делает с отцом – непонятно.

– Проблема еще в том, что мы всегда отстаем от него на шаг. – серьезно сказал Макс. – Он слышит каждое наше слово, и если мы поставим глушилки сотовой связи в этом доме или будем встречаться в местах, где нет связи, а таких полно по городу, он будет мстить. И мишенью окажется Эйден.

– Да, Макс прав. – сокрушенно вздохнул Джонни. – Как только мы попытаемся разработать план спасения крестного папочки или начнем собирать силы для ответного удара – он в ту же секунду использует мистера Мартинеса в качестве подушки для снятия стресса.

– Так что нам делать?? – требовательно спросила Лив, лихорадочно соображая и нервно, нетерпеливо постукивая каблуком по полу. – Мы же не можем просто сидеть и...

– Лив. – серьезно и сосредоточенно остановил ее Брайан. – Нам придется подождать. Подождать его звонка. А он обязательно тебе позвонит, чтобы выдвинуть свое условие.

Мы играем по его правилам, и он не замедлит сообщить тебе, что ты должна будешь сделать дальше... – в этот момент зазвонил его сотовый, и Брайан извинился и ответил:

– Да. Что???... – пауза. – Нет, я понял. – он нахмурился. – Угу. Хорошо, я... передам. – и он отключил вызов. Лив без интереса слушала его, положив подбородок на стол и глядя через свой стакан с бурбоном, а вот все остальные как-то оживленно посмотрели на Брайана, будто знали что-то, о чем не догадывалась Лив.

Брайан вздохнул и посмотрел на девушку.

– Оливия... Звонил представитель одной террористической группировки, которой Эйден поставлял оружие. Они недовольны качеством комплектующих в винтовках и требуют либо замены оружия, либо свои деньги назад. Что будешь делать?

Лив вытаращила на него глаза и захохотала.

– Вермишелина, сейчас не очень удачный момент для шуток! – хохотала она, правда, ни Джонни, ни Макс, ни Аврора, ни, тем более, сам «шутник» Брайан не разделяли ее веселья, и это настораживало. – Почему это я должна что-то с этим делать? Мне глубоко плевать, с кем там папаша проворачивает свои махинации, и кто потом недоволен... Чего ты у меня-то спрашиваешь? Это ведь ты с ним целыми сутками напролет, без еды и воды, по кабинетам мозгами раскидываешь!

Брайан прокашлялся и переглянулся с Джонни и Максом,

которые как-то уж очень странно смотрели на девушку... И ее это начинало раздражать...

– В том-то и дело, что с ним... – аккуратно начал Брайан и вздохнул. – Лив, понимаешь, твоего отца тут нет. И, кажется, ближайшее время он будет слегка недоступен для решения подобных вопросов... Семье нужен босс... А ты – его андербосс. Так что теперь...

– Что-о-о??? – Лив резко подскочила на ноги, сморщившись и тут же скрючившись пополам от резкой боли, сладко уснувшей в ее животе под убаюкивание обезболивающего, но возбуженной поспешными и импульсивными прыжками неугомонной девушки. Правда, что касается ее самой, то ее мозг, захваченный яростью и удивлением, подавил все возможные нормальные реакции на боль, отчего Лив ее едва заметила. – Да ты что, совсем с головой поссорился, Брайан??? Я не чертов папашин андербосс, я... я... просто кое-что делаю для него и все!!

Аврора усмехнулась, закатив глаза, и уселась рядом с Джонни:

– Она сейчас дурочку включила или на самом деле так глупа? – съязвила брюнетка, сделав глоток из бокала и сложив одну длинную ногу на другую.

– Лив. – устало и спокойно проговорил Брайан. – Перестань кричать. Ты – дочь крестного отца. Прямой и единственный наследник. Когда его нет, семья будет слушаться только тебя. И не важно, участвуешь ты в бизнесе отца или

нет. Пока Эйден у Эрнесто, тебе придется взять на себя его роль... Думаю, это было второй, не менее важной, чем взятый в заложники крестный отец, частью плана Эрнесто.

Лив все также шокировано села обратно в кресло и угрюмо уставилась в окно. К сожалению, Брайан действительно был прав... Лив так волновалась из-за захвата ее папаши, что как-то совсем упустила из виду, что он – капитан огромного пиратского корабля, плывущего по Нью-Йорку и собирающего на своих палубах всевозможных представителей преступного мира и теневого рынка... А также то, что кроме нее, стать боссом и насладиться всеми прелестями опаснейшего руководства мафиозным кланом действительно никто не может...

– Отлично. Очередной дебильный виток в идиотском сценарии глупой пьесы под названием «жизнь семьи Мартинес». – она в надежде посмотрела на Джонни. – Ты! Ты же мой муж! Вот и стань крестным отцом! Командуй всеми... всем... ну, чем там папаша командует... А я займусь его вызволением!

Джонни тепло рассмеялся и сочувствующе посмотрел на Лив.

– Прости, Оливка, но так нельзя. Я стану крестным отцом... только своей семьи, семьи О-Коннел, а ты унаследуешь бизнес Эйдена и будешь управлять... К сожалению, это предreshено, малышка. Мне очень жаль.

Лив в бессилии опрокинулась на спинку стула и нахму-

рилась. В голове вдруг неожиданно опустело, того и гляди – постучишь и сам оглохнешь от эха, отразившегося от костей черепной коробки.

– Но... я вообще не представляю, что нужно делать! Какой я босс? Мне двадцать пять лет...

– Да уж. – хихикнула Аврора. – Она даже одежду нормальную себе выбрать не может, а уж взять в руки такой могущественный клан! Этот ваш Эрнесто точно знал, как уничтожить семью Мартинес: просто отдай все в руки дочурки – и клан сам скоро загнется... Только сначала обеднеет и потеряет всех союзников.

– Не переживай, Лив, у тебя есть Брайан, он в курсе всего и подскажет тебе в любом вопросе. – сказал Макс, тепло и притягательно глядя на девушку. – И мы тоже будем тебе помогать, так что ты справишься.

Лив с болью посмотрела на него, наткнувшись на его светящийся взгляд... Он был уверен, он сам был боссом! Молодым, умным, решительным, красивым... невероятно мужественным и сексуальным... Так, стоп. Опять. Фантом прошлого – пошел прочь!! Макс играет... Ути-пути, ты только посмотри, какой заботливый! Оливия, неужели это все, что тебя заботит сейчас, после того, как огромный Вавилон, выстроенный твоим папашей, заботливо улегся на твои плечи??? Макс? Макс? Лив ощутила, как болезненно сжалось ее сердце, но в пустоте головного мозга, наконец, зажглось что-то, отдаленно напоминавшее здравый смысл.

– А с тобой, павлин, я вообще не разговариваю! – важно заявила она, и Макс удивленно вскинул брови.

– Это еще почему??? Что я сделал?? А главное – когда?.. Лив проигнорировала его и деловито посмотрела на Брайана.

– Скажи этим боевикам, что я с ними встречу.

Брайан улыбнулся и кивнул, и в этот момент мобильный Лив зазвонил. Она достала его из кармана и медленно положила на стол. Незнакомый номер. Это наверняка он... Все присутствующие в кабинете замороженно уставились на ее жужжащий по деревянной поверхности стола телефон.

Лив собрала все свое самообладание в кулак и нажала кнопку приема вызова.

– Алло.

– Оливия! – раздался вкрадчивый и, до потери сознания, довольный голос Эрнесто на весь кабинет, потому как девушка предусмотрительно включила громкую связь. – Тебе понравился мой сюрприз в том ресторане?? О, прости, совсем забыл, ты в порядке? Слышал, тебя немного покалечили мои люди...

Лив грохнула кулаком по столу и яростно прошипела в ответ:

– Ты, ничтожный, мерзкий, вонючий клоп!!! Верни моего отца, верни сейчас же, или я тебя по стенке размажу!!! – закричала она, чувствуя, что зря старалась собирать какое-то там самообладание: один звук этого придушенного приро-

дой голоса – и с ее внутреннего котла гнева моментально слетела крышка.

В кабинете резко стало как-то темно.

– Сестренка, ну я же тебя просил! – спокойно и также гипнотизирующе тихо проговорил «клоп». – Просил не разговаривать со мной в таком тоне! Я же не твой ненормальный муженек, чтобы из безумной любви терпеть все твои агрессивные выпады! И даже не твой ухажер Макс... Кстати, как он? Уже успел отбить тебя у Джонни?? Ха-ха, держу пари, скоро Джонни прозреет и, наконец, поймет, кого же ты, все-таки, так сильно любишь...

Лив вытаращила глаза, уставившись на телефон и слушая стук собственного сердца в ушах... Она медленно посмотрела на Джонни, который расслабленно попивал виски, но с огромным интересом смотрел на Лив, пронизательно выжигая ее взглядом.

Отчаянно стараясь не покраснеть и желая, как можно скорее, убить этого гада, Лив пришла в исступление.

– Что за бред, кузнечик?? – прошипела она, чувствуя яростную дрожь. – Ты чего несешь?!? Заткнись немедленно и не смей лезть в мою душу!!! Что с моим отцом, насекомьш?!?

Эрнесто притворно вздохнул.

– Эх... Ты неисправима. Наступаешь десять раз на те же грабли. Он, пока что, жив и побудет у меня... Только не вопи, я не собираюсь его пытаться или калечить. – Эрнесто сде-

лал паузу, а затем повелительно продолжил:

– Настанет момент – и я сообщу тебе, что мне нужно взамен на твоего папочку. А пока – занимайся реализацией первой ступени нашей игры: через три недели мой человек должен стать мэром этого города. Не отвлекайся на пустяки, Лив, иначе можешь не успеть... Тебе же теперь столько дел предстоит в качестве временного босса! А вот интересно, сумеешь ли ты за три недели своего командования сама разорить отцовский бизнес и растерять влияние, создаваемое им десятилетиями?? Это будет весело, сестричка!

Он противно засмеялся.

Лив прищурилась, глядя на телефон.

– Не дожدهшься, задохлик! Если даже ты, навозный жук, справился с управлением целым синдикатом Чикаго, то я и подавно не утону! За меня можешь не волноваться, лучше побойся за себя, потому что я найду способ заставить тебя играть по МОИМ правилам и обращу все твои преимущества в прах!! Я вытащу отца, сожгу твои диафильмы и сделаю из тебя гуттаперчевого мальчика, ты понял, мерзавец??? – прокричала она, чувствуя, что теперь гнев полностью управляет ею, а не она им.

Джонни тихо, жестами просил ее успокоиться, то же самое делал и Брайан, а Аврора хрюкала в стакан, пытаясь не рассмеяться вслух. Макс же сидел угрюмее, чем обычно.

– Заставишь меня играть по своим правилам?? – захохотал Эрнесто. – А у тебя отличное чувство юмора, милая!

Ну ладно, мне пора, и кстати, насчет диафильмов... Попытаешься придумать способ, как общаться со своими друзьями без моей прослушки, – и они окажутся на столе в ФБР вместе с папочкой – бесплатным приложением. Попытаешься придумать план, который будет противоречить ходу моей игры – результат будет тот же, и если ты попытаешься выследить меня – аналогично... Ой, забыл добавить, в посылке для федералов, перевязанной голубой лентой, папочка будет мертвый, а флешка с видео будет воткнута ему в глаз. Ты поняла, Оливия? – уже с угрозой в голосе, но по-прежнему тихо, проговорил Эрнесто, а Лив вдруг рассмеялась:

– Как страшно, уже прячусь под кроватью и боюсь! Эрнесто, если ты думаешь, что сможешь повредить мою психику своими угрозами, то спешу тебя расстроить: слышали мы и покруче кое-что... Один Генри Уолш чего стоил, ух!! Если ты всё, то завали варезку, задохлик, у меня в самом деле куча работы, да еще придумать надо, как поизощреннее изогнуть твоё тело и куда подвесить за то, что ты сейчас творишь...

– Может, тогда объявишь мне войну? – закинул хитрую удочку Эрнесто, а Лив усмехнулась:

– Нет, такой сценарий в моей дрянной жизни уже был. Не волнуйся, милый брат, у меня богатая фантазия, ты просто очумеешь! Все, пошел к черту.

И она отключила звонок.

– Ну вот. – зевнул Джонни. – Теперь все ясно. Оливка –

ты будешь рулить семьей и организуешь этому подставному кандидату победу на выборах... А дальше мы узнаем уже после того, как твой очень ласковый брат соизволит захлопнуть ловушку. И мы по-прежнему выплясываем под его дудку и ничего не можем с этим поделать.

– Это пока. – уверенно проговорила Лив и улыбнулась. – Он меня плохо знает... Я заставлю его играть по моим правилам, чего бы мне это ни стоило! Мы победим.

– Оптимистично. – хмыкнула Аврора. – Особенно для той, которая не может даже пиццу заказать без того, чтобы ее не подслушали.

– Мы это исправим. – проговорил Макс, и Лив, мельком взглянув на него, снова отвела глаза.

– Тогда за работу. – кивнул Брайан.

Глава 13

М-да. Что бы там ни делали с мистером Эйденом Мартинесом, главой мощнейшего мафиозного клана Нью-Йорка, он, похоже, устроил себе настоящие каникулы.

В течение трех недель Лив активно разгребала все его дела, затрачивая на это двадцать три из двадцати четырех возможных часов в сутки. Один час все-таки предательски уходил на то, чтобы поесть, хотя бы пару раз за день, переодеться и иногда даже принять душ... Не выпуская, при этом, из рук сотового телефона.

Все это, конечно, немного условно, поскольку хотя бы по

три часа каждую ночь Лив тратила на сон, но времени, чтобы подумать о том, как выследить Эрнесто, который очень великодушно не терроризировал нервную систему девушки своими звонками и пропал вместе с ее отцом, и как спасти бедного (или, может, все-таки не такого уж и бедного?) папочку катастрофически не было.

Лив была еще жива и не угробила отцовские дела только благодаря мощной поддержке Джонни, Брайана и Макса, каждый из которых взял на себя порядочную долю всех функций.

Макс занялся предвыборной компанией Джулиана Слоу, кандидата на пост главы Нью-Йорка, которого подослал Эрнесто, и получалось у него это на удивление легко: там, где нужно было договориться с общественными организациями или подкупить кого-нибудь, его харизматичная внешность, брутальность и обаяние играли ему только на руку. Так что мистер Слоу медленно, но верно завоевывал симпатии избирателей и постепенно приобретал уверенность и влияние.

Джонни взял на себя функции посредника на переговорах с поставщиками оружия, союзными группировками и другими нужными людьми, обеспечивая Эйденовский бизнес всеми необходимыми комплектующими.

Сама же Лив вместе с Брайаном контролировала работу всех, принадлежащих семье точек, связывалась с реализаторами, уличными боссами, исполнителями и принимала миллион разных решений, начиная от поиска новых путей отмы-

вания денег и кончая приказаниями наказать непослушание тех, кто рискнул каким-то боком поплыть «против интересов семьи». Со своими советами к девушке также часто приходил и Оливер О-Коннел, который прекрасно знал о сложившейся ситуации и искренне желал помочь невестке.

...Но к концу третьей недели Лив начала осознавать, что у нее кончается батарейка. Продираясь через очередной липовый финансовый отчет то ли ресторана, то ли ночного клуба, то ли автомойки девушка пила кофе, кружку за кружкой, и недоуменно поглядывала на бодрого и серьезного Брайана, с которым и проводила двадцать три часа в сутки.

– Где твоё зарядное устройство, вермишелина? – как-то однажды, практически засыпая над колонками цифр в половину третьего ночи, сонно проговорила Лив. – Как вы с отцом можете так жить?? Это же самоубийство... И Джонни я уже сто лет не видела... Забыла даже, как выглядит этот веселый идиотина.

Она широко зевнула. Брайан тепло улыбнулся и пожал плечами:

– Это привычка, Лив. Организм человека ко всему привыкает. Большая семья – большая ответственность. Большой бизнес – двойная ответственность. Да и кроме нас эти дела все равно никто не сделает...

Лив ухмыльнулась.

– Я все еще удивляюсь, что ты дважды был женат!

Брайан поднял брови.

– А что тут удивительного? Ни одна женщина не захочет иметь такую конкурентку, как работа, да еще и на такого человека, как Эйден Мартинес...

Лив захохотала.

– Нет, то, что ты «был» женат, меня как раз не удивляет, а вот то, что «дважды»!.. Как, как, как, черт возьми, ты успевал находить себе женщин в таком ритме жизни с моим папулей в одном кабинете???

Брайан лишь таинственно улыбнулся.

Несмотря на то, что бизнес отца все-таки не пошел ко дну поломанным «Титаником» по имени Оливия Мартинес, но все же у девушки из головы никак не хотели уходить две проблемы, навязчивые мысли или две толстые и очень болезненные занозы.

Первой «занозой», а по-другому его просто не обозвать, был, разумеется, Макс. Лив до ужаса боялась его. Настолько, что почти не смотрела ему в глаза, опасаясь вновь ощутить те странные эмоции, которые он пробуждал в ней от двухлетней спячки. Она помнила слова Авроры о том, что он играет с ней, чтобы очаровать ее и добиться того, чтобы она рассталась с Джонни и, тем самым, отомстить ей за то, что она бросила его тогда. Но Макс не был похож на хорошего актера-садиста, его улыбка была искренней, шутки и слова – прежними, а глаза... странно блестели и сияли, когда он смотрел на нее... Он смотрел внимательно, изучающе, с интересом и особенной, странной жадностью, вглядываясь в ее

лицо, провожая глазами ее жесты или движения, он всегда смотрел ей вслед, когда она уходила...

И сбивал ее с толку. Мучал ее. Был ее личным спутником по пути в ад. Она до дрожи в коленях боялась своих эмоций по отношению к нему и поэтому всеми силами старалась, насколько это возможно, не оставаться с ним наедине, не встретиться взглядом и вообще не разговаривать... Что несказанно радовало Аврору, с огромным кошачьим удовольствием и игривой грацией крутившуюся как вокруг Макса, так и вокруг Джонни, не упуская случая позлить Лив на глазах у всех.

Второй проблемой был, конечно, Эрнесто.

Лив не могла думать о нем, точнее, не успевала из-за всех этих дел, которые легли на нее гигантской снежной лавиной и утаскивали прочь от самой главной беды – похищения отца. Ее это ужасно выбивало из колеи, она была бессильна, не могла его найти, не могла помочь, и это злило ее и выводило из себя. Эрнесто прослушивал ее. Следил за ней. И она не знала, караулит ли ее кто-то, когда она в особняке или в своей квартире, но Марти и Эдди, всегда дежурившие снаружи, ни разу не видели никаких подозрительных личностей поблизости. Лив никак не могла придумать план, она до умопомрачения боялась того, что ее могут раскрыть, и Эрнесто со своим болезненным комплексом сокрушительной мести отыграется на ее отце...

Но что-то нужно было сделать. Нужно переломить ход иг-

ры в свою пользу... Или хотя бы попытаться.

Глубокая ночь. В «Кэнди-вилладж» стояла тишина, изредка прерываемая лаянием одинокого пса или гулом мотора чьей-нибудь, проехавшей мимо, машины.

Лив находилась в кабинете отца и в четверть второго утра проверяла счета по отмыванию доходов одного из банков, а точнее, сладко спала, впечатав эти самые колонки цифр в свою левую щеку. Она уснула случайно: видимо, сказала усталость прошедших трех недель без единой минуты нормального отдыха.

Что-то как будто звякнуло в ее голове, и она резко проснулась. Открыв глаза, Лив медленно оглядела темный кабинет, где предметы приобрели голубоватый оттенок из-за лунного света, пробивающегося сквозь жалюзи. Вздохнув, она пожелилась и огляделась в поисках мягкого, белого свитера.

Да вот же он, на спинке ее стула висит! Лив обрадованно натянула его поверх своей голубой майки и вздохнула, ощущая, как ее кожа становится теплее. Сколько же она спала? Половина второго... Девушка отлично помнила, как в парке прилетела в этот кабинет с одной очень важной встречи с управляющим «Иль чьело стелато», отправила Брайана домой отдыхать, а сама плюхнулась в это кресло с отчетами в руках... Было довольно жарко и еще светло.

«Черт! Несколько часов псу под хвост...» – пролетела укоризненная мысль в ее мозгу, и она, глубоко вздохнув, схватила бумаги, намереваясь включить ночную лампу над

СТОЛОМ...

Как ее что-то остановило.

Одна мысль...

А может, получится?

Эрнесто думает, что она спит... Главное – не разубедить его в этом...

Лив посмотрела на свой мобильный, торчащий из-под вороха «очень важных» бумаг и документов, и тихонько встала. Вряд ли ее слушают сейчас... Все-таки ночь на дворе, и она уже несколько часов не подавала признаки жизни...

Девушка тихо подошла к окну и осторожно посмотрела сквозь жалюзи во двор, раздумывая. По периметру лужайки и вишневого сада то там, то здесь маячили темные фигуры, едва заметные в свете Луны. Фонарь над крыльцом и другое освещение было погашено, только мигали глазки видеокамер на заборе, окружавшим дом, и подсвечивался пункт выключения сигнализации рядом с воротами.

Так-так... Где же Марти и Эдди?? Лив нахмурено искала их глазами и, наконец, увидела зеленые волосы около входа в гараж... Значит, они дежурят у машин, на всякий случай.

Ей нужна была их помощь... Но сама она к ним не пойдет. Они могут громко назвать ее по имени и раскрыть тайну ее «сна»... Лив сложила руки на груди, лихорадочно соображая.

Джонни, скорее всего, придет под утро, он сейчас должен быть в «Аквамарине», улаживать дела бара. Брайан был в

Нью-Йорке, у себя в квартире, и должен был видеть десятый сон...

В особняке в эту минуту находились вместе с ней только Аврора и Макс. Лив судорожно вздохнула. Эйден разрешил им жить в их доме, в шикарных гостевых спальнях на третьем этаже, а вот люди Макса, которые пачками прибывали в Нью-Йорк из Италии, были расселены в «Пантеоне» и тоже хорошо охранялись. Дело могло дойти до войны с Чикаго, а лишние руки, умеющие держать оружие, в такой ситуации были бы просто необходимы.

Ничего не поделаешь. Придется идти к нему. С Авророй у нее гораздо более натянутые отношения, и уж она-то своим щебетанием точно сорвала бы ей весь план.

Собрав все внутренние силы в кулак, убеждая себя, что это необходимо только для дела, Лив тихонько, босиком, как тонкое приведение в белом джемпере и облегающих голубых джинсах, рваных на коленках, с распущенными, струящимися по ее спине волнистыми волосами светло-русого, с голубым отливом лунного сияния, цвета, вышла из кабинета и неслышно поднялась по темной, резной деревянной лестнице на третий этаж.

Около двери в спальню Макса, она замерла, чувствуя ужасную, предательскую дрожь во всем теле. Сердце оглушало ее своими ударами, а губы пересохли. Внизу живота болезненно скручивало, как же она боялась быть с ним наедине! Да еще и в темной спальне...

Пересилив себя, девушка бесшумно нажала на ручку двери и неслышно скользнула внутрь.

Макс был здесь. Он спал, лежа на животе, сунув одну руку под подушку. Лив испытывала паническую атаку... Она видела его ровную, красивую спину, и ее мозг сразу же угодливо подослал демона прошлого, напоминавшего ей, как когда-то она нежно гладила эту спину своими ручками, как целовала ее, как ее ногти вонзались в эту кожу с порывом огненной страсти... Она видела эти темные волосы... Новый демон послал в кожу ее ладоней тактильное воспоминание: такие густые, чуть волнистые и жестковатые... Видела его руку, покоившуюся поверх одеяла, помнила свои чувства от прикосновения этой ладони... И, наконец, его профиль лица, на который тоже падал голубоватый свет из окна...

На негнущихся ногах она подошла к нему и остановилась напротив, пытаясь унять разбушевавшееся сердце, заставляющее ее подойти к нему ближе, еще ближе, коснуться пальцами его щеки, вспомнить свои ощущения... Соблазн разьедал ее изнутри, она умирала от ужаса того, что испытывает... Макс, как чертов магнит... Даже когда спит...

Лив закусила губу и, осторожно присев на край его кровати, чувствуя исходящее от него тепло и сходя с ума оттого, как сильно де жа вю накрыло ее, взяла его за плечо и, вздрогнув, как будто ломая невидимую преграду, легонько потрясла.

Он открыл глаза и увидел ее. Лив заметила в них удив-

ление и беспокойство... Он резко развернулся и сел, так и уставившись на нее своими синими глазами, как будто не веря, что она здесь, рядом с ним, в его спальне...

Лив и самой верилось в это с трудом. Подлая дрожь стала еще сильнее. Он хотел что-то спросить, но Лив приложила палец к губам и указала на его сотовый, лежащий на прикроватной тумбочке, пытаясь сказать, что их могут подслушать.

Макс удивленно улыбнулся и понятливо кивнул, выжидательно глядя на девушку. Лив встала и тихо подошла к тумбочке. Порывшись в ней, она с облегчением обнаружила какую-то старую телефонную книжку и ручку. Вырвав листок, девушка быстро написала:

«Сходи вниз, к гаражу, найди Эдди, это красноволосый, скажи ему, что нужно будет прямо сейчас пробить местоположение одного номера, но вслух пусть скажет, что это я опять ищу Джонни, чтобы не было подозрений. Я пока найду номер, а ты передай ему, чтобы он сказал Марти (зеленая башка), что поедет проведать мою квартиру на всякий случай. Пусть заводит тачку и ждет меня в гараже. Сделаешь?»

Она чувствовала его взгляд на себе, пока писала. Чувствовала, как нежно и горячо он оглядывает контуры ее тела на фоне занавешенного окна, чувствовала, с каким жаром он прошел взглядом по ее лицу, губам, ресницам и длинной, светлой прядке, свесившейся вперед, пока она склонялась над бумагой на тумбочке... И все внутри нее пылало, как

будто ее сердце получало все новые и новые удары розгами... Да что же это с ней?? Она любит Джонни, она любит его каждой клеточкой своего тела, что тогда сейчас происходит?..

Она дико покраснела и передала послание Максу. Тот нехотя оторвался от созерцания ее лица и шеи и перевел взгляд на бумажку. Теперь настала очередь Лив пялиться. Он хмурился, пока читал, но она знала, что он просто пытается понять, что она задумала. Лив видела его красивый профиль, его темные брови, ресницы, губы... О, она помнила их поцелуй... Внутри все тут же закружилось в жарком вихре. Лив незаметно вздохнула и нечаянно, сама того не желая, опустила глаза на его грудь и живот... Тот же подтянутый пресс, те же мышцы... Ах, когда-то она так любила прижиматься к этому крепкому, горячему телу, сколько волнительных мгновений она испытывала при этом...

Так, все, стоп!!! Прочь из моей головы, Макс! У меня важное дело! Хватит предлагать мне свое яблоко, змей-искуситель! Чертовщина какая-то... Любит одного, а сама тут вечер памяти устроила по другому... Да еще кому! Максу, который, вероятнее всего, играет с ней!

Лив встряхнулась и немного пришла в себя. Макс дочитал и удивленно, но серьезно посмотрел на Лив и кивнул. Лив благодарно улыбнулась в ответ, и он встал, принявшись спешно одеваться. Девушка нервно отвела глаза, чтобы не пялиться на него... на него всего...

Макс быстро натянул темно-серые спортивные штаны,

черную, обтягивающую футболку и черные, ей в тон, кроссовки любимой, как и у Джонни, фирмы «Найк». Лив, краснея от своего желания все-таки подсмотреть за ним, не поднимала глаз, но увидела, как он быстро присел около нее на корточки и, осторожно взяв рукой за подбородок, развернул ее лицо к себе, заставляя посмотреть в свои сияющие, страстные синие глаза. Он обаятельно улыбался, излучая невероятное притяжение и какое-то распускное мужество, а когда Лив посмотрела на него, Макс показал ей жестом, что он пошел вниз и указал как бы под себя, одними губами проговорив: «Встретимся в кабинете».

Лив кивнула и еще секунду, как дура, попялилась в его глаза, получив игривое подмигивание и откровенно ласкающий взгляд в ответ, а затем чертов Макс, наконец, ушел, позволив ей вздохнуть свободно.

Дождавшись, пока его шаги не затихнут, Лив все так же неслышно вернулась в кабинет, нашла свои белые кроссовки с высокой голенью, застегивающиеся на липучки, и, сунув в рот конфету, невесть как выжившую среди горы фантиков на столе рядом с отчетами, девушка схватила телефон и первым делом нашла номер того самого Люка, компьютерного гения, с которым они обедали в «Пантеоне» как-то уж совсем давно... Номер его Лив стянула из мобильного Брайана на всякий случай, пока тот не видел. И вот, случай все-таки наступил.

Схватив бумагу и ручку, Лив запрыгнула на стол и, усев-

шись поудобнее, быстро переписала номер Люка, затем все номера, с которых ей когда-либо звонил Эрнесто. Пора немножко поколдовать над этим и ей...

Через минуту вошел Макс и жестом сообщил, что все в порядке. Лив довольно улыбнулась и снова настрочила ему послание:

«Это номер, который нужно пробить. Сообщи Эдди, что он должен вывезти меня тайно от всех из особняка, особенно от Марти, потому что если огурец узнает, он разстрелит обо мне на всю округу, да еще в соседние штаты сообщит. После того, как Эдди вывезет меня в город, пусть убедится, что слежки нет, и высадит меня где-нибудь по дороге. Назад из моей квартиры он поедет ровно через час по тому же пути. Я буду ждать его на том же месте. Спасибо».

И, довольная своим планом, девушка весело передала новое сообщение Максусу. Тот читал, а его брови поднимались все выше. Наконец, он внимательно, но с укором, посмотрел на нее, затем ткнул пальцем в себя и в нее, как бы говоря, что он поедет вместе с ней.

Лив снова покраснела, понимая, что сойдет с ума, если он поедет, поэтому активно замотала головой из стороны в сторону. Макс насмешливо посмотрел на нее и сложил руки на груди, всем своим уверенным видом говоря, что либо он едет вместе с ней, либо ничего не выйдет. Девушка снова попыталась сопротивляться, но Макс так жестко смотрел на

нее, что ей оставалось лишь в бессильной злобе погрозить ему кулаком, сообщая, что она обязательно разберется с ним позже, тогда Макс искрометно улыбнулся и вышел из кабинета уверенной походкой.

Тихонько, стараясь не дышать, Лив сунула бумажку с телефонами в задний карман джинсов и неслышно спустилась вниз, бросив последний взгляд на свой мобильник, с тоскующим видом лежащий на столе. Поддерживаем легенду дальше: Лив уснула и спит в кабинете отца до сих пор.

У входа в гараж она остановилась и тихонько заглянула в дверь: в гараже было светло, стояли несколько «Кадиллаков», пахло бензином, резиной и еще чем-то, по бокам вдоль стен покоились запасные покрышки, а на полках – разные инструменты, канистры и тому подобные вещи. Ближайший к выезду «Кадиллак» был заведен. Лив услышала какие-то голоса, веселый разговор, а затем все стихло, и через пару секунд около двери возник Макс. Увидев Лив, он махнул ей рукой, одними губами шепнув: «Пошли скорей!»

Девушка подчинилась. Эдди стоял около машины с самым своим любимым сумрачным видом, куря сигарету. Увидев Лив, он кивнул и хотел было открыть заднюю дверь, но Лив замешкалась, думая, не лучше ли ей будет поехать в багажнике... Макс угадал ее мысли, увидев, куда она смотрит, и протестующе замахал руками, импульсивно приказывая лезть назад. Лив со вздохом согласилась. Ехать в багажнике и ей хотелось меньше всего.

Она залезла в машину и уселась на резиновый коврик, облокотившись спиной о переднее пассажирское сиденье и обняв себя за колени. Макс уселся также, исключая этот трогательный и беззащитный жест с объятиями собственных ног, и, снова огненно посмотрев на Лив, игриво подмигнул ей. Лив прищурилась, понимая, что он пользуется тем, что она ничего не может ответить ему... Но, черт возьми, она совет самой себе, если не признается в том, что ее сердце скачет, как угорелое, рядом с ним...

Эдди благополучно пересек территорию поместья и выехал на дорогу, ведущую через деревушку на трассу в город.

Лив смотрела наверх, на небо, молясь, чтобы чокнутый зеленый таракан не прознал о ее вылазке и не сделал что-нибудь отцу...

Небо было черным, с мириадами блестящих точек, таких далеких и таких крохотных во всей вселенной, как и она сама, песчинка в пустыне, хватающаяся за собственное, ничего не значащее для этого мира существование, в вечной борьбе с людьми, которых она не знает, но которых называет своими врагами... И в борьбе с самой собой. Кто бы помог разобраться в чувствах? Как же можно любить сразу двух мужчин? И как остановить в себе эти ощущения, что помнит ее тело, как заставить себя забыть о Максе? Она же сделала свой выбор. И он был совершенно сознательным, а главное – сердцем. А что, если она врет самой себе??? Что, если ее выбор – лишь не что иное, как желание познать то,

что было до этих пор запретным? Джонни долго держался в френд-зоне, и, конечно, он ужасно, неотвратно привлекал ее как мужчина... Вдруг она... Какой ужас, что за мысль??? ... Вдруг она всего лишь захотела узнать, каково это – быть с ним?? Макс исчез навсегда, и Лив всего хватало для счастья... Но вот теперь он здесь. Сидит и не сводит с нее своих пристальных глаз, как специально, будто заставляя посмотреть на него...

Лив не удержалась и посмотрела. Глаза Макса будоражили все струны ее души, заставляли терять контроль. Они огненно, медленно, с любовью оглядывали ее с ног до головы, так откровенно, пристально, так жадно, как и раньше, когда он ухаживал за ней, чтобы добиться ее расположения...

Лив уловила невероятное, притягательное мужество, силу, его внутренний огонь и сияние, она чувствовала его грубовато-страстную энергетику, и все внутри нее сжималось от его близости. Макс медленно перешел от созерцания ее плеч к шее, затем – к подбородку и остановился на губах... Секунду он с каким-то маниакальным интересом смотрел на них, как будто вспоминая что-то, но также быстро его синие глаза перескочили на ее аквамариновые, заставив Лив замереть и не дышать. Они смотрели друг на друга, и ей казалось, что в машине невероятно жарко, хотя точно знала, что вокруг окутывала прохлада ночи...

Что за взгляд-то такой! Как же можно так очаровывать?? Это нужно запретить на законодательном уровне...

Лив не знала, сколько они уже проехали, но машина вдруг остановилась, и Эдди вышел. Через полминуты открылась дверь с ее стороны, и серьезное лицо красноволосого официально сообщило:

– Все чисто, мисс Оливия, можете выходить.

Лив с облегчением вылезла, коря себя за эти безумные слабости с Максом, и нахмурено огляделась: впереди светилась оживленная, даже в такой поздний час, улица, а «Кадиллак» был припаркован на тихом и безлюдном перекрестке, где слева высилось здание спящего торгового центра, а справа светилась вывеска ювелирного магазина.

– Где мы? – спросила она.

– На углу Сорок четвертой и Мэйн-стрит. – ответил Эдди.

Лив кивнула и посмотрела на Макса, который с веселым азартом таращился по сторонам.

– Ты достал адрес? – осведомилась девушка, поглядев на красноволосого, и тот с довольным блеском в глазах кивнул.

– Да, мисс Оливия. Объект сейчас находится в Куинсе, Страсбургское шоссе, дом 28. Это в пятнадцати минутах езды отсюда.

Макс кивнул.

– Я знаю, где это. Там частные дома, тихий жилой район. Значит, у нас примерно полчаса.

Лив кивнула и посмотрела на Эдди.

– Езжай. Через час мы будем ждать тебя здесь. Не опаздывай!

Эдди кивнул и, прыгнув в машину, нажал на газ.

Лив быстро направилась в сторону оживленной улицы впереди, не особо заботясь, идет ли Макс следом, или нет, но чувствуя спиной его взгляд и слыша его уверенные шаги позади. Выйдя на перекресток, она только хотела поймать такси, как вспомнила, что забыла в особняке деньги.

– Вот, черт. – ругнулась она на себя и посмотрела на Макса. – Денег с собой нет.

Макс весело улыбнулся и проговорил, невозмутимо подняв брови:

– Не беда, белоснежка, сейчас угоним какую-нибудь тачку, только и всего!

Лив удивленно вытаращилась на него:

– Да ты что, павлин, совсем что ли перезрел на солнышке?? Какую еще тачку? Не собираюсь я ничего...

Макс рассмеялся и вдруг нежно провел ладонью по ее щеке, горячо заглянув ей в глаза и заставив замереть на этом самом месте, лишив возможности управлять трепещущими от его легкого прикосновения мышцами и закончить фразу.

– Я пошутил, Лив, поймаем такси.

Он вышел вперед и перед ним, как по заказу, затормозил желтенький «Шевроле» с черно-белыми шашечками на крыше. Макс подмигнул девушке и, обаятельно улыбнувшись, открыл перед ней заднюю дверь, проговорив:

– Садись. И по дороге тебе придется придумать способ, как убить водителя, и где мы спрячем тело.

Лив гневно посмотрела на него, потрясенно замерев на месте, а Макс снова рассмеялся и добавил:

– Ну перестань, девочка, есть у меня деньги! Садись давай скорее, время идет.

Лив мстительно прищурилась, посмотрев на него, но гордо прошла и села подальше, забившись в дальний угол. Ей хотелось быть подальше от него и от тех чар, которые он на нее распространял, но, видимо, Макс думал как-то иначе. Сообщив водителю адрес, он придвинулся к Лив так, что их бедра находились буквально в сантиметре друг от друга и, наклонившись к ее лицу, жадно оглядывая его синими глазами, вдруг спросил:

– Отчего ты избегаешь меня, белоснежка?

Лив вздрогнула, очнувшись от гипнотического глазения в его глаза и жуткого волнения по поводу близости его ноги к ее, а ее сердце будто сорвалось с крыши и полетело куда-то вниз, стремительно захватив по дороге остальные органы и больно ударившись об живот. Он заметил! И что теперь? Как дурочке, делать вид, что не понимает, о чем он?? Лив терпеть не могла все недосказанности... Но что она могла ему сказать?? Она вдруг снова разозлилась.

– Да какая тебе разница, птица-говорун? – раздраженно проговорила она, сложив руки на груди. – Как я вообще должна себя вести, когда у меня есть муж, которого я люблю, а тут вдруг ты, как кирпич, прилетел со своими играми и желанием отомстить мне за прошлое??? Что тебе вообще

от меня нужно? Чего ты добиваешься??

Макс удивленно таращился на нее секунд десять, потом вдруг неожиданно грубо и импульсивно схватил ее за запястья и развернул к себе, заставив с недоумением уставиться в его полыхнувшие гневом глаза:

– Лив!!! Что за ерунду ты несешь???. Какая игра, какая месть?? – недоуменно и яростно проговорил он, тряхнув девушку за руки, правда, не сильно. – Откуда ты это взяла?!? Что-то я сомневаюсь, что сама выдумала... Отвечай!

Лив выдернула свои запястья из его горячих, сильных ладоней и, ощущая, как ее накрывает нервная, волнительная дрожь, поспешила грозно проговорить:

– Да какая разница, откуда, Макс?? Главное – я знаю это, и поверь, мне, пока что, одного геймера достаточно, и это мой неожиданно вылезший из своей дырки под названием «Чикаго» сводный братец Эрнесто. Так что давай просто сделаем общее дело и ни о чем не будем говорить, хорошо? – устало закончила она, отвернувшись к окну, но все еще ощущая его внимательный, изучающий взгляд на себе и думая, что он злится от того, что она откуда-то все прознала о его планах.

– Черт бы меня побрал!! – тихо, но очень гневно прошептал Макс. – Хорошо, белоснежка, поговорим об этом позже, когда вернемся в поместье.

Лив резко посмотрела на него, пылая от ярости.

– Мы не будем ни о чем говорить, франкенштейн! Не строй себе иллюзорное будущее! Просто перестань играть со

мною и...

– Приехали, сэр, мэ. – прервал ее водитель, и Макс, сунув ему крупную купюру, первым вышел из машины.

Дом, перед которым они оказались, был небольшим, одноэтажным и тесным, лужайка перед крыльцом пострижена кое-как, какое-то чахлое дерево загораживало собой обзор из единственного окна, в котором, не смотря на поздний час, Лив различила слабый свет.

Они подошли и, еще раз оглядев домик, как будто не веря в то, что здесь может обитать компьютерный гений, поднялись на крыльцо. Лив громко постучала. Через несколько секунд в окне скрипнула шторка жалюзи, и девушка увидела два испуганных, внимательных глаза, оглядывающих ее и Макса. Она подняла брови и постучала снова. Дверь, наконец, отворилась, и Оливия увидела того самого парня с модной косой челкой, правда, одетого не в элегантную рубашку, а в поношенную футболку и домашние спортивные штаны. Он удивленно уставился на Лив, излучая напряжение не хуже высоковольтной будки.

– Привет! – мило улыбнулась ему Лив, и Люк, наконец, отмер и проговорил:

– Мисс Мартинес??? Что... что вы здесь делаете?? – он испуганно покосился на Макса, который смеривал его изучающе-пронзительным взглядом, прямо-таки сияя своим мужеством, уверенностью и превосходством над ним. – А вы кто такой? – слабо уточнил компьютерщик, но ответила ему

Оливия:

– Это один олух, командир сицилийского общества людей с ограниченными способностями по части слуха, зрения и ума, ничего особенного, Люк. Но если тебе так важно знать его имя, то он откликается на франкенштейна.

Люк ошарашено снова посмотрел на Макса, раздумывая над полученной информацией, но, к счастью для него же самого, он был достаточно умен, чтобы сообразить, что перед ним не кто иной, как закативший глаза и бесстрастно ухмыльнувшийся глава сицилийской группировки. Лив подошла к нему и, снова переключив его внимание на себя, заглянула ему в глаза, быстро проговорив:

– Нам нужна твоя помощь.

Люк нахмурился, и Макс тоже подошел к нему и убедительно проговорил:

– Это не займет много времени, и тебе ничего не угрожает. Так ты позволишь войти?

Люк отступил в дом, робко покосившись куда-то вглубь своего жилища, и, наконец, кивнул:

– Да, конечно... Проходите.

Он махнул рукой, указывая ребятам следовать за ним, и прошел через небольшую гостиную в маленькую комнату, в которой, собственно, и горел голубоватый свет, исходящий от трех крутых, современных мониторов компьютеров, установленных на письменном столе.

– Ух ты! – подивилась Лив, глядя на три компьютера. – А

у меня только старенький планшет...

Люк деловито уселся за стол и посмотрел на Лив уже более уверено. Видимо, рядом со своими незаменимыми помощниками он чувствовал себя в своей стихии.

– Так чем я могу помочь вам?

Лив открыла было рот, но ответить не успела: в комнату, ежась и кутаясь в мягкий махровый халат, вошла девушка. Она посмотрела на неожиданных гостей усталым, невыспавшимся взглядом, и Лив сразу почувствовала в ней жуткое раздражение. Судя по всему, они не первые, кто навещает ее парня посреди ночи... Она оглядела недовольным взглядом Лив, задержалась на красавце Максе, который очаровательно улыбнулся и галантно проговорил: «Добрый вечер, милая леди! Простите за вторжение», и выразительно посмотрела на Люка, проговорив:

– Люк? Кто эти люди? Что на этот раз от тебя хотят??

Люк вздохнул и примирительно поднял руки:

– Все в порядке, Келли, это... мои знакомые. Я только окажу им услугу, и они уйдут, не беспокойся, иди спать.

– Услугу??? – немного на взводе проговорила Келли. Казалось, еще чуть-чуть – и она разразится бурной истерикой... Лив поморщилась. – Какие такие услуги нужно оказывать в два часа ночи?? Или у твоих друзей проблемы со сном?? Так им не к компьютерщику, а к другому специалисту нужно!

Люк испуганно посмотрел на свою пассию, которая и не

представляла, что сейчас оскорбляет дочку могущественного крестного отца Нью-Йорка, оставшуюся «за главного», и босса сицилийской семьи, не менее устрашающей и опасной, даже за пределами Сицилии... Но вот он-то это понимал, поэтому отчаянно замахал ей руками и протараторил чуть дрожащим голосом:

– Келли, милая, прошу, иди в спальню, тебе нужно отдохнуть, а я очень быстро, клянусь, ты даже заснуть не успеешь...

Лив насмешливо смотрела на Келли, которая сейчас напоминала черную ворону с синим, подсвеченным экранами мониторов, лицом, а Макс хохотал, сложив руки на груди. Просмеявшись, он посмотрел на Лив и проговорил:

– Вот видишь, Лив! Девушка видит нас впервые в жизни, а откуда-то уже знает, что нам не мешало бы провериться у психиатра... Значит, все-таки, это очень заметно...

Лив ухмыльнулась и нетерпеливо посмотрела на Келли:

– Ну не будь ты такой букой, Келли! Нам нужно пять минут, твой бесценный гений нам кое в чем поможет, и мы уйдем! Знаешь, парни таких не любят. – с видом знатока проговорила она, и Макс снова ухмыльнулся, тихо, с сарказмом проговорив:

– Да ну??

Оливия разозленно посмотрела на него и буркнула:

– Я имела ввиду нормальных парней, а не вас с Джонни. Ладно, давайте уже к делу! – она подошла к Люку и доста-

ла из заднего кармана бумажку с номерами телефонов Эрнесто. Келли гневно посмотрела на нее, затем на Люка, и вышла, а Макс присел на край небольшой тумбочки у входа и с интересом воззрился на них. – Ты знаешь, что у нашей семьи объявился изощренный в тонкостях прослушки враг. Так вот. Это, – она сунула ему бумажку в руки, – все номера телефонов, с которых он когда-либо мне звонил. Я хочу знать, можно ли получить по ним какие-нибудь сведения... хоть что-то, какую-то зацепку, чтобы изловить гада... Сможешь пробить?

Люк бегло посмотрел на номера, затем с самым сосредоточенным видом развернулся к мониторам и принялся что-то молниеносно набирать на клавиатуре.

– Посмотрим. – кивнул он, открывая какие-то окна и печатая непонятные команды и символы, которые для Лив выглядели как бессмысленные наборы букв и знаков.

Около пяти минут он стучал пальцами по кнопкам, переключаясь то на один экран, то на другой, заставляя Лив нервно выстукивать кроссовком по серому, полысевшему ковру, застилавшему полы в этой комнате, и, наконец, он вздохнул и проговорил:

– У вашего врага очень хорошая конспирация. Все номера были приобретены на разные имена и разные паспортные данные, которые не имеют между собой ничего общего. – он посмотрел на Лив, и та удрученно вздохнула. – Но есть кое-что, что их объединяет. – он слегка улыбнулся и, посмотрев

на один из мониторов, наколдовал на экран карту Нью-Йорка и вывел какие-то красные точки. – Вот. Это места, откуда шел сигнал во время его звонков. Все они, – он указал на точки, и Лив жадно прильнула к экрану, как и Макс, вдумчиво глядящий с другой от Люка стороны, – сосредоточены в одном районе – в Бронксе. Значит, ваш противник, вероятнее всего, проживает где-то там. А вот эти два номера, – он указал на них в бумажке Лив, – были приобретены в одном и том же магазине, на Стэнфорд-авеню, 47.

Лив ощутила некий прилив возбуждения и приятного волнения внутри. Она улыбнулась и посмотрела на Макса. Тот задумчиво проговорил:

– Значит, он однозначно живет в Бронксе... Отлично, это сужает круг поисков. Завтра отправлю туда своих людей. Стэнфорд-авеню... Это в тихом квартале, там частные дома. Возможно, он прячется где-то рядом. Определенно нужно прошерстить всю округу.

Лив сияла, как будто раскопала целый клад, но ее противная натура все-таки язвительно проговорила, обращаясь к Максусу:

– Надеюсь, твои ищейки не напялят одинаковые белые жилеты?? А то, знаешь, десятки белых клонов итальянского происхождения могут вызвать подозрение не только у сморчка Эрнесто, которому мозг выдавливает барабанные перепонки, но и у местной полиции, не находишь?

Макс ухмыльнулся.

– А что, белоснежка, там будет какой-то аукцион?? Что ж ты сразу не сказала, велю им надеть еще белые цилиндры и захватить золотые трости. Для приличия.

Лив испепеляюще посмотрела на него, но он только огненно подмигнул ей, и девушка поспешила перевести взгляд на Люка:

– Это все? Больше ничего нельзя узнать?

Люк с сожалением развел руками.

– Все, мисс Мартинес. Говорю вам, этот ваш недруг – профессионал по части маскировки. Простите, если не смог помочь.

– Как это не смог? – Лив вдруг радостно рассмеялась и, поддавшись благодарному порыву, наклонилась и поцеловала Люка в щеку. – Да ты, возможно, успел спасти жизнь моему отцу, который, кстати, сейчас прохлаждается у него в заложниках, пока я горбачусь с его бизнесом! Спасибо тебе, компьютерный гений, я в долгу не останусь! Идем, франкенштейн.

И она, довольная, чуть ли не вприпрыжку, направилась к выходу. Макс, все еще шокированный от того, что та самая девчонка, которая на километр никого близко к себе не подпускает, вдруг расщедрилась на поцелуй какого-то малознакомого парня, двинулся следом, а Люк только поглядел ей вслед и радостно улыбнулся... Он был наслышан о ее репутации и манере общения с людьми... А он, простой парень Люк, сумел заслужить от такой, как она, поцелуй в щеку!

Ну надо же, черт возьми! Он вздохнул.

– Ты что, его поцеловала?? Вот это да! Оливия Мартинес снимает оружие со стен своей крепости? Берегись, белоснежка, тебя же перестанут бояться! – насмехался Макс, подзывая медленно ползущее такси.

Лив пихнула его в плечо.

– Заткнись, павлин. У этого мальчишки подружка – ворона, выклеывающая его высокоинтеллектуальный мозг. Так что он заслужил в своей жизни хоть каплю нежности.

– А я? Я разве не заслужил? – сделал Макс игриво-упросительные глаза, наклонившись к лицу Лив и подойдя слишком близко, заставляя ее почувствовать, как учащается ее пульс. Поборов новый приступ слабости, Лив оттолкнула его и первой влезла в подъехавшее такси, бросив через плечо:

– А ты все о себе, Аполлон недолепленный! Отвали, Макс, завали варежку, я серьезно!

Макс захохотал, забираясь следом на заднее сиденье:

– Не будь такой жестокой, моя Афродита! – продолжил цепляться он с хитрой, обжигающей улыбкой, и всю оставшуюся до перекрестка Сорок четвертой и Мэйн-стрит дорогу он только и делал, что очень успешно поигрывал на нервах Лив, не забывая при этом зацепить ее чувства.

Каково же было ее облегчение, когда они, наконец, снова оказались в «Кадиллаке» у Эдди и вновь уселись на резиновые коврики позади, все еще волнуясь по поводу того, что их могут заметить из машины, и все разговоры прекратились...

Но вот взгляд остался.

Лив не поддавалась. Она всю дорогу ни разу не повернула головы в его сторону, но где-то на подсознании все же чувствовала его взгляд... И волнение стягивало ей грудь тугой бичевой... Его глаза ласкали ее тело, и она ощущала это так, будто он прикасался к ней рукой, а не просто смотрел... Но она держалась из последних сил, пытаясь думать о Джонни, его зеленых, совсем иных глазах, таких теплых и нежных, как морская волна, но пылающих внутренней силой... Ну почему в присутствии Макса ей было так трудно думать о нем?? Как он делает это с ней?

В особняке по-прежнему было тихо и темно. Эдди заехал в пустой гараж и заглушил мотор, знаком показывая, что они могут выйти. Лив благодарно кивнула и, торопясь скорее смыться от чертового Макса подальше, выскочила из машины и быстрее звука понеслась обратно в кабинет.

К ее огромному неудовольствию и страху, Макс невозмутимо двинулся за ней и, когда они вошли в темный кабинет, и Лив торопливо включила настольную лампу, уничтожая романтическую, полутемную обстановку, проговорил:

– Теперь мы можем обсудить тот факт, что ты меня избегаешь. – не вопросительно, а утвердительно проговорил он, встав напротив нее и сложив руки на груди. Лив вздохнула, наткнувшись на его нетерпеливый, требовательный взгляд, и посмотрела на свой мобильник: ни одного пропущенного, никто ее не искал. Значит, Эрнесто ничего не заметил...

Хоть одна хорошая новость за эту ночь. Точнее, вторая. Первая – это о том, где он, предположительно, может скрываться.

– Макс. – выдохнула она. – А как бы ты поступил на моем месте, если бы узнал, что с тобой играют в очередную веселую игру под названием «теперь твоя очередь»?

Она встала и, испытывая жуткое неловкое стеснение и обиду, подошла к окну, чуть развернув створки жалюзи так, чтобы можно было видеть двор.

Макс подошел и встал рядом. Неловкость возрастала: Лив ощущала своим плечом тепло его руки, и от этого ей становилось все хуже.

– Почему ты так говоришь, Лив??? – сердито и импульсивно спросил он. – Что за глупости про игру? Кто сказал тебе эту ерунду, и почему ты веришь в это??

Лив ощутила злость в его голосе и медленно повернула голову, посмотрев на него. Его брови были нахмурены, губы сжаты. Он правда злился. И она чувствовала, что это не фальшивка... она же знала его...

– Я верю в это, потому что именно эта мысль позволяет мне сохранять дистанцию по отношению к тебе. – вдруг неожиданно призналась Лив больше самой себе, чем Макс. – А сказала мне Аврора, но это не важно...

Макс горько усмехнулся и посмотрел в окно.

– Аврора... – задумчиво протянул он. – Лив, Аврора скажет все, что угодно, потому что хочет меня... всего. Цели-

ком. Она хочет, чтобы я был с ней. – сказал он без улыбки и, чуть прищурившись, посмотрел на Лив, которой это заявление как-то больно резануло где-то в районе груди... Но она продолжала жадно слушать его, впиваясь в него взглядом, глотая каждое его слово... – Мы встретились в тот момент, когда я пребывал в глубоком разгуле после разрыва с тобой, и она... немного помогла мне. И влюбилась. А когда такая женщина чего-то хочет, она этого добивается. Аврора привыкла к тому, что вся жизнь – это хорошо или плохо сыгранная роль. У нее множество масок, которые она меняет в зависимости от ситуации... Но в случае с привлекательными мужчинами у нее всегда один сценарий: она завораживает, щелкает пальцами – и они падают перед ней на колени. – Макс печально улыбнулся. – Со мной у нее не прошел этот фокус. Я был несвободен... от тебя. И она поставила перед собой задачу – получить меня во что бы то ни стало. Ради этого она готова на любую ложь. А когда перед ее взором возникла конкурентка из прошлого, в ней проснулась еще и ревнивая кошка. – он повернулся к Лив и заглянул ей в глаза своими синими, серьезными глазами, горящими словно чертов адский огонь, заставляя Лив перестать дышать и двигаться, слушая только его слова и стук собственного сердца из всех возможных звуков на планете. – Белоснежка. Не верь тому, что она говорит. Я ни одной секунды в своей жизни не играл с тобой и, тем более, не играю сейчас. Все, что я делаю, или говорю – это правда.

Лив с трудом вдыхала воздух, чувствуя, как запылали ее щеки... Так он действительно хочет вернуть ее! Он всерьез ухаживал за ней все это время! О, Боги!! Что же делать?? Отойти, сейчас нужно сделать шаг назад... Но она смотрела в его сияющие глаза, заморозившие ее не хуже любого фейерверка, и не могла двинуться с места... С трудом выдохнув накопившийся в легких воздух, она нервно обхватила ладонями свои горящие щеки и попыталась отступить, но Макс неожиданно взял ее за запястья и, отведя руки от ее лица и не давая сдвинуться, а только все более жадно глядя на нее, ожидая ее ответа, ее слов и обволакивая ее своей страстной, грубой энергетикой, сжал пылающими ладонями прохладную кожу ее рук.

– Макс... – шепнула Лив, с трудом выдавливая из своей, битком набитой железными обручами груди, звуки и глядя, глядя в его нетерпеливые, страстные, наполненные безумной надеждой глаза, и чувствуя жар, исходивший от него. – Прости меня за то, что я сделала тогда... Я предала тебя... Я обещала тебе, что улечу с тобой... И клянусь, я до последнего мгновения была уверена, что сделаю это, и... Нет, я, конечно, колебалась, Джонни заморочил мне голову, но... изначально я выбрала тебя... А потом... Что-то переменялось. – она с трудом вдохнула, сгорая от чувства вины и его близости, которая сводила с ума отблесками старых воспоминаний, и с большим усилием пыталась стереть из ее жизни два прошедших года... Но это было невозможно, невозмож-

но, а Макс все внимательнее смотрит, прямо куда-то вглубь ее глаз заглядывает, она не могла оторваться, она не могла здраво мыслить, ощущая только жадный, страстный блеск, только волну боли и отчаянной ревности, всколыхнувшейся в нем после ее слов о переменах в ее жизни... И снова что-то едва уловимое засияло в его взгляде... – Я не могла оставить Джонни. Я не могла представить своей жизни без него... Я не могла и не могу без него, он нужен мне, как... как кислород, нужен каждую секунду, будто он – мое зарядное устройство... Я правда до ужаса люблю его, но...

Все. Она больше не могла выдавить ни звука, ее руки дрожали... Как же жарко! А Макс чуть наклонил голову, продолжая смотреть на нее, но она видела, видела, как каждое ее слово – словно яд, разъедало его душу, чувствовала какое-то бешеное, неудержимое сияние в нем и боль, боль в глазах, она не могла видеть это выражение... Зачем, зачем все случилось именно так?.. В ее ушах загудело, а сердце забилося, как сумасшедшее.

– Но... Что? – тихо проговорил он, вдруг отпустив ее руки и нежно, горячо взяв ее лицо в свои ладони, приблизившись настолько, что она ощущала его горячее дыхание на своих губах... Вспышка! Нет, только не это, внутри нее закружился вихрь, нет, нельзя допустить... Вспышка! Он посмотрел на ее губы, губы, ах, что за черт, его глаза, синие-пресиние, так потемнели! Паника, паника, Лив поняла, что теряет, теряет себя и разрывается на части... Она слишком хорошо

знала это его выражение и умирала от жара, окутавшего со всех сторон, затаскивающего в свои пленительные сети... Нет, нет, она должна держать себя в руках... Между ними сантиметров пятнадцать, не меньше, а как будто не больше пяти... Его дыхание. Его взгляд. Его руки, нежно поглаживающие кожу ее лица... Жарко, жарко, не убежать...

– Я была счастлива. – прошептала Лив еле слышно, тоже уставившись на его губы, стораая от диких атак собственных воспоминаний о них... – Пока не появился ты. Ты сбиваешь меня с толку... Путаешь меня... Заставляешь чувствовать себя предательницей по отношению к нему... Джонни. И напоминаешь обо всем, что между нами...

Вспышка, вспышка, вспышка... Теперь точно все. Она окончательно выдохлась. Девушка поняла, что напугана до чертиков тем, что сейчас происходит, и тем, что творится внутри нее... Макс слегка улыбнулся, нежно скользнув взглядом от ее губ к глазам, и уставился в них своими темными, почти черными, сияющими неудержимой страстью, огнем, жадным, всепоглощающим желанием, и болью, болью, отчаянием, которое копилось в нем эти долгие два года...

Лив тихонько вздохнула, закусив губу и вдруг почувствовав... Почувствовав, как его рука скользнула от ее щеки вниз, по шее, нежно переместившись на затылок и зарывшись ей в волосы, оставив огненный след на коже болезненно полыхать... Вспышка... Ей хотелось еще прикосновений, кожа буквально кричала, умоляла его дотронуться, но нель-

зя, нельзя, о чем она только думает??? Его губы так близко, он тяжело вздохнул и, все еще глядя прямо в ее глаза, горячо зашептал, нежно поглаживая и потягивая ее за волосы:

– Прости, Лив. Но я не могу иначе. Я люблю, люблю, люблю тебя, я не могу смотреть на тебя, зная, что ты не моя. Когда я увидел тебя там, на Сицилии, я думал, что умер, и попал в чертов рай... Но ты была с ним, с Джонни, ты не свободна и счастлива... Я умираю от одного только твоего взгляда, я волнуюсь даже когда ты просто стоишь рядом, в нескольких десятках сантиметров от меня, я готов убить всех вокруг, лишь бы иметь возможность дотронуться до тебя... – Его горячие губы вдруг нежно коснулись ее губ, и Лив закрыла глаза, чувствуя умопомрачительную боль и безумный, бесконечный огонь внутри... Как же волшебной ей казалось все это, эти слова, что резали острым ножом ее сердце пополам, эти губы, такие родные, она помнила их вкус, и этот вулкан огня внутри нее, слишком, слишком прекрасно и ужасно это мгновение... Она вздрогнула, не имея сил остановить слез, а Макс почувствовал ее боль и снова посмотрел в ее глаза... Его рука переместилась на ее спину, лаская ее и выжигая на ней болезненные, огненные шрамы... Как же это неправильно и ужасно, ужасно, настолько, что хочется кричать... Нельзя позволять ему поцелуи, нельзя позволять ему объятия, нельзя... – Ты все такая же. – тяжело дыша, снова зашептал он горячим ветерком по ее губам. – Такая же самоуверенная, непокорная, такая же грубая, но чертовски пре-

красная... Самая прекрасная на свете... – он снова с огромной болью поцеловал ее, коснувшись губами ее щеки и дальше, снова и снова, заставляя ее тихо застонать и заплакать еще сильнее... – Лив... – зашептал он ей на ушко, притягивая ее к себе и лаская, лаская руками... Она прижималась к его раскаленному телу, ощущая его силу, его мужество, его сумасшедшую, дикую, безумную любовь к ней и огромную рану на его сердце... и теперь на ее сердце тоже... Как же отойти, как же поступить правильно, она не может этого делать, не может, не может... – Прошу тебя, сделай выбор снова! Я же вижу, ты тоже что-то испытываешь ко мне, черт, я живу только этой мыслью! Прошу, позволь мне любить тебя, быть с тобой, прикасаться к тебе, я наизнанку выкручусь, чтобы сделать тебя счастливой... – он снова заглянул в ее глаза, часто дыша, она видела в них мольбу, мольбу о спасении, о, как же он был разбит сейчас! Хуже корабля после шторма в океане... Слезы так и текли по ее щекам, одна за другой, она снова ощущала его палящее дыхание на своих губах и, не удержавшись, положила ладони ему на грудь, слушая, как бешено стучит его бедное сердце, видя, как дрожат ее пальцы ему в такт...

Она чувствовала все сейчас, все, что он испытывал к ней, но хорошо скрывал под маску парня, у которого есть все, что он только пожелает... Он рвал ей сердце, рвал ее саму, с таким трудом склеившую себя воедино за все эти годы... Она не могла сделать и шага назад, растворяясь в его жгу-

чих, крепких объятиях, сжимавших ее все горячее и горячее, не давая отступить, не оставляя шанса на спасение собственной души от развала... Она тонула в его черных глазах, жадно поглощавших ее аквамариновые, испуганные глаза, ее губы, движение ее ресниц, она молила Бога, чтобы прекратилось огненное извержение внутри нее, чтобы сердце успокоилось, чтобы она не ощущала так сильно своего и его волнения... Он любил ее, действительно любил, а она??? Кого любит она??? Джонни? Или... Макса?

– Макс... – шепнула она, ощущая, как уничтожает часть себя, уничтожает часть его, зная, что сейчас наделает своими словами, но она должна поступить так, она не может теперь иначе... Слез все больше, она сама прижалась к нему, желая, чтобы он почувствовал, как и ей нелегко говорить это... – Я... я не могу! Я не могу! – слезы, слезы, его глаза с болью вглядывались в ее глаза, а руки сильнее сжали ее тело, не желая верить, не желая отпускать... – Это неправильно... Я уже выбрала его, понимаешь? Я – его жена... Отпусти... – выдохнула она, желая умереть прямо на этом месте, ощущая большой, глубокий разлом в своем сердце, и мечтая только о том, чтобы он не смотрел на нее с таким... отчаянием...

Макс вздохнул, слегка покачав головой, и его взгляд снова переместился на ее губы... Он вдруг горько усмехнулся и шепнул:

– Лив. Я люблю тебя. Прости, но тогда я тоже не могу.
И он ее поцеловал.

Это было похоже на прекрасный, но убийственный взрыв. С каждой секундой, пока она чувствовала вкус его горячих, жадных губ на своих губах, Лив медленно умирала, падая все ниже и ниже... Он едва сдерживал бешеный порыв внутри себя, нежно лаская то верхнюю ее губу, то нижнюю, но Лив ощущала все, все, что он скрывал внутри себя, всю свою безграничную тоску по ней и отчаяние...

И она сгорала, впиваясь пальцами в его крепкую, широкую спину и прижимаясь к нему все сильнее, заставляя его тяжелее дышать и все жестче целовать ее и тянуть за волосы, не контролируя себя, своих действий... Демоны прошлого кружили вокруг нее в насмешливом хороводе, подставляя в ее мозг картинки из их коротких, но идеальных отношений, напоминая о тех днях, когда она желала его, и никого больше, когда она любила... только... его... А он все требовательнее целовал ее, все больше усиливая напор, его ласки все горячее, ох, нет, ему нельзя, нельзя к ней так прикасаться, что же она делает, дурочка?..

Вспышка, вспышка... Ее душа горела, ее рука слышала бешеный стук его сердца, нежно поглаживая его грудь по футболке, она больше не контролировала себя, его, а его руки, руки... Ласкали поясницу, спину, шею... Это неправильно... неправильно... неправильно... Голос совести тонул в кипящей лаве страсти и тесных объятиях, возвращающих ее в то время, когда она мечтала покорить его, мечтала завладеть его сердцем, а теперь... Что же она делает???

И Лив отвечала ему. Снова и снова. На поцелуй, заставляя его слетать с катушек от счастья, на ласки, даря ему нежные, страстные прикосновения в ответ, а самое страшное – на его чувство... И боль в ее душе чуть было не ускользнула, под жадным напором желания и страсти, но...

Глава 14

...Судьба решила распорядиться иначе.

Дверь вдруг резко отворилась, и Лив услышала второй родной и любимый ею голос входящего в кабинет зеленоглазого и веселого красавчика Джонни, того самого, что по праву официально назывался ее мужем, того самого, которому она когда-то подарила свое сердце...

– ...и можно было бы дать управляющему финансовую свободу, но... – он осекся, а Лив отлетела от Макса, понимая, что упала в самый низ. Это была катастрофа... В ушах загудело, а сердце будто остановилось, застонав...

Джонни и Аврора остановились в дверях, глядя на них. Он смотрел на нее. Лив хотела умереть прямо здесь, лишь бы отмотать время назад, она готова была заплатить любую цену, только бы не видеть этого в его зеленых, всегда смеющихся глазах... Она предала его! Предала! Уничтожила его... Сделала ему очень... очень... очень больно...

И в этот самый момент, когда она видела, как он смотрит на нее, с каким отчаянием, с какой надеждой на то, что ему это показалось, что он не видел того, как его любимая жен-

щина целует другого, желая, чтобы дурной сон развеялся в прах... В этот самый момент Лив поняла, что совершила самую страшную ошибку в своей жизни. Все кривые, поломанные неровными линиями, кусочки паззла в ее голове встали вдруг на свои места. Она будто очутилась в пространстве между прошлым и настоящим, и тем будущим, которое могло бы у нее быть, если бы не...

Хоровод демонов прошлого – это всего лишь соблазн. Искушение, которое она не поборола в себе в данный конкретный момент. Но главное – все эти воспоминания только красноречиво указывали ей на то, что Макс относился к той реалии, которая была преломлена два года назад, когда она выбрала Джонни. Макс был ее увлечением. Увлечением. Рыцарем. Первым мужчиной.

А Джонни... Несмотря на связь с ее далеким, кажущимся какой-то волшебной сказкой, детством, Джонни всегда был в настоящем. Он был для нее всем. Всем миром. Ее жизнью. Ее судьбой. Только вот она его... потеряла...

Сквозь слезы и оглушительный шум в ушах она видела, как опустились его руки, как нахмурились его брови, как сжались губы... И нет больше того шара, что теплом окутывал ее, нет того чувства защищенности, любви... Ничего, кроме дикой, сводящей с ума, ужасной боли, холодной волной обрушившейся на сжавшуюся в комок и рыдающую Оливию.

Надо что-то сказать, но голос не работал, а мир вдруг пре-

вратился в невесомость... Лив не чувствовала рук и ног, плавающая в тумане собственных горячих слез и своей боли... и его боли, которую она ощущала, как свою...

– Джонни, Джонни... – еле слышно выдавила она, не зная, что сделать, как оправдать то, что он видел... Да тут никак не оправдаешь... Боже, ее сердце сейчас взорвется от давления, заливая кровью все вокруг... Она так хотела протянуть к нему руки, так хотела вцепиться в его толстовку и не отпускать, так хотела приблизиться, но... но...

– Допрыгалась. – мстительно сообщила Аврора с триумфом в глазах, грациозно сложив тонкие руки на груди. – Джонни, я предупреждала тебя, что так и будет... Милая, знаешь ли, не все люди – сторонники полигамных отношений.

Лив ее не слышала. Она плыла в своей невесомости, чувствуя, как сердце рвется в клочья, а в душу будто вонзили длинный и толстый осиновый кол... Джонни медленно перевел взгляд на Макса, и в его глазах засияла разрушительная ярость. Он хотел убить его, уничтожить, он ненавидел его лютой ненавистью в эту минуту...

Сквозь поток застилающих глаза слез, Лив увидела, как Джонни подлетел к Максусу и с разгона ударил его кулаком в лицо изо всех сил. Макс шатнулся, схватившись за разбитую губу, но не ответил, а даже как-то спокойно посмотрел на своего бывшего друга. Они еще секунду смотрели друг на друга, после чего Джонни бросил последний, наполненный

разрушительным страданием, взгляд на Лив, и стремительно, словно вихрь, вылетел из кабинета.

Аврора покачала головой, неодобрительно посмотрев на Макса и Лив, и поспешила следом:

– Джонни, подожди! Я поеду с тобой.

Притяжение. Снова под ней старинный паркетный пол, снова ее тело сделалось тяжелым и мучительно болезненным... Ощувив себя, Лив бросилась следом за ним изо всех сил, спотыкаясь на ватных ногах и отчаянно крича:

– Джонни! Джонни! Стой! Вернись, прошу тебя! Джонни! Стой! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Она кубарем слетела с лестницы на первый этаж, чуть не сломав себе шею, и вылетела на крыльцо... как раз в тот момент, когда тонкая, изящная ножка, обутая в черную туфельку на высоченной шпильке, исчезала где-то в районе переднего пассажирского сиденья «Линкольна», на котором ездил ее муж...

– Вернись, вернись, Джонни!!!

Поздно. Автомобиль газанул и рванул с места, с каждым метром все больше разрывая ту невидимую связь, что всегда была между ними... Которая не могла сохранять себя в целости после ее предательства...

Все. Это конец.

– Джонни... Джонни... Джонни...

Шепча его имя, как какое-то заклинание, Лив рухнула на ступеньки крыльца и, спрятав лицо в колени, дико и отчаянно

но зарыдала так, как никогда в жизни.

Он уехал... Теперь ничего не будет так, как прежде. Он больше не верит ей и неизвестно, сможет ли когда-нибудь простить ей это... Аврора тут еще... Уж она-то сможет утешить его, он давно уже был ее мишенью... Ревность добавила к морю боли еще несколько ведер, и Лив зарыдала сильнее.

Ну почему?.. Почему она позволила этому случиться?.. Как она могла допустить такое?.. Как могла поддаться на соблазн вновь ощутить себя любимой своим бывшим парнем? Зачем ей это было нужно, если у нее уже есть самый потрясающий, самый заботливый, самый мужественный и прекрасный мужчина на земле?.. Как могла позволить себе раздумывать, да хоть тысячу раз зная, что Макс продолжал ее любить все это время? Теперь это больше не важно. Она отдала свое сердце другому, тому, кто тоже любил ее всей душой, кто заставлял ее сиять каждый день на протяжении этих лет... Она не имела никакого морального права снова позволять своему сердцу метаться между ними.

– Джонни... – последний раз позвала она тихим шепотом, всхлипывая и не поднимая головы.

Все встало на свои места. Макс был лишь отголоском прошлого, и девушке было безумно жаль его. Она точно знала, что он любит ее... Но именно также она любила Джонни. И теперь... она его потеряла. Как жить без него?? Как все исправить?? Как вернуть его?? Она сойдет с ума, если даже

представит, что он больше никогда не войдет в их маленькую квартирку, не прикоснется к ней, не одарит своей чудесной улыбкой и не скажет какую-нибудь милую глупость...

Это то самое, чего она боялась. Одиночество. Пустота.

Тихонько открылась позади дверь, и Лив почувствовала, как рядом с ней кто-то сел. Ну конечно, это Макс. Она знала его энергетику и могла угадать его и в темной комнате с завязанными глазами. Слезы было не остановить, все ее тело содрогалось от их мощного потока.

– Прости меня, Лив. – тихо и с огромной болью сказал он. – Я виноват во всем и попробую все исправить.

Лив подняла на него заплаканные глаза и посмотрела на его разбитую губу... Она видела его потерянный, воспаленный взгляд и понимала, что он страдает не меньше, зная, что она никогда не будет с ним... Но надежда умирает последней, ведь так?

– Мы оба виноваты. – прошептала Лив, всхлипывая. – Нам нельзя было делать это, я могла отстраниться от тебя, но я этого не сделала. Я отвечала тебе, и... не знаю, можно ли тут что-то исправить. Он теперь ненавидит меня и никогда мне этого не простит...

Макс горько вздохнул.

– Не думаю, что он когда-либо сможет возненавидеть тебя. Но исправить можно все, белоснежка. Вопрос только в том, каким будет этот способ и чего еще придется лишиться, ради достижения цели.

Он встал и ушел в дом, а Лив снова уткнула лицо в колени и горько зарыдала.

Глава 15

Через три дня состоялись выборы в мэры Нью-Йорка, и высокий, импозантный Джулиан Слоу с открытой, шикарной, белозубой улыбкой уверенно победил всех своих соперников, обойдя ближайшего практически на двадцать процентов.

Что касается Майкла Хоффорда, то он, получив необъятно огромный откат, все-таки согласился на то, чтобы двое подкупленных мелких преступников с улицы врезали ему по голове и наподдавали по ребрам, перед этим посидев в кустах и пошутукавшись, как и договаривались, специально для скрытой камеры, о том, что некий Эрнесто Карелли хорошо им заплатил за то, чтобы отдубасить беднягу кандидата по первое число... Так что избитый, но, в общем-то, довольный Майкл расслаблялся в своем дорожном особняке, выжидая от Эйдена Мартинеса сигнала к тому, чтобы в нужный момент снова возникнуть на арене этого сумасшедшего цирка.

Три дня... Любому обычному человеку, тем более, занятому многочисленными делами, этот срок может показаться тремя мимолетными секундами, но для Лив...

Ей казалось, что она ощущает каждую минуту из этих дней, и она не видела конца и края своему мучению. Без

Джонни жизнь превратилась в болезненно тянущуюся резину или в болото, большое, черное и наполненное лишь зыбкой грязью, которое затягивало Лив с особо медленным зверством, будто издеваясь над ее душой и сердцем.

Все, что существовало для нее сейчас, это была ее боль. Она плевала на все: на бизнес, на Эрнесто, на его игры и интрижки, но ей приходилось преодолевать депрессию и рассеянность ради отца. Он все еще находился в лапах этого таракана, и Лив намеревалась вытащить его во что бы то ни стало.

Но остановить слезы и успокоить болезненно долбящее со всей силы по грудной клетке сердце ей удавалось с трудом и лишь на короткое время.

Джонни не приходил и не отвечал на ее звонки и сообщения, но, надо сказать, он не бросил бизнес ее отца и продолжал помогать Лив, получая все необходимые инструкции от Брайана и общаясь исключительно с ним. В поместье ее отца он не появлялся, в квартире миссис Портер – тоже. Каждый раз возвращаясь туда, Лив с замиранием сердца ждала, что когда откроет дверь, она увидит его, развязно раскинувшегося на диване, встретится взглядом с его игривыми зелеными глазами и сможет прижаться к нему и не отпустить... никогда и никуда. Но каждый день картина пустой, как будто лишившейся жизненных сил и особого, светлого, сияющего чем-то изнутри наполнения встречала ее утомленный взгляд и больную душу.

Она знала, что виновата лишь только она одна в том, что произошло. Если бы она не дала Максy возможности заметить, что он ей небезразличен, он бы отступился от нее сразу же, как только узнал, что она с Джонни. Если бы она не позволила своему разуму включать уже проигранное когда-то кино и утонуть в ощущениях прошлого, она бы не подпустила Макса так близко к себе. Итог один – винить, кроме своей глупой, девичьей головы, больше некого. Но она не оставляла попыток поговорить с ним.

Лив искала его. Она узнала у бармена Тони, когда Джонни будет на смене в «Аквармарине», и приехала туда... Он не обрадовался. Не разозлился. Он холодно и жестко посмотрел на нее и спросил:

– Что ты здесь делаешь?

Она опять плакала. Смахнув слезы со щеки, Лив с мольбой в глазах впиалась в него взглядом, страдая от его равнодушия к ней. Господи, да она бы сделала все, что угодно, лишь бы вернуть его, лишь бы заставить его глаза снова сиять при виде нее...

– Джонни. Давай поговорим! Пожалуйста!

– Не о чем разговаривать, Лив. – все также холодно ответил Джонни, вытирая тряпкой какой-то бокал. – Уходи. И больше не приезжай.

Слезы, слезы, слезы... Может ли быть еще больше после того, как она увидела его безразличный взгляд?.. Будущее рушится, как тот небоскреб в игре, в которую периодически

любила играть Лив.

– Всего минуту, Джонни. Прошу. – тихо прошептала она пересохшими губами, умоляюще глядя на него и чувствуя, как ее тяжелое тело давит ее куда-то вниз: там наверняка была приготовлена очередная темная бездна отчаяния и боли для нее. Он покачал головой.

– Я догадываюсь, о чем ты хочешь мне сказать, поэтому нет, Лив. Ни минуту, ни секунду. Извини, мне надо работать.

И он отошел от нее к другому концу бара, мило улыбнувшись какой-то девушке и в своем прежнем стиле игриво подмигнув ей... Лив ушла, умирая от боли.

Через несколько минут по телевизору должно было начаться выступление нового мэра, в котором он должен был осветить будущие направления своей работы и ближайшие перспективы города, в котором он теперь мог чувствовать себя, как хозяин большого дома.

Лив сидела в гостиной особняка и пусто пялилась на огромный плазменный экран почти во всю стену, вдавившись в диван и обняв свои колени, положив на них подбородок. Картинки были радужными, люди на экране – веселыми, а все, о чем она могла думать, – это глубокая тоска по Джонни, отзывающаяся болью в ребрах, груди и уничтожая ее со скоростью улитки, причиняя еще больше мучений ее душе.

В гостиной появился Брайан с чашкой кофе в руках. В от-

личие от Лив, одетой в поношенную белую футболку и джинсовые шорты, выглядел он гораздо более свежо и презентабельно в светло-голубом пуловере, из-под которого торчал идеально выглаженный белый воротник рубашки, темно-серых брюках и туфлях.

Усевшись рядом с Лив, он протянул ей кофе и сочувственно спросил:

– Ты как? Опять ездила к нему?

Лив еле заметно кивнула.

– Это бесполезно, Брайан. Он больше не любит меня и никогда не простит. Да он даже смотреть на меня не хочет! – она почувствовала, как задрожали ее губы, и слеза скатилась по щеке.

Брайан вздохнул и осторожно вытер ее щеку своей теплой ладонью.

– Лив. Тебе нужно перестать наседавать на него. Дай ему время. Он должен пережить случившееся, подзабыть эту яркую картинку в своей голове, и тогда... ты сможешь рассчитывать на разговор. Не думаю, что он разлюбил тебя так сразу... Это ведь не происходит по щелчку. Но боль должна немного подлечиться временем. Отпусти его, Оливия.

Лив кивнула, понимая, что Брайан прав, и чувствуя, что нервы опять дрожат на грани безудержной истерики, но надежды, надежды не было... Вполне возможно, что их отношения так ужасно и так глупо подошли к концу... Возможно, он никогда больше не будет доверять ей, а как можно любить

человека, к которому нет доверия? И тихая мечта о том, что у них есть годы, десятки лет, чтобы любить друг друга, лопаются, как мыльный пузырь.

– Начинается. – сказал Брайан, увидев заставку одного политического канала, оповещающую о начале интервью с мэром.

Какая-то милостивая девушка со светло-русыми волосами задавала вопросы темноволосому, тридцатидевятилетнему Джулиану, сияющему белоснежным ровным рядом зубов через широко растянутые губы, но глаза его, при этом, оставались холодными и безучастными.

Лив слушала вполуха, усиленно пытаясь вырваться в реальность, но все равно пропустила большинство слов, сказанные этим самым новым мэром... Хотя, кое-что все-таки зацепило ее внимание.

– Мистер Слоу, скажите, каковы же основные направления вашей политики? Чего ожидать городу в первую очередь? Так сказать, в ближайшей перспективе? – спросила ведущая, угодливо улыбнувшись новоявленному политику.

Джулиан приподнял брови и сложил руки в замок.

– Ну, в первую очередь, это, конечно, борьба с коррупцией в высших уровнях власти. Нужно положить конец обдиравке средних и низших слоев общества в угоду чиновников, которые бесятся с жиру. И начну я с администрации города. Ну а вторая неотложная задача – это ослабление и уничтожение организованной преступности. Всем нам хоро-

шо известно, что в Нью-Йорке полно преступных организаций, подминающих под себя целые районы и зарабатывающие миллионы на нелегальном бизнесе. Мы постепенно обрежем бандитам все источники их финансирования, а затем, с помощью тщательно продуманных операций, отправим за решетку тех, кто запугивает мирное население, вымогает наши деньги и травит наших детей наркотиками. Полицейское управление города совместно с мэрией положит конец организованному преступному миру, и простые жители и мелкие предприниматели вздохнут свободно. Также, я полагаю, необходимо заняться благоустройством бедных районов...

Дальше Лив и Брайан уже не слушали. Брайан выключил телевизор, и они уставились друг на друга, глубоко задумавшись. В этот момент в парадную дверь ворвались Макс и Аврора, которые ездили улаживать кое-какие дела с казино, а судя по их недовольно горящим глазам, слушать речь мистера Слоу им пришлось в машине, по радио.

– Вы слышали, что сказал этот высокомерный ублюдок?? – возмущенно воскликнул Макс, падая в кресло напротив дивана, на котором сидели Брайан и Лив. Аврора присела к нему на ручку кресла, грациозно возложив одну стройную ногу на другую, поправив темно-красное облегающее платье с длинным рукавом, и усмехнулась, закурив тонкие сигареты:

– Этого следовало ожидать. Не зря же ваш Эрнесто провернул эту подмену кандидатов.

– Теперь все ясно. – угрюмо сказала Лив. – Этот молодежь прыщ начнет докапываться до нашего бизнеса и постепенно прикроет все наши точки, отрезая один за другим источники финансирования. Ну а потом, когда семья возненавидит моего отца и меня за то, что нам нечем будет платить зарплату, откупаться от всяких убожков и рассчитывать с теми, с кем это необходимо для нашей безопасности, Эйдена, меня и тебя, Брайан, просто посадят на нож в темном переулке. Вот так могущественный клан Мартинесов уничтожит сам себя, о чем этот мерзкий насекомый и грезил в своих больных, геймерских фантазиях.

– Да. – сказал Брайан, нахмурившись. – Вероятно, такой вариант вполне реален. Но ему нужно будет очень постараться, чтобы найти доказательства нашей преступной деятельности, мы всегда были осторожны и чисты.

– Брайан, да ему далеко ходить не надо! У этого дерьма Эрнесто полно художественных фильмов на тему: «как Оливия и Эйден Мартинес планомерно уничтожают целую мафиозную семью Уолшей, и не только в переносном, а в самом прямом смысле этого слова»! – воскликнула Лив, злобно хлопнув себя по коленке.

– Если бы он хотел, то давно бы уже передал свои видео в полицию и ФБР, да и этому Джулиану Слоу тоже. – сказал Макс, задумчиво глядя на Лив. – Но ему нужно кое-что другое. Он хочет, чтобы вы помучались, чтобы вы жили в страхе, боялись собственной тени и преследования законников и

собственных неудовлетворенных людей, а уничтожить вас он намерен своей игрой. В которой для каждого уже продумана своя роль. Так что, Лив, у новоиспеченного мэра ничего на вас нет. И не должно быть.

Лив задумалась, а Брайан кивнул.

– Макс прав. Мы до сих пор не знаем, что задумал Эрнесто, и этот политик – всего лишь наша новая головная боль и ночной кошмар, призванный уничтожить все наши преимущества перед Чикагским синдикатом: союзников, богатство, влияние, могущество. Мы должны быть чисты. Всегда и во всем. И не дать этому шакалу ни малейшего повода к нам подкопаться.

Неожиданно разговор прервался трезвоном мобильного Лив, который лежал на диване около нее. Она вздрогнула, и ее глаза слабо вспыхнули, а сердце дрогнуло... Вдруг это он?.. Джонни?.. Но нет. Свинцовый груз снова взгромоздился на ее легкие, мешая нормально дышать своей тяжестью. Номер был ей неизвестен. Эрнесто.

Она сняла трубку.

– Это ты, насекомыш? – угрюмо спросила она в трубку. Брайан, Макс и даже Аврора настороженно и внимательно уставились на нее.

– О, сестричка, а ты уже ждала моего звонка? – проговорил вкрадчивый, завораживающий голос. – Только, все-таки, мне, видимо, придется тебя проучить за твои гадкие прозвища...

Лив сморщила нос, почувствовав, что на нее снова наваливается черное болото, пережевывающее ее душу и затягивающее ее сердце в свою болезненную, черную трясиину, поэтому она только раздраженно спросила:

– Ты ради этого позвонил? Найти еще один повод для изощренного издевательства? Лучше скажи, кузнечик, когда я увижу папочку?? Честно говоря, его бизнес мне уже плешь проел, да и соскучилась я, чего уж греха таить...

Эрнесто тихо рассмеялся.

– Всему свое время, Оливия. Ты увидишь отца тогда, когда это нужно будет мне. Сказать по правде, я удивлен тем, как удачно ты провела предвыборную кампанию и что бизнес твоего папы до сих пор процветает, несмотря на твой... непрофессионализм. Но... это ненадолго. Надеюсь, ты смотрела интервью с мистером Слоу в прямом эфире?

Лив безразлично хмыкнула.

– О, конечно! И ты знаешь, я поражена, как ловко он придумал план сохранения зеленых насаждений города! «Гринпис» будет ему по гроб жизни благодарен! А какие зубы!!! Ты видел? Просто блеск! Не узнаешь для меня номерок его стоматолога? Хочу, чтобы мои также блестели и освещали мне путь во тьме ночной...

Макс и Брайан еле удержались от смеха, а Аврора удивленно подняла брови: видимо, она и понятия не имела, что Лив умеет так изощренно насмеяться.

– Твой сарказм вовсе не прямо пропорционален твоему

уму, Лив. – вздохнул Эрнесто. – Вообще-то, Джулиан говорил о борьбе с организованной преступностью. Ты же понимаешь, что теперь тебя ждет?

Лив вдруг стала выходить из себя, чувствуя внутри, как ей становится все более гадко и омерзительно.

– Да ты что??? – с тем же издевательством в голосе воскликнула она. – О борьбе с организованной преступностью?!? Черт, и как я могла прослушать?? Да этот белозубый чемодан – еще и герой нашего времени! Прямо как Человек-Паук! Ну все, теперь этим организованным преступникам точно придет каюк! Кстати, не знаешь, кто их организовал? А главное – как?.. О, Боже, Пресвятая Дева Мария, мы будем жить в прекрасном, чистом городе, где из каждого окна будет торчать живой очиститель воздуха – великий фокус! Черт возьми, дожить бы и не сдохнуть.

Макс больше не сдерживался, хохоча на всю гостиную, Брайан тоже улыбался, но при этом был напряжен, показывая девушке знаками, чтобы она не играла с огнем, а Аврора удивлялась все больше – уголки ее губ подрагивали в улыбке.

– Оли-и-ивия... – протянул с насмешкой Эрнесто. – Ты какая-то уж очень обозленная сегодня... Тебя кто-то обидел?? Или это как-то связано с твоим разрывом с Джонни?? Кстати, мне очень жаль. – фальшиво добавил он наигранно расстроенным голосом. – Но думаю, ты зря обидела его... Он – хороший парень... А что, Макс целуется лучше? Он, конечно, тоже хорош собой, но мне казалось, что ты уже опре-

делилась... В любом случае, теперь ты можешь взять то, что осталось, потому что Джонни вряд ли тебе когда-нибудь это простит... Он очень зол, очень...

Лив задрожала от звуков этого любимого имени и от того, что дерьмовый клоп только что полоснул ножом еще свежую, не затянувшуюся рану, да не просто полоснул, а со вкусом поелозил лезвием туда-сюда, причиняя невыносимую боль. Лив смахнула слезу со щеки и проговорила:

– Зачем ты делаешь это?? Дело только в мести? Или тебе просто нравится издеваться над людьми? Ты чувствуешь себя счастливее, когда другим плохо?

Эрнесто тихо рассмеялся.

– Я восстанавливаю справедливость, Оливия. Все в этом мире должно быть уравновешено: по вине твоей семьи на мою долю выпало много несчастий, поэтому я должен восстановить баланс. Если кто-то хамит – он должен получить по заслугам. Не делай гадостей людям – и не получишь ничего в ответ. Мечь движет этим миром, оглянись, Оливия! Зло правит балл, мы погрязли в дерьме, которое причиняем другим, кругом убийства, насилие, надругательства над телом и душой! И ты думаешь, что так и должно оставаться? Что жертва должна всю жизнь сидеть в своем доме, запуганная, растерянная, перебирая в памяти день, когда ее душу вывернули наизнанку? Где справедливость??? Нет, Лив. За маленькое злодеяние – маленькая расплата, за большое – соответственно большая... Моя игра – это очень хороший способ

восстановить справедливость за гнусное и чертовски большое злодеяние, содеянное твоим отцом... Ну а поскольку ты – любительница делать много мелких глупостей, непослушная девчонка, которая пытается все перевернуть на свой лад, как, например, тот случай с вашей глупой слежкой за мной из аэропорта, внутри большой игры воздаяния организуется много маленьких, но тоже болезненных игр... Но, не будем забегать вперед. – довольно сказал Эрнесто, а Лив вдруг поняла, что ей снова больше не хочется его убить... Внутри нее росло что-то, очень подозрительно похожее не жалость. Жалость к нему... Но вот только она не могла понять, почему ей жаль его. Вроде бы, он угрожает ей... И все идет к тому, что он уничтожит ее семью... Но что-то в нем было... Так знакомо девушке... Что-то, что заставляло щемить ее сердце...

Или просто она подверглась влиянию своего дурного настроения. Она вздохнула и вернула своему голосу свойственные ей нотки насмешливого раздражения:

– Очень интересно выглядит мир в твоей головушке. – ухмыльнулась она. – А вот скажи мне, какое место во всей этой мировой системе агрессии занимаешь ты, червь? Неужели кто-то очень слепой, наверное, от прилетевшего в его голову толстого ботинка «праведной мести», или кто-то очень неразборчивый назначил тебя, сдвинутого на всю башку, угловатого полунекроманта «великим карателем», центром всевышнего суда? Ты – полный придурок, Эрнесто, если думаешь, что за любые ошибки людей нужно обязательно нака-

зывать. Ты разве не знаешь, как сильно человек может сгнобить себя сам?? Такие феномены, как «совесть» и «чувство вины», тобою явно изучены не были, да, братик?

Эрнесто, кажется, не на шутку разозлился.

– Полегче, Оливия, тебе иногда полезно думать, прежде чем что-то сказать. Твоя жизнь тебя ничему не научила? Пара обидных слов одному, не очень разумному, подонку – и твоя сестра оказалась на том свете... Печально, не так ли?? А сейчас... разве ты не боишься, что за твою грубость и презрение я могу сделать что-нибудь очень неприятное твоему папочке? Почему ты думаешь, что меня что-то остановит от этого?

Лив стиснула зубы, умирая от боли. Он все бил и бил в ту же рану, все сильнее пускал ей кровь своими словами и угрозами... И отец... Как он там?? Лив вдруг нахмурилась, ощутив ужасное волнение... Брайан и Макс внимательно посмотрели на нее, но она вдруг подняла горящий, решительный взгляд и гневно проговорила:

– Зажми задницу покрепче, великий каратель, я ведь тоже могу отомстить. Ты же зубрил мою биографию по книжке, что, неужели так и не выучил эту главу? А теперь, если мы обо всем поговорили, я кладу трубку – у меня чертовски много дел.

– Да, сестричка... Любишь ты подвергать своих близких опасности... И после этого ты еще удивляешься, почему ты одинока? – вкрадчиво, но каким-то вибрирующим голосом

проговорил Эрнесто и бросил трубку, а Лив вздохнула. Говорить с ним каждый раз становилось все тяжелее.

– Должна признаться, – вдруг с ухмылкой проговорила Аврора после небольшой паузы, – это было неплохо! А ты хорошо его приложила, детсадовская малышка! Только не думай, что после этого ты стала меньше меня раздражать. – предупредила Аврора, сделав странный жест рукой в воздухе, но Лив не обратила на нее внимания. Ее апатия снова поглощала все реальные эмоции.

– Какой-то странный у вас был разговор. – проговорил немного недоуменно Макс, взлохматив себе затылок рукой. – И как понять слово «полунекромант»? Некромант, он же и так наполовину...

Лив нахмурилась и отмахнулась от него.

– Отвяжись, Макс. Этот клоп втирал мне свой психически больной вариант закона бумеранга. У него очень зашоренное представление о собственной жизни, надо сказать. – и девушка встала.

– Лив, он сказал что-нибудь об Эйдене? Что ему нужно в обмен на него? – встревоженно спросил Брайан. Лив покачала головой.

– Нет. – и двинулась в сторону крыльца.

– Ты куда? – снова Брайан и снова взволнован. Лив тяжело вздохнула. Каждый шаг отзывался болью в ее теле, она так хотела побыть одна...

– Говорила же – куча дел. – отозвалась она через плечо.

– Каких? – не унимался Брайан.

– Велю Марти лужайку подстричь. – раздраженно бросила она, а затем добавила:

– У себя на голове. – и, понимая, что Брайан беспокоится о ее самочувствии, обернулась и с легкой улыбкой проговорила:

– Расслабься, Брайан, утопиться в собственных слезах я не собираюсь. Самоубийство не мой сценарий. Так что этот дом не будет отягощен моей страдающей душой, скитающейся по комнатам невидимым призраком и по ночам гремящей холодильником или заводящей игрушки со страшными обезьяньими мордами и чудесными полифоническими мелодиями. На улице просто посижу, не дрейфь. – ухмыльнулась она и вышла на крыльцо.

– Все-таки с ее разумом явно колдовали инопланетяне. И по ошибке забыли в ее голове мозг одного из своих товарищей. – с ухмылкой проговорил Макс, но его глаза блестели затаенной болью, когда он смотрел ей вслед.

– Да она просто дура, вот и весь инопланетный секрет. – тихо хмыкнула Аврора так, чтобы Брайан ее не услышал, но он бы и так ее не услышал, потому что пребывал в глубокой задумчивости, глядя на парадную дверь, за которой скрылась Лив.

Глава 16

Ни три дня, ни пролетевшие следом полторы недели, при-

тащившие за собой ворох проблем, не излечили Лив от ее недуга. Она все также замыкалась в себе, была безразлична к окружающим или, наоборот, язвила без остановки, пока не прилетал добрый волшебник Брайан и не спасал беднягу от разных изоощренных колкостей сходящей с ума девушки.

Ей казалось, что слезы должны закончиться... Но, нет. Они лились и лились, как будто в ее голове стояла станция по их производству, а отчаянная тоска в душе, ощущение, что она не видела Джонни уже много-много лет, связанная с маниакальным, бешеным желанием вспомнить его голос, его прикосновения к ней, его улыбку или морской аромат, только рвали ее усталое сердце еще больше.

Лив мучилась. Она не жила, а существовала, при чем сама не понимала, для чего. От боли в груди ей хотелось кричать, но приходили только слезы, слезы и безнадежная тоска...

Брайан, который по-отечески переживал за эту милую, взбалмошную, но ставшую ему такой родной, девчонку, не знал, чем помочь ей. Он видел, как она постоянно плачет, видел, как иногда ее рука взмывается к груди, туда, где расположено сердце, и как она морщится, видел, как она часами может сидеть над рубашкой Джонни, случайно забытой в особняке, впиваясь в нее пальцами и глядя на нее расширенными, немигающими глазами, как будто она видела то, чего не видят другие, и как она украдкой вдыхала ее запах и плакала...

Брайан совершенно не знал, как вытащить ее из этого ада,

который глупышка сама же себе и создала, но... Глядя на Макса, который места себе не находил, пытаясь жить обычной жизнью, но при этом не имеющего сил оторвать от нее своих глаз, когда она входила в комнату, когда говорила, когда задумчиво смотрела куда-то через окно, не имеющего сил не провожать ее глазами всякий раз, когда она удалялась, мог ли Брайан осуждать ее за безумный поступок?.. В то же время, разговаривая по телефону с Джонни и буквально ощущая его опустошенность, его растерянность и бесконечное страдание, которое выражалось в холодном, потухшем голосе, он понимал, что и ему приходится чертовски тяжело... Дурацкие любовные треугольники, будь они неладны!

Это была обыкновенная встреча, одна из сотен таких же, не особо примечательных встреч, но тех, на которых Эйден всегда присутствовал лично, поскольку решаемые вопросы могли серьезно отразиться на ходе ведения дел, что ставило эти переговоры на ранг выше, чем тысячи других, еще более обыкновенных встреч, на которые ходили уличные боссы или другие представители семьи.

В поместье Мартинесов прибыла группа из трех человек: новый наркодиллер, который перебрался в Штаты из Колумбии и собирался здесь, в Нью-Йорке, сбывать свой героин высшего, как он сам гордо утверждал, качества, и два его помощника и телохранителя по совместительству, держащиеся молчаливо и строго, но внимательно и цепко изучающие глазами интерьер дома и внешний вид хозяйки, которая

оказалась дочкой того самого Эйдена Мартинеса, с которым они должны были встретиться изначально, но который уже несколько недель как сквозь землю провалился, что изрядно настораживало всех троих.

Наркодиллер был смуглым, темноволосым мужчиной лет сорока, очень высоким и сухим, с квадратной формой лица благодаря низким скулам, широкими, как будто из дерева выпиленными, губами и черными маленькими глазками, бурвившими Лив, как две черные бусинки, с тем же недоверием, с каким она сама смотрела на него. На нем была черная свободная футболка, заправленная в черные джинсы с кожаным ремнем и огромной пряжкой металлического отлива, высокие, кожаные ботинки на шнуровке и кожаная черная куртка, немного потертая на локтях. Его сопровождающие, у одного из которых в руке был небольшой металлический кейс, сжимаемый им с такой силой, что костяшки пальцев страшно побелели, были одеты как-то похоже, во всяком случае, кожаные куртки и высокие сапоги в их облике тоже присутствовали. Как выяснилось позже, они совсем не говорили по-английски, а вот главный в их троице, все-таки, немного щебетал, правда, с противным, гнусавым акцентом.

Лив встретила это веселое трио в просторной белой футболке с принтом в виде кошечки на груди, декоративно рваных джинсах и белых кедах с высокой голенью на липучках, развеивая представления о том, что в богатых семьях женщины одеваются дорого и со вкусом, а не щеголяют по

многомиллионному особняку в чем попало. Однако Брайан, встретивший гостей в великолепном костюме любимого коричневого цвета, и Макс, как всегда прекрасный и мужественный в черном костюме и белой рубашке, смогли немного реабилитировать вид Лив в глазах наркобарона. По случаю прихода этих чудиков Лив даже заставила себя не плакать за несколько часов до свидания, чтобы выглядеть не как побитая, красноглазая мышь, а, все-таки, как дочка Дона... Правда, ее выбор одежды все же вызывал некоторые сомнения на этот счет.

Она терпеть не могла наркодиллеров, наркотики и всех, кто хоть как-то был связан с их производством, хранением и распространением. Она презирала этих людей, которые ради собственного благополучия калечили семьи других, подсаживая чьих-то детей, чьих-то сестер и братьев, внуков и внучек, матерей и отцов на иглу или порошок медленной, отшибающей мозги, смерти. Но, к огромному ее неудовольствию, отец, как и все мафиози, не постеснялся запачкать руки в этом чертовом дерьме, и большая часть его дохода состояла как раз из денег, вырученных за сбыт наркоты в подконтрольных заведениях.

В связи с тем, что за последнюю неделю полиция города, как и обещал новый мэр, начала активно рыть под организованную преступность, то многие точки пришлось свернуть, что очень больно ударило по кошельку семьи и потихоньку начало вызывать недовольство и недоверие со сто-

роны ее представителей, эта сделка с новым наркодиллером (старый делец был взят с поличным в результате мощной об- лавы, устроенной несколько дней назад) была стратегически очень важной для будущего семьи и бизнеса, о чем неустан- но напоминал Лив Брайан, чувствуя ее недоброе отношение к подобным личностям.

Оглядев троицу скептическим взглядом, выражающим одновременно неприязнь и недовольство, Лив кивнула охра- не, чтобы те проверили гостей на наличие оружия. Нарко- диллер, с глазюками, напоминающими горошинки черного перца, недовольно прищурился, глядя на девушку: он чув- ствовал ее недоверие к себе.

– Ну? Будем здесь стоять и тарашиться друг на друга, как в обществе анонимных алкоголиков, или пойдем в кабинет? – язвительно проговорила Лив и, развернувшись, первой на- правилась в сторону лестницы уверенной походкой.

– Она хотела сказать: «Проходите, пожалуйста». – смяг- чил обстановку Макс и, с более доброжелательным видом, но не забывая при этом сохранять свою уверенность и важ- ность, жестом пригласил гостей на лестницу.

– А где мистер Эйден Мартинес? – отвратительно прогну- савил наркоделец, следуя за Лив на второй этаж. – Мы дого- варивались о встрече лично с ним.

– Отец... м-м-м... взял небольшой отпуск. – раздражен- но объяснила Лив, толкая дверь кабинета и проходя за пись- менный стол отца. – Лично я тоже не горела желанием с ва-

ми встречаться, так что не будем обмениваться фальшивыми любезностями.

Брайан выразительно посмотрел на Лив, но та откровенно проигнорировала его взгляд, схватив бутылку виски, оставленную кем-то (или ей же самой) на столе, и плеснув себе в бокал.

– Присаживайтесь, господа. – указал им Брайан на кожаный диван. – Выпить не желаете?

Наркодиллер кивнул квадратным лицом, и следующую минуту Лив угрюмо наблюдала, как ее охрана обслуживает этих надутых, лопающихся от важности, презренных наркош.

– Итак. Товар с собой? – деловито осведомился Макс, присев в одно из кресел в расслабленную и непринужденную позу.

Лив нахмурилась, посмотрев на колумбийца. Ну и дела... Еще и наркоту с собой притащили.

– Зачем тебе его товар? – недовольно спросила она. – Попробовать хочешь?

– Очень смешно. – съязвил Макс и перевел взгляд на дельца.

Тот странно посмотрел на Лив и кивнул, сделав знак своему человеку, чтобы тот подал ему кейс.

– Конечно. Как и договаривались с мистером Мартинесом, я принес образцы. – он раскрыл чемоданчик и передал его Макс, который, вместе с Брайаном, склонился над бе-

лыми, прозрачными пакетиками с очень уж деловым видом величайшего специалиста химической промышленности. – Товар высшего качества. За грамм мы берем полторы тысячи долларов. Прямиком из Колумбии.

Макс в перчатках внимательно изучал содержимое, и Лив, не удержавшись, закатила глаза:

– Тебе микроскоп принести? Дурень, прекрати копать в этой дряни, наркота есть наркота! Значит, поступим так, – по-деловому, жестко обратилась Лив к испепеляющему ее недовольным взглядом наркодиллеру, – как, кстати, тебя зовут-то?

– Питон. – прогнусавил делец, а Лив насмешливо подняла брови:

– Да? Ладно, сойдет. Значит так, Питон, я куплю у тебя один килограмм и отправлю на пробу в наш ночной клуб. Продвинутые пользователи твоего богатства купят эту пыль и дадут мне реальную оценку того, сколько может стоить эта твоя наркота. И если они решат, что твой героин – супер-невероятно-улетный, так и быть, разжиревшая змейка, заплачу полторы штуки за каждый грамм, а Брайан решит, какой откат ты за все это заслужил. Хороший план, правда?

Макс и Брайан ошарашено смотрели на нее, а «Питон» разъяренно подскочил и, ткнув смуглым пальцем в сторону Лив, нервно воскликнул:

– Мы так не договаривались!!! Мистер Мартинес обещал оценить качество по образцам, и после этого можно было бы

обговорить условия сделки!! Я рисковал жизнью и свободой, притащив наркотик с собой!

Брайан лишь удрученно вздохнул и поднял руки в примирительном жесте:

– Успокойся, Питон, думаю, мы сможем обо всем договориться.

– Да уж, Лив, у тебя какой-то... неправильный план. – с усмешкой нахмурился Макс. – Так нельзя. Договоренность была на то...

Вдруг за окном послышался шум подъезжающих нескольких машин, затормозивших у ворот. Сердце Лив дернулось, интуитивно почуяв неладное. Она подскочила и бросилась к окну, подняв жалюзи.

Из нескольких черных внедорожников высыпало человек десять в бронежилетах и темной форме, с оружием наперевес. С ними выпрыгнули и две овчарки, тут же принявшись обнюхивать землю перед воротами. И Лив, и Брайан, и Макс замерли.

Все трое отчетливо увидели крупные буквы «ФБР» на спинах и груди новых гостей.

– Это... это что, ФБР??? – в ужасе спросил Питон, побледнев, как полотно. – Это ты их вызвала!! – заорал он, подлетев к Лив, но не успел ее схватить, потому что перед ним вырос Макс и жестко остановил его, возмущенно и гневно проговорив:

– Ты что, не в своем уме?? Она – дочка крестного отца!

Думаешь, ей вдруг резко захотелось на электрический стул?

– Черт, что они здесь делают? – взволнованно проговорил Брайан, задумчиво почесывая затылок.

– Вопрос в том, что будем делать мы. – закусив губу и лихорадочно соображая, чувствуя, как паника подкрадывается к горлу, проговорила Лив. – У них – собаки, а у нас – целый чемодан героина! Да здравствует пожизненное заключение.

Система оповещения зазвонила прямо на письменном столе: оказывается, у Эйдена был установлен аппарат, по которому он мог переговариваться с пришедшими за воротами и дистанционно открывать им двери.

Лив дернулась, а Питон снова заорал:

– Как они узнали??? Это точно подстава... Теперь мы все сядем далеко и надолго!! Проклятье! Проклятье!

– Да не ори же ты, сейчас что-нибудь придумаем! – жестко приказал Питону Макс, а Лив, схватившись за голову, истерично хохотнула:

– Что ты придумаешь??? Может, ты, павлин, знаешь способ, как трансигурировать этот, полный белого дерьма, чемоданище в настольную лампу?? Очнись, они уже минуту трезвонят в наши ворота!

– Это не дерьмо, это героин высшего качества! – гневно заорал Питон, выпучив на Лив свои миниатюрные бусины.

– Скажешь это дьяволу в аду, когда будешь выбирать себе сковородочку, рептилия. – злобно и отчаянно съязвила девушка, а Брайан прикрикнул на них:

– Все, хватит! Нам все равно придется их пустить, иначе они разозлятся, и диалога не получится, так что думаем, думаем...

Макс выглянул за дверь кабинета и, сделав охране снаружи какой-то знак, взял у одного из них рацию и быстро в нее проговорил:

– Марти, Марти, срочно собирайте оружие, и все организовано смывайтесь в убежище под гаражом!!! У нас в гостях ФБР! Слышишь, прием?

Рация скрипнула, и веселый голос зеленоволосого радостно ответил:

– Ого! Вот так непруха! Уже летим, мистер Макс!

И он отключился. Лив увидела, как за несколько секунд опустел двор и, тяжело вздохнув, вдруг закричала, чувствуя, как от неожиданного озарения закружилась ее голова:

– Я знаю!!! И вы все мне поможете!! Брайан, ответь им и открой ворота, а затем спускайся и встречай в парадной, тяни время, слышишь?

– Что ты задумала? – напряженно воскликнул Брайан, но Лив только махнула рукой, достав свою сумочку, которую хранила в письменном столе Эйдена, и отчаянно в ней зарывшись. Брайан и Макс переглянулись, и Брайан решительно нажал на кнопку системы оповещения:

– Кто там? – вежливым, спокойным голосом поинтересовался он.

– Это ФБР, открывайте! – раздался приказной, самоуве-

ренный тон из динамика. – У нас есть ордер на обыск вашего особняка, мистер Мартинес.

Брайан посмотрел на Лив, которая, вдоволь нашарившись в сумке, кинулась к чемоданчику с наркотиком, и вздохнул:

– Это не мистер Мартинес, а Брайан Клаусон, его помощник. Раз есть ордер, значит, входите. – и он нажал на кнопку дистанционного открывания дверей.

Ворота шустренько разъехались, и Лив увидела, как федералы, держа наготове оружие, посеменили через двор, зорко оглядывая вишневые деревья, мифологический фонтан и клумбы с цветами, высаженными прямо под окнами дома по обе стороны от крыльца.

Брайан взволнованно посмотрел на Лив, но она лишь жестом снова приказала ему спуститься на первый этаж и показала большой палец: мол, все под контролем. Он неодобрительно качнул головой и вышел.

– Что ты задумала? – взволнованно шепнул Макс, подлетев к Лив. Надо сказать, Питон тоже смотрел на нее двойственным взглядом, излучавшим и недоверие, и надежду одновременно.

Лив внимательно посмотрела в окно: вот мужчины в бронежилетах с собаками скучковались на крыльце, вот снизу раздался спокойный и уверенный голос Брайана, и... и...

– Ну же! Быстрее валите в дом! – гневно шепнула Лив, и, как она и заказывала, толпа вдруг резко схлынула с крыльца и исчезла в дверном проеме.

Лив схватила за огромную раму и, дернув на себя огромную, от пола до потолка, панорамную створку, с трудом открыла ее, выглянув вниз. Второй этаж... Но, если сильно постараться...

– Лив! – шепотом воскликнул Макс. – Что ты...

– Макс! Спусти меня вниз, сейчас же!!! – горячо шепнула Лив и, подхватив чемодан с наркотиками и вышвырнув его в окно, села на пол, свесив ноги вниз.

– Хватай меня за руку! – быстро ответил Макс, к счастью девушки, не вдаваясь в особые подробности ее задумки.

Лив схватила его за руку и, не задумываясь ни на секунду, спрыгнула. Макс пригнулся к полу, насколько возможно, удерживая болтающуюся в пропасти Лив, под которой еще осталось около метра до цветочной клумбы с ароматными георгинами.

– Прыгай! Отпускаю! – предупредил Макс и разжал пальцы. Короткий полет – и Лив приземлилась на клумбу, прямо рядом с заранее выброшенным из окна кейсом с героином. Она подняла глаза на тревожное лицо Макса и одними губами произнесла:

– Порядок! Закрывай окно!

Макс кивнул, и окно закрылось. Лив быстро пригнулась, чтобы из окон первого этажа ее не было видно. Нервно оглядевшись, Лив попыталась найти хоть что-нибудь, чем можно было копать... Декоративные камни... Ветки... Доски... Хоть что-то...

И ей вдруг неожиданно улыбнулась удача: на углу дома она заметила случайно оставленную садовником лопатку для рыхления почвы цветов и кустарников... То, что нужно! Не веря в свое счастье, Лив метнулась к ней быстрее ветра и, вернувшись к кейсу, принялась бешено, зверски орудуя инструментом, выкапывать под цветами ямку под размер чемоданчика. Почва была рыхлой, неутрамбованной, поэтому за минуту могила для героина была готова. Лив скинула в ямку проклятый чемодан и кинулась яростно зарывать. Когда дело было сделано, она достала из кармана джинсов изъятый из сумки пузырек с дорогими духами и, быстро открыв крышку, вылила на место захоронения почти весь флакон. Сунув духи обратно в карман, Лив вскочила и, отряхиваясь от земли и украдкой вытерев руки об ковер в парадной, кинулась вверх, в кабинет, откуда были слышны напряженные мужские голоса.

Моля Бога, чтобы ее дурацкая затея сработала и собаки не учуяли запах героина из-за духов, Лив с трудом перевела дыхание и, вытерев пот со лба, уверенно толкнула дверь кабинета.

– ...совершенно не в курсе, о чем идет речь. – говорил Брайан толпе вооруженных мужчин в бронежилетах и, в частности, одному – жесткому и мускулистому, которому на вид было лет сорок, с коротко стриженными волосами, овальным лицом и жесткими, не умеющими шутить и смеяться, карими глазами.

– Что здесь происходит? – весело и удивленно спросила Лив. – Брайан, Макс, вы опять решили устроить вечеринку без моего ведома? Вы кто такие? – она с любопытством подошла к ФБР-овцам и внимательно и живо, но с большой долей сарказма, принялась их разглядывать. – А что? Вот этот даже симпатичный! – она мягко коснулась плеча одного из служащих закона, сжимавшего в руках автомат, и он рассеянно вздрогнул, странно уставившись на Лив, видимо, совсем не ожидая такого беспечного поведения.

А Лив, тем временем, продолжала свою игру:

– О, Ф... Б... Р... – по буквам прочитала она. – Неужели те самые?? Поверить не могу!! – Лив изобразила волнение и мило схватилась за голову. Надо сказать, федералы продолжали удивленно таращиться на нее. – Я столько читала в газетах о ваших подвигах, столько всего слышала по телевизору! И вот теперь мои кумиры у меня дома... Фантастика! За это надо выпить!

Оливия весело порхнула к отцовскому столу и сделала глоток из горлышка той же бутылки виски, пытаясь унять нервную дрожь и успокоиться.

– У нас ордер на обыск особняка мистера Эйдена Мартинеса. – жестко сказал самый главный из них, шагнув к Лив и вперившись в нее подозрительным, напоминающим коричневые льдинки, взглядом. – Где он, и кто вы? Ребята, начинаем. – бросил он через плечо, и Лив оживленно пронаблюда, как кучка мужчин рассыпались по сторонам, методич-

но обшаривая шкафы и вещи, а двое, с собаками, пустились обнюхивать все подряд (нюхали, конечно, собаки, а их серьезные хозяева только тыкали пальцами во все стороны, направляя носы своих питомцев в предполагаемые места возможного хранения наркотиков).

В кабинете остались только двое рыскающих типов и тот самый главный, который пронзительно следил за девушкой и ее реакцией на происходящее.

– Аккуратнее, там у папочки много всяких старинных штук, он их очень любит, даже больше, чем свои костюмы! – весело воскликнула Лив в дверной проем и, подумав, еще добавила:

– А, да, и еще: не пугайтесь, в моей спальне немного не прибрано... Так что вы говорили, офицер? – она мило улыбнулась ему и расширила глаза. – А, насчет моего имени! Я – Оливия Мартинес, дочка Эйдена. Так что вы тут ищете, лейтенант?

– Подполковник. – поправил ее сухо офицер и подозрительно посмотрел на Брайана, Макса и троицу наркодиллеров, напряженно сидящих на кожаном диване с видом давно покрывшихся слоем пыли, неиспользуемых предметов интерьера. – У нас есть информация, что сегодня, в этом самом особняке пройдет встреча с будущим Нью-Йоркским наркодельцом, у которого на руках должно быть не меньше пятисот грамм героина. Что вы можете мне об этом сказать, мисс Мартинес? – он прищурился и сделал шаг к Лив, сокращая

расстояние между ними.

Лив расхохоталась.

– Скажу, что у кого-то слишком сильно разгулялось воображение... Встреча с наркодельцом? Вы серьезно, офицер?? Вы серьезно думаете, что я бы пригласила наркодельца с его вонючей пылью прямо к себе в особняк?? У меня что, по-вашему, кукушка откуковала уже?? Вот так смех!

И Лив весело захохотала, уперев руки в колени. Офицер, однако, не разделял ее веселья, а еще ближе подошел к ней и с ужасным нажимом вперился ледяными карими глазами в ее бирюзовые, заставив ее пульс бешено подскочить, а пальцы – задрожать от ужаса... Но она продолжала играть.

– В самом деле? Тогда это кто такие? – он указал рукой на трио распространителей героина, замерших на диване. – И что у вас тут за сборище?

– Это? – Лив удивленно посмотрела на колумбийцев. – И правда, кто это?? Ума не приложу... Да я шучу, лейтенант! – захохотала Лив. – Это мои друзья.

– Они не похожи на местных.

– Они из Колумбии.

– Что вы здесь делали с «друзьями из Колумбии»?

– Пили виски. Это, кстати, не запрещено. Признайтесь, офицер, вы тоже не прочь побаловать себя этим огненным напитком после напряженного трудового дня, не так ли?.. Офице-е-ер...

– А где Эйден Мартинес?

– Улетел в Колумбию с ответным визитом. – ответила Лив, пожав плечами, и прищурилась. – Ну прямо-таки допрос с пристрастием, да, лейтенант?

– Подполковник.

– Да какая разница?

Для подполковника, похоже, все-таки была разница. Во всяком случае, он не на шутку разозлился. Подойдя совсем вплотную к Лив, он заглянул ей в лицо, но... у него в кармане затрещало:

– Третий этаж – все чисто, босс.

И следом снова треск:

– Первый этаж – чисто, все проверили, господин подполковник.

Офицер раздраженно стукнул себя по карману, но глаз от девушки не отвел. А Лив казалось, что сейчас пот покатится по ее лбу, а сердце проделает дыру в грудной клетке... И она будет обречена.

– А чем это от вас пахнет, мисс Мартинес? – подозрительно вдохнул он воздух вокруг Лив, и та подняла брови:

– Вы меня пугаете, лейте... подполковник! Что значит, чем? Надеюсь, вы имеете в виду ингредиенты моего ужина или аромат шампуня для волос, потому что наличие каких-либо еще запахов меня как-то настораживает... Странный вы какой-то, офицер из ФБР. Девушек нюхаете...

Он слегка ухмыльнулся, продолжая шумно втягивать носом воздух.

– Не-е-ет... От вас пахнет духами, мисс Мартинес. Дорогими духами. А запах такой, будто вы их на себя литр вылили... Обычно, с такими духами так не поступают...

Лив вздохнула.

– Ну ладно, лейтенант-подполковник, так и быть, открою вам страшную тайну... Я мылась под душем, где вместо холодной воды на голову льются духи. Вот такие у нас, богатых, причуды. – она развела руками, глядя на окаменевшее лицо с вытаращенными от неожиданности глазами. – А что? Зато перед выходом в свет побрызгаться не забываешь, а как хорошо на природе-то гулять, когда ни один комар, проклятый кровопийца, к тебе и на метр не подлетит! Очень удачное решение для тех, кто живет в загородном доме. Хотите попробовать? Если что, душ на третьем этаже, могу даже дать полотенце, правда, к несчастью, лично у меня – одни розовые, а вы, кажется, этот цвет не очень любите... – выразительно посмотрев на черный жилет и брюки федерала, прощebetала Лив, не давая тому даже звук издать, хотя, судя по его ошарашенному виду, мужчина был явно не готов что-либо говорить сейчас. – Из уважения к вам, я, конечно, могла бы предложить папулино черное... Но, боюсь, папочке не понравится, если какой-то мужчина вытрет свое тело полотенцем из его эксклюзивной коллекции... Можете помыться даже на два раза, только никому не говорите, иначе люди с доходом, колеблющимся на отметке прожиточного минимума, бросят за наш забор пару горящих спичек... – поспеш-

но и наставительно прошептала Лив с видом, будто доверила офицеру величайший секрет.

Еще секунду тяжело переваривая все вышесказанное блондинкой насчет духов и предложения принять душ у нее в доме, офицер, наконец, включился, и его вытарашенные от удивления глаза превратились в вытарашенные от бешеного, звериного гнева.

– Ты мне мозги не пудри, девочка!!! – заорал он в бесильной ярости, желая, видимо, убить Лив своим криком. – Думаешь, я доказательств не найду, чем вы с папой на самом деле заняты, мафиози хреновы?? Ты у меня по всем этапам пойдешь, а там – хоть ушутись, никому и дела не будет! Поджарят на электрическом стуле, как ты того и заслуживаешь, – и дело с концом! Вот увидишь!! – завершил он свою гневную и громкую речь, а затем достал рацию и гаркнул в нее, нажав кнопку:

– Барри! Бери Винки и возвращайтесь в кабинет! Будем этих типов проверять. Немедленно!

В сердце Лив все сосуды, кажется, завязались в болезненный узелок, но она откровенно зевнула в лицо офицеру и ухмыльнулась:

– У вас глаз дергается, лейтенант, от вспышек неконтролируемой агрессии. Может, вам сшить подушечку с мятой? Хорошо помогает расслабиться перед сном, прямо, как горячая ванна! Зато воду экономит – просто класс! А еще можно было бы...

– Молчать. – приказал ей подполковник, и Лив действительно увидела, как у него задергался глаз. – Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

В этот момент в кабинет вошел представитель ФБР с очень милым псом на поводке, и офицер кивнул, давая команду подчиненному, чтобы обыскал всех по очереди.

Лив, Макс и Брайан пристально наблюдали, как федерал с собакой поднимает с дивана колумбийцев, одного за другим, заставляет выворачивать карманы и позволяет своему шерстяному другу шумно обнюхать их ботинки и брюки, суетливо виляя хвостом.

От напряжения в кабинете хотелось выпрыгнуть в окно. Особенно Лив не нравилось лицо Питона – серое, испуганное, нервное, с глазами-бусинками навывкате... Подполковник ФБР долго и внимательно вперивался в него испуганным взглядом, но тот почти не смотрел по сторонам, таращась на собаку, как на заклятого врага. Лив ощущала приливы то жара, то холода, ее зубы выстукивали дробь, а сердце колошматилось в груди...

Офицер с собакой проверил всех колумбийцев, затем Макса и Брайана, с послушными лицами вытащившими все из своих карманов и взгромоздившими свою мелочевку на дубовый стол отца.

Подполковник злился все больше, но собака вела себя спокойно, явно не подавая признаков такой нужной ему находки.

Лив подставила ей руки и даже потрепала загривок нервной ладонью, получив в ответ тычок мокрым носом и умирая от ужаса того, что на ее пальцах мог остаться запах героина... Но собака отошла от нее также, как и от всех остальных.

Командир отряда гневно подошел к ней и, услышав от своих коллег, что и «здесь все чисто», разъяренно прошипел:

– Это не конец, Оливия Мартинес! Я с тебя не слезу, даже не мечтай, буду носом рыть, а нарою доказательства...

Лив поморщилась.

– Звучит омерзительно, офицер. Выбирали бы выражения в присутствии дам!

Он прищурился и резко проговорил в рацию:

– Внимание всем. Обыскать двор. Немедленно! – и, послав мстительную улыбку девушке, он вышел из кабинета.

Лив, стараясь сохранять спокойствие, но на деле выворачиваясь наизнанку от бешеной паники, послала тревожный взгляд Брайану и рванула следом за офицером на улицу.

Выйдя на крыльцо, она замерла: десяток мужчин рассыпались по лужайке, кто-то шнырял среди вишневых деревьев, кто-то прогуливался вдоль забора с собакой, кто-то осматривал фонтан в виде Дедала и Икара, а один из стражей порядка, тот самый, что проверял их со своей волосатой подружкой на наличие героина, прохаживался вдоль декоративно выстриженных кустов, направляясь к тем самым клумбам с георгинами...

Лив стиснула зубы и сжала кулаки в карманах джинсов, больно впившись ногтями в ладони. Ее горло пересохло, а лицо заболело от напряжения. Рядом с собой она почувствовала тепло и вполоборота головы увидела Макса и Брайана, с тем же, витавшим вокруг них, напряжением глазевших на собаку, обнюхивающую клумбы.

Шаг... Сердце Лив ударило и замерло в горле... Собака замедлилась и более внимательно втянула носом воздух... По лбу девушки покатились капелька пота, а в голове затараторил ее голос: «Пожалуйста!.. Пожалуйста!.. Пожалуйста!..» Псина замерла около того места... того самого места... Ее живой коричневый нос странно задергался в каком-то сантиметре над тайником чемоданчика с героином, и девушка еле сглотнула, дрожа от ужаса... Ее колени подкашивались, а мольба в голове стала оглушительной и безумно отчаянной... Подполковник обернулся и тоже внимательно посмотрел на собаку... Секунда... Еще секунда... вильнула кончиком хвоста...

Все, конец. Это конец.

Но она вдруг подняла морду и двинулась дальше, обнюхивая следующую клумбу цветов.

От облегчения Лив чуть не разрыдалась в голос: все внутри нее вибрировало и стонало. Как из другого измерения она наблюдала за тем, как ФБР-овцы постепенно завершили обыск и сообщили об этом своему начальнику, разъяренному до красных, полопавшихся в глазах, сосудов.

Он подлетел к девушке и прошипел, вне себя от ярости:

– Не знаю, куда ты их дела, девочка, но тебе чертовски повезло! Второго раза у тебя не будет, запомни, Бог не дает шанс дважды, так что, когда мы увидимся снова, ты на все сто процентов будешь улыбаться мне своей милой улыбочкой через железную решетку изолятора!

Лив вздохнула.

– Вам определенно нужен отпуск, лейтенант. А то спускаете пар на беззащитных девушек и все такое... Ну так вы закончили разносить по моему дому гравий и собачью шерсть? Если так, то, пожалуйста, покиньте мой особняк! Нас с друзьями еще ждет замечательная бутылка виски наверху... в компании с парочкой других представителей элитного алкоголя.

Офицер скривился, обнажив верхний ряд ровных зубов, и злобно рыкнул, обращаясь к своим людям:

– Поехали. Здесь больше нечего делать.

И незваные гости медленно удалились за ворота. Лив зашла в дом и обессиленно сползла спиной по стенке, осев на пол и дрожа. Они были на волоске. На волоске от тюрьмы, суда, следствия, пожизненного заключения в камерах строгого режима или смертной казни... Надо же... Ее глупая идея все-таки спасла их... Она спрятала лицо в ладони, желая и плакать, и смеяться...

– Они уехали. – облегченный голос Макса и совсем рядом с ней:

– Белоснежка... Лив... Ты в порядке?

Она с трудом оторвала руки от лица и увидела, как рядом с ней на корточки присели Макс и Брайан, а Питон со своими дружками испуганно глядит на нее с лестницы.

– Первый раз такое. Чуть было не попались. – тяжело проговорил Брайан и шепотом добавил, глядя куда-то в пространство:

– Эйден бы убил меня...

Лив вдруг захохотала. Она смеялась и смеялась, не имея сил остановиться, не веря, что все позади, что они снова выбрались, и Макс улыбался, глядя на нее, а Питон и два других колумбийца, сообразив, что беда миновала, облегченно вздохнули и нахмурились.

– Белоснежка, ты спасла нас. Как тебе это удалось? Куда ты дела героин? – удивленно проговорил Макс, поднимаясь и помогая Лив встать. Девушка выдохнула, пытаясь успокоиться, и проговорила:

– Никуда. Закопала там, под клумбой... И сверху духами полила.

– Так вот почему от тебя так несет парфюмом! – улыбнулся Брайан. – Ну и дурацкая же была затея, я тебе скажу, но так всегда бывает – самые глупые идеи оказываются лучше сложных и продуманных наперед. Правда, мы могли бы и не выплыть, если бы ты продолжила поигрывать на нервах подполковника ФБР, продолжая предлагать ему искупаться в арома-душе в нашем доме... Как тебе вообще подобные

мысли в голову приходят, ума не приложу?

– Это все стресс. – отмахнулась с легкой улыбкой Лив, поднимаясь по лестнице обратно в кабинет.

– Так... значит... с героином ничего не случилось? – немного робко спросил Питон, поднимаясь следом за девушкой.

– Говно не тонет. – раздраженно изрекла философскую мысль Оливия в ответ, входя в комнату и направляясь уверенной походкой к бутылке виски.

– Лив! – возмущенно одернул ее Брайан, но и он слегка улыбался, тоже не забыв налить себе в бокал.

Лив повернулась к колумбийцам, нервно застывшим посреди комнаты и явно еще не отошедшим после встречи с ФБР.

– Так вот, друзья. – начала она тоном внезапно прерванной беседы. – После всего этого, я думаю, вы с удовольствием согласитесь на мои условия сделки, не так ли? Это будет честно по отношению к той, которая только что буквально выцарапала ваши задницы из камер пожизненного заключения.

Макс ухмыльнулся и покачал головой, а Брайан с уважением посмотрел на упертую девчонку. Питон неуверенно воскликнул:

– Но... Ведь это из-за вас они сюда нагрянули! Кто-то слил им информацию о том, что мы прибудем с наркотиками в этот дом и именно в этот час, и это точно были не мы!

– Ну и не мы, к чему истерика? – нетерпеливо буркнула Лив. – А тот, кто это сделал, по полной за это ответит, не суетись, дерьмодиллер! Так что обсудим условия.

Через час недовольные колумбийцы, согласившись на весь идиотизм, который им с самым наглým видом навязала дочка Эйдена Мартинеса, уехали восвояси на своем новом, но хорошо вымытом и блестящем «Форде», а Лив устало плюхнулась на кожаный диван и сложила ноги на его спинку, пристроив голову на мягкую, кожаную ручку.

– Ты же понимаешь, что если бы не приезд ФБР, ты бы ни за что не смогла навязать этим троим свою идиотскую систему, правда? – с ухмылкой спросил Брайан, и Макс, поддерживая его, кивнул.

Лив пожала плечами.

– Подумаешь! Не согласились бы эти – нашла бы других, делов-то! Это уже не важно. Важно только то, что нас могли упечь за решетку, и это проделки зеленого засранца, уж я-то знаю! – Лив гневно ударила кулаком по дивану, вымещая злость.

– Это было странно и нелогично. – сказал Макс, делая глоток виски из бокала. – Эрнесто хотел поиздеваться над тобой, он только развернулся: украл отца, нанес удар по бизнесу, навязал своего мэра... А главное, он столько времени следил за тобой, и все ради того, чтобы просто подослать ФБР-овцев в тот момент, когда мы будем встречаться с наркодиллером?? Его игра могла закончиться час тому назад, и

стоило ли это всех, проделанных им трудов??

Лив тоже об этом думала. Она не понимала, зачем Эрнесто нужна была такая глупая подстава... Неужели это было тем самым фееричным финалом, о котором грезил этот кузнечик???

От одной мысли о том, что она оказалась бы за решеткой, не успев спасти отца и не помирившись напоследок с Джонни, ей снова стало невыносимо плохо.

– Если только он не был уверен, что Лив сможет выкрутиться. – задумчиво проговорил Брайан, глядя в окно. – Это было всего лишь испытание... Которое мы выдержали. Для чего? Думаю, он не замедлит сообщить нам об этом.

Как будто в подтверждение его слов, в кармане Лив зажужжал мобильный. Она достала его, абсолютно уверенная в том, что это Эрнесто. Чутье ее не обмануло – на экране светился незнакомый номер, но душа все-таки испытала невероятное разочарование и боль... Как же она ждала совершенно другого звонка!

– Ты что, совсем идиот, насекомый? – со смехом проговорила Лив в трубку, не дав братцу и слова молвить. – Зачем натравил на мой дом этих черепашек-ниндзя в бронежилетах с ищейками на поводках, если знал, что наркоделец при- тащит хренову тучу героина с собой?? Тебе что, так надоела собственная игра? Или, все-таки, черепушка не справилась с давлением твоего колоссального мозга изнутри и треснула от уха до уха? Чего молчишь??

Тихий, вкрадчивый вздох, затем насмешливый и, как всегда, спокойный голос Эрнесто ответил:

– В каком моменте твоей речи я должен был вставить свое слово? Милая Оливия! Это был не завершающий этап моей игры, а всего лишь маленькая месть за то, что вы преследовали меня от аэропорта. Неужели ты думаешь, что я зря изучал твою надоедливую натуру несколько лет? Я прекрасно знаю, как многофункционально может работать твоя фантазия в критических для тебя условиях! Ты – просто эксперт по теории и практике самосохранения! Ты бы ни за что не попалась... Так куда ты дела... э-м-м... «хренову тучу» героина?

– Удобрила им кустики. Какая разница? – Лив недовольно поморщилась. – Ты снова звонишь мне, чтобы напомнить о какой-нибудь, только одному тебе важной, ерунде или поздравить нас с чудесным спасением собственных шкур?

Эрнесто тихо рассмеялся.

– Нет, сестренка. Я звоню, чтобы напомнить тебе об одной очень важной ДЛЯ ТЕБЯ ерунде... Первый этап моей игры завершен. Джулиан Слоу не остановится, пока не обрежет ваш бизнес со всех сторон до микроскопического размера... И от твоих союзников, Лив, не останется и следа... Нет денег, семья недовольна, не на кого положиться... Значимый шаг к уничтожению влияния семьи Мартинес, не находишь? Переходим на уровень номер два... Ты слушаешь?

Лив злилась, но слушала, затаив дыхание... И ей совсем

не нравилось то, что он говорил...

– Нет, я сплю. – съязвила она. – Мяукай дальше, задохлик, я вся во внимании.

– Твой отец. – важно и триумфально проговорил Эрнесто и сделал театральную паузу.

Лив подскочила на диване, расширенными глазами посмотрев на Брайана:

– Что «мой отец»? Что с отцом??? Ну, ты, транспортир ходячий, быстро говори, что с ним?? – гневно воскликнула она.

Эрнесто явно забавлялся ее гневом.

– О, ничего, пока что. Он просто спит. Просто спит в небольшом металлическом контейнере, который плавно опускается на илистое дно Гудзона...

Лив вскочила на ноги, яростно задышав, и, увидев разноцветные круги перед глазами от ужаса и гнева, заорала, не в силах сдерживать себя:

– Что??? Что??? В каком контейнере?? На какое еще дно??? Ты что, писателем-фантастом заделался, клоп вонючий?? Говори нормально – где мой отец?? Он... он жив?..

Брайан и Макс взволнованно переглянулись, и Макс с тревогой проговорил:

– Лив?.. Что он говорит?

Но Оливия ничего не слышала, кроме бешеного стука сердца и собственного затрудненного дыхания. Эрнесто недовольно поцокал языком:

– Почему ты так невнимательна, Оливия? Я же сказал – в металлическом контейнере, на илистое дно... Слушай лучше, девочка, я не люблю повторять дважды. Не так уж важно, ГДЕ твой отец... Гораздо важнее то, на сколько часов ему хватит кислорода... Учитывая тот факт, что он может проснуться или через несколько часов, или через несколько минут, в зависимости от того, насколько сильно мои ребята побили его...

Лив ощутила бешеную дрожь... Только не это... Отцу грозит гибель... Да он в чертовом, каком-то там, контейнере!!! Она впиалась рукой в телефон до побеления в пальцах и нервно заходила вперед-назад по комнате, пытаясь справиться с паникой и дышать нормально. Гнев захлестнул ее с головой, ударив в грудь горячей лавой.

– Ты!!! – заорала она. – Что тебе нужно, уродец???

Эрнесто снова мягко рассмеялся.

– О... Ничего серьезного, Лив. Основываясь на опыте погружений предыдущих плохих мальчиков, которых настиг час расплаты, твой папочка сможет продержаться в контейнере до завтрашнего вечера... При условии, что будет экономить кислород. Знаешь, смерть от удушья – не самая приятная вещь... Но ты можешь ему помочь. Я достану твоего папу из ящика в том случае, если... если ты отдашь мне в обмен Джонни О-Коннела и Макса Вератти. Обоих. Все-таки твой отец – редкий и очень ценный для темного мира экземпляр, и он не стоит того, чтобы менять его лишь на одну

голову.

Лив замерла на месте, провалившись куда-то в белую вату... Тишина... Белый свет... Бесчувственные конечности... И только боль, дикая боль в сердце и тонкая, черная мысль, прострелившая, словно пуля, кору головного мозга: «Отдать Джонни?.. Джонни?.. И Макса?.. Взамен на спасение отца?? На его жизнь и дыхание? Это что, черт возьми, предложение, от которого невозможно отказаться?» Ловушка захлопнулась. Опять этот угловатый ублюдок на шаг впереди, опять он ставит ей условия, которые она не может обойти или обдурить, опять загоняет ее в тупик, как крысу, которую гонят по лабиринту, где вместо выхода – большая, ржавая мышеловка и вонючий, может, даже уже заплесневелый, кусочек сыра в качестве приманки...

– Как... отдать? – тихо проговорила она, осев на диван, понимая, что стоять на ногах ей больше не хватает сил.

– Лив! – встревоженно воскликнул Брайан, глядя на ее серое, потерянное лицо и ужасный, испуганный взгляд, но девушка не реагировала.

– Вот так. Передать в мое, так сказать, единоличное пользование. Они же только создают тебе проблемы, Оливия! – с усмешкой вкрадчиво проговорил он. – Вся эта твоя любовная маета, выбор того, кто лучше, душевные метания... Зачем тебе отвлекаться на эти глупости? Я окажу тебе услугу, забрав сразу их обоих, и верну папашу до того, как он успеет задохнуться... Отличная сделка, не так ли? О, кажет-

ся ты немного растеряна... – с издевкой проговорил Эрнесто. – Ну ничего, милая. Я дам тебе время подумать. Может быть, ты так вжилась в роль босса своей семьи, что не захочешь уступать этот трон обратно отцу?? В этом случае тебе просто нужно дать ему умереть и оставить себе обоих твоих любимых мужчин... Правда, один из них не очень жаждет общения с тобой... Обидно, не так ли? Какой-то поцелуй разрушил идиллию, семейное счастье, будущее...

– Не лезь не в свое дело, говнюк. – грубо оборвала его Лив, неожиданно взяв себя в руки. – Я обойдусь без твоих тупых советов и подсказок. Лучше давай ближе к делу: где мы встретимся и во сколько?

– Опять ругаешься... Ай-яй-яй! Лив, мне это не нравится, тысячу раз говорил!

– Да плевала я на тебя тысячу раз, убожество! Говори!!! – гневно крикнула Лив в трубку, и Эрнесто, уже довольно злым и агрессивным тоном проговорил:

– Завтра, в семь вечера, на барже под мостом Фитцджеральда, на правой стороне. Семь вечера – это край, сестренка. До этого времени твой папаша еще сможет продержаться... Жду тебя завтра, и, надеюсь, ты примешь правильное решение. – он отключился.

Лив в бессилии зарычала и, кинув телефон, бросилась на диван, лупася его кулачками и чувствуя, как слезы брызжут из ее глаз. Ненавидела ли она Эрнесто за то, что он хочет забрать у нее одного или нескольких дорогих ей людей??? Да,

определенно... За жизнь отца она должна отдать Джонни и Макса... Ну как же можно так?? Вернуть себе одну четвертинку сердца и отдать две других??? Это несправедливо... Нечестно... И бьет по самому слабому месту... Что он будет делать с ними? Пытать их? Убьет? Заставит ее выбрать одного??? Что будет дальше?..

Она спрятала лицо в спинку дивана и зарыдала. Теперь слезы давались ей на удивление легко и часто, не то, что раньше. Слишком сильна боль, слишком кровоточит свежая рана...

– Лив! Лив! – два голоса в унисон окликали ее, но она не могла остановиться, нервная система запустила этот чертов ручей, и обратный процесс был ей неподвластен.

– Успокойся! Успокойся, Лив! – услышала она властный и жесткий голос Макса и почувствовала, как его горячие руки разворачивают ее к себе.

Он поднял ее на ноги и, схватив за запястья, несильно, но очень весомо тряхнул, приводя в чувство и заставляя посмотреть в его решительные и не на шутку встревоженные синие глаза...

Лив всхлипнула и замолчала. Рядом с ним она всегда ощущала себя маленькой девочкой... Он требовательно и нетерпеливо смотрел на нее, строго проговорив:

– Что он сказал, белоснежка? Что с Эйденем?

– О-отец в... в контейнере... – еле слышно проговорила Лив, всхлипывая, но не отрывая от Макса глаз. – Он...

он... умирает... Они его побили!!! – в ужасе воскликнула она, будто это сейчас играло решающую роль в судьбе Эйдена Мартинеса, и снова зарыдала.

Макс нахмурился и обнял ее, прижав к себе. Лив плакала, уткнувшись в его рубашку и вдыхая такой давний и знакомый аромат парфюма, тесно обхватив его руками за талию. Ей сейчас так нужно было, чтобы ее кто-нибудь поддержал, утешил, вытащил из этой ямы, в которую она провалилась... Макс успокаивающе гладил ее по волосам, по спине, и Лив постепенно успокоилась. Всхлипнув последний раз и почувствовав неловкость от того, что использовала парня, которого дважды отшила, в качестве плакательной подушки, девушка отстранилась от него, хотя, надо признать, обниматься с ним ей было по-прежнему очень приятно и волнительно...

– Оливия. – привел ее в чувство напряженный голос Брайана, и Лив с трудом оторвалась от сверкающих огнем глаз Макса, посмотрев на него. – Что с твоим отцом? Чего хочет Эрнесто?

Уже более спокойно, она поведала им обоим о том, что Эйден в ящике на дне реки и у него совсем мало кислорода, хватит только до завтрашнего вечера.

– И что ему нужно в обмен на его жизнь? – задумчиво спросил Макс, внимательно слушая рассказ девушки.

Лив тяжело вздохнула и с болью посмотрела на него:

– Он хочет, чтобы я отдала ему... тебя и Джонни.

– Что??? – одновременно воскликнули Брайан и Макс, переглянувшись.

Лив вздохнула и села на диван. Она так устала от всего, что происходило, от шантажа, мести, злобы, переживаний, что теперь чувствовала себя пустой.

– Ну... Он сказал, что за бесценную голову мистера Эйдена Мартинеса как-то глупо требовать кого-то одного... А в сумме вы хоть немного, но смахиваете на равноценный обмен. – она с тоской посмотрела на Макса. – Если ты не согласишься, я все пойму...

Макс поднял брови и с удивленной насмешкой проговорил:

– Ну и поведай-ка мне, белоснежка Лив, с чего это я должен тебе отказать?

Лив ужасно смутилась и покраснела:

– Но... я же... мы... и я...

Брайан рассмеялся.

– Макс, ты – единственный на земле, кто смог лишить эту девочку дара речи.

Макс строго посмотрел на Лив и спокойно сообщил:

– Не нужно смешивать личное и работу, Лив. Я заключил сделку с твоим отцом и обещал помочь ему. Пока что, мне это не удалось, но я доведу это дело до конца, и мы разберемся с этим дерьмовым подонком Эрнесто. Твой отец не умрет. – жестко и беспрекословно заявил он, и Лив обиженно надулась, сложив руки на груди.

– А я-то думала, ты скажешь, что согласен на все только потому, что любишь меня... – шутливо протянула она оскорбленным тоном.

Макс посмотрел на ухмыляющегося Брайана, а затем – на Лив, светясь праведным негодованием:

– Издеваешься, да??? Если бы тебе нужна была моя любовь...

– Так, стоп. – скомандовал Брайан. – Макс, остынь. Лив – хватит выводить его! У нас сейчас немного другой повод для дискуссии: что будем делать?

Лив достала мобильный и, вытащив сим-карту, выключила его, кивнув остальным, чтобы сделали также.

– Раз папаша и так умирает, значит, мы ничем не рискуем, если лишим этого жука удовольствия послушать о наших планах. – весело и решительно заявила Лив, и остальные с ней легко согласились.

– Думаю, нужно устроить ему засаду. – сказал Брайан, посмотрев на Макса и явно рассчитывая на его поддержку.

Макс кивнул.

– Да. Мы сделаем это. В «Пантеоне» живет достаточно моих людей, но нам понадобится больше оружия.

– Это не проблема. – сказала Лив, думая о своем давнем знакомом поставщике Чейзе Коллинзе, с которым у нее установились вполне миролюбивые отношения. – Достанем все, что нужно. Как мы это сделаем?

– Отправим людей на место заранее. – сказал Макс таким

голосом, будто каждый день организовывал чьи-нибудь засады. – Окружим его. Он достанет из реки ящик с Эйденом... – Макс поморщился. – Как-то по-идиотски прозвучало... Короче, он вытащит твоего отца, и ты произведешь обмен нас на него. После того, как Эйден окажется в безопасности, наши люди начнут стрельбу, и...

– Попробуем его убить. – мрачно закончил Брайан. – Хотя, это дурно скажется на наших будущих отношениях с Чикагским синдикатом...

– Об этом мы подумаем позже. Главное – прихлопнуть кузнечика... – сказала Лив, но вдруг почувствовала, как ее сердце резко сжалось. – А обязательно его убивать?.. – вырвалось неожиданно из ее уст, и Лив сама поразилась тому, что говорит.

Брайан и Макс недоуменно уставились на нее. Она махнула рукой, пытаясь прийти в чувство от своего неожиданного проблеска жалости к Эрнесто, и поспешила проговорить уже обычным для себя голосом:

– Ладно, проехали. План кажется вполне нормальным.

– Да... Только мы забыли посвятить в него еще одно главное действующее лицо... которое набило мое действующее лицо и злится до чертиков на твое. – угрюмо сообщил Макс, и Лив вздрогнула. Все внутри нее больно дернулось, и она с трудом прошептала:

– Я найду Джонни. И поговорю с ним.

Брайан кивнул.

– Правильно, Оливия. Думаю, все мы понимаем, что это должна сделать именно ты.

Лив тяжело вздохнула и поднялась на ноги.

– Ладно. Пойду. Если он не согласится, моему отцу – крышка.

– Удачи. – тихо сказал Макс, отвернувшись к окну. Брайан, да и сама Лив, заметили мелькнувшую боль в его глазах... Но Лив ничего не могла больше изменить.

Она просто вышла из кабинета.

Глава 17

Когда нужно проучить должников отца – она не колебалась, когда нужно уладить конфликт – Лив всегда могла подыскать нужные слова, даже когда ее жизнь висит на волоске – она могла собрать все силы и направить их на то, чтобы справиться с опасностью... И ради близких была готова пойти на все...

Она ничего не боялась, была решительна, изобретательна и, не мешкая, шла на любой риск...

Что же с ней случилось? Как вышло, что один разговор, один-единственный, с человеком, которого она любила больше всего на свете, внушал ей столько сумасшедшего ужаса? Почему в этой реке под названием «жизнь» она больше не плывет по течению, а идет против него, борясь с соблазном расслабить конечности и отпустить себя в руки неизвестности? Все просто: мы сами создаем себе препятствия, в ос-

нове которых лежат наши необдуманые поступки. Она сделала ему слишком больно, она предала его любовь, она растоптала его, разбила ему сердце и совершенно не знала, как можно было все исправить... И есть ли у нее вообще хоть малейший шанс на исправление?..

Джонни не было в «Аквамарине», также не было его и в их квартире... Лив вздохнула и решила пойти на риск, поехав прямиком в особняк О-Коннелов. Если Джонни там нет, то, на крайний случай, она могла поговорить с Оливером, и, возможно, он бы понял ее состояние и помог его найти.

Подъезжая к высоким, металлическим воротам, Лив испытывала такое нервное потрясение, что ее руки даже не могли справиться с управлением автомобилем. Сердце снова болело, а в голове кто-то раздувал и сдувал воздушный шар: так сильно она ощущала стрессовую пульсацию. Ей до смерти хотелось увидеть его... Она бы выстрелила себе в голову ради этого. Она бы улетела на Луну ради этого. Ради одной только минуты рядом с ним, только чтобы почувствовать его тепло, согреть опустевшую душу, даже можно издалека, даже можно не касаться... Просто увидеть на одно волшебное мгновение его зеленые глаза, его улыбку с такими очаровательными ямочками, услышать его голос... Она и не надеялась больше почувствовать, как он горит...

Ворота беспрепятственно отворились: у людей О-Коннела было распоряжение – всегда пропускать машину Лив, и девушка испытала некоторое облегчение от того, что Трейси

О-Коннел, мать Джонни, не отозвала его.

Она бросила «Кадиллак» на лужайке и, с трудом переставляя ноги, чувствуя, как ее тело потяжелело килограмм на сто, подковыляла к крыльцу. Если бы не история с ее отцом, она никогда бы не решилась приехать к нему домой... Его мать ненавидела ее еще в те времена, когда он был счастлив с ней, а что она думает об Оливии сейчас – даже представить страшно.

Дрожащей рукой Лив нажала на кнопку старинного звонка в деревянной резной двери с разноцветным витражом и услышала колокольный перезвон внутри, чувствуя, как от волнения и страха ее живот ужасно выворачивало наизнанку, практически до рвотного рефлекса, а голова предательски кружилась, добавляя еще больше слабости и отчаяния ее жалкому виду. Да... до таких чертиков ее еще никогда ничего не пугало... Река под названием «жизнь» оказалась не только бурной, да еще и с подводными камнями в придачу.

Дверь отворилась, и на пороге предстала стройная и элегантная, в белоснежном шелковом закрытом платье до пола и пепельными, прямыми волосами, зачесанными назад, сама ее змеиное величество Трейси О-Коннел, с зеленым холодным взглядом и прекрасным, но невероятно надменным лицом, поддерживаемым несколькими пластическими операциями.

Когда ее взгляд упал на Лив, девушка подумала, что надо бы ухватиться за перила, так велика была мощная снежная

лавина гнева и ненависти, исходящая от матери Джонни. Ее глаза сузились, а щеки побледнели, и она жестко и громко воскликнула:

– Ты!!! Как ты смеешь приходить сюда?!? Что, с Максом не получилось, так ты снова решила моего Джонни к рукам прибрать, маленькая, дешевая крыса??? Убирайся отсюда, дрянь, немедленно!! И забудь о нем, забудь навсегда!!! Он никогда не будет с тобой, ты – ничтожество, маленькая грубая нахалка, посмевавшая разбить его сердце!!! – кричала Трейси так, что Лив казалось, будто звезды сейчас ссыплотся с небосклона от ее пронзительного крика... Каждое слово – как камень, брошенный в стекло ее души: трещина, трещина, трещина... бах, осколки полетели, боль... Слезы градом побежали по ее щекам... Как она могла стать виновницей всего этого?? Как могла допустить, чтобы этот момент настал?..

– Миссис О-Коннел... – прошептала Лив, захлебываясь в собственном соленом потоке. – Я должна поговорить с ним!!! Пожалуйста!! Это вопрос жизни и...

– Нет!!! – заорала Трейси, не контролируя себя. – Ты еще смеешь говорить, что это вопрос жизни и смерти?!? Ты знаешь, что ты с ним сделала??? Мой единственный сын... Этого всего бы не было, будь Джессика жива!!! Господи, да что вообще он в тебе нашел, ума не приложу? Ты и пальца его не стоишь! Ты – пройденный этап, девочка. – Трейси перевела дух и с оскорблений перешла в угрозы. – Мне плевать, чья

ты дочка, дрянь, но ты больше не вернешься в его жизнь!!!
Никогда! Ты дашь ему развод, и он женится на какой-нибудь
приличной девушке и будет счастлив, ясно?? А теперь вы-
метайся отсюда сама, или я велю охране вышвырнуть тебя,
как тупую шавку!

Лив рыдала, но не могла уйти... Она падала все ниже,
умирая от боли, горела в аду... Но отец... Ради него она
должна была пройти через это...

– Нет!!! – закричала Лив в отчаянии, утирая слезы ладо-
нями. – Миссис О-Коннел, прошу, дайте мне с ним погово-
рить! Только он сможет мне помочь, пожалуйста!!

Брови Трейси взметнулись прямо под высокий начес на
голове.

– Что??? Помочь?? После всего, что ты ему сделала, ты
еще собираешься втянуть его в свою очередную авантюру,
заканчивающуюся обычно кровопролитной войной???

– Вы не понимаете. – тихо проговорила Лив, совершенно
выбившись из сил. – Если бы у меня был выбор, я бы ни за
что не втянула его в это...

Трейси снова яростно прищурилась.

– Повторяю еще раз, девка, вон из моего дома! Считаю до
трех, или моя охрана применит к тебе физическую грубость,
и это будет еще менее приятно, чем уйти так!! Раз...

– Миссис О-Коннел, я не могу уйти, пока не поговорю...

– Два...

– Мама! Что ты делаешь??? – вдруг раздался рассержен-

ный и такой родной голос, что Лив чуть не лишилась рассудка от счастья.

Из-за спины Трейси, как вихрь, вылетел Джонни, глядя то на мать, то на жену удивленным, злым взглядом. Лив замерла, чувствуя, как внутри ее груди взорвался маленький, но все-таки салют счастья. Полторы недели она не видела его! А он все также красив... Идеален... Восхитителен... Самый потрясающий мужчина во всей нашей солнечной системе... На нем была наполовину расстегнутая белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, черные брюки и туфли. Да... Трейси никогда бы не позволила своему ненаглядному сыночку расхаживать в ее доме в образе разгильдяя...

Лив впивалась в него жадным взглядом, забыв, зачем пришла, забыв на мгновение даже о Трейси, об отце, вообще обо всем чокнутом мире вокруг, лишь умирая от раздувшегося в ее груди до невероятных размеров сердца и ощутив снова тонкий, трепетный огонек жизни, наполняющей ее душу тем самым, таким необходимым каждому человеку, смыслом.

Джонни нахмурено и требовательно смотрел на мать:

– Что ты делаешь? – снова недовольно и жестко проговорил он. – Ты что, угрожаешь ей??

Трейси вздохнула, и снежная лавина вдруг преобразилась в солнечную лужайку, приглашающую посидеть и расслабиться в окружении прекрасного аромата цветущих растений. Она нежно положила руку ему на плечо и сказала уже более мягким тоном:

– Джонни, милый... Я, вообще-то, за тебя переживаю, сын! Ты не должен с ней видаться после того, что она сделала! Она же предала тебя! Я просто делаю то, чего требует мой материнский долг: оберегаю тебя от лишних переживаний! Я же говорила, что ей не место в нашей семье, но ты...

– Мама. – снова строго осадил ее Джонни и снял руку Трейси со своего плеча. – Прости, но мне кажется, что это немного не твое дело... Я разберусь в своей жизни сам, так что иди в гостиную, я скоро приду.

Трейси резко взвинулась, снова повысив голос:

– Джон, ты что, собираешься говорить с этой дешевкой?? Да ты совсем...

– Мама! – тоже разозленно повысил голос Джонни. – Иди в гостиную!! Ты слышишь меня??

Трейси обессиленно бросила яростный взгляд на Лив, замершую и не дышавшую во время всей этой сцены, затем укоризненный и обиженный – на сына, и грациозно двинулась в гостиную, на ходу злобно прошипев:

– Надо будет распорядиться, чтобы больше не смели ее пускать ближе, чем на метр за воротами. Как это я раньше не подумала?..

Джонни вышел на крыльцо и запер за собой дверь. Они встретились глазами и замолчали, просто глядя друг на друга...

Лив стояла и медленно, мучительно умирала... Умирала от того, что любит его, любит, любит так сильно, буд-

то только сейчас, стоя в каком-то метре от него, она поняла, что кровь гоняется по ее жилам только силой этого чувства, согревая ее замерзшие руки, заставляя ее легкие вдыхать и выдыхать живительный кислород только благодаря его присутствию, благодаря возможности смотреть в его глаза... О, Боже, Боже... Она умирала и от этой ужасно абсурдной и трагичной ситуации... Она до сих пор не верила, что он когда-нибудь будет смотреть на нее так, как сейчас: зеленые глаза не искрились игривым огнем, нет ни капли любви, страсти, тепла, нежности... Нет его очаровательной и обезоруживающей улыбки с ямочками, нет того теплого энергетического шара надежности, защищенности и веселого обаяния... Только холод. Только боль. Боль. Лив видела ее в смотрящих на себя глазах и ненавидела себя за все... Ненавидела лютой ненавистью... Это все она... Она стала причиной того, что он с такой обидой и злостью смотрел на нее, сложив руки на груди. Она стала причиной того, что не могла сейчас подойти к нему, взять за руку, поцеловать его ладонь, провести рукой по его щеке и зарыться пальцами в его мягкие и густые темные волосы... Как же отчаянно она желала этого! Просто до боли в руках!

Тоска. Ужас. Отчаяние. Нет надежды.

– Зачем ты пришла? – спокойно, но очень холодно, как будто незнакомому человеку, проговорил он.

Лив тяжело вздохнула, понимая, что сходит с ума из-за него. Слезы... Черт... Она совсем разучилась контролиро-

вать их... Опять по щекам, она размазала их мокрые дорожки и тихо проговорила:

– Мне нужна твоя помощь. Поверь, я бы не пришла с такой просьбой после всего, но...

– Что случилось? – вздохнул он, но жесткости и боли в его глазах не поубавилось. И все равно красив... Чертовски прекрасен и обаятелен... Хоть и зол, хоть и холоден, как лед, это не важно, она видела его, она говорила с ним, она не была к нему так близко с того самого злополучного дня... И одного этого ей хватало, чтобы делать вдох за вдохом, чтобы продолжать жить, неважно, как, не важно, как глубоко вонзался холод его глаз в ее сердце...

– Отец. – Лив снова смахнула слезы. – Эрнесто сунул его в какой-то контейнер и зашвырнул на дно Гудзона... Кислорода ему хватит только до завтрашнего вечера, и если этот психопат его не достанет – он задохнется.

Джонни шокировано поднял брови, забыв даже злиться на Лив. В какой-то момент ей даже показалось, что между ними все, как прежде... Но его ледяной тон вернул ее в реальность.

– И что ему нужно?

– Ты. – Лив потупилась и покраснела, в ужасе от того, что сейчас просит своего мужа, которого так сильно обидела, добровольно сдать в руки ненормальному придурку, по стилю одежды явно косящего под радугу, и позволить ему делать с собой все, что ему заблагорассудится, причиняя но-

вую и новую боль. – И Макс. Он требует отдать вас обоих в обмен на него одного. Ты... ты... – «можешь помочь?» – вертелось у нее на языке, но она так боялась спросить, что просто замолчала, чувствуя дрожь в пальцах.

Джонни нахмурился и посмотрел куда-то в пространство.

– Конечно. – незамедлительно кивнул он. – Эйден – друг моего отца и нашей семьи. Если я могу что-то сделать ради того, чтобы спасти ему жизнь, то я сделаю это. Он не должен умереть. Когда и где произойдет обмен?

Лив подробно рассказала о месте встречи и времени, которое назначил Эрнесто, а также об их с Брайаном и Максом плане неожиданного нападения, с целью предотвратить передачу их обоих во вражеские руки. Джонни сосредоточенно слушал, а когда Лив закончила, спокойно и серьезно произнес:

– Я в деле. – и развернулся, чтобы уйти.

Нет, нет, Лив не могла видеть, как он уходит, чувствуя, как разрывается и кровоточит ее сердце, мечтая схватить его за руку, схватить, держать, не дать ему уйти, только не позволить скрыться за этой дверью, скрыться из ее глаз, скрыться от ее умирающей души... Она должна была сказать ему... попытаться... она слышала, как кричит и стонет все внутри нее, и она готова на что угодно, лишь бы остановить его... На что угодно...

– Не уходи. – сквозь слезы с мольбой прошептала Лив еле слышно, задыхаясь. Дрожь, как же ей устоять на ногах, как

же удержаться и не упасть еще ниже?..

Джонни замер, и девушка увидела, как он склонил голову вперед, борясь с собой... Она физически ощущала, что ему было также тяжело, как и ей, что их кровоточащие раны в сердцах были одинаковыми, и хотела попытаться...

– Прости меня, прости, я умоляю... Джонни... Я совершила ужасную ошибку... Я не знаю, почему это произошло... Я говорила ему, что люблю тебя, но... но... В итоге, позволила себя поцеловать... – еле слышно шептала она, обхватив себя руками до боли и не сдерживая слез. – Я люблю тебя, Джонни, разве ты не видишь?.. Пожалуйста, поверь мне, поверь, я... на все... готова... ради этого... – она сделала дрожащий шаг вперед, сокращая расстояние между ними, до сумасшествия желая войти в его личное пространство, почувствовать, что у него внутри, все изменить, изменить, загладить вину... А Джонни продолжал стоять спиной к ней, и Лив, ощущая на своем уровне ужасную муку, которую причиняла ему своими словами, благодарила Господа за то, что он не уходил... – Неужели из-за какого-то дурацкого поцелуя ты больше не чувствуешь ко мне...

Джонни вдруг с горечью рассмеялся и повернулся к ней, посмотрев на девушку горящими от горя глазами.

– Да не в этом дурацком поцелуе дело, Лив! – воскликнул он и, задумавшись, добавил:

– Хотя... Увидеть эту картину из прошлого было, мягко говоря... чертовски неприятно. – он вздохнул, глядя ей в

глаза. – Дело в том, как ты на него смотришь. Ты бы видела свои глаза, когда он обращается к тебе, ухаживает за тобой, когда смотрит на тебя так, будто ты и он... – Джонни с болью поморщился. – Да, черт возьми, когда он просто присутствует рядом в комнате, мне уже кажется, что ты улетаешь далеко-далеко мыслями, при чем туда, где есть он, и где нет меня. Я знаю, что ты чувствуешь любовь ко мне. Но не могу мириться с тем, что и его ты любишь тоже. И пока твое сердце будет снова и снова делать выбор, нам лучше не встречаться. – жестко, но тяжело закончил он, а Лив показалось, что кто-то навсегда погасил огни в ее доме, оставив его пустым и безжизненным, наполненным лишь холодом и пустотой.

Ее разум отказывался понимать эту фразу... Не встречаться? Не встречаться... Ее уши как будто оглохли, в них барабанило лишь бешеное сердце, больно ударяясь об грудную клетку. Крик застрял в горле, не кричать, не кричать!! Как же ей хотелось кричать, как же хотелось умереть... Она не могла жить без него, она слишком глубоко поселила его в своем сердце, которое страдало от тоски и горя, она же жила им... его улыбкой, дыханием, его глупостями и смехом... и его любовью к ней, горячей, сильной, бесконечной... От которой он теперь отказывается...

– Нет... – прохрипела она, рыдая. – Не делай этого, Джонни, ты ошибаешься... Поверь, ты ошибаешься... Не... оставляй... меня... – шепнула она еле слышно, но Джонни с огромной болью посмотрел на нее и, сквозь стиснутые зубы,

с трудом проговорил севшим голосом:

– Прости, но так будет лучше для нас обоих. Ты разберешься в себе и поймешь... Возможно, если сейчас все складывается так, ты просто изначально сделала... неправильный выбор?

И он стремительно ушел, хлопнув за собой дверь, оставив лишь тонкое напоминание о своем присутствии здесь в виде легкого морского аромата... Ушел, отрезав ее от себя. От своего сердца. Разорвав их связь.

Лив хотела пойти к своей машине, но поняла, что не может двигаться: тело не слушалось ее... Слезы застилали глаза, она не видела ничего вокруг... Поэтому девушка просто рухнула на ступеньки и, как и в тот злополучный день в особняке отца, уткнула лицо в колени, зарыдав.

Он бросил ее.

Он бросил ее.

Какой теперь смысл в этой пустой жизни, лишенной самого главного тепла?? Как она сможет пережить эту ночь, и следующую, и все остальные, зная, что не увидит его, когда проснется, не сможет поцеловать или дотронуться до него больше никогда, никогда! Завтра они спасут отца, а дальше?..

Что будет дальше???

Сердце тяжело и медленно бухало в груди, будто услышав молитвы своей хозяйки о том, чтобы перестать биться. Оно так устало стучать. Оно так устало...

Шум двигателя, машина подъехала, и мотор заглох. Лив услышала хлопанье дверцы и шаги на гравии, но у нее не было сил даже поднять голову.

– Оливия?? – удивленный голос Оливера О-Коннела, и Лив вздрогнула и тяжело, хватаясь за перила одной рукой и вытирая слезы другой, медленно поднялась на ноги, превозмогая боль во всем теле.

Перед ней стоял отец Джонни, все тот же пухлый весельчак – босс своей мафиозной семьи, в темно-синем пуловере и черных брюках и туфлях. Его глаза, обычно горящие оживлением и интересом, сейчас светились неприязнью и холодком... Лив поморщилась: Оливер всегда нравился ей, и она тоже была его любимицей... Как же тяжело понимать, что теперь он разочарован в ней! Ладно, хоть лютой ненависти в глазах не было, спасибо Господу.

– Мистер О-Коннел... – дрожащим от плача и слабости голосом проговорила Лив, вытирая слезы. – Я уже уйду, пожалуйста, только не вызывайте охрану...

– Охрану? – удивленно спросил Оливер. – О чем ты, Лив? Я даже не думал никого звать. Ты... ты приходила к Джонни? – аккуратно и холодно спросил он.

Лив с трудом кивнула.

– Я пойду. Извините меня. – шепнула она и, будто пьяная, на дрожащих ногах двинулась к машине, сгорая от чувства вины.

– Оливия! – вдруг окликнул ее Оливер. Она обернулась. –

Ты... ты любишь его, ведь правда? – с какой-то странной надеждой спросил он.

Лив вдруг слабо улыбнулась.

– Правда. Больше, чем жизнь. – тихо ответила она, и отец ее мужа тоже улыбнулся.

– Значит, все еще может наладиться, маленькая Оливия. Повернуть время назад можно, Лив. Нужно только найти способ. – сказал он странную фразу и ушел в дом. А Лив покачала головой и села в свою машину. Может, и можно, в какой-то нереальной стране с нереальными людьми и сюжетом. Но Оливер не знал, что Джонни сам объявил о разрыве их отношений... Как такой сценарий может привести к хэппи-энду?

Глава 18

Шел уже третий час следующего дня, когда Лив, наконец, вынырнула из забытья, называемого сном. Она села в кровати и огляделась: ее детская спальня в доме отца уже перестала быть такой холодной и бездушной, как в самом начале, когда Лив впервые, несколько недель назад, была вынуждена заночевать здесь. Повсюду были ее вещи, на тумбочке – косметика, тонко пахло ее духами и шампунем...

Ну а в это утро в милую картину типичной женской комнаты живописно вписались две пустые бутылки вина и упаковка успокоительных на прикроватном столике.

Лив медленно встала и посмотрела на себя в большое зер-

кало на дверце шкафа: на нее смотрело усталое, изможденное, бледное лицо, опухшие глаза с расширенным зрачком, от которых, правда, внимание отвлекала спутанная грива белокурых волос до поясницы и мятая голубая пижама с белыми кружевами, состоящая из майки и коротких шортиков.

Ее вид не был для нее неожиданным или странным, учитывая бессонную ночь в слезах и горячей мольбе, перерастающей в истерию и затихающей лишь на несколько мгновений, чтобы разразиться с новой силой водопадом слез. Станным был густой и глухой вакуум вокруг нее... Будто она плыла внутри надувного резинового круга: изображение подергивалось, но в ушах стояла давящая тишина... Это вокруг. А что внутри? Лив прислушалась к себе: боли не было. Пустота. Казалось, крикни она внутрь себя что-нибудь – и эхо разнесется по всему организму, отражаясь от живой, но бесчувственной оболочки ее тела. А еще была злость. Злость на Эрнесто. Прямо сейчас она жутко ненавидела его!!! При чем здесь вообще Эрнесто?..

Лив сжала зубы. Гнев побежал по ее опустошенным жилам, и она, схватив расческу, стала больно и яростно чесать свои кудри, пытаясь разворошить воронье гнездо на голове. И чего ей прямо сейчас, с утра пораньше, дался Эрнесто??? Когда она засыпала, она думала о... о... Черт, вот так дела...

Вот это эффект... Лив бросила расческу и, заставляя вакуум вокруг себя дрожать, удивленно уставилась на себя. Она умирала всю ночь, принимая успокоительные, таблетку

за таблеткой, и запивая их вином, мечтая, чтобы боль хоть на секунду отступила, и она могла заснуть... Но ничего не получалось, рыдания глушила только ее бедная, мокрая подушка... А сейчас она не чувствовала ничего, кроме дебильного вакуума, созданного, по всей видимости, алкоголем, и горящих огнем сухих глаз, удивленно таращившихся на нее из зеркала...

Судя по всему, ее глубинный стресс в сочетании с несколькими таблетками антидепрессантов и двумя бутылками вина решил устроить ей капитальную отключку... Нервная система, почувствовав мощную перегрузку, врубила режим энерго- и душесбережения... Слезы отключились. Сердце... сердце не болело, но было очень тяжелым, почти невыносимым, как будто на него надели титановую клетку. И боль исчезла, оставив ей на смену пустоту и злость на Эрнесто... Видимо, злость пришла, в качестве замещающего страдания чувства...

Лив поморщилась и, даже не удосужившись переодеться, побрела вниз, в гостиную: оттуда слышались голоса.

В гостиной действительно находились Брайан, Макс, Аврора и Джонни, перебирая оружие и глядя куда-то на экран ноутбука, который Брайан держал на коленях. Сквозь собственный дрожащий, но уже постепенно начинающий рассеиваться, вакуум, Лив смутно слышала обрывок разговора и понимала, что они готовят план на вечер, но внутри нее не шелохнулся ни единый нерв – ей было все равно.

Когда она вошла, воцарилась тишина. Лив медленно, как-то изучающе, но на самом деле внимательно прислушиваясь внутрь собственного тела, посмотрела на Макса, увидев его обеспокоенный взгляд синих, всегда притягивающих ее, глаз, его потрясающую фигуру, облаченную в синюю футболку, черный пиджак и джинсы с кедами, попытавшись вспомнить его энергетику, его сияние, его объятия и... тот самый, убивший сразу троих человек одним выстрелом, поцелуй... Да, воспоминания были, она видела перед глазами картинку той ночи, но... Внутри нее стояла тишина. Ни чувства вины, ни стыда, ни прежней влюбленности, ни злости, вообще ничего...

Она перевела взгляд на Джонни, который тоже, не отрываясь, смотрел на нее с огромной, затаенной болью внутри зеленых, ясных глаз, который только вчера разрубил толстую нить, соединившую их судьбы, который оставил ее, заставив пережить смерть собственной души, и который сейчас мучился не меньше, чем она... Лив видела, что он тоже был невероятно красив в черной кожаной куртке, серой футболке и джинсах с ожидаемыми серыми, в тон футболке «найками», и... Ничего. Ни боли. Ни любви. Ни чувства вины или невосполнимой утраты. Безразличие.

Аврора. Лив в надежде перевела на нее взгляд, зная, что уж она-то никогда не оставит ее равнодушной, вечно раздражающая, надменная цапля... Оливия оглядела ее темные волосы, макияж, красные губы и фантастически сидящее на

ней элегантное красное платье с глубоким декольте. Она сидела с видом предводительницы львиной стаи и эротично курила тонкую сигарету, сложив ногу на ногу. Как Лив и ожидала, Аврора насмешливо пронзила взглядом ее хлопчатобумажную пижаму и улыбнулась, излучая триумф и презрение... Лив долго смотрела на нее, отчаянно заставляя свое сердце отреагировать... Хотя как-нибудь... Ну хоть самую малость побеситься, глядя на нее в ответ... Нет. Она в бессилии вздохнула. Ей глубоко плевать. Даже ни капли злости.

Она глянула еще на Брайана, который, как всегда, в хорошем темно-сером костюме, был серьезен и сосредоточен, но с волнением вглядывался в ее лицо, после чего молча прошла и залезла с ногами в свободное кресло, поджав колени и желая смахнуть вакуумную пленку, что до сих пор дрожала перед ее глазами, мешая трезво оценивать реальность и слушать звуки вокруг. Увидев на стеклянном столике рядом с собой клубничный леденец, Бог знает, каким образом оказавшийся там, она шумно развернула фантик и сунула конфету в рот, по-прежнему не испытывая ничего, даже привычного удовольствия от его сладости.

Заметив, что все четверо все еще молча смотрят на нее, она нахмурилась и безразлично и вяло проговорила:

– Что с вами? Давайте, продолжайте свой треп на тему гранатометов и... чего там еще? Или я спугнула все ваши мысли своим чудесным видом?

Брайан вздохнул.

– Лив, ты... пьяна?

Лив прыснула:

– С какого перепугу, вермишель? Я, вообще-то, только что встала. Ну? Так и будете пялиться?

Аврора ухмыльнулась и язвительно проговорила, обращаясь к Джонни, но все еще глядя на Лив:

– Да, Джонни, милый... Твое расставание с ней можно считать лучшим, что случилось с тобой за последние годы...

Джонни ничего не ответил, а только нахмурился и стал яростно заряжать пистолет. Макс укоризненно посмотрел на Аврору, а Лив безразлично пожалала плечами, послав ей апатичный взгляд. Ее больше не волновало ни единое ее слово... Не волновало ничего... Кроме, почему-то, ненависти к Эрнесто.

– Можете устроить вечеринку по этому поводу, правда, я не смогу прийти, к сожалению, мне дядя Брайан не разрешает гулять после десяти вечера. – все так же спокойно проговорила Лив, встретив с абсолютно непроницаемым лицом шокированный взгляд «дяди Брайана». И, будто что-то вспомнив, она неожиданно заявила:

– Да, кстати, цапля, ты же вроде заигрывала с ним? Ну так бери его себе, он же теперь свободен! Я уверена, тебе с ним понравится. – и, не обращая внимания на ошарашенные взгляды уже всех троих мужчин, Лив спокойно добавила:

– Хотя... Ты же по уши втрескалась в Макса! Вот незадача... Но тебе, все же, стоит попробовать, Джонни знает па-

ру таких штук, от которых ты можешь неожиданно переключиться...

Макс и Джонни оба так и уставились на нее, подняв брови и даже потеряв дар речи от неожиданности. Затем они медленно и недовольно посмотрели друг на друга, выражая взглядами смесь разнообразных чувств, от ревности до неприязни. Лив пусто посмотрела на них, совершенно не заботясь тем, какой эффект могут производить ее слова. Вообще все, что она говорила, вылетало из ее рта странным образом, совершенно не согласовываясь с разумом или здравым смыслом. Вакуум делал ее же слова едва слышными для нее самой, а реакция кого бы то ни было ее, погруженную в собственное ничего, как-то не беспокоила вообще.

Улыбка с лица Авроры тоже сползла и превратилась в гримасу. Она мстительно глянула на Лив, затем повернулась к Джонни и, улыбнувшись ему самой игривой улыбкой, сладко проговорила:

– Джонни, милый, если сегодня все пройдет успешно, может завтра вечером сходим куда-нибудь?

Джонни чуть прищурился и обаятельно, но все же как-то натянуто улыбнувшись, проговорил:

– Прости, Аврора, ты прекрасна, но мне нравятся блондинки.

Лицо Авроры как будто дернуло нервом, она побледнела и отвернулась, а Лив ехидно проговорила, все еще едва слыша сама себя:

– А как же Джесси?

– Все, хватит! – прервал их Брайан, тревожно глядя на Лив. – Оливия... Ты какая-то странная. Будто сама не своя. Ты в порядке? Что с тобой?

– Со мной? – Лив задумалась, с облегчением осознав, что вакуум вокруг нее начинает рассеиваться. – Со мной все отлично, давайте уже, продолжайте умно рассуждать о том, как мы спасем отца и уничтожим этого мерзкого, ненавистного, отвратительного манипулятора Эрнесто окончательно и бесповоротно! – она стиснула зубы, ощущая горячий гнев, разбавивший ее безразличие, и тихо, с чувством, шепнула:

– Ненавижу.

Ребята снова странно посмотрели на нее, но продолжили обсуждение вечернего события, сверяясь с картой местности и продумывая, сколько понадобится людей на удачное завершение дня. В том, что будет бойня, они уже не сомневались. Лив сидела с отрешенным видом, не слушая ни слова из их разговора и бессмысленно глядя в окно, погружившись в собственную пустоту. Даже присутствие Джонни и его пристальный, смешивающий разнообразные чувства, взгляд не вывели ее из равновесия... Только титановая клетка на сердце стала еще тяжелее, но не более. Вчера она готова была умереть. Она плакала почти всю ночь, дрожа под одеялом, страдая от невыносимой боли и трагедии разрыва с ним... Таблетки, вино, слезы...

А сегодня тупое безразличие. Звонящая, серая пустота.

– ...так и поступим. Лив, ты все поняла? – донесся до нее голос Макса, и она хмуро уставилась на него.

– Что поняла?

– Ну... – Макс хотел было снова пуститься в пространные объяснения, но, увидев, что девушка, не дожидаясь его ответа, снова отвернула потухший взгляд к окну, только вздохнул. – Ладно. На месте ориентируемся.

Кажется, важный разговор был завершен, но четверка все не расходилась из гостиной, чем-то шурша, о чем-то переговариваясь, и, вообще, занимаясь какими-то делами, о которых Лив не имела ни малейшего представления, потому что все также, невидящими глазами смотрела в окно, в собственную пустоту.

– Лив. Ты в порядке? Я слышал ночью твой плач... – проговорил тихий голос Брайана рядом с ней, и она обернулась. Он присел на ручку ее кресла и взволнованно смотрел на нее, ожидая ее ответа. Она ухмыльнулась.

– Ты не представляешь, Брайан, какой волшебной силой обладает смесь нервного потрясения, успокоительных и «Шардоне» семьдесят четвертого года... Теперь во мне тишина и безразличие... Слезам нет места в пустом мире. Сегодня вечером обязательно повторю свидание с двумя последними предметами из моего списка.

Брайан покачал головой в неодобрении, и Лив вдруг мельком увидела, как Джонни бросил на нее быстрый взгляд... Все услышал. Но ей сейчас было все равно. Она горько улыб-

нулась.

– Мой отец задыхается в какой-то треклятой капсуле для подводных экскурсий, семейный бизнес летит к чертям, ФБР дышит в затылок и наползает, как чертова тень, на наш дом, а мой муж бросил меня из-за пустой ревности... Брайан, как ты думаешь, моя жизнь – совсем дерьмо? – она грустно рассмеялась, не в силах остановить поток слов. – Я думала, что жизнь в пансионате была дерьмовой, потом я поняла, что дерьмовой она стала в тот момент, когда мою сестру убили по моей вине, а мне сломали ребра и вытащили селезенку из живота, но когда настал тот миг, когда мне пришлось оставить Макса и выбрать Джонни, который чуть не умер в тот день, и, кстати, даже ни единым звуком не намекал на то, что чувствует ко мне хоть что-то, отдаленно напоминающее мои эмоции, я решила, что вот он – апогей дерьма!.. Но, Брайан... Как же я жестоко ошибалась! – Лив расхохоталась, посмотрев на мужчину, который слушал ее с все большей и большей тревогой в глазах. – Настоящее дерьмо пришло только сейчас... Ты видишь его? Видишь? Даже свет померк. Вот же проклятье...

Брайан покачал головой и по-отечески погладил Лив по спине.

– Нет, Лив. На самом деле все не так. Стакан не наполовину пуст. Он наполовину полон. Сегодня мы спасем жизнь твоему отцу, видит Бог, я сделаю все для этого. Бизнес вовсе не летит никуда... Бизнес, Лив, это всего лишь дело. Поли-

тиканы поджигают нас и накрывают наши точки? Ну и что. Закроем одни проекты, создадим другие. Насчет ФБР... Не твоя ли неожиданная находчивость спасла нам всем жизнь вчера? У них на нас ничего нет, а если они снова нагрянут... Ну, думаю, пока у нашей семьи есть ты, Оливия Мартинес, нам ничего не страшно. – Он тепло улыбнулся, и Лив почувствовала прилив благодарности к нему, с трудом пробиравшуюся через титановую клетку на сердце. Брайан вздохнул. – Что касается Джонни... – его голос сделался тише. – Я не знаю подробностей ваших прошлых отношений, но в то время, когда ты встречалась с Максом, Джонни, который уже тогда любил тебя и тихо, но настойчиво мечтал завоевать немного... неожиданным способом, заполучив твое полное доверие к нему и привязывая тебя к себе под видом единственного твоего друга, переживал не самый свой лучший период в жизни... Представь, каково ему было видеть тебя с ним каждый день! А когда ты выбрала его... Ты сделала ему самый долгожданный подарок в его жизни. Ты подарила ему счастье, веру в то, что ты любишь его также, как он тебя. Появление Макса сейчас, его поведение по отношению к тебе, а главное – его искренние и сильные чувства поставили Джонни в ситуацию жесткого, болезненного де жа вю. Он знал, что и тогда, и сейчас у тебя имеются чувства к Макс, но все его силы уходили лишь на то, чтобы не прибить его в своей безумной ревности. – увидев удивленный взгляд Лив, Брайан ухмыльнулся. – Лишь ты одна, поглощенная в соб-

ственные переживания, не замечала этого. И вот, он видит ваш поцелуй. Для него это переворот. Он яростно ощутил, что теряет тебя, ты даже представить себе не можешь, что сотворила с ним. Так что расстаться с тобой – это единственный возможный выход для него... сейчас.

Лив вздохнула, чувствуя невероятное давление в груди.

– А ты неплохо разбираешься в людях, вермишелина. – слабо улыбнулась она, но тут же безучастно и грустно посмотрела в окно. – Он не вернется, да, Брайан? – ее голос звучал гораздо отчаяннее, чем невесомость внутри нее, но именно в эту секунду ей ужасно хотелось испытывать это чувство, запертое в титановую клетку внутри нее.

Брайан улыбнулся.

– Думаю, все в твоих руках. Если ты докажешь ему, что для тебя существует только он, то сможешь вернуть его... Но это будет непросто.

Лив медленно встала.

– Жизнь – вообще непростая штука, вермишелька. Пойду, одену что-нибудь... Хоть что-нибудь. – хмуро поправилась девушка, посмотрев на свою мятую, голубую пижаму. И, поблагодарив Брайана за этот разговор, двинулась в свою спальню.

Все еще размышляя над философской составляющей фразы «стакан наполовину пуст или наполовину полон», Лив, как в трансе, доковыляла до своей комнаты и, не удосужившись даже прикрыть за собой дверь, медленно, пребывая

глубоко внутри себя, в своей пустоте, стащила с себя шорты и стянула майку, оставшись в одном белоснежном кружевном белье.

В тот момент, когда она, отключившись от внешнего мира, задумчиво теребила в руках собственную майку, с трудом вдыхая и выдыхая воздух, который, казалось, не мог наполнить легкие из-за раздувшихся размеров ее гулко бьющегося в оковах сердца, Лив вдруг неожиданно ощутила на себе взгляд и застыла. Этот взгляд был нежным и невероятно обжигающим... Она чувствовала это... Лив вернулась в реальный мир своего безразличия и одной только злости на Эрнесто, которая сейчас мирно уснула, сдвинутая на задний план ее сознания единственной оставшейся мыслью: может... ей показалось?

Нет. Желанный, горячий, любовный взгляд прошелся по ее ногам снизу-вверх, задержался на... да, да, том самом месте, прикрытым лишь тонким, белым кружевом, скользнул выше по ровной спине и остановился на замке бюстгалтера... Нет, выше, еще выше, к ее шее... Лив почти не дышала, ощущая эти глаза на своей коже, словно легкое дуновение слабого, нежного и очень теплого, южного ветерка...

«Ну что ты встала, что же ты стоишь, позволяя кому-то (и Лив даже догадывалась, кому) глазеть на тебя, как же тебе не стыдно, сделай что-нибудь!» – кричал голос внутри ее головы, но Лив не шевелилась, понимая, что ее тело слишком тяжелое и неповоротливое, чтобы резко обернуться, бросить

в лицо нахалу пару возмущенных фраз, схватить с кровати покрывало и завернуться в него как можно быстрее... Ах, да, еще при этом она должна обязательно покраснеть от стыда и раздражения на того придурка, что так беззастенчиво тарашится на нее... Ничего из вышеперечисленного ей делать, вопреки ее натуре, не хотелось: нервная система крепко запечатала внутри нее все нормальные, человеческие чувства. Вместо этого, Лив медленно откинула длинные волосы с плеча за спину, чтобы немного прикрыться, испытывая лишь усталость и тонкое ощущение, что ей просто... слегка менее наплевать, чем было минуту назад.

– Дверь, вообще-то, закрывать нужно. – услышала она брутальный, притягательный и невероятно сексуальный голос Макса.

Ну конечно. Чутье ее не обмануло. Она вздохнула и тяжело, будто все ее тело было обмотано железными цепями, обернулась.

Он стоял в дверном проеме, сложив руки на груди и прислонившись плечом к стене. Титановая клетка на сердце Лив сильно дрогнула... но устояла, причинив ей лишь пронзительную, резкую боль. Макс смотрел на нее сияющими страстью синими глазами, и от него как будто физически исходил жар... Когда девушка обернулась, он секунду смотрел ей в глаза, затем его взгляд стремительно опустился вниз, на ее грудь, и Лив увидела, как синий сделался почти черным, а жаркая волна окутала ее со всех сторон... Он слегка закусил

нижнюю губу, желанно, ласкающим взглядом глядя на ее тело, а она...

Да... Вино вчера явно было третьим лишним! И что за привычка у нас, у людей, глушить страдания в бутылке с алкогольем?

Резкая боль в груди усилилась, но эмоции... Где же они? Она недоуменно заглянула внутрь себя и поняла, что тот самый взгляд, который вывел бы ее из равновесия в два счета пару дней назад, теперь находит лишь эхо пустоты и глубокого безразличия.

Лив сложила руки на груди и подняла брови:

– А от кого я должна тут прятаться, в своем собственном доме? От тебя, что ли, павлин? Или от Джонни?? Между прочим, моя спальня – в конце коридора, и что-то я сомневаюсь, что ты вряд ли просто шел мимо... И вообще. У меня на лице что, написано бешеное желание напомнить тебе или своему идиоту мужу о том, как я выгляжу без одежды? – она неожиданно заметила, что Макс все еще жадно и невероятно огненно таращится на ее тело, и проговорила:

– А ты не могло бы смотреть на мое лицо, чучело?? В глаза, например.

– Не могло бы. – беспечно, но твердо отрезал Макс и добавил с насмешкой:

– Вообще-то, белоснежка, помимо меня и Джонни, в этом доме полно охраны мужского пола, есть еще Брайан и Аврора.

Лив ухмыльнулась.

– В отличие от тебя, Макс, охрана не придет, если ее не позвать, Брайан мне вместо папочки, а Аврора страшна лишь в том случае, если решит поменять ориентацию... – она вдруг подняла на него брови. – А ты, кстати, не боишься, что тебя заметит Джонни в дверях моей спальни? Думаю, он снова может тебе... – она слегка дотронулась указательным пальцем до своей нижней губы и вздрогнула от того, какими горячими и черными глазами Макс проследил за ее жестом... – Ах, ну да, он же меня бросил. Тогда плевать, делаю, что захочу. – проговорила она безразлично, случайно зачем-то бросив взгляд на тумбочку, где лежала упаковка таблеток и скучно торчали две пустые бутылки из-под вина.

Макс проследил за ее взглядом и нахмурился, слегка поджав губы, а затем произнес:

– Не боюсь я твоего Джонни, девочка... Неужели он и вправду такой глупец, что добровольно отказался от тебя? – как будто самому себе, задумчиво задал вопрос Макс и, через паузу, более живо, сказал, уже явно обращаясь к Лив:

– Вот если бы ты выбрала меня, Лив, этого всего бы не было! Я бы сделал все, чтобы ты была счастлива... – с упрёком и болью проговорил Макс, усилием воли удержав свой взгляд на лице девушки, которая только покачала головой.

– Я больше не собираюсь никого выбирать. – отрезала Лив, прислушавшись к пустоте внутри себя и, в очередной раз, не находя никакого отклика в сердце своим словам. Она

отвернулась и, открыв шкаф, задумчиво усталилась в него, разглядывая свои вещи и чувствуя, как обжигающий ветерок от взгляда Макса снова нежно коснулся ее кожи.

– Что ты здесь забыл? – послышался ледяной голос Джонни из-за спины Макса, и Лив увидела и его самого, хмуро посмотревшего сначала на бывшего друга, а затем – на практически голую девушку, которая все еще была его женой.

– О, а вот и второй. – констатировала Лив. – Кажется, моя спальня в этом доме перестала быть приватной комнатой, раз любой петушок на палочке может ввалиться сюда, когда пожелает его душонка из пережженного сахара.

Джонни расширил глаза, увидев Лив в одном нижнем белье, и яростно проговорил:

– Ты почему в таком виде?? – он перевел гневный взгляд зеленых глаз на Макса, продолжающего нагло и откровенно нежно смотреть на нее, и угрожающе процедил:

– А ты чего пялишься?? Повторяю, что ты забыл около ее спальни?

Лив ухмыльнулась и спокойно проговорила:

– Не волнуйся, Джонни, Макс уже уходит.

– Что ты с ней делал? – с расстановкой жестко проговорил Джонни, злясь все больше и теряя терпение, а его глаза пылали огненной ревностью, но Лив больше не беспокоилась насчет этого.

– Сказал мой муж как бы между прочим, спеша к своему адвокату с целой пачкой документов на развод в зубах. –

связа́ла она, ощущая только все больше усиливающуюся режущую боль в груди, а Макс, наконец, соизволил посмотреть на бывшего друга и с ухмылкой сказал:

– Ты разве не видишь? Стою и смотрю. Если бы я с ней что-то делал, ты бы услышал, поверь.

– Да ну? – с тонкой усмешкой проговорил Джонни, и во взгляде Макса мелькнула злость.

Лив вздохнула и подошла к ним, привлекая внимание обоих на себя.

– Я так понимаю, – начала она, обращаясь к Джонни, – сарказм в твоём голосе говорит о том, что ты принял слишком близко к сердцу мои слова, произнесенные там, в гостиной, о твоём превосходстве перед ним в сексуальном плане... – она устало покачала головой, вдруг понимая, что эта ситуация раздражает ее, даже тишина внутри нее трясется от раздражения... – Джонни, наивный мальчишка, а ты не думал, что я просто пошутила??

Оба парня уставились на нее со смесью взрывоопасных чувств в глазах, а Лив решила сделать контрольный выстрел и закончила мысль:

– Или шучу сейчас. – ого, скорее, кидайте хлипкий плот, а то маленькую Оливию унесет двойной волной праведного гнева... Все-таки, с мужчинами лучше не шутить, когда речь заходит кое о чем... – В любом случае, я не думаю, что для вас должно быть важно то, насколько вы оба круты друг перед другом, особенно сейчас, в сложившейся ситуа-

ции... Это вообще как-то... странно. – неловко закончила речь Лив.

Ну все. Они откровенно объединились в своей колючей обиде против нее. Она видела это по их глазам, мечтающим затолкать каждое, брошенное секунду назад ею слово обратно ей в рот.

– Лив. – процедил Джонни, еле сдерживая гнев. – Немедленно оденься! А ты... – он перевел взгляд на соперника. – Не смей пялиться. Она не твоя.

– Так и не твоя тоже, дружище. – весело сказал Макс, триумфально посмотрев на Джонни. – Ты же сам отказался от нее! А значит, теперь она может быть с кем-то другим... Лив свободна, Джонни. Благодаря твоему идиотизму.

Лив закатила глаза и тяжело отошла к шкафу, раздраженно слушая двух петухов у двери, прожигающих друг друга уничижительными взглядами и, кажется, даже забыв о самой девушке в своей немой борьбе за победу в номинации «я здесь самый крутой, и брутальнее меня может быть лишь банка со стероидами». Вытащив из груды небрежно скинутой на полку одежды джинсы и черный, шелковый топ, облегающий грудь и свободно разлетающийся до бедер с асимметричным низом, Лив принялась одеваться, ощущая, как растет в ней раздражение... Ну аки жестки стебель бамбука просто...

– Это не значит, что ты имеешь право пялиться на нее или приставать к ней, Макс. – жестко и злобно проговорил Джон-

ни, подходя к нему ближе и смерив угрожающим взглядом. – Не смей, слышишь? – тихо процедил он.

Макс бесстрашно улыбнулся, пылая гневом.

– Прости, друг, но пока она мне позволяет пялиться на нее и находиться около нее, никакая твоя угроза не сможет заставить меня уйти. – он вдруг слегка улыбнулся и сверкнул синими глазами. – А она все также горячо целуется... И губы... такие сладкие...

Лив резко подняла голову как раз в тот момент, когда Джонни занес свой кулак, собираясь поставить Максу яркий фингал под глаз и, разозлившись на них еще больше, вылетела в коридор и оттолкнула их друг от друга, оказавшись в эпицентре гневного торнадо с ярко выраженными чувствами уязвленного достоинства, ревности, злости и превосходства.

– Так... – прошипела Лив, чувствуя себя на гребне волны раздражения, которое исходило скорее из ее разума, чем из сердца. – А теперь вы двое, слушайте меня внимательно, потому что в противном случае я сама лично вырублю вас обоих и без всякого хитроумного плана добровольно сдам Эрнесто, а уж он-то придумает, что с вами дальше делать, питбули несчастные! – на повышенных тонах проговорила она, стараясь выглядеть столь же яростно, сколько на картинке, созданной ее же головным мозгом, и глядя то на Макса, то на Джонни, которые действительно немного остыли, уже более трезво глядя на даму своих сердец. – Совсем не важно больше, люблю я тебя, – она ткнула пальцем в Джонни, – или

тебя, – аналогичный тычок в Макса, – я так сильно от вас устала, что плевать хотела на все, что творится внутри меня! Вернее, творилось, до немедленного вмешательства антидепрессантов и вина... – задумчиво отвлеклась Лив, то тут же снова гневно посмотрела на парней:

– Вы не понимаете, что делаете со мной, оба! Я вам не яблоко, которое можно разделить пополам и забрать себе половинку! Разве вы не видите, к чему приводит это ваше «выбери меня, нет меня, нет меня...» Как можно быть такими эгоистами??? Я больше не участвую в этом спектакле, с меня хватит! Я никогда, никогда, никогда больше не буду ни с тобой, ни с тобой! Ты, – она посмотрела на Джонни, нахмурено слушающего ее, – собрался разводиться. Значит, я действительно свободна! Так вот, я найду себе кого-нибудь другого и отдам себя ему, да наплевать, кого, главное – он не будет рвать мне душу на части и издеваться надо мной, как вы двое! Так что можете поубивать друг друга, а можете снова стать закадычными друзьями по несчастью или по счастью, мне абсолютно по барабану! – она залетела обратно в комнату и, схватив свою дверь, прокричала:

– И забудьте дорогу в мою спальню, придурки! Мне что, желтой лентой дверь обнести нужно, чтобы вы сюда не ша-стали??? Идите к черту!! – гневный и бешеный хлопок.

Лив отрезала себя от их серьезных и обеспокоенных глаз и, вздохнув, села на кровать, устало повесив голову.

Пустота опять захватила ее, а титановая клетка на сердце

не давала нормально продохнуть. Лив хотела заплакать, хотела по-настоящему разгневаться, до срыва всех предохранителей в голове, но организм начисто отрубил ее подходы к любым эмоциям... Интересно, долго еще она будет пустой злючкой?? И что нужно сделать, чтобы включиться обратно??

Она вздохнула и, не думая о Максе и Джонни, легла на кровать и закрыла глаза. Может, так и вправду лучше?.. Боли не было, она могла смотреть на Джонни и даже говорить с ним... Как ей казалось. А вот с раздражением и злостью на Эрнесто надо что-то делать...

Она пролежала так до тех пор, пока не пришел Брайан и не оповестил, что пора ехать на сходку.

Время подходило к семи часам. Все было готово. Люди Макса заняли самые удобные позиции с винтовками на крышах близлежащих домов, на самом мосту Фитцджеральда, а несколько машин вооруженных до зубов людей семьи Мартинес ждали на прилегающих к барже Сорок второй и Хайгрейтен-стрит.

Лив ехала в одной машине с Брайаном, который спокойно и размеренно рулил, будто они выбрались в магазин за покупками, Джонни и Максом, сидящими сзади с самыми угрюмыми лицами, побив рекорд по уровню «каменистости рожи» даже самого Эдди-помидора.

Тишина давила, но Лив чувствовала лишь нестерпимое желание поскорее спасти отца и вернуться домой, принять

свои таблеточки, выпить чего-нибудь крепенького и лечь спать, не думая ни о чем.

– Он уже здесь. – нарушил тишину Брайан, заруливая на берег и указывая на три белых «Лэнд Крузера», стоящих у причала, и Эрнесто в окружении своих людей, отдающего указания какому-то типу на большом катере или маленьком кораблике, с самым послушным лицом кивающему ему.

Лив бросила гневный взгляд на Эрнесто, одетом, как и тогда, в первую их встречу, в зеленый кардиган, темно-красный шарф на шее, синие брюки и голубые туфли. Он прыгучей походкой расхаживал вперед-назад, и его кудряшки на голове пружинили в такт с его шагами. Лив прямо сейчас ненавидела его... Ненавидела так, что ее руки сжались в кулаки, а зубы заскрипели... Она разберется с ним, он узнает, каково это – когда бумеранг возвращается к отправителю...

– У нас все готово? – спросил Брайан Макса. Тот кивнул.

– Да. Мои люди на местах.

– Наши тоже. Отлично. – угрюмо подвел итог Брайан и затормозил метрах в десяти от машин Эрнесто. Его люди моментально навели оружие на их «Кадиллак», и Лив презрительно фыркнула:

– Труссы.

И, не дожидаясь разрешения Брайана, первой вышла из машины.

Увидев ее, Эрнесто мягко улыбнулся, а его глаза оживленно и внятно, без туманных примесей, уставились на Лив.

– О, сестра! Ты как раз вовремя... Подойди ко мне. – вдруг снова скомандовал он гипнотическим, проникновенным голосом, и Лив даже почти сделала шаг вперед... Но опомнилась и, сложив руки на груди, язвительно проговорила:

– Ты опять за свое, кузнечик? Зачем мне подходить к тебе? Или у тебя со зрением плохо? Глаукома? Катаракта? Ячмень? Прости, но я не офтальмолог, помочь тебе не смогу. А теперь – давай доставай моего отца, крысеныш, да поживее, я ждать не люблю. Ну?

Эрнесто вздохнул и перевел взгляд на Брайана, который уже стоял рядом с девушкой и пристально взирал на Эрнесто холодными глазами.

– Настоящая дочка своего папочки, верно, Брайан? И по-прежнему злюка... А вот интересно, есть ли в этом мире что-то, что могло бы ее рассмешить?

– Нет. – гневно ответила Лив. – Все мои положительные эмоции украл один чокнутый тип в зеленой кофте с тупым именем и прической пятиклассника. И это совсем неинтересно. Так ты достанешь отца? Или двое индюков, откликающихся на клички «Джонни» и «Макс», тебе больше не нужны???

Эрнесто триумфально улыбнулся и хлопнул в ладони в неизменных перчатках с отрезанными пальцами.

– Так ты решила сыграть во второй уровень?? Правильно, Оливия, ты молодец, тем интереснее нам будет впереди!

Сначала покажи их. А потом – отец. – жестко сказал тихим голосом Эрнесто, и Лив кивнула Брайану. Тот повернулся и посмотрел на тонированный «Кадиллак». Через секунду из него вышли Джонни и Макс и, глядя на Эрнесто уничижительными взглядами, подошли к Лив, спокойно и беспечно сунув руки в карманы.

Эрнесто мягко улыбнулся, светясь от собственного величия, и кивнул, махнув какому-то мужчине на катере. Тот махнул в ответ и, заведя мотор, неспешно двинулся на середину реки.

Пока Лив и ребята внимательно следили за тем, как несколько человек в водолазных костюмах и с какими-то стальными тросами в руках ныряют в воду, Эрнесто внимательно изучал ее взглядом и вкрадчиво произнес:

– Не думал, что ты так легко отдашь их обоим, Оливия... Так ты уже решила, кто?.. Сделала свой судьбоносный выбор?? Осчастливила одного из них?..

Джонни и Макс одновременно раздраженно вздохнули, и Джонни с усмешкой проговорил:

– Ты так часто этим интересуешься, Эрнесто... Что, тоже хочешь взять себе кого-то из нас, кто останется свободным? Или это ты так печешься за личную жизнь любимой сестры??

Эрнесто блеснул на него серыми глазами, и в них снова появился тот странный, создающий какой-то невидимый барьер, туман.

– Осторожнее, Джонни... Через пять минут твоя жизнь

будет в моих руках... И я тебе этих слов не забуду... Ну так что, Лив? Кто из них?

Лив поморщилась и гневно прошипела:

– Никто из них. Эти двое мне всю печень выклевали, так что я решила, что выберу первого, кто выпьет со мной сегодня вечером в ночном клубе. Будет весело.

Джонни прищурился, гневно глядя на Лив с затаенной болью в глазах, равно, как и Макс, в котором еще сияла тревога, но девушка даже не повернулась в их сторону.

Эрнесто рассмеялся.

– Ты же знаешь, сестренка, какие подонки шатаются по ночным клубам?

– Я выберу самый дорогой и элитный. – пожала плечами Лив. – Может, уже хватит об этом?

Эрнесто неодобрительно покачал головой и поцокал языком.

– Это ты сейчас так говоришь, милая. Но от любви-то никуда не денешься... Сюда, несите сюда! – скомандовал он, увидев, как катер подплыл к причалу, и водолазы с трудом извлекли из воды здоровый металлический контейнер, обмотанный тросами.

Люди Эрнесто подбежали к ящику и, подняв его, подтащили к стоящим Эрнесто и Лив, бросив его у ног девушки.

– Осторожнее, мошкара. – грубо сказала им девушка и гневно и нетерпеливо воскликнула:

– Открывай же, ну?!? Вдруг он там... Открывай!!!

– Сначала – твои ухажеры. – с мягкой, садистской улыбочкой проговорил Эрнесто.

Лив нетерпеливо кивнула Джонни и Макс, и те неохотно подошли к ее сводному братцу. Секунда – и каждого из них уже держали по двое амбалов, заламывая руки за спину.

– Мы будем по тебе скучать, белоснежка. – горячо подмигнул Макс, а Лив послала ему испепеляющий взгляд и процедила:

– А я по вам – нет. Даже во сне мне не приснитесь, обещаю.

Макс и Джонни переглянулись, и Макс сокрушительно вздохнул.

Эрнесто подошел к контейнеру и, достав какой-то ключ, пошевелил им в замочной скважине. Не чувствуя ног от волнения, Лив бросилась к ящику и откинула крышку...

Эйден резко сел, хрипло задышав и хватаясь руками за горло... В контейнере уже была вода, не менее десяти сантиметров, и весь его костюм, с запекшейся на нем кровью, был мокрым, лицо – невероятно бледным, оттенявшим кровавую рану на виске и темный фингал под глазом... Но отец был жив... Он жадно хрипел, вдыхая воздух, и его грудь высоко вздымалась...

Лив почувствовала дикую дрожь облегчения и упала перед ящиком на колени:

– Отец!!! Фу, Боже мой, спасибо Господи! Ты живой!!!

– Эйден... – облегченно вздохнул Брайан и бросился к

своему боссу, помогая ему встать из ящика.

Эйден жадно впился глазами в дочь, которую не видел почти месяц, и с трудом, все еще не отдышавшись, проговорил:

– Оливия... Ты... как?? Спасибо... Брайан... – он повернулся к Эрнесто, и его жесткие глаза наполнились дикой злобой. – Ты!!! Я тебя... уничтожу... задохлик ты... паршивый... Убью, слышишь?? Уф...

Он, наконец-то, вздохнул свободно и встал рядом с дочерью, хмуро глядя на Брайана:

– И что вы ему пообещали в обмен на меня?

– Ничего особенного, папаша. – пожала плечами Лив. – Только вон тех двоих и все. – она кивнула на Джонни и Макса, которых силой удерживали люди Эрнесто. Эйден проследил за ее взглядом и ошарашено громыхнул:

– Что-о-о-о??? Задохлик, а тебе цена не сильно высокой кажется? Это, на минуточку, босс сицилийской семьи и сын местного мафиози, если у тебя совсем с памятью беда! – злобно воскликнул он, а Эрнесто пожал плечами.

– У твоей дочурки не было особого выбора. Либо дать тебе умереть, либо поделиться второй и третьей частью своего сердца... И она, отчего-то жутко злая на них обоих, с удовольствием выбрала второй вариант. Всем от этого только легче, поверь. – тихо, с усмешкой проговорил он.

Эйден недоуменно посмотрел на Брайана, и тот развел руками:

– Вообще-то, Эйден, у нас был план.

– Какой такой план? – нахмурился отец и посмотрел на Лив. Та, прищурившись, с ненавистью глядела на Эрнесто.

– Может быть, шикарный, а может быть, дерьмовый. – сказала девушка, заметив в глазах сводного братца недоумение... Он, правда, имея, все-таки, хватку босса и его интуицию, насторожился и резко заозирался по сторонам. – Сейчас проверим. Огонь!!! – крикнула она, и громыхнул гром.

Люди, удерживавшие Макса и Джонни, за секунду словили не меньше десятка пуль в спину, и освобожденные парни, выхватив пистолеты, тут же включились в перестрелку с людьми Эрнесто.

Лив успела прыгнуть за свой «Кадиллак», обеспечивающий ей невредимость своей броней, но заметила, как Эрнесто прыгнул в «Лэнд Крузер» и, что-то сказав в мобильный, выхватил винтовку и стал отстреливаться.

Не прошло и минуты гвалта и грохота пуль по автомобилям, железным боксам на причале и разной арматуре, не говоря уже о мягких и уязвимых телах людей, как со стороны Сорок второй и Хайгрейтен вылетело, по меньшей мере, пять машин ее семьи, и из них высыпались вооруженные мужчины в темных костюмах под предводительством до идиотизма веселого Марти и, в противоположность ему, хмурого Эдди, которые первыми начали палить по, неизвестно откуда, вырулившему подкреплению со стороны Чикагского синдиката. Лив насчитала семь «Тойот» и прикинула, что силы примерно равны, учитывая стрелков Макса на кры-

шах и мосту.

Тем временем, мимо нее пролетел отец с самым холодным и кровожадным видом, на какой он только был способен, и крикнул, не оборачиваясь:

– Брайан, за мной! Дай пистолет!! – увидев дочь, он грозно приказал:

– Сиди здесь, Лив, не высовывайся!!

И он испарился также быстро, как появился, а следом пролетела фигура в темно-сером костюме, именуемая Брайаном. Лив нахмурилась, не желая отсиживаться, как последняя трусиха, и осторожно выглянула из-за «Кадиллака»: кто-то перешел в рукопашный бой, кто-то уже спешил в рай, или, скорее, в ад, лежа лицом вниз на утоптанной, незаасфальтированной земле, кто-то прятался за ближайшими железными боксами, отстреливаясь от противника...

Где же Джонни? И Макс? Лив тревожно оглядывала поле битвы, и в этот момент в дело пошли гранатометы. Первый взрыв прогремел где-то впереди, в районе подъехавших автомобилей с людьми Эрнесто. Раздались крики, и полетели какие-то обломки и осколки стекла...

Лив пригнулась и, понимая, что ничего не увидит из своего укрытия, не сможет помочь Джонни и Макс, и тем более не проследит за Эрнесто, быстро и решительно открыла дверь и, сунувшись в салон автомобиля, распахнула бардачок и быстро пошарилась внутри. Под грудой каких-то чеков и бумаг преспокойненько лежал себе ждущий своего звезд-

ного часа тихий и скромный «Кольт».

Лив схватила его и, недолго думая, но полагаясь на то, что стрелки с крыши ее заметят и прикроют, выскочила из своего укрытия, помчавшись вперед.

Она быстро обнаружила их: Макс и Джонни держались плечом к плечу, как будто это не они хотели сегодня днем начистить друг другу мордашки, а вокруг них постепенно сужалось кольцо из, по меньшей мере, семи человек Эрнесто, вооруженных и явно настроенных не очень доброжелательно по отношению к ним.

Лив ощутила взрыв адреналина внутри себя, а главное – жгучую ненависть к чертовому Чикагскому синдикату, который может навредить им, придуркам из ее личной драмы, тем, кого она любила... Правда, сейчас она не ощущала этого. Только страх, что их могут... Нет, нет... Она подлетела к какой-то машине и, укрывшись за ней, прицелилась в спину одного из мужчин, нападавших на ее парней. Выстрел – она немного качнулась, но была готова к этому: стрелять ей, к сожалению, уже доводилось раньше... Мужчина дернулся и упал. Остальные удивленно уставились на него, и это дало Джонни и Максиму нужную паузу: они яростно атаковали своих врагов первыми, и завязалась драка... Тела смешались, Лив не могла стрелять, боясь попасть в Джонни или Макса...

Она сорвалась с места, и вдруг... Снаряд гранатомета прилетел прямо в машину, около которой она только что стояла...

Обжигающей взрывной волной ее подбросило в воздух, оторвав от земли, и, вместе с летящими осколками, обломками и, Бог знает, чем еще, со всей силы швырнуло об землю. Удар – и Лив жестко приземлилась на грязную, утопанную почву, ударившись всем телом и кувыркнувшись через себя несколько раз... Боль пронзила ее сразу в нескольких местах, и она сморщилась:

– Вот черт...

Девушка попыталась пошевелиться, умоляя все существующие силы, чтобы у нее ничего не было сломано после такого полета и приземления.

– Лив!! – услышала она взволнованный крик Джонни, и титановая клетка на ее сердце дрогнула тысячу раз... Она подняла голову в сторону крика и, пытаясь медленно встать, посмотрела туда, куда рвалось ее сердце... Картина, которую она увидела, заставила ее прийти в ужас: Джонни и Макса удерживали по трое громил, затаскивая в один из белых «Лэнд Крузеров». Последнее, что она увидела, это были его невероятно встревоженные и испуганные зеленые глаза...

А затем она услышала позади себя выстрел. Резкая боль пронзила ее бедро, и она закричала, рухнув на землю и перевернувшись на спину. На нее надвигался один из людей Эрнесто, раненый, шатающийся пьяной походкой, но упорно державший пистолет, нацеленный на девушку. Перед глазами Лив плясали круги от боли, и она не могла пошевелить ногой. Чуть приподняв голову, она увидела, как кровь раз-

ливается из ее правого бедра и окрашивает джинсы в отвратительный, самый нелюбимый ею цвет...

Но сейчас, наверное, не очень подходящее время думать о цветах. Мужчина с пистолетом надвигался на нее, и она попыталась пятиться назад, отталкиваясь здоровой ногой, но понимая, что от пули в сердце ее спасет только...

Нет, чудом Марти, конечно, можно было назвать только в переносном смысле этого слова, но его глуповатая улыбка и твердая рука с пистолетом появились в самый нужный момент: еще выстрел – и противника отбросило назад и завалило безвольной кучей на землю одной лишь свинцовой пулей, прилетевшей прямо в лоб.

– Вы как, мисс Оливия? – подбежал он к ней, поднимая ее на ноги легко, как пушинку. – О, огнестрел... Идти сможете? – взволнованно спросил он, глядя на ногу Лив, которую девушке очень захотелось оторвать и выбросить куда подальше, чтобы боль не долбила в виски и не глушила рассудок.

– Спасибо за помощь, огурец, только не кудахтай надо мной, не умру я от какой-то там дырки в бедре! – протараторила Лив и вдруг услышала слева от себя знакомый голос:

– Они у нас! Уходим! Уходим!

Вот так, совсем даже не тихо и не вкрадчиво, а очень даже визгливо, как будто ему наступили на гланды, кричал Эрнесто, со всей скорости пружиня к своему «Лэнд Крузеру».

Лив отчаянно устала на него, пылая гневом и... чем-то еще, довольно смутным и непонятным ей самой. Оставив

Марти недоуменно смотреть ей вслед, она с трудом похромала к нему, пытаясь догнать этого насекомыша и не дать ему уехать с ее мужем и бывшим парнем, но здоровый на обе ноги (чего нельзя сказать о голове) Эрнесто был проворнее. В грязном, испачканном кровью кардигане, порванных на коленях и еще в нескольких местах брюках, с винтовкой в тонкой руке, он прыгнул в свою белоснежную машину...

И тут Лив увидела его.

Снаряд, выпущенный из гранатомета.

Он летел, рассекая воздух, прямо на «Лэнд Крузер» кузнечика...

Лив замерла, закричав и зажав рот руками... Он умрет!!! Ее сердце в необычайной боли дернулось и застыло, а в голове страшно мелькнуло черной, грозной тенью: «Нет, нет, нет... Только не это!! Только... не...»

Вообще-то, она прокричала это вслух, но не расслышала из-за грохота и взрыва, когда снаряд залетел прямоком под заднюю часть машины, разворотив ее до неузнаваемости и объяв страшным, диким пламенем...

Лив задыхалась, хромя, приближаясь к «Тойоте» Эрнесто, не смея оторвать напуганных, больных глаз от языков пламени, облизывающих автомобиль и пожирающих его, словно мухоловка, тот самый цветок, что питается насекомыми... Она не хотела поверить, что это может быть конец, его конец, просто не могла подпустить к своему израненному сердцу подобную мысль...

Но водительская дверь отворилась, и девушка увидела тонкую фигуру, тяжело вывалившуюся на асфальт. Надрывно кашляя, Эрнесто с трудом поднялся и, хромая и держась за левую руку, с кровавыми ранами на лице и теле, отбежал от своего авто как раз в тот момент, когда раздался взрыв.

Лив так и уселась на землю, вытерев пот со лба от облегчения и чувствуя, как дрожит все внутри нее... Дрожит и отнимается...

Почему?? Почему она так рада, что он выжил?? Он – ее мучитель, он тот, кто забрал ее мужа, тот, кто чуть не убил ее отца, тот, кто втянул ее в опасную игру и всячески мстит ей... Почему она, ненавидя его всем сердцем, так боялась, что он умрет?!?

Обескураженная собственными эмоциями, Лив пусто смотрела, как к Эрнесто подъезжает «Лэнд Крузер» и как он на ходу запрыгивает в него и улечивается, а вместе с ним – и все его люди.

На причале воцаряется относительная тишина, нарушаемая только потрескиванием огня от взорванных машин и стонами, которыми перемежались разговоры выживших людей Мартинеса.

Как зачарованная, Лив с огромным трудом поднялась и, зажав кровоточащую рану на ноге, зачем-то похромала ближе к горящему авто Эрнесто. Что потянуло ее туда?.. Она не знала, но, кашляя от дыма горячей обшивки и бензина, Лив тихонько, морщась от боли, подошла к его машине...

Она смотрела на огонь, слушая стук своего сердца и думая обо всем... Обо всем, что творится в ее жизни и внутри нее...

– Оливия! Слава Богу!! – окликнул ее облегченный голос отца, и девушка почувствовала, как он приобнял ее за плечи. – Ты чего здесь?.. Поехали. У тебя ранение! Вот проклятье, чего же ты молчишь, дочь?!? – заорал Эйден и попытался увести Лив, но ее внимание вдруг что-то привлекло... Что-то, лежавшее на земле рядом с горящей машиной... Что-то странное...

– Подожди, пап. – сказала Лив и снова, как зачарованная, задрал подол своего топа и закрыв им нос и рот, дыша через него, похромала ближе к полыхающему факелу из груды металла.

На земле, около того места, где побывало угловатое тело кузнечика, неуклюже выпавшее из «Тойоты», лежала его фенечка. Его браслет. Превозмогая боль в бедре, Лив с огромным трудом, отворачиваясь от жара, бьющего в лицо, и кашляя от дыма в тонкую ткань своей майки, наклонилась и подняла его, разглядывая расширенными глазами в своей ладони.

– Лив! – снова крик отца. – Что ты там делаешь? Сейчас же отойди! Может снова полыхнуть!!! Дочь, ты слышишь??

Лив очнулась от созерцания браслета из деревянных, гладких шариков в своей руке и хотела было идти назад, как тут краем глаза заметила еще кое-что...

Она наклонилась и подняла это. Рванный клочок квадратной бумажки. Лив сжала его в руке и, хромя, вернулась к отцу и Брайану, который зажимал рукой кровоточащий, разбитый нос.

– Ты в порядке? – снова с заботой, но все тем же строгим и требовательным тоном спросил ее отец.

Лив кивнула, ощутив вдруг свою бесконечную пустоту и усталость.

– В полном. Только с ногой надо что-то сделать: чертовски мешается эта боль! – раздраженно проговорила она, махнув рукой на раненое бедро.

Брайан слегка улыбнулся и кивнул на машину Эрнесто:

– А там что ты делала? Нашла что-то?

Лив устало вздохнула и похромала, как горбун из известного всем французского мюзикла об одном нашумевшем соборе, вперед, к машине, около которой ее ждали Марти и Эдди, тоже угрюмо морщась от полученных ими боевых ран.

– Ничего особенного... Потом покажу. Поехали уже! Мне срочно нужно лекарство, и не менее десяти градусов.

Они уселись в один «Кадиллак»: Марти с Эдди впереди (за рулем, как всегда, зеленоволосый), а Лив, отец и Брайан – сзади, каждый со своими смурными мыслями в голове.

Отдав приказ своим людям и людям Макса отправляться отдыхать, либо ехать в подпольную клинику доктора Калеба, Эйден потребовал от Брайана полный отчет обо всем, что происходило за эти несколько недель его отсутствия: и с ни-

ми всеми, и с его бизнесом в частности.

Пока Брайан монотонно вещал их историю, начиная чуть ли не с каменного века, Лив теребила в руках браслет Эрнесто и клочок бумаги, подобранный ею с земли. На нем не было никаких печатей или названий. Лив разглядела только начало его фамилии «Карел...» и какие-то цифры «38116...», тоже обрывающиеся на самом интересном месте. Что за странный талон? Где Эрнесто им пользовался? Что означает этот совершенно произвольный набор цифр?

Лив никогда не видела подобных бумажек. Это сбивало ее с толку, но... Она чувствовала, что если разгадает тайну этого испачканного оборвыша, то сможет узнать, где прячется Эрнесто и где он будет держать Джонни и Макса...

Джонни и Макса... Джонни и Макса...

Их имена пусто отрикошетили из ее головного мозга, попав в сердце, но, нарвавшись на титановую клетку, отскочили вновь, улетев куда-то в зыбкую трясиину ее организма, звенящего от боли в бедре и отсутствия эмоций...

Лив это совсем перестало нравиться. Сейчас, когда она должна умирать от страха за этих красавчиков-приставал, поселившихся в ее душе в самой шикарной квартирке, с видом на ее любовь и страсть, когда она должна ненавидеть Эрнесто за то, что он чуть не убил ее отца и украл самых близких ей людей, собираясь делать с ними... неизвестно, что, она чувствовала лишь тишину, тяжесть и... облегчение от того, что вонючий кукловод все-таки выжил.

Она стиснула зубы, пытаясь злиться на себя... Нет. Не получается. Вот же чертовщина, давай, включайся, начинай жить! Начинай рыдать, тосковать, злиться! Иначе она не сможет придумать способ вытащить их оттуда и насолить Эрнесто на самую болезненную рану... Чертов автопилот, чтоб ему поломаться в трех местах...

Лив сунула фенечку Эрнесто себе в карман, протолкнув поглубже, потому что очень не хотела потерять ее, и посмотрела на Брайана и отца, обсуждавших то, как она вела бизнес в отсутствие главного мафиозного барона.

– ...и Лив встречалась с поставщиками оружия, заключив с ними выгодную сделку... Правда, сценарий пришлось переиграть: ФБР осуществили налет на наши магазины мягкой мебели, и пришлось временно прикрыть эти точки. Распространяем пока через Чейза Коллинза и сеть магазинов автозапчастей...

Отец с горделивым видом и довольной ухмылкой поглядывал на дочь, явно восхищенный тем, что его «Титаник» все еще плывет, и что маленькая и наглая Оливия Мартинес не стала его айсбергом. Лив хмуро посмотрела на сияющее лицо папаши и фыркнула:

– Чего? Радуетесь, что я не высушила до дна потоки грязных денег на твои серые банковские счета, а сохранила эту возможность для твоих собственных проделок под предводительством старческого маразма?

Брайан хмыкнул, а Эйден вздохнул и потрепал Лив по во-

лосам.

– Мне так не хватало этих твоих колючих фразочек, милая! На самом деле я впечатлен тем, какую работу ты проделала, и очень благодарен тебе за твои усилия... Это очень много для меня значит, Оливия, поверь. – он сделал весомую паузу и жестким голосом добавил:

– Я знал, что ты станешь великолепной главой семьи, несмотря на то, что ты... девочка. Бизнес под твоим руководством станет...

– Не-е-ет, отец! – Лив сморщила нос и заткнула уши. – Ты опять включил ту же пластинку? Не нужен мне этот треклятый бизнес, как ты не поймешь?? Я хочу мыться чаще, чем раз в неделю, спать подольше, чем три часа в сутки, и видеть, как морщиятся и страшнеют лица вокруг меня, вместо того, чтобы получать новости, подождавшие несколько часов на автоответчике того знаменательного момента, когда я их, наконец, прослушаю, о том, что кто-то из моих близких умер, и надо бы уже три дня как похоронить... Да с твоим бизнесом я превратилась в бесплатное приложение к твоему письменному столу! Так что даже не начинай, папуля. Лучше скажите мне, вы оба, – Лив сунула им под нос клочок интригующей ее разум бумажки, – вам вот этот талон о чем-нибудь говорит? Я нашла его у машины Эрнесто, и, может быть, он...

Эйден и Брайан чуть удивленно и хмуро поразглядывали находку, но девушка уже и сама видела по их тусклым гла-

зам, что этот обрывок им ни о чем не говорил.

– Без понятия. – пожал плечами Брайан. – Похоже на какой-то билет или талон... Только вот куда?..

Эйден тоже покачал головой.

– Я тоже не знаю, Лив. Первый раз вижу такой талон... Выброси его, ты все равно никогда не определишь, к чему он относится, и даже если это билет на аттракцион в парке развлечений, он тебе все равно ничем не поможет. Лучше подумаем о том, как нам спасти Джонни и Макса из лап этого уродца... – отец вдруг с тревогой посмотрел на хмурую Лив, которая в этот момент думала лишь о том, как будет просматривать в интернете картинки различных талонов, существующих в этом мире, а не в каком другом, и обеспокоенно и сочувствующе проговорил:

– Мне очень жаль, что Джонни попал в передрагу из-за меня, дочка... Клянусь тебе, я сделаю все, чтобы вытащить его целым и невредимым... Пожалуйста, не волнуйся ты так...

Лив тряхнула головой, вернувшись мыслями в «Кадиллак», рассекающий пространство, в стремлении доставить крестного отца, дочь крестного отца и его советника домой в целости и сохранности, и удивленно посмотрела на него:

– Ты чего, отец? Головой об потолок ударился вон на той кочке? Я вовсе не волнуюсь, если хочешь, можем их там оставить, мне наплевать, без них я, наконец-то, смогу спокойно лежать на диване и смотреть фильмы, не слушая ни-

чьи зудящие с двух сторон комментарии.

Эйден так удивился, что даже открыл рот, но ничего не сказал. Он только недоуменно перевел вытаращенные глаза на Брайана, который выразительно посмотрел на него и тихо проговорил:

– Потом.

Отец вздохнул, но с расспросами не полез.

А Лив, чувствуя, как пульсирует кровь в ее артериях, как головной мозг продуцирует мысль, как боль от пули ковыряет в ее ноге тупым ножом для харакири, отчаянно просила все силы, какие только есть в природе, вернуть в ее пустую оболочку чувства, пусть даже она умрет от боли, пусть зальет всю подушку слезами, пусть станет переживать каждую минуту как самое настоящее испытание, пусть будет влачить жалкое существование, полное одиночества и горя, но...

Но вновь станет живой. Потому что настоящие душевные терзания, чувство вины и раскаяния спасают нас от серого, бесконечного мира духовной пустоты.

Она молилась, отчаянно желая стать прежней. Она должна их спасти. Они оба там по ее вине. И оба не заслуживают даже капли боли, которую Эрнесто захочет им причинить.

Глава 19

Прошло три дня. Спокойных, унылых, как отпавшая со стены штукатурка, нудных и невероятно длинных дня. Лив все еще пребывала в душевном ауте, проживая эти тяжелые,

бессмысленные часы со своим лучшим другом – алкоголем. Эрнесто снова растворился в небытие, не доставая никого из семьи угрожающего содержания звонками, полными оригинальных вариантов уничтожения Джонни и Макса, а Лив тщетно пыталась выяснить хоть что-нибудь об этом злополучном куске бумаги с цифрами.

Днем и ночью, когда наступала глухая бессонница, девушка продиралась через дебри интернета, просматривая тысячи и тысячи примеров талонов или билетов, чтобы найти хоть что-то похожее на ее бумажку... Но, конечно, это было бесполезно. Любая организация, будь то автомойка или кинотеатр, пользовались талонами и билетами собственного, оригинального дизайна, который мог не иметь ничего общего с ее талоном, либо быть, наоборот, вылитой копией ее бумажки... Но Лив чувствовала, что это не то.

Она не могла ничего придумать, не могла продвинуться к их спасению ни на шаг, потому что ее собственное безразличие делало ее ленивой и безынициативной, лишая той самой гибкости ума, которая позволяла девушке выдумывать все новые и новые варианты выходов из сложившейся ситуации.

Наступил поздний вечер.

Лив лежала на кровати в своей комнате в особняке, где ей пришлось жить последние дни потому, что она вечно нужна своему отцу, заново постигающему детали собственного бизнеса, одетая в серые спортивные штаны и черную майку, с планшетом, уже давно погасшим и притихшим в одной

ее руке и бокалом виски в другой.

Она смотрела в потолок, обессилив от своей собственной пустоты и тяжелого, мешающего дышать нормально, ощущения титановых оков на ее сердце. Минуты плыли медленно... Медленно и бесполезно... И ее пугало то, что жизнь впереди еще так чертовски длинна, что хотелось исчезнуть, испариться, превратиться в пыль...

Дверь в спальню тихонько приоткрылась, и в просвет за-сунулась серьезная и грозная голова отца, который, однако, пытался выглядеть мягким и сочувствующим для дочери.

– Оливия? Не спишь? Можно войти?

Лив безразлично пожала плечами, и через несколько секунд увидела мощную фигуру в дорогом костюме, с самым озабоченным и взволнованным видом присевшую на край ее кровати. Он посмотрел на бокал в руке дочери и на почти пустую бутылку на столе и нахмурился:

– Лив, тебе не следует столько пить! Брайан сказал, ты с каждым днем делаешь мой бар на одну бутылку беднее... Тебе это вредно, дочь! Пообещай, что с завтрашнего дня...

Лив поднялась на локтях и насмешливо посмотрела на отца красными, погасшими глазами.

– А что, если я буду много пить, то быстрее сыграю в ящик? Класс, скорей бы сдохнуть. – ухмыльнулась она. – А ты чего пришел-то? Не боишься, что пока ты здесь сидишь, кто-нибудь может посягнуть на твой идиотский бизнес?? Смотри-ка... – она ткнула пальцем в планшет и гля-

нула на часы, показавшиеся на его осветившемся экране. – Уже две минуты, как приказы не раздаешь! Непорядок!

Эйден покачал головой и грустно улыбнулся, глянув на нее:

– Я понимаю, Оливия, что уделяю тебе очень мало времени... Как ты правильно заметила, быть мною действительно нелегко... Но, пожалуйста, не отвергай мои жалкие попытки хоть как-то помочь тебе, ты же понимаешь, что я беспокоюсь о твоём состоянии, дочка! Мы могли бы... – он прокашлялся, явно волнуясь, – могли бы поговорить о том, что стряслось между тобой и... Джонни... или тобой и... Максом?..

Лив вытаращила на него глаза, а затем расхохоталась:

– Отец, да ты чего вообще? Не обижайся, но ты правда думаешь, что мне нужен совет дядьки, чья семейная жизнь, между прочим, не такая уж и долгая, развалилась из-за гениального, клюнувшего в его черную головешку, петуха, который втемяшил ему блестящую мысль ради общего блага переспать с другой женщиной??? Прости за жесткость, но я констатирую факт.

Эйден вздохнул и нахмурился.

– Я был молод и глуп, Лив. Точно такой же, как ты сейчас. Но я просто не могу понять, что с тобой происходит, дочь. Если бы ты плакала, злилась, кричала и страдала от разрыва с ним, я бы понял, но... – он недоуменно посмотрел на нее. – У меня такое чувство, что тебе... без разницы, что с ним будет... Значит, ты не была счастлива? Не любила его? Люби-

ла... Макса? – он тряхнул головой, пытаясь сообразить, но, видимо, все-таки не был профессионалом по части глубинного понимания женских эмоций.

Лив вздохнула и посмотрела в потолок.

– Ты не понимаешь, папа. Я любила и люблю Джонни, я нуждаюсь в нем, как в еде или воздухе... но... Я совершила ошибку. Как бы тебе объяснить... – Лив села и затеребила в руках одеяло, которым была застелена кровать. Отец с тревогой наблюдал за ней. – Понимаешь, Макса я тоже люблю... Но не так, как Джонни, по-другому, и... когда он появился снова, то... ужасно сбил меня с толку... Он очень сильно любит меня, отец, и захотел... м-м-м... отбить у Джонни, что ли?.. Вот же идиотизм какой... А я поддалась на соблазн собственных приятных воспоминаний о нем... И... все зашло слишком далеко... Джонни бросил меня. И я делала то, о чем ты говоришь! В смысле плакала, злилась, страдала, умирала... Пока судьба не столкнула меня с антидепрессантами. И вот, однажды утром я проснулась бесчувственной и безразличной ко всему на свете... И черт побери, я никак не могу включить все обратно! – Лив горько ухмыльнулась, глядя на шок в лице отца. – Сейчас я пребываю в странном состоянии... Будто лечу в Космосе, ударяясь об какие-то астероиды или звезды... В невесомости, не привязанная ни к чему на земном шаре. Лечу, а впереди – черная, бесконечная пустота. Нет будущего, отец. Без него у меня нет будущего. И жизнь бессмысленна, как полет в Космосе.

Эйден нахмурился и с огромной грустью покачал головой.

– Будь я проклят, если хоть что-нибудь понимаю из этих ваших женских чувств... У вас все так запутанно... Я даже не знаю, что сказать и как помочь тебе, милая. Но я бы хотел что-то сделать... Что я могу сделать для тебя?

Лив ухмыльнулась и нежно посмотрела на растерянного и сбитого с толку отца.

– Если обеспечишь мне душевное потрясение, которое сломает защитный блок моей нервной системы, я буду перед тобой в неоплатном долгу и, может, даже перестану обзывать и говорить гадости. – улыбнулась она. Отец рассмеялся, и его лицо несколько расслабилось.

– М-да... Для человека, к которому ты не испытываешь особо теплой привязанности, это, скорее всего, непосильная задача... – он потрепал дочь по волосам и встал. – Ладно, пойду. Дел невпроворот... но, Лив. – он снова с тревогой посмотрел на нее и строго, приказным тоном произнес:

– Если я хоть чем-то смогу тебе помочь, только скажи! И насчет этих двоих любителей пудрить мозги с разбушевавшимися гормонами... Мы вытащим их. Любой ценой. Обещаю.

Лив кивнула и легла обратно на кровать, снова ощутив усталость.

– Ладно. Иди уже, крестный папочка, а то Нью-Йорк без тебя от рук отбивается.

Эйден улыбнулся и вышел, а Лив свернулась калачиком

и уснула.

Однако, спала она недолго.

Телефон где-то противно зажужжал, выдергивая Лив из крепкого сна без сновидений. Она резко открыла глаза и села, чувствуя, как все внутри нее подрагивает от напряжения... Трезвон не прекращался, и Лив, потеряв глаза, будто полные песка, но абсолютно бодрые, словно она и не спала вовсе, нашла телефон на туалетном столике у круглого зеркала.

Незнакомый номер. Лив нахмурилась.

– До утра-то не мог подождать, сверчок ты недоделанный? Или Бэтмен, спаситель мира, услышал мои мысли и отнес тебя на другой континент, по ту сторону земли, где сейчас сияет радостное солнце?? – жестко спросила она без приветственных вступлений, кои используются в обычном, нормальном человеческом обществе.

– Милая сестра! – проговорил вкрадчивый голос все с теми же, что и раньше, нотками гипнотического спокойствия. – Ты как будто ждала моего звонка! И это в половину пятого утра! Я польщен... Как твои дела? Как здоровье? Скучаешь по своим мальчикам?

Лив повернулась и тупо уставилась в окно – на темный, безжизненный двор, на замерший фонтан, на мигающие огоньки камер слежения по периметру каменного забора...

– Ни по кому я не скучаю, клоп, что за идиотские вопро-

сы?? А насчет дел и здоровья... Сам-то как? Мне показалось, ты здорово струхнул там, на причале, когда снаряд разнес твою тачку на железные обломки... Что, уже постирал штанишки, кузнечик? Сходил на курсы психологической реабилитации?? И каково тебе? Понравилось висеть на волоске от смерти?

Эрнесто раздраженно прорычал в трубку:

– Ты думаешь, меня можно этим напугать? Думаешь, я впервые в такой ситуации?? Да что ты знаешь обо мне, глупая девчонка!! Ты...

– О, прости, я правда ничего о тебе не знаю, мне как-то не приходила в голову мысль ползать по кустам с видеокамерой и с маньяческим удовольствием следить за твоей нудной жизнедеятельностью! – съязвила Лив, начиная снова злиться и ненавидеть его. – Я просто руководствовалась своими наблюдениями за твоей жалкой, кровавой рожей, готовой разрыдаться от ужаса...

Эрнесто разозлился. Лив даже показалось, что она через трубку ощутила энергетическую волну гнева, исходившую от него... Но он держал себя в руках, продолжая говорить тихо, но с нервной вибрацией в голосе:

– Это неприятно, Оливия, ты веришь собственным выдумкам! А теперь подумай-ка хорошенько, что я могу сделать с твоими ненаглядными Джонни и Максом, если ты не начнешь вести себя уважительно по отношению к брату...

Лив безразлично хмыкнула.

– Да делай ты, что хочешь! Можешь пришить одному ноги другого, а другому – голову первого... Можешь скинуть их в каком-нибудь египетском саркофаге в канализацию, можешь привязать к ним веревочки и игратья, как в театре кукол, можешь опустить их в кипящую серую жижу, как Терминатора, и смотреть, как тухнут их красные, к сожалению, не от наличия суперкомпьютеров в головах, а от более приземленных, человеческих чувств, глаза, можешь...

– Эй, эй, постой-ка, постой, сестренка... – недоуменно остановил ее Эрнесто. – Ты сейчас умело пытаешься запудрить мне мозги, убеждая в своем безразличии к мужу и бывшему парню??

Лив села на подоконник и вздохнула, проклиная собственный организм.

– Я всегда говорю то, что думаю, плевков лилипута, а вот если бы я хотела тебя запутать, я бы, наоборот, билась в истерике от ужаса и рыдала в трубку, чтобы ты подумал, что я готова на все, лишь бы спасти этих самодовольных плейбоев, а потом я бы вызнала, что тебе от меня нужно в обмен на их дурацкие жизни и придумала бы целый план захвата, в котором тебе было бы отведено центральное место, где ты корчишься от боли, придушенный собственным зеленым кардиганом, а мы все смотрим, как ты медленно умираешь. – просветила его Лив спокойным голосом и, подумав, проговорила:

– Ну а раз я говорю, что мне плевать, какие извращения ты

собираешься приводить в жизнь, используя этих двоих красавчиков, значит, мне также наплевать на то, что тебе нужно взамен, и уж тем более плевать, будешь ли ты жить или сдохнешь от давления собственных мозгов на твою собачью черепушку.

Эрнесто помолчал, затем серьезно проговорил, даже как-то взволнованно:

– И с каких это пор тебе на них плевать? Несколько дней назад ты рыдала, желая умереть, а сейчас... Ты отказываешься бороться за них? Отказываешься спасти их любой ценой?? Отказываешься ненавидеть меня?? Хм...

– Да. Все так. – кивнула Лив. – Ты и те двое заколебали меня. Теперь я общаюсь только с бутылками элитного алкоголя и успокоительными. Они мне наподобие... лучших друзей. И знаешь... Жизнь в тишине и невесомости, без боли и страха, без вечного противоборства, риска, разделенной или неразделенной любви и тому подобной фигни... просто предел моих мечтаний! Так что играй дальше в свою игру сам, убей их, сдай меня и отца в ФБР, напусти на наш дом целую стаю летучих мышей... Все что угодно, мне фиолетово. Ты высказался? Тогда я, пожалуй, пойду спать дальше. Может, ты не заметил, но на дворе еще ночь.

Эрнесто вдруг рассмеялся.

– Ну конечно... Я понял. Со мной это однажды было, в далеком детстве, когда мама умерла... Я так долго плакал, что в какой-то момент эмоции просто вырубилло... Но, к счастью

для тебя и меня, эта болезнь поддается лечению, Лив. Нужно только... одно воспоминание. Всего-навсего какое-то воспоминание... Дай-ка подумать... – он на секунду замолчал, а Лив нахмурено и очень внимательно слушала... Неужели этот проклятый насекомый сейчас поможет ей очнуться от летаргического сна? Она действительно жаждала этого... Но как он-то может ей помочь разбудить в себе жизнь? – Оливия. – наконец, проговорил он, и девушка вздрогнула. – Я сейчас отправлю тебе одно видео... Посмотри его, пожалуйста, очень внимательно, постарайся ничего не упустить. Ты должна стать прежней, той, которая будет жаждать победы, той, которая пойдет на все, лишь бы спасти тех, кого любит... Мне нужна настоящая ты, а не твое говорящее тело. Твое безразличие по отношению к парням, рвущим твое сердце на части, немножко не входит в планы моей игры и мешает всем нам... Посмотри видео и возвращайся, сестренка. Будем играть дальше. – настойчиво сказал он и сбросил вызов.

Лив нахмурено уставилась на экран телефона, ожидая сообщения от Эрнесто и разрываемая изнутри новым витком противоречия. С одной стороны – ей так хотелось вернуть полное ощущение себя, не важно, какое, главное – снова начать чувствовать... А с другой... Ее безразличие ему не на руку и мешает реализовывать свою уродливую игру... Может, все же не стоит смотреть это видео? Так она будет свободна от него... А ему придется отступить от сценария, и,

возможно, это единственный шанс сломить ход игры в свою пользу... Эрнесто это очень не понравится, и еще неизвестно, что ему на самом деле захочется сделать с этими двумя идиотами, а ведь она, скорее всего, не сможет пережить, если с ними что-то случится...

Но с другой стороны...

Если запись поможет, и она снова станет собой... Она вернет не только боль, но и решительность, свой гнев, жажду спасти их... и спасет. Чего бы ей это ни стоило.

Телефон мигнул, оповещая о входящем видеофайле.

Палец Лив дрогнул над кнопкой... И она нажала кнопку запуска.

Увиденное поразило ее до глубины души... Если можно так назвать теперешнее состояние легкого изумления.

В кадре показалось здание КПП на границе с Мексикой. Солнечный день... Лив заметила, что видео снималось из какого-то автомобиля, припаркованного на стоянке около здания. Через несколько секунд вдали, на шоссе, петляющим по пустынной местности, со стороны Штатов показался черный «Линкольн Навигатор».

Лив вздрогнула всем телом. Это был тот день. Тот самый день, когда они подменили автобусы Уолша и сожгли наркотики на холме у маленького городка Хейгерстаун... Просто... Невероятно...

И она узнала машину Джонни. Ее сердце забилось быстрее и как будто стало сильнее давить на грудную клетку...

Она увидела себя и Джонни, бросивших автомобиль вдали, на холме, и побредших пешком к зданию КПП. Это были две далекие, но постепенно приближающиеся фигуры... Лив узнавала лишь силуэты и походку. Она во все глаза смотрела на него: на Джонни двухгодичной давности, на ее, пока еще, лучшего и единственного друга...

Лив видела, как, тихонько переговариваясь, они приблизились к парковке и спрятались за чьей-то старой «Тойотой»

...

Джонни... Джонни... Ее губы слегка задрожали, а в груди началось покалывание.

Вот подъехал желтый «Ниссан» с их первой жертвой... Как же ее звали?.. Кармен... нет, Карла! Карла Беннингтон! Лив с улыбкой, чувствуя, как растет покалывание в груди, наблюдала, как Джонни усыпляет ее и приносит к автомобилю... Она видела, как он положил ее на заднее сиденье «Тойоты» и вдруг заметила свой, то есть той, второй Лив, взгляд... Лив чуть не рассмеялась... Она помнила... помнила, что вдруг приревновала его тогда... Но не знала, что ее чувство собственности так отразилось на ее лице... Жаль, лица Джонни с этого ракурса не разглядеть, он спиной стоит...

Дальше девушка смотрела с улыбкой. Подъехал парень, чьей личностью на время должен был завладеть Джонни. Лив с невероятно растущим давлением в груди увидела, как он вырубил того парня... А на лице той Лив, что все еще нахо-

дилась в том далеком, жарком дне рядом с ним, мелькнул восторг и приятное удивление...

Лив чуть не засмеялась... Засмеялась?..

С трудом выдохнув, она приблизила телефон ближе к глазам и впилась взглядом в Джонни... Он был весел... он сиял азартом... Его зеленые глаза так часто останавливались на ней с оживлением и вниманием... Ей казалось, она снова там, в тот день...

В ушах сильно зашумело. Лив сдавила виски...

Лив и Джонни на видео чуть-чуть повозились над спящими Карлой и парнем, имени которого Лив не помнила, и полезли в сумку, которую принесли с собой.

Форма. Они должны переодеться... Лив видела, как она сама, неловко оглянувшись на беспечно расстегивающего рубашку Джонни, повернулась к нему спиной и стащила с себя черный топ, чтобы надеть форменную рубашку, как у Карлы...

И тут Лив заметила... Джонни. Он украдкой поднял на нее взгляд. Сердце теперешней Лив дрогнуло со всей силы, со всей силы ударило в ту самую клетку, что стянула его в свои тиски... Ей стало трудно дышать, а шум в ушах вырос до невероятного пика, причиняя ей тупую боль...

Она остановила видео, всматриваясь в его взгляд... Не пошлый. Не оценивающий. Джонни смотрел на ее спину с восторгом, ласковым теплом, слегка улыбнувшись, и... его глаза сияли любовью.

Воздух. Ей нужен воздух... Нечем дышать, и голова... раскалывается...

Лив почувствовала, как покраснели ее щеки, как задрожали ее руки, как тяжесть в груди выросла до такого состояния, что, казалось, еще один подобный кадр – и ее разорвет изнутри...

Она торопливо нажала на кнопку проигрывания и увидела, как ее нынешний муж нежно и слегка взволнованно прошелся взглядом по ее плечу до кружевного белья... затем – ниже, до поясницы, и... Нет. Он не позволил себе посмотреть ниже, а вместо этого, снова мельком глянул на застежку ее лифчика и быстро переключился на собственное переодевание...

Та Лив ничего не знала о его чувствах.

А эта Лив уже успела их разрушить.

Они переоделись и ушли, но Лив все возвращалась и возвращалась мыслями к увиденному ею эпизоду с переодеванием... Она морщилась от боли и чувствовала, что близка... близка к возвращению... Блок, любезно установленный нервной системой, дрогнул... но пока еще держался.

Через какое-то время камера сфокусировалась на вырвавшемся со стороны гаража для досмотра автомобилей пламени и черном, кудрявом дыме, а через полминуты через арку проскочил автобус с наркотиками, спрятанными под сиденья. За рулем явно различался сосредоточенный Джонни.

К изумлению Лив, камера легла на приборную панель ав-

то, из которого велась слежка, и машина двинулась следом за достоянием «Orion Bus Industries». Дальше Лив издалека наблюдала, как Джонни остановился около точно такого же автобуса и как за три минуты он и двое незнакомых ей мужчин с утроенной скоростью перекладывали вещи из одного автобуса в другой.

После этого, Джонни погнал обратно на границу, и автомобиль с камерой слежения вернулся на свое место на парковке.

И вот Лив увидела, как через арку выходят они оба, держась за руки. Кожу на ее руке тут же закололо, будто она пыталась вспомнить его прикосновение... Его ладонь... Лив всхлипнула.

На записи та девочка рядом с зеленоглазым красавчиком улыбалась и смеялась, глядя на него снизу-вверх... Они шли и шутили, говорили о чем-то... Джонни опять заработал шлепок по руке... Но чертовски обаятельно улыбался, и вообще... весь сиял...

Стискивая телефон в руке, Лив вдруг заметила, что пока они шли к холму, за которым их ждал автобус с наркотиками Блейка Уолша, Джонни постоянно оборачивал голову и смотрел на нее, пока она не видела...

Он нежно, с теплом и притяжением оглядывал ее профиль лица, ее ресницы, губы... И так несколько раз, как будто невидимая сила заставляла его любоваться ею, как будто он был настолько очарован и поглощен, что не мог вести себя

иначе...

Запись прервалась.

А Лив тяжело дышала, расширенными глазами глядя на почерневший экран... Боль в висках стала невыносимой, ей хотелось кричать... Она все еще была там, в том дне... Та Лив, из записи, смотрела на своего друга, не зная, чем он для нее станет в конце этой истории... И даже не замечая его теплого, страстного, наполненного такой глубокой и такой затаенной любовью взгляда... Не зная о том, чем она была для него уже тогда...

Но ее мысли занимал Макс. Она была влюблена, мечтала о нем... И не подозревала о том, какую драму переживал Джонни.

Жадно вдыхая воздух и дрожа всем телом, Лив легла под одеяло и завернулась в него, пытаясь остановить озноб и расслабиться. Давление в груди, боль в висках мучали ее, но... она чувствовала, что все еще не может плакать... не может чувствовать... Чего-то не хватало для прорыва блокады... Стиснув зубы и все еще думая о том дне, вспоминая его детали, Лив закрыла глаза и, неожиданно для себя, мигом уснула.

Глава 20

Ей снилось прошлое.

Она и Джонни только что вернулись в квартиру миссис Портер после той стычки с семьей Уолшей, когда она совершила обмен Макса на троицу убийц ее сестры...

Лив как будто находилась в том моменте времени, но почему-то прекрасно знала, что случится дальше...

Они пили что-то... Во сне это не имело четкого образа: просто какие-то напитки.

Лив чувствовала его тепло. Она легла рядом с ним на ковер в гостиной и, греясь в его лучах, в его энергетике, окутавшей ее с ног до головы, она улыбалась, жадно глядя на него. Он был все таким же. Красив, как и всегда. Лив видела его темные, чуть волнистые волосы, пушистые ресницы, темные брови и даже щетину на его щеках и подбородке... Она улыбалась, потому что ожидала окончания их разговора... Что-то там о Максе... Лив не хотела ничего слышать, для нее существовал сейчас лишь Джонни, с самым беспечным видом лежащий рядом и сунувший руку под голову, только его улыбка, и... Она хотела тот поцелуй. Тот самый, что перевернул все в ее душе. Тот самый, что запомнился так, будто длился всю ночь, а не несколько волшебных секунд... Тот самый, пропитанный любовью... Его любовью к ней...

Он повернул голову. Его зеленые глаза сияюще смотрели на нее... Лив тонула в их тепле, в их обаянии и игривом свечении... Она придвинулась ближе, посмотрев на его губы и так отчаянно желая ощутить их на своих губах, что она готова была умереть сию же минуту... Боже, Боже, этот поцелуй станет ее вселенной, пожалуйста, ну же... Лив дрожала, глядя то в его глаза, то снова на губы в жадном, болезненном нетерпении... А Джонни вдруг посерьезнел и сказал холод-

ным, отстраненным голосом:

– Нет, Оливка. Мы оба знаем, что этот поцелуй был ошибкой. Ты дашь мне надежду, а потом разрушишь ее... Потому что его, его ты любишь, а не меня. Вы должны быть вместе. А я – всего лишь твой друг. Извини, малышка Лив, но я не могу.

И он вдруг поднялся и направился к выходу из квартиры... Что это?.. Что это?.. Почему? Почему он уходит??? Лив резко села, глядя на его спину с таким неподдельным ужасом, что ее дыхание мгновенно участилось. Нет, все не так, не так, он ошибается, черт возьми, ошибается!!! Она протянула к нему руки и открыла рот, чтобы окликнуть, остановить, все объяснить, но ее голос будто отнялся... Она не могла издать ни звука... Лив хрипела изо всей силы, но он не слышал ее, она кричала внутри себя: «Нет... нет... вернись, умоляю, вернись, вернись, я не смогу без тебя, я не смогу...»

И вдруг ее голову будто что-то взорвало изнутри... Боль ударила в виски, а в сердце хлынула кровь и страдание, страдание... Лив громко закричала и...

Проснулась. Секунда... Она не дышала... Сердце ударило в груди огромной горячей лавиной, и блок треснул... Лив зарыдала, закрыв лицо руками и утопая в своих эмоциях... Он ушел тогда... Ничего не было... Нет. Очнись. Он ушел сейчас. Ты предала его, поддавшись призракам прошлого...

Боль, боль, отчаяние и ужас, снова боль и боль истязали всю ее, Лив билась в кровати, пылая костром и заливая по-

душку слезами, она кричала и ненавидела себя и... О, Боже. Джонни у него. У Эрнесто. Он может их убить. Он может...

Лив резко села, истерично всхлипнула и захохотала. Она жива. Она жива! Она... жива!!!

Боль, ненависть и гнев.

– Если ты с ним хоть что-то сделаешь, я тебя четвертую, саранча дохлая!! Убью!! Ненавижу тебя и твои проклятые игры!! – от души прокричала Лив в пустоту своей комнаты, наслаждаясь каждым мгновением тянущих за жилы отвратительных, болезненных, злобных чувств, правда, тут же пожалела об этом, потому что на ее крик прибежали Марти, Эдди, отец, Брайан и Аврора, влетев в ее комнату без стука, но зато с оружием наготове, блистая начищенными пистолетами и пижамными костюмами, сорочками, трусами-боксерами и недобритыми щеками.

– Где он?? – заорал Эйден (пижамный костюм), зорко озираясь по всей комнате и размахивая револьвером.

Лив, по щекам которой все еще катились слезы, увидев эту фантастическую пятерку, похожую на манекенщиков из рекламы нижнего белья, громко расхохоталась, ощущая, как бешено и гулко бьется ее сердце.

– Отец, ты что, всерьез собираешься искать своего психиатра у меня в комнате?? Ну тогда в шкафу посмотри, может быть, он также адекватен, как и ты, поэтому и сидит среди коллекции женских маек и драных джинсов, в обрамлении туфель всех цветов и оттенков! – со смехом проговорила она,

поставив «пижамный костюм» в тупик своим ответом.

– Мисс Оливия, кто вас обидел?? Покажите мне его, и я вышибу ему мозги! – взволнованно воскликнул Марти (трусы-боксеры и одна недобритая, покрытая пеной, щека), кружа по комнате с пушкой наперевес.

Лив захохотала еще громче и, утирая слезы, вскочила с кровати и подошла к нему, пристально заглянув ему в глаза с шуточной серьезностью:

– Ну... не знаю, огурец, наверное... это был ты. Да, точно! Это ты меня обидел. – уверенно заявила Лив, и ее взгляд неожиданно переместился на его колючую, под толстым слоем геля, шевелюру. Она подняла брови и потыкала в прическу Марти пальцем. – Ты не просто обидел, а оскорбил меня до смерти тем, что у тебя начали отрастать корни, а ты до сих пор не покрасился! Ты вообще в своем уме? И как тебе не стыдно на людях в таком виде появляться, ума не приложу...

Она поцокала языком и рассмеялась, увидев наивный испуг на детском лице сорокалетнего мужчины, который, по-видимому, воспринял слова о своей виновности перед девушкой слишком близко к сердцу... Только не очень понял, все-таки, в чем же он был виноват перед ней. Марти медленно переглянулся с Эйденем, найдя собрата по отсутствию понимания странного юмора девушки, а Лив, тем временем, была атакована со стороны «пижамного костюма номер два»:

– Оливия, это ты? – не придумал ничего лучше, как спросить, Брайан.

Лив вытаращила на него глаза и прыснула, сходя с ума от безудержного, истерического веселья:

– Нет, вермишель, это не я, это Адам! Ты что, опять не узнал меня? Даже не пытайся запудрить мне мозги, я знаю, что ты веришь в переселение душ, и пожалуйста, не стесняйся этого! Никто тебя не осудит.

– Во что верит? – тихо и изумленно спросил Эйден, посмотрев на своего консьюльери, который, подняв брови, с ухмылкой слушал очередной опус из уст бешеной девчонки.

– Что значит «опять не узнал меня»? И что еще за Адам? – мягко говоря, остолбенев, спросила Аврора (ночная сорочка). – У нее что, бред вступил в восстановительный период? Может, укол от бешенства поможет или еще что-нибудь в этом роде?

Брайан ухмыльнулся.

– Терпение, Аврора. Скоро ты все узнаешь. Она не станет долго держать в себе ключи к секрету собственных фантазий.

– Адам Крейн, конечно! Какой же еще? – тут же оправдав ожидания Брайана, воскликнула Лив, схватившись за голову и умирая от бушующего в ней урагана веселья и тоски.

– Это тот черный, что блюз исполняет?.. – поразил всех своими музыкальными познаниями хмурый Эдди (труссы-боксеры №2), и Лив энергично закивала:

– Ага, он самый! Это на сцене он такой энергичный, а в жизни – ни то, ни се, как селедка под шубой или холодец с

хреном... В самом лучшем смысле этого слова. – поспешила добавить Лив, опасаясь, что утренние слушатели ее немного превратно истолкуют. – И как же ты, Брайан, во мне его разглядел? У тебя явно сверхспособности, не зарывай талант в песок, макаронина!

– Так! – выдохнул вконец сбитый с толку Эйден, пытаюсь прийти в себя и призвать к порядку свою дочь и свою голову... Или, скорее, наоборот: сначала голову, а уж потом – дочь. – Что все это значит, Оливия?? И почему ты кричала?? Мы слышали твой плач, потом какие-то угрозы, а потом смех... Думали, что на тебя напал Эрнесто...

Лив просмеялась и выдохнула, немного, все же, приходя в себя.

– Ты бы, папуля, лучше думал о том, как самому на него напасть, ты может быть запомятовал, но мой муж и фантом из прошлого чертов кошмар Макс у этого мерзавца! Их надо спасти, а не бегать с пистолетами по спальням, услышав какой-либо шорох!

– Шорох??? Да ты кричала, как... – отец не закончил: Лив на всех парусах вылетела из спальни.

Гонимая вихрем внутри себя, она выскочила на крыльцо и резко остановилась, вдыхая полной грудью холодный осенний воздух. Поежившись, но не думая о том, чтобы вернуться в дом за теплой кофтой, Лив плюхнулась на ступеньки, обратившись внутрь себя...

Целая палитра чувств бушевала в ней, разливаясь волна-

ми по ее органам, расцветая в самом сердце, заставляя ее плакать и улыбаться одновременно. Лив никогда не думала, что будет мечтать о том, чтобы снова чувствовать боль, бешеную, невыразимую тоску и страдание от страшной потери, которой могло бы и не быть, если бы не она сама...

Безразличие делает нашу жизнь пустой и бессмысленной. Оно истязает нас тем, что каждая минута, прожитая в этом мире, наполнена ничем, существование похоже на сухой, пожелтевший лист, упавший с дерева и подхваченный ветром, носимый по пространству без конечной цели. Людям дана великая способность: сострадать, помогать нуждающимся, радоваться пустякам, плакать от физической боли, ощущать настоящую любовь и чувствовать невыносимую боль от ее утраты... Любое чувство делает нас живыми, делает нас сильными или слабыми, теми, кто заслуживает свое счастье долгой и упорной борьбой, и теми, кто поддается отчаянию и сгорает, сломившись под гнетом обстоятельств... но всегда настоящими, полноценными людьми. Высшими существами в этом мире.

Лив всхлипывала, упиваясь собственной мукой, но радовалась, что снова стала прежней. Она сунула руки в карманы спортивных штанов и вдруг нащупала рукой деревянные шарики на ленте. Девушка достала из кармана браслет Эрнесто и уставилась на него, размышляя. Почему он носил его? Откуда у него этот браслет? Что он для него значил?

Лив была уверена, что с этим браслетом у Эрнесто связа-

на какая-то душещипательная история, которая останется с ним на всю оставшуюся жизнь... Не зря же он теребил его в руках в те моменты, когда задумывался над чем-то, или испытывал тревогу...

Лив злилась на него, очень сильно, она ненавидела его за то, что он забрал ее близких, но... Она будто понимала его изнутри, будто чувствовала его комплекс или психологическую проблему, ощущала тонкую связь между ними, и дело было не только в том, что у них была одна биологическая мать... Связь была духовной и едва уловимой, но достаточной для того, чтобы Лив по-прежнему не хотела убивать его... И этот браслет служил ей напоминанием об этой, другой его стороне.

– Это что, его фенечка? – спросил сзади грубоватый и насмешливый женский голос, и Лив обернулась, увидев кутавшуюся в теплый халат Аврору, стоящую в дверном проеме.

Лив не хотела обсуждать эту фенечку с ней, поэтому молча отвернулась и сунула бирюльку Эрнесто обратно в карман. Аврора хмыкнула, заметив этот жест, и присела рядом с Лив, вытащив тонкую сигарету и закурив.

– Ну так что это было? Воспоминание? Фото? Изрядная доза алкоголя?

Лив посмотрела в ее шутившиеся, надменные глаза и нахмурилась:

– Это ты сейчас о своем выпускном в школе? Откуда я-то могу знать? – съязвила она, хотя прекрасно догадывалась,

про что она говорит.

Аврора презрительно усмехнулась.

– Не прикидывайся глупышкой, девочка. Я спрашиваю, что послужило толчком к тому, что ты смогла вернуться в прежнее состояние депрессивного фрика, готового уничтожить последние частицы самообладания в окружающих своими ненормальными выходками и дурацкими высказываниями? Когда ты была овощеподобным паралитиком, ты мне нравилась больше. – сообщила она в конце, посмотрев на Лив.

Лив ухмыльнулась.

– Это было видео... Эрнесто прислал. Оно было сделано два года назад и демонстрировало во всех подробностях то, как мы с Джонни украли героин Блейка Уолша на границе с Мексикой. А потом... еще сон один, но это не важно. Ты-то чего интересуешься? – недовольно буркнула она, покосившись на брюнетку.

Аврора элегантно выдохнула дым и хитро улыбнулась:

– Это значит, ты готова бороться за то, чтобы спасти их?

– Конечно. – серьезно и жестко кивнула Лив. – Я их там не оставлю.

– Даже если Джонни не захочет простить тебя, и вы никогда не будете больше вместе?? – вкрадчиво спросила Аврора, пристально уставившись на Лив.

А Лив вспомнила... Джонни. Он тоже когда-то был в подобной ситуации... Думал, что она улетит с Максом, но ска-

зал, что все равно будет до конца защищать ее, что бы ни происходило...

Сердце снова больно скрутило, но ее голос был тверд:

– Даже если и так. Я люблю его, что бы ни было там, в будущем. Чего ты пристала, цапля? Зачем мозг выклевываешь?? – раздраженно спросила Лив, а Аврора вдруг заявила:

– Если ты не лжешь, то знай – я могу помочь тебе. Как ты уже догадалась, – она выбросила окурок и выдохнула последний дым, глядя куда-то перед собой, – он мне небезразличен. Макс. Ради него я готова на все... даже помочь тебе, хотя меня и не устраивает то, как он на тебя смотрит.

Она поднялась, чтобы уйти, но Лив, удивленная ее откровенностью, вдруг, неожиданно для себя, вытащила из кармана клочок бумажки с цифрами и фамилией Эрнесто и протянула ей:

– Эй! Посмотри. Может, ты в курсе, где используются такие талоны? – не веря в собственный успех, спросила Оливия. Аврора взяла бумажку, с задумчивым видом покрутила ее в руках и вдруг сказала то, от чего волосы на голове Лив зашевелились в приступе адреналина.

– Не знаю... Может, я ошибаюсь, но я видела подобные талоны в Кальтаджироне. Их выдавали в химчистке, по одному на каждую сданную вещь. У нас всегда записывали фамилию хозяина и указывали порядковый номер, который прикалывался булавкой к рукаву... или штанине... А второй вариант номера вбивался в талон. – спокойно, пожав плечами, про-

говорила Аврора и, сунув Лив бумажку обратно, ушла в дом.

Когда к девушке вернулся дар говорить, она вскочила на ноги, вне себя от волнения и воодушевления.

– Черт возьми, будь я сто миллионов раз проклята!!! – снова вслух завопила она и заметалась по крыльцу, не в силах остановиться. – Химчистка! Химчистка... Ну конечно!!!

Она захохотала и ринулась в дом. Теперь у нее был абсолютно шикарный, совершенно беспрюгрешный план.

Эйден, Брайан и Аврора видели только то, как девушка, преодолевая скорость летящего к земле метеорита, натянула на себя толстовку и кеды и, наскоро причесавшись и смазав губы блеском, вылетела из дома, не произнеся ни звука. На звонки мобильного возбужденная и сосредоточенная Лив, конечно, не трудилась отвечать.

Глава 21

Примчавшись в Даун-Таун, Лив первым делом навестила свою любимую старушку миссис Портер, справилась о ее здоровье и выпросила еды, потому что на пустой желудок планы спасения любимых людей составлять как-то не очень получалось. Набив живот потрясающими тостами с клубникой и воздушным омлетом, довольная девушка, наконец, удалилась в свою квартиру, где не была, казалось, целую вечность.

Все вещи располагались на своих местах: те же диваны, те же, расшитые руками заботливой хозяйки квартиры, по-

душечки, те же мягкие ковры, и... его вещи. Вещи Джонни, брошенные небрежной рукой то там, то здесь...

Лив на мгновение замерла, глядя на одну из его футболок на спинке дивана и, понимая, что боль, работая по правилу буравчика, выкручивает ей внутренности наизнанку, быстро пошла в ванную и умылась. Сейчас не время предаваться своему несчастью. Нужно спасти его и Макса.

Подхватив телефон, который, по задуманному ею плану она специально не выключала, чтобы не препятствовать Эрнесто в его рвении услышать абсолютно каждое, произнесенное ею слово и, тем самым, не спровоцировать его немилость, которая может вылиться в самые извращенные формы издевательств над двумя ее любимыми идиотами, Лив плюхнулась на диван с планшетом в руках и набрала номер того, кто, единственный и неповторимый, мог ей сейчас помочь.

Трубка была снята после третьего гудка.

– Да?

– Привет, гений! – весело воскликнула Лив, теребя в руках свой планшет. – Как поживаешь? А как твоя распрямляющая дама поживает? Прости, забыла ее имя...

Люк, а это был именно он, видимо, просиял и телом, и душой, услышав голос такой страшной и опасной мафиозной принцесски, которая может сотворить с тобой все, что угодно, и не отличается доброжелательным отношением к людям, с большим оживлением проговорил:

– Мисс Мартинес! Все хорошо, спасибо. Вам нужна моя

помощь?

Лив улыбнулась. Парень был милым: строил из себя этакого серьезного и делового мужчину, хотя на деле был еще наивным мальчишкой, которого распирало от гордости за то, что он сумел добиться ее благодушного расположения к себе.

– Да ты на самом деле гений, мой дорогой компьютерщик! – с ухмылкой проговорила она. – У меня тут возникла какая-то странная проблема с планшетом... Сможешь приехать, посмотреть?

Голос Люка стал немного удивленным, но это не помешало ему с готовностью ответить:

– Конечно, без проблем, мисс Мартинес! А что случилось?

Лив лихорадочно задумалась и пустилась в смутный, запутанный блеф:

– Да вот... Экран все время гаснет, а потом долго включить не могу...

– А когда включаете, на экране появляются какие-либо символы?

– Да, да, символы...

– На синем фоне?

– Да, да, на синем...

– До или после загрузки операционной системы?

– Да, да... чего?? – непонимающе спросила Лив, вдруг спохватившись, что, наверное, для пущей правдивости, не

надо было соглашаться с каждым его словом. – А ты мне что, силой мысли починить сможешь, айтишник?!? Планшет мне очень нужен, я там не всех преступников еще победила на восьмом уровне, так что, пожалуйста, гений, махни волшебной палочкой и трансгрессируйся в мою квартиру! Мне без тебя никак!

Люк прокашлялся и быстро и немного виновато ответил:

– Конечно, мисс Мартинес, простите, что засыпал вопросами, постараюсь приехать через час.

– Вот спасибо, дружище! Я в долгу не останусь! – весело воскликнула Лив, победно вскинув кулак в воздух, и продиктовала ему точный адрес.

Люк пообещал, что больше не будет лезть со всякой ерундой и что он выезжает сию же минуту, а затем Лив положила трубку и расслабилась, развалившись на диване и вытащив бумагу и ручку – чтобы написать Люку немое послание, предупреждающее обо всех нюансах истинной причины, по которой она позвала его домой.

Ровно через час раздался стук в дверь. Лив довольно улыбнулась и подскочила с дивана, шустро промчавшись в прихожую.

– Надеюсь, я не опоздал? – немного опасливо проговорил Люк, шагнув в квартиру и робко оглянувшись. Лив весело посмотрела на парня с косой челкой в аккуратной, тщательно выглаженной темно-синей рубашке и черных брюках, и с ухмылкой проговорила:

– Привет, ты опоздал на тридцать четыре секунды... Может, мне отрубить тебе пальцы за это?? – серьезно проговорила она, но парень, кажется, не очень понял шутку, потому что замер на месте с побледневшим лицом и выпучившимися глазами, не сводя с девушки испуганного взгляда. Лив расхохоталась.

– Да я пошутила, гений, ты чего?? А глаза в нормальное состояние вернуть сможешь? А то я читала где-то, что если сильно тарашить зенки, то можно так и остаться красивым, черно-белым лемуром потто на всю жизнь... Проходи в гостиную, планшет на диване.

Люк немного расслабился и даже поулыбался, видя, что Лив настроена к нему более, чем дружелюбно, но снова выпучился, когда она незаметно сунула ему записку в ладонь, обгоняя по пути в гостиную, и красноречиво кивнула, чтобы он прочитал.

Записка гласила: *«Нас подслушивают. Планшет не сломан, но ты должен подыграть мне. Никто не должен знать, о чем я действительно хочу с тобой поговорить».*

Люк ошарашено прочел послание, но немедленно кивнул. Они прошли в гостиную и уселись на диван. Люк взял в руки планшет и немного взволнованно спросил:

– Так что случилось, мисс Мартинес?

Лив схватила чистую бумагу и стала яростно писать записку, а вслух произнесла:

– Не знаю, гений, ты мне скажи... Включается, мигает,

изображение с помехами... Сам посмотри. – как можно беспечнее отозвалась она, а на бумаге значилось: *«В Бронксе есть прачечные? Мне нужны адреса ближайших к тем точкам, откуда звонил Эрнесто... Помнишь прошлый наш визит?»*

Люк кивнул и быстро углубился в какое-то сумасшедшее стучание по планшету, со скоростью света набирая какие-то символы, меняя экраны и проглядывая какие-то картинки.

– Так-так... Кажется, проблема с материнской платой... Я могу вскрыть крышку?

Он протянул Лив планшет и указал на две зеленые точки на карте Нью-Йорка, кривым почерком написав на бумажке: *«Это прачечные».*

Лив кивнула и сосредоточенно принялась списывать адреса, проговорив:

– Конечно, вскрывай. Главное – починить.

А на бумаге уже быстрой рукой было написано:

«А ты умеешь изготавливать «жучки»? Мне нужен такой датчик слежения, чтобы тот, за кем я буду следить, в жизни его не нашел!»

Люк серьезно прочитал сообщение и кивнул, написав:

«Могу собрать «жучок», он будет очень маленьким, и его можно подsunуть в виде ручки или часов... Все, что угодно. Программа слежения будет закачана в ваш мобильный».

– Ну что там, гений? Сможешь починить?

– Да, тут кое-какой провод отходит, сейчас припаяю.

Лив задумчиво посмотрела на Люка и покачала головой.

На бумаге появилось:

«А если вшить в пиджак, к примеру? Сможет он его заметить?»

Люк поднял брови и криво подписал ниже:

«Нет, передатчик маленький, но результат будет реальным только в том случае, если пиджак будет всегда на объекте. Он может его снять или оставить где-либо».

Но Лив улыбнулась. То, что нужно.

«Отлично! Заплачу, сколько скажешь, когда можно будет забрать товар?»

Звучало так, будто она приобретала кокаин в период острой ломки, но Люк лишь пожал плечами:

«Завтра утром. Сто долларов».

– Ну вот и все. – сказал он вслух. – Теперь – как новенький!

Лив мило рассмеялась, а сама с вытаращенными (ну ни дать, ни взять, черно-белый лемур потто!) глазами ткнула в бумажку на цену и одними губами произнесла: «Всего-то?»

– Спасибо! – во всех смыслах вслух проговорила она. – Компьютерщик, ты даже не представляешь, как эта штучка важна для меня! Молодчина, гений!

Они встали, и Люк скромно улыбнувшись, произнес:

– Всегда рад помочь, мисс Мартинес. Обращайтесь, если

снова что-то сломается...

Шепнув одними губами, что заедет утром, Лив выпроводила Люка, а сама, оставив телефон, планшет и любую другую технику, через которую ее можно было прослушать, на свой страх и риск подхватила ключи от машины и выскочила за дверь, не хлопая замком. Если вернуться быстро, то, возможно, он и не заметит, что она выезжала... Если, конечно, какой-нибудь его человек не сидит в кустах под ее подъездом с видеокамерой и не отмораживает свой зад на холодном, утреннем воздухе, выжидая ее.

Во дворе, вроде бы, никого не оказалось, и Лив, спешно прыгнув за руль, рванула в Бронкс. Нужно было проверить эти прачечные... И если ее догадки верны, то, возможно, скоро ей удастся найти логово Эрнесто... Если, конечно, это действительно талон от прачечной... А о том, что придется проверять все прачечные города, Лив даже думать боялась... Тогда придется подключать своих людей, а это рискованно... Эрнесто может догадаться обо всем, и тогда Джонни и Макс... Нет, стоп.

Девушка выдохнула и выжала газ.

Первая химчистка сразу оказалась не той. Как только Лив подъехала к дверям, из них вышел какой-то хмурый мужчина лет пятидесяти, и девушка поспешила подъехать к нему и попросила показать талон, который выдавало данное заведение. Мужчина несколько удивился, но секретничать не стал, и Лив увидела прямоугольный, темно-зеленый талон с фа-

милией, названием вещи и порядковым номером, совершенно не похожий на тот клочок бумаги, что лежал в ее кармане.

Вторая химчистка оказалась в четырех кварталах от первой, на пересечении Дивижн и Сэмплс-стрит. Бросив «Кадиллак» у обочины, Лив вошла внутрь.

Помещение было небольшим, но пространство организовали таким образом, что на нескольких десятках квадратных метров поместились небольшое фойе, старая, окрашенная теперь уже облупившейся краской стойка администрации и два конвейера, каждый из которых монотонно крутил многочисленные вещи на плечиках. Лив догадалась, что одна машина предназначалась для чистки, а другая – для готовых к выдаче изделий, но поразмыслить над тем, как это все работает, она не успела: около стойки возникла полная женщина лет сорока с короткой, курчавой стрижкой, одетая в плотное, темно-красное платье с высоким воротником. Посмотрев на Лив из-под густо накрашенных ресниц, она низким голосом проговорила:

– Доброе утро, мэ. Чем могу помочь?

Лив улыбнулась ей самой искренней улыбкой и, подойдя к стойке, приготовилась к беззастенчивой лжи:

– О, простите за беспокойство, но вы не подскажете мне, не ваша ли химчистка выдает вот такие талоны? – она вытащила свой заветный клочок бумаги и с большими, полными надежды, аквамариновыми глазами уставилась на женщину, которая недоверчиво и подозрительно нахмурилась, погля-

дывая то на талон, то на Лив.

Увидев, что дамочка не спешит раскрывать перед ней карты, Лив натянула грустно-умоляющую рожицу и проговорила:

– Дело в том, что мой друг, Эрнесто Карелли, поручил мне забрать его... вещь, но не сообщил точного адреса химчистки... А он сейчас на очень важных переговорах, и я не могу позвонить ему... Да тут еще, как назло, мой маленький сын нашел талон и разорвал его, вторую половину я так и не смогла найти... Эрнесто, наверное, злится, что я так долго не могу выполнить его просьбу... А мне очень стыдно признаться ему, что я утратила талон... Вы не поможете мне???

Ее речь была настолько слезливой, что женщина вдруг смягчилась и даже слегка улыбнулась, проговорив:

– Так вы – подруга мистера Карелли? Да, он наш постоянный клиент! Приносит нам свои пиджаки, кардиганы, иногда и брюки стираем и чистим, он всегда доволен и оставляет щедрые чаевые! – она посмотрела на талон и нахмурилась:

– Мы уже выдали ему вещь по этому талону. Это было в прошлую пятницу... Он не предупредил вас? Может быть, вы что-то перепутали? Это несколько странно, что он забрал пиджак, а после, попросил вас еще раз забрать его...

Лив с раздражением посмотрела в пол, но слегка покраснела и виновато прошептала:

– Вот же я глупая! Он попросил меня взять талон из кармана его куртки... И я, видимо, взяла не тот, а старый, уже

использованный... Там много бумажек было... – Лив правдиво, с виноватым лицом закусила губу и отчаянно посмотрела на конвейер.

Женщина посмотрела на нее сочувствующе, но проговорила:

– Возможно, он хотел, чтобы вы забрали салатный кардиган? Он принес его позавчера, в ужасном состоянии, но мы все почистили, и теперь он – как новенький... – она махнула рукой на конвейер с готовыми вещами, и Лив отчетливо заметила промелькнувший в куче серо-бело-черного явный зеленый рукав. Победа! Это та самая химчистка! Так, пора валить отсюда...

– Да, точно! Кардиган! Он недавно попал в аварию, и его кардиган сильно пострадал... Это он? Простите, у меня плохое зрение... – Лив подслеповато прищурилась, и женщина повернулась, тоже посмотрев на конвейер, куда указывала Лив.

– Да, вон он... Но, к сожалению, без талона я все равно не могу вам его отдать... – она обернулась обратно к Лив.

Девушка грустно ухмыльнулась.

– Я все понимаю. Что ж... Хотя бы выяснила, что его кофта здесь! Пойду за талоном, большое спасибо за помощь! – и Оливия поспешила уйти, чтобы работница химчистки случайно вдруг не увидела ее сияющую, коварную улыбку.

До вечера все было спокойно. Кажется, Эрнесто не заме-

тил, что Лив куда-то отлучалась без телефона, а вот отцу и Брайану, без устали перегружавших телефонную сеть своими настойчивыми звонками, Лив сказала, что просто спала.

Завтра утром ей нужно будет снова отлучиться... Она должна забрать у Люка передатчик. И вновь нужно будет подстроить все так, чтобы не вызвать подозрений чокнутого сводного брата – игромана... Небольшой план был уже готов.

Глава 22

На следующий день Лив проснулась с утра пораньше и, натянув те же спортивные штаны, толстовку с капюшоном и кроссовки, помчалась обратно в поместье отца. Но в этот раз нужен ей был совсем не папа. И даже не Брайан.

Аврору она нашла у отца в кабинете. Эйден, Брайан и она уже сгруппировались вокруг папочкиного рабочего стола, что-то рьяно обсуждая с серьезными и такими бодрыми лицами, будто сейчас была не половина восьмого утра, а полдень.

Лив залетела в кабинет и пронеслась напрямиком к Авроре, приложив палец к губам и сунув в ее тонкие руки с идеальным перламутровым маникюром записку.

– Привет, пап, привет, Брайан, привет, цапля! Вы чего тут делаете в такую рань? – весело спросила она у удивленных ее появлением и странным поведением мужчин и изящной акулы обворожения, которая, подняв бровь и с самым над-

менным видом вытянув вперед губки, читала ее сообщение:

«Попроси у меня мобильный и позвони кому-нибудь. Разговаривай около часа: этого времени должно хватить, чтобы я могла кое-куда съездить. Скоро я выясню, где этот клоп прячет Макса и Джонни».

– Оливия? Ты зачем приехала? – поинтересовался отец. – Мы здесь обсуждаем новые точки сбыта... сама знаешь, чего.

– Как ты себя чувствуешь, Лив? – строго спросил Брайан. – Вчера утром ты была, мягко говоря, не в себе... Тебе стоит немного отдохнуть.

Лив пожалала плечами и усмехнулась, мельком глянув на отца и Брайана:

– На том свете отдохну, вермишелина! И вообще: что за вопросы? Я что, в свой дом уже не могу приехать? Может быть, мне стало скучно без вас и ваших дурацких дел... – язвительно проговорила Лив, махнув отцу рукой, и, подойдя к Авроре, которая недоверчиво и удивленно смотрела на нее, требовательно и нетерпеливо кивнула, одними губами шепнув: «Так ты поможешь?»

– Я же говорила, Эйден, твоя дочь любит попритворяться! На самом деле она ловила кайф, когда вся семья была в ее руках... – язвительно проговорила Аврора, посмотрев на озадаченных Эйдена и Брайана, а затем, прищурившись, снисходительно кивнула и проговорила:

– Ох, нет... Вот, черт! Деньги на счете закончились... Эй, дочка богатого папаши! Не одолжишь мобилку? Позвонить

кое-кому надо... Деньги за звонок, так уж и быть, верну... Ну так что, малышка?

Ли ухмыльнулась и, сунув ей свой телефон, триумфально улыбнулась:

– Ладно уж, держи, цапля... Только динамик клювом не проткни, когда щелкать будешь. На счет денег не беспокойся – я последнее у низших слоев общества не отбираю, я же не политик какой-нибудь!

А сама одними губами сказала: «Спасибо».

Аврора усмехнулась и встала. Вскинув со своим обычным высокомерием брови, она тоже беззвучно произнесла: «Ты теперь – моя должница!»

Эйден и Брайан непонимающе смотрели на них, и Лив шепнула: «Потом объясню».

– Эйден, может, сделаем перерыв? Мне позвонить нужно. – вежливо спросила Аврора, и Эйден кивнул:

– Да, конечно. Брайан, распорядись насчет завтрака! Оливия, будешь есть с нами?

Лив покачала головой и проговорила:

– Нет, папаша, я уже опустошила холодильник миссис Портер часом ранее... Пойду в душ. Если понадобится – идите на громкое и фальшивое пение.

И она, махнув всем троем рукой, вылетела из дома. Ну вот. Теперь у нее есть прикрытие. Ближайший час Эрнесто не будет ее искать.

Лив поехала к дому Люка.

Он уже ждал ее. Как только девушка постучала в дверь, он отворил мгновенно и немного смущенно улыбнулся:

– Проходите, мисс Мартинес.

Лив усмехнулась и вошла в уже знакомый ей, тесный, маленький дом, проследовав за Люком в комнату с тремя мониторами.

– А у тебя все также мило, гений! Твоя подруга поколдовала над интерьером? – весело щебетала Лив, усаживаясь на ручку кресла. – И кстати, давай уже без этих «мисс Мартинес»... Я же не королева какая-нибудь, и даже не принцесса. Меня зовут Лив.

Люк слегка покраснел и скромно проговорил:

– Извините... извини, Лив... Ты же знаешь, к вашей семье принято именно такое обращение...

– Да плевать мне, что там принято! – отмахнулась Лив. – Ты сделал?

Люк кивнул и достал маленькую, прямоугольную пластину, толщиной не более двух миллиметров и площадью не больше квадратного сантиметра.

– Ух ты! – восхитилась девушка, положив его к себе на ладонь.

– Это очень мощный передатчик. Он может передавать сигнал в радиусе нескольких сотен километров, и вы сможете проследить за перемещением объекта по специальному приложению на своем мобильном телефоне. Я могу прямо сейчас установить его вам... тебе, в смысле...

Лив поморщилась.

– Тут возникает небольшая проблемка... У меня нет с собой мобильного. Этот обглодыш меня через него прослушивает, пришлось оставить его дома. Что будем делать?

Люк улыбнулся.

– Это не проблема. Сейчас сброшу его на карту памяти.

Он быстро схватил маленькую, черную флешку со своего стола и, воткнув ее в один из процессоров, скопировал на нее какие-то файлы, после чего протянул ее Лив с небольшим беспокойством в глазах:

– Установить сможешь?

Лив усмехнулась.

– Ну, я, конечно, не гений, как ты, но не дремучий лес же! Разумеется, смогу! Слушай, а если этот передатчик попадет под воду? Или на него кто-нибудь сядет? Он вообще прочный?

Люк рассмеялся.

– Не беспокойся, он выдержит вес примерно в сто килограмм, и дождь или любая другая жидкость ему не помеха: корпус сделан из тонкого листа титана, воздухо- и водонепроницаемый, очень прочный. Ты все-таки решила спрятать его в одежду?

Лив пожала плечами.

– У меня нет другого варианта. – она сунула датчик и флешку в карман и встала, вытащив бумажку в тысячу долларов. – Держи. Спасибо за помощь! Ну, пока.

Она двинулась к выходу, но Люк нагнал ее и протянул деньги назад:

– Стой! Подожди! Это... много. Мои усилия не стоят так дорого.

Лив отодвинула его руку с деньгами и улыбнулась:

– Ты уже столько раз помогал мне, что этого даже малова-то, гений. И не смей больше тыкать в меня моими деньгами обратно, а то руки переломаю. Усек?

Люк улыбнулся и спрятал глаза.

– А... да... спасибо...

– Тебе спасибо, дружище. – Лив подмигнула ему напоследок и, прыгнув в «Кадиллак», быстро укатила, оставив Люка зачарованно смотреть ей вслед.

Глава 23

Время близилось к трем часам ночи. Лив, все еще одетая в черные спортивные штаны, кеды и толстовку с капюшоном, неслышно выскользнула из своей спальни, бросив напряженный взгляд на сотовый, с самым беспечным видом пожирающий электричество через зарядное устройство.

Незаметной черной тенью Лив пронеслась по коридору и слетела с лестницы в холл. Она собиралась бесшумно отворить парадную дверь, но тут услышала громкий женский шепот откуда-то слева и вздрогнула:

– А ну стой!

Лив повернулась и увидела, к своему глубочайшему изум-

лению, Аврору, сидящую в темной гостиной и явно кого-то выжидающую при полном параде: девушка разглядела на брюнетке серый спортивный костюм, кроссовки и минимум макияжа. Даже ее прямые, обычно гладко причесанные волосы были забраны в хвост на затылке, демонстрируя ее несколько оттопыренные уши.

Лив удивленно подняла брови и также шепотом спросила:
– А не рановато ты на утреннюю пробежку собралась? Или ты специально, чтобы собрать как можно больше радостных возгласов собак по всей деревне? Тогда время выбрано чертовски удачно.

Аврора тихо поднялась с кресла и, подойдя к Лив, встала перед ней, закрывая ей выход своей тонкой и длинной фигурой. Девушка отметила, что без каблуков Аврора может надменно и насмешливо изучать ее взглядом с высоты лишь максимум ста семидесяти пяти сантиметров, а это смотрелось уже не так эффектно. Сложив руки на груди, она требовательно прошептала:

– Куда ты идешь? Спасать их?

Лив нахмурилась и зашипела в ответ:

– Нет. А теперь – свали с дороги, цапля! Надевай свою сорочку и ныряй в постельку, спать. Пошла к черту. – и Лив, недовольная тем, что ее задерживают, попыталась отпихнуть Аврору, но не тут-то было: дамочка стояла, как столб. Ее можно было сдвинуть, разве что, экскаватором. Насмешливо подняв брови, она возмущенно и самоуверенно зашептала:

– Никуда я не пойду, малышка, и ты меня не обманешь! Ты идешь спасать их, да? Я иду с тобой!!

Лив от такого заявления чуть не присела. Удивленно, если не сказать ошарашенно, уставившись на Аврору, она прыснула, горячо зашептав:

– Чего-о-о??? Прости, дылда, но у меня, к сожалению, нет аппарата искусственного дыхания, чтобы подключить тебя после того, как ты впадешь в кому от страха или очередной царапинки на своей руке... И повторяю – я НЕ иду спасать Джонни и Макса! Проверь свой слуховой аппарат. Ариведерчи.

И она снова попыталась пройти, но Аврора нагло усмехнулась и опять-таки не шевельнулась, а даже схватила Оливию за локоть.

– Послушай, малявка, ты определенно не в СПА-салон намылилась в три часа ночи, так что либо ты берешь меня с собой, либо никуда не идешь. Выбирай.

Лив все еще не могла прийти в себя от изумления: эта шпала подкараулила ее ночью, будто знала, что она соберется куда-то, и напрашивалась вместе с ней в довольно рискованное дело, при этом, Лив точно знала, что риска и опасности для здоровья и жизни эта ушастая сова боится, как солома – зажженной спички...

– Да чего тебе от меня надо-то?? – шепотом воскликнула Лив, глядя на решительное лицо Авроры.

Та вздохнула и вдруг как-то спокойно и немного горько

шепнула:

– Я должна спасти его. Макса. Я должна, понимаешь?? И если сейчас ты собираешься что-то проверить, что приблизит нас к его вызволению, то я должна в этом участвовать! Так что давай, деревенская малышка, не ломайся, просто скажи, что я в деле, иначе... – она замолчала, нахмурившись.

Лив с усмешкой подняла брови:

– Иначе – что?

Аврора вздохнула.

– Ничего. Так мы едем?

Лив поморщилась. Тащить с собой эту трусиху и грубиянку, которой только дай повод – она высмеет тебя со всех сторон или, напугавшись чего-нибудь, заверещит, как тысяча бензопил, воткнувшихся в металл, ей совсем не хотелось, но... Что-то ей подсказывало, что в физическом противостоянии она ее вряд ли победит, так что...

– Ладно. Только запомни: не бубнить, не орать, не злословить и не писаться от страха в моей машине! А еще лучше, молчать и делать все, что я тебе скажу, поняла, цапля?

Аврора закатила глаза и усмехнулась, пропуская Лив вперед:

– Не писаться от страха обещаю, а вот со всем остальным – посмотрим. Я тебе присягу на верность не давала.

– Захлопни клюв или поедешь в багажнике!

– Тогда о твоей поездке узнает не только каждый, кто жи-

вет в этой деревне, но и жители всех улиц, по которым ты поедешь! Второй пункт из твоих условий я умею нарушать чертовски шикарно!

Тихонько бурча друг на друга, Лив и Аврора сели в «Кадиллак», оставленный девушкой на лужайке у парадных ворот, и покатали в Нью-Йорк.

– Так куда едем? – уже в полный голос спросила Аврора, разглядывая редкие огни встречных машин.

– В химчистку. – буркнула Лив, задумчиво глядя на дорогу.

– В химчистку??? – изумленно и гневно воскликнула Аврора, вытаращившись на Оливию. – И как химчистка может помочь освободить моего Макса???

Лив немного покоробило слово «моего» в ее предложении, но она быстро отключилась, вспомнив, что они оба уже не ее... Боль резанула острым мясным ножом по сердцу, и девушка выдохнула.

– Там есть одна вещь, которая принадлежит Эрнесто. Мы подсунем в нее устройство слежения.

Аврора подняла брови.

– Эрнесто? Это тот самый ублюдок?? Значит, подсунув «жучок», ты хочешь выследить его и узнать, где расположено его логово? А что, умно! Даже для такой простушки, как ты.

Лив раздраженно посмотрела на нее.

– Эй, цапля! За машиной побежишь, клянусь селезенкой! Прекращай. Тебе до меня далеко, просто признай это.

– Ладно, ладно, только не пищи. – высокомерно и снисходительно уступила Аврора и действительно замолчала, удерживая свои язвительные комментарии при себе.

До химчистки доехали быстро и без проблем. Оставив «Кадиллак» за углом, девушки пешком вернулись к нужной двери и задумчиво обе посмотрели на нее.

– И что будем делать? – недовольно проговорила Аврора, глядя на входную дверь с большим, квадратным стеклом, за навешенным изнутри жалюзи.

Лив беспечно пожала плечами и, подойдя к декоративно оформленной разноцветными камнями цветочной клумбе, наклонилась и, с силой выдрав один из камней, легко проговорила:

– Импровизировать.

Она размахнулась и, не обращая внимания на предостерегающие возгласы Авроры, кинула камень прямо в стеклянное окошко на двери.

Стекло разлетелось, и завизжала сигнализация, но Лив и Аврора первую секунду даже не замечали ее, потому что...

Дверь вдруг со скрипом медленно отворилась внутрь.

– Черт! – первой опомнилась Лив. – Скорее, дылда! Надо вырубить топилку, а то копы через минуту будут здесь!! Шевели ходулями!

Лив бросилась к двери, и Аврора – за ней, злобно прокричав ей в спину:

– А дверь-то почему открытой оказалась, не объяснишь,

гениальная натура???

Лив только отмахнулась, решив действовать по своему излюбленному методу: бороться с трудностями по мере их поступления. Она залетела в темное помещение и, оглянувшись, увидела на стене довольно древнего вида пульт от сигнализации с кнопками: чтобы отключить защиту, нужно было всего лишь набрать код. Аврора забежала следом, наткнувшись на Лив и чуть не опрокинув ее, но сразу же заметила черное устройство с мигающими красными кнопками.

– Ну и чего ты стоишь, блондинка? Фотосессию на память ждешь?? – яростно прошипела Аврора и, отпихнув Лив, схватилась своими тонкими ручками за пульт и с неожиданной, для столь хрупкого на вид, тела силой рванула его со стены, отодрав так, что на его месте остались торчать только сиротливая парочка оголенных проводов.

Визжание прекратилось. Лив изумленно посмотрела на Аврору, приготовившись спросить, сколько сигнализаций в своей жизни ей пришлось вырубать таким вот нехитрым способом, но не успела: сзади послышался странный шум, и обе девушки резко обернулись.

Вот так неожиданно и обнаружилась причина, по которой была открыта входная дверь.

Возле кассы с железным ломиком и небольшим холщовым мешком стоял парнишка лет шестнадцати, в черной, мешковатой ветровке, зеленой рэперской футболке и кепке, бросающей тень на половину его лица. Юнец ошарашено и испу-

ганно тарасился на двух дамочек в капюшонах, ввалившихся в химчистку, и, судя по всему, собирающихся повоевать за его добычу.

– Эй! Вы кто такие, тети?? Вам чего тут надо?? Я первый пришел, так что проваливайте отсюда, йо!!

Лив и Аврора переглянулись и громко расхохотались. Ну надо же! Уму непостижимо! Они ворвались в химчистку одновременно с этим перепуганным грабителем-малолеткой!

– Йо?? Что еще за «йо»? – хмыкнула Аврора, а Лив проговорила:

– А ты-то кто еще такой?? Да не бойся, сосунок, не нужна нам твоя касса, мы за другим пришли, так что бери гроши и проваливай скорее, пока копы на приехали. Идем, цапля. Нам туда. – Лив махнула рукой в сторону конвейера с готовой одеждой, в темноте прачечной нависавшего страшной, громоздкой горой, а паренек потерябил нос и хмыкнул:

– А-а-а, вы, типа, по барахлишку только валандаетесь? Знаю я таких... Вон там, смотрите, шубка ничего такая, на тысчонку зеленых потянет... Эй, детка, как тебя зовут? – вдруг улыбнулся он Лив, и та зыркнула на него презрительным, недобрым взглядом и злобно проговорила:

– Так, малыш, еще слово – и я твой ломик воткну тебе сначала в левый глазик, потом – в правый, а в конце нарисую им на твоём животе красивое словосочетание: «Малолетний говнюк». Как тебе перспектива?

Малолетнего говнюка перспектива явно напугала, и он,

от неожиданной агрессии со стороны хрупкой, симпатичной девушки, даже опустил свой лом:

– Йо... А ты дурная, подруга... Ну ладно, ладно, не пыхти, я же так... спросить просто...

Лив хотела было ответить за «дурную», но где-то вдали послышался вой полицейских сирен, и все мысли, кроме одной, самой важной, касающейся цели ее сегодняшнего ночного посещения химчистки, быстренько улетучились. Она подбежала к пареньку, успевшему уже открыть кассу, и заглянула внутрь нее: несколько сто долларовых купюр, десятки, мелочевка... М-да... Не густо...

Лив достала из кармана пятитысячную банкноту и, хлопнув ею парнишку по груди, быстро проговорила:

– Держи, малявка, и давай быстрее гребь отсюда, полиция уже ветер разгоняет. Слышал меня?? Бери бабки и смаывайся!!! Бегом, бегом, бегом!!!

Малолетний преступник с глазами восторженного мальчишки, увидевшего вдруг рождественское чудо, наконец, оторвал жадный взгляд от купюры в пять тысяч долларов, которую ему волшебным образом привалило счастье заполучить, и с огромной улыбкой от уха до уха посмотрел на девушку:

– Йо... Это что, мне??? Ты серьезно, подруга??? Серьезно???

– Да серьезно, серьезно, воняй уже отсюда, дебил! – раздраженно, но довольно проговорила Лив, а Аврора гневно и

насмешливо прошипела:

– Хочу напомнить, детка, что сейчас не время заигрывать с малолетками, как-то педофилией попахивает, не находишь? Может, займемся, наконец, тем, ради чего пришли?

Лив махнула мальчишке рукой и понеслась к конвейеру с готовой одеждой, вслушиваясь в звук сирен и одновременно бубня:

– Если ты не прекратишь, шпала, то попахивать будет твое сгнившее тело, пролежавшее на дне сточной канавы... Через несколько дней после того, как я десять раз перееду тебя своим внедорожником.

Она обежала конвейер и, наконец, увидела в груди плотно висящих вещей ярко-зеленый трикотажный рукав... Да, это был его кардиган. Правда, висел высоковато... Лив подпрыгнула, пытаясь достать, но зацепила вещь только кончиками пальцев.

– Черт!!! Давай, цапля, взлетай, чего ждешь??? – раздраженно махнула рукой на кардиган Лив. – Копы уже близко!

Аврора ухмыльнулась и, быстро подойдя, поднялась на цыпочки и стащила с плечиков кардиган.

– Тоскливо быть коротышкой, правда? – съязвила она, но, услышав визг полицейских сирен, приблизившийся еще на пару километров, расширила глаза и в испуге прошипела:

– Давай уже, подсовывай «жучок»!! Быстрее!! Ты же тоже слышишь их??

Лив развернула кардиган Эрнесто, отчего-то мельком

ощутив странное желание стиснуть его в руках и даже понюхать, но тут же опомнилась и, достав ножницы, быстро отпорола маленький кусочек подкладки от подола. Вынув передатчик, она запихала его в образовавшееся отверстие и, достав нитки и иголку, торопливо принялась штопать.

Аврора подбежала к двери и выглянула через разбитое окно.

– Быстрее шевелись, девчонка, они уже в конце улицы!!! Слышишь, копы близко!!! Тебя там что, в твоём пансионате для благородных девиц шить не научили?? Шестнадцать лет впустую... Ну ты скоро??? Эй!!! Скоро???

Лив раздраженно дошила, делая аккуратный узелок:

– Я сейчас тебе глаза, нос и рот сошью в один кожаный мешочек, если ты не заткнешься, кошка драная! Прекрати зудеть под руку и не дрейфь...

Однако, вопль сирены заставил и внутренности Лив взволнованно скрутиться. Аврора подпрыгнула и, подбежав к ней, провизжала:

– Нас же сейчас поймают, дочка Эйдена Мартинеса! А все ты и твои кривые руки виноваты... Знала бы раньше, что у тебя нет нормального плана, ни за что бы с тобой...

– Вешай!! И бежим! – крикнула Лив, швырнув ей в лицо кардиган и бросившись к двери. Полицейские мигалки были уже в паре кварталов от них...

Аврора быстро, дрожащими руками, нахлобучила кардиган обратно на вешалку и бросилась к Лив. Та махнула ей

рукой и, выскочив за дверь, побежала за угол быстрее ветра. Аврора не отставала, и как только их спины исчезли за углом, две полицейские машины затормозили у входа в химчистку.

Тяжело дыша, Лив и Аврора осторожно выглянули из-за угла, чтобы посмотреть на то, как полицейские с оружием наготове, на полусогнутых ногах врываются внутрь прачечной.

Девушки переглянулись. Лив заметила капельки пота на лбу Авроры и мелкую дрожь, которая колотила все ее тонкое тело... Но они обе вдруг не удержались и приснули со смеху.

– Идем. – сказала Лив, и девушки, все еще хохоча над своим нелепым ночным приключением, спокойно дошли до «Эскалэйда» и также спокойно, не привлекая внимания, поехали домой.

Лив испытывала радостное возбуждение и всплеск адреналина от всей этой небольшой заварушки с участием копов, но, покосившись на Аврору, которая нервно курила, глядя расширенными глазами на дорогу и поднося к губам тонкую сигарету дрожащими пальцами, она поняла, что для ее высокомерной и нахальной напарницы это была настоящая проверка на прочность. Аврора рисковала, хотя могла бы этого не делать, и вместо огромной порции страха ее ожидал сладкий сон в теплой постели... Лив с уважением и небольшой жалостью посмотрела на нее и вдруг поняла, что она действительно любит Макса, раз пошла на все это ради него...

– Так зачем тебе все это? Почему навязалась со мной? Это могло закончиться гораздо печальней, чем вышло на самом деле... – спросила Лив, взглядываясь в темноту перед собой.

Аврора мельком глянула на нее и нахмурилась.

– Я же говорила: мне нужен он. И думаю, если он узнает, что ты снова рисковала жизнью ради него, то он никогда тебя не разлюбит и никогда не станет моим... Я хочу сделать все ради его спасения, хочу, чтобы он знал, какой я могу быть, и что я не хуже... – она осеклась, понимая, что зашла слишком далеко в своем откровении, и угрюмо уставилась вперед, через стекло.

Лив удивленно подняла брови.

– Меня? Не хуже меня?? Но... что за дебильные мысли крутятся у тебя в голове??? Как ты можешь быть хуже меня? Чем я, по-твоему, так хороша?

Аврора горько усмехнулась.

– Ладно, малышка. Скажу тебе это один лишь раз, так что развесь пошире уши. Ты же понимаешь, что привлекла его не своей невероятно, сексуально горячей и сногшибательной детсадовской внешностью, ведь так?

Лив обиженно нахмурила брови и процедила:

– Ну, вообще-то, Макс говорил мне, что я красивая...

– Чего только мужчины не скажут ради секса! – выдала с насмешкой Аврора и более серьезно продолжила:

– В тебе есть какая-то... сила, что ли? Ты не из тех, кого нужно с трепетом оберегать, над кем нужно трястись и

ворковать заботливым голубком. Ты сильная и... решительная. Ты смелая, ничего не боишься, лезешь везде, где тебя не просят, и просто до ужаса уверена в том, что сможешь спасти всех на планете и победить даже самых крепких, психически нездоровых мужиков. – Аврора ухмыльнулась, сделав затяжку, а Лив с изумлением слушала, как же она все-таки выглядит со стороны. – А еще – ты горячая. Ну, знаешь, есть люди горячие и холодные... Вот я – холодная... Как это ни прискорбно. А ты – как чертов факел! Именно на него-то и слетаются мотыльки... В общем, одним словом, ты чокнутая. А с такими, как ты, мужчины всегда поступают одним из трех способов: либо полностью подчиняются тебе и позволяют делать с собой все, что пожелаешь; либо бегут от тебя на край света в поисках милой, доброй, домашней девочки – будущей жены, в тайне все-таки вспоминая тебя и восхищаясь твоей страстью; либо пытаются заполучить тебя, завоевать любым существующим на земле способом... Так сказать, укротить. Как бешеную лошадь. – с удовольствием добавила Аврора, но снова погрустнела. – И так тебе повезло в этой жизни, что ты, девочка, встретила на своем пути парочку чертовски симпатичных и brutальных укротителей, которые, как оказалось, без ума от таких двинутых на голову, как ты... А это значит, что для того, чтобы Макс полюбил меня, мне нужно доказать ему, что я тоже могу быть сильной, бесстрашной и сумасшедшей... Как ты. Что я могу ничего не бояться, ни боли, ни смерти, и что я любой ценой

спасу его из этой беды...

Лив вдруг с жалостью посмотрела на нее... Боже мой, как же она запуталась в своей несчастной любви к нему! И это действительно очень тяжелое бремя: любить человека, который, возможно, никогда не ответит тебе взаимностью... Сколько силы и мужества нужно для этого? Для того, чтобы бороться за него, несмотря ни на что?

– Не обижайся, цапля, но, по-моему, все, что ты говоришь, как-то уж слишком смахивает на наивный идиотизм... – нахмурилась Лив. – Ты что, правда думаешь, что любят за то, как девчонка может начистить морду ублюдку в баре, приложив ему стулом по башке, или за то, как она, сдыхая от боли после операции, организовывает план по отмщению за родную сестру, ввязавшись в войну с целым кланом? Любят вообще не за что-то... И не какой-то там определенный тип или образ девушки... Это как... Выключатель. Что-то щелкает внутри – и ты... живешь только им, дышишь им и горишь, только когда он рядом... Не умираешь, не сохнешь, недохнешь от любви, а именно живешь... Макс влюбился в меня не потому, что я была какой-то там, как ты сказала, сильной и с большим отклонением по фазе... А просто в меня, понимаешь? В такую, какая я есть. Да я вообще не думала, что смогу понравиться ему! Во мне столько комплексов, что всех пальцев не хватит пересчитать! А притворяться я не умею... Но мне... повезло. – выдавила Лив, ощутив дикую боль и чувство вины, стянувшее грудь.

Аврора недоуменно таращилась на нее.

– Что ты хочешь сказать, блондинка?

Лив крутанула руль, сворачивая в Кэнди-вилладж, и вздохнула:

– Что тебе не надо становиться мной, чтобы понравиться ему. Ты просто должна быть самой собой. Ты боишься царяпин? Ну и что. Любишь курить и смотреть психологические триллеры? Делай это и дальше. Блудешь фигуру? Трясешься над своими платьями? Да, ты такая. Но ты можешь показать ему и свои сильные стороны, а они у тебя есть. Ты умна, ты хладнокровна, ты спокойна... Бери его этим! Но будь собой, будь искренней, покажи ему, как сильно ты любишь его, покажи, какая ты на самом деле! Поверь, я далеко не идеальный образ для него. Он упоминал, что считает меня сильной, но видел насквозь все мои комплексы, недостатки и страхи. Короче, – выдохнула Лив, заруливая на территорию поместья, – у меня язык устал объяснять, надеюсь, ты все усекла? Или ты вовсе не так умна, как мне показалось?

Аврора подняла брови и вдруг улыбнулась.

– Слушай, ты, конечно, просто невыносимо раздражаешь, даже дельфина из себя можешь вывести, но... спасибо за то, что ты сказала. Я подумаю над этим.

Лив кивнула и язвительно проговорила:

– Сеанс психотерапии окончен, денег, так и быть, с тебя не возьму, так что давай, чеши отсюда в свою кроватку, а мне еще кое-что сделать надо. Ну? Пошагала!

Аврора закатила глаза и, с вернувшимся надменным выражением на лице, покинула машину и неслышно ушла в дом.

Лив посмотрела ей вслед, задумавшись. Нет. Дружить с ней она точно не будет, да и нравиться ей больше после того, как между ними прошел искренний разговор, она не стала... Но что-то все-таки изменилось. Лив улыбнулась. Теперь она точно знала, что творится в ее душе... И смеяться над ней как-то перехотелось.

Девушка неслышно вылезла из «Кадиллака» и тихонько пробежала в гараж. Обнаружив Марти и Эдди, протиравших тряпками свой блестящий автомобиль, она подкралась к ним и еле успела зашикать до того, как Марти весело заорет ее имя на весь дом. Подозвав Эдди, Лив отдала ему флешку с программой и приказала установить на свой телефон и следить за красной (а может, зеленой?) точкой на экране и незамедлительно сообщить ей, если точка начнет движение в какую-либо сторону. Эдди кивнул и жестом пообещал, что все сделает. Тогда Лив, с чувством исполненного долга, отправилась, наконец, спать.

Глава 24

Нет, ну почему, почему надо будить ее обязательно противным, настойчивым трезвоном на ее мобильник? Это уже стало входить в плохую привычку у окружающих ее людей! Лив тяжело оторвала щеку от подушки и посмотрела на элек-

тронные часы на прикроватном столике: 10:21. Отлично. И кому это вдарила по самые бицепсы замечательная идея поговорить с ней после того, как она легла всего несколько часов назад??

Лив с недовольным, разукрашенным следами от подушки, лицом и красным глазом, проглядывающим сквозь спутанную шевелюру, посмотрела в сторону телефона, продолжавшему весело вибрировать с торчащим из задницы проводом зарядного устройства. Протянув руку и схватив бесовестный, приставучий аппарат, девушка снова лицезрела незнакомый номер и, откинувшись обратно на подушку, сняла трубку:

– Что на этот раз угодно его Величеству Крысиному королю?? Будешь вымогать шоколадки и чипсы в обмен на безопасность моих прекрасных щелкунчиков? А потом дело дойдет до моего гардероба, косметики и прочих прибаббасов, как в той милой, детской истории?? Жаль только, что я уже не смогу стать снова счастливой женой прекрасного мальчика и королевой Марципанового замка... Уже успела испоганить наши отношения из-за другого зубастого... Так чего тебе, семиголовый?

Эрнесто несколько секунд помолчал, видимо, переваривая всеми семью крысиными мозгами все вышесказанное, а затем немного удивленно, но все так же вкрадчиво, проговорил:

– Вот это... да, Оливия! Я несколько... ошарашен твои-

ми познаниями детской немецкой литературы, и... Ты что, всю ночь репетировала, чтобы сказать мне все это?? Столько усилий ради меня... право, не стоило...

Лив раздраженно вздохнула.

– Не принимай на свой счет, мерзопакость. Вчера по телеку шел мультфильм, а раз ты избавил меня от мужа и бывшего парня, то вечером и заняться-то нечем, кроме как смотреть канал «Дисней». Ты позвонил, чтобы обменяться очередными стрелами «любезностей»? Давай быстрее, убогий, у тебя ровно десять секунд на то, чтобы назвать истинную причину своего звонка до того, как я пошлю тебя к черту и отправлюсь принимать душ.

Эрнесто раздраженно вздохнул и злобно, и резко проговорил:

– Отлично. Я так полагаю, ты уже готова? Готова перейти к третьему этапу нашей веселой игры??

– Десять, девять, восемь... – начала гневно отсчитывать Лив, намекая на то, что не намерена слушать пафосные слова, набивающие цену очередному изощренному, больному выкрутасу этого таракана.

– Соскучилась по своим мальчикам, Оливия? – довольно поинтересовался Эрнесто.

Сердце Лив дрогнуло... Но не голос.

– Семь, шесть, пять... – гневно продолжала она, делая вид, что ей глубоко наплевать на явную угрозу и триумф в его тихом, но самоуверенном голосе.

– А хочешь получить их назад? – довольно проговорил он в трубку. – Честно говоря, их самоуверенные и нахальные мордашки уже слегка поднадоели мне...

Лив стиснула трубку и процедила, стараясь удержать растущий внутри нее, как столбик градусника на солнце, обжигающий гнев.

– Говори уже, клоп вонючий. Я до завтра ждать не стану.

– Если ты хочешь забрать обратно своих любимых мальчиков, то ты должна будешь... всего лишь... та-да-та-дам!! – криво и раздражающе изобразил Эрнесто звук барабанной дроби. – Убить своего отца.

Лив ощутила, как резко ее накрыло волной вакуума, а тело будто оказалось в невесомости. Она не могла пошевелиться, не могла выдать ни одного слова, а ее мозг стрелял красными искрами во все стороны... Вдох... застрял в груди. Сердце будто... не билось. Вот и все. Конец. Ловушка захлопнулась, семья Мартинес уничтожит себя изнутри... Ее руками... Вот, чего он хотел...

Выждав какое-то время, Эрнесто вежливым и до ужаса счастливым тоном проговорил:

– Оливия, сестренка?? Ты меня слышишь? Что с тобой?? Обморок?? Ой, только не говори, что не догадывалась о том, что дело может пойти по такому сценарию! Э-эй!!! Алло-о-о... Лив, давай без шуток. – раздраженно сказал Эрнесто, и девушка с трудом очнулась.

Комната вокруг нее закружилась, а картинка стала не со-

всем четкой, будто подрагивающей... Да это дрожала она сама... Все ее тело пронзала нервная, болезненная дрожь... С трудом разлепив пересохшие губы, она еле прошептала:

– Как... убить?..

Эрнесто рассмеялся.

– Как? Очень просто, сестренка: выстрелом в голову. Быстро, и без мучений. Отличный вариант, который совершенно не заслуживает твой папаша. Я бы, конечно, сначала конкретно поистязал его пытками... Но, думаю, тебе это будет слегка неприятно.

Лив вдруг вскочила на ноги, чувствуя, как колени предательски подкашиваются, а гнев такой волной нахлынул на ее сердце и легкие, что она с трудом выдохнула и отчаянно, разъяренно заорала:

– Да ты что, совсем больной, уродец?!? Убить отца!!! Да я никогда в жизни на это не пойду, ублюдок, никогда, никогда, никогда!!! Лучше самой сдохнуть!! Убить собственного отца!! Ты спятил, кретин!!! Заказывай другой шибанутый каприз, потому что отца своего, хоть он и периодически меня раздражает, я убивать не собираюсь!! Ты меня услышал, дерьмо??

Эрнесто гневно зарычал, но, видимо, усилием воли сдерживаясь, тихо и вкрадчиво проговорил:

– На твоём месте, милая, я бы не был так уверен... Видишь ли... Около девяти часов назад я подвесил твоих ненаглядных Джонни и Макса вниз головой к потолку... Думаю,

у них есть еще минут десять, а может, даже полчаса до того, как кровь окончательно вдарит по их эгоистичным, самовлюбленным мозгам, и они оба трагически скончаются от кровоизлияния... Так что у тебя даже есть немножко времени на раздумья, сестренка! Либо ты соглашаешься разыграть мой сценарий, и тогда я их быстренько сниму... А то они как-то неважно выглядят... Либо папуля будет жить, но тогда исчезнет навсегда твоя запутанная проблема любовного треугольника... Как тебе??

Лив обессиленно упала на кровать, стискивая зубы, выстукивающие адскую чечетку, и сжимая кулаки от сокрушительной боли... Как здесь можно было выбирать??? Как можно выбрать ненужную, или менее нужную часть сердца?? Что отбросить: желудочек, клапан, аорту?? Нет ответа на столь глупый вопрос... Джонни и Макс? Или отец? Слезы побежали по ее щекам, целая река соленой воды... Внутри разливалась болезненная пульсация... Лив до крови прикусила губу, чувствуя, как сделались деревянными от напряжения все ее мышцы... А Эрнесто, тем временем, продолжал уничтожать ее заживо:

– Ну чего ты опять молчишь, Лив? Это, вообще-то, невежливо... Или ты раздумываешь?.. А что тут думать, сестра? Убить отца... Не об этом ли ты мечтала все шестнадцать лет заточения в пансионате? Ведь это он разрушил твою семью... Из-за его глупой и мерзкой интрижки твоя настоящая мама была убита, а ты, такая маленькая и такая разби-

тая горем, была отправлена куда подальше, чтобы пережить этот страшный момент своей жизни совершенно одной... Он ни разу не интересовался твоим здоровьем, твоим состоянием, никогда не приезжал и не звонил... Он выбросил тебя из своей жизни, как старый башмак, потому что ты напомнила ему о том, что он сделал, и о том, из-за чего погибла его любимая жена... А бедный Джонни?? Чем он заслуживает смерть? Всегда рядом, всегда надежный и веселый, любящий, как никто... Ой, прости, чуть не забыл о Максе... – Эрнесто откровенно веселился, пока Лив летела и летела в удушающую пучину отчаяния и страданий... Убить папу... Нет... Она не сможет... Но... Лив не могла даже подумать о том, что сердце Джонни перестанет биться... Да, возможно, она никогда больше не услышит этот стук, самый родной и любимый на свете, но... Она не могла позволить ему... Боль резанула с новой силой, и слезы брызнули фонтаном, а в ушах все звучали колючие слова Эрнесто. – Твой первый мужчина... Ты была без ума от него! А он ради тебя предал свою семью и был вынужден убежать из родного города, родной страны... И все из-за тебя. Из-за своей глупой любви... Ну заслуживает ли он столь мучительную кончину??

В этот момент дверь спальни Лив распахнулась, и девушка вздрогнула от неожиданности: на пороге возник Эдди и, увидев Оливию с телефоном и целым морем слез, бегущих по ее щекам, резко подскочил к ней с дикой тревогой на серьезном и хмуром лице. Он попытался что-то сказать, но де-

вушка прижала палец к губам, захлебываясь в своем горе, и покачала головой из стороны в сторону. Эдди стал чернее, чем самая черная туча на небосклоне, но достал свой телефон и жестом попросил Лив посмотреть на экран. Почти ничего не видящими глазами девушка уставилась на дисплей и увидела карту города и ярко-красную точку, не спеша ползущую по какой-то улице.

Что это?.. Кто это?..

Лив последним усилием приказала своим растекшимся от кошмара мозгам выйти из сумеречной зоны и вдруг вспомнила, где была этой ночью и что означала эта точка...

Она резко отчетливо услышала на заднем фоне в трубке автомобильный гул и, схватив Эдди за плечо, с невероятным волнением одними губами почти прокричала: «Следи за ним!!!». Эдди неохотно поднялся и, бросив на Лив долгий, встревоженный взгляд, все-таки вышел.

– Ладно, сестренка. Даю пять минут на раздумья. – спокойно и весело проговорил в давно уже замолчавшую с того конца трубку Эрнесто. – Скоро перезвоню, подумай хорошенько! – и он отключился.

Телефон выпал из ее рук, гулко стукнувшись об пол.

Она схватилась за волосы, и ее лицо исказила гримаса боли.

Лив знала, что должна ответить. Но... Как это сделать?? Как навести на него ствол, как спустить курок, глядя в эти глаза... Как можно снова оторвать осколок сердца, который

был с таким трудом найден и приклеен обратно??? Лив почувствовала, что снова разваливается на куски... Джонни и Макс не должны умереть... Если умрет Джонни, умрет и она. Она не существует без него, он питает жизненной силой ее душу и сердце... А отец?? Лив только нашла в себе силы простить его... Он так старается ради того, чтобы они снова были семьей... Особенно после смерти Джесси... И черт возьми, пусть ей отрежут язык, если она скажет, что не хочет того же самого и не пытается делать робкие шаги навстречу...

Лив не знала, сколько прошло времени, сколько она просидела, утопая в собственном океане разрывающего душу горя и бессильного отчаяния... Но телефон снова задребезжал. Девушка деревянной, холодной рукой подняла его с пола и медленно сняла трубку:

– Лив? Это ты?? – снова послышался его голос... Голос ее ненавистного мучителя, голос человека, который уничтожал ее, разрушая счастье, разрушая каждый миг, прожитый ею в нормальной, лишенной боли и одиночества, реальности... Как же она ненавидела его...

– Я. – еле слышно, дрожащим голосом проговорила она.

– Так ты решила? Просто твои красавчики, боюсь, больше не...

– Сними их. – прошептала Лив горячими губами. – Сними. Я... сделаю это. Я... убью... его...

– Ого!!! Ты правда это сделаешь??? Ха-ха-ха!! – заржал Эрнесто и довольно продолжил:

– Значит, ты выбрала Джонни?? Что ж, наверное, так действительно будет лучше... Снимите их. – сказал он, отдалившись от динамика, и Лив вздохнула с огромным облегчением. С плеч будто сняли десять тонн тяжелой арматуры, но сердце... Продолжало мерцать. – Замечательный выбор, дорогая! Наша игра становится все интересней... Завтра, в шесть вечера, жду тебя и твоего ненаглядного папочку в гости... Только ты и он, слышишь, сестренка? – Эрнесто подумал и раздраженно добавил:

– Ладно, и Брайан Клаусон, так уж и быть... Позволим ему в последний раз увидеть своего босса и даже вынести его бездыханное тело со слезами на глазах... – Тут его тон переменялся. – Но если замечу еще хоть одно лишнее лицо в пределах ворот моего дома, Брайану придется вытаскивать милое трио с дырками во лбах... Папаша, Джонни, Макс... Нам будет их не хватать... Ты все поняла, Оливия?

Лив утерла слезы и, дрожа от ужаса и гнева, прошипела в трубку:

– Ты не представляешь, о чем просишь, кузнечик... Его смерть просто так не останется...

Эрнесто скучающе зевнул.

– Да, да, да... Но тебе не нужно думать об этом сейчас, Лив. Ты должна помнить только одно: если завтра ты нехватишь с собой самый красивый и самый заряженный в мире пистолет и не грохнешь Эйдена, то я с огромным душевным... спокойствием и безразличием отправлю на тот свет

обоих твоих дружков, и да, я не посмотрю на то, что один из них – босс сицилийцев, которые, как муравьи, ползают сейчас по шикарному, но безвкусному отелю «Пантеон», а другой – сын второй местной шишки с веселым характером, но кровожадными методами расправы... Эйден сдохнет от руки собственной дочурки... Волшебный финал! А ты получишь своих любимчиков обратно... Играем дальше, сестренка! Завтра в шесть, Хейт-стрит, 11. Не опаздывайте!

Звонок отключился.

Лив спрятала лицо в ладони, чувствуя себя, как человек, ступивший в зыбкое болото, и которого затягивает все глубже и глубже... И вот она уже по шею в тугой, уничтожающей все живое, мерзкой грязи, и ухватиться совсем не за что... Ни единого шанса на спасение... Ни травинки, ни ветки упавшего дерева, ни руки помощи... Только гибель. Убить отца!! И как же она сможет??? Как?..

Лив резко встала и, вытерев слезы, вдруг неожиданно собралась. Она не будет сейчас думать об этом. Возможно, ей удастся обмануть его и спасти их всех...

Она выбежала из комнаты и бросилась на поиски Эдди.

Красноволосый был на крыльце: они с Марти шатались на передней лужайке, подменив двух других охранников, о чем-то невесело переговаривались и курили. Лив подлетела к ним и нетерпеливо уставилась на Эдди:

– Ну что? Есть адрес?

Эдди кивнул и, по-прежнему, с тревогой заглянув в крас-

ные, заплаканные глаза девушки, проговорил:

– Да. Объект в частном доме по адресу Хейт-стрит, 11. Уже около десяти минут никуда не выходил... Мисс Оливия, а что...

– Да, Эд сказал, вы чуть всю жидкость из организма на слезы не перевели! – перебил братца Марти, вытаращив взволнованные и по-детски испуганные глаза. – Кто этот говнюк, кто посмел вас так обидеть?? Одно ваше слово – и я ему ноги из ушей достану...

Лив насмешливо подняла брови, посмотрев на Марти, и ухмыльнулась:

– Говнюк все тот же, огурец – это мой ненаглядный, насекомоподобный сводный брат, но убивать или сворачивать в рулон туалетной бумаги пока никого не нужно. – она испытала отвращение на слове «убивать», но взяла себя в руки и продолжила, глядя на Эдди:

– Я хочу, чтобы ты послал немного наших людей проверить этот дом. Только изучить, ничего больше! Эрнесто не должен знать, что кто-то пытается следить за ним, но я должна иметь информацию о любых подробностях относительно его скорлупы: высота забора, количество видеокамер, этажность дома, территория участка... Все, что удастся разузнать. Завтра мы едем к нему в гости.

Эдди кивнул, а Марти весело присвистнул:

– Так значит, завтра мы, наконец-то, выпустим дух из этого тощего умника?? Шикарно! Чур, я стреляю в шею! Хочу

посмотреть, сможет ли он прохрипеть что-нибудь умное, пока кровь фонтаном хлещет из его горла!

Лив поморщилась. Несмотря на все, что происходило и будет происходить по вине чокнутого выходца из Италии, она все еще не чувствовала в себе желания придушить подонка как можно скорее... Только злость, только ненависть, только... жалость...

– Посмотрим. Эдди, жду отчета.

– Будет сделано, мисс Оливия. – исполнителем проговорил красноволосый в спину быстро удаляющейся девушки.

Отец, Брайан и Аврора завтракали в столовой, ни в коем случае не отказавшись ради какой-то там еды от обсуждения насущных дел и бизнеса.

Еще издали завидев спину отца, Лив почувствовала тугой ком в горле... Она должна предать его ради спасения двух других дорогих ей людей... Даже ссора с Джонни отошла на второй план... Лив видела его профиль, седеющие черные волосы, видела, как он хмурит брови, что-то властно объясняя Брайану, видела его холодные, решительные глаза, чувствовала его жесткую, непоколебимую энергию, его силу, его могущество... О, Боже, как же она хотела сохранить ему жизнь! Лив помнила, как она злилась на него пару лет назад, как ощущала себя ненужной, чужой, неродной и нелюбимой дочерью... Как злилась на него за все и желала, чтобы он тоже прочувствовал на своей шкуре всю боль и тоску, все то одиночество, что она переживала долгие, долгие годы вдали

от дома... Но девушка всегда знала, что никогда не смогла бы даже ударить его... А после всех событий, что произошли с ней тогда, и после двух лет совместной работы и общения Лив очень многое поняла для себя... И сделала шаг к нему навстречу.

Тяжело ступая, чувствуя, как долбит железный молот по грудной клетке, Лив подошла к ним, боясь посмотреть Эйдену в глаза и отчаянно пытаясь выглядеть деловой и решительной, как всегда.

– О, дочь! Уже проснулась? Я думал, раньше трех тебя не увижу. – улыбнулся Эйден, и его теплая улыбка, как хлыст, больно щелкнула по израненному сердцу девушки.

– Лив! Присаживайся. Что будешь: тосты или яичницу? – спросил Брайан, выискивая глазами прислугу.

Лив безразлично махнула рукой, но рядом все-таки села. Стараясь как можно меньше смотреть на отца, а обращаться к Брайану и даже Авроре, девушка сухим, возбужденным голосом проговорила:

– Я знаю адрес. Дом, где прячется Эрнесто.

Все трое шокировано переглянулись одновременно заговорили:

– Что-о-о?!? Но... как ты узнала, дочь??

– Так у нас все получилось, да??

– Где он прячется, Лив?

Лив посмотрела на единственного, кто задал здравомыслящий вопрос, человека за столом и ответила Брайану:

– Хейт-стрит, 11. Это в Бронксе. Завтра в шесть игроман ждет нас в гости. Будем производить обмен.

– Обмен? – Эйден еще больше нахмурился и стукнул кулаком по столу. – Он отдаст Джонни и Макса? На что?? В обмен на что?

Лив с огромным трудом подняла на него глаза, как никогда сильно ощущая родственную связь со своим отцом, и, стараясь не заплакать, чуть дрожащим голосом проговорила:

– Это не важно. У меня есть то... что ему нужно. Завтра поедем мы втроем: ты, я и Брайан. Вонючий клоп распорядился, чтобы больше никого не было.

– А я? А как же я?? Я тоже поеду!!! – завопила Аврора, возмущенно вытаращив на Лив глаза.

Лив безразлично кивнула.

– Валяй. Но если он пустит пулю в лоб Джонни из-за твоего великого «сунуклювкуданенадоизма», я голыми руками сверну тебе шею.

Аврора надулась и откинулась на спинку стула, сложив руки на груди и чуть не пуская гневный пар из носа.

– Подожди-ка, дочь... – громыхнул в своей манере Эйден, хмуро глядя на нее. – Так он тебе позвонил и...

– Да. И сообщил все это. И я согласилась на его условия. – нетерпеливо проговорила Лив, глядя в стол и доставая из кармана мобильник.

Она жестом попросила всех секунду подождать и набрала на экране сообщение:

«У меня есть план, нужно позвонить Люку, компьютерщику, и собрать людей. Одни мы туда, естественно, не пойдём».

Брайан, Эйден и Аврора, мигом смекнув, что Лив не хочет быть в сто миллионов одна тысяча первый раз услышанной, быстро склонили головы к дисплею и, хмурясь, сосредоточенно уставились на ее сообщение.

– Пожалуй, буду тосты. – тяжело вздохнув, проговорила Лив, хотя чувствовала, как ее желудок сейчас больше готов отправлять пищу обратно, чем впускать в себя.

Эйден и Брайан переглянулись, и Эйден медленно написал внизу, под сообщением Лив:

«Пора сообщить сицилийцам, что их босс сейчас в заложниках. Соберу всех наших. А зачем Люк?»

Лив терпеливо ждала, когда отец старательно допечатает сообщение, разглядывая скатерть на столе, но краем глаза впитывая каждое его движение, каждый неловкий жест над кнопкой и каждую эмоцию, исходившую от него в эту минуту. Прочитав его послание, Лив изумленно вскинула брови и одними губами проговорила:

– А они что, не знали?..

Брайан и Эйден одновременно покачали головами, а Брайан также одними губами проговорил:

– Иначе началась бы война.

Лив понимающе кивнула и быстро напечатала сообщение: *«Люк нужен на всякий случай, возможно, внутри до-*

ма есть камеры, тогда можем попросить его попытаться получить изображение».

Эйден и Брайан снова переглянулись и кивнули с одобрительными ухмылками на лицах.

– Ладно. Пойду. – вдруг резко встала Лив, и Эйден тоже поднялся, озабоченно глядя на дочь:

– Лив. Постой. Что с тобой? Ты сама не своя... Что ты ему пообещала??? – тут он стиснул зубы в гневе, и его серые глаза холодно и жестко сверкнули. – Это из-за него, я чувствую... Лив, скажи нам!

– Да, Оливия. – мягко поддержал отца Брайан, положив ладонь на руку девушки. – Скажи нам, может быть, мы сможем помочь... Мы же одна семья.

Лив почувствовала такой приступ боли, что ей пришлось закусить губу, чтобы не разрыдаться и не закричать страшным криком... Вырвав руку из ладони Брайана, она резко отступила назад, и, глядя в пол, тяжело прошипела:

– Со мной все в порядке, я же сказала, у меня есть то, что ему нужно! Занимайтесь своими делами и не лезьте ко мне!!! – уже крикнула она и, развернувшись, бегом умчалась в свою комнату, оставив мужчин с волнением смотреть ей вслед.

Лежа на боку, спиной ко входу, Лив пребывала в очередном своем собственном мучительном мире, отчего-то достав браслет Эрнесто и перебирая его пальцами, совсем как делал он когда-то... Нельзя выразить словами все то, что выво-

рачивало ее изнутри наружу. Может быть, Эрнесто действительно верит, что ее семья и отец заслуживают все это... Но почему страдает именно она? Она ничего ему не сделала, ни раньше, ни сейчас, так почему ей выпал этот «счастливый билет» стать палачом человека, которого хочет убить половина этого города?.. Единственного, кто действительно был частью ее семьи, того, кто связан с ее детством, неважно, хорошим или плохим, того, кто дал ей жизнь... Родителей не выбирают. И иногда судьба делает за нас какой-то выбор... Чтобы мы поняли что-то. Научились чему-то. Стали сильнее в наших испытаниях.

Лив лежала на кровати, умирая от боли, страха и отчаяния, и понимала, что эта ситуация не сделает ее сильнее. Она разломает ее окончательно. Гибель отца, развод с Джонни – привет, муки совести и старое доброе одиночество. Она начнет сгрызать себя заживо... Но будет жива. Для чего?.. Ради чего?.. Смысл жизни навсегда будет утерян. Да он уже утерян, о чем она только думает?..

– Лив? – услышала она позади тихий голос Брайана. Девушка быстро вытерла слезы и обернулась. – Приехал Люк. Я думал, ты захочешь сама увидеть его...

Выбор был уже сделан. Ты пропала. Хватит лить слезы и приступай к работе. Нужно вытащить Джонни и Макса. Нужно раздавить ненавистное насекомое. Она резко села и, ощутив себя в новой, жесткой и хладнокровной шкуре, спокойно проговорила:

– Да, спасибо, Брайан. Иду.

– Оливия, ты уверена, что тебе нельзя помочь? – снова закинул удочку папуля номер два, и Лив отрицательно покачала головой.

– Только если в гараже ты не спрячешь серебристый «Делориан», чтобы вернуть меня в тот момент времени, когда я прилетела в Нью-Йорк и с первого же дня начала совершать глупости. – Лив грустно улыбнулась и вышла из комнаты, махнув Брайану, чтобы тот следовал за ней. – Мы бы создали параллельную реальность, где Джесси и Джонни были бы женаты, мой отец, по моим слезным жалобам, уничтожил бы Блейка и Генри Уолшей сам, не втягивая в этот процесс Макса, а я... Вот тут засада. Что было бы со мной, я ума не приложу, но точно знаю, что этой пиявке Эрнесто точно нечем было бы крыть нашего короля.

Брайан тепло рассмеялся и потрепал Лив по волосам.

– И даже в этой реальности ни один из вас не был бы счастлив. – Лив удивлено посмотрела на него, и он пояснил:

– Сама посуди: Джонни страдал бы от любви к тебе, Джесси – от безумной ревности к нему, Макс, возможно, был бы убит в ходе войны кланов, а ты... Ты бы никогда не узнала, что такое настоящая любовь. Так что все случилось так, как должно было быть.

Он снова рассмеялся и ушел, оставив Лив задумчиво смотреть ему вслед.

Для VIP-персоны сегодняшнего вечера – великого ком-

пьютерного гения Люка, организовали целую комнату без какого-либо шанса на то, что их разговоры будут подслушаны: кроме лэптопа самого гения, в бывшей кладовой из электронных приборов существовала только розетка и лампочка под потолком, что совершенно никоим образом нельзя было использовать под прослушивание. Компьютер Люка был надежно защищен от проникновения извне, а каждый, кто входил в тесную кладовую, оставлял сотовый телефон снаружи. Так у семьи Мартинес появился небольшой козырь в рукаве.

Люк уже всю печатал что-то, когда вошла Лив. Парень с косой челкой в приятном темно-синем пуловере и джинсах с кедами взволнованно вздрогнул, увидев девушку, и слегка порозовел, пробормотав:

– Здравствуйте, мисс Мартинес...

Лив рядом с ним всегда чувствовала какую-то легкость, и сейчас проблемы снова будто отошли на задний план – она улыбнулась и весело проговорила:

– В переводе на язык адекватного общения: «привет, Лив». Ну привет, Люк. – она подмигнула ему, увидев, как он стеснительно рассмеялся.

– Прости, не привык еще... Так что мне нужно сделать?

Лив пожала плечами и выглянула за дверь:

– Эдди здесь?? – крикнула она в сторону гостиной, куда ушел Брайан, и получила незамедлительный ответ, что он сейчас подойдет.

Через полминуты красноволосый уже источал хмурость в

тесной кладовке рядом с Лив и Люком, нависая над ними грустной радугой.

– Ты что-нибудь узнал о его доме? – сразу перешла к делу Лив, обращаясь к Эдди. Тот кивнул.

– Да. Судя по всему, дом уже давно принадлежит ему. Камеры слежения установлены только на воротах, но они, кажется, и не нужны: без ведома хозяина в дом все равно не проникнуть.

Лив и Люк внимательно слушали, и Лив недовольно нахмурилась:

– Это как?

Эдди вздохнул.

– Дело в том, что и ворота, и все двери и окна в доме имеют электронные замки и открываются дистанционно. Мои люди видели, как пару раз входная дверь отворилась сама собой, и слышали предупредительный к открыванию сигнал, похожий на писк микроволновки. Это означает, что у Эрнесто, скорее всего, есть что-то наподобие пульта, с помощью которого он контролирует все возможные входы и выходы из дома. Так что зайти просто так нам точно не удастся. Входная дверь имеет толщину сейфовой, и есть вероятность, что при попытке взлома Эрнесто получит какое-то оповещение на свой пульт.

Лив шокировано минуту смотрела на Эдди, но, в общем-то, могла ожидать такого от продвинутого по части всяческой электроники жука-навозника. Она посмотрела на

Люка и ухмыльнулась:

– Ну вот тебе и проблема, гений. Хейт-стрит, 11. Пожалуйста, скажи, что ты сможешь нам помочь!

Люк поднял брови и, снова заколдовав на экране какие-то формулы, вывел картинку дома Эрнесто со спутника:

– Зависит от того, что вам нужно, Лив.

Лив задумалась и вдруг с надеждой улыбнулась:

– Мне нужно сделать так, чтобы все эти чертовы двери и ворота отворились, и наша армия смогла атаковать насекомыша и его личинок и прибить на месте. Но не сразу, а... как бы... после одного события... – Лив нахмурилась, понимая, что должна сначала освободить Джонни и Макса, а потом уже звать отряд убийц... Но как они получают сигнал к бою, если и Лив, и Эйден, и Брайан будут внутри?..

Люк на секунду задумался, положив подбородок на стол и глядя в экран. Лив нервно теребила браслет Эрнесто руками, а Эдди стоял с таким суровым видом, будто только что раскромсал собственными руками человек пятьдесят.

Люк вдруг встрепенулся и оживленно защелкал клавишами. Лив видела только возникающие, один за другим, черные экраны на мониторе и белые буквы и цифры, вводимые компьютерщиком со скоростью звука, так, что девушка даже не успевала прочитать то, что он печатал. Через несколько минут интенсивного, старательного впечатывания кнопок в стол, Люк, наконец, вздохнул:

– Уф. Это оказалось сложнее, чем я думал... Но я все-

таки сумел проникнуть в систему управления домом. – он с робкой улыбкой посмотрел на сторающую от нетерпения Лив, восторженно глядящую на него. – В особняке четырнадцать дверей, плюс гаражные ворота, ворота въездные и какая-то еще странная дверь, ведущая в подвальные помещения... Странная, потому что она находится в гараже и размерами гораздо сильнее превышает размеры обычной двери... Но это не имеет значения. На всех на них установлен электронный кодовый замок, который открывается как с пульта управления, автоматически, так и вручную, с помощью набора определенной комбинации цифр. На каждой двери свой пароль, и мне нужен, как минимум, час, чтобы получить их все. После этого я смогу прямо с этого места перехватывать сигнал и самостоятельно открывать или закрывать любую дверь в этом доме... То есть, по вашему... твоему сигналу я смогу впустить ваших людей в дом.

Лив в восторге вытаращила глаза и, наклонившись к Люку и заглянув ему в глаза, еле сдерживая триумф, заверещала:

– Это же... черт возьми... так круто!!! Невероятно просто, будь я сто раз проклята! Ты... ты просто... – она снова счастливо рассмеялась и поцеловала Люка в щеку, а Эдди потрепала по волосам. – Так, стоп. – Лив резко нахмурилась. – А как я скажу тебе, чтобы ты сказал им, чтобы они врывались со своими стрелялками и пукалками и помогли нам совершить страшный суд, если и я, и папаша, и Брайан будем в этот момент внутри? Нам же сначала нужно полу-

читать Джонни и Макса, а уж потом начинать печь мясной рулет...

Люк улыбнулся.

– Да проще простого. У нас, то есть у тебя, у меня, и у... кто-то будет командовать наступлением?

Лив махнула рукой.

– Да, криворукие и кривоглазые папочкины капореджиме. Их где-то около семи человек.

Люк кивнул.

– ...и у капореджиме будут в ушах маленькие передатчики. Я легко сделаю их, это очень просто. Мы сможем слышать друг друга. Ты дашь мне сигнал к началу, я открою вход для ваших людей и сообщу капореджиме о том, что они могут наступать. Вот и все.

Лив расширенными глазами смотрела на него, не зная, что еще сказать и как переварить то счастье в виде знакомства с этим парнем, что внезапно свалилось ей на голову. Не может быть, чтобы он смог разом решить все ее проблемы... Это как в сказке просто... Хотя... не все проблемы. Убить ее отца за нее он вряд ли сможет. А она совершенно не представляет, как уйти от этого сценария завтра... Либо она порешит судьбу отца, либо Эрнесто сделает то же самое с Максом и Джонни... Но это будет завтра. А сегодня...

– Поверить не могу!!! – воскликнула Лив, схватившись за волосы. – Поверить не могу, что мне так невероятно повезло встретить тебя, гений! Ты теперь не просто мой друг, ты –

мой кумир! – Лив расхохоталась, смутив своей бешеной радостью скромного «кумира», и не мечтавшего о таком счастье. – Фу! Аж руки задрожали, гляди! – она сунула ладони Эдди, который слегка улыбнулся, смягчив маску маньяка-убийцы, и тут же подлетела к двери, выглянув и закричав на весь дом:

– Папа, Брайан!!! Быстрее сюда!!! У нас тут супергениальный план нарисовался! – и, спохватившись, что Эрнесто мог это услышать своими огромными ушами, Лив добавила:

– Шикарная будет перестановочка на кухне, только вот с джакузи не можем решить, нужно ли устанавливать рядом с ней еще и минибар, или холодильника одного хватит...

Через минуту, ворча на девушку за то, что она отвлекла их от переговоров со своими людьми по поводу завтрашнего дня, Эйден и Брайан уже протискивались в маленькую кладовую к Лив, Люку и Эдди, сложившись внутри, как фигурки тетриса, и с необыкновенным вниманием выслушав то, что Лив и Люк наперебой кинулись им объяснять.

Маленький лучик надежды снова загорелся, чтобы осветить им путь.

Глава 25

Лив сидела на заднем сиденье «Кадиллака» вместе с Авророй, которую, кажется, сам великий властелин этого мира не смог бы отговорить от этой поездки, вырядившейся, по случаю встречи со своим ненаглядным Максом в черное,

приталенное платье, открывающее ее плечи округлым вырезом и длинные, стройные ноги, концы которых завершались черными бархатными туфлями на шпильке, а также отцом, одетым в устрашающий своей ценой темно-синий костюм, светло-голубую рубашку и темный галстук, гармонирующий черным отливом с его туфлями, и Брайаном, который, как и сама Лив, решил не выделяться и был облачен в серый, тонкий пуловер, из-под которого торчал белый воротник рубашки, темные брюки и туфли. Сама же Оливия не видела в предстоящих событиях ничего такого, ради чего стоило тщательнее, чем обычно, подбирать гардероб: на ней был темно-сиреневый топ на широких лямках, поверх которого была надета туника из светло-пурпурной, полупрозрачной ткани с большим вырезом от плеча до плеча и удлиненная до бедер, черные легинсы до колена и туфли на высоком каблуке, подобранные в тон наряду – темно-сиреневого оттенка.

Лив смотрела в окно, не разговаривая ни с кем и глядя на сменяющие друг друга кирпичные коробки-дома, стеклянные башни-небоскребы, мигающие неонами супермаркеты. Она не спала всю ночь и сейчас, ощущая, как летит ее сердце в пекло, как горят уставшие от слез глаза и как звенящее напряжение сковывает ей мышцы, Лив полностью пребывала в состоянии болевого, душевного шока. Чувствуя бедром холодную рукоять револьвера, который Лив тайком спрятала под тунику, выкрав у раззявы зеленоволосого Марти, она не могла смотреть на отца, умирая от одной только мысли о

том, что ей придется с ним сделать.

Остается только один чертов нерешенный вопрос: что она будет делать после его смерти???. Джонни будет жить, но еще не известно, простит ли он ее, а единственный близкий родственник окажется на том свете? Стоит ли дальнейшая жизнь, полная чувства уничтожающей вины, одиночества, отчаяния хоть малейшего шанса на то, что в ней все еще будет смысл?? Прожить с этим грузом на сердце... убив того, кто доверял, кто любил, кто надеялся загладить вину прошлого и стать семьей? Того, кто защищал ее ценой собственной жизни, приняв ее такой, какая она есть? Того... кто... является... твоим... отцом... И не забываем про разрыв с тем, кого она также предала, разбила сердце, растоптала чувства... С тем, кто был ядром ее собственной жизни, ее воздухом, ее водой, ее огнем, ее эпицентром...

Потеряв себя, Лив не знала, как ей быть. Глядя на пролетающие дома и с каждой секундой приближаясь к тому моменту, когда она спустит курок и выпустит пулю ему в лоб, ее сердце проваливалось все глубже и глубже, в темный мир с кострами для грешников. Понимал ли Эрнесто, какую цену он требовал заплатить за свою разрушенную семью? Догадывался ли, какой страшной и разрушительной в корне окажется его игра?

– Лив, прием, ты меня слышишь? – раздалось из маленького, незаметного под длинными, белокурыми волосами динамика, помещенного в ее левое ухо.

Девушка вздрогнула и очнулась от своих тягостных мыслей, грозящих тянуть и тянуть ее нервы, как kota за хвост.

– Да, Люк, я здесь. – безжизненно отозвалась она, привлекая внимание Авроры, Эйдена и Брайана.

– Давай еще раз обговорим. – деловито произнес компьютерщик прямо ей в барабанную перепонку. – Сигналом послужит первый выстрел, так?

– Так. – угрюмо подтвердила Лив.

– После чего, я открываю двери и ворота и сообщаю вашим ка-по-ре... капореджиме, – справился с неизвестным ему итальянским словечком Люк, – что пришла пора для наступления, верно?

– Верно. – снова угрюмый ответ.

– Л-лив? – неуверенный и даже напуганный тон Люка заставил ее встрепенуться и даже разозлиться на саму себя. – Ты... ты не волнуйся, я тебя не подведу, я скорее сам умру, чем... ты... только не волнуйся! – выпалил он, и Лив, вдруг осознав, что ее угрюмость он принял за недоверие лично к нему, грустно улыбнулась:

– Прекрати нести чушь, гений! Я полностью полагаюсь на тебя и абсолютно не сомневаюсь в том, что ты не подведешь. А насчет того, что ты готов умереть за меня... – она горько усмехнулась. – Забудь. Я не стою и четвертой части тебя, даже если из меня выбить всю дурь и засунуть пригоршню интеллекта. Чтобы я больше этого не слышала, понял?

И Лив правда до тошноты ненавидела и презирала себя в

ЭТОТ МОМЕНТ...

И внезапно она поняла.

Сердце дрогнуло в страхе, но боль резко ушла.

Она точно знала, что будет делать.

Это панацея. Это ее спасение. Это спасение для всех.

Они подъехали к дому Эрнесто. Хейт-стрит, 11. Лив видела высокий забор из бетонных плит, видела автоматические ворота... Где-то в паре кварталов от этой тихой, жилой улицы находился целый полк людей ее отца и сицилийцев, прибывших вместе с Максом. Вот уж кто чуть не прыгал от нетерпения, узнав, что их босс в страшной передрыге... Про них не зря ходит слава вспыльчивых и жестких людей, готовых кромсать и размазывать по стенке своих врагов.

– Дочь, ты уверена, что не хочешь рассказать нам? – все еще никак не желал слезать со своего коня Эйден, озабоченно уставившись на Лив. – Мне совсем не нравится, как ты выглядишь...

– Что, совсем плохо подобрала наряд? – грустно усмехнулась Лив, а отец недовольно покачал головой:

– Ты знаешь, о чем я.

Лив кивнула.

– Расслабься, отец. Скоро ты все увидишь. Это спасет нас всех, поверь. – у нее перекрыло дыхание, и она резко замолчала.

– Ты точно уверена? – жестко, с нажимом спросила Авро-

ра. – Макс будет спасен? Он не пострадает?

Лив раздраженно хмыкнула.

– Он пережил не одну перестрелку, так что, я думаю, он как-нибудь выкарабкается. А вот за твой скудоумный мозг я не ручаюсь: там такая скотобойня начнется, кровища – фонтаном, трупы – горой! Ух!!

Аврора нервно сглотнула и вжалась в сиденье, а Брайан и Эйден одинаково с укором посмотрели на Лив, слегка порозовевшую от мига удовлетворения.

– Лив! Ты несколько... м-м-м... преувеличиваешь. – проговорил Брайан, и Эйден согласно кивнул.

Лив пожала плечами. «Кадиллак» затормозил у ворот, и она первая вышла, бросив через плечо:

– Это я еще опустила картину после разрыва гранаты и выстрелов из гранатомета, вслед за которой можно устраивать экскурсию по фрагментам человеческих органов. Идем, подруга.

Аврора, совсем растерявшая свою уверенность и наглость, а также призабывшая натянуть приветственную маску нежности и обаяния для Макса, на длинных, дрожащих ногах двинулась за ней, равно, как и отец с Брайаном, вылезшие следом с самым безжалостно-холодно-агрессивно-мафиозным видом, на какой только были способны эти двое.

Как только четверка подошла к воротам, собираясь найти звонок или что-нибудь в этом роде, двери вдруг сами автоматически отворились, открывая взгляду двух мужчин и

двух женщин прекрасный трехэтажный дом с белым фасадом, крыльцом из какого-то сероватого, но украшенного выбитыми на нем узорами из звезд и лун камня и просторной зеленой лужайкой с парой скамеек, несколькими клумбами и качелями на цепочках, странно вписавшихся в передний двор сумасшедшего маньяка-главы Чикагского синдиката.

– Очень мило. – съязвила Лив, двинувшись к крыльцу и внимательно озираясь. – И где же все? Я-то думала, братик для нас целый тоннель из своих людей сделает, да еще сопровождающих приставит, чтобы мы вчетвером тут ничего не натворили...

– Думаю, Эрнесто и его люди собрались и торжественно ждут нас в одном месте. – сказал Брайан, тоже внимательно оглядывая двор.

– Этот ущерб наверняка следит за нами, задохлик чертов... – прорычал Эйден, и, словно в подтверждение его мысли, парадная дверь, вопреки концепции и дизайну всего сооружения обитая толстыми листами железа, также, как и ворота, автоматически отворилась, пронзительно пискнув перед этим.

Лив закатила глаза, раздражаясь на такое «бездушное» приветствие даже от своих врагов, но уверенной походкой первая вошла в дом.

Холла, фойе или прихожей, как таковой, здесь не было. Лив, Аврора, Эйден и Брайан попали в просторную гостиную, обставленную современной техникой, белой, кожаной

мебелью и стеклянными шкафчиками со всякими коллекционными штучковинами, которые Лив терпеть не могла.

И все та же гробовая тишина и пустота.

– Ну и? – недовольно спросила Аврора, подойдя к широкой лестнице, ведущей наверх. – Может, нам на второй этаж?.. Нет, вряд ли. – тут же отмахнулась она. – Здесь лента огораживающая пройти мешает...

Лив хмыкнула и медленно закружила по гостиной, пристально оглядывая несколько одинаковых дверей, которые тут имелись.

В тот момент, когда четверка чуть не растеклась по просторному залу, вдруг послышался уже знакомый писк, и одна из дверей отворилась.

– Идем дальше. – хмуро проговорил Брайан и первым прошел через гостеприимную дверь.

За ней оказался просторный гараж. К удивлению всех четверых, здесь стояли только два стареньких, серебристых «Плимута», собранных еще в мезозойский период, но внимание Лив привлекло то, что в помещении было три бокса на три машины, а стояли только две. Средний бокс был свободен.

– Что еще за черт? Он смеется над нами??? – громыхнул Эйден, доставая пистолет и готовясь стрелять, видимо, по воображаемым чикагцам.

Лив и Брайан одновременно отрицательно покачали головой, и новое предложение не заставило себя долго ждать:

посреди среднего, пустого бокса, прямо в полу разверзлась вдруг черная яма со съездом, ответив на немой вопрос Лив о том, куда подевались «Лэнд Крузеры» Эрнесто и почему в гараже только эти «Плимуты». Для прикрытия.

– Идем. Видимо, крот прорыл нору глубоко под землю. – язвительно сказала Лив, махнув остальным идти за ней.

Четверка осторожно спустилась по довольно крутой горке вниз, дивясь тому, что под крайне обыкновенным с виду домом находилось самое, что ни на есть, конспиративное убежище. Сойдя вниз до упора, они оказались в другом просторном гараже, где и узнали несколько тех самых белых «Лэнд Крузеров», торчавших в ряд «елочкой». Но никто из развеселого квартета и внимания не обратил на машины: в противоположной стене гаража призывно маячила открытая дверь.

Сердце Лив учащенно забилось, и она бросилась к этой двери.

– Лив, осторожно! – воскликнул Брайан, едва поспевая за ней, но девушка чувствовала, что близка к нему. Ей даже казалось, что она слышит его дыхание там, в помещении... Как же долго она не видела его...

И ее сердце не обмануло.

Первое, что она увидела в просторном помещении, освещенном только тусклой лампой под потолком, это два стула посередине, на которых сидели крепко привязанные к ним, изрядно побитые и помятые Джонни и Макс. Говорить они

не могли: их рты были заклеены широкими полосками скотча. Оставались только злые, мстительные взгляды зеленых и синих глаз, готовые в любую секунду вступить в схватку.

Когда в комнату влетела Лив, оба парня расширенными глазами уставились на нее. Лив на секунду замерла, слушая болезненный стук стонущего от тоски сердца, и только и сумела выдохнуть его имя, прежде чем броситься к Джонни.

Его глаза загорелись, когда он увидел ее, и он яростно замотал головой, с блеском боли и отчаяния посмотрев на Лив. И тут-то она сама заметила: по всему периметру комнаты вдоль стен находилось около двадцати человек, каждый из которых держал Джонни и Макса под прицелом.

– Лив, стой! – предостерегающе воскликнул отец, но девушку затормозил другой, порядком измотавший ее и ужасно ненавистный, голос:

– На твоём месте, я бы этого не делал, Оливия.

Лив так и встряла посреди комнаты, будто наткнувшись на невидимую стену. Тяжело вздохнув, она повернулась: с другой стороны полутемной комнаты, излучая важность и триумф, словно труп – аромат гниения, выполз и сам господин клоп в очень даже подходящем под это прозвище, излюбленном зеленом кардигане, голубых брюках и белых туфлях. На его шее девушка заметила темно-малиновый платок, а в лацканах рубашки – золотые запонки.

– А вот и ты, слабый пол, который любит поиздеваться над еще более слабым полом. – злобно проговорила Лив с

отвращением, глядя на пружинящего к ней кудрявого мальчишку с видом посланника Божьего на землю грешную. – Да и потолок тебе перекрыть пора бы, а то в некоторых местах твоего черепка, где расположены комнаты здравого смысла и всепрощения, он, бедняга, совсем прохудился.

Эрнесто вышел и, с видом короля мира, встал посреди комнаты, закурив тонкие сигареты. Его взгляд туманно смотрел сквозь Лив, и он слегка улыбнулся:

– Чудесная метафора, сестра. – проговорил он проникновенным голосом, от которого волосы на голове Лив зашевелились. – Все хотел узнать, как ты их придумываешь?

– Ну, у меня есть одна вещь, которую ты когда-то давно потерял. – язвительно намекнула Лив, посмотрев прямо на лоб Эрнесто. Тот усмехнулся и перевел взгляд на Эйдена, Брайана и Аврору.

– О, а вот и вы! Оливия, как тебе удалось привезти сюда Эйдена? Неужели он добровольно согласился на те условия обмена, что я выдвинул?? – хохотнул издевательски Эрнесто, а Эйден, нахмурившись, посмотрел на Лив:

– Дочь?! На что я не должен был, по логике этого ущербного отпрыска, соглашаться??? Чего ты мне опять не соизволила сообщить?

Лив досадливо вздохнула и посмотрела на Эрнесто.

– Ну ты, клоп, тебя кто просил болтать-то? Договор был между тобой и мной, ты и я, – по слогам раздраженно произнесла Лив, ткнув пальцем в него и в себя, – что-то я не

припомню пункта, по которому обязана поставить папашу в известность... Главное – он здесь. Разве ты не этого хотел??

Эрнесто выдохнул.

– Ты права, сестрица, но черт возьми! Как же это неправильно, когда в семье есть секреты друг от друга, правда? – он насмешливо посмотрел на каждого из гостей и тихо продолжил:

– Так вы уже обсудили, что было с Джессикой на момент смерти? – Лив вздрогнула, с болью посмотрев на Джонни. Тот гневно прищурился, глядя на Эрнесто. – А ты, Лив? Рассказала любимому о своем секрете? Или о том, почему ты не носишь его фамилию?..

Лив с болью и злобой сжала зубы, изумляясь все больше и больше его осведомленности. Она виновато посмотрела на Джонни, затем на тарачивших на нее глаза Эйдена, Брайана и Аврору, и, сложив руки на груди, снова с ненавистью уставилась на Эрнесто:

– Ты закончил перебирать прах от скелетов в нашем шкафу, насекомое? Мы, кажется, не ради этого сюда приехали.

Эрнесто рассмеялся, затушив сигарету.

– Тебе так не терпится перейти к главному? Ну тогда... постой-ка! – вдруг нахмурился он, уставившись на Аврору. – А она что тут делает? Договоренность была только на вас троих!

Лив закатила глаза и злобно процедила:

– Она приехала за ним. – махнула она рукой на Макса,

который с веселым изумлением поднял брови и тепло подмигнул Авроре, на щеках которой мгновенно заиграл счастливый румянец. – Если тебя пугает костлявая, безоружная дылда, которая впадает в церебральный паралич от самой, даже микроскопической, царапинки, то у тебя редкая разновидность социопатии, кузнечик.

Эрнесто недовольно нахмурился и покачал головой.

– Это было слегка не по плану, Оливия, так что в будущем не удивляйся, когда получишь очередной ящик Пандоры от меня...

– В будущем?!? – с отчаянием воскликнула Лив, всплеснув руками. – Да после того, как я заплачу цену за освобождение этих двоих, у меня вообще не может быть будущего!!! Как ты представляешь себе мое дыхание, когда на легкие будет давить этот чертов груз?

Эрнесто пожал плечами, и его взгляд сфокусировался на Эйдене. Он мстительно прищурился, выдерживая ледяной, убийственный взгляд отца Лив на себе, а Эйден, тем временем, вышел вперед:

– Лив. Что происходит?? О какой цене идет речь???

Эрнесто рассмеялся, а Лив будто провалилась в вакуум.

– Давай. – тихо, но с нажимом произнес Эрнесто, подходя к девушке. – Сделай это. Сделай это, и твой любимый, или... твои оба любимых будут свободны! Ты же не сможешь жить без Джонни... Ты умрешь без него... Ну же...

Лив не могла дышать. Ее тело почти не слушалось... Но

она должна рискнуть. Должна хорошо сыграть роль... Он должен отвлечься, он не знает об их плане наступления...

– Лив! О чем он говорит?!? – требовательно и встревоженно воскликнул отец.

– Оливия! – подхватил Брайан, и Лив задрожала всем телом. Медленно и тяжело посмотрев на Джонни, который отчаянно мотал головой, призывая ее не делать этого... он знал, какую цену за его свободу запросил Эрнесто... Лив с горечью закусил губу и перевела взгляд на Макса, который, как и Джонни, рьяно качал головой, а затем посмотрела на отца. Ее сердце билось, кровь шумела в ушах, а щеки пылали...

Она достала из-под туники пистолет и глупо посмотрела на оружие в своей маленькой руке... Тяжелый. Страшный. Ее зубы застучали мелкую дробь.

Эрнесто насмешливо улыбнулся.

– Ну, ну, Оливия. Не грусти... Это во благо всем нам, ты же знаешь... Пользоваться умеешь? – Лив с ненавистью посмотрела на него. Эрнесто, с каждой секундой становясь все счастливее, хохотнул:

– О, прости, глупый вопрос.

– Лив... Что происходит? – устало спросил Эйден в четвертый раз, нахмурено глядя на дрожащую девушку. – Зачем тебе пистолет?

– Мы с Оливией заключили сделку. – весело отозвался Эрнесто. – Я отдам ей Джонни и Макса целыми и невредимыми

в том случае, если она... убьет тебя.

Эйден в ужасе вытаращил на него глаза, не веря своим ушам... Он сглотнул и перевел взгляд на Лив, по щеке которой побежала слеза. Лив видела боль в его глазах, видела шок, страх смерти, невозможность поверить в реальность... Эрнесто подошел к Лив и, нежно убрав белокурую прядку, упавшую на ее лицо, счастливо закончил мысль:

– И она согласилась.

Лив поняла. Сейчас... Она с трудом посмотрела на отца, чувствуя себя гнилой, пустой и выпотрошенной, чувствуя свое предательство по отношению к нему, опутавшее ее словно липкая, омерзительная паутина, подняла руку с пистолетом и навела черное, пахнущее смертью, дуло прямо в лоб своему единственному кровному родственнику, сняв с предохранителя. Удивительно, но не смотря на ужас, боль и дрожь, которую она испытывала, ее рука, сжимающая рукоять пистолета, была твердой.

– Прости, отец... – шепнула она со слезами на глазах. – Он сказал, что они умрут, если я не соглашусь... Он подвесил их вниз головой и заставил провисеть почти десять часов... Они бы умерли, если бы я не...

Эйден смотрел в дуло, направленное на его голову, и в его глазах светила обреченность и чувство дикой утраты... Отчаяния... Не так он представлял свою смерть...

– Как ты мог... – злобно прошептал он, обращаясь к Эрнесто. – Как ты мог... Ее руками!.. Ты сдохнешь... Мои люди

уничтожат тебя... Ты сгоришь в аду... За нее. За мою дочь...

Лив дрожала, чувствуя, как разрывается ее сердце... Он не сердится на нее... Не считает предательницей... Он оказался совсем не таким, как она думала...

– Не пугай меня, Эйден, а лучше дождись в аду и забронируй сковородочку получше... – Эрнесто рассмеялся и посмотрел на Лив. – Давай, сестренка. Вспомни, сколько боли он причинил тебе... Вспомни все, что он сделал... Как из-за него убили твою маму... Как ты гибла от одиночества... Как тебе пришлось воевать с семьей Уолшей из-за его идиотской идеи выдать тебя замуж за сына Генри... Все твои беды из-за него... А Джонни и Макс? Они чисты перед тобой. Ну же, Оливия... Жми на курок... Или я выпущу из своего пистолета две точные пули...

Лив с трудом дышала, глядя на отца. По щеке Эйдена вдруг скатилась слеза. Его холодные глаза с отчаянием и любовью смотрели на нее.

– Давай, дочь. – вдруг хрипло проговорил он. – Не бойся. Я знаю, ты любишь его, ты должна сделать это... А я... я прошу у тебя прощения за все, что сделал тебе. Я хотел все исправить... – он с трудом вздохнул, а Лив думала, что ее сердце сейчас взорвется. – Давай. Стреляй. И не вини себя, милая... В моей смерти виноват только я. Помни, Лив: я люблю тебя. И не бойся – ты никогда не будешь одинока.

Он чуть опустил голову, подставляя ее под пулю, и девушка уже захлебывалась в рыданиях. Эрнесто сморщил нос и

вкрадчиво проговорил:

– Хорошее прощальное слово, Эйден. Мы его не забудем. Давай, Лив. Тянуть больше нельзя.

Лив выдохнула и дрожащим голосом проговорила:

– Сначала развяжи их.

Эрнесто с ухмылкой посмотрел на нее.

– Ладно уж. Но отдам только после выстрела.

Лив кивнула. Эрнесто дал команду своим людям освободить Джонни и Макса, и через полминуты веревки, сдерживающие их, были разрезаны. Сорвав скотч, Джонни отчаянно крикнул:

– Лив, нет! Не делай этого!!!

– Стой, Лив!! – вдогонку словам Джонни крикнул Макс, но Лив вдруг громко и истерично рассмеялась. Эрнесто, Эйден и остальные с удивлением и недоумением посмотрели на нее, а она смеялась и смеялась, вытирая слезы свободной рукой, но не опуская пистолета.

Светящимися яростью и злобой бирюзовыми глазами Оливия посмотрела на Эрнесто, хмуро наблюдавшего за ней, и воскликнула:

– Ну ты и идиот, Эрнесто!! Неужели ты и вправду поверил, что я сделаю это??? Убью отца??? Да ты за кого меня держишь, ублюдок тупой??? – Лив хохотала, видя, как улетучивается, подобно воздуху из развязанного воздушного шарика, все благодушное расположение, и как наливаются шок и злостью глаза Эрнесто, который, все-таки, будучи

не совсем тупым, напряженно заозирался. – Убить папашу!! Не-е-ет, насекомыш... Я же предупреждала, что не буду играть по твоим дерьмовым правилам!!! А раз все хорошее, что было в моей жизни, сумел растоптать твой дебильный, голубой ботинок детского размера, то и смысла к существованию я больше не вижу, так что пора прекращать этот долбаный спектакль!

И не успели Эрнесто, Эйден и все присутствующие даже подумать над сутью ее последней фразы, как Лив быстро и уверенно развернула пистолет в руках дулом к себе и, не мешкая ни секунды, не оставляя себе ни единой возможности подумать, испугаться, помолиться или испытать отчаяние и даже не прицеливаясь никуда конкретно, выстрелила.

Глава 26

Происходящее вокруг пошло по заранее распланированному сюжету: Люк услышал выстрел через передатчик в ухе Лив и за пару секунд раскрыл перед толпой вооруженных и воинственно настроенных людей Эйдена Мартинеса и Макса Вератти двери, так что не успела раненная самой собой девушка и на пол то, как следует, упасть, как в небольшую комнату ворвалась орава мужчин и устроила шумную и кровавую перестрелку из серии: «веселый день из жизни мафии» или «угадай, сколько пуль сегодня достанется тебе?»

Лив слышала шум, но из-за болевого шока ее реальность превратилась в серо-черный фон. Девушка упала, чувствуя,

как сознание ускользает от нее, а боль крушит ее грудную клетку, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть... Она с трудом подняла руку и дотронулась до раны в груди: пуля прошла выше зоны сердца, правее, ближе к плечу, но ниже ключицы...

Она попыталась подняться, но не смогла, попыталась вдохнуть, но слышала какой-то жуткий свист и понимала, что при каждом новом вдохе сердце и левая часть груди болит все сильнее... Ей захотелось кашлять... Кашель... Кровь... Она увидела свою кровь... Умирала от боли и невозможности вдохнуть и двигаться... Сознание предательски отступало, и единственная мысль, показав свою страшную, приводящую в неподдельный ужас и отчаяние ее внутренности, морду, единственная мысль в ее мозгу была о том, что, кажется, с ней все очень даже нехорошо, а песок в ее песочных часах почти перебежал по тонкой стеклянной ложбинке в нижнюю часть, оставляя ей считанные минуты на то, чтобы...

– Оливка! Оливка... – сквозь белую пелену перед глазами Лив увидела бледное лицо Джонни, с разгона приземлившегося около нее на колени. Внутри нее немножко потеплело, но боль заглушала все вокруг: она снова дико закашлялась. Глаза Джонни расширились, наполнившись неподдельным ужасом, она почувствовала, как он приподнял ее, а его теплая рука зажала рану в ее грудной клетке. Как же много жизни и энергии она ощутила в этой ладони, как же много

тепла... Лив вдруг отчетливо почувствовала разницу между ними... Она чуть улыбнулась, задыхаясь и кашляя... – Черт!!! Черт возьми, Оливка, глупышка!!! – отчаянно крикнул он дрожащим голосом, вне себя от боли и горя. – Зачем???. Зачем ты это сделала? Черт...

– Лив! – другой испуганный до чертиков голос, и с левой стороны от себя девушка заметила другие большие глаза – уже Макса. – Что ты наделала, глупая?.. Проклятье... Это... ее кровь?.. – с невероятным ужасом спросил он у Джонни, но Лив не видела, куда он смотрит и показывает... Ей было ужасно страшно от того, что песка оставалось совсем чуть-чуть, а она так и не сказала им обоим, не сказала Джонни самого главного...

Она снова закашлялась и слегка улыбнулась:

– Дышать... нечем... – еле прошептала она, снова со свистом вдохнув воздух и почти отключаясь, но с трудом удерживая сознание всеми возможными силами.

Макс и Джонни в бешеной тревоге переглянулись.

– Легкое. – сказал Макс. – Нужно срочно в больницу. Пуля внутри?

Джонни слегка приподнял Лив, и она, сморщившись от боли, ощутила его руку на своей спине, а затем услышала потерянный, дрожащий голос:

– Нет. Сквозное. Кровь... хлещет... – с трудом проговорил он, и Лив охватило еще большее отчаяние... Значит, времени совсем мало... В ее раздумья вмешался третий го-

лос, а точнее, бешеный ор господина Эйдена Мартинеса, получившего жизнь в обмен на жизнь дочери:

– Макс!! Джонни!! Увозите ее!!! Быстрее!!! Я прикрою!
Она не должна... – его голос дрогнул и осекся.

Лив не могла двигаться, какая-то жуткая слабость, в сочетании с огромной, разрывающей ее грудь, болью, не давала ей и пальцем шевельнуть... А кашель все усиливался. Джонни подхватил ее на руки, и Лив подумала, что и мечтать не могла о том, чтобы снова оказаться в этих руках после своего подлого поступка...

Боль... разрывает... Стон... Секунда – и все выключилось. Нет, вернись, вернись, нельзя уходить сейчас...

В темноту резко ворвался гул мотора. Сознание включилось. Лив ощущала спиной, отчего-то мокрой, тепло чьих-то коленей, руку сжимающую ее рану, и едва заметную дрожь человека, прижимающего ее к себе со всей горячей нежностью этого мира...

Преодолевая боль, она открыла глаза и увидела такие родные и любимые зеленые, впивающиеся в нее с бешеной надеждой, пробивающейся через ужасное страдание, дикий страх, душевную боль и любовь...

– Оливка, девочка моя, потерпи пожалуйста, скоро тебе не будет больно, только потерпи, не умирай, слышишь? – горячо шептал Джонни дрожащим голосом, глядя свободной рукой по ее щеке и будто передавая жизненную силу через свое прикосновение... А Лив вдруг поняла, что его слова и

его руки, его объятия, как пенициллин, заживляли кровавые, рваные раны на ее сердце, оставляя болеть лишь раненное тело. – Ты не можешь меня оставить, малышка, я не смогу без тебя, не смогу ни секунды, да черт возьми, я тысячу раз выстрелю в себя и не буду жить, потому что на этой земле я – ничто без тебя... Лив... Лив... Я люблю тебя, люблю, слышишь?.. Прости меня... – шепнул он и закусил губу до крови, Лив увидела слезу скатившуюся по его щеке... Как же она хотела поднять руку и коснуться его в ответ...

Несмотря на боль, она в эту минуту могла видеть только эти глаза, только это лицо, слышать только этот голос и, кашля кровью с пузырьками такого необходимого ей самой воздуха, испытывая бешеную аритмию сердца и невозможность вдохнуть, была счастлива.

Счастлива.

И именно в эту секунду, когда она смотрела на него, охваченная трепетным чувством, что она нужна ему, что она небезразлична ему... Именно тогда, как неосязаемый призрак, как тонкая грань, как прохудившаяся, ветхая портьера, перед ее взором замаячила смерть.

Наверное, каждый человек может интуитивно чувствовать ее приближение. И это не только больные неизлечимой болезнью, проживающие каждый миг с готовностью встретить худшее. Те, кто уходят из жизни спонтанно, резко, волей несчастного случая, тоже неосознанно чувствуют ее приближение. Каждый из нас пришел на эту землю ради выпол-

нения собственной миссии, и никто не знает, в чем она заключается: в том ли, чтобы родить гениального ученого, в том ли, чтобы помочь бездомному не умереть с голоду, в том, чтобы в нужное время оказаться в нужном месте и своим простым, ничего не значащим для нас самим советом, вдруг случайно спасти чью-то душу, наполнить другого человека пониманием собственного смысла?.. Но что происходит, в то мгновение, когда дело сделано? Наш организм устроен так, что в ту секунду, когда мы чувствуем себя опустошенными, испытанными до дна, в эту самую секунду мы снова пытаемся запрыгнуть в кабинку колеса обозрения и прокатиться по новому кругу. Мы не догадываемся о том, что все кончено. Мы пытаемся развернуться на новый виток своего сценария. Мы стоим в той точке, когда четко ощущается прошлое – старое, и будущее – новое. Новая работа, новые увлечения, новые друзья, возможно, даже новая семья – плоды душевных метаний человека, создающие иллюзию начала нового этапа... Но вскоре, мы понимаем, что ни одна из попыток перетряхнуть себя на новый уровень не приносит удовлетворения. И тогда приходит она. Забирает тех бедняг, которые мучаются от невыносимого желания понять, как жить дальше... Они просто не знают, что их миссия выполнена, смысл был, и искать новый, если старый утерян, бесполезно...

Так думала Лив о себе, чувствуя всем своим больным сердцем, что она уходит... А Джонни плакал над ней, страдая от невыносимого горя, понимая, какая страшная тень на-

висла над его любимой... В его глазах горело сожаление, сожаление о каждой минуте, которую он провел вдали от нее, сожаление о том, что не успел все исправить...

А она, понимая ужас того, что из ее песка в верхней доле часов остались лишь жалкие крупички, собрала в себе все силы, какие только еще были в ее холодеющем теле, и сквозь ужасный кашель, еле слышно прошептала:

– Джонни... – кашель, он вздрогнул, в страхе посмотрев на нее и боясь того, что может услышать. А она должна была сказать... Вдоха не хватало, сердце не слушалось, боль рвала на части, но у него впереди еще целая жизнь, и она должна была сказать ему правду. – Прости... меня... – Лив задохнулась, а Джонни только сильнее сжал ее своими руками, покрывая поцелуями ее лицо... Нет, ей не хватало сил сказать все... – Я... люблю... тебя... – выдохнула она и почувствовала слезы по своим щекам. – Я... кажется... уми...

– Нет! – шепотом воскликнул Джонни, отчаянно замотав головой и заглядывая в ее глаза, зажимая ее рану с такой силой, будто хотел остановить кровь и заживить ее своим собственным теплом. Он дрожал, Лив чувствовала это, и ей хотелось только... успокоить его. Больше она ничего не могла сделать. Не в этой жизни. – Нет! Не смей! Не смей так говорить, Лив! Ты всю жизнь боролась, не смей сдаваться сейчас, мы почти приехали, прошу, потерпи еще чуть-чуть, и все будет хорошо... Я клянусь тебе... Если ты умрешь, то и я умру, понимаешь? – он наклонился к ее лицу близко-близко,

Лив могла ощущать свой самый любимый аромат морского воздуха и теплый ветерок его дыхания, согревающий ее холодные губы... Боже, если бы можно было... Хоть один еще только миг побыть с ним просто вот так, глядя в его глаза, ощущая его отчаяние и любовь, чувствуя его объятия... Но у нее не было этого времени. И сказать ему она так и не смогла... Ни ему, ни Максу, который тоже был в машине, Лив ощущала его присутствие, знала, что он бы никогда не оставил ее в такую минуту...

Оливия закашлялась, отпуская последние жизненные силы, и еле слышно проговорила:

– Нет... Ты должен... жить... Это... не страшно... Джонни... Умирать не страшно. – вдруг отчетливо проговорила Лив, сделав последний болезненный, свистящий вдох. Она видела, что он хочет заспорить с ней, видела, как он сопротивляется, пытаясь удержать в своих руках те считанные крупинцы песка, которые в ней остались, отказываясь верить, что его любимая вдруг исчезнет навсегда, но слегка покачала головой. – Твое... сердце... должно биться, Джонни... Не сдавайся... Моя... роль... сыграна...

Джонни снова замотал головой и с мольбой в глазах посмотрел вперед.

– Нет, нет, Оливка, что ты такое говоришь! Ты не права, еще не все, терпи, малышка, мы почти приехали, терпи! – отчаянно приказал он ей, но Лив уже уплывала в руки боли... Ей не хватало воздуха, а сердце стучало все медленнее...

– Лив! Лив... Как она?!? – взволнованный, чуть дрожащий голос Макса с переднего сиденья... Лив слышала его зов, но уже не могла говорить. Да, она причинила и ему не меньше боли своими чувствами, своим выбором... Если она умрет, им обоим станет легче...

– Времени почти нет. – глухо ответил Джонни, и мотор взревел...

Лив последний раз посмотрела на него и с огромным трудом, горячими, окровавленными губами шепнула:

– Спасибо... Мой... спаситель...

Не смогла договорить. Сознание осталось безжалостно к сердечной боли, ускользнув в самый важный для нее момент. Лив провалилась в темноту и мир безболезненной пустоты.

Глава 27

Оливия видела себя на лужайке. Над ней висело серое-пресерое небо, кое-где переходящее в грязно-синие кучевые облака, а под ней ковром стелилась практически без цвета и запаха бледно-зеленая трава. Девушка села, удивленно оглядываясь. Она прекрасно помнила последний свой эпизод: машина, боль, Джонни... А значит, это сон.

Лив встала с лужайки и оглянулась: она была на участке перед собственным фамильным домом. То же крыльцо, тот же фонтан с дурацкими крылатыми мужчинами, тот же особняк, прикрытый с левой стороны вишневым садом... Хотя... Все эти, до боли знакомые девушке, детали пейзажа все же

отличались от тех, которые она видела в последний раз, выезжая из этого дома на встречу с Эрнесто. Облицовка дома была покрыта свежим слоем белой краски, панорамного окна в отцовском кабинете еще не наблюдалось: было лишь обычное, как и во всех других комнатах, окно; вишневые деревья казались меньше, а рядом с садом, под зеленой кроной, которая сейчас была серой, как грязная тряпка, Лив неожиданно обнаружила качели и песочницу... Те самые качели, на которых она качалась в детстве, и Джонни, еще мальчишкой, носился вокруг нее, сманивая разными хитростями, чтобы она, наконец, уступила это прекрасное изобретение человечества ему...

Ощувив волну сжимающей сердце ностальгии, Лив вдруг показался волшебным этот странный, хоть и исполненный не в самом радужном цвете, сон, напоминающий ей о том прекрасном времени, когда у нее была целая семья... Мама... Папа... Сестра... Охваченная трепетом, Лив опустила взгляд себе на грудь: ну, конечно. Никаких ран. Точно, она спит. Только вот абсолютной тишины, как полагается этой безлюдной картине, в этом сером, безветренном мире не было: она то и дело слышала какие-то голоса, которые монотонно отдавали команды, но не разбирала отдельных слов...

Всему этому должно быть какое-то объяснение. Лив двинулась было к качелям, но, остановившись и немного подумав, отчего-то решительно переменяла направление и зашагала к дому. Не успела она подойти к крыльцу, как почув-

ствовала перед собой невидимую, неосязаемую энергетическую преграду или барьер. Она удивленно остановилась, но отчего-то побоялась шагнуть дальше... И в эту секунду парадная дверь отворилась, и Лив с изумлением увидела... маму. Маму. Ее маму, погибшую много лет назад...

Сердце дрогнуло, потянувшись к ней всеми силами, но от шока Лив не могла пошевелиться, во все глаза глядя на нее... Это самый лучший сон в ее жизни, как же не хочется просыпаться, лишь бы быть здесь, рядом с ней, рядом с мамой... Лив жадно впивалась глазами в ее лицо, озаренное мягкой, но такой нежной улыбкой, в ее голубые глаза, всегда понимающие, всегда сочувствующие, всегда готовые помочь и самые красивые на свете, в ее руки, отчаянно пытаюсь вспомнить тепло их объятий, и слезы сильным потоком хлынули из ее глаз... Мама выглядела также, как и в тот самый, ненавистный, трагичный день: на ней было легкое синее платье с коротким рукавом и юбкой до колена, такие же синие туфли без каблука. Светлые волосы до плеч были заколоты с двух сторон заколками, а губы... Лив все так же жадно и восторженно посмотрела на них – они блестели перламутром... Теперь она вспомнила. Вспомнила, почему так любит блески для губ. Их любила мама.

Она заулыбалась сквозь слезы и, ощущая немедленное, невыносимое и жгучее нервное потрясение, на дрожащих ногах попыталась сделать шаг вперед, но барьер перед ней не пустил ее, вызвав стон разочарования в ее сердце.

– Мама... Мама... Мамочка... – зашептала Лив дрожащим голосом, глотая слезы... Как же волшебным было говорить это слово... Она и забыла, как прекрасно оно звучит... Как же, должно быть, счастливы те люди, которые могут и по сей день назвать кого-то своей мамой... – Мама... – как заклинание повторяла она, протянув к ней руки. – Ты? Это ты?.. Но как?.. Почему я вижу тебя?.. Такой чудесный сон...

Мама заулыбалась еще ярче, а по ее щеке покатились слезы. Она сделала несколько шагов вперед, спустившись с крыльца бесшумно, словно тень, но ее голос Лив услышала ясно и отчетливо, вздрогнув всем телом и заплакав еще сильнее от его звука...

– Оливия, дочка... Я так счастлива, что могу видеть тебя!.. – мягким и нежным голосом сказала она и с трудом вздохнула, крепко обхватив себя руками, а ее мокрые от слез глаза загорелись болью и тоской. – Ты стала такой красивой! Просто невероятно... Как же я жалею, что так рано оставила вас... Все было бы по-другому... – она стиснула зубы, и Лив заметила, с какой силой она сжала свои плечи ладонями. – Ни тебе, ни Джесси не пришлось бы переживать все те ужасы, что выпали на вашу долю... – она вдруг улыбнулась, и в ее глазах блеснула гордость. – Но ты, дочка, стала такой сильной! Ты можешь преодолеть любое препятствие, ты готова жертвовать собой ради близких, ты особенная, Лив. Я очень скучала по тебе...

Лив снова попыталась рвануть к ней, желая немедленно

очутиться в ее объятиях, желая почувствовать мамино тепло, вдохнуть позабытый запах ее духов, и плакать, плакать, рассказывая ей о том, как же она страдала без нее все эти годы, как же мечтала о ее поддержке, о ее любви, как же она запуталась и как тяжело ей распутаться сейчас одной...

– Мама! Ты не представляешь, как я нуждаюсь в тебе, мама, ты мне так нужна! – воскликнула с болью Лив, пытаюсь преодолеть ненавистный барьер, мешающий ей подойти ближе к ее маме, к ее мамочке... – Мама... – слезы, слезы, Лив ощущала глубокую скорбь и свое детское горе так, будто оно случилось пару дней назад, а не в далеком детстве. – Я не... могу... подойти к тебе... Почему?! – крикнула она в отчаянии, снова пытаюсь сделать шаг. – Почему, почему??? Я так хочу обнять тебя, мама, ты... не представляешь... – ее голос сорвался, и она перешла на шепот, – как мне... одиноко...

– Стой, Лив, стой! – с горечью воскликнула мама, и в ее голубых глазах зажегся испуг. Она вскинула руки в останавливающем жесте и приблизилась еще на несколько шагов, но... не достаточно... близко... Лив на секунду замерла, тяжело дыша в собственном бессилии. – Ты не можешь подойти. Ты не должна пересекать линию! Ты же понимаешь, что...

– ...это не сон. – закончил за маму другой родной голос, и Лив с изумлением вздрогнула, увидев, как из парадной двери появляется Джессика, ее сестра... Ах, как же можно было это выдержать! Тоска, соединившись с глубоким, болез-

ненным чувством вины и раскаяния превратились в новый поток слез, пока Лив смотрела на свою родную сестру, которая первой приняла ее со всеми недостатками, каких в ней было несчетное количество, которая первой предложила ей руку помощи и попыталась воссоединить семью, которая так страшно и нелепо... умерла... из-за нее...

Джесси улыбалась, глядя на Лив теплым, светящимся взглядом. Как и мама, она тоже была в той самой сорочке, в которой погибла в тот ужасный день, и Лив, не веря своим глазам и своему сумасшедшему счастью, до боли сжала кулаки, глядя на нее.

– Джесси...

– Привет, Лив. – тепло и спокойно, какой она всегда и была, сказала Джесси и встала рядом с мамой. – Я очень рада тебя видеть, но тебе нельзя пересекать линию, понимаешь?

Лив покачала головой, всхлипывая.

– Что за линия?.. Зачем она здесь?.. Что все это означает?? – снова закричала она, не имея сил просто стоять и говорить с ними, так ей хотелось подбежать и стиснуть их обеих руками, чтобы никогда больше никуда не отпускать...

– Ты... Как бы... на промежуточной станции, Лив. – сказала Джесси со вздохом. – Ты можешь шагнуть сюда, к нам, но тогда...

– Я умру. – шепотом проговорила Лив, все вдруг осознав. Вот почему она видит их. Она еще жива, но находится на грани смерти... Глядя на маму, которая с такой нежной лю-

бовью смотрела на нее, утирая слезы, и на Джесси, бедную Джесси, которая приняла смерть из-за ее глупого поступка, она вдруг подумала: а что ее держит в мире живых? Она разрушила все, что у нее было, предала того, кого любила больше жизни, того, кто любил ее, зачем ей оставаться на земле? Чтобы причинять людям новую боль?.. Нет, нет, нет. Она больше никого не обидит. Хватит.

И Лив, собрав все силы, преодолевая подсознательный страх и ощущение, что кто-то тянет ее назад, в обратную сторону, решительно шагнула вперед, к крыльцу. Голоса, что-то болтавшие вокруг нее, разом смолкли, а энергия, тянувшая ее назад, вдруг изменила направление и с силой потащила ее к дому. Лив сделала несколько поспешных шагов, чувствуя, как все ее нутро дрожит от радости встречи с мамой и сестрой, как ее душа танцует и мечется в предвкушении тех самых, долгожданных объятий, которые будут длиться целую вечность, как обе, и мама, и Джесси, вдруг замахали руками, и мама предостерегающе сказала:

– Лив! Нет, подожди. Тебе не нужно сюда.

Лив замерла, разочарованно и непонимающе глядя на нее. Ее душа сделала последний пируэт и жалко повисла, разом обмякнув и потемнев от боли.

– Мама! – воскликнула негодуяще она, с мольбой глядя на нее. – Мама, но я не хочу больше жить! Я хочу остаться с вами! Пожалуйста, мама... – шепотом добавила она сквозь слезы и рухнула на колени.

Мама грустно покачала головой, а по ее щекам побежали новые слезы.

– Поверь, милая, я очень, очень хочу, чтобы мы снова были вместе, но тебе еще рано быть здесь, вернись. Вернись за занавес, дочка. Ты еще не все сделала там, твое предназначение не выполнено... Дочка, ты нужна отцу, ты...

– Ты нужна ему. – тихо, но с мягкой и грустной улыбкой закончила за нее Джесси, а Лив с новой силой почувствовала пожирающий ее адский огонь вины...

– Ему... Джесси... – она посмотрела на сестру большими глазами. – Прости меня за него, я не хотела, чтобы все так вышло, я не собиралась забирать его у тебя... Я не знаю, как это получилось, и...

Джесс улыбнулась и покачала головой.

– Ты не виновата, Лив. Наш брак был всего лишь договоренностью, а значит, с самого начала был обречен. Мы были вместе всю жизнь, но он никогда, никогда не смотрел на меня так, как на тебя. С того дня, как мы встретили тебя в аэропорту, только ты занимала его мысли, и... Это было неподвластное ему чувство. Его нельзя пережить, перетерпеть или исключить. Он никогда бы не избавился от него, Лив. Он любил тебя. С первой секунды, как увидел. Ты должна вернуться за занавес, сестренка. Он не сможет без тебя.

Каждое ее слово, словно острый кинжал, резало сердце Лив на части, она не верила тому, что слышит, но... Разве сейчас уже не поздно? Разве это теперь имеет какое-то зна-

чение?

– Джесс... Мама... – Лив перевела испуганный и потерянный взгляд на маму, чувствуя себя неуверенно и путанно. – Я очень сильно обидела его! Я совершила страшную ошибку и разрушила все, все! Джонни бросил меня... Я... сделала ему больно... И я не знаю, как его вернуть! Как заставить его поверить мне, в мои чувства... Он был моим смыслом! А теперь... его нет...

Мама улыбнулась, нежно глядя на дочь.

– Ты немного заблуждаешься, малышка Лив. Твой смысл связан с ним, но он еще не утерян. Джонни любит тебя, и ты найдешь способ его вернуть. Ты же Оливия Мартинес, та самая, что никогда не сдается! Борись, милая, борись всегда и никогда не опускай руки. Все, а теперь вернись, вернись. Сейчас. Иначе он опустится. Занавес.

Лив с ужасом и сомнением, разрываясь бешеным противоречием внутри себя, оглянулась назад, туда, где должна была быть та самая невидимая преграда.

В эту секунду она вдруг услышала его голос... Как будто сквозь помехи из-за утери сигнала прорвался этот звук... «Дыши, Лив, прошу тебя, черт возьми, дыши! Не оставляй меня, Оливка, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... Лив...» Оборвалось. Лив дернулась туда, где кричал его голос, все внутри нее, душа, сердце, все устремилось к нему в сумасшедшем порыве...

– Иди, Оливия. – мягко сказала мама. – Ты нужна там. Ты

слышишь его... Твоя душа его слышит... Вернись, пока не поздно, сделай правильный выбор.

Лив с невероятной тоской поднялась на ноги и, ощущая разрывающее ее сердце страдание от того, что через несколько секунд она снова потеряет их на многие десятилетия вперед, тяжело ступила назад, беснуясь от боли. Шаг... Еще шаг... Барьер неожиданно легко пропустил ее назад, и она вновь почувствовала изменение силы притяжения, которая теперь вновь тащила ее куда-то в сторону ворот. Голоса вокруг вновь возбужденно загалдели, а Оливия с болью и тоской посмотрела на маму и Джесси, таких реальных и таких близких к ней, но таких далеких, за гранью нашей действительной реальности... Мама и Джесси сели на ступеньки крыльца, и мама обняла старшую дочь за плечи. Они обе улыбались, просто глядя, глядя на нее, обе молчали.

– Выбор... – шепнула Лив устало. – Я больше не хочу выбирать... Почему постоянно нужно что-то выбирать? Почему мы не можем жить просто, двигаться по своей широкой дороге, а не шастать по узким колеям, уводящим нас все дальше от широкого, гладкого пути?

Мама вздохнула.

– Наша судьба predeterminedена только нашим выбором. Ничем больше. Любая колея – тоже дорога, а каждый человек выбирает себе путь в силу своих возможностей. Мы несем тот крест, который могут удержать наши плечи. Твой путь сложен, Лив, но ты больше не будешь несчастна или

одинок. Ты больше не будешь отталкивать людей, в страхе их потерять... Кто, как не ты, знает настоящую цену живым чувствам боли, раскаяния, страдания? У тебя все будет хорошо, милая. Просто верь в это, как я верю. – нежно проговорила она, а Лив снова задрожала, чувствуя, как подбираются слезы, чтобы вновь хлынуть потоком.

Ей нужно уходить. Она почувствовала это и снова посмотрела на ворота. Нужно возвращаться. Она с тоской перевела глаза на Джесси и тяжело проговорила:

– Джесс... Прости меня... Это я виновата в твоей смерти... Я никогда не смогу с этим смириться... И с тем, что разрушила твое счастье, забрав его у тебя... Прости...

Джесс потупилась, а в ее взгляде мелькнула затаенная боль.

– Моя смерть связана не с тобой, Лив, а с волей судьбы и несчастного стечения обстоятельств. Ты еще не понимаешь этого, но все должно было случиться именно так. И он должен был стать твоим... Ты не виновата в том, что мне было отведено так мало времени, и в том, что он любит тебя, любил всегда... Это его выбор. Вернись к нему и береги его, хорошо?

Лив с болью кивнула, рыдая в голос.

– Хорошо... – она вновь посмотрела на маму. – Мама... мамочка... я так сильно люблю тебя! И мне очень тебя не хватает... Дождись меня здесь, пожалуйста, пожалуйста, я смогу жить, только зная, что когда-нибудь вновь увижу тебя

и, наконец, обниму...

Мама выдохнула, утирая слезы, и улыбнулась:

– Конечно, милая. Я буду ждать тебя столько, сколько потребуется... А когда придет время, мы воссоединимся здесь, по эту сторону. Не тоскуй, дочка. Здесь нет одиночества. Мы чувствуем себя свободно и счастливо. Береги себя, милая. И больше так не делай, хорошо? – наставительно проговорила она и поднялась на ноги. – Я очень люблю тебя, малышка Лив. Помни это. Держи вот здесь. – она показала на сердце и ушла в дом.

Лив хотела кричать и кричать, что ей мало этого свидания, мало, катастрофически мало для того, чтобы утолить печаль, но душой она понимала, что так нужно. Джесс тоже встала.

– Ну, пока, сестренка. Жаль, что у нас было так мало времени и мы не смогли стать большой и дружной семьей... Я тоже люблю тебя, Лив, и ты ни в чем не виновата, слышишь? – серьезно проговорила она. В этот момент сила, тянущая Лив к воротам, увеличилась, и девушка ощутила, как ее тело отдаляется от дома родителей... А значит, от мамы... и от Джесси...

– Я тоже люблю тебя, Джесси! – крикнула она, протягивая к ней руки и улетая, улетая... Вспышка! Она вдруг вспомнила...

– Джесс!! – крикнула она, отчаянно пытаясь затормозиться хоть на секундочку, но, видимо, у судьбы были немного

другие планы на нее. Джессика почти скрылась в дверях дома, но снова удивленно выглянула. – Джесс!! Что за секрет?? Что у тебя был за...

Она не договорила. Скорость увеличилась, и последнее, что увидела Лив перед тем, как провалиться в небытие, удивленные и горькие, очень горькие голубые глаза ее трагически погибшей сестры...

Глава 28

Ощущение, будто на теле сверху уложили парочку слонов или бегемотов, и они с удовольствием устроились, лишая возможности двигаться и пригвождая к кровати своей тяжестью.

Второе ощущение – жарко. Воздух будто раскален, а вдохнуть поглубже мешают бегемоты... И еще чувство, будто кто-то пробурил скважину в правой половине груди, отзывающееся болью при каждой попытке глотнуть кислорода...

Лив не шевелилась. Практически не дышала. Сознание медленно возвращалось, привнеся с собой духовой оркестр в голове, разрывающий мозги своей высокочастотной игрой, барабанную дробь сердца и боль, боль, боль...

По характерному пиканью с левой стороны от себя, девушка догадалась, что находится в больничной палате... скорее всего, у Калеба... Ах, да. Она выстрелила в себя и, кажется, попала в легкое... Джонни... Он что-то говорил ей, что-то о любви, чертовски приятное и нужное ей... И плакал?..

Да, вроде того... А потом она видела маму... и Джесси... странный, но такой восхитительный сон!.. Как будто сбылась ее сокровенная мечта... Мечта всей жизни... Услышать ее голос, увидеть ее лицо... Только обнять нельзя было, почему-то...

– Ты же понимаешь, почему она сделала это? – вдруг проговорил обеспокоенный, но все такой же brutальный и притягательный голос рядом с ней. Лив вздрогнула внутри себя: Макс. Ее сердце живо откликнулось, но она решила пока не показывать ему, что проснулась – ей хотелось послушать, о чем он будет говорить, а главное – с кем.

– Ты ошибаешься. – жестко и устало проговорил другой голос... Лив чуть не умерла от радости: Джонни! Джонни! Эти нотки... Этот тембр... Все внутри нее посветлело, даже боль как будто отошла на второй план. – Она сделала это, потому что хотела переломить ход игры и спасти отца, спасти нас всех. И у нее получилось. – он вздохнул.

Макс, кажется, рассердился. Его голос зазвучал раздраженно и импульсивно.

– Ты прикидываешься, Джонни?! Лив умна, она бы придумала тысячу других способов, как обойти этого подонка, но она... она, черт тебя дери, стреляла в себя! И ты думаешь, что это никак не связано с вашим разрывом??? Ты не видел ее после того, как бросил! Она думала, что потеряла смысл жизни, она же и говорила тебе об этом в машине, ты помнишь?? Или тебе показалось, что она имела ввиду то, что

у повара Эндрю из «Аквамарина» закончились дрожжи для выпечки ее любимых десертов? – съязвил Макс, и Лив захотелось улыбнуться, но она удержалась. – Как ни крути, придурок, но убить себя она хотела из-за вашего разрыва. – он помолчал, и Джонни тоже был тих. Затем снова послышался голос Макса, только какой-то тяжелый, наполненный горечью и собственной болью:

– Она любит тебя, Джонни. Не будь идиотом, вернись к ней. Она не сможет пережить одиночество снова...

– У нее есть ты. – гневно проговорил Джонни. – Она никогда не будет одинока... И ты, кажется, любишь ее?

Макс вздохнул и все также тяжело ответил:

– Люблю, конечно... Но она не хочет меня. – с горечью и безнадежным отчаянием проговорил Макс, и сердце Лив отозвалось болью и чувством вины. – Ей нужен ты.

– Ты не можешь знать этого наверняка. – так же тяжело ответил Джонни с болью в голосе. – У нее есть к тебе чувства.

– Да черт бы тебя побрал! – гневно воскликнул в сердцах Макс, и Лив, которой до боли страшно было слушать этот нелегкий диалог, с трудом вдохнула и тихо проговорила:

– Проклятье. Если я слышу этот разговор, значит я все еще жива... Что за чертова невезуха? Это все Калев... И кто ему дал разрешение вечно вытаскивать меня с того света?.. Я с ним разберусь... – она с огромным внутренним усилием преодолела дикую слабость и открыла глаза: больничная палата была погружена в полумрак, светила только лампа пря-

мо над ее кроватью.

С левой стороны, на скамейке сидел Макс, все такой же мужественный, красивый и привлекательный в черной обтягивающей футболке, синем пиджаке, черных брюках и туфлях. Он тяжело облокотился локтями на колени и выглядел нервно и устало... Но когда Лив встретила взглядом с его синими, ожившими глазами, миг засиявшими радостью и облегчением, его лицо озарила улыбка.

Джонни сидел на другой скамейке у противоположной стены, устало облокотившись о стенку комнаты. Лив не могла насмотреться на него... Ей казалось, что он идеален... прекрасен... сияет... На нем был черный дорогой костюм и белая рубашка, расстегнутая на верхние пуговицы... Лив медленно оглядела каждую пуговицу на его груди, каждую складку на засученных до локтей рукавах пиджака и лицо... Его лицо... Оно было красивым, совсем не таким, как у других мужчин... Девушка медленно и жадно, истосковавшись по нему за все эти сложные и мучительные дни, смотрела на его темные брови, правильный нос, такие родные и любимые губы и... глаза... Зеленые, сияющие, живые... В них не было того привычного тепла и задорного, игривого огонька, а только тревога и усталая боль... Он будто излучал ее, Лив чувствовала его состояние, она страдала, и он... он тоже... И пока не мог ей поверить...

Увидев, что Лив проснулась, он облегченно выдохнул и тоже улыбнулся измученной улыбкой, подавшись вперед.

– Привет, белоснежка. – мягко сказал Макс, восхищенно и влюбленно глядя на девушку, которая с трудом оторвалась от созерцания своего мужа и тоже посмотрела на Макса, ощутив бесконечное тепло от его синих глаз и присутствия. – Как ты себя чувствуешь?

Лив с трудом улыbnулась, все еще испытывая бешеную слабость.

– Франкенштейн... У меня такое чувство, что Калев что-то забыл в моей грудной клетке... Болит страшно... Надо бы рентгенчик сделать... А то эти ножницы... или что там еще... дышать мешают... – еле-еле, медленно, с одышкой проговорила она, и Макс расхохотался, светясь от счастья. – Да еще эти... Ты видишь их?? Эти... устроились на мне и лежат... Скоро в кровать впечатают... Ну, глаза разуй, павлин...

Макс смеялся, радуясь, как никогда в жизни.

– Кто? Твои новые идеи и немного ненормальные фантазии о том, как стереть с лица земли Эрнесто Карелли?

Лив захотелось посмеяться, но она не смогла: боль скрутила ее, долбя отбойным молотком в то место, куда она выстрелила.

– Сам ты... ненормальный... Макс... Это гиппопотамы... Они не дают мне... пошевелиться...

Макс снова рассмеялся и, поднявшись, наклонился и поцеловал девушку в щеку, вызвав недовольный взгляд Джонни.

– Это наркоз и последствия ранения, моя девочка. У тебя очень низкое давление, и ты потеряла много крови.

Лив поморщилась, но ей было ужасно радостно и приятно от их присутствия. Их обоих. Двух важных частичек ее сердца... А Джонни просто внимательно и жадно смотрел на нее, ничего не говоря... Смотрел, смотрел... Наблюдал за ее глазами... за тем, как вздымается ее грудь при вдохе, за ее бледными, едва шевелящимися губами... И она ощущала его взгляд как прикосновение, чувствовала его энергию... и боялась посмотреть в ответ... Не хотела видеть боль или разочарование в его зеленых глазах...

– Значит, утренняя пробежка по парку завтра мне никак не светит? – пошутила Лив все тем же слабым голосом, набрав в грудь побольше воздуха, насколько позволяла ее рана.

Макс игриво улыбнулся и поднял брови.

– Ну... не только завтра, но и ближайшие недели три точно. – он вдруг нахмурился и проговорил:

– Ты хоть понимаешь, что чуть не умерла??? Вернее... – он осекся и замолчал, а Лив внезапно вспомнила новые подробности своего сна о маме и Джесси... Занавес, силы, тянущие ее обратно... Шаг за энергетический барьер... Это был не сон вовсе... А самая настоящая смерть...

– Зачем, Оливка? – вдруг с болью проговорил Джонни, подавшись вперед и все также пристально впитывая ее взглядом. – Зачем ты в себя стреляла??? Ты хотела умереть??? Почему?..

Лив посмотрела на него, и ее сердце, как банальная птица в клетке, забилося, пытаясь двигаться к нему, приблизиться, ощутить его дыхание, его одеколон... любимый морской аромат... Она горько ухмыльнулась. Нет. Самоубийство на почве трагедии любви не входило в ее планы.

– Я целилась в плечо... Ошибочка вышла...

– Что-о-о?!? – заорали хором Макс и Джонни, подскочив со своих мест в дружеском порыве негодования.

Лив слегка поморщилась, снова тяжело вздохнув.

– Я что, по-вашему, совсем головой ударилась, чтобы кончать... жизнь самоубийством... из-за... ну... о чем вы тут говорили... из-за разрыва с тобой?.. И отца убивать... я не собиралась... Но мы договорились с Люком... что первый выстрел будет сигналом... Я должна была... сбить его с толку, запутать... сделать так, чтобы он... сильно отвлекся... Чтобы неожиданно напасть... Чтобы прекратить все эти игры... раз и навсегда... Я не думала... что эти легкие так высоко, черт бы их побрал...

Она поморщилась снова, устав говорить и глядя на то, как оба парня отходят от шока.

– Ты... – Джонни тяжело вздохнул, борясь с бешеными эмоциями внутри себя. – Да как тебе в голову пришло... Ты же пальнула в себя!!! А могла выстрелить в этого мерзавца Эрнесто, он стоял в двух шагах от тебя!! И все было бы кончено!!! Глупышка... – Джонни провел рукой по волосам, пытаясь успокоиться, а Лив вдруг с тревогой посмотрела на

него и Макса:

– Эрнесто... Он жив??? А отец... Брайан... И цапля?... Как они?? Что там было?.. – обеспокоенно зашептала Лив, и датчик, соединенный присосками с одной ее рукой, вдруг запищал быстрее. От волнения ее пульс подскочил.

Макс и Джонни одинаково сурово посмотрели на экран компьютера, отражавшего показатели работы сердца девушки, и Джонни первым проговорил:

– Перестань нервничать, Лив, успокойся: они все живы и здоровы. Была перестрелка, в которой численный перевес оказался на нашей стороне. Эрнесто просчитался и не предусмотрел такую возможность, что что-то может пойти не по сценарию, поэтому в его доме было так мало людей. Эйден, Брайан и Аврора в порядке, Калев подлатал им пару царпин, но ничего серьезного. А Эрнесто сбежал.

Лив расширила глаза, забыв о том, что не может дышать нормально, и закашлялась от боли и возбуждения:

– У... у... у него передатчик!.. Мы тогда... в химчистке... подсунили ему в этот отвратительный кардиган... У Эдди есть программа... на телефоне... он может... следить...

Пик-пик-пик-пик... Быстрее запищал компьютер, и Макс нежно взял Лив за руку, успокаивая ее и улыбаясь ей. Лив ощутила тепло его сильной ладони и сразу услышала, как пиццание замедлилось... Ей было приятно его прикосновение... Она быстро посмотрела на Джонни, который недобро и пристально испепелял Макса взглядом, чуть наклонив го-

лову к плечу и сложив руки на груди. Ревнует??? Ее сердце дрогнуло.

– Белоснежка, не волнуйся, мы знаем о нем. – спокойно и уверенно сказал Макс. – Аврора нам рассказала. Люди твоего отца и мои люди сейчас его преследуют. Мы знаем, где он. Пока что, он в бегах. Скитается по Нью-Йорку, пытается запутать след... Но о вашем «жучке» он не догадывается. – Макс игриво подмигнул ей и притягательно улыбнулся. – Расскажешь мне потом эту историю? О химчистке? Хорошо, моя девочка?

Лив улыбнулась в ответ слабой улыбкой.

– Ну как уж тут откажешь?..

– И обещай больше не умирать, белоснежка, ты себе не представляешь, что здесь происходило и как ты всех напугала, когда... – его голос дрогнул, и он осекся, не в силах продолжить, а его рука, держащая руку Лив, чуть сильнее сжалась.

Лив посмотрела в его изменившийся, миготом потускневший взгляд, затем – на Джонни, с болью и злостью наблюдающего за ним, и вздохнула:

– Умирать – вовсе не страшно... Я и раньше не боялась за свою жалкую жизнь, а теперь, когда мама сказала, что они там все вместе, что они не одиноки, я вдруг поняла, что глупо цепляться за свое существование и дальше, я еще никому не сделала ничего хорошего, только приношу боль и разочарование, из-за меня люди страдают... – она с трудом пере-

вела дух и посмотрела на Макса. – Джессика, ты, Джонни... Я решила, что пора закончить список, пока людей в нем не прибавилось еще больше, и шагнула к ней...

– Мама... сказала? – тихо и удивленно спросил Макс, внимательно глядя на Лив, и та тяжело кивнула.

– Да. Я... ее видела. И Джесси... и наш дом... Знаю, это звучит как-то странновато, но... Это не было похоже на сон... – Лив задумчиво нахмурилась, вспоминая подробности.

– Ты... видела Джесси? – тихо и изумленно спросил Джонни, и в его глазах мелькнула дикая грусть и затаенное горе. Лив с трудом посмотрела на него, чувствуя, как резануло ее сердце... А что, если он жалеет, что он с ней, а не с Джесс? Вдруг теперь он понял, что любил только ее сестру, а она сама была для него лишь увлечением?..

– Да... Она сказала, что не винит меня... в своей смерти, и еще, что не держит зла из-за того, что я... – Лив отвела глаза. – Забрала тебя... А мама... Я так хотела подбежать к ней, прижаться, поплакать на ее плече, вдохнуть запах ее волос... Но она сказала, что я должна шагнуть обратно. Сюда. Вроде бы, еще не настало время для веселой игры в ящик. – Лив слабо улыбнулась и нахмурилась. – А потом я услышала... – она посмотрела на Джонни, – твой голос. Ты... кричал, что я должна дышать... И мне пришлось вернуться. – Лив пожала плечами, или попыталась это сделать, а Джонни замер, с изумлением глядя на нее, не в силах пошевелиться...

– Так ты... слышала? – почти шепотом проговорил он. Лив ухмыльнулась.

– А что? Не должна была? Ты нагло врал? – она вдруг нахмурилась. – Только вот я не успела спросить ее о секрете... Что за секрет, Джонни? Скажи мне. Она – моя сестра... Я должна знать.

Джонни с болью опустил глаза в пол, а Макс встал. Нежно и очень любовно поцеловав Лив в щеку совсем рядом с губами, он обаятельно подмигнул и проговорил:

– Поправляйся, моя девочка. Я зайду попозже. И, Лив. – серьезно вдруг произнес он. – Та боль, которую, как тебе кажется, ты причинила мне, не идет ни в какое сравнение с тем счастьем, что именно *ты* подарила мне. Если бы кто-то предложил забрать и боль, и воспоминание о твоей любви ко мне, я бы не согласился ни за что на свете. – он искренне и как-то грустно улыбнулся.

– Пока, Макс. – слегка дрожащим от впечатления, которое на нее произвели эти слова, голосом проговорила Лив и благодарно улыбнулась, ощутив снова прилив тепла и чувства бешеной вины по отношению к нему. Макс двинулся к двери, но, встретив на пути Джонни, остановился, и они уставились друг на друга откровенно соперническими, полными жесткого, холодного мужества, взглядами. Постояв так какое-то время и насыщая комнату напряжением и выбросами тестостерона, Макс, наконец, ухмыльнулся и вышел, оставив Джонни и Лив наедине.

Джонни подошел и сел около девушки, внимательно и грустно посмотрев ей в глаза.

– Может, поговорим об этом позже, когда ты поправишься? – с тревогой произнес он, заглядывая в ее глаза. Лив стиснула зубы, и предатель-компьютер снова выдал тайну о том, как неистово заколотилось ее сердце, опасливо ожидая худшего.

– Говори, Джонни. – прошептала она строго. – Сейчас.

Он вздохнул и опустил глаза. Помолчав немного, как будто собираясь с силами, он, наконец, проговорил:

– На момент смерти... Джесси была беременна.

Лив как будто ударило током. Нет. Только не это. Нет. Нет... Сердце заколошматило в грудь до боли, сил держать слезы не было, пицание компьютера стало невыносимым... Джонни с огромной тревогой наблюдал за ней, его глаза горели болью.

– Нет... Ты... – Лив не знала, не могла подобрать слова, мысли разбежались, как муравьи, в разные стороны, остался только соленый ручей по щекам и разрывающая боль. – Ты... знал?..

Джонни покачал головой, с трудом вздохнув.

– Нет. Она не успела сказать. Это выяснилось уже после вскрытия.

Лив зажмурила глаза, пытаясь унять боль и ужас, охвативший ее сердце. Внутри Джесс была маленькая жизнь... Ребенок, который должен был стать самым главным счастьем

их семейной жизни... Который должен был быть смыслом... смыслом для нее и... для него... Если бы не Лив, если бы не она, сейчас они были бы счастливы! И им с Джонни никогда не суждено было сойтись. Ребенок! Ребенок... Но эта маленькая, невинная, чистая душа должна была жить! Сколько жизни в самом только слове... Ребенок... Он имел право на существование, он не должен был погибнуть, так и не познав любви матери, это нечестно, несправедливо!!!

– Оливка, Лив... – тихо и тревожно позвал ее Джонни, и она открыла мокрые от слез глаза. – Не надо. Не вини себя. Это ничего не меняет.

Слова, как крапива. Жалят и жалят. Лив тяжело вздохнула и еле слышно проговорила:

– Это ведь... был... твой ребенок? Да, Джонни?..

Джонни вздохнул и молча кивнул, опустив сияющие горем глаза. Лив хотелось кричать. Кричать. Кричать. Сестра. И малыш. Малыш от любимого человека... Возможно, с его глазами или губами... Сама Лив и мечтать не могла о таком счастье...

– Все из-за меня... Из-за меня! Если бы я не... приехала тогда в Нью-Йорк... Все было бы... хорошо... У всех... у вас... Ты... должен был... должен был быть с ней и... и... У вас все было бы... – рыдания душили ее, она почти не могла вдохнуть от потока слез и боли в ране, боли в сердце, но ничего из этого не волновало ее так, как маленькая, невинная, трагически оборвавшаяся жизнь. Джонни быстро пересел на

ее кровать и наклонился к ее лицу, нежно стерев ладонью слезы с ее щеки.

Лив даже на миг перестала плакать: его глаза были так невероятно, волнительно близко!.. Впервые с очень и очень давнего времени... Она ощущала его силу, мужество, видела горячее сияние зеленых глаз и даже ощутила тонкий, еле уловимый, морской аромат... Все это, что так беззаветно и трепетно любила девушка, и то, что не должно было достаться ей...

– Послушай меня, Лив! – с нажимом, повелительно сказал он. – Если бы я должен был быть с ней, я с ней и был бы. Но это ее судьба, понимаешь? Да, те события косвенно связаны с тобой, но она умерла не из-за тебя, а потому что ее время закончилось! – он импульсивно выдохнул. – Даже если бы она была жива и родила бы мне ребенка, мы не были бы счастливы, как ты не понимаешь? Я не любил ее так... как тебя, да черт возьми, смотреть на тебя и понимать, что ты никогда не будешь моей, было бы худшим из всех наказаний, придуманных для меня Господом! Лив... – он еще ближе наклонился к ней, заставляя ее дыхание почти остановиться. – Все было бы еще хуже. Она прекрасно знала, как я отношусь к тебе, но мы были бы вынуждены быть вместе из-за ребенка, который на в чем не виноват! Подумай, сколько боли и страдания ждало ее на этом пути, если бы она выжила... Любить того, кто думает о другой... Все случилось именно так, как должно было. – закончил он, неотрывно глядя в ее глаза,

а Лив, не смотря на слабость, умирала от желания прикоснуться к нему, умирала от его близости, от ощущения его тепла...

Нет, даже жара... Она прямо почувствовала эту волну, вдруг снова захватившую ее в свою пучину... Глаза... зеленые... нежно, с огромной болью прошлись по ее ресницам, по ее щекам, замерев на губах... Он не мог отвести взгляда, жадно смотрел на них, и его дыхание чуть сбилось...

Боже, почему она не может поднять руки?.. Почему не может коснуться его, почему, почему??? Это желание убивало ее, все внутри нее тянулось к нему, все дрожало и обжигало неистовой тоской и страстью... Лив забыла о боли, забыла даже о причине их разговора, о ней она подумает потом, после... Сейчас важны были только его глаза, любовно оглядывающие ее подрагивающие губы, только его горячее дыхание, которое она чувствовала на своем лице, ради которого Лив пошла бы на любые испытания, только несколько проклятых сантиметров, разделявших их на пустой и никчемный воздух, которому не было места между ними...

Он с трудом вздохнул и снова посмотрел в ее глаза, наклонившись еще чуть ближе, возможно, даже неосознанно, поддавшись эмоции или инстинкту... Боже, Лив задыхалась от вулкана в своем животе, от биения сердца, оглушающего ее сильнее, чем писк монитора, от духоты в помещении... В ее голове отчаянно, с огромной мольбой засела мысль, она мечтала о его поцелуе, она не могла думать ни о чем другом,

впитывая в себя его горячую энергетику, и, умоляюще посмотрев на его губы, она еле слышно, не имея сил скрывать собственного огня, шепнула:

– Джонни...

Она заметила, как снова сбилось его дыхание, и подняла взгляд в его глаза... Она увидела... Ах, чертова слабость и боль, почему она не может шевелиться?.. Только не сейчас, не в это волшебное мгновение, когда она увидела, как потемнели его зеленые глаза, как они поменяли цвет, как загорелись ярче солнца... Пожалуйста, пожалуйста... Она ничего в этом мире не желала так неистово, как этот поцелуй... Его губы совсем близко... Дыхание... Тяжелее... Он вдруг вздохнул, на секунду прикрыв глаза, будто преодолевая какое-то внутреннее противоречие в себе, будто пытаясь побороть искушение, но никак не мог, Оливия закрыла глаза, утопая в собственном счастье, и...

Момент лопнул, как мыльный пузырь. Дверь отворилась, и влетели разом отец, Брайан, доктор Калед, Оливер и Трейси О-Коннелы и даже Аврора, следом за которой в проеме показались две вездесущие разноцветные головы, без которых Лив не представляла свое бытие два последних года.

Дикое, убийственное, сумасшедшее разочарование, и Лив тихо застонала, на мгновение заметив блеснувший таким же разочарованием взгляд Джонни, который глубоко вздохнул и, оглянувшись на вошедших, отсел обратно на скамейку, бросив на Лив последний, очень сложный, наполненный бо-

лю, противоречивый взгляд. Новые слезы на подходе... Она ощущала это – он все еще не может поверить ей... И это уничтожало ее изнутри.

– Оливия! Милая! – громыхнул Эйден, рванув к Лив и упав возле ее кровати, схватив ее за руку. Лив заметила, как он сжимал зубы от волнения, и увидела уставшее, осунувшееся и заметно постаревшее лицо, вдобавок украшенное двумя мешками под глазами. Он облегченно вздохнул. – Слава Богу!!! Ты пришла в себя!!! Дочь... ты даже не представляешь... я так страшно... зол на тебя!!! – громыхнул он снова, подскочив на ноги и схватившись за голову, пытаясь взять себя в руки. – Ты... ты хотела убить себя!!! Ты выстрелила себе в грудь!!! Я поверить не могу!!! Почему ты не убила меня??? Ты должна была убить меня, меня! А не себя! Я в сто, нет, в тысячу, нет... в миллион раз хуже тебя!!! Я не стою ни единой твоей капли крови, Оливия!! – разорвался отец, наверняка распугав всех посетителей в лавке «Go, go, New-York!» над ними. – Ты должна была сделать что угодно, – он плюхнулся на ее кровать, всколыхнув ее своим весом так, что Лив чуть в воздух не подлетела, – что угодно, только не это!!! Только не самоубийство! Почему?? Почему тебе так плохо?? – с ужасом схватив ее за руку, Эйден требовательно ее потряс, а Лив все ждала, когда же словесная диарея отца, наконец, сойдет на нет. – Ты хотела умереть из-за давления Эрнесто на нашу семью? Или... – он вдруг недобро блеснул глазами в сторону Джонни, угрюмо слушавшего его

с сумрачным видом. – Или из-за... вашего... ну... разрыва?..

– Да вы что все, с ума посходили???, – прошипела Лив, кипя от злости, но тут же закашлялась, потому что воздуха ей, все-таки, не хватало.

Эйден покачал головой, грозно сверкнув на Джонни взглядом.

– Не переживай, дочка, я помогу тебе через это пройти... У меня есть один очень хороший специалист...

– Психотерапевт???, – чуть не закричала Лив, ощущая немедленное желание повернуть время назад и выпустить всю обойму в лоб треклятому, чокнувшемуся папаше-ослу, когда был такой шанс. – Девятый?!? Папаша, замолчи лучше сейчас, или я твой язык завяжу тебе вокруг горла, чтобы больше ни одна подобная блестящая идея не выскочила из твоей преумной, но явно где-то в трех местах переломанной головы! Я поверить не могу!!!

– Но...

– Эйден, она не собиралась убивать себя! – вздохнув, жестко и громко проговорил Джонни, сложив руки на груди. – Это вышло случайно. Она целилась в плечо.

Услышав такую прекрасную новость, Эйден стал похож на котел с кипящей и дышащей паром мутно-зеленой жижей, потому что его лицо позеленело, глаза налились кровью, а дыхание стало невыносимо горячим от переполняющего его гнева и негодования. Лив поморщилась и покосилась на Джонни.

– Ну вот. Он сейчас взорвется и окатит меня фонтаном крови, мяса и серых осколков костей. И все из-за тебя. Надо было поддержать идею, где ты во всем виноват.

– Оливия, ЭТО ЧТО, ПРАВ... – зашипел или закричал на ультразвуке отец, но его прервал доктор Калев, протолкнувшись к монитору через немного ошарашенный, а потому застывший с неестественно серыми лицами, народ в кабинете.

– Так, так, спокойней, мистер Эйден, Оливия всего несколько часов назад пережила сложную операцию, ей не хватает только ваших позитивных эмоций... – он посмотрел на яростно дышащее на дочь лицо отца и вздохнул, повернувшись к компьютеру и что-то там проверяя. – Как дела, беглянка? – он нахмурился. – А что тут за дела с пульсом? Тебе нельзя волноваться, твое сердце еще не встало на место после возвращения легкого в нормальное состояние... Это ты на нее так плохо влияешь, Джонни? – с ухмылкой спросил Калев у парня, который закатил глаза и тоже усмехнулся:

– Ну конечно, доктор. И сердечный приступ у старичка, гуляющего с собакой мимо магазина женского белья тоже из-за меня случился. И кстати, в развертывании ядерной программы Ирана тоже без меня не обошлось.

Лив хотела посмеяться, но вышла лишь слабая улыбка... Но Джонни не смотрел на нее...

– Это она на него плохо влияет, Калев! – влезла вдруг Трейси О-Коннел, поддерживаемая под локоть мужем. Ее зеленые глаза светились праведным гневом, когда она, бросив

презрительный взгляд на Лив, посмотрела на сына. – Что ты вообще тут делаешь, сын? Вы же расстались! И она в очередной раз продемонстрировала свое безразличие к тебе, когда, благодаря своей глупости и упрямству зловредной овцы, не выполнила условия твоего освобождения, выставленные этим... вашим... Эрнесторсом?? Не важно!! – отмахнулась она, увидев, как Джонни пытается что-то сказать. – Она рискнула твоей жизнью! А если бы он убил тебя? И вообще, что ты делал на ее кровати, когда мы вошли?

– Трейс! Прекрати! – дернул ее за локоть Оливер, еле сдерживая и раздражение, и смех. – Что ты такое говоришь?? Оливия ценой своей жизни спасла их всех! Ей что, убить отца, по-твоему, надо было?

– Как-как?.. Зловредной овцы??? – Лив еле сдерживала хохот, морщась от боли. Кaleb качал головой, отец метался по небольшому пятачку свободного пространства, выдирая себе волосы на голове, ладно бы еще седые, так ведь и со здоровыми готов был распрощаться, изредка гневно выкрикивая:

– Ну погоди, чертовка!.. Только выздоровей, я с тобой так поговорю насчет шикарных идей спасения мира!.. Ну, Оливия!!! А-а!!!

– Делал на ее кровати?? – с сарказмом захохотал Джонни. – Ты серьезно, мам? Ты что, и в самом деле не знаешь, что делает на кровати у серьезно больной девушки мужчина, склонившись к ней и внимательно вглядываясь в ее лицо??

Ну конечно я собирался высосать ее душу взглядом, а затем пойти и толкнуть за любые деньги на ближайшем китайском рынке!! А ты что подумала??

– Эй, а Макса кто-нибудь видел? – вдруг зачем-то возникла Аврора, оглядывая всех. – Я его ищу. Мне сказали, что он здесь.

– Да, он здесь, цапля. – с трудом сохраняя серьезное лицо, проговорила Лив. – После возвращения из мертвых на меня напал жуткий голод, так что я его съела. Остались только толстая кишка и мочевого пузырь, они там, в тумбочке. – одними глазами показала Лив. – Хочешь посмотреть??

– Очень смешно. – огрызнулась Аврора. – Кстати, с возвращением. Мне очень жаль, что ты еще жива.

Калев всплеснул руками.

– Да что это такое?!? Оливия, тут есть хоть кто-то, кто не хочет тебя убить?? Эй, вы! Это что, по-вашему, «положительные эмоции, способствующие скорейшему выздоровлению пациентки»? А ну-ка все вон!!!

Но в развернувшемся балагане его никто даже не услышал.

– Эй, эй, пустите меня! – услышала Лив знакомый голос из-за двери и увидела прорывающуюся через толпу зеленую голову, которой оказывала сопротивление красная голова. – Да отстань, ты, Эд, там ее кто-то убить хочет! Мисс Оливия, мисс Оливия!!! Я здесь, я вас спасу! – искренне кричал Марти, а Эдди, утаскивая его за шиворот назад, гневно бурчал:

– Прекрати, идиотина! Никто ее тут не убьет, ты что, спятил? Марти, не позорься, иди за мной! Простите, мисс Оливия, я все улажу...

Затаскивая Марти обратно в проем входа в палату, Эдди случайно толкнул локтем Трейси, которая, не задумываясь, тут же пихнула его в ответ и гневно и надменно выкрикнула:

– А ну, поосторожнее, фрик! – она насмешливо посмотрела на крашенные головы обоих мужчин и фыркнула:

– Вы двое, что, тоже ее любовнички? Не удивительно, у нее всегда со вкусом бардак был... Променять моего Джонни на эту пустышку и позера Макса Вератти! Да теперь еще вы двое, из разряда грязных панков...

– Трейси!!! Что ты говоришь??? – негодуяще воскликнул Оливер. – Это же ее...

– Мама, что ты несешь?? – вдруг захохотал Джонни, и Лив, которая умирала от желания принять обезболивающее и рассмеяться в полный голос, мельком взглянула в его повеселевшие, блеснувшие прежней искрой глаза, ощутив нежность и любовь.

– Ну извините, миссис О-Коннел, такая уж у меня натура... Пустоголовые, разноцветноголовые, безголовые, трехголовые... – Лив вдруг кинула веселый взгляд на Брайана, который хмуро глядел на все происходящее вокруг и потирал виски, недовольно морщась. – А еще вон тот – тоже мой любовник! Видите? Я еще старичинку люблю, так что седовласых и маразматичномозговых тоже включим в мой лист

любви...

Джонни хохотал с таким безудержным весельем, что заглушил даже крик Эйдена, обрушившийся на Брайана, как ледяной дождь.

– Что-о-о... Что она сказала, Брайан??? Ты... и... она... А если я тебя говном накормлю прямо здесь, в этой самой палате, ублюдок?..

– Эйден!! Включи здравый смысл!!! Она же пошутила!! – возмущенно крикнул Брайан, отступая назад от вращающихся, бешеных глаз и оскаленных в ярости зубов босса.

– Да уж, папуля, прости, но здравый смысл включить все-таки нужно. – вздохнула Лив. – Как ты его прямо в этой палате говном-то накормишь, если моя утка еще чиста и даже хлоркой пахнет? Доктор, доктор, а у тебя больше никто в твоей больнице не сдох сегодня? А то я слышала, что после смерти мышцы расслабляются и испражнения благополучно покидают кишку в поисках новой обители... – серьезно проговорила Лив, вызвав дикий хохот уже не только Джонни, но и Калеба, и Оливера О-Коннела, который все еще пытался образумить свою жену, прожигающую Лив злым взглядом не хуже медузы-горгоны.

Эйден бешено посмотрел на дочь и прошипел:

– Оливия! Это... это... правда? Ты и он... Он... Прикасался к тебе?

Лив задумчиво посмотрела в потолок. Джонни, просмеявшись, тихо сказал:

– Даже не думай, Оливка. Не смей этого говорить.

– Да, папуля... Пару раз было, признаюсь... Но он был очень мил! Утешал меня!

Красное лицо Эйдена снова двинулось на Брайана, сжимая кулаки, но его отвлек возмущенный голос Марти из-за двери:

– Мисс Оливия, так у вас теперь с Брайаном шуры-муры?? А почему нам не рассказали?? Мы же должны такое знать!! – обижено протянул Марти, а Трейси снова фыркнула:

– Совсем больной. Ему что, нравится, когда с его девушкой другие развлекаются?

– Мама, она не его девушка! – повысил голос Джонни, и Оливер поддакнул:

– Ну конечно, Трейси, Лив шутит, ты что, еще не поняла??

– Где моя девушка? – тупой голос Марти.

– Заткнись, замолкни уже, тупица! – Эдди.

– Я твоими кишками рождественский венок на своей входной двери выложу, Брайан! Как ты посмел переспать с моей дочерью?!?

– Эйден, да она о других прикосновениях, ты чего???

– О... других??? Это как еще ты ее трогал, мерзавец?! У нее, вообще-то, муж есть!!! И она вдвое тебя младше!!! Скотина ты неблагодарная!!!

– Нет у нее мужа и пусть даже не мечтает о нем больше, после всех этих любовников! – визжала Трейси.

– Трейс!!

– Мама!!!

– Да куда же Макс-то провалился, черт бы его побрал?? – опять Аврора из-за дверей.

– Иди сюда, дерьмоконсильери!!!

– Эйден, прекрати!

– Да замолчите вы уже все!!! – заорал вдруг Калеб, злобно оглядывая присутствующих, и наконец-то воцарилась тишина. – Что за бред вы тут все несете???

– Да, доктор... – тяжело вздохнула Лив, сморщившись от боли. – Вы были не правы: столько положительных эмоций я давно не получала!! Да я завтра уже буду, как новенькая, после всего этого!! Шикарный день. Не зря ты меня из мира мертвых выскреб. Там такого не послушаешь...

– Так что... дочь... Брайан не трогал тебя?.. Ты... пошутила?.. – как-то устало вздохнул Эйден, но ответил ему недовольный Калеб:

– Ну конечно, нет, Эйден, прекрати уже верить всей ерунде, которую говорит твоя дочурка. Нет у нее никаких любовников, миссис О-Коннел, Макс обещал вернуться за тобой через двадцать минут, Аврора... Какие еще вопросы были? – выдохнул он, сложив руки на груди и оглядывая присутствующих недобрым взглядом.

– Откуда ты можешь это знать, Калеб? – сварливо спросила Трейси с самым упрямым лицом, на какое только была способна. Джонни закатил глаза, а Лив, покашляв, тихо спросила:

– Еще я интересовалась насчет другого трупака... Ну того, который гипотетически мог...

– Спасибо, можешь не продолжать. – остановил ее Калев и достал шприц, вводя какую-то жидкость ей в капельницу.

– Двадцать кубиков адреналина? – осведомилась Лив, припомнив эту фразу из какого-то фильма, где парню, получившему ранение в живот и похожему на пережеванный бифштекс, делали операцию.

Калев ухмыльнулся.

– Куда тебе адреналин, беглянка? Ты свои показания пульса видела? Пять кубиков успокоительного и обезболивающего. – он наклонился к ней и, улыбнувшись через густую бороду, добавил:

– Можешь веселиться, сколько угодно, но от меня не скрыть то, как ты морщишься от боли при каждом вдохе. – он выпрямился и грозно посмотрел на толпу, забившую своими телами небольшую палату. – Лив нужно отдохнуть, она слаба после операции, так что настоятельно рекомендую вам, дорогие и заботливые гости, освободить помещение от своего присутствия и негативных флюидов, которые плохо сказываются на здоровье моей пациентки. Два раза не повторяю. Вон, вон, все вон!!!

Он похлопал в ладони, и толпа медленно и, как будто, неохотно стала выползать из палаты. Лив ощутила, как боль потихоньку отступает, и как ее тело будто растекается по кровати, затягивая ее в блаженную пучину сна. Перед тем,

как отключиться, Лив увидела спину Джонни, бросившего на нее последний противоречивый взгляд и двинувшегося следом за остальными, и, уже позволив течению бессознательности захватить себя, Лив с трудом выговорила заплетающимся языком:

– Ты... еще... придешь?..

И тут же уснула, так и не дождавшись ответа того, кто был так сильно ей нужен.

Глава 29

Проснулась Лив на следующий день, когда солнце уже садилось, или, *наверное*, садилось... Девушка не знала, окон в подземной клинике Брайана, к несчастью, не было.

Она пошевелилась и, обрадовавшись, что действительно может шевелиться и даже чувствует некую бодрость и прилив сил, открыла глаза. Около нее, на том же самом месте, что и вчера, с самым развязным и обаятельным видом расселся Макс, невозмутимо и беспечно что-то с аппетитом жуя. Он был как всегда идеален: черный костюм, белая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, модные итальянские туфли... Потрясающие темные волосы, брови, синие, сияющие задумчивым, внутренним светом глаза...

В общем, он с самым наглым видом что-то жевал и пялился на спящую Лив. Когда она открыла глаза, он как раз рассматривал ее лицо, поэтому, заметив, что она проснулась, горячо и притягательно улыбнулся ей и подмигнул:

– Привет, белоснежка. Как спалось?

Лив вздохнула и с радостным удивлением поняла, что боли почти нет, и ей даже не хочется кашлять. Она довольно улыбнулась:

– Кажется, Калев достал из меня то, что забыл по ходу операции! Я даже дышать могу, вот же счастье, черт возьми! А ты что, на меня пялился, франкенштейн? – подозрительно спросила она, глядя на довольного жизнью Макса. Тот легко пожал плечами и кивнул:

– Ну да. Ты очень красивая, когда спишь, моя девочка... – добавил он со всей своей брутальностью и притяжением, и Лив услышала, как противный писк компьютера, озвучивающий удары ее сердца, заметно участился. И чертов Макс тоже обратил на это внимание, триумфально улыбнувшись и нежно оглядев девушку горящим взглядом. Лив покраснела и раздраженно закатила глаза:

– Поздравляю, павлин, за очередное успешное применение своих дебильных чар на меня. А теперь быстро отвечай: где мой отец? Он поймал его?? – уже тревожно добавила Лив, сильно забеспокоившись за жизнь Эрнесто.

Макс весело поднял брови и усмехнулся:

– Нет, еще не поймал, но скоро это случится, не беспокойся, милая. А насчет отца... Ты уверена, что хочешь увидеть его? Вчера, когда ты уснула, он грозился «выбить из тебя всю дурь относительно лже-попыток самоубийства ради спасения чьей-нибудь вонючей, гнилой шкуры». Кажется, он

немного злится, белоснежка. И что там за история о твоих любовниках? – он огненно ухмыльнулся и наклонился к ней, облокотившись локтями на колени. – Почему я о них ничего не знаю?

Лив гневно посмотрела на него:

– Хочешь все обо мне знать, франкенштейн, – обратись к нашему любимому кукловоду. У него море бесценной информации. – она вдруг погрузилась и почувствовала режущую боль в сердце. – А где Джонни? Он... он придет?..

Макс внимательно прищурился, глядя в глаза Лив и как будто считывая ее эмоции, и от его хорошего настроения не осталось и следа. Он нахмурился и, сложив руки на груди, проговорил:

– Ну вот зачем ты именно у меня спрашиваешь о нем, Лив?? Что, не могла подождать прихода Калеба или отца? – он немного смягчился, увидев, как Оливия виновато опустила глаза и принялась задумчиво разглядывать датчики на своей руке, а щеки ее слегка порозовели. – Он... Придет, наверное. Ты не волнуйся, у него просто много работы сейчас. – Макс вздохнул, испытывая раздражение за собственную реакцию, и снова улыбнулся. – Зато он тебе пиццу прислал. Вон, гляди. – Лив проследила взглядом за его рукой и увидела несколько коробок из «Аквамарина» на тумбочке. – Там еще десерт от Эндрю есть с какой-то сложновыговариваемой фразой... – он открыл верхнюю коробку и прочитал: – «Для подслащения периода восстановления после опе-

рации пилюлей клубничного чиз-кейка моей незабываемой воздушной зефиринке – мисс Оливии!»

Лив ухмыльнулась, но на сердце ощущала омерзительную, гадкую боль... Он не приходил. Не приходил. Злитесь на нее... А мама говорила, что она сможет его вернуть! Лив посмотрела на Макса, красивого, умного, заботливого и мужественного, и прислушалась к себе... Да, у нее все еще осталась тяга к нему, это нельзя отрицать... Ей по-прежнему нравились его комплименты, взгляд горячил кровь, а руки так и тянулись дотронуться до его груди или щеки... Его присутствие много значило для нее, но она могла бы обмануть сама себя, если бы сказала, что не ждала увидеть на его месте Джонни...

– Ладно, пончик в своем репертуаре. – с улыбкой ответила ему Лив, попытавшись откинуть все свои страхи и эмоции, чтобы не обижать Макса. Она зашевелилась. – Я сесть хочу. Поможешь?

Макс искрометно улыбнулся и, наклонившись близко-близко к ее лицу и заглянув ей в глаза своими синими и такими обольстительными, желанными глазами, взял ее за обе руки и обжигаяще проговорил:

– Конечно, белоснежка, без проблем... За твой поцелуй – все, что угодно...

Пик-пик-пик-пик... Нет, ну этот чертов Макс получит по первое число, как только Лив снова сможет хорошенько пинаться!! Что же он с ней делает, изувер проклятый!?!?

– Да ты совсем охренел, Макс???, – еле сдерживая гнев, прошептала Лив. – По второму кругу решил мои несчастья запустить?? Никаких тебе больше поцелуев, утконос, запомнил?? На своем утином клюве заруби...

Макс рассмеялся и нежно, аккуратно, стараясь не причинить боль девушке, поднял ее подушку вместе с ней повыше, заставив ее пульс еще больше подскочить от его прикосновений и любовного взгляда.

– Хорошо, хорошо, ты только не волнуйся, моя девочка, Калек сказал...

– Нет, ну ты точно спрашиваешься, чтобы тебя с лестницы спустили!! Какая еще, к черту, «твоя девочка»??? По твоей милости, я теперь не твоя и не его, так что...

– ...что тебе вредно волноваться. – спокойно закончил Макс, триумфально улыбаясь. – И я же не виноват, что ты начинаешь сходить с ума в моем присутствии, так что успокойся и лучше скажи – ты будешь гавайскую или мексиканскую пиццу? Или предпочтешь начать завтрак с чиз-кейка?

Лив прищурилась, желая злиться на него всей душой, но поняла, что не может, все равно не может по-настоящему сердиться на того, кто любит ее, несмотря ни на что, и того, кто сейчас здесь, около нее, отбросив все свои дела на «потом».

– Гавайскую. – буркнула Лив. – Так когда папаша явится брызгать на меня кровью из глаз?? Мне очень нужно с ним поговорить.

Макс протянул ей пищу и посмотрел на часы на руке.

– Скоро. Сказал, подъедет после восьми вечера.

Лив удовлетворенно кивнула и набросилась на «завтрак», набив полный рот ароматным кушаньем.

– А где Аврора? – осторожно пробухтела она через пищу, и Макс весело посмотрел на нее, подняв брови.

– Ты действительно хочешь знать, где она, или уточнить, не умер ли я от любви к ней после того, как она пошла на риск ради меня, напросившись сначала с тобой в химчистку, а потом поехав на обмен, где вы готовились устроить заварушку?

Лив улыбнулась и смущенно порозовела:

– Ну, вообще-то... Второй вариант ближе к теме. Она любит тебя. – серьезно добавила девушка, прожевав, наконец, кусок. – Готова ради тебя на любые подвиги.

Макс рассмеялся и встал, развязно сунув руки в карманы и излучая мужество и невероятное сексуальное притяжение. Тепло глядя на Лив, он усмехнулся:

– А я люблю тебя. Ну и что. Неужели, белоснежка, я в твоих глазах настолько жалок, что ты пытаешься оказать мне посильную помощь в устройстве моей судьбы? Прости, конечно, но с Авророй я уж как-нибудь разберусь. Мне же хватило ума как-то однажды разобраться с тобой...

Лив ощутила дикий удар внутри себя и почувствовала жуткую неловкость и вину... И правда, неужели взрослый и чертовски красивый мужчина нуждается в такой няньке и

«гиду по любовным отношениям», как она? Вот уж кто жалок, так жалок...

– Прости. – тихо сказала она. – Не жалок, я просто...

– Не бери в голову, милая. – ласково сказал он и, наклонившись, горячо поцеловал ее в щеку, опять чертовски близко от краешка ее губ, будто зная, что это самая чувствительная точка, взволновав Лив тем самым окончательно и бесповоротно. – Я пойду. Дела. Еще увидимся.

И, игриво подмигнув ей, он вышел из палаты уверенной походкой, заставив Лив в жутком смятении упасть на подушки.

Когда в палату, с видом мудрого говорящего удава, вошел отец, следом за которым семенил Брайан, хмуро поглядывающий на затылок босса, Лив уже прикончила полтора круга пиццы и половину клубничного чиз-кейка, оставив от замудренной надписи повара только обрывки слов.

– Привет, папандр! – весело поздоровалась Лив, получившая пять минут назад укол обезболивающего и ободряющее похлопывание по макушке от доктора Калеба. – Ты уже запер свои негативные эмоции в тюрьму несокрушимого здравого смысла?

Эйден встал напротив дочери, вперившись в нее все еще разозленными, но уже действительно более спокойными, разумными и даже не красными глазами.

– Значит так, Оливия. Относительно твоей шуточки в ад-

рес моего консильери... – он наклонился к ней и, прожигая своими серыми, грозными глазами, воскликнул:

– Да я его чуть, как половик, не вытряхнул!!! Дочь, услышу еще хоть что-то подобное...

– Поставишь в угол и лишишь карманных денег? – хмыкнула Лив.

– Я могу заблокировать твою карту... – начал жестко Эйден, а Лив шутливо сделала круглые глаза и воскликнула:

– А что, у меня была карта??? Вот так номер! Ха, зря я, получается, из кредитки Джонни дух выбивала все эти годы...

Брайан покачал головой, а Эйден всплеснул руками:

– Вот ты опять!!! Опять начинаешь?? В общем, запомни, – наставительно и по-отцовски строго ткнул Эйден в дочь пальцем с массивным золотым перстнем – символом принадлежности к богатому криминальному миру, – еще одна подобная шуточка – и ты будешь выполнять самую нудную и грязную работу в бизнесе! Обещаю!

Лив закатила глаза и насмешливо прошептала:

– Напугал террориста-смертника раком поджелудочной железы... – она посмотрела на Брайана, с укором глядящего на нее. – Прости, вермишелина. Просто не думала, что во вчерашнем театре абсурда окажется такой бронированный от всех шуток зритель... Согласись, после того, как Трейси О-Коннел обвинила меня в интимных отношениях с сорокалетними мужиками-телохранителями, в разноцветных голо-

вах которых накрепко задержались детские мозги, то уж поверить в то, что у нас с тобой что-то было, мог только полный...

Она не договорила, бросив взгляд на угрюмого Эйдена, а Брайан вздохнул:

– Я привык к любым глупостям, которые роятся в твоей голове, Лив, но вот чувства отца тебе пощадить бы следовало... После того, что он вчера о тебе узнал...

– И кстати, об этом. – переключил на себя внимание Эйден. – Чтобы больше не было подобных эксцессов, как случайное ранение в собственную грудь, прострел легкого, пневмо– и гемоторакс, кровохаркание, клиническая смерть и последующий, как ты выразилась, театр абсурда, – Эйден сел на край кровати дочери, строго глядя на нее, – впредь ты будешь сообщать мне о любой, даже самой идиотской и безумной идее, пришедшей в твою чудную головку! Ты меня поняла, дочь?? Я прикажу твоей охране приглядывать за тобой и докладывать обо всех твоих действиях и больше не допущу того, чтобы ты что-то спланировала без моего ведома, ясно тебе, Оливия?

Лив насмешливо поморщилась и хмыкнула:

– Они что, будут звонить тебе каждый раз, когда мне приспичит спустится в магазин за шоколадкой? Фу, папуля, тогда тебе придется раздвоиться, потому что гастрит у тебя явно не из-за избытка свободного времени, которое можно потратить на разные глупости... Так, давай теперь поговорим

кое о чем действительно важном...

– Ты считаешь, что спланированное самоубийство – это не важно?!? – вскричал Эйден, но Лив лишь отмахнулась:

– Что с моим вонючим клопом??? Вы следите за ним?

Эйден вздохнул, но, нехотя, все же переключился на другую тему.

– Да. Пока он не подозревает о нашей слежке. Ночует в отелях, между прочим, не в самых дешевых, встречается со своими людьми, о чем-то говорит... Возможно, продолжает нас прослушивать, но после того, как ты чуть не убила себя, его игра, видимо, пошла по незапланированному сценарию и вышла из-под контроля. Так что он зализывает раны, собирает новых людей и скрывается, не подозревая о слежке. В ФБР он не обращался и пока сливать видеозаписи, кажется, не собирается... Значит, у него другие планы относительно нас... В ближайшее время, когда появится подходящая возможность, мы организуем захват и наконец-то убьем мерзавца. Не волнуйся, дочка, он за все ответит...

Лив с ужасом уставилась на него, злая от того, что все вокруг пытаются успокоить и взбодрить ее смертью Эрнесто, будто перехватили ее письмо Санта-Клаусу и узнали ее заветное желание: «Дорогой Санта, пришли мне, пожалуйста, на Рождество труп моего сводного брата Эрнесто Карелли и мешок клубничных леденцов на палочке...» Внутри нее все всколыхнулось, но она не могла сказать отцу и Брайану о своих чувствах... Ей казалось, что они сочтут ее сумасшед-

шей...

– Отец. – серьезно и жестко сказала она. – Когда ты его поймаешь, ты должен сказать мне. Я должна увидеться с ним перед... его смертью, это важно, слышишь?

Эйден хмуро переглянулся с Брайаном и проговорил:

– Но, Лив... Ты еще будешь здесь... Кaleb сказал, что ближайшие три недели тебе нужен покой и усиленное лечение... Зачем тебе видеть эту мерзкую рожу? Мы все сделаем тихо и быстро, не беспокойся! Играть с ним, как кошка с мышкой, мы не будем. Просто открутим ему голову и смоем в унитаз. Все, как обычно...

Лив с ужасом уставилась на него, желая поведать, что это «как обычно» из жизни психически нездоровых маньяков ее никак не успокаивает и, тем более, не устраивает... Она вздохнула, чувствуя, как начинает злиться.

– Папаша, еще раз повторяю – я должна увидеть его перед смертью! Не важно, буду я здесь, в этой больнице, жевать ли пиццу или почивать в объятиях Морфея, ты должен будешь мне сказать!! Я увижусь с Эрнесто, а потом, так уж и быть, возможно, вернусь сюда обратно, чтобы душенька твоего Калеба, у которого, видимо, цель всей жизни – залечить меня до смерти, была спокойна.

– Оливия, зачем тебе это нужно? – спросил Брайан, внимательно глядя на нее и пытаясь понять мотивы ее просьбы.

Лив закатила глаза, раздраженно глядя то на одного, то на другого, и злясь все больше.

– Ну какая вам разница? Сказала – нужно, значит, нужно! Не будь ты таким упертым, папаша, ты же знаешь, что я могу свалить из этого храма плачущего монитора и жидких успокоительных без капли бурбона в любой момент! А если ты не захочешь пойти мне навстречу... – Лив обреченно вздохнула, глядя на наливающееся негодованием от ее шантажа лицо отца. – Я найду способ выследить его сама и все равно встречу с ним, даже если ты приставишь ко мне эскадрилью своих громил.

Эйден вскочил на ноги и заходил по комнате, импульсивно дыша:

– Дочь, ты просто невыносима!!! Упрямая, как... Ну чего тебе дался этот извращенец?? Он причинил нам столько зла... А тебе больше всех! Позволь мне разобраться с этим и вернуть тебе нормальную жизнь, Лив! – воскликнул он, но Лив сложила руки на груди и категорично покачала головой:

– Нет. Ни за что. Я с ним встречу и точка! И это не обсуждается!

Эйден обреченно и устало посмотрел на Брайана. Тот хмуро кивнул, и отец тяжело проговорил:

– Ну ладно. Я сообщу тебе, когда мы будем его брать. Ты довольна?

Лив широко улыбнулась.

– Счастлива несказанно! Папулечка, ты лучший! Хочешь лизнуть вторую половину чиз-кейка? – она протянула ему коробку, и Эйден рассмеялся.

– Разве что вот это странное «Для подслащения пер...»

Что еще за «пер»? Кто такие гадости на десертах пишет?

Брайан рассмеялся и тоже подошел к половине чиз-кейка.

– Думаю, это повар Эндрю из «Аквамарина». И это не гадости, а что-то хорошее... Было, во всяком случае.

Лив рассмеялась вместе с ними и протянула им обоим пластиковые ложки.

Глава 30

Несколько дней жизнь Лив была до одурения спокойной, как в доме для престарелых, только ни один из посетителей не догадывался принести с собой «Унесенных ветром» и шашки. Она вставала по расписанию, ела по расписанию, принимала успокоительные и подвергала свою рану тщательному осмотру в ровно отведенное для этого время, и единственное, что выбивалось из графика подражания жизни животного в зоопарке, были посещения гостей, которым разрешено было заходить в «клетку».

Именно это приносило Лив наибольшее количество боли, даже считая тот день, когда у нее разошелся шов на спине из-за слишком интенсивных попыток дотянуться до остатков шоколадного пудинга на тумбочке, которые кто-то «заботливый» отодвинул туда с благородной целью спасти ее фигуру.

К ней каждый день приходил Макс, по-прежнему заигрывая с ней и выводя из равновесия пикающий датчик измерения ударов сердца. Он развлекал ее рассказами из жизни

на Сицилии, игриво и притягательно снова просил уехать с ним, приносил ей вещи, которые она просила... В общем, сама галантность и намек на идеального мужчину... И Лив считала его таким... Но...

Приходил отец, неизменно огорчая ее известиями о том, что они «пока еще не приколотили к столбу то, что останется после задохлика, когда они его схватят и начнут вытрясать все дерьмо», пару раз заходила Аврора... Но Лив показалось, что ее больше интересовало, не сидит ли в ее палате Макс, чем то, какими темпами она поправляется... Даже Трейси О-Коннел снова приходила: напомнить о том, чтобы Лив не смела тянуть свои порочные ручонки к ее чистейшему, как горный ручей, ненаглядному сыну, которого она в ближайшее время «познакомит с отличной партией», но ее вовремя утащил из комнаты Оливер, извинившись за жену и пожелав Лив скорейшего восстановления...

Приходили все, кроме него.

Лив ждала Джонни каждую минуту. Каждую секунду. Каждый шаг за дверью заставлял ее в надежде замереть, ожидая его, но... Он так и не приходил. Не смотря на требования Калеба не перенапрягать сердце, каждую ночь Лив плакала, вызывая в голове его образ и то, как он смеялся здесь, в этой палате в тот день, когда она очнулась после операции... Вспоминая тот момент, когда его глаза и губы были так близко, что хотелось закричать... Она плакала и злилась, утопая в ненависти к себе и злобной обреченности, которая, как на-

смешливая черная маска, нависала над ней, заставляя опустить руки и больше не искать пути к его прощению, потому что это бессмысленно... А когда приходил Брайан, Лив использовала его в качестве плакательного плеча и старшего брата, который слушал, понимал, сопереживал и давал дельные, поднимающие дух, советы.

Из состояния глубокого одиночества и отчаяния ее выводил только тот факт, что скоро она встретится с Эрнесто лицом к лицу. Лив часто думала о нем, перебирая пальцами его фенечку, и, в какой-то момент, взглянув на все, что происходит, как бы со стороны, в ее голове многие причины и следствия нашли свои места в перепутанном пазле. Она поняла все. Поняла, почему не хочет его смерти, несмотря ни на что. Поняла, что движет им, когда он втягивает ее то в одну, то в другую страшную ситуацию. Поняла, что будет делать, когда встретит его. И это был единственный правильный вариант.

Она готовилась к этому дню.

Несмотря на категорический запрет Калеба подниматься с кровати, Лив все-таки тайком вставала, заново пытаясь привыкнуть к вертикальному положению и справиться со всеми последствиями ранения самой себя в легкое.

Сначала была жуткая слабость, кошмарная боль и головокружение в совокупности с тяжелым, неровным дыханием.

Из этого прекрасного квартета Лив постепенно, упорными тренировками и через преодоление себя, выдавливала каждого его члена по одному.

Сначала она справилась с головокружением и вскоре научилась прекрасно, как и раньше, ходить по палате, не собирая при этом предметы собственным телом и не встречаясь головой с чисто вымытым кафельным полом.

Затем постепенно сдалась жуткая слабость, потому что бороться с потреблением высококалорийной пищи по десять раз на дню, а иногда и ночью, просто было бессмысленным занятием. Силы возвращались, давление поднималось парой-тройкой чашечек двойного эспresso, а желудок работал на полную мощность, переводя пиццу и стейки в энергетическую ценность.

Тяжелое, неровное дыхание тоже отползало в мир иной с каждым днем, и связано это было с возвращением всех внутренних органов на свои места, а не на те, которые им пришлось занять после схлопывания одного легкого, разбухания второго и начавшихся изменений грудной клетки, так что в этом процессе изрядное участие принимало обыкновенное время.

А вот кошмарная боль оказалась сильнейшим из всех четырех недругов. Бороться с ним могли только обезболивающие и несокрушимое «никакими дурацкими дырками в легких» желание добраться до Эрнесто раньше, чем это сделает господин разъяренный лев Эйден Мартинес. Это единственное неудобство, с которым Лив пришлось найти компромисс.

Но, как оказалось, был и пятый фактор, препятствующий

этой фееричной встрече.

Лив от скуки снова играла в игру «Город мечты» на телефоне, пытаясь создать комфортабельный пентхауз на самом приятном для проживания тысяча сто восемьдесят шестом этаже, где, возможно, самолеты могли бы врезаться в окна, а дышать можно было бы только с кислородной маской... как вдруг за дверью послышались голоса.

Лив отчетливо распознала, что говорят отец и Макс, но сначала просто не придала их шушуканью никакого значения, пока до нее не донесся обрывок фразы отца:

– ...через полтора часа, твои люди должны быть на месте...

Ощувив невероятную тревогу в сердце, Лив отцепила датчики от своей руки и, быстрее пули, босиком подлетела к двери, взволнованно прислушавшись.

– Мои люди будут там, Эйден. Я сообщу им прямо сейчас. Так это квартира в многоэтажном доме? Как насчет проблем с соседями? Думаешь, им понравится толпа вооруженных мужчин, несущихся по лестнице с автоматами наперевес?

– Все будет в порядке, я договорился с полицейским управлением, предупредил их о возможных звонках... На эти деньги они смогут купить другое полицейское управление, городка Хейгерстаун, скажем...

– Хорошо, но как насчет Лив? – тихо и взволнованно проговорил Макс. Лив наострила уши, затаив дыхание. – Ты

обещал сказать ей.

– Макс! – шепотом громыхнул Эйден, сокрушая своим гневом и холодом даже через дверь. – Ты разве не понимаешь? Она еще слишком слаба! Если сказать ей, она через секунду уже будет давить педали «Кадиллака» в больничной пижаме Калеба, проскакывая на красный сигнал светофора! Он сказал, что ей нужен покой на три недели! Она не должна вставать с кровати, это слишком опасно и может открыться внутреннее кровотечение... Она ничего не должна знать, Макс! Ты меня понял???

Лив сжала кулаки, окунувшись в пучину гнева и дикой злобы. Ну, отец... Вот как, значит? Обещания не держим?? Придется как всегда действовать своими силами. Нет, каков старпер, а?? Надуть ее вздумал... погоди, папаша!!

– Эйден. Я понимаю твои мотивы, но ты представляешь себе, что начнется, когда она узнает о том, что ты ее обманул? О том, что он мертв, а она даже не...

– Макс, слушай внимательно. – гневно зашипел Эйден, еле сдерживая порывы бесконтрольной ярости. – Это уже будет моя проблема, и когда-нибудь она поймет, что так было лучше для нее, поэтому сейчас ты пойдешь туда и проследишь, чтобы она оставалась в палате, пока мы не закончим наше маленькое дельце и не отправим мелкого мозгляка к праотцам! Тебе ясно? Ты должен мне помочь!

Лив сделала шаг от двери, стиснув кулаки и гипнотизируя белую фанерную обшивку бешеным взглядом.

– Ладно. Но, Эйден... это неправильно. – холодно и осуждающе произнес Макс, и Лив увидела, как ручка двери начала проворачиваться.

Девушка за долю секунды подлетела к своей кровати и, плюхнувшись на нее и чуть не заверещав от ужасной боли в груди, все же накинула на себя одеяло и прикинулась спящей, как раз в тот момент, когда Макс вошел в палату.

Она услышала его шаги позади, ощутила его сильную, уверенную и горячую энергетику, почувствовала его взгляд на своей спине и волосах, такой заботливый и нежный, что...

Ага, сейчас, растает она от его синих моргал после того, как он согласился помочь овцебыку-папаше обвести ее вокруг пальца!!! Гнусный, подлый поедатель ее пиццы и десертов! А еще смеет заигрывать с ней, игуана длиннохвостая!! Ладно, ладно, Макс-любовь до гроба, узнаешь ты, каково обманывать бедную Оливию!

Под одеялом и так было невыносимо жарко, лоб девушки быстро покрылся испариной, но и изнутри она горела хищным огнем праведного гнева и злости, даже боль куда-то ушла, видимо, не выдержав конкуренцию с яростью.

Лив попыталась перевести дух, глубоко вдохнув и выдохнув, и услышала, как Макс уселся на скамейку позади нее, по-прежнему не сводя с нее взгляда. Она медленно вдохнула и повернулась на спину, сделав вид, что только что проснулась.

Макс выглядел прекрасно в темно-синей толстовке с ка-

пюшоном, бордовой футболке, джинсах и модных кедах. Он игриво и притягательно улыбнулся, заставив гнев Лив встретиться с холодным водопадом, и с укоризной покачал головой:

– Ай-яй-яй, белоснежка, как же тебе не стыдно!

Лив вздрогнула и, вытаращив удивленные глаза, торопливо села в постели. Как этот поганец догадался о том, что она их подслушала?? Неужели успел увидеть тот момент, когда она накидывала на себя одеяло, торопясь прикинуться спящей?

– А ты что, франкенштейн, новый голос моей совести? – язвительно и нервно проговорила Лив, судорожно соображая, что же ей теперь делать дальше. – Знаешь, старый голос, звучавший как божественная музыка Эннио Морриконе, мне нравился больше.

Макс рассмеялся и огненно посмотрел на девушку, сложив руки на груди.

– Ну не надо, не надо, белоснежка! Не пытайся скрывать от самой себя, что мой голос нравится тебе куда больше! И давай-ка вернемся к твоей провинности.

Лив тяжело вздохнула и затараторила, ощущая в себе очередной прилив идиотизма:

– Слушай, ну я же не виновата, что иногда двигаюсь и хожу во сне, даже говорить во сне умею, даже на кровати прыгать, так что если ты думаешь, что мои активные действия, связанные с беготней по палате, в желании сделать вид, что

я ничего...

Макс вдруг весело захохотал, изумленно глядя на Лив. Девушка недоуменно нахмурилась... Чего это он веселится? Сердиться на нее должен за то, что она подслушала их с отцом дурацкий разговор... И вообще, могли бы и потише говорить...

– Погоди, постой-ка, Лив... – хохотал в приступе безудержного веселья Макс. – Ты хочешь сказать, что сняла с руки датчики во время очередного приступа... лунатизма, связанного с... желанием попрыгать по кровати??? – и он взял в руку провода с присосками и, помахав ими перед лицом ошарашенной и густо покрасневшей Лив, снова захохотал. – Малышка, если у тебя есть еще какие-то секреты, например, ты пьешь кровь белых пушистых кроликов в половину первого ночи, или любишь пересматривать «Санта-Барбару», когда тебе грустно, предупреди, пожалуйста, заранее, договорились??

Лив гневно вырвала у него из руки свои датчики и, сторя со стыда, раздраженно воскликнула:

– Заткнись ты, месторождение дебилизма! Сам-то, небось, по ночам любишь по холодильникам в голем виде ползать и чужую еду воровать, это, кстати, на тебя очень похоже, но я же не ржу, как коняга, которой копчик почесали! Если ты о датчиках, горилла, то они мне спать на левом боку мешают, да и легкое подозрение у меня, что не сдохну, как бы ни хотелось, в ближайшие лет тридцать, так что отвали,

гнусаемое дребезжание совести, куда подальше!

Макс продолжал громко хохотать, сводя на «нет» все раздражение и тягучую злобу, которые бушевали внутри девушки от осознания того, что они с папашей собрались проверить за ее спиной, пока она лежит раненым морским котиком в этой палате, так что через пару минут ей даже сделалось немного стыдно от того, что она собралась предпринять.

– Ладно, ладно, белоснежка, не ругайся, а то твое милое личико покроют преждевременные морщинки... – он снова просмеялся, заметив, какой бабой-Ягой зыркнула на него Лив, и примирительно улыбнулся, проговорив:

– А твой отец глубоко заблуждается насчет тебя... На месте маленькой, но чертовски пренебрежительной ко всем физическим недугам девочки он видит ту же маленькую, но очень слабенькую и хрупкую малышку, которой нужно длительное санаторно-курортное лечение, ибо без селезенки, да с дыркой в легком человек очень уязвим ко всякого рода... видам смерти.

Лив потянулась и зевнула, соображая всеми своими извилинами, как незаметно свалить из этой пропахшей спиртом и таблетками белоснежной тюрьмы в ближайшие пять минут и куда деть при этом не на шутку разговорившегося стража в синей толстовке.

– Ты так умно рассуждаешь, павлинья морда, а не бросить ли тебе карьеру страшного итальянского мафиози – черного

плаща, и не заделаться ли великим философом? Напишешь десятитомник высказываний, что-то вроде «стакан наполовину пуст или наполовину полон» или «поспешай, не торопясь» и кучу прочей ерунды для заблудших душ, которым только твоих глубокомысленных изречений и не хватало... как тебе мысль?

Макс пожал плечами и с веселой улыбкой ответил:

– Думаю, из нас двоих, белоснежка, скорее, ты выпустишь сборник обзывательств, почерпнутых из названий представителей флоры и фауны, описанных в детской энциклопедии. Но если ты и правда считаешь меня великим мудрецом, моя девочка, то просто докажи это, подарив мне волшебный поцелуй и согласие уехать со мной в Италию! В качестве признания моей особенности этого будет вполне достаточно. – самодовольно и нагло заявил он, обаятельно наклонившись к девушке и очаровывая ее огненным взглядом синих глаз, нежно и ласково пройдя по чертам ее несколько помятого от лежания на подушке, чуть порозовевшего лица.

Спасибо Всевышнему, хоть датчики треклятые молчали! А то триумфу этого черноволосого, обаятельного красавчика не было бы предела. Оливия снова почувствовала себя пришитой к месту и не имеющей сил пошевелиться под его чарующим, нежным, но сильным и мужественным взглядом, он невыносимо околдовывал ее, и она ничего не могла с собой поделать, не могла сопротивляться тому, что все внутри нее сжималось и подрагивало от его близости... И виной то-

му были, конечно, ее воспоминания и чувства, которые, как бы она ни хотела, ей не удавалось заглушить в себе...

С трудом удерживая себя от невыносимого желания посмотреть на его губы и прикоснуться хоть кониками пальцев к его груди, Лив тихо, по-прежнему не двигаясь, с трудом проговорила:

– Смешная шутка, Макс, особенно насчет того, чтобы я собрала свой нехитрый скарб и бросила Джонни и отца, вместе с его тупорогим бизнесом, а также Брайана, который как-то странно спокойно терпит меня, и суповой наборчик, пользующийся дешевой краской для волос, на произвол судьбы и улетела на пожизненные каникулы на Сицилию. Ну а то, что ты – великий мудрец и мудришь всякую идиотскую хрень – я давно знала, так что считай это моим признанием. И хватит уже пялиться, чертов франкенштейн, как же ты заколебал своим умением дергать мои нервы и чувства по отношению к тебе! Закрывай зеркала души, ложись на скамеечку и притихни... – Лив, наконец, пришла в себя, зачитывая вслух этот монолог, но все еще желая убить Макса за то, что он продолжал огненно и страстно оглядывать ее лицо, губы, шею, зону декольте, будто не просто имел на это право, но был единственным хозяином сего «богатства». – А хотя, нет, обворожительнейший из навязчивейших, сгоняй-ка лучше за кофе.

Макс притворно вздохнул и еще ближе пододвинулся к Лив, заставив ее перестать дышать и замереть на этой черто-

вой больничной койке... А время-то шло, часики тикали... пора что-то делать с бывшим парнем...

– Ради тебя – все, что угодно, моя королева... – огненно шепнул он практически ей в губы, неотрывно глядя в ее аквамариновые глаза своими обжигающими и такими мужественными, синими, как лед, глазами. – Только скажи волшебное слово, ну же, будь умницей... – гипнотически жарко произнес он, и тело Лив пробило электрическим током... Нет, он точно издевается, скотина бессовестная!

Лив тихонько вздохнула, выдерживая напряженный зрительный контакт, поднявший температуру ее тела на несколько градусов, но ее рука все же скользнула под подушку и нащупала толстенный, не менее, чем из трех тысяч страниц, сборник сочинений европейских авторов XX века и, сжав его ладонью, виновато прошептала:

– Извини, Макс... Я не хотела снова делать это, но...

И ровно через секунду ошарашенные глаза Макса уже следили за тем, как на них опускается огромная, тяжелющая книга в кожаном переплете с железными вставками, которую, по иронии судьбы, сам же он и принес девушке почитать, забрав ее у одного из умирающих пациентов Калеба (точнее, к тому моменту уже умершего).

Он ничего не успел сделать или сказать. Сокрушительный удар, искры салюта во все стороны, дьявольская боль и крошечная тьма... На второй секунде его глаза благополучно закрылись.

Лив с огромным сожалением проследила за тем, как безжизненное тело Макса валится на пол, безвольно распластавшись на белом кафеле в странной, неуклюжей позе. И она снова его вырубилa. Уже второй раз за всю историю их отношений. С огромным сожалением и жгучим чувством вины Лив немножко постояла над ним, затем, подумав, схватила подушку и подложила ему под голову, с огромным усилием развернув его на спину и сложив руки ему на грудь.

Еще несколько секунд ушло на то, чтобы написать Максy извинение пальцем на остатках шоколадного торта, где ранее сверху красовалось очередное нежное послание от шеф-повара Эндрю, после чего Лив кинулась одеваться.

Скинув с себя больничную сорочку, Оливия со скоростью супергероя из комиксов принялась натягивать на себя джинсы с излюбленными дырками на коленках, желтый свободный топ с закрытой грудью и спиной, прикрывающий бинты на месте ранения, и в тон ему лакированные, такого же цыплячьего оттенка, туфли на высоком каблуке. Этот наряд она попросила когда-то привезти своих телохранителей на тот прекрасный день, когда доктор Кaleb, наконец, позволит ей выйти из его волшебной лечебницы.

Бросив последний виноватый взгляд на Макса и тяжело вздохнув, ощущая, как накатывает волна боли и усталости (все-таки сил после операции она накопила немного), девушка тихонько выскочила за дверь.

Благодаря лишь какой-то счастливой звезде, в коридоре,

да и в самой лавке над подпольной клиникой никто ей не попался, а ее «Кадиллак» стоял буквально в двадцати метрах от входа, сверкая своей черной чистотой и лакированным металлом.

Вопреки надеждам девушки, на улице было чертовки холодно: она совсем забыла, что на дворе уже глубокая осень. Но возвращаться за курткой не было времени. Поежившись, она бросилась к машине и запрыгнула внутрь, поспешно включив двигатель и ожидая, когда, наконец, заработает подогрев сиденья. Выехав на одну из прилегающих улиц, Лив холодной рукой вытащила из джинсов телефон и быстро набрала номер Люка, поеживаясь и ощущая свежий прилив боли, который, к тому же, усугублялся напряжением замерзших мышц всего тела.

Со второго гудка в трубке послышался взволнованный голос:

– Оливия?? Что... что случилось? Как твое здоровье? – спохватился компьютерный гений, от радости забывший не только о том, что предмет его восхищений должен быть в больнице, но и собственное имя.

Лив поморщилась, чувствуя, как нагревается под ней сиденье, даря ее замерзшим косточкам долгожданную порцию тепла.

– Я, как всегда, в порядке, гений, лучше ты скажи – твой железный друг, снизу доверху напичканный разными приложениями и программами, рядом с тобой?

– Разумеется. – быстро и деловито ответил парень. – Что я должен сделать?

Лив услышала спешный стук его пальцев по клавиатуре и улыbnулась, снова порадовавшись знакомству с ним.

– Мне нужно, чтобы ты выследил сигнал мобильного моего отца. – выпалила Лив и продиктовала ему номер.

Люк записал номер, и Лив услышала щелканье мышью и новую клавиатурную дробь, которая, однако, была прервана вопросом:

– А разве сейчас ты не должна быть в... ну... в больнице?

Лив затормозила на светофоре и включила обогреватель, облегченно вздохнув от ощущения теплого дуновения в свою сторону:

– Слава Богу, а то чуть кишки к скелету не примерзли... – неожиданно, вслух тихо пробормотала она, получив в ухо удивленное:

– Что?

Девушка недоуменно хмыкнула, обнаружив, что говорит мысли вслух, и ответила милому, волнующемуся за ее здоровье, компьютерщику:

– Что «что»? Я ничего не говорила. А насчет моего пребывания в больнице... – Лив беспечно отмахнулась, тут же поморщившись от резкой боли в груди. – Я чудесным образом быстро исцеляюсь. Доктор Кaleb просто не нарадуется на такую прилежную пациентку... А когда он перестанет радоваться и обнаружит, что вместо меня в палате отдыхает

красавчик-сицилийский босс в отключке, будет уже поздно что-либо менять. Так что там с папашей, Люк? Мне срочно нужно узнать, где он!

– А-а-а... э-э-э... – шокировано протянул в трубку Люк, совершенно не представляя, как реагировать на подобного рода изречения, но, взяв себя в руки, он все-таки принял решение перейти к делу. – Сейчас, Оливия, еще минутку... Угу... Есть. Эйден Мартинес сейчас в Бруклине, перекресток Беркли-плейс и Седьмой авеню... Минут двадцать езды от тебя.

Лив кивнула и, включив навигационную карту, мило протараторила:

– Пора поднимать тебе зарплату, хакер. Мой папандр вообще платит тебе?

Люк робко и неуверенно хмыкнул в трубку.

– Ну... Да... в некотором роде.

Лив вырулила на оживленное шоссе, следуя указаниям строгого женского голоса из навигатора, и удивленно переспросила:

– Это что еще за некоторый род? Он что, тебе вместо денег банки с консервами шлет? Или выдает заработок талонами из игрушечной «Монополии»?

Люк скромно рассмеялся.

– Нет, он просто... пообещал не выдавать информацию о том, что я проник на сайт Министерства обороны... кому надо.

Лив недовольно поморщилась.

– Мистер Скрудж в своем репертуаре. Ладно, дружок, не переживай. Я исправлю эту ситуацию. Хватит твоему талантливому мозгу уютиться в сараюшке, где ревнивая и скандальная подружка начищает полы воском. Спасибо за помощь, гений, я в долгу не останусь! Пока!

И она хотела повесить трубку, как Люк вдруг поспешно окликнул ее дрожащим от волнения голосом:

– Лив, постой!

– Чего тебе?

– А ты... м-м-м... – он замялся и замолчал. Лив хмуро посмотрела на дисплей, затем недоуменно проговорила в трубку:

– Люк? Ты там в порядке?

Вздых, затем снова слабый, дрожащий голос:

– Я хотел спросить... ты... ты... встречаешься с кем-нибудь? – с огромным трудом выдавил гений и в ужасе замолчал, а Лив от удивления чуть не врезалась в идущий перед ней автомобиль. Ее губы растянулись в довольной улыбке, и она чуть не захихикала, как маленькая глупышка. Ну надо же! Неужели этот парнишка в нее влюбился? Вот так дела...

Лив вздохнула. Расстраивать и обижать Люка ей не хотелось, он правда был невероятно мил с ней, но...

– Прости, Люк, но... да, есть тут парочка гамадрилов, которые вытрепали мне все нервы... Ах да! – вспомнила вдруг Лив и чуть не захохотала. – За одной из этих обезьян я еще

и замужем! Так что, да... В моей ситуации одним экстрактом валерианы не отделаешься, прости. – грустно добавила девушка, которой второй раз в жизни пришлось дать отворот-поворот хорошему, симпатичному парню, и ей правда было искренне жаль.

Люк вздохнул и быстро, но с невероятной грустью, произнес:

– А... да? Ну, ладно... Извини за вопрос, я просто... Не бери в голову. – он вдруг собрался и уже более спокойно произнес:

– Удачи тебе с отцом, Оливия, если понадобится – звони. И отключился.

Лив, все еще пребывая в легком шоке от того, что каким-то непостижимым образом очаровала компьютерную голову, бросила телефон на соседнее сиденье, попытавшись сосредоточиться на своей миссии.

Но, судя по всему, счастливая звезда решила перейти на соседнее полушарие земли или вообще упала с неба и сгорела в атмосфере, потому что Лив стало казаться, что какие-то темные силы (исходящие наверняка от насекомышья с туманным взглядом, от кого же еще?) специально препятствуют тому, чтобы она успела добраться до Эрнесто раньше, чем отец сделает из него люля-кебаб.

На перекрестке Президент и Сеттет-стрит «Кадиллак» уже готов был сорваться на только что загоревшийся зеленый, как, откуда ни возьмись, на проезжей части появилась

бабуля, тяжело хромая с палочкой на другую сторону дороги, и, кажется, пребывая в мире, где слабым, немощным старичкам на любой дороге горит вечный зеленый свет.

Треклятые секунды бежали прочь одна за другой, пока бабуля медленно, но верно ползла в своих чистеньких, беленьких кроссовках (странный выбор обуви для пожилой женщины, но тем не менее), коричневой вязаной юбке и синем, утепленном пальто, переставляя свою палочку дрожащей, почти прозрачной, сухой рукой.

Лив с нетерпением барабанила пальцами по рулю, дрыгая ногой и наблюдая, как порывы ветра заставляют старушку прикрыть глаза и двигаться еще медленнее, чем здоровенная черепаха со светлыми полосками на толстом панцире... Лив не могла вспомнить ее название.

Машины позади нее сигналили ей, равно, как и нетерпеливые, вечно спешащие автомобили на встречной полосе, из которых уже начали выглядывать водители, ругая бесстрашную старушонку на чем свет стоит.

Лив со злостью посмотрела на орущих мужчин, ставших похожими на свиней, страдающих запором, и, недолго думая, вылетела из теплого «Кадиллака» и, подбежав к бабульке, которая ошарашено уставилась на маленькую блондинку в летнем топике, схватила ее руку и, перекинув через свою шею, поволокла ее практически на себе, морщась от дикой боли при каждом вдохе.

– Дочка, дочка, потише... Куда ты так спешишь? – мед-

ленно прошамкала бабуля, неотрывно глядя белесыми, выцветшими глазами на Лив.

– Да как куда, бабуля? На светофоре – красный, на дороге – нетерпеливые психи, на улице – пять градусов тепла! Вы же не хотите стать жертвой автокатастрофы, брошенной на месте преступления и замерзающей без руки помощи? – протараторила Лив ошеломленной бабке, и, сделав последний рывок, поставила старушку на безопасный клочок тротуара, выдохнув. – Запомните, пожилая мисс: зеленый свет – ползи вперед, красный – с места меня никто не сдерет... Как-то так.

И Лив побежала обратно к машине, сопровождаемая аплодисментами свиней с расстройствами желудочно-кишечного тракта и нервной системы и удивленным, но благодарным взглядом старушки на тротуаре.

Девушка резко стартанула, торопясь нагнать утерянное время, но на дороге, как на зло, на каждом перекрестке горел запрещающий сигнал, задерживая ее секунд на тридцать и все больше сокращая расстояние между нею и тем отрезком ближайшего будущего, в котором спешащая девушка находит мертвое тело сводного брата с вырванными жизненно важными внутренними органами.

На одном из подобных перекрестков, где красный свет был особенно мучительно долгов, Лив нервно покусывала губу, глядя то на электронный циферблат перед собой, то на окружающие ее дома и прохожих, практически не замечая

их. Ее телефон без устали жужжал на соседнем кресле, но девушка не предпринимала никаких попыток поговорить о собственных отклонениях по фазе хоть с кем-нибудь из тех, кому срочно захотелось найти ее.

Красный все горел и горел, пропуская оживленное четырех-полосное движение по перекрестному шоссе, и Лив волновалась все больше и больше... как тут ее внимание привлекли двое молодых людей, стоящих на углу дома. Один из них был белым, а другой – чернокожим, с короткой, еле заметной стрижкой черных, жестких волос и неизменным широким, приплюснутым носом – характерным признаком особенного лицевого строения темнокожих людей.

Белый парень был блондином в черной кожанке, под которой виднелась черная толстовка с капюшоном, джинсах и кедах, а лицо его... Лив не могла сказать, что это был обычный парень из тех, что учатся в колледже или работают официантами в закусочных. Криминальное прошлое этого блондинчика оставило свой след на перебитом, кривоватом носе, парочке шрамов: один украшал бровь, разделяя ее на две причудливые части, а другой – щеку, и выражении глаз – они цепко оглядывали прохожих, а точнее, их сумки, карманы, прикид, перепрыгивая на подъезжающие к светофору автомобили, пристально осматривая каждую деталь, замечая любую мелочь, которая могла бы дать информацию о состоятельности владельца или о возможностях перепродажи тачки, либо ее комплектующих.

Его друг афроамериканец выглядел подобным ему образом, но, в общем-то, не изменяя стилю афроамериканской молодежи: объемная темная футболка, массивная куртка с капюшоном, который был накинут на его голову, несколько передних золотых коронок, блестящих в те моменты, когда он цедил речитативом свою реакцию на слова товарища, джинсы, кеды... Он держал руки в карманах, и Лив могла поклясться, что в одном из его кулаков было зажато оружие.

Лив понимала, что они готовятся что-то совершить, но даже и во сне не могла представить, что жадные и внимательные взгляды этой разномастой парочки вдруг остановятся на тонированном, потрясающем «Кадиллаке Эскалэйд», внутри которого она же сама и сидела.

Со все более нарастающим беспокойством, нервно поглядывая то на светофор, то на часы, то на засиявшую неподдельным интересом группу из двух людей, разглядывающих ее автомобиль слева направо и о чем-то переговаривающихся, Лив упрашивала любые силы природы или хотя бы дорожное управление Нью-Йорка о том, чтобы она могла выжать газ и рвануть от этого места куда подальше... Но красный все горел и горел, заставляя ее проникнуться сильной нелюбовью к этому цвету.

И в этот момент худшие опасения Лив подтвердились: черный и белый о чем-то быстро договорились и резвой походкой и с устрашающими, как им казалось, выражениями лиц двинулись к «Кадиллаку».

Лив ошеломленно смотрела на них, не зная, плакать или смеяться от такой подножки со стороны судьбы.

– Не... может... быть. – выдохнула она, глядя, как двое бандитов подходят к водительской дверце и дергают за ручку, но натываются на неожиданное препятствие в виде блокировки. – Нет, серьезно???

А время шло.

– Эй. – жестко крикнул белый, постучав по стеклу костяшками пальцев. – Открывай. Немедленно! Или тебе же будет хуже! Давай, кретин!

Великолепно. У нее хотят угнать машину посреди бела дня двое отморожков, забывших о межрасовой войне ради достижения общей цели и приставших именно тогда, когда она так чертовски спешит спасти жизнь другому человеку! Нет, ну это издевательство какое-то!

Лив не на шутку рассердилась и, открыв бардачок, вытащила оттуда пистолет. Эту сладкую парочку она не боялась, и отдавать им свою любимую машинку и чесать пешедралом восемь кварталов как-то не входило в ее планы.

Белый начал разъяряться, видя, что водитель авто не реагирует. Конечно, если бы эти двое сразу узнали о том, что «Кадиллак» защищен толстенной броней и пуленепробиваемыми стеклами, то отказались бы от этой затеи сразу, а не торчали бы посреди дороги, привлекая ненужное внимание пешеходов и тех, кому пришлось пристроиться следом за Лив в очередь на проезд через перекресток. В результате, па-

ренок как-то важно и многозначительно кивнул своему черному другу, и тот, подойдя вплотную к двери, показал рукоять револьвера, слегка высунув его из кармана.

– А ну вылезай из тачки, дерьмо собачье, живо!!! – заорал белый, брызнув слюной, а может, остатками самообладания, на стекло, и Лив брезгливо поморщилась. – Или тебе будет ой как плохо, слышишь, гнида?!?

Лив, проклиная все на свете, глянула на светофор, на несколько машин перед ней, на психованного парня за окном и мощно газанула, заставив обоих горе-преступников отпрыгнуть от неожиданности.

Негр вытащил пушку и навел ее на стекло, целясь прямо в голову девушке, которую он не видел.

– Ну все! Ты конкретно попал, урод! Вылезай живо, козлодой!! Считаю до трех: раз... два... – негр взвел курок, и Лив, закатив глаза и потеряв всякое терпение, тем более, видя впереди спасительный зеленый, слегка опустила стекло и вытащила свой пистолет, направив его на негра.

– Три. Стреляй, мечта стоматолога, пиф-паф. – гневно процедила она, испепеляя сияющим злобой взглядом двоих, так не вовремя приставших к ней, угонщиков.

Белый и черный обомлели, увидев белокурые волосы и большие, аквамариновые глаза, горящие, однако, недобрым огоньком, но все равно принадлежавшие женщине, а когда, через секунду, до их крошечных мозжечков дошло, они наперебой заорали:

– Кертис, это же телка!

– Слышь, да тут, по ходу, баба за рулем! Вот так свезло!! – захохотал негр, шлепнув белого по плечу и, наклонившись к окошку и выдерживая пристальный взгляд Лив, с дебильной усмешкой проговорил:

– Эй, куколка! Если выйдешь без всякого базара и убереешь ствол, мы, так и быть, ничего тебе не сделаем, так что давай-ка по-хорошему, детка!

Лив нетерпеливо покосилась на часы и гневно ухмыльнулась:

– У меня другое предложение, крутые парни: вы сейчас убираете свои трусливые задницы от моей машины, и, так и быть, я не найду вас и не завяжу в крепкий, дружеский узелок ваши ловкие, шаловливые ручонки, идет? Повторяю, быстро отвалили от моей тачки!!! Я спешу.

Негр и белый переглянулись и расхохотались злобным смехом.

– А ты, малышка, очень веселая... – хмыкнул белый, тоже наклонившись к окну. – Думаешь, если с тобой твой малокалиберный дружок, то ты уже крутая девочка? А если мой братан тебе мозги вынесет прямо сейчас?.. Еще раз говорю: открывай тачку, шлюшка! Слышишь?

Лив злобно топнула ногой и, ощущая, как гнев и дикое, горячее, как печь, раздражение захлестнули ее окончательно и бесповоротно, изловчилась и грубо, изо всей силы врезала пистолетом по руке белому, наставив его на агрессивно дер-

нувшего афроамериканца, желающего защитить друга от телесных повреждений, яростно прошипев:

– Ладно, ублюдки, только из-за того, что мне чертовски срочно надо быть сейчас в другом месте, я воспользуюсь положением и открою вам секрет, что эта машина принадлежит Эйдену Мартинесу, моему чудесному и очень доброму папочке... У вас есть хоть малейшее представление, кто он такой? – задала риторический вопрос Лив, потому что при звуке имени ее отца, оба парня испугались до того, что белый потемнел, а черный побледнел. Они одновременно отступили на шаг назад, и даже их пистолет как-то горестно повесил нос, услышав столь шокирующую новость.

– Да ну... Ты брешешь... – сипло проговорил негр, а Лив закатила глаза.

– Хочешь проверить? Стреляй по тачке! Она бронированная, кретин! Так что если вы двое не хотите всю жизнь принимать пищу через трубочку, то вы сейчас же оставите меня в покое и пойдете к чертям собачьим, в противном случае папочка узнает подробное описание ваших рож, а память у меня хорошая. – гневно, с угрозой в голосе проговорила Лив, которая никогда обычно не прикрывалась отцом в собственных проблемах: это было не в ее духе.

Парни даже как-то странно задергали глазами, впечатленные ужасающей новостью о том, что они чуть было не покусились на машину и здоровье дочери мафиозного барона, и, отступая назад, подняв руки в знак капитуляции, одновре-

менно бормотали:

– П-простите, мисс Мартинес, мы это...

– Мы же не... не специально... мы просто...

Лив прищурилась и нахмурилась, вдруг заметив у чернокожего на руке зеленый платок... Она знала, кто носит такие платки, но почему тогда этот парень напал на ее машину?..

– Эй, ты, в капюшоне! – вдруг окликнула негра Лив, указав дулом пистолета на его запястье. – Это платок «Острых ножей»? Ты – человек Трейшоуна?

Негр замер, напугавшись, кажется, еще больше.

– Я... да... Не говори ему! – вдруг взмолился он, и его глаза сделались такими жалкими и беззащитными, что Лив мигом остыла. – Он убьет меня!!!

– Так ты знал, что у него распоряжение – не трогать машины моего отца?!? Почему тогда полез ко мне??? – возмущенно воскликнула Лив, ничего не понимая. Или Трейшоун решил повоевать с ней, отомстить за смерть своих людей, или этот паренек глуп, как чихуахуа...

Черный паренек расширил наполненные ужасом темные глаза и замотал головой:

– Нет, я не знал, клянусь! Мне ничего об этом...

Лив бросила взгляд на часы, и ее сердце сжалось: еще несколько минут впустую... Проклятье!!! Только бы папаша решил растянуть удовольствие...

– Ладно, проваливайте. – махнула рукой Лив, и афроамериканец вскинул к ней руки:

– Стой! А как же я?..

– А что –ты? – нетерпеливо протараторила девушка. – Я даже твоего имени не знаю, так что прекрати мочить штанишки и иди, поменяй подгузник! С Трейшоуном я сама разберусь. Пошли к черту!!! – гневно бросила Лив и даванула педаль газа, не боясь отломить ее своими резкими действиями.

Восемь кварталов пронеслись быстрее, чем комета Хейла-Боппа в 1997 году, и Лив, бросив «Кадиллак» поперек улицы и не потрудившись убрать с проезжей части его мощный, увесистый зад, быстрым взглядом окинула жилой, восьмиэтажный дом, в котором, судя по наводке Люка, и был сейчас отец.

Тяжело вздохнув, чувствуя, как в голове шумит ветер и стучит дятел, грозя выдолбить из коры головного мозга последние извилины, девушка собрала остатки сил и, поежившись от холода, бросилась в подъезд.

Серые, нагнетающие тягостное настроение, гладкие стены, три одинаковые двери на каждом этаже – вот и все, что она увидела, посмотрев вверх, в просвет между перилами.

– Ну, если отец уже здесь, значит из квартиры в любом случае будет раздаваться его карканье, крики и дурацкая стрельба. – заявила сама себе Лив, тяжело дыша, и бросилась вверх по лестнице.

Иногда из дверей, в ответ на цоканье ее каблучков, высывались озадаченные и испуганные головы, правда, после се-

кундного созерцания бегущей вверх блондинки, одетой, как на пляж, в ноябре-месяце, они отчего-то шустро исчезали, сопровождая это звуком громко захлопывающихся дверей, разносящимся на несколько этажей эхом по подъезду.

Оливия понимала, почему у них такая странная реакция. видимо, папаша со своим выводком грозно протопал по этой же лестнице некоторое время назад, и, скорее всего, жителей немного напрягло оружие в их руках и сумрачные лица, поэтому...

Ее мысль оборвалась на полуслове.

Между четвертым и пятым этажом прямо на ступеньках лежал мужчина. Судя по грязной, в пятнах от еды, майке и рваных, отдувавшихся на коленках, спортивных штанах, он явно жил в одной из этих квартир, а валяющаяся рядом догорающая сигарета свидетельствовала о цели его выхода на площадку...

Лив замерла, в ужасе глядя на то, как хрипел незнакомый ей мужик, держась за сердце и вытаращив подернутые болью глаза на девушку, кажется, пытаясь попросить о помощи.

Сердце Лив дернулось, и она в раздражении посмотрела вверх, туда, где, по ее мнению, располагалась обитель Господа.

– Да ты издеваешься?!? – топнула она ногой, проклиная чертовы обстоятельства за то, что каждая секунда во спасение этого курильщика может стать роковой для супергерниального, но больного на всю головушку, малорослика Эр-

место, но, не мешкая ни секунды, она пересекла несколько оставшихся ступеней вверх и забарабанила по всем трем дверям, заголосив, что есть мочи:

– Эй!!! Э-э-эй!!! Кто-нибудь!!! Откройте! Тут мужчине плохо!! Откройте же, ну!!! – гневно прошипела Лив, снова обрушившись с кулаками на хлипкие двери, которые сотрясались от ее ударов.

И, наконец, хвала Всевышнему, из квартиры с левой стороны послышался щелчок отпираемого замка, и Лив увидела два больших карих глаза, обрамленных густыми ресницами и темными бровями, взметнувшимися наверх от удивления и испуга. Лив требовательно посмотрела на девушку, в ужасе тарасившую на нее свои глазищи, и яростно протараторила:

– Наконец-то, давай скорее, звони в скорую, видишь, ему плохо, приступ или что там у него еще в груди защемить может... А курить-то меньше надо, так ему и передай, если оклемается, а пока, может, побудешь с ним, а то я спешу, мне еще кое-кого спасти надо... – на одном дыхании импульсивно выдала Лив, указывая рукой на хрипящего соседа девушки, все еще пучившего глаза в потолок и явно страдающего от ужасной боли.

Девушка, наконец, очнулась и, распахнув дверь, вылетела на площадку, достав из кармана мобильный и набирая номер службы спасения.

– Мистер Киндел!! Мистер Киндел!!! Что с вами?? – в ужасе затараторила темноволосая, немного полноватая дев-

чонка, которой на вид казалось не больше пятнадцати лет. – О, Господи! Сейчас... скорую вызову...

Она набрала номер и, приложив мобильник к уху, посмотрела на Лив расширенными от растерянности и испуга глазами.

– Спасибо... – шепнула она, как-то странно посмотрев на девушку, и Лив кивнула:

– Не за что. Теперь скажи: не видела ли ты тут толпу дядек в строгих костюмах с лицами носорогов и огнестрельным оружием в руках, возглавляемых пыхтящим, как паровоз, седеющим важным шкафчиком с голосом, как из громкоговорителя?

Девушка ошарашено открыла рот и медленно кивнула.

– Они побежали... на седьмой... – шепотом, наполненным несказанным ужасом, проговорила она.

Лив снова кивнула и улыбнулась ей из последних сил.

– Слава Богу! А то тишина такая – думала, что домом ошиблась! Эти-то красавцы мне и нужны! Ну, счастливо тебе и... мистеру Кинделу.

И Лив бросилась вверх, чувствуя на себе взволнованный и ничего не понимающий взгляд больших карих глаз.

Седьмой этаж и правда ознаменовал окончание гонки Лив за собственным папашей: дверь в квартиру напротив лестницы была распахнута настежь, а в бедно обставленной, старомодной прихожей лежало несколько человек с пулевыми отверстиями в разных частях тела, напустив на старый, про-

тершийся ковер уже целую лужу крови.

Лив замерла, с болью и отвращением глядя на них, но в этот момент из глубины квартиры раздались крики, звуки борьбы и ломающейся мебели, и Лив, спешно перешагнув через мертвые тела, рванула на крик, борясь с собственным ужасом от того, что она все-таки могла опоздать.

В гостиной, кроме все тех же нескольких мертвых тел, никого не было, а новый крик раздался из спальни. Не мешкая ни секунды, держась за стены и чувствуя, как гудит в ее голове, Лив кинулась за угол и увидела толпу людей ее отца, включая Марти и Эдди, с грозными лицами нацеливших пистолеты внутрь комнаты.

– А ну расступитесь, остолопы, живо! – скомандовала Лив, расталкивая массивные спины в дорогих костюмах и пробиваясь в спальню.

– Мисс Оливия?!? – завопил ошарашенный Марти, но Лив только махнула на него рукой и влетела в комнату.

Спальня была пустой, если не считать огромной кровати посередине, на которой «отдыхал» мертвый человек Эрнесто лицом в подушку, а возле нее на полу, один на другом, лежали еще двое бедолаг, но Лив не замечала их.

Ее внимание было приковано к высокой, крепкой фигуре в невероятно дорогом черном костюме и туфлях и с до жути знакомым седеющим затылком, стоящей около открытого окна и с явным напряжением держащей по тонкой, костлявой щиколотке в каждой руке, которые завершались очень

уж бросающимися в глаза лакированными голубыми ботинками небольшого размера.

– ...этот полет ты навсегда запомнишь, задохлик!!! – громыхал отец, и Лив, чувствуя, как в груди все больно сжалось, а в глазах потемнело, вскинула руки и закричала:

– Отец!!! Нет!!! ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ???

Эйден вздрогнул и чуть случайно не отпустил Эрнесто в бездну, который как-то болезненно захохотал.

– Оливия??? Что ты здесь делаешь??? – встревоженно и гневно воскликнул отец, обернув голову и ошарашено уставившись на дочь. – Ты должна быть в больнице у Калеба!!!

– А ты должен был сказать мне, что собираешься к этому таракану! – крикнула в ответ Лив. – Немедленно верни его внутрь!!! Немедленно, отец!!!

Эйден раздраженно рыкнул и с огромным трудом втопил Эрнесто обратно в квартиру, грубо установив рядом с собой.

Лив нахмурилась, посмотрев на своего, некогда важного, представительного и самоуверенного, а теперь просто жалкого, сводного брата.

Эрнесто скалился, как-то болезненно подрагивая и держась одной рукой за ребра. Его лицо было фиолетовым от множественных синяков, бровь и лоб были рассечены, и капли крови размазались по его щекам, рваная губа окрашивала ровный ряд зубов в алый цвет, а волосы спутались, и на их белесом оттенке тоже играли багряные пятна крови. Тот самый зеленый кардиган, в котором болтался «жучок», прыгая

под шелковой подкладкой, был снова изорван и испачкан в крови, это же касалось и темно-синих, некогда выглаженных до совершенства, брюк. В общем и целом, выглядел Эрнесто ужасно.

Лив вдруг очнулась, как будто всю дорогу до этой квартиры пребывала в чужом теле. Она так спешила спасти шкуру этого несчастного, запутавшегося в себе и собственных эмоциях, типа, что напрочь забыла о собственном самочувствии. Боль обрушилась на нее, как снежная лавина с горного хребта – резко и отчаянно придавив ее своим весом. Она обнаружила, что ее голова просто разрывается изнутри чудовищной пульсацией, грозящей выкинуть мозги из всех возможных отверстий в черепе, безумная боль разрывала ей грудь и правую сторону туловища, особенно в том месте, где была рана, вдобавок, она ощущала сбивающую дыхание сердечную аритмию и невероятную, жгучую усталость: кажется, организм отозвался на поспешное исчезновение из больницы и скоростной подъем на седьмой этаж.

Лив с трудом выдохнула и с укоризной посмотрела на отца, тревожно, но в то же время разозленно изучающего ее пристальным взглядом.

– Я же тебе говорила, что должна увидеть его прежде, чем ты реализуешь на его тщедушном теле свои мстительные идеи!! – недовольно воскликнула Лив, очень сильно желая присесть, а лучше – прилечь где-нибудь: так сильно подкашивались от слабости ее ноги. – А ты решил все сделать по-

своему, да еще часового ко мне приставил! Да ты хоть представляешь, папочка, в каком ужасном состоянии мне пришлось его оставить??? А все из-за твоего идиотского плана по ограждению такой хрупкой меня от нервных переживаний... И как же тебе не стыдно, взрослый человек, седеющие виски, бритва с тремя уровнями лезвий?!? Ай-яй-яй. – язвительно проговорила девушка, ввергая своего отца в замешательство, правда, судя по бешено вращающимся глазам, чувством вины, на которое уповал этот монолог, там так и не запахло.

– Оливия... Какой неожиданный сюрприз... – проскрежетал Эрнесто, отплевывая кровь из разбитой губы, но Эйден тут же ткнул дулом пистолета ему в щеку и раздраженно прошипел:

– Заткнись. Ни слова, пока я не разрешу. – он снова посмотрел на дочь и громыхнул:

– Лив, что ты сделала с Максом?? Надеюсь, он жив? Тебе не следовало приезжать, дочка, ты еще слишком слаба, да ты только посмотри на себя!! – обеспокоенно воскликнул он, махнув на Лив свободной от пистолета ладонью. – Давай так. – успокаивая самого себя, выдохнул отец. – Я здесь все закончу сам, а ты пока посидишь в машине...

– Отец, да что за проклятье седых отроков!!! – вскричала в бешенстве Лив. – Ты что, вздумал играть со мной в игру: «Мы говорим на одном языке, но я все равно тебя не понимаю»??? Значит, поступаем следующим образом: ты, – она

ткнула пальцем в нахмуренного и жутко недовольного Эйдена, – и вы все, – она указала на толпу вооруженных мужчин, держащих Эрнесто на мушке, – сейчас выйдите отсюда и оставьте меня и этого побитого насекомышца наедине!!! Все ясно, или вам в Гугл-переводчике набрать на португальском, чтобы дошло??

– Что-о-о?? – взревел вконец взвинченный и порядком выведенный из себя всей этой ситуацией Эйден. – Наедине?? Да ни за что на свете! Чтобы я оставил тебя одну с этим маньяком??? Да не бывать этому!!! Так что, либо говори все, что ты хочешь сказать, при мне, либо отвернись, потому что я собираюсь вынести ему мозги вон на ту стену прямо сейчас! – рыкнул он, снова грубо и, наверное, чертовски больно ткнув Эрнесто пистолетом в лицо.

Лив тяжело вздохнула и яростно прошипела:

– Папаша, да очнись ты! Он еле дышит после вашей проработки его на звание боксерской груши для тренажерного зала! Что он может мне сделать? Выйдите, еще раз повторю!! Наш разговор должен состояться наедине. Ну, ну, вперед! Огурец, командуй эвакуацией! – заторопила их Лив, активно размахавшись руками, и Эйден вздохнул.

– Ладно. Но если что – кричи. – жестко посоветовал он и грозно, с вызовом посмотрел на все еще подрагивающего и жующего собственную кровь главу Чикагского синдиката.

– Непременно. – язвительно ответила Лив, и Эйден махнул своим людям, чтобы они вышли из комнаты. Проходя

мимо дочери, он окинул ее взволнованным взглядом в последний раз и вдруг удивленно буркнул:

– Кстати, почему это ты так странно одета?

– Я перепутала времена года. Что здесь странного?? – от-
решенно и не задумываясь, ответила Лив, глядя только на Эрнесто. Ей предстояло объяснить ему кое-что... Сумеет ли она убедить, достучаться до его сердца?.. Ее внутренности обеспокоенно сжались.

Эйден покачал головой и неохотно вышел, прикрыв за собой дверь.

Лив и Эрнесто остались вдвоем. Тишину и тонкие волокна напряжения первым нарушил парень:

– Так ты сбежала из больницы, чтобы поговорить со мной??? Оливия... – его глаза подернулись уже знакомой дымкой, и он медленно проковылял к кровати, тяжело и осторожно опустившись на нее. – Стоило ли рисковать своим здоровьем ради какой-то предсмертной болтовни? Или речь пойдет о том, кому будут переданы материалы по тебе и твоей семье после моей смерти?? Я прав?? – он мягко ухмыльнулся и облизал кровоточащую губу.

Лив тяжело вздохнула и села рядом с ним, отодвинув ногу возлежащего на кровати мертвеца как можно дальше от себя.

– Да плевать мне на все твои видео, аудио и другие компроматы. Можешь передать эти файлы хоть Папе Римскому, мне все равно. И кстати, если ты еще не понял, господин «Лютая месть» не убьет тебя. Я ему не позволю, будь уверен.

Эрнесто удивленно, но все так же спокойно и мягко посмотрел на Лив.

– Не позволишь? Но... почему??? Это было бы логичным завершением моей неудавшейся игры... Я столько сделал на пути к уничтожению вашей семьи, что ты должна ненавидеть меня и хотеть убить!

Он мягко и болезненно рассмеялся. Лив промолчала, глядя на него и не испытывая никакой злобы, презрения или ненависти. Только щемящую жалость и желание все изменить...

Эрнесто тоже смотрел на нее. Его серые глаза прояснились, он внимательно и проницательно разглядывал девушку с ног до головы, впечатываясь взглядом в ее глаза, желая понять, что же движет ею сейчас... Какие мотивы и противоречия борются в ее голове?..

– У тебя кровотечение открылось. – спокойно заметил он, глянув на ее желтый топ, и Лив с раздражением на себя и на свое, так не вовремя продемонстрировавшее свою слабость, тело, опустила глаза и увидела большое кроваво-красное пятно на шелковой ткани, расплывающееся в районе пулевого отверстия. Она недовольно посмотрела на Эрнесто и нахмурилась:

– А у тебя ребра сломаны. Может, на этом закончим обсуждать наши болячки, как две старые клячи, или желаешь начать делиться опытом самолечения в домашних условиях? – она вздохнула и, сложив руки в замок на коленях, за-

думчиво, но импульсивно проговорила:

– Я действительно ненавижу тебя и даже не собираюсь скрывать это. Ты следил за мной, вызнал мои секреты, шантажировал нас, успешно начал топить наш бизнес, сунул отца в консервную банку и заставил бороздить дно Гудзона, чуть не убил двоих самых близких мне людей... Так что да. Я чертовски сильно, безудержно, до одурения и повышения артериального давления ненавижу тебя!!! – в сердцах и с чувством проговорила Лив, но вдруг резко остыла и внимательно заглянула ему в глаза. – Но я никогда не хотела тебя убить.

Эрнесто слегка нахмурился. В его сером взгляде светилось непонимание и удивление.

– Это нелогично. По всем законам этого мира ты должна была первая наброситься на меня сегодня и растерзать за всю боль, что я причинил тебе... а ты...

Лив всплеснула руками.

– Вот именно! Ты не понимаешь. Проблема не в том, какие козни ты мне строил, а в том, почему ты это делал! И чертов ответ кроется именно в твоем понимании законов жизни. – она вздохнула и тихо, с огромным внутренним сиянием, проговорила:

– Я понимаю тебя. Ты разорван на клочки, ты сломлен и переломлен на тысячу раз, в тебе нет целостности, нет света, нет огня. Ты одинок, и считаешь это и своей силой, и своим наказанием одновременно. Ты винишь в своем одиночестве

моего отца и мою семью. Да, Эйден виноват... отчасти. Но твой папаша, черт бы тебя побрал, начал первым! – снова разъяренно воскликнула Лив, не сдержавшись. – И он был не прав, потому что не имел оснований обвинять моего отца в отношениях с его женой, которых, на тот момент, и в помине не было!

– Да брось, Оливия, ты сейчас... – злобно начал было спорить Эрнесто, но Лив его жестко перебила:

– Я говорю тебе это, не потому, что хочу подчеркнуть бессмысленность твоих затей, а просто как факт, который, между прочим, был проверен моим отцом. От нескольких, оставшихся вживых, членов твоей семьи он получил подтверждение того, что Алиса и Рико начали встречаться только по прошествии месяца с того момента, как она родила меня и отдала в семью Мартинес. Да это сейчас и не важно, кузнецик. – тяжело вздохнула Лив, вспомнив о своей настоящей маме и ощутив прилив невероятной тоски. – В любом случае, результат не порадовал никого: мой отец получил длинноволосую и голубоглазую куклу вместо долгожданного рыцаря, а твой папаша – повод для бешеной ревности, в результате чего погибла моя мама, а меня было решено запереть в пансионат на другом континенте.

Эрнесто вздохнул, взявшись за бок, и сухо рассмеялся, устало проговорив:

– К чему вся эта заезженная история, сестрица? Лучше позови своего папочку, и пусть он уже доводит дело до кон-

ца...

Лив гневно посмотрела на него и вспыхнула:

– Идиот! Я пытаюсь сказать тебе, что после тех событий, не только ты потерял смысл и желание жить, но и я! Я была также одинока и озлоблена на всех вокруг, потому что думала, что жизнь несправедливо обошлась с такой маленькой и нежной звездочкой, как я, и как же я ненавидела отца!!! Буквально картинки в голове рисовала, как я буду выкручивать ему кости и слушать, как он кричит от боли в унисон с криком отчаяния и злости у меня в голове!!! А потом... Потом я вернулась. И именно из-за своей агрессии и отстраненности я стала причиной гибели сестры... Мною овладела жажда мести. – Лив развернулась к нему, глядя на него горящими глазами и держась ладонями за пылающие щеки. Как же много она хотела сказать этой худосочной фигурке с ужасающе насмешливым и скептически настроенным взглядом уставившейся на нее!.. – Я думала, что, наконец, обрела цель своего пустого и никчемного существования! Думала, что поняла, для чего дышу и копчу воздух на этой земле! Мстить, мстить, мстить за смерть сестры и, заодно, выплеснуть всю свою накопившуюся злобу на удачно попавшегося под руку уродца Блейка Уолша! Да!!

Она рассмеялась и горько покачала головой.

– Но я ошибалась. Все изменилось. – она встала и зашагала перед ним по комнате. – У меня появился Джонни... и Макс... И я оказалась не одна! И что самое потрясающее –

я поняла, что одиночество не делает нас сильными, оно разрушает нас изнутри, не дает частичкам сердца склеиться в единый орган! Я всю жизнь строила стены между собой и другими людьми, вместо того, чтобы возводить мосты, и теперь жалею об этом! Не будь дураком, Эрнесто! – она снова возбужденно села около него и схватила за запястье. – Не месть дарит нам смысл, а любовь! Любовь и умение прощать! Мы живем не ради того, чтобы «восстанавливать справедливость», а ради того, чтобы научиться понимать людей вокруг нас, научиться прощать ошибки! Я также, как ты, верила, что семья – это слабое место, это болезненная яма, которая тянет тебя вниз и портит нервы своим существованием! Но после того, как я стала работать с отцом, после того, как у меня появился Джонни, я поняла, что человек без семьи – никто. Семья – это наша сила, это наш внутренний столп, наша крепость. – Лив вздохнула, вспомнив о том, что она потеряла Джонни, но сейчас ей некогда было думать об этом. – Я готова на все, лишь бы защитить их, понимаешь? Мне есть, кого защищать! – она засмеялась, а в ее глазах блеснули слезы. – И я не хочу твоей смерти, кузнечик. Ты, как никак, мой сводный брат. И ты просто... запутался. Тебе не нужно мстить мне, мы можем...

Эрнесто резко рассмеялся, болезненно поморщившись и глядя на наивно светящееся лицо разгоряченной своим откровенным монологом Лив. Он смотрел все так же насмешливо, недоверчиво, презрительно, но Лив все же разглядела

в его глазах затаенные осколки боли.

– Ты серьезно, сестра?!? Что за детский лепет??? Любовь... Семья... – презрительно проговорил он, выплюнув на пол сгусток крови. – Ты правда хочешь сказать, что всегда мечтала рискнуть своей жизнью ради парня, который бросил тебя, ради отца, который предпочел избавиться от тебя тогда, когда он был тебе так нужен, и который сейчас пытается манипулировать тобой, заставляя делать то, что он хочет?? Какое прощение, глупая девчонка?? Прощение – для слабаков, которые боятся ударить своего обидчика как можно сильнее! Целью всей моей жизни было желание отомстить твоему отцу за то, что лишил меня родителей, твоей пресловутой любви, нормального дома! Меня готовили к этому, ломая шаг за шагом врожденные стереотипы, страхи, комплексы... – он презрительно посмотрел на Лив, сердце которой разрывалось от каждого его слова, и вдруг снял левую перчатку. Лив с ужасом увидела, что вся его ладонь и тыльная сторона руки были покрыты ужасным шрамом от ожога, и ее руки сами потянулись, чтобы прижаться ко рту в порыве боли. – Вот это, – он указал на жуткий шрам, – оставил мне мой отчим, когда я отказывался продавать наркотики несовершеннолетним подросткам. Он держал мою руку в огне камина и с дикими, жесткими глазами слушал, как я кричу... Мне было шестнадцать. – Он горько ухмыльнулся и стащил вторую перчатку, обнажив такой же отвратительный шрам, и Лив в мгновение стало дурно, тошнота подкатила к горлу,

а по щеке побежала слеза. – А вот этот я получил в подарок, когда не захотел убивать должника своей семьи... Уж и не помню, что он там задолжал, и много ли... Помню только боль, уничтожающую душу и необходимость сопротивления... Огонь пожирал мою кожу, он пожирал все хорошее, что было внутри меня, оставляя только озлобленное отчаяние и желание мстить, крушить, убивать... И после того, как я посвятил мести всю свою жизнь, огромное количество сил и энергии, ты хочешь сказать, что это было напрасно??? – он снова болезненно засмеялся и одел перчатки. – Прости, Оливия, но такой слишком жалкой попыткой ты не сможешь изменить то, что после моей смерти файлы с тобой и твоим отцом попадут в руки ФБР. Это даже смешно!

Лив с болью посмотрела на него и вдруг вспыхнула:

– Да о чем ты вообще говоришь, дурень? Мне жаль, что из тебя вышибал дерьмо отчим, делая из мальчика комок грязи и коврик для своих ботинок, мне жаль, что ты потерял отца и мать, но я говорю правду! Ты не умрешь! Можешь не верить в то, что я сказала тебе о прощении, любви и семье, можешь после нашего разговора гнать на всех парусах в ФБР и выложить им мою голову на блюдечке с голубой каемочкой, но я вела весь этот нервный и очень волнительный для меня треп только к тому, что хотела предложить тебе начать наши отношения с начала! Я не злюсь на тебя за то, что ты сотворил с моей семьей, я понимаю, почему ты это делал! И поэтому я хотела предложить тебе новую игру под названием: «стань

моей семьей». – Лив вздохнула и успокоилась, увидев, как удивленно и внимательно Эрнесто слушает ее, как горят его серые глаза, не веря в то, что слышат его уши... – Я хочу протянуть тебе руку и показать, что ты не один. Что у тебя может быть семья. – тихо сказала Лив. – Каждый человек заслуживает хоть малюсенький кусочек любви и окрыляющего душу чувства, что он небезразличен кому-то, что его кто-то ждет, что есть человек, который соберет тебя воедино, почувствует то, в чем ты нуждаешься в данную минуту, подберет осколки твоего разбитого сердца и поможет тебе постепенно, через боль, через мучения, собрать их заново... Тот, с кем можно поговорить, кому можно позвонить... Тот, кто всегда будет рядом, не зависимо от глубины ямы, в которую ты с таким шумом и свистом грохнулся... Мы совсем не знаем друг друга, – сказала девушка, отчаянно заглядывая в его глаза, – но я чувствую связь между нами. У нас есть кровное родство, и я... понимаю, что творится у тебя внутри.

Эрнесто приоткрыл рот, излучая бешеное противоборство, отчаяние, желание поверить и боязнь, что это ловушка... Его серые глаза сияли страхами, витающими, как призраки, над молодым парнем, по душе которого когда-то прошли паровым катком, чтобы сделать из него бездушную машину для устрашающей вендетты, жесткого и безумного главу мощного синдиката Чикаго... Его серые глаза ужасно страдали от того, что он мечтал поверить, мечтал... но не мог сломаться обратно, после всего, через что он прошел...

– Ты... пытаешься запутать меня? Обмануть? Это твой план спасения близких? – прошептал он, а Лив взяла его за руку и с горящими глазами отчаянно проговорила:

– Посмотри на меня внимательно, Эрнесто. Ты видишь, что я вру? – она вдруг полезла в карман и достала его браслет, который везде носила с собой, который возвращал ее на правильный путь, сбивая негативные эмоции, который служил напоминанием о его истинной сущности, о его родстве с ней, о его подавленности.

Эрнесто ошарашено уставился на свою фенечку в ее руках. Его глаза не мигали, были круглыми и ошеломленными, и все его тело вдруг дрогнуло...

– Откуда он у тебя?.. – тяжело шевеля губами, шепнул он, с благоговейным страхом коснувшись кончиками пальцев своей фенечки, будто не веря, что он видит ее.

Лив развернула его ладонь и вложила туда браслет, вздохнув:

– Я нашла его около твоей сгоревшей машины там, на причале. И сохранила его для тебя. Мне кажется, этот браслет очень много для тебя значит...

Эрнесто с силой сжал его в ладони и вдруг, дрожа всем телом, поцеловал кулак с зажатой в нем фенечкой. Его глаза болезненно заблестели, и он прошептал сухим, взволнованным голосом:

– Я думал, что навсегда потерял его... Этот браслет принадлежал маме. Она всегда носила его и говорила мне, что

он приносит ей удачу... Но она умерла... И я забрал его себе как единственное напоминание о ней... Иногда я чувствую, как меня что-то словно засасывает в сверхмассивную черную дыру... Там только боль, пустота, гнев и ненависть... И темно. Ни лучика солнца или надежды... да это одно и то же. Тогда я смотрю на него, держу в руках и вспоминаю ее, как говорил с ней, как смотрел в ее глаза, как она носила его на своем красивом запястье... Самом красивом запястье в мире! И он возвращает меня в реальность. Я становлюсь собой и могу мыслить здраво. Ты... ты...

Его глаза засветились благодарностью и новой болью от того, что все нерушимые принципы его жизни вдруг сильно пошатнулись... Он почти поверил ей... Почти поверил в существование добра и в возможность создания... новой... семьи...

Ее сердце разрывалось от боли. Глядя на него, она так отчаянно желала, чтобы он поверил ей, чтобы дал им шанс на любое возможное будущее! Лив понимала всю ценность семьи, и она невыносимо, до безумного крика желала, чтобы он стал хоть маленькой ее частичкой... Она хотела помочь ему стать собой, настоящим собой, а не ужасной тенью, пародией на самого себя, кривой и насмешливой маской...

– Я просто хочу сказать тебе, – глухо, со слезами на глазах произнесла она, – что через несколько минут я встану и выйду из этой комнаты, прихватив за собой всю ту агрессивную толпу за дверью. А что ты будешь делать дальше – тебе ре-

шать. Но даже если ты побежишь сдавать нас ФБР-овцам за то, что я так грубо прервала твою садистскую игру, я не стану тебя ненавидеть и не захочу убить. Не знаю, как тебе, а вот мне лишний родственник не помешает... Я думала, что мы могли бы начать просто с вежливых звонков, а потом, возможно, сходили бы куда-нибудь вместе, и... тогда бы ты понял, что это стоит всех твоих отмищений и ненавистей, вместе взятых. Возможно, у нас не получится стать настолько близкими людьми чтобы делиться секретами и шушукаться, склонив головы над столиком в любом убогом кафе или шикарном ресторане... Но я бы очень хотела узнать, какой ты на самом деле, и доказать тебе, что любовь и прощение все-таки существуют и стоят того, чтобы ради них переломать себя на тысячу миллионов раз обратно.

Она устало вздохнула, посмотрев на замершего в болезненной, скорченной позе Эрнесто, глаза которого, не мигая, смотрели в пол и были подернуты не пеленой тумана, как обычно, а прозрачной пленкой слез, отражая болезненный раздрай в его душе и даже чьи-то пятна крови на полу, будто блестя и белым, и серым, и красным одновременно, и поднялась на ноги.

– Слишком поздно. – вдруг прошептал Эрнесто и медленно поднял на нее глаза... Они будто подрагивали в такт бешеным ударам его сердца, и теперь Лив видела в их отражении свое искаженное в бессильном отчаянии лицо... Или это было его отчаяние?.. – Уже ничего не исправишь. Всю жизнь

мне внушали, что месть – это великое оружие великих людей, призванное нести в мир справедливость и восстанавливать равновесие... Я испорчен изнутри... Меня нельзя разобрать, починить и собрать заново. Я – рудиментарный орган этого мира и никогда, никогда по природе своей не смогу стать чем-то большим, лучшим... Во мне ничего не было и нет, кроме злости и хитроумных планов... Нельзя просто появиться в моей жизни и исправить двадцать лет насилия над моей душой... Слишком поздно, Лив.

Лив с огромным, рвущимся наружу, горем, слушала его. Слезы бежали по ее щекам, да она уже и забыла, как когда-то давно стеснялась плакать в присутствии других, расценивая проявление чувственности за слабость... Как же много не понимала она тогда, и как же безумно ей хотелось донести это до него сейчас!.. Но... Он отказывается от нее. Значит, она была недостаточно убедительна, значит, не нашла нужных слов и не спасла его... Не смогла протянуть руку помощи...

Нервно усмехнувшись, она вдруг проговорила:

– Раз ты – рудиментарный орган, можно я буду звать тебя просто Руди? А то эти два слова после первого же бокала виски с ходу-то и не произнесешь...

Эрнесто уставился на нее странным взглядом, и Лив тут же поспешила добавить, плохо скрывая горечь и разочарование:

– Не бери в голову, кузнечик, из меня, конечно, выходит

не самый желанный кандидат в родственники... – она вздохнула, вытерла слезу и проговорила тихим голосом:

– Мне жаль, что ты отказываешься... Знай, что какое бы решение ты ни принял, продолжишь ли играть со мной в свою жестокую игру или просто сдашь нас властям, моя рука всегда будет протянута для тебя... И я либо буду счастлива, если ты вдруг резко передумаешь, или испытаю ужасное разочарование по поводу того, что моя наивная картина мира, в которой земля держится на плечах ближайших родственников, лопнет, как обьевшаяся канарейка... – она устало направилась к двери, по дороге бесцветно проговорила:

– Ладно, мне пора обратно в больницу, а то чертова кровь всю блузку залила, пусть доктор найдет затычку для моей дырки понадежнее... – раздраженно глянув себе на грудь, сказала она. Взявшись за ручку двери, она вдруг вспомнила кое-что и остановилась, повернувшись. – Исправить можно все, кузнечик. Важно только то, какую цену придется за это заплатить. И это не мои слова, брат.

Она дернула дверь, собираясь выйти, как ее остановил отчаянный, дрожащий голос Эрнесто:

– Стой!

Лив удивленно обернулась. Эрнесто тяжело дышал, стискивая зубы и, кажется, ведя борьбу с самим собой или с каким-то невидимым врагом, по крайней мере, его глаза горели диким, сухим и жестким пламенем отчаяния. Он с болезненной гримасой поднялся и подошел, прихрамывая, к де-

вушке, пристально глядя в ее глаза. Медленно сунув руку в карман брюк, он вытащил оттуда маленькую, черную флешку. Взяв руку Лив своей окровавленной, горячей рукой, он вложил ей в ладонь карту памяти и тихо проговорил:

– Здесь вся информация о тебе и твоей семье: видео, аудиозаписи телефонных разговоров, фото, досье... Все. Ты оказалась права, Оливия. Я действительно одинок. – его глаза устремились в одну точку и снова болезненно дрогнули, рождая слезы. – Поэтому нет никакого другого человека, который мог бы передать эти данные в ФБР после моей смерти... Да и я бы никогда не доверил столь важную информацию никому, кроме себя. Так что я просто блефовал, чтобы не умереть раньше времени. – он горько ухмыльнулся и с болью посмотрел на Лив. – Это – единственный экземпляр. Все, что было в моем телефоне, погибло вместе с ним, когда твой отец решил проверить, нет ли у меня крыльев, вывесив вниз головой с седьмого этажа... Так что мобильник просто выпал из кармана. – Он печально ухмыльнулся, а Лив дрожала, тяжело переживая то, что происходило в данный момент. Ее рука почти не чувствовала флешку, так что она чуть было не обронила ее, буквально прибившись тяжестью собственного тела к тому месту, на котором стояла. Вот, значит, как... Все кончено... Но никакой радости по этому поводу она не испытывала. Ей казалось, будто он рвет тонкие нити, связывающие их в не очень здоровом и не очень счастливом тандеме, и ее сердце проваливалось в желудок с каждым мощным

ударом по ребрам... Не так, все не так должно было завершиться!!!

Эрнесто долго смотрел в ее глаза своими потерянными серыми, влажными, блестящими и такими большими, что она снова видела в них себя и видела мокрые отблески на своем лице...

– Теперь уходи, Оливия. – шепотом, еле слышно, проговорил он. Лив, как в замедленной съемке, которая всегда тормозила картинку перед ее глазами, в состоянии глубокого потрясения смотрела за движением его губ... Его шепот оставил глубокий, рваный порез в ее душе, а легкий, тонкий ветерок прошелся по ее лицу, охлаждая его... Следующая фраза окончательно обрушила тот хлипкий мост, что тяжело качался между ними над огромной, смертельно глубокой пропастью взглядов, мировоззрений и жизней:

– И спасибо за браслет.

Почти незаметный шепот, но ей будто крикнули в уши эти слова.

Эрнесто медленно опустил глаза и, ссутулившись, побрел обратно к кровати. Лив с разрывающей, безнадежной болью смотрела, как он тяжело садится и снова берет в руки мамин браслет, подавленно и, как никогда, разбито глядя на него.

Она запомнила его таким – окровавленным, в порванной одежде, растерзанным этой жизнью на мелкие клочки... Запомнила его тонкие пальцы, медленно перебирающие деревянные шарики на ленте, и вышла, покинув спальню и его

тонкую, согнутую фигурку на кровати...

– Лив! Наконец-то! Ты в порядке, дочь??? – как обычно громовым голосом с приказными интонациями «заворковал» обеспокоенный отец, и девушка с трудом очнулась, вырвавшись из мира последних удручающих образов в голове. Лив тяжело посмотрела на него, ощущая невероятную усталость и пустоту внутри. Она была высосана до капли. И катастрофически разбита. Эйден оглядел ее внимательным взглядом и, заметив, что дочь плакала, яростно вытаращился на дверь спальни, гневно поджав губы. – Если вы обо всем поговорили, значит, пришло время кончать мерзавца... Ребята... – и он уже было махнул рукой, делая знак толпящимся «костюмам», украшенным дулами пистолетов, ворваться в спальню, но Лив резко схватила его за локоть и воскликнула категоричным тоном:

– Отец! Мы не будем его убивать, так что не маши тут граблями понапрасну.

Эйден сделал еще один «взмах крылом», заставляя своих людей замереть в смешных позах, и недоуменно и возмущенно уставился на дочь:

– Как не будем??? Ты что, дочь??? Да ты только вспомни, сколько дерьма он нам всем сделал! И этот его компромат... Не убьем сейчас эту гниду, так завтра он побежит...

– Не побежит. – устало выдохнула девушка и, вытащив флешку, сунула ее в нагрудный карман пиджака отца. – Здесь все. Кузнечик... Эрнесто, – поправилась Лив, отче-

го-то понимая, что больше не может отгораживаться от него прозвищами, – больше не будет нас преследовать. Так что сможем создать коллекцию семейных фильмов и великолепный фотоальбом на тему: «Как мы с папой убивали Генри Уолша позапрошлым летом». А теперь, поехали уже?? – недовольно поморщилась она, снова посмотрев на свою грудь и вдруг в полной мере ощутив, что от дикой боли она старается почти не дышать, еле-еле двигая диафрагмой на вдохе...

Эйден целую секунду внимательно изучал ее суровым, недоверчивым взглядом, но сдался, и, обняв дочь за плечи, повел к выходу из квартиры, накинув на нее свой пиджак. На улице все-таки царствовал ноябрь...

– И как тебе это удалось? Вытащить из него все данные? У него точно нет дубликата записей? Может, все-таки стоило его прибить? – обеспокоенно засыпал вопросами дочь Эйден, взволнованно поглядывая на ее потерянный, бледный вид и рану, кровоточащую на груди.

Лив что-то ответила ему... Что-то насчет ее природных данных вести успешные переговоры... Что-то насчет мобильного Эрнесто, грохнувшегося с седьмого этажа... Что-то насчет того, куда пойти дорогому папочке со всеми своими убийствами...

Потому что она была удручена. Потеряна. Чертовски разочарована собственной неудачей с Эрнесто... Да, то, что он отдал ей флешку, она не считала за успех... Она не рас-

считывала на это своим монологом, и ей правда было как-то наплевать на то, что было бы с ней дальше, пойдя Эрнесто с этой флешечкой к федералам... Усталость, боль, пустота.

В кармане джинсов завибрировал мобильный. Лив с удивлением вдруг осознала, что он вибрировал почти все время с тех пор, как она приехала к этому дому на своем «Кадиллаке», но Лив была так увлечена сопутствующими событиями, что на жужжание не обращала никакого внимания.

Она уже садилась в машину к отцу, который суетливо пригнулся рядом с ней на заднем сиденье, дабы контролировать ее состояние здоровья и настроения, приказав неизменному Марти за рулем гнать в больницу к Калебу, чтобы дочке оказали необходимую помощь и снова уложили баеньки, когда Лив, вытащив мобильный, увидела номер Джонни на экране.

Состояние подавленности резко улетучилось, а сердце послало по ее нервным окончаниям импульс, сообщавший о глубоком, безумном гневе и всемирной обиде на этого заносицу с его глазами, аки изумрудами, и ямочками, аки чертовыми магнитами, на щеках, которого она так самозабвенно, так бесповоротно и так чертовски злобно и агрессивно любила в эту минуту, и который даже не удосужился ни разу за несколько дней навестить ее в больнице, подарив ей, тем самым, новые водопады слез и скачки давления и пульса по ночам... И теперь, после всего этого, он еще смеет ей звонить!!!

Поерзав на заднем сиденье отцовского «Кадиллака» и грустно посмотрев на свой, так и продолжавший стоять поперек дороги «Эскалэйд», Лив сняла трубку и с огромным удовольствием потихоньку начала спускать Полкана, ощущая быстро растущую в ней ярость:

– Вы только посмотрите, кто звонит! Да это же сам великий экс-супруг Джонни О-Коннел снизошел до разговора с простреленным навывлет смердом и челядью экс-супругой Оливией Мартинес! И что случилось, о драгоценнейший из эгоистичнейших мерзавцев этого грешного мира, что вы вдруг впервые за несколько дней соизволили набрать мой номер??? Не иначе, как миссис О-Коннел объявила бойкот разбросанным по дому рубашкам и ремням, дабы заставить своего сынулечку полюбить порядок в собственном гардеробе? А, хотя, нет, подожди, – злобно продолжала язвить Лив под предостерегающие и недоуменные взгляды отца и Марти с Эдди с передних сидений, – к нашей земле что, летит огромный астероид? Проклятье, а я даже не знала! И сколько нам всем осталось? Хоть денек-то в запасе имеется?? Я еще, между прочим, не пробовала жареных лягушек и не прыгала с тарзанкой, надо успеть исправить эту ошибочку, пока мы все не превратились в кучки пепла... Так ты ради этого мне позвонил? Предупредить о скорой, надвигающейся кончине?

На последнем слове запас кислорода в ее легких закончился, и она тяжело вдохнула воздух, чтобы на самом деле не помереть прямо на этом месте.

– Оливка... – протянул задумчивый и серьезный голос, и Лив вздрогнула... Хотя и не было привычного тепла и флирта, но все равно этот тембр, обогащенный его внутренней, ни с чем не сравнимой энергетикой, его внутренним, особенным сиянием и огнем, приводил ее сердце в исступление. – Я постоянно забываю, какие у моей розочки бывают колючие шипы... – голос его тут же посерьезнел, и, явно еле сдерживая гнев, Джонни повелительно и возмущенно проговорил:

– А теперь отвечай: куда ты опять подевалась из больницы??? Тебе же вставать нельзя, забыла, глупышка??? Где ты, Лив???

Лив стиснула зубы, чувствуя, как торнадо бешенства и невероятной, несчастной усталости и раздражающего бессилия закручивает ее в свою воронку. Она гневно проговорила в трубку:

– Я с папочкой, так что не беспокойся, мамонтовая шкура, не помру где-нибудь за углом, да и кровь уже почти остановилась... – задумчиво и язвительно протянула Лив, посмотрев на тяжелое и холодное красное пятно на желтой ткани. – Скоро закончится, наверное. Только я чего-то не пойму, придурок, каким это боком тебя это касается??? Тебе же, кажется, было плевать, раз ты ни разу не соизволил появиться...

– Прекрати, Лив, включай мозги, девочка! – прикрикнул на нее Джонни строгим и сердитым голосом. – Только не говори мне, что ты так и не поняла, почему я не приходил! И,

кстати говоря, пару лет тому назад, когда я также, как ты, валялся целый месяц в больнице, ты тоже не особо жаловала меня своими визитами!

– Так ты же знал, что я осталась из-за тебя!!! – вспылила Лив, заорав на всю машину. – К тому же, Калек слил тебе, болтливая борода, что я приходила, пока ты спал!!! Это не одно и...

– Я не знал, почему ты осталась! – тоже вспыльчиво, на повышенных тонах проговорил Джонни. – Мне казалось, что ты сделала это из жалости, потому что без твоей помощи я бы умер! Ты же Макса любила, дурында! И любишь... – с болью добавил он, но все же переключил себя. – А о том, что ты приходила, я узнал только в день выписки, когда Калебу надоело смотреть на мою расстроенную мину! Если ты правда не понимаешь, почему я не навещал тебя, то немедленно возвращайся к Калебу! Я приеду, и мы поговорим.

Лив вздрогнула, ощутив внутри крошечный лучик надежды, но ее обуяла такая бешеная обида и злость, что она разъяренно заголосила в трубку:

– Нет, Джонни, все, хватит! Я не поеду к Калебу, Марти, вези меня домой, я здорова и обойдусь без его бракованных и прохудившихся ниток, которые вечно рвутся на мне в самый неподходящий момент! Мне нужно было поговорить с Эрнесто, но ни Макс, который решил поиграть в заботливую сиделку, ни папаша, – она злобно и угрюмо уставилась на не менее хмурого отца, который с беспокойством слушал ее

разговор, – которому я ясно сказала, что должна увидеть его, ни ты, а ты наверняка был в курсе того, что они едут линчевать его, ни даже мой второй папуля Брайан... С ним я позже поговорю... Короче, никто из вас и не подумал поставить меня в курс дела, решив повернуть все за моей спиной, что же мне оставалось делать???. Как еще я могла успеть исправить возможную ошибку, если вы все – просто кучка упрямых, чокнутых, заикленных на том, что я в любую секунду отдам Богу душу, если хоть пальчиком пошевелю, идиотов!!! Никакого Калеба...

– Оливия!!! – грозно вскричал отец, но Лив гневно махнула на него рукой, продолжая орать в трубку:

– ...никакого разговора с тобой, к чертям вас всех!!! Мне очень жаль, debil ты мой ненаглядный, что я обидела тебя, но я так дьявольски устала от бесконечных попыток доказать тебе свою любовь, вернуть тебя, снова быть счастливой, что с этого момента я посылаю тебя, Джонни, в далекую-далекую страну под названием Жопа-Лэнд!!! Ты даже представить себе не можешь своей нарисованной извилиной, как уродливо и извращенно вывернул мне душу!! Я больше не буду бегать за тобой, Джонни, слышишь?? И если ты решил, что из-за моей чертовой ошибки мы больше никогда не будем вместе – пусть будет так! Хватит играть на моих чувствах, хватит метать ножи в мое сердце, больше никогда, никогда, никогда... – она чуть не задохнулась и сделала паузу, чтобы набрать воздуха в легкие. – Никогда, никогда, ни-

когда не звони мне, я не могу слышать твой голос, и не попадайся мне на глаза, скотина двурогая, а лучше найди себе... да кого угодно, они липнут к тебе, как волосы на блеск для губ! И создай новую семью, как хочет твоя мама, я даю тебе полный, стопроцентный, окончательный РАЗВОД!!! Пошел к черту!!! – крикнула она и, не дожидаясь оправданий или нападок Джонни, слыша его обеспокоенный, но уже не раздраженный, а обескураженный и потерянный голос, зовущий ее: «Лив, Лив, подожди, стой!..», бросила трубку, бешено швырнув телефон куда-то подальше от себя и, закрыв лицо руками, зарыдала от нестерпимой, так сильно замотавшей ее, боли.

Сквозь слезы она ощутила руки отца, которые попытались отодрать ее ладони от лица и развернули ее за плечи в свою сторону. В этот момент его голос громыхнул:

– Оливия, черт возьми, ты что, спятила??? Ты чего ему наговорила??? Да ты рехнулась, дочь!!! А ну, посмотри на меня!! – жестко и беспрекословно приказал отец. – Посмотри на меня, СЕЙЧАС ЖЕ!!!

Лив вздрогнула, чувствуя что-то новое в голосе отца, и, всхлипывая, подняла на него мокрое лицо. Его серые глаза пылали.

– Начнем с того, что ты не поедешь домой! Мы едем к Ка...

– Закончишь фразу – и я выпрыгну из этой машины на ходу! – злобно крикнула Лив. – Я еду домой – и точка!! Отец,

не тяни мне жилы, хоть раз скинь с себя костюм Барашка Шона и сделай так, как хочется мне!

Эйден, кажется, снимать никакой костюм не собирался, всем своим большим и гневным лицом недовольно дыша в сторону дочери.

– Ну хорошо. – сдался он. – Но поедem в наш дом! Я сейчас позвоню Калебу, он приедет и окажет тебе помощь. К тому же, я должен подробно знать, о чем вы говорили с этим костлявым щенком и почему мы не убили его. – Лив поморщилась, но не стала сопротивляться. Слишком подавленно и разбито чувствовала она себя сейчас. Отец удовлетворительно кивнул и, с видом великого наставителя на путь истинный, продолжил:

– А теперь насчет Джонни... Ты хоть сама-то себя слышала, дочь?? Ты действительно хочешь навсегда порвать с ним?? В противном случае, я не понимаю, почему ты, девушка, которая никогда не сдается и борется за свое счастье до последнего вздоха, вдруг отказалась от него! Ты что, больше его не любишь? Мне казалось, у вас там чертовски сильная взаимная эйфория... И если ты рассчитываешь, что он пойдет тебе навстречу и захочет побегать за тобой, как собачонка, то этого может и не случиться!!

Лив вздохнула и устало откинулась на спинку сиденья, просто посмотрев в окно:

– И пускай не бегают. Может, Эрнесто был прав, а я ошибалась? Любовь – это только невыносимое бремя, или... ее нет

на самом деле. Но я больше не могу это чувствовать, отец. – прошептала она. – Все вокруг твердили мне, что я смогу вернуть его... Даже мама... Она не дала мне умереть из-за этого... Да лучше бы я умерла! – со слезами крикнула Лив. – И ее объятия стали бы всем миром для меня... Я бы слушала ее голос вечно, пока моя душа не отправилась бы обратно на землю, чтобы вселиться в какой-нибудь новорожденный росток... кактуса, или чего-то в этом роде.

Отец с невероятной скорбью слушал ее, не совсем понимая, о чем она говорит, и при чем здесь ее мама, но зато чувствуя рваную и глубокую яму в душе своей дочери, совершенно не зная, можно ли помочь ей чем-нибудь в этой ситуации...

– Знаешь, дочка... Мы с твоей мамой прожили вместе десять лет... И я продолжал любить ее, как и прежде. Но она погибла. Я мог бы сказать, что это несправедливо и все такое... Я мстил за нее... Но никогда, никогда я не переставал любить ее, ни тогда, ни сейчас. И даже после ее смерти я не отказался от своей любви к ней, оставаясь ей верен и по сей день. – тихо и вдумчиво проговорил он, с затаенной болью и глубокой тоской глядя на Лив.

Девушка медленно посмотрела на него, чувствуя какой-то переворот внутри себя... Но сейчас она была настолько опустошена всеми событиями этого дня, что не могла проанализировать его слова... А ведь они были ключом ко всему... Доказательством ее суждений... Но сейчас она только закры-

ла глаза и покорно позволила увезти себя в фамильное поместье.

Глава 31

Эйден привел пребывающую в состоянии душевного и физического болевого шока дочь в гостиную, где уже суетился Калевб, раскладывая на стеклянном столике какие-то шприцы, тампоны, инструменты, и Брайан, нервно бродивший туда-обратно, ожидая, когда приедет его босс с дочерью.

Увидев этих двоих, Лив ухмыльнулась и, пройдя вглубь гостиной, села в свое любимое кресло, поджав под себя ноги:

– Доктор Калевб! Очень рада вас видеть. – приветливо махнула она ухмыляющемуся сквозь густую бороду и внимательно разглядывающему ее доктору. – Только сегодня, пожалуйста, прошу вас, наложите мне два... нет, лучше три! Три слоя швов на эту проклятую рану! А то эти нитки от одного только глубокого зевка лопаются... Надоели уже.

– С твоим нежеланием лечиться, молодая мисс, я вообще удивляюсь, почему ты до сих пор жива?!? – усмехнулся Калевб, жестом заставляя Лив снять топ и показать ему рану. – Убежать из палаты с пулевым ранением легкого! После пневмогемоторакса... Уму не постижимо! И ты уверена, что не хочешь поехать в больницу, беглянка?

Лив устало усмехнулась:

– Нет уж, спасибо, доктор, не обижайтесь, ваше общество мне приятно, но туалет и обед по расписанию... Это просто

финиш!.. – она перевела взгляд на Брайана, который о чем-то шушукался с ее папашей, бросая на нее обеспокоенные, задумчивые взгляды, и окликнула его:

– Вермишелька... А вот и ты, предатель!

Брайан посмотрел на нее, подняв брови и подойдя ближе. В его глазах искрилась грусть и озабоченность ее состоянием:

– Лив! Зачем? Зачем ты поехала туда?? Тебе же нельзя волноваться, запрещены тяжелые физические нагрузки! Ну почему ты такая непослушная?!? – укоряюще воскликнул он, и Лив даже стало его чуточку жалко.

– Это все вы с отцом виноваты, да еще сиделка Макс, чтоб ему бинт головешку не передал!.. Если бы вы выполнили обещание и просто взяли меня с собой, мне бы не пришлось никуда бежать и принимать на себя, как ты смешно выразился, «физические нагрузки», я уж не говорю о волнении! Так что если кровь снова зальет мне легкое и сдвинет куда-нибудь к поджелудочной железе мое сердце, это будет на вашей совести! А я-то думала, что ты – единственный адекватный типчик во всем этом дремучем, дубовом лесу... – так рассуждала Лив, чувствуя, как начинает действовать местный наркоз вокруг раны и глядя, как Калев готовится к тому, чтобы начать орудовать иглой, подготавливая все необходимое. Брайан укоризненно смотрел на нее, качая головой и грустно усмехаясь, а отец плюхнулся на диван и, достав сигареты, закурил, пронзительно следя за манипуляциями Ка-

леба над его дочерью.

– Прости, Оливия, но я также, как и твой отец, и Макс, хотел только того, чтобы ты скорее поправилась, а волнительные беседы с Эрнесто могли только помешать этому процессу... Вот, посмотри на себя, – Брайан мягко указал на ее рану и заплаканное лицо, – так и вышло! А теперь... может, ты расскажешь нам, что такого важного ты должна была ему сообщить, что рискнула ради этого собственной жизнью?

Эйден кивнул, нервно выдохнув дым.

– Да, дочь. Я все еще не понимаю, почему эта блоха отдала тебе флешку со всеми записями и почему мы не можем его прихлопнуть за то, что он сделал всем нам, а затем, вернув обратно наше влияние и силы, пойти войной против трижды проклятого самой Святой Марией Чикагского синдиката, вырвав его из этого мира, как больной зуб??

Лив от боли сморщила нос, когда Калекб принялся орудовать иглой, но, с трудом вздохнув, спокойно ответила:

– Я не знаю, почему Эрнесто отдал нам записи... Может, его слегка впечатлило то, что я предложила ему стать частью нашей семьи...

Это заявление вызвало колоссальное давление на головной мозг у всех троих мужчин в комнате, потому что их глаза как-то заметно вывалились из орбит, жутковато округлившись.

– **Что** ты ему предложила?.. – тихо переспросил Эйден, не веря своим ушам.

Лив закатила глаза и раздраженно проговорила:

– Я так и знала, что вы превратитесь в морские фигуры, которым велено замереть в неестественной позе по ходу детской игры, если я сообщу вам. Да что в этом такого? Он одинок, отец, и все, чему его учили в детстве – это как быть успешным крестным отцом, безжалостным убийцей и жестокой машиной правосудия! Да не тарачись ты так на меня, папа!! – гневно воскликнула она, глядя на непонимающего, онемевшего от шока отца.

– Тише, беглянка, не дергайся, я тут, между прочим, сшиваю два твоих кусочка кожи... – умиротворяющим и сосредоточенным тоном проговорил Кaleb, не отрывая внимательных глаз от раны.

– Надо было степлером сцепить. Мороки было бы меньше. – беспечно отозвалась Лив и снова сердито посмотрела на отца и Брайана. – Ну неужели вы не понимаете??? Он потерял себя, он заблудился в собственной злобе, он не выбирал эту дорогу, за него сделали выбор! И я чувствовала это с самого начала, чувствовала нашу с ним похожесть, связь, я понимала, что творится внутри него, потому что сама до какого-то времени жила лишь жаждой мести и злобой, отгаликивая от себя всех, кого боялась потерять! Он не заслуживает смерти, отец. – вздохнула она, опустив глаза. – Ему нужна помощь. И любовь.

Она замолчала, а Брайан вдруг с гордостью и нежностью улыбнулся и проговорил:

– Ты все сделала правильно, Оливия. Ты очень удивила нас... Кажется, твой отец и я просто слишком много работаем, чтобы заметить, как ты повзрослела за эти два года... И ты предложила руку помощи, не зная, как он поступит дальше со всей информацией, которая могла отправить нас всех на смертную казнь?

Лив снова горько и подавленно усмехнулась, почувствовав болезненный укол в сердце.

– Я, конечно, переживала, что он не воспримет мои слова и продолжит свою дурацкую игру... Но на тот момент мне просто хотелось донести до него мысль... идею... о семье... – она прикусила губу и зажмурилась, угрюмо пробубнив:

– Теперь это все уже не важно. Он оттолкнул меня. Сказал, что больше не будет нас мучить и... прогнал. – Лив отчаянно посмотрела на задумчивого, казалось, даже ушедшего глубоко в себя, Эйдена и ее охватила тоска и разочарование. – А я так спешила! Верила, что все получится, и черт возьми, мне пришлось по дороге через столько...

Она вдруг вздрогнула и замерла, выпучив глаза, как и Эйден, Брайан и Калев минуту назад. Она кое-что вспомнила, и вся ее гнетущая тоска и желание залиться слезами вмиг улетучились.

– ...я вколю тебе успокоительное, так что скоро ты уснешь, Оливия. Тебе нужен полноценный, здоровый сон и отдых без всяких там стрессов и спасений чужих душ, слышишь меня, беглянка?.. – донесся до девушки, как через сте-

ну, едва слышный голос Калеба, и она очнулась, глупо глянув на него, а затем – на свою руку, куда доктор только что сделал укол какого-то транквилизатора.

– Успокоительное... – на автомате пробубнила она и резко воскликнула:

– Проклятье!!! Трейшоун!!!

– Трейшоун? – удивленно повторил за ней Эйден, а потом добавил более подозрительным и жестким тоном:

– Что такое, дочка? У тебя проблемы с этим хмырем?? Мы можем вместе разобраться...

Но Лив не слушала, неуклюже доставая из кармана мобильный, который, все-таки, прихватила из машины отца на всякий случай, и набирая номер повелителя группировки «Острые ножи».

– Успокойся, отец, мне надо кое-чего с ним закончить... – задумчиво проговорила Лив, вдруг ощутив, как члены ее тела постепенно начинают расслабляться под воздействием успокоительного, а веки становятся тяжелее.

Трейшоун ответил после пятого гудка, и Лив услышала в трубке его низкий, холодный голос, беспрекословно заявивший:

– У меня через несколько минут важная встреча, так что говори быстрее, дочка Эйдена.

Лив усмехнулась. Почему-то угнетенность и боль куда-то удрали из ее организма, оставив облегчение и расслабленное расположение духа.

– Привет, здоровяк! Не волнуйся, я и сама не смогу говорить дольше двух минут: мне только что зашили вентиляционную дырку в легком и вкололи антидепрессант! Так что сообщаю в ускоренном темпе: я нашла своего сводного брата, и он признался, что действительно подстроил те нападения в Гарлеме и остальные, на другие группировки... – Лив широко зевнула, ощущая, как тепло и тяжесть медленно, всем своим весом придавливают ее тело и голову... И глаза открытыми держать все труднее становится...

– Так. Дальше. – потребовал продолжения Трейшоун, и Лив кивнула.

– Но вот так получилось... Я его не убила и не собираюсь убивать. Так что, извини, черная гора, расквитаться за твоих людей не получится...

Эйден и Брайан шокировано переглянулись и одновременно заголосили:

– Лив, что ты делаешь???

– Что ты такое говоришь, дочь??? Ты свихнулась???

Но Оливия, поплыв по мягкому, обволакивающему течению успокоительного, только вяло махнула им рукой, несколько не обеспокоившись их треволнением. Она напрягла слух и размякшие извилины, чтобы понять, что там отвечает Трейшоун... Или что там орет Трейшоун в трубку, разнося свое чувство превосходства и неудержимой, безумной злобы на несколько метров вперед через мобильник, и даже приезжать и стоять рядом с ним для ощущения эффекта не

нужно было.

– Что ты сказала??? Что значит «не получится»??? Так ты кинуть наш договор решила, курица беложопая?!? – заорал Трейшоун так, что даже Эйден и Брайан со своих мест повскакивали, видимо, собираясь помочь в поисках барабанных перепонки Оливии, если вдруг возникнет такая необходимость. Но, к сожалению, возможности такой не представилось, потому что уши Лив завяли и завернулись от следующих непечатных слов и словечек, которые она слышала впервые и которые содержали в себе контекст расистского характера, а также глубокую неприязнь к самой Лив, ее семье, что-то даже насчет внешнего вида и формы лица проскочило...

К несчастью для распалившегося Трейшоуна, Лив сейчас воспринимала его ор через толстое, пуленепробиваемое стекло своего успокоительного, а значит, совсем не обеспокоилась агрессивным настроением состоянием афроамериканского вожака.

– ...что еще за на хрен??? – закончил, наконец, свою несколько экспрессивную речь Трейшоун, и воцарилась тишина, прервавшаяся уже через секунду другим ором: это завершал оскорбленный до глубины души таким грубым обращением с его дочерью Эйден Мартинес, надвигаясь на мобильник Лив и глядя на него, как на заклятого врага:

– Да как он посмел сказать такое моей Оливии?!? Да я его с дерьмом так смешаю, что никто и различить не сможет, где

в этой куче дерьмо, а где – Трейшоун Джонс!!! А ну-ка, дай-ка мне трубочку, дочь...

Лив только нахмурено махнула на отца рукой, призвав успокоиться и сесть на место, а сама хохотнула в трубку:

– Ты бы потише тренькал, холм, а то отец из соседней комнаты услышал и превратился в хищного кондора с крючковатым носом... Неужели тебе захотелось послушать, что он в ответ на твои «комплименты» прокаркает?? И кстати, пока ты снова не испустил все хорошее, что из тебя так и прет, у меня к тебе есть еще и другая новость. – Лив вздохнула и, не удержавшись, прикрыла глаза, положив голову на спинку кресла... Спать хотелось все сильнее и сильнее... Руке уже телефон держать стало как-то невмоготу... – Помнить-ся мне, у нас как-то давненько был и другой договор, по которому ты обещал, что твои люди никогда не притронутся ко мне или к моей машине... То же и бизнеса нашего касалось... Припоминаешь, здоровяк?

– Что ты хочешь этим сказать, девочка?!? – прорычал злобный голос в трубку. – Я свои обещания держу...

– Правда? – Лив даже заулыбалась, ей было так тепло сейчас и невыносимо приятно выводить из себя этого черного титана с грозной кличкой «зверь». – Ой, ну тогда, значит, твою фирменную банданку, ну ту, зеленую, с красивой картинкой блестящего, испачканного в крови холодного оружия, сплагиатили себе какие-то другие темнокожие налетчики, иначе, как объяснить то, что сегодня на меня среди бе-

ла дня и запруженной Стрейтен и Хайвэй-стрит накиннулись двое симпатичных мальчишек, один из которых, блестящий обладатель золотых зубов и твоей знаковой банданки, тыкал в мою, перегруженную нерадостными мыслями, голову чем-то, ужасно похожим на пистолет, и просил в не совсем корректной форме выйти из машины и передать мой «Эскал-Эйд» в единоличное пользование этих разноцветных дружков, дабы они могли продолжить свое путешествие с ветерком и комфортом! А я, между прочим, была не очень тепло одета, ты в окно-то сегодня смотрел?? Ветер, холод, бррр...

– Этого не может быть! – отрезал Трейшоун. – Ты врешь! Я давал четкие инструкции всем своим людям насчет тебя...

Лив даже проснулась, возмущенно проговорила:

– Я никогда не вру, громила! Забыл?? А насчет инструкций... Значит, этот малыш либо спал на твоём нудном уроке по географии разбойного промысла, либо страдает распадом постоянства памяти... Вот же дурацкая картина! И чего она мне сейчас-то припомнилась?.. – тихо проговорила сама с собой Лив, а Трейшоун замолчал, раздумывая.

Наконец, он проговорил:

– Это наверняка был кто-то из новеньких... Возможно, уличные боссы не успели ввести его в курс дела, так что...

– Так что поступим следующим образом, мистер Джонс: ты не предъявляешь мне претензий из-за моей внезапно вспыхнувшей жалости к моему учителю Эрнесто, а я не раздуваю из мухи слона историю о нападении твоего челове-

ка на меня, которая, кстати говоря, могла закончиться очень плачевно, не будь у меня с собой пистолета, а у этого парня – худосочной, трусливой задницы. – весело закончила Лив, чуть приоткрыв глаза и посмотрев в напряженные и недовольные лица Эйдена и Брайана, обращенные со всем своим вниманием к ней.

Трейшоун недовольно зарычал и крикнул:

– Мне некогда обсуждать с тобой подобные, охренеть, какие идиотские условия по телефону, так что завтра жду тебя у себя, дочка Эйдена!! Одну и без оружия, не забывай! Клуб «Кинг», два часа. – бросил он и отключился, а Лив поморщилась и убрала телефон.

– Ну вот... Не мог он просто согласиться, что ли?.. Нет, тащись к нему завтра, будто мне охота... – зевнула Лив и устроилась на кресле калачиком, положив тяжелую и теплую голову, вокруг которой изображение немного съезжало куда-то влево, на мягкую кожаную ручку, расслабившись.

Эйден вскочил на ноги, сжимая кулаки.

– Почему ты не сказала мне, что пообещала сдать ему Эрнесто в обмен на наше перемирие??? – вскричал он, и злясь, и негодуя, и беспокоясь одновременно. – И что за история с нападением? Что с тобой приключилось, дочь??

Лив прозрачно и бессмысленно посмотрела на него, проваливаясь в пучину безмятежности и тепла, знаменующуюся долгожданным отсутствием боли и отдыхом, поэтому только медленно проговорила тяжелыми губами:

– Давай как-нибудь потом об этом поговорим, отец. У меня сегодня чертовски неудачный день, и что-то... спать охота... – она потянулась за пультом и включила телевизор, бессмысленно глядя на картинки, сменяющие друг друга на экране, и демонстрируя, что разговор окончен.

Эйден недовольно дышал, но Брайан, успокаивающе хлопнув его по плечу, проговорил:

– Идем, Эйден. Пусть отдохнет. Завтра все обсудим. – и он увлек нехотя следующего за ним грозного босса мафии-заботливого папочку вон из гостиной.

Лив не могла ни о чем думать, карусель кружилась вокруг нее и внутри нее, затягивая ее в свою пучину... На экране телевизора показывали какую-то лабораторию, ученых, плящих через гигантский телескоп на звездное небо, и Лив, закрыв глаза и качаясь на волнах подступающего сна, сквозь муть слышала:

– ...недавно обнаруженная сверхновая звезда, по наблюдениям астрономов, в двадцать раз ярче всех, вместе взятых, звезд нашей галактики...

«Ого, везет же людям, не зря столько лет на небо таранились, зрение портили... И откуда берутся эти суперзвезды?..» – проплыла мысль в голове Лив, в ответ на которую из телевизора донеслось:

– ...когда гибнет звезда, происходит взрыв, в результате которого часть энергии остается и сохраняет в себе плотную массу нейтронов, что имеет название «нейтронная звезда»...

Лив почти провалилась в сон, но беспокойно вздрогнула и снова выплыла из блаженной тишины, думая все о звездах вокруг нашей планеты и о людях...

– Нейтронная звезда, или магнетар, вращается, но со временем, ее вращение замедляется вследствие потери энергии вращения. В результате, это приводит к тому, что поток заряженного ветра ударяется о сверхновую и делает ее еще ярче...

«Ух ты... Интересно, если бы мы были наподобие звезд... Какой бы я была звездой?? Сверхновой или этой... погибшей, нейтронной? Или вообще – сверхмассивной черной дырой?.. Джонни точно был бы магнетаром... Он меня притягивает, как чертов магнит, да еще и энергия вокруг него – будь здоров! А я... я бы так хотела взорваться, как эта звезда, умереть и стереть все ошибки прошлого... чтобы избежать ссоры с Джонни-магнетаром, чтобы не давать ложных надежд Максусу, да черт возьми, чтобы самой, первой найти Эрнесто и предложить ему дружбу и жвачку, пока не началась вся эта дурацкая игра... А потом, я бы закрутилась и засияла, став самой сверхновой и сверхадекватной звездой этого мира... Я бы сделала все правильно... А после такого и умирать не страшно...» – и она все-таки провалилась в сон, видя перед глазами миллионы кружащихся в хороводе энергетических звезд, образующих млечный путь, галактики, рождающихся с новой силой для долгой и светлой жизни, и умирающих, использовавших весь свой потенциал...

В ее беспокойные, спутанные сны два или три раза всплывали картинки из настоящего, но мозг девушки вживлял реалии в изображения сна, и она не просыпалась...

Первая реалья была связана с голосом отца, его рукой, погладившей ее по голове, и фразой:

– Не волнуйся, дочка, все будет хорошо. Я горжусь тобой... Брайан, что-то она бледная...

– Все в порядке, Эйден, ей просто нужен отдых. Помочь тебе отнести ее в спальню?

– Нет, спасибо, я сам. – нежно ответил отец, снова погладив ее по голове. – Иди в кабинет, я сейчас подойду...

Какой-то шорох, и Лив почувствовала, как заботливые руки подхватили ее и бережно, как какую-то драгоценность, понесли куда-то, а затем ее тело коснулось знакомого покрывала кровати.

Не просыпаясь, но понимая, что с ней сотворили что-то хорошее, Лив повернулась на бок и едва заметно улыбнулась.

Следующая реалья всплыла на один только волшебный миг... Что-то знакомое и такое близкое ворвалось в ее сон... Горящий теплом и надежностью энергетический шар, стремительно вытеснивший все, окружающие Лив, предметы из ее сознания... Он не просто горел, но обжигал, как южные солнечные лучи... Такая знакомая ладонь накрыла ее руку, нежно погладив ее пальцы, прикосновение разбудило райских птиц в ее душе, Лив показалось, что внутри нее льется песня... Сердце затрепетало, хотя она ничего не видела и

не понимала, только чувствовала каждой клеточкой своего тела эту руку, впиваясь в это чувство, как голодный волк в добычу...

Волшебство... Нежность... Мгновение: и она ощутила горячее, но совсем легкое прикосновение губ к своей щеке... В груди что-то больно сжалось от невыразимой тоски и боли, от наслаждения этой секундой, ну пожалуйста, пусть эти губы задержаться чуть дольше!.. Огонь стал жарче, добавив к своему эффекту еле уловимый запах свежего морского бриза... Какое же счастье – видеть такой прекрасный сон! Жизнь как будто возвращается, как после взрыва сверхновой звезды... Этот момент, когда она чувствовала его близость рядом с собой, заполнил ее душу до отказа, и она глубоко вздохнула и снова улыбнулась. Засыпая, ей слышался родной шепот:

– Оливка, Оливка... Ты даже представить себе не можешь, что я с тобой сделаю, когда ты проснешься!

Пучина сна поглотила ее, такую счастливую и несчастную одновременно.

Глава 32

Проснулась Лив уже после полудня и от очень странного ощущения, что позади нее кто-то определенно есть, подпирая ее спину своим теплым боком.

Расчистив свое лицо от спутавшихся, кудрявых волос, Лив зевнула и медленно стала поворачиваться к источнику

тепла, но, не успев еще и глаза как следует открыть, она уже услышала самодовольный и до жути обаятельный и горячий голос Макса:

– Привет, белоснежка! И как твоя совесть позволяет тебе так сладко спать после всего-то, а? Ума не приложу!

Лив резко обернулась, возмущенно уставившись на развалившегося в развязной позе поверх одеяла Макса, с самым вольготным видом сунувшего одну руку под голову и огненно, с азартом и притяжением глядящего на Лив с триумфальной, нахальной улыбкой. И ведь лежит с таким видом, будто ему тут самое место, ввергая ее в ужасное смущение и шок, не боясь даже помять свой потрясающий костюм и белую рубашку, подчеркивающие его потрясающие темные волосы и синие глаза...

Ее же мысль была прервана ее же возмущенным криком:

– Ты что, совсем память потерял, ленивец лысый??? Это же не твоя спальня, франкенштейн!!! Ты куда свои перья бросил, павлин?!?

Макс продолжал безмятежно и игриво улыбаться, огненно пройдя взглядом по лицу девушки и ее шее, вспыхнув на уровне зоны декольте и оставшись там, казалось, навсегда. Ли бросила беглый взгляд туда же и обнаружила, что на ней, вместо вчерашней кровавой одежды, в которой она, помнится, и заснула, слушая какие-то заумные истории из жизни небесных светил, одета ее черная, шелковая, с нежными узорами, полупрозрачная комбинация, под которой, к огромно-

му ее облегчению, все-таки было нижнее белье.

Ее щеки вспыхнули, она поспешила натянуть на себя одеяло и чуть-чуть отодвинуться от Макса, взгляд которого по-детски разочарованно вернулся на ее лицо. Она гневно прошипела:

– Откуда на мне эта одежда, Макс???. Если это ты меня передел, то я сейчас так врежу тебе...

Макс расхохотался и огненно подмигнул Лив, резко охлаждая ее взбесившиеся чувства и возвращая к состоянию взволнованного смущения:

– К огромному моему несчастью и вселенской скорби, нет, это был не я. Думаешь, моя девочка, я бы подобрал тебе такой депрессивный цвет?? Будь я на месте того, кому посчастливилось раздевать тебя, то ты бы сейчас лежала в чем-нибудь голубом или розовом... Тебе очень идут эти цвета. – издевался над чувствами покрасневшей, как помидор, Оливии Макс, которой ужасно тяжело и волнительно давались воспоминания о том, что, когда-то, он видел ее и в голубом, и в розовом, и в черном, а еще о том, как горячо его руки стягивали с нее все ее самые любимые сорочки, заставляя ее жутко гореть и злиться на этого самодовольного красавчика, который с огромной нежностью смотрел на нее, снова выводя из равновесия. – Но ты не переживай, в черной комбинации ты тоже очень сексуальна и желанна.

Лив гневно уставилась на него, потеряв дар речи от его наглости. Но, к счастью, уж этот-то дар ее надолго никогда

не покидал, так что через секунду она уже заголосила:

– Тебе чего надо, верблюд одногорбый?? Придумал очередную сонату для фортепьяно моих нервов???

Макс таинственно и игриво улыбнулся и вздохнул с заметной фальшивой грустью:

– Я готов принимать извинения. Вчера ты устроила мне незапланированный аут после свидания со сборником произведений великих европейских авторов XX века... Плохая, плохая привычка бить людей по голове! – шутливо пожурил он ее с самым важным, профессорским видом, который портили только сияющие синие глаза.

Лив импульсивно сложила руки на груди, делая обиженное лицо... Хотя на самом деле ей хотелось смеяться.

– А ты не готов случайно прикинуться болидом Формулы-1 и, включив сто пятнадцатую скорость, увистать из моей спальни как можно быстрее, пока я тебе еще свидание со своей настольной лампой не устроила, а, франкенштейн?? – язвительно проговорила она, и секунду они молча смотрели друг на друга...

А потом расхохотались.

Просмеявшись и глядя в его горячие синие глаза, будто прикоснувшись к тому времени, когда они частенько так смеялись, оставаясь вдвоем в ее спальне, но определенно чувствуя, что все это не более, чем отголоски прошлого и счастливых, но кратковременных, отношений, Лив проговорила:

– Извини, Макс, я ужасно не хотела тебя бить, но... Ты не оставил мне выбора! Ты же был заодно с моим отцом, я все слышала! А мне нужно было поговорить с ним, очень... – Лив вмиг погрузилась, вспомнив о том, что ей так и не удалось расположить к себе Эрнесто.

Макс ободряюще похлопал ее по одеялу, под которым виднелись очертания ее колена, явно не вкладывая в этот жест ничего, кроме сопереживания и поддержки, и проговорил:

– Значит, ты стала наглядным примером Стокгольмского синдрома? Я знаю, о чем ты говорила с Эрнесто. Мне в двух словах поведал твой отец.

Лив немного удивленно посмотрела на него и задумалась.

– Нет... Да... Не знаю. Если так подумать, то я и правда классика жанра... Пожалела своего мучителя, оправдала по всем пунктам, прониклась пониманием, забыв о том, что он чуть не убил отца, тебя и Джонни, и что я сама чуть не убила себя из-за него, и, в конце концов, встала на его защиту... Это кажется чем-то ненормальным... – Лив с грустной насмешкой посмотрела на Макса. – Пока не прочувствуешь на себе.

Макс улыбнулся и покачал головой.

– Нет. Это вполне нормально – прощать кого-то и давать второй шанс. Особенно, если ты понимаешь, что человеку действительно нужна помощь... Я имею ввиду, если его еще можно спасти. Так что, мне кажется, ты поступила правиль-

но. – спокойно сказал он, пожав плечами.

Лив с благодарностью посмотрела на него:

– Спасибо.

– А поцелуйчик? – горячо протянул Макс, наклонившись к ее обнаженному плечу так близко, что Лив ощутила его жаркое дыхание на своей коже, вызвавшее немедленные, волнительные мурашки.

– А нос из затылка не хочешь заполучить?? – вспыхнула тут же девушка. – Будешь еще каким красавчиком, приставала!

Макс огненно расхохотался, и его обжигающее дыхание переместилось на ее шею, заставляя вспыхнуть чему-то в ее животе.

– Ну ми-и-илая... Я же люблю тебя... И между прочим, если бы ты...

В этот момент дверь спальни отворилась, и глазам Лив предстал не удосужившийся постучать Джонни, в великолепной синей футболке, черной толстовке с капюшоном, джинсах и модных синих, «найковских» кроссовках, огненными зелеными глазами посмотревший на нее... А вот глазам Джонни предстала не совсем понятная картина, в которой Макс лежал рядом с Лив на кровати, и их лица были очень близко друг от друга, правда, Джонни не мог не отметить, что Лив была раздета и под одеялом, в то время, как Макс – полностью одет и на одеяле, что позволяло сделать обнадеживающий вывод, что между ними, все-таки, ничего не было.

– Что ты опять здесь делаешь? – недовольно, с вызовом проговорил Джонни, прожигая холодным взглядом безмятежно улыбающегося Макса, сложив руки на груди. – По-моему, я еще в прошлый раз дал тебе подробные инструкции насчет этой комнаты.

Лив вспыхнула, ощутив укол вины перед Джонни за эту картину, но, при этом, продолжая злиться на него и недоумевать, зачем он зашел... А ведь под толстым слоем гнева все-таки жила надежда, что он придет, что между ними не окончательно все разрушено, что он еще испытывает к ней то же самое, что и она к нему сейчас... бешеное сердцебиение... тоска... боль...

Макс беспечно пожал плечами и нагло заявил:

– Прости, Джонни, но что-то я не заметил, что между вами все наладилось. А это всего лишь означает, что она по-прежнему свободна, и твои инструкции по поводу ее спальни не имеют законной силы.

– Она – все еще моя жена. – жестко сказал Джонни, и Лив закатила глаза, почувствовав новый уровень обиды на него и безнадежной усталости.

– Значит, так. – решительно и гневно сказала она, заставляя обоих, пилящих друг друга вызывающими взглядами, парней посмотреть на нее. – Слушайте оба внимательно мои для вас инструкции. Джонни. – она гневно посмотрела на него. – Я вчера тебе все сказала, какое из слов «катись к черту» тебе не понятно??? Макс. – она быстро перевела взгляд с

зеленых, вспыхнувших отчаянным, сносящим с ног гневом, глаз на синие, светящиеся ликованием и триумфом. – Никаких поцелуев!! Никаких «уедешь-не уедешь со мной на Сицилию»!! Никаких выборов между тобой и им!!! Все, хватит! Я завязала с вами, как с безумной смесью алкоголя и антидепрессантов!!! И вам обоим!! Слышите?? – она показала на того и на другого, глядящих на нее с обидой и недовольством. – Обоим!!! Запрещено даже близко подходить к моей спальне!!! А теперь можете оба отправляться к дьяволу. – закончила Лив свою нерадостную, но эмоциональную и злую речь, чувствуя, как возвращается к ней то вчерашнее состояние подавленности и опустошенности, не говоря уже об усталости от всех душевных переживаний.

– Мы еще об этом поговорим, Лив. – строго сказал Джонни, и Макс кивнул:

– Да, я с ним согласен. Не может быть такого, чтобы ты больше никого из нас не любила! – шутливо проговорил он, улыбнувшись, и Лив, через неопишное бешенство, все же заметила, как странно после всей этой ситуации они поменялись ролями: вечно веселый, игривый и неосвязаемо легкий, как ветерок, Джонни, стал жестким и серьезным, а вот Макс, напротив, из брутального, решительного парня вдруг превратился в игривого, но обаятельного, вечно отшучивающегося от всего придурка, скрывающего за беззаботной улыбкой свои истинные переживания.

– Да хватит уже... – начала было Лив свою гневную тира-

ду, как в дверном проеме появилось еще одно действующее лицо, а именно: тонкая и миловидная, но по всем параметрам стервозная, мордочка женщины-кошки, с прямыми черными волосами до плеч, ярко-красными губами и голубыми глазами, обрамленными пушистыми ресницами. Аврора сунула свой чуть вздернутый носик в спальню и, увидев Макса, да еще в такой опасной близости от своей главной конкурентки Оливии, не постеснялась того, что «люди разговаривают», а незамедлительно прошла внутрь, обратив внимание мужчин на свой стройный, тонкий силуэт, обрамленный нежно-розового цвета платьем, сидящим четко по фигуре и открывающим ее тонкие плечи и длинные, просто примагничивающие глаза к себе, стройные ноги в белоснежных туфельках на шпильке.

– Вот ты где, Макс? А что ты у нее на кровати делаешь? – недовольно спросила она, не сумев скрыть ревность, как это подобает женщине-охотнице, независимой тигрице. Правда, чтобы исправить ошибку, она тут же беспечно проговорила:

– Эйден ждет тебя в кабинете, говорит, что пора обсудить возвращение его кандидата на пост мэра... – она перевела глаза на Лив и насмешливо скривила полные губки. – Ну что, деревенская девочка, любительница экстремальных выходов, выпалась? И кстати, не благодари меня за то, что я сжалась над тобой, не позволив тебе спать в ужасной, окровавленной, негигиеничной одежде, и передела тебя в сорочку, пока ты была в отключке... М-да, с нижним бельем

у тебя тоже на редкость плохие отношения... Можно было бы выбирать что-то посексу...

– Так это была ты!!! – воскликнула Лив и захохотала от облегчения. – А я уж испугалась, что это он... – ткнула она в Джонни пальцем, смеясь.

Джонни нахмурился, с укором посмотрев на нее:

– И чего ты испугалась, мне интересно? Что, я тебя раньше, что ли, голой не...

– Так ты за этим??? – будто о какой-то коробке с туфлями, выразилась Лив, небрежно подтолкнув рукой Макса в плечо. – Сделай одолжение – и второго прихвати, а то от их обвислых рож, ну точь-в-точь, как у собак бассетов, у меня цветы вянут на подоконнике.

Все трое одновременно посмотрели на абсолютно пустой подоконник в спальне Лив, и Макс с укором произнес:

– У тебя же нет цветов, белоснежка.

– Так завяли. Пришлось выбросить. – язвительно ответила Лив, а Аврора вдруг, якобы «только что вспомнив», недовольно заявила:

– Кстати, Эйден и тебя ждет, всклокоченная курочка, сказал, что будет говорить об Эрнесто и что-то там о Трейшоуне... Джонсоне? Джонсе, да, Джонсе. – вспомнила Аврора, и Лив подпрыгнула, в бешеном волнении и ужасе воскликнув:

– Трейшоун!!! Проклятье!!!

Она соскочила с постели, не задумываясь о том, что ее

комбинация служит лишь тонкой полоской ткани между телом и постелью, но никак не способствует прикрытию тех зон, которые следовало бы прикрывать в мужском обществе, и, схватив часы с тумбочки, сфокусировала время: 13:37. Вихрем развернувшись вокруг себя и посмотрев на Аврору, насмешливо наблюдающую за ней, и на Джонни с Максом, наблюдающими больше за ее комбинацией и всем содержимым, чем за ней, и спешно проверещала:

– Так, быстро вон, все вон!!! Мне нужно за три минуты одеться и за двадцать минут оказаться в Гарлеме, так что ты, цапля, скажешь папашке, что у меня неотложные дела, а вы двое – просто своняете отсюда как можно скорее, ну!!! Вы еще здесь??? – раздраженно закончила Лив, махая руками всем троим, будто надеясь, что от образывающегося от ее движений сквозняка их вынесет из ее спальни, как мух.

– В Гарлеме?? – хмуро спросил Джонни. – Тебя подвезти?

Лив уже практически забыла об их присутствии, подлетев к шкафу и выгребая оттуда вещи, сбрасывая их на кровать и, частично, на Макса, все еще возлежавшего на ней с видом султана и продолжающего откровенно смотреть на Лив, чем вызывал все более и более гневный взгляд Авроры, прикованный к его персоне.

– Да, да. Конечно. – язвительно ответила Лив Джонни, внутренне вздрогнув от перспективы остаться с ним наедине в одной машине. Все ее картинные образцы гнева могут просто погибнуть в его зеленых глазах... И что тогда? Она

снова будет унижаться, умолять его вернуться к ней? Ну уж нет!!! Нет, нет, нет, нет... – А, хотя, подожди... – Лив изобразила задумчивость жгуче злобным, сияющим взглядом и добавила:

– Я же сама умею водить машину! Вот так удача!!! Но... – она бросила на Джонни снисходительный взгляд из-под длинных ресниц. – Если тебе так хочется... Можешь подвезти меня обратно... Точнее, мое тело с вырванными зубами, выдавленными глазами и десятком пуль в одном только сердце за то, что я пообещала ему сдать насекомыша, а сама дала задний ход... Ну и за опоздание мне наверняка что-нибудь приятное обломится... например, вырезанные гланды. Думаю, кто-то же должен будет перевезти меня в могильный склеп Мартинесов, а твой катафалк, Джонни, подойдет для этого лучше всего. – весело и бодро закончила она, натягивая джинсы и глядя на сердитого мужа, который с тревогой смотрел на нее своими ясными и такими притягательными зелеными глазами.

– Не смешно. – серьезно заявил он, и Лив кивнула:

– А я и не смеюсь. Все, прекращаем трепаться, мне ехать надо, вы без карты дорогу из моей комнаты найти сможете???

Макс со вздохом встал и, бросив последний нежный взгляд на спину девушки, вышел, приобняв Аврору за плечи, которая от его прикосновения превратилась из фыркающей лошади в сладкое желе, с обожанием глядя на своего прин-

ца. Джонни еще какое-то время постоял, но затем, не получив от одевающейся в скоростном режиме Лив ни слова, ни взгляда, гневно вздохнул и вихрем вылетел из спальни, оставив только шлейф тонкого, морского аромата, острый нож в ее сердце и эхо от слишком сильно хлопнувшей двери.

Стараясь не думать о Джонни, Максе и о том, что с ними действительно нужно будет поговорить честно, искренне и открыто, а также о том, как же ей хотелось догнать Джонни, дотронуться до его плеча и крикнуть, как сильно она тоскует по нему и как безумно любит, что даже во сне ей снятся его прикосновения, Лив, наконец, оделась в нежно-голубой тонкий и просторный джемпер, черную, утепленную кожаную куртку, те самые джинсы и бархатные сапожки до середины икры на тонкой, высокой шпильке, и, причесавшись и накрасившись как можно приличнее, выскочила из дома до того, как отец полетит на крыльях беспокойства перехватывать ее и начнет зачитывать лекцию о вреде общения со всякими безумными неграми с не менее безумными кличками.

Описывать упрямые, перемежающиеся ругательствами, разговоры миниатюрной блондинки и высокого, накачанного, крепкого чернокожего парня, происходящие в пыльном обществе коробок, плюшевой мебели, устрашающего пистолета, а иногда даже в компании с не менее устрашающим братцем-близнецом в темнокожих руках, лэптопа, подмигивающего красным глазом, и двух древесных жуков, восседающих с не менее важным, чем у Трейшоуна, видом на ручке

одного из кресел, не имеет особого смысла.

Через полтора часа усталая, но довольная и, невероятно почему, но еще живая Лив выползла из пустующего в дневной час клуба «Кинг» на улицу, к своему «Эскалэйду». Трейшоун и его характер железобетонной трубы, которую не согнешь никакими адскими усилиями, порядком утомили ее, но она смогла одержать над ним маленькую победу, договорившись, что найдет ему шестерых новеньких, без малейших царапинок, чернокожих мальчиков на побегушках взамен тех, что погибли из-за дебильной выходки Эрнесто, а он, в свою очередь, пообещал не начинать громить отцовские заведения без разбора и не поджигать фамильное поместье Мартинес, хотя именно этот пункт стоял в его списке отмщения на первом месте. А еще Трейшоун раздобрился и под афроамериканский сленговый фон пообещал найти того «нехорошего» парня, который попытался забрать у Лив «Кадиллак», так что долгие переговоры с каменной стеной прошли более чем успешно.

Усевшись в машину и увидев на экране восемнадцать пропущенных вызовов от отца, Лив поспешила в Кэнди-вилладж, пока в Гарлем не нагрянуло не менее тридцати единиц вооруженной техники и военно-воздушных сил, возглавляемых несущимся впереди воинственным мафиозным властелином Эйденом Мартинесом, заставляющим воздух вокруг себя плавиться от источаемого им сокрушительного гнева...

Да и с Джонни и Максом не мешало бы выяснить все раз

и навсегда, а то эти двое продолжают околачиваться вокруг нее, превращая ее сердце в болезненный, мучительный сгусток крови и мышц.

Ощувив невероятную усталость от всего, что подпирало ее со всех сторон, Лив поморщилась и поехала в сторону отцовского дома, стараясь пока не думать о Джонни, Максе, Трейшоуне и отце, а также не вспоминать фиаско с Эрнесто, сводящее ее с ума.

Марти и Эдди терлись на крыльце, дымя сигаретами и переступая с ноги на ногу, чтобы согреться. Увидев Лив, они обрадовались, как дети, и бросились к ней:

– Мисс Оливия!!! Слава Богу! Все в порядке?? – взволнованно спросил Эдди, а Марти, чье лицо выглядело уж слишком бледным на фоне зеленых волос, наивно и восторженно заверещал:

– Наконец-то, мисс Оливия, чего вы так долго?!? Мы уже здесь все себе отморозили, а ведь нам эти органы, может, еще в жизни пригодятся! Теперь-то мы можем зайти в дом?? И есть охота чертовски, я бы целого кабана съел, честное слово!!!

– Прекрати, тупица! – одернул его Эдди, чьи губы еле шевелились от холода, и Лив рассмеялась:

– Так я вам, вроде бы, не давала указаний получить обморожение семидесяти процентов кожного покрова, сучкики! Или какая-то невидимая преграда мешает вам зайти в дом??

– Это все мистер Мартинес!! – вновь принялся жаловать-

ся с обиженно выпяченной губой здоровенный сорокалетний мужчина, потирая заочневшие руки. – Он сначала хотел пристрелить нас за то, что мы не поехали с вами в Гарлем... А мы вообще не знали, что вы туда едете, мисс Оливия! – расстроено воскликнул он, всплеснув руками. – А потом он решил, что разберется с нами позже, а до тех пор нам надлежит торчать здесь, пока вы не приедете, и даже в туалет нельзя отлучиться! Мисс Оливия... А когда мы уже позавтракаем?... – с новой силой загудел Марти, не обращая внимания на тычки со стороны двоюродного брата.

Лив рассмеялась и махнула рукой:

– Идем-те, овощи! Мне только разноцветных снеговиков около мифологического фонтана не хватало!

Вспомнив о том, что она и сама не ела ничего с самого утра... ну, точнее, с того момента, как проснулась, Лив вместе с Марти и Эдди прошла в столовую, и через несколько минут прислуга закрыла поверхность круглого, дубового стола многочисленными тарелками с закусками, горячими блюдами и напитками, приведя в совершеннейший, мальчишеский восторг обоих телохранителей и заставив завистливо поглядывать всю остальную охрану в доме, лишённую привилегий обедать с членами семьи, да еще и есть блюда, приготовленные для них лично.

Наевшись до отвала запеченной курицы с овощами гриль, Лив великодушно (с точки зрения, опять же, коллег Марти и Эдди по работе) разрешила своим оригинальным валунам

остаться и доест все, что влезет в их желудки, а сама, подхватив бутылку столового вина и бокал, с немного приподнявшимся из пыльной, засохшей грязи настроением, двинулась в кабинет к отцу.

Как это обычно и бывает, Эйден и Брайан находились не в одиночестве, а в окружении трех уличных боссов, которых Лив ехидно называла кривыми во всех смыслах этого слова, раздавая им яростные указания, перемежающиеся с замечаниями по поводу их работы.

– ...больше никакого неоправданного изуверства, Дэйв! И плевать мне на то, что они там тебе сказали и как оскорбили твою маму!! Как мы можем вести покровительственный рэкет над теми, кто не **МОЖЕТ НАМ ЗАПЛАТИТЬ, ПОТОМУ ЧТО ЕГО ГОЛОВА ПРИБИТА ГВОЗДЯМИ К КАССОВОМУ АППАРАТУ У ВХОДА В ЛАВКУ???** – громыхал разъяренный отец, испепеляя жестким, яростным взглядом потупившегося мужчину в кожаной куртке, черной толстовке, капюшон которой бы накинут на его голову, скрывая половину лица, потертых джинсах и высоких ботинках, потрясая перед его лицом кулаками.

Брайан спокойно и хмуро слушал, зная, что когда Эйден устраивает разнос, лучше не быть его консильери, а прикинуться предметом мебели, чтобы случайно не переключить эту бешеную атаку на себя. Двое других боссов, Лив знала, что это Нэйтан и Коул, которые контролировали Бруклин и Страттен-айленд соответственно, командуя солдатами семьи

и регулируя бизнес и взаимодействие с поделщиками, выполняя роль половых тряпок (в том смысле, что им приходилось подчищать всю грязь, чтобы не попасться на нелегальных делишках, хотя иногда мелкий и крупный сор после них все-таки оставался), так вот, эти двое тоже натянули грустные, виноватые маски на лица, но Лив заметила, что они еле сдерживались от того, чтобы не расхохотаться над своим напарником.

Лив приветливо махнула отцу и Брайану, и, не смущаясь тем, что у отца ведется какой-то серьезный разговор, прошла к кожаному креслу и плюхнулась в него, попытавшись зубами вытащить пробку из бутылки с вином, так как оставлять бокал, занимающий другую ее руку, ей нигде не хотелось.

– Привет, папуля! Привет, вермишель! Ничего, если я тут посижу? – спокойно и весело спросила она, когда Эйден прекратил вопить и сделал паузу, очевидно, собирая в голове новый букетик лестных выражений и выразительных эпитетов для своих подопечных.

Отец слегка очнулся, оторвав гневный взгляд от трио потупившихся капореджиме, и более мягко, но не менее грозно, посмотрел на дочь:

– Оливия... – он покачал головой. – Какого дьявола ты без охраны уехала в Гарлем и не отвечала на мои звонки?!? Ты меня до сердечного приступа довести решила??? Нет, ну что за день, Брайан?!? – вспльчиво вздохнул Эйден, устало плюхнувшись в свое кресло за столом. – С самого утра при-

ходится на всех орать...

Лив, наконец, удалось раскупорить вино и, глотнув темно-красной жидкости, она ухмыльнулась:

– Тебе давно уже пора понять, папуля, что твой звериный рык никого не пугает... Другое дело – это то, что ты хотел заморозить в настоящий фруктовый лед моих телохранителей, не дав им даже поесть вдоволь перед смертью... Ай-яй-яй, папочка, зачем ты так с ними? Разве не знаешь, как они мне дороги? А эти твои капо, – продолжала как ни в чем не бывало девушка, махнув рукой на тройку мужчин, молча и угрюмо слушавших ее беспечное щебетание, – да они же только делают вид, что боятся тебя, ты только посмотри в эти хитрые, кривые рожи! Зачем тебе вообще столько капо, ума не приложу?? Пару-тройку из этих двуличных мерзавцев можно с чистой совестью сдать в утиль.

– Что??? – вскричал Эйден, гневно блеснув глазами на мужчин перед собой, которые, кажется, даже как-то уменьшились и усохли под его, уничтожающим все живое, взглядом, сделавшись еще виноватее и угрюмее, чем были. – **Что значит «делают вид»??? Да я вам МОРДЫ УТЮГОМ ПОГЛАЖУ, СЛИЗНИ, ЧТОБЫ ВЫ ВООБЩЕ НИКОГДА БОЛЬШЕ НИКАКОЙ ВИД НЕ МОГЛИ СДЕЛАТЬ, КРОМЕ ПЕРЕКОШЕННОГО ОТ БОЛИ, СЛЫШИТЕ???** – снова заорал он, а троица мужчин наперебой принялась бубнить оправдания и размахивать руками, чем очень насмешила Оливию.

В конце концов, Эйден махнул им рукой, приказав убраться куда подальше, и, когда они вышли, бросив злобные взгляды на игриво подмигнувшую им в ответ Лив, тяжело вздохнул и сел за стол, проведя рукой по волосам.

– И после этого ты говоришь, что я не страшный? – с внутренней гордостью заявил Эйден, намекая на лепет его капореджиге перед ним. Оливия пожала плечами и невозмутимо заявила:

– Ну-у-у... Не очень, папочка.

– Да Бог с ними, с этими капо, лучше поговорим о Трейшоуне Джонсе. – вернул отца и дочь к конструктивному диалогу Брайан.

Лив поморщилась.

– Не о чем говорить, все нормально. Его люди не воткнули нам ножи в глаза, когда мы будем спать. Лучше скажите, где Макс и... Джонни? Мне поговорить с ними нужно.

Эйден и Брайан многозначительно переглянулись, и отец ухмыльнулся:

– Наконец-то одумалась, дочь? Я рад за тебя. Поговоришь с ними после того, как мы подробно узнаем детали твоей поездки к...

К кому Лив, к огромному счастью, не удалось услышать, потому что от такого частого звука имени Трейшоуна в ней просыпался рвотный рефлекс. Затрещала рация на письменном столе, и отец нехотя взял трубку:

– Да, Энрико?

– Мистер Мартинес, тут колумбийский наркоделец с подельниками пожаловал, говорит, у него к вам разговор серьезный есть... Впустить его, сир?

Лив удивленно и заинтересованно посмотрела на рацию отца, а Брайан резко нахмурился:

– Вряд ли он пришел, чтобы угостить нас бесплатными пробниками своих новинок...

Эйден пристально посмотрел на Брайана, затем – на Лив, безмятежно покачивающую пальцами бокал с вином, и недовольно проговорил в рацию:

– Впускай, Энрико. Проводите ко мне в кабинет.

– Да, сир.

Эйден вздохнул и, бросив рацию на стол, проговорил:

– Чертов бизнес! Даже и пяти минут не дает на разговор с собственной дочерью... Ну и за каким хреном он притопал, Брайан?

– Сейчас узнаем. – пожал плечами консьюери, бросив грозный взгляд на Оливию, которая, как и он, прекрасно догадывалась о цели его визита.

Через две минуты тот самый гордый колумбиец с черными угольками глаз, смуглой кожей и агрессивно настроенным лицом, сопровождаемый неизменными охранниками или подельниками (Лив не очень разбиралась в инфраструктуре наркокартелей) уже важно входил в кабинет, стуча каблуками толстых, кожаных ботинок по паркетному полу.

– Добрый вечер, мистер Мартинес! – неизменным омер-

зительным, гнусавым голосом с акцентом проговорил он, но его взгляд тут же упал на мило улыбающуюся из кресла блондинку, которая не преминула сама заявить о своем присутствии, весело воскликнув:

– Привет, Питон! Как поживает самый лучший геройн в мире???. Или ты приплыл к нам, чтобы продемонстрировать очередной килограмм усовершенствованного белого дерьма, дополненного ароматизатором лаванды или зеленого яблока?

– Оливия. – осадил дочь Эйден строгим голосом и посмотрел на гостя. – Чем я могу вам... – но он не успел договорить, потому что Питон резко метнулся к Лив и, ткнув в нее кривоватым смуглым пальцем, гневно заверещал:

– Ты!!! Ты надула меня!!! Ты должна мне двенадцать тысяч!!!

Лив усмехнулась и наивно подняла брови:

– Ты о чем вообще, змея-тяжеловес? Я выполнила все условия нашей договоренности, тебе что, какие-то бонусы и подарки подавай? Извини, это не ко мне, а в сетевой маркетинг. – беспечно отозвалась девушка и налила себе еще вина.

Эйден нахмурился и вышел вперед, встав между дочерью и Питоном, который и правда смотрел на нее глазами злой и голодной рептилии.

– Что здесь происходит? Что за обвинения в адрес моей дочери? – недовольно и холодно проговорил он, и Питон, переводя на него хищный взгляд, заорал, брызгая слюной:

– Твоя дочь обманула меня!!! Она должна мне деньги!!! Была договоренность, что если мой героин будут хорошо покупать, то она станет платить мне по полторы штуки за грамм, как и должно было быть изначально!! А вместо этого, мой товар исчезает в твоих точках, как мыльные пузыри, а эта... – он еле удержался от ругательства, видя, как медленно начинает звереть папочка, – эта... твоя дочь... Продолжает платить по восемьсот баксов за грамм!!! Так что, ты мне должна, девка, плати, или я...

– Или что ты??? – насмешливо прогрохотал Эйден, пылая огнем бешенства и еле держа себя в руках. – Не забывай, колумбиец, ты сейчас в моем доме!! И если еще услышу хоть одно нелестное слово о моей дочери, будешь у меня ползти обратно до своей тачки на животе, подтаскивая за собой два окровавленных обрубка, бывших ранее твоими ногами! Оливия, объясни. – жестко потребовал отец, повелительно посмотрев на дочь, буквально источая взглядом важность и влияние.

Лив вздохнула и рассерженно посмотрела на Питона, сжимающего кулаки и округлившего глаза от злости:

– Сколько ты уже в Америке, рептилия? Месяц? Два? Больше? Пора бы тебе уже выучить список неправильных глаголов, наркодиллер. Мы с тобой четко и ясно, на великолепном английском языке, обговорили, что я заплачу тебе полную сумму только в том случае, если общество потребителей этой отшибающей мозги пыли сочтет этот «товар»

продуктом высшего качества. А то, что его хорошо покупают... – Лив пожала плечами. – У них не особо много выбора в этом городе, где заполучить наркоту. Так вот. – с видом ученого-философа продолжила разглагольствовать девушка прямо в пышущие гневом и желанием задушить ее голыми руками на этом самом месте глаза Питона, злобно щурившиеся на нее. – Я провела соцопрос среди наиболее... м-м-м... так сказать, нуждающихся торчков отцовских клубов. И ты не поверишь, змейка, но все они в один голос сказали, что наркота от предыдущего дельца была куда лучше... Так что получай свои заслуженные восемьсот, автозагар, и скажи «спасибо», что не пятьсот, в отместку за твое вранье.

Питон вышел из себя и резко шагнул вперед. На мгновение Лив почудилось, что он и правда набросится на нее на глазах у отца, но мужчина с огромным трудом сдержался и только прошипел:

– Ты все врешь, глупая дрянь, это неправда, неправда!!! Ты – лживая, дешевая, грязная...

Закончить фразу ему было не суждено: раздался выстрел, за ним – второй и третий, и Питон, с так и оставшимися широко и разъяренно вылезшими погулять из орбит глазами, и оба его друга грузно упали на пол, получив по небольшой, но от этого не менее смертельной, дырочке во лбу.

Лив вскочила на ноги, ошарашено и возмущенно глядя на трех, теперь уже бывших, наркодельцов, лежащих в безжизненных позах перед ее креслом, а затем перевела взгляд на

отца, сжимающего дымящийся пистолет рукой и с мстительным хладнокровием глядящего на притихшего Питона и его собратьев по несчастью.

– Эйден!!! – первым опомнился Брайан, выскочив вперед и наклонившись над покойниками с самым обеспокоенным видом, будто желая провести им реинкарнацию. – Что ты наделал?!? Она же... Она же... – он задохнулся, схватившись за голову, но теперь уже Лив снова получила возможность кричать, очнувшись от первичного шока, и в полный голос завопила:

– Черт!!! Зачем ты это сделал, отец??? У тебя что, разум ударился в глубокий загул?!? Поверить не могу!!! Поверить не могу!!!

Эйден гордо поднял голову и спрятал пистолет, спокойно заявив:

– Он обманул тебя и оскорблял. Никто не смеет так обращаться с моей дочерью! Никто!! – грозно добавил он, для устрашения поворачивая глазами и ударив кулаком по спинке кресла, в котором минуту назад рассуждала Оливия.

Лив тоже, как и Брайан, склонилась над испутившими дух колумбийцами и, вцепившись в свои волосы, закричала, испытывая невероятный шок:

– Эх ты, страшила с мозгами из отрубей, булавок и прочего сора!!! Ну неужели ты не понял, что я разводила его? Это был развод, отец!!

Эйден замер, недоверчиво и изумленно глядя на дочь.

– То есть как – развод?

– Да вот так! Самый, что ни на есть, шикарный, блестящий, крутой развод, призванный обеспечить нам дополнительную сохранность нашего бюджета!!! – Лив выдохнула и обессиленно и возмущенно упала обратно в кресло. – Ох, папаша... Из каменного века ты, что ли, вылез??? Нормальный у него героин был, я действительно проверяла в клубках, качество – на пять звезд из пяти, но ты действительно думал, что я соглашусь платить этому удаву полторы штуки за грамм какой-то муки, когда могу соврать с честным лицом и продолжить платить восемьсот??? Теперь ты долго будешь искать другого такого дурака-наркобарыгу, который попадется на эту удочку...

Лив закрыла глаза, пытаясь прийти в себя и успокоиться, но картинка тройного убийства, совершенного две минуты назад, все стояла у нее перед глазами, будто она видела их наяву. Ее мучила совесть за смерть этих людей, но... в то же время, он уже начал соображать, что его, похоже, всерьез обводят вокруг пальца, так что отец, можно сказать, услугу оказал, убрав этого крикуна...

Эйден раздраженно бросил пистолет на стол и хмуро уставился на дочь, сложив руки на груди:

– Не могла ты меня, что ли, заранее предупредить, Лив??? Я, между прочим, их убил! Оливия, Оливия... – покачал он головой и закурил, вдруг подойдя к дочери и потрепав ее за волосы. – А ты здорово все это придумала... Еще раз доказы-

вает то, что ты будешь замечательным боссом. – улыбнулся вдруг отец, и Лив даже как-то кричать на него расхотелось... Он же ее защищал, все-таки... – Ладно. – махнул рукой Эйден, глядя на мертвые тела. – Будем считать, что я казнил их за грубые слова в отношении тебя. Брайан, нам нужен новый наркодиллер. Что-то они у нас не задерживаются...

– Издержки профессии. – ехидно проговорил Брайан и переглянулся с Лив. В этот момент дверь в кабинет отворилась, и вошли Макс и Аврора.

Увидев три трупа на полу, Макс нахмурился и наклонил голову, разглядывая колумбийцев, затем на его красивом лице вдруг мелькнуло понимание, и он, подняв брови, присвистнул, посмотрев на всех присутствующих:

– Это же тот самый дилер, Питон, если мне не изменяет память?!? А почему я вижу кровь, которая должна сейчас циркулировать вокруг его головного мозга в черепе?? И чем бедняга, которому и так жизнь подставила чудовищную подножку, сведя с белоснежкой, заслужил такой неожиданный конец??? – и он посмотрел на Лив недоуменным, несколько веселым, но строгим взглядом.

Девушка вытаращила на него глаза и возмущенно воскликнула:

– Эй! А чего ты на меня-то смотришь???? В мои планы входило лишь использование господина Питона в своих целях, а грохнул его мой весьма сообразительный, уровень развития аж за облака зашкаливает, самый страшный в мире

папуля! Ты разве не слышал, как его называют? Эйден, великий и ужасный! Вот, теперь сгоняй в гараж за лопатой, будешь помогать закапывать результаты бескрайних просторов его ума!!! – протараторила Лив, отпивая вино прямо из бутылки, потому что не смогла найти в поле зрения свой бокал, а тем более, вспомнить, где его оставила.

Макс перевел удивленный, но ухмыляющийся взгляд на Эйдена, который потряс кулаком в воздухе в сторону дочери и гневно прогремел:

– Только попробуй в следующий раз мне что-нибудь не рассказать!!! Оливия... Что за дочь у меня?!? – в пустоту посетовал Эйден и посмотрел на Брайана. – Брайан, распорядись, чтобы вынесли этих... Сколько они лежать-то здесь будут???

– Пока время, в сочетании с кислородом, светом и червями-некрофилами не превратит их тела в жалкие остовы, а затем и в прах. – весело проговорил еще один появившийся в дверном проеме голос, и Лив вздрогнула, подняв голову и увидев Джонни, смотрящего одновременно и скорбными, и веселыми глазами на мертвецов, и невозмутимо что-то жующего, не стесняясь ни омерзительной кровавой лужи, ни самих, коченеющих колумбийцев.

Все в этом мире вдруг отлетело на задний план: она видела только его, только его одного... Злясь и любя одновременно... Лив пристально, блестящими, больными глазами оглядела его потрясающую, такую любимую, мускулистую фигу-

ру, сильные руки, широкие плечи... Ее взгляд нежно переместился на его лицо, пройдясь по мужественному подбородку, правильному носу, любимым, горячим губам, а затем переключился на темные ресницы, брови и слегка волнистые, мягкие волосы, небрежно спадающие прядками на его лоб и затылок...

Она могла бы смотреть вечно, если бы его зеленые глаза, будто почувствовав ее внимание, резко не поднялись на нее, и Лив замерла, утопая в его взгляде... Она ощущала их сияние... Не такое, как раньше, черт возьми!!! Как она мечтала вернуть тот энергетический теплый импульс, что достает ее до самых сокровенных глубин ее сердца... Увидеть любовь и игривую страсть в смотрящих на нее глазах... А вместо этого – холодное отчаяние, боль, тоска, невыносимое желание поверить ей и... невозможность осуществления этого на практике... Нет, как же он злил ее сейчас, с ума сойти можно!!!

Лив чуть не зарычала от охватившего ее безумного гнева и еле слышала то, что происходило вокруг, только смотря и смотря дальше в эти зеленые, такие нужные ей глаза, бесясь все больше и больше...

– Фу, Джонни!! – воскликнула, поморщившись, Аврора. – И ты еще можешь есть в присутствии... мертвых???

Джонни безразлично пожал плечами, продолжая смотреть на Лив.

– Ну, работники морга ведь могут, милая Аврора, так чем же я хуже?!?

– Идиот... – шепнула еле слышно Лив и могла поклясться, что уголки его губ дрогнули в улыбке...

– Никогда не могла спокойно смотреть на убитых. – жалобно протянула Аврора, с надеждой и мягкой, но игривой, детской улыбкой посмотрев на Макса снизу-вверх, как послушная собачка на своего хозяина. Макс вдруг, к удивлению Лив, бережно развернул ее к себе и очень нежно погладил по щеке, оглядев ласковым взглядом черты ее лица... Он усмехнулся и успокаивающе проговорил, глядя на брюнетку:

– Это нормально, Аврора. Кто сказал, что к смерти нужно относиться, как к перестановке мебели? Безразличное отношение к покойникам – плохая привычка и результат поломанного, ненормального детства.

Аврора восхищенно улыбнулась, преданно глядя в его синие глаза, и Лив даже испытала укол ревности, так и уставившись в удивлении на эту парочку... Она так привыкла к тому, что Макс принадлежал только ей, что... «Вот же глупая курица! Ты же сама его оттолкнула, так что теперь? Хочешь и правда пожить шведской семьей? А тебе не слишком будет?!?» – так, отругав саму себя, подумала Лив и, дождав-шись, когда трупы, наконец, вынесут, жестко проговорила, глядя на Джонни и Макса, занятого созерцанием Авроры:

– Нам с вами нужно поговорить.

Эйден и Брайан переглянулись, и отец, кашлянув в кулак, поднялся, направившись к двери:

– Идем, Брайан, пообедаем. Заодно обсудим, с каких это

пор я стал таким нестрашным, как утверждает мое чадо...

Брайан усмехнулся, ободряюще подмигнув Лив, сердце которой колошматилось сильнее отбойника, и вышел из кабинета вслед за отцом.

Аврора язвительно усмехнулась и сложила руки на груди, пренебрежительно посмотрев на Лив:

– Неужели?!? И что, ты правда сама до этого додумалась, или подсказал кто? А по мне, так тебе просто нравится держать в своих руках вожжи сразу от двух лошадок... Ты же упиваешься собственной значимостью, малышка!

Лив фыркнула и встала, пройдя и захлопнув входную дверь.

– Да уж... У тебя в прилизанной головке явно поломался центр, отвечающий за умение шутить... Ну ладно, каланча, за то, что назвала этих двоих... – Лив указала на Джонни, сложившего руки на груди с самым серьезным и brutальным видом, прожигая Лив зеленым взглядом, и Макса, отошедшего к окну и тоже самодовольно ухмылявшегося, правда, в его синих глазах сквозило какое-то болезненное, отчаянное ощущение, едва заметное за маской уверенного, сильного мужчины, но Лив слишком хорошо его знала... – конягами, я разрешаю тебе остаться и послушать, потому что мне и тебе есть, что сказать.

Аврора хмыкнула и грациозно, словно черная, изящная пантера, уселась в кресло, закинув ногу на ногу и с гордым, независимым видом проговорив:

– Я и сама не собиралась уходить. Не думай, что мне нужно твое разрешение, блондинка.

Лив бросила на нее ледяной взгляд и подошла к Максу, заглядывая ему в глаза. На секунду она снова ощутила его горячую, мужественную энергию, обратила внимание на его великолепную фигуру, красивое лицо, черные волосы... Их взгляды встретились... Она, как и раньше, чувствовала, что не может двинуться с места. Как и раньше, тонула в этих, горящих адским пламенем и неудержимой страстью, синих глазах, обаятельно и так нежно смотрящих на нее с тем самым чувством, которое она так стремилась найти в них раньше, в те времена, когда они были вместе, а Джонни оставался ей только другом... А теперь в них было и отчаяние, и боль, и грусть...

– Что-то у меня нехорошее предчувствие, белоснежка... – тихо и невероятно горько произнес он так, что Лив вздрогнула. – Может, ты лучше не будешь ничего говорить, а...

– Ну уж нет. – жестко отчеканил голос Джонни позади, заставив Оливию прийти в себя и вернуться, все-таки, мыслями к тому, что необходимо было сделать сейчас. – Она должна расставить все по своим местам.

Лив мельком оглянулась на него, чувствуя, как бушует грозный океан внутри нее: с одной стороны, она так хотела броситься к нему в объятия, вернуть того, прежнего Джонни-весельчака и игривого, обаятельного хулигана, который любил ее, как никто другой, а с другой стороны, она невоз-

можно сильно злилась на него за то, что он все еще не верил ей, мучал ее, заставлял умирать ее сердце каждый вечер, когда она оставалась в своей спальне одна... А после сокрушительного, трагичного поражения с Эрнесто, в ее сердце появилась и бешеная усталость от всех этих переживаний и бессмысленной муки.

Она вздохнула и снова посмотрела на Макса.

– Макс. Я люблю тебя. И это нельзя изменить, нельзя выключить, нельзя остановить, как какой-то идиотский бразильский сериал... – она выдохнула, чувствуя, как горят ее щеки, как в груди все сжимается от боли, от того, как он отчаянно и обреченно смотрит на нее, все еще сохраняя маленький, трепещущий лучик надежды, что может быть, все-таки, он сможет быть счастливым... Этот лучик уничтожал ее прямо сейчас, Лив сходила с ума от ужаса того, что испытывает... Будто часть сердца грубо вырывают из груди и куда-то отбрасывают, не задумываясь о том, сможет ли она жить только с половиной сердца... – И ты знаешь это, знаешь, как ты на меня действуешь, понимаешь, что я чувствую, когда ты смотришь на меня или прикасаешься ко мне... И я наверняка была бы с тобой столько, сколько позволила бы мне моя жизнь, и была бы безумно счастлива, но... – она с трудом глотнула воздух и посмотрела на свои дрожащие ладони, чувствуя, что в любую секунду может разрыдаться. – Но я не могу без него... Понимаешь? Я не могу без него спать, не могу есть, не могу дышать, я будто умираю с каж-

дым днем, и все во мне меняется, от бешеной ненависти к себе до полного безразличия, и... – она опустила глаза и обхватила себя руками. – И мне не важно, простит он меня или нет. Если я не буду с ним, значит, не буду ни с кем. Мне... ужасно... жаль... – шепотом выдохнула она, наконец, посмотрев в его глаза и ощущая первые слезы на своих щеках, понимая, какую боль причиняет ему, понимая, что ему теперь придется переживать, пытаясь жить дальше после того, как он снова потерял ее, пытаясь найти смысл в чем-то другом, а может, в ком-то другом... Но Лив и сама понимала, что никто никогда не может сравниться с тем, кого ты действительно любишь, никто никогда не заменит волшебство прикосновения к тому, чье сердце бьется в унисон с твоим, к тому, о котором ты думаешь каждую секунду, каждый миг на этой земле, который делает тебя и твое существование особенным... Счастливым. Она видела все это сейчас, в его глазах, наполняющихся болью с каждой секундой понимания того, что произошло, будто уносящихся от нее в мир своего страдания, но, по-мужски, не желающих показать свою разбитость, свою подавленность и безрассудное отчаяние, а вместо этого, героически стойко продолжающих сдержанно смотреть на нее, после чего он кивнул и тихо, с огромной горечью произнес:

– Я знал это, белоснежка. Знал еще в прошлый раз. И... – он тяжело вздохнул, но нашел в себе силы продолжить. – И я уважаю твой выбор. – он подавленно отвернулся к окну, пы-

таясь перенести внутри себя повторный отказ любимой женщины, той, что изменила все внутри него и все его представления о жизни и людях, которые он имел до встречи с ней.

Лив тяжело выдохнула и, вытирая слезы ладонями, посмотрела на Аврору, в глазах которой веселилось не просто бешеное ликование, а еле сдерживаемый крик восторга и радости. Будь ее воля, подумалось Оливии, она бы станцевала кадрили прямо на этом, залитом кровью колумбийских наркодельцов, полу. Ее взгляд немного остудил разгоряченные нервы Лив, и та, усмехнувшись, жестко проговорила:

– Теперь ты, надоедливая цапля. – ею завладело возмущение. – Ты же любишь Макса! Какого черта тогда ты лезешь к этому индюку с мордой Терминатора?!? – вскричала она, указав на Джонни, который вдруг почти совсем, как раньше, тепло ухмыльнулся. – Ты думаешь, что сможешь заставить его ревновать тебя? Так сперва ты должна хотя бы нравиться ему, брюнетка! Стань уже нормальной девчонкой, в конце концов! Я же тебе говорила, что пока ты будешь играть популярную у всяких падких на тонкие, костлявые мощи тигров, дикую кошку, он ни разу не посмотрит на тебя! Снимай уже маски, дурында, и становись самой собой! И кстати, – подумав, вдруг вспомнила Лив, глядя на недовольно вспыхнувшую, хмурую Аврору, – что ты делала в его машине в ту ночь, когда мы поссорились?? Если ты утешала его привычным для себя способом...

Аврора насмешливо расхохоталась, а Джонни вдруг спо-

койно заявил:

– Успокойся, Лив, ничего не было. Я подвез ее до бара, после чего поехал по своим делам, вот и все.

Лив резко обернулась к нему, пылая яростью и жадной исклотить его прямо здесь и сейчас, чтобы этот пес-барбос умолял ее остановиться со слезами на глазах... Она не замечала, что он совсем иначе смотрит на нее, внимательно, проницательно, с нежностью и жадностью изучая ее лицо и слушая с невероятным восторгом каждое ее слово... Не видела огонь зеленых глаз, ласково и с глубокой болью, запрятанной под спокойствие и безразличие, под уверенность и мужество, оглядывающих ее всю целиком, неотрывно, жадно, с ужасной тоской...

Ах, как она злилась на него!!! Просто бешеный вихрь в ее голове, огненный котел с кипящей яростью, проливной дождь зла и боли... Убила бы, убила бы прямо здесь за то, что любила, за то, что не верил, за то, что не приходил в больницу, за ослиное, тупое упрямство!!!

– Ну и, наконец, ты, тапир безмозглый... – прошипела Лив, подлетев к Джонни и, сияя огнем разрушительного гнева, ткнула его пальцем в грудь. – Если твоему скудному, треугольному, потерянному в пустоте черепной коробки, умишку не дано понять, как сильно я люблю тебя, то тебе надлежит навсегда убрать свою самодовольную, Казанова-образную, отвратительную улыбку и пойти в задницу, потому что я чертовски устала доказывать тебе, что и тогда, и сейчас, я

выбрала и всегда выбираю тупого прилипалу со сквозняком в голове и болтающимся на веревочке крошечным шариком, именуемым головным мозгом, вместо потрясающего, мужественного, красивого и сильного мужчины, который, правда, тоже умеет изрядно потрепать нервы и как следует взбесить... – она бросила беглый взгляд на Макса и снова обрушилась волной безумия на Джонни, который, мягко говоря, был в веселом изумлении. – Я вечно спасаю тебя, думаю о тебе, рискую своей жизнью ради твоего дыхания и готова на все, даже на унижительную беготню к твоему дому и выслушивание лестных комментариев твоей мамочки в мой адрес... Но ты не поверишь, дубина, как я чертовски устала от боли, ну просто сил моих больше нет! Особенно после того, как я попыталась сделать хоть что-то в этой жизни, ради чего могла назвать свое теперешнее существование не бессмысленным, но не смогла сделать ничего для этого человека, для которого могла стать чем-то новым, изменить его жизнь, да и мою, к лучшему, доказать ему правильность собственной веры в любовь и семью... Он не поверил мне, да и я, признаюсь, сама не очень-то теперь верю во все эти красивые слова, а посему, и ты, Джонни, катись к дьяволу и забудь дорогу в мою квартиру, потому что на этом моя беготня и бессмысленные телодвижения, направленные на хоть малейшее исправление ситуации, закончились!!! Больше не могу, не могу! Черта с два, придурок!!! И, между прочим, – гневно добавила она, испепеляя мужа грозovým, но от этого, не менее

уоставшим, взглядом, – ты тоже целовал меня, когда я встрелась с Максом, так что вы квиты!

Лив перевела дух, оставшись довольной своей речью, а Макс резко развернулся и уставился на Джонни ошарашенным и возмущенным взглядом, говорившим только о том, что когда его голова закончит обрабатывать полученную информацию, тело двинется на бывшего друга и убьет его одним точным ударом в висок.

– Что??? Что она сказала?!? Ты... ты целовал ее, когда мы были вместе?!? Целовал мою женщину?!? Поверить не могу!.. – прогрохотал он, медленно, грозно двинувшись на Джонни и излучая сумасшедшую злость.

В глазах ни на йоту не испугавшегося Джонни мелькнуло чувство вины, скрывшись за широкую спину игривого огонька, и он примирительно поднял руки, расслабленно глядя на того, кто хотел самым эффектным образом приложить свой кулак к одному из двух сияющих зеленых глаз:

– Эй, Максик, расслабься, это был дружеский поцелуй! Дружеский!! И мы с Лив тысячу раз это...

Оливия, которая в это время устало устраивалась на диване рядом с креслом Авроры и с большим старанием пыталась дотянуться до своей начатой бутылки вина, вдруг фыркнула, громко заявив:

– Ой, да брось заливать, Джонни! Мы оба прекрасно знаем, что это был за поцелуй! Никакой дружбой там даже не пахло...

Аврора с неподдельным интересом следила за развитием событий, удивленно поглядывая на угрюмую, мечтающую утопиться в бутылке с вином Лив и двух, распушивших перья, петухов, готовых заклевать друг друга до полусмерти, ну или, на крайний случай, выжечь позорное клеймо друг у дружки на лицах пристальными, немигающими взглядами разъяренных глаз.

Лив уже отключилась от происходящего, улетев в тоннель своих черно-серых, невеселых мыслей, и до нее долетали только обрывки фраз:

– ...проклятье, зачем ты это сделал?!? Я же предупреждал тебя насчет нее...

– Да там и поцелуя-то практически не было никакого!.. Так, полсекундочки, и она сразу уснула...

– Что?!? Так если бы она не уснула, ты бы...

– Да успокойся ты, ничего бы я с ней не сделал! Мы были друзьями, ты что, забыл??? И кстати, наш невинный и едва заметный поцелуй ни в какое сравнение не идет с тем, как ты целовал ее тогда ночью!!!

– Черт возьми, да если бы я знал, что ты натворил тогда, то сделал бы с ней кое-что более прекрасное, чем просто поцелуй!

– Ну значит, тебе повезло, что ты о нем не знал, иначе до этого момента времени ты бы не дожил, Макс, гарантирую...

Спор становился все горячее, неизбежно, как и все споры, вставая на ступеньку бесконечно вращающегося замкну-

того круга, но Лив уже ничего не слышала, опустившись в собственную вакуумную комнату пустоты и подавленности. Аврора скептически покачала головой и с насмешкой проговорила:

– Ставлю пять баксов на то, что они сейчас устроят тут пластилиновые бои.

Лив на секунду вынырнула из себя и ухмыльнулась, поглядев на продолжающих орать друг на друга Джонни и Макса.

– Десятка на то, что они сейчас потащатся в столовую или гостиную, чтобы прихлопнуть на пару какую-нибудь симпатичную бутылочку виски.

Аврора недоверчиво посмотрела на Лив, но в этот момент парни и правда выдохлись, молча замерев друг напротив друга с грозными лицами и пытаясь пересмотреть друг друга взглядом «попробуй угадать, кто из нас самый крутой». Воздух вокруг них был будто наэлектризован, грозясь взорваться огнем при малейшей искорке, но Макс вдруг выдохнул и недовольно проговорил:

– Срочно. Нужно выпить.

– Согласен. – тоже выдохнул Джонни и невозмутимо прошествовал к бару желающего быть очень страшным, как Фредди Крюгер для маленьких детей, влиятельного мафиозного босса Эйдена Мартинеса и, нисколько не стесняясь, изъяс оттуда на свет две бутылки элитного коньяка. Сунув одну из них Макс, он первым вышел из кабинета с самым сумрачным видом, даже не взглянув на Лив.

Когда оба красавчика, наконец, исчезли из виду, Аврора недоуменно посмотрела на Лив и с любопытством спросила:

– Как ты узнала?! Ну, что они не будут бить друг друга...

Лив безразлично пожала плечами, желая остаться одной в своей собственной, пустой и тягостной раковине, в обнимку с прекрасным, вгоняющим мысли в соревновательную эстафету винцом, но все-таки пробубнила:

– Во-первых, как я уже говорила, они в расчете. Ну а во-вторых... Я не особо разбираюсь в мужских взаимоотношениях, но мне кажется, что бывшие друзья все равно не смогут стать настоящими врагами друг другу. Они понимают друг друга изнутри, знают друг друга... А враг – это всегда чужой человек.

Аврора недоверчиво приподняла брови и вздохнула:

– А ты не перестаешь меня удивлять, детсадовская малышка Лив. – она встала и вдруг, сквозь зубы, тихо проговорила:

– И спасибо, что выпустила вожжи моей лошадки.

Секунда – хлопнула входная дверь, и Лив наконец-то осталась одна.

Час шел за часом... Лив сидела, не вставая, на диване, медленно совершая глоток за глотком из бокала и все больше и больше отправляя свое тело в невесомость собственного Космоса. Никто не приходил, за окном темнело, темнело в кабинете, темнело в ее глазах...

Она думала о Джонни, о своей злости и любви к нему, о

том, что никогда не сможет быть ни с кем, кроме него, ужасно скучая по нему, но, в то же время, не желая его больше видеть... Как было бы просто, если бы он перестал маячить перед ее глазами, как чертово темное пятно на сетчатке, исчез и никогда... Нет. Она не могла так думать. Это было бы совсем непросто. А главное – ее жизнь действительно потеряла бы смысл.

Она думала об Эрнесто, и внутри нее все рвалось. Ей ужасно хотелось найти его и попробовать объяснить снова, найти другие слова, привести более весомые аргументы... Она все время вспоминала его, такого сторбленного и окровавленного, прижимающего руку к животу и искаженного собственной физической болью, столкновением с чем-то большим, чем его личная реалья, потерянного в себе и своих убеждениях, но не желающего признавать собственное поражение... Она чувствовала, что он хотел и мог быть другим... И именно поэтому он отдал ей флешку и прекратил издевательства... Но она не смогла помочь ему, вытащить из его собственного стеклянного шара, из собственных комплексов и противоречий, ведь ему так хотелось быть хищником! Он ощущал себя выше других, сильнее других, могущественнее и значимее, чем кто бы то ни было... Ну почему? Ну почему, почему он терзал ее душу своим образом то затуманенных легкой дымкой, то ясных и холодных серых глаз??? Почему она просто не забудет о нем, как о каком-то грустном и неприятном эпизоде из жизни?

Лив не шевелилась, пребывая будто внутри собственно-го тела. Это было странно и даже немного страшновато... Она почему-то видела его таким огромным и тяжелым над собой, что ей было трудно дышать, видела свою руку с бокалом, безвольно лежащую на диване, видела светлые пряди струящихся вдоль ее тела волос, но все это отмечалось ее мозгом как бы боковым зрением, потому что глаза ее смотрели в окно... или на окно, в одну точку... Там было грязное пятнышко на жалюзи... На него-то она и пялилась, не в силах сдвинуть глазные яблоки в другое место, не в силах пошевелить ни единым мускулом, потому что ее тело будто отделилось, и она утратила возможность управлять им.

Ее тело, или, в данном случае – живой саркофаг для ее души, глядящей сейчас на мир изнутри, слегка гудело от воздействия вина, но мозг работал очень ясно: она не была пьяна. Девушка понимала все, что происходит вокруг, понимала свою обреченность и причины собственной боли... Она видела в темноте кабинета тонкие, незримые обычному глазу, нити, светящиеся бело-голубым светом и тянущиеся к отцу (крепкая, прочная нить, самая толстая из всех), Брайану (тонкая, но не менее прочная), Эрнесто (тонкая, мерцающая и обрывающаяся где-то здесь, в пределах этой комнаты), Максу (все еще толстая, все еще прочная и очень яркая, как ни крути), и, наконец, Джонни (толстая, но делающаяся все тоньше и тоньше, по мере удаления от тела Лив, становясь хрупкой и едва заметной, но еще не оборванной на том кон-

це). Лив старалась не дышать, ощущая, что если ее дыхание, или мысль, или слово заденут нить, то что-то больно режет ее сердце, тот самый орган, из которого они берут свое начало... Мы не можем оставить тех, с кем нас связали бело-голубые нити. Мы всегда будем с ними, насколько это возможно, даже если придется наслаждаться их образами издали, сохраняя вечную, тугую, как карамель, дистанцию...

Свет включился, и мир кабинета наполнился гулом голосов. Глаза Лив потеряли из виду нить, но зато уловили боковым зрением какое-то движение вокруг, однако, сил выбраться из глубин собственного тела и соединиться с ним, взять в руки центр управления движением глаз и всех остальных органов, у девушки не было.

– Лив... Лив? Ты... черт. – услышала она зов отца и его обеспокоенное восклицание. – Зачем ты столько выпила, дочь?

«Столько выпила??? Одна бутылка – и то, не прикончила до конца! Плохо же ты обо мне думаешь, папаша!» – пробежала в темноте головы бегущая строка зелеными буквами, и как объяснить отцу, что она, отчего-то, не может пошевелиться, угнетенная своими мыслями и настроением, подавленная собственной глупостью и бесполезностью?

Бутылка выскользнула из ее рук, и глухой стук означеновал, что ее доньшко успешно столкнулось с паркетным полом кабинета.

– Что с ней, Эйден? Пьяна? – тихо и встревоженно спро-

сил голос Брайана, и Лив испытала новую досаду.

– Похоже на то. – проговорил озабоченный голос Эйдена, а затем, через паузу и уже на отдалении:

– Ладно. Пусть пока посидит здесь. У меня переговоры с моим банкиром, она не помешает... Джулиан! Пригласи Белгрема.

– Оливия... Ты меня слышишь? – тихо, около уха прошептал Брайан, а затем, перед порядком раздраженной, но все еще запертой внутри себя девушкой пару раз помахали двумя пальцами, сложенными в букву «V».

«Клянусь, Брайан, если ты не прекратишь, я сломаю тебе эти пальцы в символ Макдональдса!»

К счастью для Брайана, этой милой угрозы он не слышал, так как, к всеобщему негодованию, телепатом, все же, как ни крути, не был. Еще секунду левое ухо Лив слышало его встревоженное дыхание, а затем вокруг стало явно пусто: все голоса переместились ближе к отцовскому столу.

Прошло еще около получаса, бубнеж на какие-то тем-но-денежные темы вперемешку с резкой критикой всех банковских систем все продолжался, совершенно не мешая Лив тонуть в своей депрессии дальше, но в какой-то момент все просто изменилось.

Дверь в кабинет снова отворилась, и в темноте внутри девушки будто зажегся теплый свет, пробивая тонкими, но сильными лучами мрак, согревая ее и заставляя подниматься куда-то выше и выше...

Знакомые быстрые шаги... Темнота вокруг Лив тоже резко рассеялась, даже пятно на жалюзи куда-то исчезло... Ей вдруг стало невообразимо спокойно, а по темному саркофагу прошел блестящий, слепящий разряд электрического тока...

Тонкий аромат свежего бриза вскружил карусель в ее голове, а тихий, обеспокоенный голос заставил сердце ожить и застучать с тем давно забытым стуком, будто старую плотину вновь затопили живительной водой... Так произошло перерождение души, и все благодаря обычной, но необыкновенной, старой доброй, но приносящей столько боли и мучений, любви.

– Что с ней?

– Пьяна... или спит... Наверное. – угрюмо пробурчал отец.

– Все будет в порядке, Эйден, я разберусь. Поехали домой, Оливка. – вдруг шепнул он ей на ухо... Вспышка! Как волшебство прозвучало ее милое прозвище из его уст, как огненный вихрь закружилась Лив внутри себя, всем существом реагируя на его нежный шепот... И она... Вернулась. Выскочила. Резко, болезненно... Но тело и душа снова стали единым целым, не обременяя друг друга своим присутствием.

Лив моргнула и пошевелилась, медленно подняв голову и, повернувшись, посмотрев на Джонни.

Опять он рядом с ней, что же ему надо-то?? Хочет ее до

смерти замучить, прилипала чертов???

Джонни слегка хмурился, внимательно и обеспокоенно взглядываясь в ее лицо, и она видела даже движение его длинных, темных ресниц, даже милые крапинки на радужной оболочке зеленых глаз, когда эти глаза медленно и пронзительно впивались в ее лицо, облачную дымку густых, светлых волос, шею и плечи, спускаясь по руке до запястья и поднимаясь обратно к плечу.

Как же ей было приятно просто чувствовать его присутствие, его энергетику, хоть и не такую, как раньше, да какая разница? Главное, вот он, здесь, рядом с ней, смотрит... Вот же чертов индюк!!! Ударить, ударить, избить диванной подушкой, выплеснуть боль и гнев, чтобы он знал, чтобы понял, наконец, что она не может без него, как телега без колеса...

– Опять ты нарисовалась, каракуля? – гневно прошипела Лив, разминая вялым движением затекшие от сидения в одной позе ноги. – Я же тебе два раза уже сказала, мне что, с трибуны прокричать, чтобы ты по...

– Да, да, я на память не жалуюсь, Оливка. – тихо и раздраженно отмахнулся он и снова с нажимом сказал:

– Поехали. Я отвезу тебя домой.

Лив фыркнула, покосившись на отца, Брайана и какого-то седого мужичка в сером костюме, у которого борода заканчивалась где-то на уровне груди. Они притихли, все втроем с недоумением уставившись на Лив с Джонни, и, видимо,

очень хотели посмотреть развязку. Девушка торопливо махнула им, поморщив нос:

– Мы вам мешаем? Извините, продолжайте свои треньканы. В смысле, переговоры, так правильнее, папаша? – и, отвернувшись от них, она снова в гневе уставилась на Джонни, который нетерпеливо постукивал кроссовком, ожидая, когда она соизволит встать и пойти с ним, но теперь уже ее захлестнула волна сопротивления, и Лив, сложив руки на груди, шепотом ядовито проговорила:

– Мне не нужен личный водитель, дубина, особенно такой, как ты! Сама доеду, без глупых бесплатных приложений!!! Тем более, у меня уже есть охрана.

Джонни пожал плечами.

– Если ты о Марти с Эдди, то их здесь нет, я отпустил их домой, а насчет твоей самостоятельности... – Джонни ухмыльнулся и поднял с пола почти пустую бутылку вина, вопросительно посмотрев на девушку. – Остальная часть в твоем желудке, если я не ошибаюсь?

Лив разозленно выхватила у него бутылку и гневно потрясла ею в воздухе около его лица:

– Не лезь ко мне, Джонни, отстань, сгинь, уйди, испарись, катись колбасой, проваливай, отчаливай, мотай, изыди, сделай радугу и плыви как можно дальше от меня!!! Никуда я с тобой не поеду, дырка ты от бублика, так что...

Терпение Джонни, кажется, помахало ему ручкой. Он легко подскочил на ноги и, схватив Лив за запястья, поднял ее

на ноги, устроив ей вихрь изображений перед глазами и новый тайфун злости, и, крепко схватив за руку, с силой потащил упирающуюся девушку к двери, тихо и яростно прошептал:

– Поедешь и прекрати ругаться, тебе это не поможет!

– Нет, ни за что, ни за что...

– Все, это не обсуждается!

– Нет, нет, нет, нет!..

Под удивленные взгляды отца, Брайана и бородатого дедка, Джонни все же удалось, не прилагая слишком больших усилий, вытащить буксующую девушку из кабинета, даже махнув им на прощание рукой.

Кипящая в лаве противоречивых чувств Лив, назло своему муженьку, который довольно отстраненно и задумчиво притащил ее к своему «Линкольну Навигатору», уселась на заднее сиденье, подальше от него, и, гордо отвернувшись, уставилась в окно.

Джонни лишь ухмыльнулся над этой ее выходкой и невозмутимо прыгнул за руль, направив автомобиль в сторону Нью-Йорка.

Пылая в собственном костре обиды и гнева, Лив целых пятнадцать минут смотрела только в окно, но непреодолимое притяжение выкручивало ее наизнанку, поглощая в нестерпимом, жадном желании посмотреть на него...

И она не выдержала.

Впервые за все эти долгие, мучительные дни, недели, а

казалось, целые века и тысячелетия, они были вдвоем, окруженные мягким светом приборной панели автомобиля и бескрайним, темнеющим миром вокруг, пожиравшим с помощью надвигающейся ночи высоковольтные столбы, деревья, прохожих и дорогу вдали.

Лив могла видеть его глаза, сосредоточенно смотрящие на трассу, задумчивые, но светящиеся каким-то внутренним, мощным светом... Она видела их через зеркало заднего вида.

Она видела и его сильную руку, лежащую на кожаном руле «Навигатора», сильное плечо, на котором так любила засыпать и... ей так отчаянно, до боли в руках, вдруг захотелось коснуться его запястья... легко, нежно, хоть на секундочку, чтобы почувствовать силу его мышц, его горячую кровь, увидеть свою маленькую ладошку на его широком, мужском плече... Увидеть его реакцию на ее прикосновение...

Лив вдруг заметила, что больно прикусывает губу, почти до крови разрывая ее своими зубками, лишь бы заглушить страдание внутри себя и тоску, тоску, тоску... Она заставила себя сделать вдох и выдох, и повернула практически не слушающуюся ее шею, снова пусто и подавленно уставившись в окно.

Джонни не знал, что она смотрела на него, а если и знал, то не показал виду, оставаясь отстраненным и серьезным. Они не проронили ни слова по дороге в Даун-Таун, ни слова, пока поднимались в квартиру, и Лив, входя в свой любимый,

но ставший для нее таким болезненным букетом воспоминаний, дом, не ощутила на себе его взгляда... Ну абсолютно никакого...

Войдя в квартиру, Лив устало вздохнула и, пребывая в собственном, замкнувшемся в спираль, раздрае, скинула куртку и прошла в свою комнату.

Она не знала, что делал Джонни, но, пребывая у себя в спальне, стянув сапоги и устало сев на такую большую и такую гнетущую холодом и пустотой кровать, Лив не замечала, как ее слух болезненно напрягался, впиваясь туда, в гостиную, за стены, пытаясь услышать, что он делает...

Какой-то странный звук... Оливии почудилось, будто хлопнула входная дверь... Ее сердце бешено провалилось куда-то глубоко, а дыхание остановилось... Она открыла рот, пытаясь вдохнуть, но не могла, ее уши не слышали больше его движений, только пустота, только тишина...

Мозг закричал так громко, что ее голова тут же заболела, а перед глазами поплыла пелена...

Нет, нет!!! Он ушел! Он ушел!!! Ушел!!!

Паника, Лив задышалась, из глаз брызнули слезы, и она неуклюже подскочила с кровати, на негнущихся ногах выбежав из комнаты... Нет, нет, он не мог ее оставить, он не должен был уйти, все, что угодно, только не эта смертельная пустота... В гостиной никого... Она догонит, догонит его и скажет ему, скажет, как сильно любит, он поверит ей на этот раз, поверит и останется, она сделает все для этого!!

Ноги еле-еле шевелились, какая же она медленная, да еще этот туман перед глазами, хоть бы он не мешал ей сейчас!

Лив пробежала в коридор, судорожно бросившись к ящику с обувью и вытащив какие-то туфли, спешно, дрожа всем телом, принялась всовывать в них ноги, пытаясь на ходу сообразить, что она будет делать, если он уедет на машине... Ее-то «Кадиллак» остался на лужайке перед домом отца...

Шорох из кухни заставил ее замереть, а сердце – пропустить парочку ударов. Лив на секунду замерла в коридоре, не двигая ни единой мышцей и до боли прислушиваясь, моля Бога, чтобы ей не показалось...

Нет, шорох повторился, и сердце, сердце включило бешеный режим, долбя по груди, по голове, даже в кончиках пальцев... Дрожа всем телом, Лив понеслась на кухню и в дверях столкнулась с Джонни, врезавшись в него на полном ходу...

Вздых облегчения. Он здесь. Он здесь. Он здесь.

Она взглянула в его недоуменные зеленые глаза, и слезы рванули лавиной по ее щекам, она со всей силы врезала своими маленькими кулачками по его груди и, отпихнув от себя, закричала, сорвавшись в облегчении и ярости:

– Джонни, черт бы тебя побрал, дубина!!! Я думала, ты ушел!!! Я... я... – она задохнулась в бесконечном гневе, а Джонни вдруг тепло улыбнулся...

Его зеленые глаза загорелись игривой, притягательной искоркой, а замерзшее тело Лив будто ощутило тот самый пущь тепла, тепла и защищенности, согревавший ее душу,

заставляющий ее стремительно терять силы перед ним...

А эти чертовы ямочки на щеках?!? Как давно она их не видела...

– И что? – с веселым любопытством спросил Джонни. – Ты собиралась бежать за мной... на, черт знает, сколько-сантиметровых каблуках?? – его притягательный взгляд упал на ее туфли, а Лив хотелось и смеяться, и плакать, и кое-кого убить одновременно.

Она медленно скинула с дрожащих ног сначала одну, затем – вторую туфлю, и, наклонившись, взяла их в руки, тяжело дыша. Джонни внимательно наблюдал за ней, глядя своими зелеными, озаренными беспокойством, глазами, и тут ее прорвало.

– Бежать за тобой??? – закричала она в безумном бешенстве и швырнула в него одну туфлю. – Да зачем ты мне нужен, идиот проклятый?!?

Джонни с хохотом увернулся от летящего снаряда с тонкой, опасной для жизни, шпилькой и спрятался за стол.

– Оливка, стой, прекрати!!! – воскликнул он, видя, что вторая туфля уже у девушки за головой. – Перестань сейчас же! Ты же меня убьешь!

– Убью!! Убью!! – дико закричала Оливия, заливаясь слезами и швырнув в него вторую туфлю, от которой Джонни тоже ловко увернулся. – Ненавижу!!! Как же я от тебя устала, придурок, кто бы знал?!? Бежать за тобой??? – она дико расхохоталась. – Да никогда, никогда, даже не надейся, ни-

когда!!!

Новый поток слез, и ее руки задрожали... Она подняла на него глаза... Он огненно всматривался в ее лицо. Нет. Нет, не может быть... Она ощущала его, снова чувствовала его энергию... И... он сделал к ней... шаг...

Сорвавшись с места, они подлетели друг к другу, встретившись губами... Как же долго она ждала этого... его поцелуя... Лив заливалась слезами, умирая от внутреннего взрыва и бешеных прыжков ее сердца, вцепившись до боли в пальцах в его толстовку, сжав кулаки так, что костяшки побелели... Он прижимал ее к себе, неистово, жадно, со всей, испытанной им тоской и болью, отчаянием и разочарованием, сомнениями и тревогами целуя ее, его рука нежно и горячо ласкала ее шею, впиваясь в волосы и потягивая их, заставляя Лив задыхаться от страсти... Она не могла насладиться вкусом этих родных губ, яростно и жадно ласкающих ее губы, с болью и любовью, сокрушающей изнутри... Горячее, горячее становится его тело, какая обжигающая рука на пояснице, как огненно обволакивает его бешеная энергетика, заставляя ее терять контроль все больше с каждой минутой...

Она тянула и тянула его к себе, боясь выпустить из рук его кофту, боясь, что этот волшебный миг растворится в сером, тоскливом дне, что этот шар вокруг них лопнет... Тогда она умрет, умрет...

Вспышка... Вспышка... Джонни целовал ее все настойчи-

вее, все грубее становились его ласки, все горячее и тяжелее его дыхание, а Лив ничего больше не чувствовала, кроме этих медленных и, отчего-то, таких длинных вспышек в собственной голове, сворачивающих все ее внутренности в обжигаящий узел, ничего, кроме огня, бегущего по ее жилам, кроме его мощных рук, с силой прижимающих ее к своему телу...

Его руки вдруг переместились на ее запястья, и он нежно попытался оторвать их от своей толстовки, не прекращая долгожданного, ненасытного поцелуя, но Лив, задрожав всем телом от безграничного ужаса, замотала головой, вцепившись в него еще сильнее, используя все, оставшиеся в ее ладонях силы, чтобы не отпустить, ни за что на свете... Джонни перестал целовать ее и, тяжело дыша, открыл глаза, посмотрев на нее...

– Нет, нет, Джонни, я не могу... не могу... – с отчаянием прошептала она, в ужасе от того, что он больше не целует ее, от того, что он зачем-то пытается снять с себя ее руки, она уже ничего не понимала, только то, что если он скажет, что все закончилось, что это было что-то типа прощального поцелуя, тогда ни один больше вздох не выйдет из ее грудной клетки, ни один удар не сделает сердце...

Лив тоже поспешно открыла испуганные глаза, боясь того, что может увидеть в его взгляде, но... Вспышка... Вспышка... Она ошибалась, ошибалась... Лив с трудом выдохнула, пылая от этого черного, до сумасшествия желającego ее

взгляда, жадно и неистово глядящего на ее губы, переходя в глаза, и снова возвращаясь к губам...

– Тише, Лив, Лив... – с трудом, тяжело вдыхая, зашептал он, и Лив вздрогнула, услышав эту интонацию... Трепетную, любовную, нежную... Огненный вулкан еще больше опалил ее внутренности, желание стало причинять почти боль, и боль причиняли пара сантиметров, отделяющих их губы от нового поцелуя... Ей так нужен был его поцелуй, она не хотела отрываться от него ни на секунду, как же ей был нужен этот поцелуй!.. Джонни неотрывно смотрел на ее губы, она ощущала его горячее дыхание на них, и его взгляд, взгляд... Еще мгновение – и он сойдет с ума... – Оливка... – со всеми чувствами этого мира шепнул он, и Лив застонала, умирая в его руках, умирая от того, как звучало ее имя из его уст... Она резко ощутила, как все тело Джонни отреагировало на ее стон, вспыхнув, как факел, с новой силой, сжигая ее в своей, едва удерживаемой, страсти...

Новый мучительный поцелуй, Лив жадно отвечала ему, притягивая к себе за толстовку с непреодолимой силой, растворяясь в чудесном моменте без остатка и чувствуя, как слезы снова побежали по ее щекам, такие холодные, по сравнению с кожей ее пылающего лица... Но он снова отстранился от нее и, вздохнув, пытаясь выровнять пульс, нахмурился, увидев свежие дорожки слез на ее лице. Нежно проведя ладонью по ее щеке, стирая все новые и новые слезы, он тихим, неровным и невероятно взволнованным голосом про-

говорил:

– Прости меня, Лив, прости, прости за то, что заставил тебя так долго ждать, прости, что не приходил в больницу, прости за то, что не мог поверить раньше, прости за каждую минуту, что мы были не вместе, за каждую чертову слезинку, что ты пролила из-за меня... Я клянусь тебе, когда я видел, как ты плачешь, как ты страдаешь, я готов был убить себя, но... – его глаза светились болью, а Лив больше ничего не слышала, кроме этих волшебных слов, и сейчас ей даже не нужно было знать, почему ему понадобилось столько времени, чтобы поверить, это все было неважно...

Важно только то, что он здесь, с ней, что он не собирается никуда уходить, что он смотрит на нее тем самым взглядом, от которого мурашки галопом бежали по ее коже, и она знала, что это такое, она всей своей душой ощущала эту невидимую силу, этот инстинкт, это притяжение... Любовь. Только вот не он должен был извиняться перед ней. А она. Она была виновата во всем, она предала его, утонув в собственных смешанных, противоречивых чувствах к Максусу, она была несвободна, но все равно подарила Максусу лучик надежды, разрушив все то прекрасное естество, что существовало между нею и Джонни. Только она должна была извиняться за все эти бессмысленные, мучительные для них обоих дни.

Лив открыла было рот, чтобы сказать ему, сказать все, что она думала и чувствовала, сказать то, как сильно она любила его, что даже готова была умереть за то, чтобы его сердце

билось также сильно и быстро, как сейчас, ну... может, не так быстро... Но он не дал ей ни единого шанса, снова нежно и мимолетно поцеловав ее в губы, затем еще раз, и еще, дразня все больше и, видимо, желая свести с ума, потому что она и так не видела ничего вокруг, кроме его глаз, не ощущала ничего, кроме его тела, и не желала ничего, кроме безумного желания подарить ему всю свою любовь...

– Я люблю тебя, Лив, люблю тебя, я всегда любил тебя. Не важно, кого из нас ты бы выбрала, я не смог бы никогда разлюбить тебя. – тихо и горячо проговорил он ей в губы, неотрывно глядя на нее расширенными зелеными, нет, почти черными, глазами, и, вздохнув, снова поцеловал ее так нежно, что она прикусила губу, с силой притягивая его к себе и уже желая убить за то, что они все еще стоят здесь, на этой кухне, вместо того, чтобы... Он вдруг слегка ухмыльнулся. – Так, погоди-ка... Ты что, серьезно? Ты бы никогда, никогда... как ты там сказала? Не побежала бы за мной? Оливка? М-м? – требовательно и так тепло и весело спросил он, что на мгновение Лив снова стала собой, вдруг полностью ощутив, что все вернулось, будто он снова otvorил для нее свою дверь, впуская в такую родную, веселую и, зачастую, идиотскую, но такую теплую и надежную ауру, самую лучшую на всей земле...

Снова поцелуй, да она была бы не против, если бы эти поцелуи вообще никогда не прекращались, Лив закрыла глаза, умирая от его слов и губ, умирая и... Нет. Не умирая. А воз-

рождаясь. Начиная заново жить. Дышать. Любить... Как же она мечтала об этом моменте, и как была счастлива...

С удовольствием приняв приглашение и войдя в эту незримую дверь его атмосферы, Лив с огромным мстительным наслаждением, светясь от счастья, прошептала:

– Ни за что в жизни!!!

Бешеный поцелуй, и у нее перехватило дыхание... Вспышки, вспышки все быстрее, мозг, мозг, прощай рассудок, все рубильники успешно опущены вниз. Джонни с силой оторвал ее руки от своей толстовки и, закинув их к себе на плечи, подхватил ее на руки, сжимая в горящих, яростных объятьях... Вспышка! Лив обхватила его ногами, вцепившись руками в его шею и потягивая за такие любимые, слегка волнистые волосы, утопая в его близости и страсти, исчезая на этих горячих губах, так грубо и жадно ласкающих ее губы...

Джонни вихрем занес ее в спальню и, уложив на кровать, с неистовым желанием и любовью стал покрывать поцелуями ее лицо, шею, плечи... Вспышки убивали ее, она не могла насладиться его прикосновениями к ней, сходя с ума от бешеного ритма его сердца, от его тяжелого дыхания, от его реакции на нее... Губы, губы, Лив мгновенно стянула с себя джемпер, снова с силой притянув его к себе, и сгорая от его ласк, его рук на своей коже, его дыхания... Она отключилась, превратившись в сплошной бешеный огонь и чувство эйфории и выгибаясь навстречу ему, хватаясь за его спину,

впиваясь в нее ноготками, пропадая в урагане сокрушительных эмоций, все еще боясь того, что момент исчезнет, что это все просто прекрасный сон, что этого не было на самом деле... Его рука на ее бедре, вспышка, вспышка! О, Боже, она не могла сдерживаться, тихо постанывая, приводя его в еще больший восторг и окончательно срывая крышу...

Она мимоходом увидела его жадные, горящие зеленые глаза, с мальчишеским восторгом, но в то же время с мужским огнем оглядывающих ее изгибы, ее кожу, целуя ее так, будто он живет только ради этого, будто она специально создана для того, чтобы именно он целовал ее, наслаждаясь ею, как невероятным, непостижимым счастьем, и вдруг она вспомнила, что это она, она должна убедить его в своей любви, а не он ее...

Резко перевернув его на спину и оказавшись верхом, увидев, как горячо и жадно блеснули его игривые глаза, Лив наклонилась и обрушила на него свою ласку, целуя его губы, такие любимые, сводящие ее с ума за один миг, его шею, покусывая за плечо, и нежно и неистово, ощущая дрожь в его теле и невероятное жжение в своем сердце, еле слышно прошептала ему на ушко:

– Я люблю тебя, Джонни, люблю, люблю, люблю больше жизни... – проскользнув губами по его щеке, она снова поцеловала его в губы, посмотрев в его темные, огненные, восторженные глаза и ощутив, как его руки, ласкающие ее спину и ноги, резко затормозили на ее бедрах, с силой сжав их...

Она видела, как он тяжело вздохнул и, подняв голову, поцеловал ее в шею, затем снова и снова, заставив ее снова нетерпеливо застонать, прошептал:

– Я тоже люблю тебя, моя малышка, и прекрати пожалуйста, а то все может закончиться, не успеv начатьcя...

Лив счастливо улыбнулась в ответ на его игривую улыбку, умирая от эффекта, который производила на своего любимого мужа, ее мужа, и снова нежно прошептала, впившись ноготками в его плечо:

– Ты должен знать, что только ты, ты, ты...

Она не успела договорить. Джонни не выдержал и, перевернув ее на спину и снова перехватив инициативу, обжигаяще поцеловал ее, горячо проводя руками по ее телу и заставляя ее кожу покрываться мурашками, а живот – снова скручивать огненной петлей до боли:

– Это все уже не важно. Ничто не имеет значения кроме того, что ты – моя.

Лив больше не могла реагировать. Она лишь с силой и нетерпением притянула его за шею к себе, желая ощутить на себе вес его тела и жар, а затем просто растворилась в этом огне, превратившись в самый страстный поцелуй на этом земном шаре.

Глава 33

Стук, стук, стук, стук...

Оливия не шевелилась, прислушиваясь к самому люби-

тому, самому прекрасному звуку на свете: стуку его сердца. Она сидела в его объятьях, прижимаясь к нему как можно сильнее и обнимая за шею, положив голову ему на плечо и глядя на то, как его рука нежно поглаживает ее колено... Сейчас она ощущала себя целой. Живой. Спокойной и счастливой. Джонни довольно улыбался, поглядывая на Лив восторженным, полным любви и нежности, но, по-прежнему, игривым зеленым взглядом, окутывая ее своим сиянием, таким теплым и надежным, таким мужественным и страстным, согревая самые сокровенные уголки ее сердца... Она неотрывно смотрела на его прекрасную, обаятельную, такую невозможно притягательную улыбку, ощущала его радость, его трепет, его огонь от ее присутствия, и тоже улыбалась, продолжая слушать равномерный, но все же немного ускоренный, стук его сердца в красивой, мускулистой груди.

Встретаться с ним взглядом, ничего не говорить, но ощущать единение с ним, сидеть на его руках бесконечно – вот предел ее мечтаний, самый прекрасный миг всей ее жизни... И она не верила, все еще не верила, что страшный сон прошел, что черная, ледяная ночь закончилась и наступило теплое, по-настоящему, весеннее утро в ее сбивчивой жизни... Она держалась за него, все еще боясь отпустить, боясь услышать, что он уйдет, что она снова останется одна...

И, кстати, об одиночестве...

– Так какого черта ты не приходил, пока я валялась в коматозном состоянии с иголкой в локте, дубина Джонни???

Развод оформлял?? – возмущенно воскликнула она, жадно заглядывая в его глаза и все равно продолжая улыбаться.

Джонни тепло и игриво подмигнул ей, нежно взяв ее ладонь и поцеловав внутреннюю сторону, как он часто делал, и что очень любила Лив.

– Ну Оливка... Ты же была немножко не в форме, чтобы вытворять разные штуки наподобие тех, что были сегодня ночью... Да и так громко кричать мое имя ты бы не смогла, так что я не видел смысла в том, чтобы...

– Ах ты, кретин!!! – разозлилась Лив, стукнув его кулаком по плечу, но Джонни только обаятельно рассмеялся и поспешил проговорить:

– Шучу, шучу, малышка Лив, ты чего? Это все Макс. – вдруг хмуро проговорил он, и Лив заметила, как в его глазах блеснула еще не зажившая, не до конца исчезнувшая, боль. – Я не знал, что ты чувствуешь по отношению к нему и ко мне. Я боялся того, что видел в твоих глазах, когда ты смотрела на него, боялся, что ты выберешь его, и черт возьми, я просто не представлял себе, как смогу справиться с этим! – Джонни внимательно заглянул в ее глаза, а Лив сжала зубы, почувствовав, как ее сердце сдавило от глубокой вины перед ним. – Да ты бы сама видела себя, когда он рядом с тобой! У меня ощущение, что он оказывает на тебя какое-то волшебное воздействие, отчего на твоём милом личике появляется желание немедленно броситься ему на шею... Мне казалось, что тебе все еще нужно время, и я не хотел рвать тебя на ча-

сти своими визитами... К тому же, это все чертова ревность, я никак не мог справиться с желанием прибить его, больно так, знаешь, приколотив гвоздями к потолку и одним хорошеньким ударом...

– Все, все! – Лив расхохоталась и, повернув к себе кровожадное и ревнивое, но по-прежнему потрясающе красивое лицо Джонни, нежно поцеловала его в губы, замерев на несколько секунд в этом восхитительном моменте. Посмотрев в его горящие зеленые глаза, внимательно и жадно вглядывающиеся в ее аквамариновые, она вдруг резко и эмоционально прошипела:

– Проклятый ты моллюск, Джонни, только попробуй меня еще раз оставить, я из тебя каждую жилку вытяну, ослиная шкура, каждую капельку крови выдавлю, массаж сердца тебе голыми руками сделаю, клянусь, если ты снова оставишь меня хоть когда-нибудь одну, в этой квартире, на этой дебильной планете, индюк ты мой ненаглядный!

Джонни снова горячо расхохотался и провел рукой по ее щеке, нежно спустившись к шее и заглянув в ее возмущенные и до предела испуганные большие бирюзовые глаза.

– Ми-и-илая моя девочка... Ты такая ласковая! Как же мне не хватало этих твоих сюсюканий в... м-м-м... несколько... оригинальной форме! Если ты обещаешь, что больше не будешь целовать всяких там черноволосых, brutальных красавчиков и признаваться в любви кому-то еще, кроме меня, то я никогда, никогда, никогда от тебя не отстану, гаран-

тирую! – горячо прошептал он ей на ушко, и Лив счастливо улыбнулась, но коварно проговорила:

– Ну-у-у... Не знаю даже... Столько условий... И это после того, как ты хотел меня окончательно бросить, заставив на коленях умолять вернуться...

– Эй! – возмущенно прервал ее Джонни. – Ты ни разу меня на коленях не поумоляла, Оливка, а насчет развода... Ты что, действительно думаешь, что я бы смог это сделать? Я не могу без тебя, моя девочка, совсем никак, разве ты не знаешь? Один твой взгляд – и я готов, как чертова собака, лежать у твоих прекрасных ножек, одно твое слово – и я побегу хоть на край земли, да хоть десять тысяч раз земной шар оббегу! Только попроси... – он огненно посмотрел на ее губы, заставляя дыхание девушки сбиться, а ее саму ощутить головокружение и подступающие маленькие салюты в животе, грозящие перерасти в огромные, вулканические извержения... Лив не могла насытиться этими словами, срывающими ей крышу и уносящими в прекрасное бездонное море, под названием любовь... Она закусил губу, утопая в его откровенном, любящем и уже снова начинающим уводить ее мысли не в ту степь, горящем взгляде, а он вдруг проследил за этим ее действием, тоже посмотрев на ее губу с жадным, притягательным интересом, и Лив заметила, как его зеленые глаза стремительно потемнели... – Потому что я заиклен на тебе, повернут, связан тобой по рукам и ногам, Лив... – он вздохнул, приблизившись к ее губам с нестерпимым желани-

ем, девушка замерла, боясь упустить хоть одно прекрасное слово, сказанное им сейчас... Она жила этими словами, они приносили ей невероятное счастье... – Как ты не понимаешь, глупышка, младшая дочка Эйдена, что только ты владеешь моей душой и сердцем, ради тебя я живу на этом свете, только ты нужна мне... Если бы ты умерла, ты думаешь, я бы смог перешагнуть это и жить дальше? Мое сердце перестало биться ровно в тот момент, когда остановилось твое. И оно заработало вновь, когда ты вернулась... Я бы не смог жить без тебя, Лив. Ни одного дня. Ни секунды. – закончил он совершенно серьезно, все-таки взорвав внутренности Лив обжигающим пламенем и окончательно отключив работу мозга страстным, настойчивым поцелуем, нежно, но все крепче и крепче прижимая ее к себе...

Неизвестно, чем это все могло закончиться (нет, конечно, известно и очень даже нетривиально), но Джонни вдруг странно посмотрел на Лив и требовательно и нетерпеливо проговорил:

– Ну-ка, постой-ка, Оливка... Что там за история, о которой говорил этот клещ Эрнесто?? Насчет того, что ему известна истинная причина, по которой ты не взяла мою фамилию... Ты же говорила, что это только для того, чтобы тебе было проще представляться в бизнесе отца, ведь его фамилию якобы знают все и трясутся перед вами, как осиновые листья... – недовольно проговорил Джонни, и Лив нехотя выплыла из состояния головокружительной эйфории и взвол-

нованно потупила глаза, злобно проговорив:

– Проклятый Эрнесто... Ну и почему бы ему было не попридержать язык, умнику чертовому?!? И как он вообще об этом прознал...

– Ты закончила рассуждать на отвлеченные темы? Я жду. – нетерпеливо поторопил ее Джонни, пристально и пронизательно вглядываясь в ее глаза.

Понимая, что теперь от этого разговора ей не отвертеться, Лив недовольно поморщилась и, помявшись, сбивчиво начала:

– Ну... В общем, перед свадьбой... Между мной и твоей мамой состоялся небольшой разговорчик... – она замолчала, хмуро подбирая слова в голове.

– И-и-и??? – тоже нахмурившись, поторопил ее Джонни.

– И она мне немножко... намекнула, что я несколько... м-м-м... недостойна носить вашу фамилию, потому что, по ее словам, украла это место, ну, место твоей невесты, у другой, не знаю какой, просто любой другой, милой, воспитанной и богатой девушки, на которой ты должен был жениться...

Джонни жутко рассердился. Лив видела, как заблестел сталью и гневом его обледеневший взгляд, ощутила, как напряглись его мышцы, и ей стало неловко... Она терпеть не могла Трейси О-Коннел, но ни за что не хотела вставать между ней и ее любимым сыном, становиться камнем раздора в их семье, быть причиной их ссор... Она развернула его лицо к себе и ласково посмотрела на него, успокаивающе прого-

ворив:

– Ничего страшного, Джонни. Она же не запретила тебе вообще жениться на мне, а фамилия... Ну, с этим можно смириться, ведь так?

Джонни усмехнулся и, чуть прищурившись, спросил:

– А ты бы хотела?

– Взять твою фамилию?

– Да.

– Конечно! – Лив улыбнулась, нежно прижавшись к нему и ласково потеревшись об него, словно кошечка. – Мне нравится быть твоей. А без фамилии я... будто сама по себе.

Джонни счастливо просиял и, улыбнувшись, поцеловал ее, строго проговорив:

– Значит, ты будешь носить мою фамилию. И это не обсуждается. Ты же *моя* маленькая малышка...

Снова огненный поцелуй, Джонни бережно опустил ее на кровать, продолжая осыпать ее своими ласками и прикосновениями, заставляя забыть обо всем вокруг...

– А можно еще маленький вопросик? – шепнул он ей на ушко, обжигаящими губами целуя ее шею. Лив на секунду очнулась, вынырнув из кипящего и плавящего ее кожу и внутренности блаженства, и недовольно посмотрела на него:

– Ну и чего ты сегодня раскудахтался, МакДак? Закрой уже рот и продолжай...

– Что за секрет? Что у тебя за секрет, я должен знать, Оливка, какие от мужа могут быть секреты, ты должна мне

сказать!!! – горячо и быстро затараторил Джонни, и Лив вздрогнула...

– Потом, потом, идиотина, все потом! Или ты продолжаешь, или я иду...

Звонок мобильного. Лив недовольно посмотрела на раздосадованное, но веселое лицо Джонни, игриво упавшего рядом с ней и, сложив руки под голову, с самым расслабленным и скучающим видом приготовившегося ждать, когда девушка поговорит.

– Это ты во всем виноват, пингвин! – выпалила Лив и, увидев на дисплее номер отца, с ужасным разочарованием (она все-таки в глубине души надеялась, что Эрнесто одумается и позвонит) и раздражением ответила:

– Говори, чего хочешь, папуля, только быстро, у тебя тридцать секунд.

– Лив? Оливия. Как у тебя дела, дочь. – требовательно, без какой-либо, намекающей на вежливое беспокойство, вопросительной интонации повелительно громыхнул Эйден, нетерпеливо запыхтев в трубку, ожидая ответа.

Лив легла рядом с Джонни и уставилась в потолок, натянув на себя одеяло.

– Джонни не обижает тебя? – добавил отец немного смягчившимся тоном, видимо сообразив, что как-то не так проявляет свои отеческие чувства.

Девушка хмыкнула и бросила быстрый, игривый взгляд на Джонни, с самым счастливым видом тарачившегося в пото-

лок.

– Ну... Как тебе сказать... Он обзывается, папочка, может, поговоришь с ним? – шутливо наябедничала Лив, а Джонни приподнялся на локте и, удостоив ее своим фирменным обаятельным и горячим взглядом, покачал головой и вздохнул:

– Дурында.

Пауза в трубке, и Эйден серьезно проговорил:

– Оливия, ты... пошутила, да? Дочь, так вы помирились? – и, не дожидаясь ответа, он в деловом порядке загрохотал, включив все свое влияние и мощь:

– Я очень рад, что у тебя все наладилось, Лив, значит, через час жду тебя в «Иль чьело стелато», нужно обговорить детали организации перевыборов нашего кандидата и, как можно скорее, запустить процесс, а то проклятый Джулиан, возомнивший себя настоящим мэром, как крот, подрывается ко мне и к моему бизнесу со всех сторон... А после этого еще нужно будет съездить прижать кое-кого, так что...

Лив так и подпрыгнула в кровати, резко сев и просто трясясь от негодования и желания наступать папашке по седой шапке как можно сильнее...

– Отец!!! Да ты в своем уме вообще??? Ты что, не понимаешь?!? Я занята!!! Мы с Джонни... – она замялась и посмотрела на парня, который с хитрой, притягательной улыбкой смотрел на нее снизу-вверх. – Мы с Джонни еще не все обсудили...

На заднем фоне у отца в трубке Лив услышала возмущенный голос Брайана:

– Эйден?!? Ты что делаешь??? Оставь их в покое, что, ни дня без дочери прожить не сможешь, что ли? Или со своими делами ты совсем понимать что-либо перестал?..

Лив улыбнулась и весело проговорила:

– Слышал, бараний рог? Передай папашке под номером два, что я люблю его, а сам запиши себе где-нибудь на лбу, что у меня сегодня выходной от тебя и твоих идиотских дел, ясно, папуля??

– Что значит «выходной»? – как-то потерянно и совсем запутавшись, спросил Эйден, а Лив вздохнула, вдруг пожалев собственного отца и проникнувшись к нему чувством нежности.

– Выходной, господин босс, – это когда люди целых двадцать четыре часа не прессингуют всяких глупцов, забывших вовремя вернуть долги опасным и влиятельным дядькам, не проводят денежных махинаций, связанных с отмыванием бабок и перераспределением их на тысячи и тысячи серых счетов, не торгуют наркотиками, не встречаются с другими, тоже считающими себя ужасно крутыми, дядьками, не убивают, не подкупают, не организуют разные преступления по заказу... Дальше можно не продолжать, или ты все еще далек от сути?

Эйден задумчиво помолчал, а потом совершенно обычным, приказным и строгим тоном требовательно спросил:

– Так я что-то не расслышал, во сколько ты приедешь, Лив?

Лив зарычала от негодования, но в трубке послышался шум борьбы и голос Брайана:

– Эйден, успокойся, я возьму все на себя... – затем его голос стал громким и четким, обусловив то, что он, все-таки, отобрал у своего недогадливого босса телефон и спокойным тоном умиротворяюще проговорил:

– Все в порядке, Лив, тебе не нужно никуда ехать, я постараюсь ему объяснить...

– Дай, дай телефон, Брайан, сейчас же!!! – кричал на заднем фоне Эйден, и Лив обреченно вздохнула, глянув на часы: половина одиннадцатого утра.

– Спасибо, Брайан, ты настоящий второй папочка, передай папуле номер один, чтобы перестал бить хрусталь звуком своего противного голоса и что я приеду вечером, часов в семь.

– Да, Оливия... – вздохнул Брайан. – Все-таки, вы – настоящая семейка, как ни крути.

Лив рассмеялась и, попрощавшись, положила трубку. Джонни повернулся к ней и шутливо, с обиженным видом протянул:

– Значит, моя любимая девочка задумала сама оставить меня в ближайшем будущем, собравшись ехать решать какие-то дурацкие проблемы? Ай-яй-яй, Оливка, а кто-то говорил, что не сможет без...

– Так ты со мной поедешь, древол. – невозмутимо, с довольной улыбкой заявила Лив, выбросив телефон и устроившись к нему в объятия, впитывая, впитывая каждой клеточкой его тепло, растворяясь в его живой, стремительной и такой мощной энергетике, наслаждаясь его присутствием. – Ну, или если не хочешь, можешь подождать меня здесь или в баре: когда мы с отцом и Максом все уладим, я к тебе вернусь. – хитро проговорила она, погладив его по татуировке кобры на плече, такой же точно, как и у нее.

– Что-о-о??? – возмущенно вскричал Джонни и с силой, огненно прижал ее к себе, заглядывая в ее большие, счастливые глаза своими горящими ревностью и любовью зелеными. – Никаких «потом вернусь», никакого Макса, черта с два я тебя туда одну отправлю, даже не рассчитывай, Оливка! Едем вместе и точка.

Он горячо и стремительно поцеловал ее, пытаясь успокоить свое чувство собственности над ней, а Лив чувствовала его напор и понимала, что в этом виновато ее упоминание о сопернике... Счастливо улыбнувшись ему в губы, она шепнула:

– Ну ты и дурачина, Джонни...

Он мимоходом посмотрел в ее глаза, продолжая свои настойчивые, грубые ласки, и ухмыльнулся:

– Думаю, это твоя заслуга, малышка Лив. И ближайšie... – он посмотрел на часы «Ролекс» на своем запястье, – восемь часов – никаких упоминаний о всяких там Максах, Брайанах

и других представителях мужского пола, которым ты тут в любви признавалась, понятно, Оливка?

– Ладно, ладно, балаболка, не испытывай мое терпение! – засмеялась Лив и сама поцеловала его, сосредоточив всю свою любовь на своих губах. Джонни прижал ее к себе и действительно заставил забыть не только о Максе, Брайане и отце, но и вообще о целом мире, живущим вокруг них и плывущем вперед во времени... Она больше не замечала времени. Она растворилась в нем.

Глава 34

Три недели спустя.

– Джонни, подъем, подъем, ну же, дубина!!! Ты что, костями к кровати прирос??? Через полтора часа мы уже должны быть в избе моего отца!! – недовольно и возмущенно кричала Лив, носясь по комнате в разных направлениях и пытаясь, как можно скорее, собраться и собрать своего упертого муженька, который с видом размазанной по бутерброду начинки лежал на кровати, сверкая великолепным, подтянутым телом и подушкой, покоящейся не где-нибудь, а на самом его лице.

– Ну Оливка! Почему это обязательно мы должны ехать провожать этого... – пауза, успокаивающий себя вздох, – Макса, когда можно соорудить им с красоткой Авророй целый парад официальных представителей семьи, с несколько одинаковыми, круглыми и не очень высокоинтеллектуаль-

ными лицами, но зато в хороших смокингах! Твой Максик будет чувствовать себя, как кинозвезда на голливудской дорожке! Будь уверена.

Лив нетерпеливо и раздраженно выдохнула, засунув полтуловища в шкаф и роясь в своих вещах и вещах Джонни. Вытащив одну из его немногочисленных чистых и выглаженных рубашек, она кинула ее поверх подушки, закрывающей его упрямое, капризное лицо и заглушавшей голос обиженного мальчишки, которого всей семьей принуждают съесть манную кашу, только вот он-то сам категорически против этой затеи.

– Перестань бубнить, Джонни, и одевайся! Ты же прекрасно знаешь, что отец и Брайан Вермишелькинс не могут поехать: завтра начнется предвыборная гонка кандидатов в мэры на перевыборы, так что им придется остаться и все проконтролировать лично... Как результат, остаемся только мы... Персиковое? М-м-м... нет, черное... – задумчиво проговорила сама с собой Лив, вытащив из гардероба два самых приличных и достаточно дорогих платья, которые были приобретены по случаю необходимости торчания на каком-то важном политическом рауте и на выставке мастеров в духе Импрессионизма, которые, конечно, служили господину Эйдену Мартинесу, далекому от искусства и светских, политических тусовок, прикрытием для очередных темных делишек.

Последняя фраза заставила Джонни откинуть подушку с

лица вместе с покоящейся на ней рубашкой и резко сесть, уставившись на Лив внимательным и ревнивым взглядом:

– Эй, ты что, ПЛАТЬЕ собралась надеть??? Конечно, я понимаю, Оливка, отъезд Макса – это праздник, но, может быть, ты лучше не будешь надевать его в аэропорт, а принарядишься вечером, когда этот тип и милая Аврора уже будут рассекать бескрайние небесные просторы в салоне белоснежного самолета «Аэроатлантик»? Мы могли бы сходить в твой любимый японский ресторан и как следует отметить это знаменательное событие. – весело протараторил он, нехотя разыскивая ту самую рубашку, которую достала для него Лив и которая улетела вместе с подушкой куда-то за кровать.

Лив скептическим взглядом окинула себя в зеркале и, посмотрев на черное платье, кивнула ему, будто заключив с ним негласное соглашение на использование сегодняшним днем. Отложив его на кровать, Лив подхватила уже не совсем выглаженную и чистую рубашку, прекрасным свертком скомкавшуюся под кроватью, и снова кинула ее Джонни, на этот раз попав ему точно в руки. Стаскивая с себя пижаму и оставаясь в одном белье, Лив бросилась к комоду в поисках чулок и на ходу проговорила:

– Джонни, ты зудишь хуже болезнетворной бактерии, попавшей на ободок унитаза и заметившей надвигающуюся гибель в виде «Мистера Униблеска», за километр источающего устрашающий хлорный аромат... Чего ты так волнуешься?

Черное платье прекрасно подойдет к моей бежевой куртке на пуху, ты погоду хоть за окном видел? Что же мне, дворником или горнолыжником нарядиться нужно, чтобы не замерзнуть??

Джонни пожал плечами, застегивая рубашку и огненно разглядывая спину Лив, игривым и нежным зеленым взглядом пробежав от ее волос до талии, бедер, и, пройдя по ножкам, страстно и восхищенно уставился на то, как она натягивает свои черные чулочки с ажурной резинкой.

– А что? Я бы согласился на горнолыжника. И тепло, и не так... привлекательно для чужих глаз, и под низ можно ничего не одевать... – горячо закончил он, подсев к Лив и наклонившись к ее плечу, нежно коснувшись его губами.

Лив на секунду замерла, ощутив его жаркое дыхание, его ласковое касание до ее кожи, и по ее телу прошли колонны мурашек... Но сейчас не время. Она легонько отпихнула его и, подхватив платье, быстро начала залезать в него через голову, глухо пробурчав:

– Ты бы лучше взял себя и свои глаза в руки, гуманоид... То есть я хочу сказать – прекрати пялиться, как корова, и надевай скорее свои шаровары и бульдозеры, и не забудь удавку на шее затянуть, будешь выглядеть более-менее...

– ...шикарно, совсем как божественная звезда! – самодовольно закончил за нее Джонни с широченной улыбкой и сияющими зелеными глазами, только что перестав хохотать над лестными словами своей невозможно милой жены о его

костюме и туфлях за несколько десятков тысяч долларов.

Лив наконец-то натянула платье на нужное место, а точнее – на тело, и, покрутившись у зеркала, пришла к выводу, что выглядит неплохо: платье облегалo ее стройный силуэт, тонкие, нежные руки, и открывало ровные ноги, на которых, по плану, должны будут шикарно смотреться замшевые обтягивающие черные сапожки на высоком каблуке.

– Давай, звезда, смотри не рухни с небосклона, а то прервешься в обыкновенный, раскаленный до бела, стремительно несущийся вниз, чтобы упасть где-нибудь в квакающем болоте, булыжник. – захохотала Лив и плюхнулась перед зеркалом, чтобы довершить образ прической и макияжем.

Наконец, когда все предметы необходимого гардероба были нанизаны на соответствующие части тела, волосы причесаны, а тушь и блеск для губ намазаны туда, куда нужно, Лив забежала на кухню, чтобы перед отъездом сунуть в свой ужасно тоскливо пустой, прилипший к спине, желудок что-нибудь из еды. Открыв холодильник, Лив скептически оглядела полки, на которых все съестное делилось на вредное (то, что они заказывали из «Аквамарина» горами) и безвредное (то, что им по доброте душевной готовила миссис Портер), и обнаружила остатки ризотто, созданного бережными руками старушки соседки.

Недолго думая, она вытащила его из холодильника и поставила на стол, как всегда, по своей любимой привычке на-

клонившись и вдохнув его аромат... Она резко отстранилась, зажимая рот рукой, а желудок скрутило, выталкивая содержимое желчного пузыря все выше и выше к горлу...

– О, ризотто! А я думал, ты вчера с ним до конца разобралась, малышка Лив! – весело и радостно проговорил Джонни, развязно входя на кухню уже полностью готовым, как и Лив, к поездке. Он подошел к еде и, не раздумывая ни секунды, сунул приличную порцию ледяного, застывшего кушанья себе в рот, невозмутимо, с довольным видом жуя. Лив с ужасом посмотрела на него, пытаясь побороть приступ тошноты.

– У тебя что, все рецепторы отключились, балбес? – все еще закрывая ладонью рот, глухо проговорила она. – Оно же пропало, стухло, умерло!! Ты разве не чувствуешь??? Как ты это ешь???

Джонни удивленно вытаращился на нее и с набитым ртом недоуменно проговорил:

– Оливка, ты чего? Оно абсолютно свежо и благоухает, как утро в сосновом бору! Что с тобой, милая? Вчера ты обвинила котлеты в странном, отдающем гнилью, привкусе, а сегодня бедное ризотто... Видимо, твой желудок устал от твоей прожорливости и решил сам навести внутри тебя порядок. – он тепло улыбнулся и нежно приобнял теряющуюся в противоречиях Лив. – Поехали. По дороге куплю тебе шоколадный пудинг. Согласна, малышка?

Лив прислушалась к себе, и от упоминания о любимом

лакомстве внутри нее вновь все встало на свои места. Она благодарно посмотрела на Джонни и, приподнявшись на цыпочках, поцеловала его в щеку, мило и тепло улыбнувшись:

– Согласна. Ну, тогда погнали!

«Кадиллак» с неизменным зеленоволосым Марти за рулем и его красноволосым братцем Эдди, нейтрализующим все глупости и чрезмерную веселость водителя своим сумрачным видом и вежливыми извинениями, а также с тонкой, изящной (в кои-то веки) Оливией в черном, закрытом платье, бежевой пуховой курточке и сапожках на каблучках, с самым умиротворенным и счастливым видом прижимавшейся к сексуальному красавчику в потрясающем, темно-синем костюме, белой рубашке, расстегнутой на верхние пуговицы, ослабленном галстуке и модных туфлях, сияющему невероятным внутренним огнем, силой, мощью и брутальностью, наряду с легким, почти невесомым, обаянием и игривым, азартным огоньком его глаз, сияющих зеленым, притягивающим к себе, светом, который обнимал эту самую голу-боглазую блондинку, с неистовой любовью и нежностью заглядывая в ее глаза и бросая огненные взгляды на ее ножки, талию и светлые локоны непослушных волос, обрамлявших прекрасное, женственное личико...

Так вот, пропав в описании пассажиров, возвращаемся к сути дела: «Кадиллак» вез эту оригинальную четверку изредка переговаривающихся, спорящих и постоянно хохочущих людей, именуемых представителями хладнокровных и

кровожадных мафиозных семей, но ни одним жестом, видом или словом их нисколько не напоминавших, в дом остальных, еще более могущественных и жестоких представителей этих же семей, тоже из кожи вон вылезавшими ради того, чтобы о них так думали не только они сами, рассекая холодный зимний воздух покрытого тонким слоем снега Нью-Йорка.

Макс и Аврора уже ждали их на крыльце, провожаемые самолично вышедшими Эйденом и Брайаном, невероятным образом оторвавшихся ради этого от своих чудовищно важных дел. Лив взглянула на красивого и стройного Макса в черной толстовке с капюшоном, джинсах и кроссовках, притягивающего взгляд своей игривой улыбкой и сияющими синими глазами, но внутри нее, задавленное тяжеловесной виной, лишь слегка трепыхнулось какое-то нежное чувство и замерло где-то в районе живота... Ей было все так же приятно то, как его взгляд восторженно, с огоньком скользнул по ее фигурке, как замер на лице, обжигаяще полыхнув огнем по ее губам, но теперь она не разрывалась на части. Лив прекрасно знала, что любит его, но это была любовь к близкому ей человеку, основанная на приятных воспоминаниях... И оставшаяся в прошлом. Не более того. Джонни не о чем было беспокоиться, его беспечная и веселая натура победила в этой битве окончательно и бесповоротно... В то же время, не одеться по красивее сегодня, в день его отъезда, и не ощутить еще разочек его восхищение ею она просто не могла...

Идиотская женская сущность! Так хочется, чтобы весь мир восторгался тобой, даже те, кто просто мимолетно появляются и также мимолетно исчезают, почти не оставив следа или оставив существенный отпечаток на сердце...

Аврора съежилась на холоде, кутаясь в тонкое, элегантное синее пальто и перестукивая каблучками черных бархатных туфель по деревянному, лакированному покрытию крыльца. Она беспрестанно оглядывалась на Макса и, завидев, как он оценивающе смотрит на Лив, нахмурилась, блеснув ревнивым и недовольным взглядом на девушку.

– Ты чего так вырядилась, блондинка? – хмуро проговорила Аврора, закуривая тонкие сигареты. – На вечеринку собралась? Так в аэропорту не устраивают.

Лив ухмыльнулась и пожала плечами.

– У меня сегодня замечательный день: одна надоедливая цапля, наконец, улетает в свое гнездо. Не могу не отметить это событие!

Аврора хотела ответить что-то колкое, но в этот момент Макс, который прощался с Брайаном и Эйденом, повернулся к ней и нежно взял за руку. Ее глаза мигом заискрились счастливым сиянием, а губы расплзлись в самой нежной улыбке, на какую она только была способна, так что Лив благополучно избежала продолжения неприятного разговора.

– Поехали, а то опоздаем. – сказал Макс, и все четверо загрузились в «Кадиллак»: Джонни – за руль, Оливия – рядом, а Макс с Авророй – на заднее сиденье, помахав оставшимся

на крыльце Эйдену и Брайану, которые, секунду постояв и посмотрев им вслед, скрылись в доме.

Вытесненным Марти и Эдди пришлось сесть в другую машину и, по настойчивым и жестким указаниям отца Лив, ехать следом и не спускать с дочери глаз, мало ли что может случиться в аду под названием «аэропорт Кеннеди».

Всю дорогу до аэропорта Лив ощущала взгляд Макса на себе, на своих волосах, стройной ножке и тонком запястье, чувствуя, как он внимательно и задумчиво, но не менее ласково оглядывает профиль ее лица, однако внутри ее сердца, кроме тягостного чувства вины и неясного, сложного ощущения того, что какому-то этапу в ее жизни наступает конец, все было спокойно. Три недели они общались на обыкновенные, деловые темы касательно бизнеса, она ловила его ласковые взгляды, горячую улыбку, но... Возникало чувство, что он далеко, будто какая-то дверь закрылась, будто что-то отключилось в их связи, которая существовала до того, как она объявила во второй раз о своем выборе... Он больше не переступал черту. Его комплименты были искренними и отстраненными, он не заигрывал с ней, не приближался слишком близко, не позволял себе лишнего в разговорах. Лив понимала, что Максиму было очень непросто пережить отказ по второму кругу, но он вел себя мужественно и уверенно, ни на одну секунду не позволив себе стать тем, кого хотелось пожалеть. Изредка наблюдая за ним, ощущая боль в сердце от того, что он несчастен из-за нее, Лив замечала в его гла-

зах то, как он изо всех сил пытается принять то место, которое указала ему девушка в своем сердце, пытается смириться с этим, тем более, он видел, как она была счастлива, вновь помирившись с Джонни... Зато Аврора с каждым днем все больше и больше выигрывала битву за его симпатии к себе, и Лив с пониманием, но, все-таки, с небольшой, сбивающей с толку, занозой ревности видела, как таяла жесткая брюнетка от любого его взгляда в ее сторону, от каждого, даже мимолетного прикосновения и звука его голоса, как рядом с ним она превращалась в маленького, пушистого котенка, готового дарить и дарить свою ласку, если он позволит ей это.

Вот и сейчас, в машине, Аврора счастливо щебетала на тему того, как она соскучилась по родной Сицилии, все время впиваясь в ладонь Макса и всеми силами пытаясь переключить его глаза с Оливии на себя. Лив слышала едва сдерживаемый восторг в ее голосе... Еще бы! Она увозит Макса от той, которая вечно занимает его мысли одним своим появлением перед его горячим, brutальным взглядом!

Да и Джонни, мягко говоря, не был спокоен, по-видимому, тоже замечая взгляд Макса на своей женщине и с трудом заглушая в себе бешеную ревность, скрывая ее под маску веселости и теплого сияния, исходившего от него. Лив украдкой улыбалась, видя, как он, как бы невзначай, нежно берет ее за руку и гладит по коленке с самым, что ни на есть, хозяйским видом, как бросает на нее обжигающие, игривые взгляды и всячески старается продемонстрировать, что она при-

надлежит ему и больше никому, но девушка, зная его, как облупленного, чувствовала его напряжение, получая истинное удовольствие от его ревности.

Минута расставания наступила. Металлический женский голос из динамиков объявил посадку на рейс до Кальтаджироне, с трудом перекрывая шум огромного, наполненного сотнями и сотнями людей, зала регистрации, посередине которого и стояли Макс с Авророй и чемоданами, Джонни с Лив, державшиеся за руки, и, поодаль, Марти и Эдди, зорко обводя зал внимательными, настороженными глазами.

Услышав объявление, Лив и Макс одновременно посмотрели друг на друга. На секунду девушка утонула в его синих глазах, лишь на один миг забыв о пропасти в два года, что разделила их навсегда, забыв о том, что между ними все закончилось, и только мимолетно и трепетно погрузившись в свое старое чувство к нему, рожденное воспоминаниями, но неспособное больше ничего изменить. Один воздушный момент, его синие, сияющие болью и любовью глаза, и... Все вернулось. Вокруг – аэропорт, ее рука держит руку Джонни, а Макс снова улетает... Мгновение было задавлено тяжелым, как ядерная подстанция, сожалением, чувством вины и бешеным желанием исчезнуть, чтобы только не видеть того самого жадного, запоминающего ее образ, пристального и нежного выражения его глаз, чтобы не чувствовать, как ее сердце удушливо и больно сжалось в груди, заставляя защищать гла-

за и подпихивая к горлу тугой комок, мешающий нормально дышать. От грустного волнения и тягостного ощущения близкой потери чего-то важного в ее жизни, она закусила губу и ее пальцы задрожали, но Макс вдруг тепло улыбнулся и, не обращая внимания на недовольные взгляды Джонни и Авроры, протянул руку и мягко забрал маленькую, хрупкую Лив к себе, прижав горячо и нежно к своему бешено бьющемуся сердцу. Ощувив его энергетiku, такую решительную, сильную, мужественную и горячую, словно открытый огонь, Лив невольно вдохнула запах его одеколona от толстовки и, под невыносимой тяжестью груза на сердце и печали, прижалась к нему сильнее, в последний раз, пытаясь запомнить это ощущение навсегда... Слезы не удержать, первые капли покатились по ее щекам, она прерывисто вздохнула.

Макс слегка наклонил к ней голову и тоже вздохнул, погладив ее по волосам и шепнув на ушко:

– Не грусти, белоснежка. У твоей сказки счастливый конец.

Лив сжала зубы, снова пропадая под тяжестью вины и горечи, и шепнула сквозь слезы в ответ:

– Это все равно больно... Прости за то, что не сделала счастливой твою сказку.

Она услышала, как он грустно усмехнулся и почувствовала, как его руки чуть крепче сжали ее в объятьях.

– Значит, она, возможно, еще не окончена. Не плачь, Лив. Ты должна улыбаться, тебе так идет твоя улыбка.

Развязка близко, черта, разделяющая прошлое и настоящее, приближается с каждой секундой, заставляя ее душу скручиваться в болезненный узел... Сердце рвалось и рвалось все сильнее, но нужно сохранить целостность, она должна быть сильной ради Джонни, ради его спокойствия, ради него и ради себя... Лив тяжело вздохнула, и, собрав волю в кулак, перестала плакать, чуть приподняв к Максусу свое мокрое, порозовевшее лицо и тихо проговорив:

– Мы еще увидимся?

Его синие глаза встретились с ее аквамариновыми, блеснула боль, но он надежно запер ее под видимость собственного самоконтроля и выдержки... Она увидела его улыбку...

– Обязательно, белоснежка. Благодаря твоему отцу, который выполнил свою часть сделки, я теперь могу свободно летать в Нью-Йорк, когда пожелаю. Меня больше не будут преследовать. Ну, а поскольку у меня здесь много дел, то, думаю, ничто не помешает...

– Спасибо за предупреждение, Максик, только пожалуйста, сообщай о своих визитах заранее, – весело проговорил Джонни, настойчиво выскребая свою жену из его объятий и, поймав ее за руку, крепко сжал ее в своей ладони, глядя на Макса жестким, холодным взглядом, никак не сочетавшимся с милой улыбкой и веселым голосом, – чтобы я успел найти бункер и посадить туда мою Оливку со всеми необходимыми запасами еды и питья на все время твоего пребывания в Штатах. И кстати, совсем забыл, – тут же добавил он

более серьезно, – спасибо, что помог разобраться со всеми проблемами... Жаль, что грандиозной заварушки с пальбой и горкой трупов не получилось, Эрнесто вовремя соскользнул с крючка, зато мы даже в плену побывать успели, хоть какое-то разнообразие серых мафиозных будней...

Они оба рассмеялись и пожали друг другу руки. Не как друзья. Не как враги. Просто из вежливости, сжав ладони чуть ли не до хруста, и не забыв даже в таком обычном, прощальном жесте показать друг другу, как они оба невероятно круты.

Лив посмотрела на Аврору, но в этот момент вдруг ощутила, как дрожь отчего-то захватывает ее тело, и волна то ли жара, то ли холода прошла под ее кожей с ног до головы, утаскивая в темнеющую пучину слабости...

Она покачнулась, и сильные руки Джонни легко подхватили ее, впрочем, от слабости уже не осталось и следа: Лив глубоко вздохнула и заметила, как грозящая уплыть, дрейфующая перед глазами картинка вернулась на свое место, вызвав из темноты встревоженные глаза Джонни и Макса и недоуменные – Авроры.

– Оливка! Оливка, ты чего? Ты в порядке?? – взволнованно спросил Джонни, пронизательно заглядывая в ее глаза, и Лив, недоуменно прислушиваясь к себе, слегка сжала его плечо и вздохнула, проведя рукой по лбу, чувствуя, как горят ее щеки.

– Лив, Лив, ты как?!? – с другой стороны встревоженный

вопрос Макса, и Лив ухмыльнулась, спокойно проговорила:

– Да нормально все, чего это вы??? Уж и оступиться нельзя, я же, между прочим, на каблуках! И вообще, почему здесь так душно? – поворчала в конце Лив, оглядываясь, но в эту минуту Аврора привлекла внимание всех троих на себя.

– Не хочу отвлекать вас от ощупывания вашей королевы, ребята, но, Макс, – у нас самолет через пятнадцать минут улетит, и я очень бы хотела находиться не в этом дурацком зале, рядом с зазнобой ваших сердец, а на его прохладном и комфортном борту, потому что блондинка права – тут чертовски душно!

Макс нахмурился и кивнул, подобрав чемоданы и бросая последний долгий, запоминающий ее, светящийся жадной болью и сильнейшей печалью взгляд на Лив. Та с трудом проглотила слезы, снова, как по заказу, пытающиеся опустить все мышцы ее лица вниз, искривить рот и, сделав квадратную челюсть, заставить ее заплакать по-ребячески в голос, проговорила:

– Ну, пока, Макс... И спасибо... за все. За то, что прилетел, помог моему отцу, и... – нет, нет, ну не могла она преодолеть тяжесть в груди (линия, черта, не важно что, быстро и устрашающе приблизилась к ним вплотную, пугая девушку все больше), не могла говорить прощальные речи, тем более тому, кто будет страдать от разрыва с ней еще неизвестное количество времени после отлета...

– Я помогал не твоему отцу, Оливия, а тебе. Неужели ты

этого не знала?!? – с улыбкой и некоторой горечью произнес Макс, и от окончательного прорыва слезной соленой плотины девушку спас только веселый голос Джонни, решивший поторопить парочку на посадку:

– Ну все, Максик, пора, пора, самолет не ждет, скатертью дорожка, мягкой посадки и прилетай к нам как можно реже, желательно уже после того, как мы с Оливией состаримся, умрем, и наши сморщенные тела положат в двухместный гроб чьего-нибудь фамильного склепа! – мило протараторил Джонни, улыбнувшись и игриво подмигнув Авроре, получив в ответ мягкую и призывную улыбку кошечки, и настойчиво посмотрел на Макса. Лив чувствовала каждой клеточкой своего тела, что ее муж чертовски нервничал, желая скорее перешагнуть ту самую черту, что устрашающе для самой Лив так быстро подкралась к ним вплотную. Макс беспечно пожал плечами и рассмеялся:

– Не дожدهшься, Джонни. – он перевел игривый взгляд на Лив и с улыбкой проговорил:

– Ты уверена, белоснежка, что не хочешь улететь со мной? Ты же понимаешь, что тебе придется навсегда остаться с этим идиотом, который, не ровен час, вот так, шутя, променяет тебя на какую-нибудь...

Лив усмехнулась, а Джонни перебил Макса, снова собственническим жестом подтянув девушку к себе поближе:

– Не волнуйся, дружище, не променяю. Оливка моя, моя и только моя, а это означает, что если я и решу ее променять,

то только на нее же саму, в случае возникновения более усовершенствованных модификаций, если такие планируются, да, малышка Лив? – огненно посмотрел он на свою жену, сияя, как витраж на солнце, и с необыкновенной, огненной любовью нежно оглядывая ее лицо своими игривыми зелеными глазами. В ответ Лив захохотала и показала ему две фиги, проговорив:

– Размечтался, Джонни, я – уже совершенство!

– Ну конечно, милая. – с легкой, доброй усмешкой проговорил Джонни, быстро поцеловав ее в лоб и, посмотрев на Макса, скептически наблюдающего за ними. – Десять минут, Макс.

Макс вздохнул и напоследок бросил горящий болью и обреченностью взгляд на Лив, тепло улыбнувшись:

– Если он тебе надоест, белоснежка, только скажи...

– И ты прилетишь быстрее ветра на немного запыленных и проеденных молью крыльях амура спасти ее из омута глубочайшей тоски? – опять встрял Джонни и покачал головой. – В этом я даже не сомневаюсь, но боюсь, тебе лет пятьдесят ждать придется... Восемь минут.

– Болтушка, и когда же у тебя язык устанет и отвалится?? – язвительно и раздраженно спросила мужа Лив, а Макс только ухмыльнулся и, взяв ее руку, нежно поцеловал, проговорив:

– Будь счастлива, моя девочка. – он строго посмотрел на Джонни, не спускающего сияющих глаз со своей Оливки, и

жестко проговорил:

– Береги ее.

Бросив последний взгляд на Лив, как бы, ставя точку на этом моменте, окончательно набросив платок на клетку их прошлых отношений, а также заставляя новые слезы все же предательски побежать по ее щекам, Макс подхватил сумки в одну руку и Аврору – в другую, развернувшись и уверенной походкой сильного, властного мужчины двинувшись прочь, к зоне посадки.

Лив смотрела ему вслед, всхлипывая и пребывая в страсти собственных мыслей, медленно обволакивающих ее сознание, как теплое одеяло. Глядя на его красивую, ровную, но все больше удаляющуюся спину, Лив ощущала, что черта была пересечена, ощущала окончание какой-то собственной маленькой эпохи, будто, наконец, перелистнула последнюю страницу не закрытой в прошлый раз книги. Сейчас все произошло правильно, хотя и также болезненно, что и тогда, два года назад. Просто в тот раз у нее не было возможности объяснить ему, почему она остается с Джонни, почему выбирает другого мужчину, и как такое возможно, что ее сердце любило и любит сразу двоих. А теперь... прощальные слова сказаны, точки расставлены. Макс прекрасно знает всю правду, хоть она и не облегчает его боли... Но Оливия не могла поступить иначе. Вся ее душа бледнеет и падает духом, когда Джонни нет рядом, ее жизнь зависит от того, придет ли он в их маленькую, теплую квартирку в Даун-таун-

не, или нет... И сейчас его рука, сжимающая ее маленькую ладошку с особенным напряжением, передающая его волнение, его ревность, понимание ее чувств и его бесконечную любовь всего лишь через такое простое прикосновение, была для нее целым миром, новой эпохой, связывающей ее с ним на всю оставшуюся жизнь...

Из раздумий о Максе и Джонни, Лив постепенно снова вывел ее организм, который несколько дней назад почему-то начал барахлить, подсовывая девушке то внезапные приступы слабости, то фальшивые впечатления о еде и запахах, то неприятие микроклимата помещений. Лив снова почувствовала удушающий приступ прилившей к ее щекам, да и как будто ко всей остальной коже, горячей крови, и, дождавшись, пока Макс с Авророй совсем не исчезнут в терминале В, торопливо обернулась вокруг себя, выискивая глазами женский туалет.

– Мне нужно кое-куда, жди меня здесь и не смей потеряться, Джонни, твоя мама мне этого не простит! – чуть дрожащим от своего странного состояния голосом проговорила Лив, глядя на мужа, с беспечной улыбкой и притягательными огоньками в глазах таращившегося на прохожих, уделяя особое внимание женскому полу и тем частям тела, что не были прикрыты длинными юбками или запахнутыми наглухо пальто и куртками.

Услышав про уборную, Джонни резко посмотрел на Лив, сжав ее ладонь в своей руке, и проницательными, взволно-

ванными глазами заглянув в ее глаза, настроившись на свое фирменное считывание ее мыслей и эмоций.

– Что случилось, Лив? Тебе нехорошо?? Может, мне отвезти тебя к Калебу? Зачем тебе уборная??

Лив прыснула, осторожно вытаскивая подрагивающую руку из его ладони, и, сделав абсолютно невозмутимый и даже раздраженный его опекой вид, она ответила:

– Ты чего, Джонни, плохо позавтракал сегодня? Поэтому ты решил выесть мне мозги дурацкими вопросами??? Все со мной нормально, жуколица, «зачем тебе уборная»... Что за вопросы?? – передразнила его Лив с усмешкой и строго погрозила пальцем. – Говорю тебе, жди здесь и никуда не уходи! Я не собираюсь мотаться в этой чертовой толкучке, выискивая заблудшего на чьи-нибудь длинные ноги шелудивого пса!

Джонни покачал головой и расхохотался, смерив Лив нежным взглядом:

– Не волнуйся, Оливка, я не потеряюсь... Ну, в крайнем случае, за небольшие деньги у стойки администрации можно подать объявление о пропаже, и какая-нибудь милая работница аэропорта огласит твое послание на сотни квадратных километров вокруг!

Лив махнула рукой на своего болтливую не в меру и через чур уж веселого мужа, обрадованного отъездом конкурента, и быстрым шагом двинулась в сторону туалета, опасаясь лишь того, что ее дрожащие колени со стороны могут быть

замечены внимательным, зеленоглазым парнем, привлекающим на себя все женские взгляды вокруг.

Оставшись одна, наедине с собой, Лив затормозила около пожелтевшего от времени умывальника и посмотрела на себя через заляпанное стекло: бледное лицо, нижняя губа чуть подрагивает, под глазами круги... Что же с ней такое?!?

Она умылась прохладной водой, стараясь сохранить макияж, и, зависнув над раковиной, набирая в ладони прозрачную, ободряющую ее воду, возвращающую ей нормальное самочувствие, Лив обратилась внутрь себя с особым беспокойством... Такие странные проявления с ней впервые... Отравление? Нет, живот не болит, расстройства нет... Передозировка лекарствами после лечения? Опять же нет, прошло уже около двух недель с того момента, как она перестала пить обезболивающие, плечо благополучно заживало... Странные последствия ранения? Не может быть, раньше эти симптомы не возникали...

Ее руки вдруг дрогнули, а в ушах зашумело от внезапной догадки... Она медленно, почти не чувствуя онемевших мышц, подняла голову и посмотрела на себя в зеркало... ее глаза были расширены и странно сияли, она видела, как бешено бьется жилка на ее шее, чувствовала всем телом удары собственного сердца... Резко выплеснув воду из рук, Лив облокотилась обеими руками на раковину, пытаясь сдержать дикую дрожь... Неужели?!? Неужели правда это случилось?!? Какое-то... невероятное... чудо... волшеб-

СТВО...

– Не... может... быть... – еле слышно прошептала Лив и рванула, что есть мочи, к двери, заставив других посетительниц отхожего места удивленно посмотреть ей вслед.

За дверью одиноко топтались Марти и Эдди, внимательно следя взглядами за выходом из туалета, чтобы не пропустить свою Оливию. Джонни, конечно, как она и предполагала, благополучно куда-то свинтил, но ей сейчас было не до него. С гулко бьющимся, как бешеный коршун в золотой клетке, сердцем, не замечая ничего вокруг и почти врезаясь в прохожих, Лив подлетела к своим разноцветноволосым и быстро выпалила:

– Эй, супчики, где моя дубина??

Марти удивленно зачесал в затылке, вытаращив свои большие, как у десятилетнего ребенка, наивные глаза и проговорил:

– Ваша дубина, мисс Оливия? А вы с собой какую-то дубинку брали? Ну вот, – расстроено протянул он и мельком недовольно глянул на Эдди, – вы бы хоть предупредили, а то я и не следил ни за какими дубинками-то! Вы ее в аэропорт из машины брали? Во дела... – сокрушался он, а Лив нервно рассмеялась, переведя взгляд на Эдди. Тот раздраженно пихнул локтем зеленоволосого и пробурчал:

– Ты совсем тупой, что ли, Марти? Мисс Оливия, мистер О-Коннел ушел вон туда. – Эдди показал в сторону киосков со сладостями, и Лив почувствовала прилив нежности к сво-

ему мужу, зная, или, вернее, догадываясь, зачем он туда пошел. – Сказал, что скоро вернется...

Лив резко схватила Эдди за рукав и напряженно зашептала:

– Эдди, вы должны прикрыть меня! Я сейчас сбегаю до аптечного пункта и вернусь в туалет, не смейте говорить Джонни, что я выходила, поняли, овощи???

Эдди и Марти недоуменно переглянулись, но прелесть их работы заключалась в том, что они обязаны были выполнять любой каприз девушки, даже самый, на первый взгляд, абсурдный и нелепый. Они одновременно кивнули.

– Сделаем, мисс Оливия.

– Отлично! – радостно улыбнулась Лив и, не теряя больше ни секунды, бросилась со всех ног к аптечному пункту, гонимая собственным гулом в голове и деревенеющими мышцами в руках и ногах, молясь на десяти языках и тысячей голосов, чтобы ее догадка подтвердилась...

Через пять минут Лив уже сидела в одинокой, обшарпанной, покрашенной синей краской, кабинке туалета, до боли сжимая в потеющей ладони тест на беременность, стуча обеими ногами по кафельному полу и беспрестанно, с трудом разжимая руку, чтобы бросить полный болезненной надежды взгляд на маленькое окошечко, которое и должно было показать ей заветные две полоски.

Ее сердце трепыхалось в груди, а в ушах застыл только ее собственный отчаянный шепот: «Пожалуйста, пожалуйста,

пожалуйста...» Разжав стенающую от боли в мышцах руку, Лив увидела, что одна полоска уже проявилась... Невидимый крючок надежды в животе подвесил ее высоко-высоко над пропастью, и она знала, что падать с него будет ой, как больно... В невероятном отчаянии, она вскочила на ободок унитаза и поднесла тест к тусклой, иногда помигивающей, лампе под потолком, напрягая глаза так, что они заболели, пытаясь... увидеть... не проявляется ли там... долгожданная вторая полоска...

Нет... кажется, нет... Ее тело задрожало с такой силой, что она поспешно спустилась с унитаза и, усевшись на крышку, безвольно повисла, чувствуя, как все ее внутренности летят, летят, летят куда-то вниз, а душа просто кричит от невыносимой муки... Она закрыла лицо свободной рукой, зарывшись со всей силы, но не в голос, чтобы не привлечь постороннего внимания... А так хотелось кричать!!! Ну почему??? Что с ней не так?? Почему, почему, почему...

Это и был ее секрет. Целый год Оливия, тайком от Джонни, пыталась забеременеть от него, бросив пить противозачаточные таблетки. Ей так отчаянно хотелось завести ребенка, что она не сказала об этом даже Джонни, испугавшись, что он решит, будто еще не время, или скажет, что не готов... Она не вынесла бы его отказа. Ей до невыносимых коликов в сердце хотелось стать матерью, чтобы никогда, никогда, никогда не оставлять своего малыша, чтобы дарить ему бесконечную поддержку и любовь, чтобы дать ему все, чего не бы-

ло у нее самой столько мучительных, долгих лет... Лив ужасно хотела настоящую семью, крепкую, дружную, связавшую ее и Джонни еще теснее, хотела видеть у своего ребенка его глаза... Эта мысль с каждым днем все острее вбивалась в ее мозг, она бредила этой мечтой, этим прекрасным, возможным будущим, наполненным смыслом для нее и него, этим шансом, привести в мир что-то хорошее, а не агрессию, не разочарование, не злость... Но... месяц шел за месяцем, и... ничего. Боль, боль, отчаяние, непонимание, страх... Почему?! Почему?! Кричала душа Лив, но ответа не было... А потом появился Эрнесто, затеявший свою ненормальную игру, растрещавший всем о том, что у нее был секрет, этот секрет... Как он узнал? Лив догадывалась, что он мог выследить то, что она перестала покупать таблетки... А еще она узнала о Джессике... Джонни никогда бы не догадался, почему Лив так убивалась, услышав, что у них мог быть ребенок... Ребенок, которого она отчаянно молила для себя сейчас, ребенок, маленькая жизнь, возможно уже имевшая в своем генетическом наборе глаза Джонни или его теплоту и веселость... Она понимала цену этого дара и долго еще вспоминала об этом, умирая в слезах боли... Джесс забеременела и умерла... А она, Лив, жила своей пустой, идиотской жизнью и не могла создать что-то по-настоящему светлое, хорошее, продлить его род, стать настоящей матерью, потерявшей себя в заботе о крошечном, самом прекрасном на свете чуде...

Закрутившись в проблемах с Эрнесто, с которым Лив потерпела очередную болезненную неудачу, и пытаясь исправить ошибки, вернуть назад Джонни, Лив немного отвлеклась от своей навязчивой идеи...

Слабо пошевелившись, еле-еле чувствуя свое подрагивающее тело, Оливия открыла глаза... Все внутри нее пульсировало, изображение синей кабинки подпрыгивало в такт ударам сердца...

Тест был еще в руках. Она тяжело вздохнула и, придерживаясь за стену, поднялась на слабых коленях. Нужно было срочно привести себя в порядок, чтобы зоркий глаз Джонни не заподозрил о ее внутренних переживаниях, и скорее возвращаться к нему. Она подняла тяжелую руку с тестом, собираясь выбросить его, как вдруг...

Сердце стукнуло и зависло.

Вторая.

Там была вторая полоска.

Лив с трудом сглотнула и заставила себя вдохнуть воздух, тряхнув головой... Показалось?.. Она еле сфокусировала зрение, как специально, именно в этот момент начавшее ее подводить... Но это не было галлюцинацией: в окошке явно удобно уместились две синие полоски... Лив судорожно поднесла тест к самым глазам, чуть не ткнувшись в него носом, впиваясь в него руками и чувствуя совершающийся внутри нее переворот...

– Да... да... да!!! – она вдруг истерично захохотала, сно-

ва плюхнувшись на унитаз и утирая бешеные слезы дрожащими руками... Это невероятно!!! Счастье, счастье, спасибо, спасибо, спасибо... – Спасибо, спасибо... – зашептала в испуге Лив, всхлипывая и сжимая бесценный тест руками. – Спасибо, Господи, я тебя не подведу, не подведу, я буду самой лучшей матерью за всю историю Соединенных Штатов, я никогда, никогда, никогда его не оставлю, я не посмею умереть, я не посмею быть с ним плохой, жестокой, холодной, я не позволю ему чувствовать себя одиноким или ненужным ни на одну минуту... Спасибо тебе, я не верю... Как же я нуждалась в этом!

Лив хохотала и плакала, осторожно положив руки на живот, ощущая тепло своих ладоней и мечтая, чтобы и **он** чувствовал это тепло. Всегда. Она не замечала и не слышала оклики женщин, с беспокойством реагирующих снаружи кабинки на ее хохот через плач или плач через хохот, пытавшихся понять, не нужна ли ей какая-либо помощь... Волшебство!!! Чудо! И именно сейчас, это случилось сейчас, когда все тревожные дни остались позади, когда с проблемами было покончено, и остались обыкновенные повседневные дела... Малыш, внутри нее малыш!!! Малыш!!!

Очень громко хлопнула входная дверь, и Лив притихла, перестав хохотать, потому что сначала услышала недовольные женские вскрики, а затем самый любимый на свете, взволнованный голос:

– Оливка!!! Лив, ты где?? Да отстаньте, леди! – отмах-

нулся он от какой-то женщины, требовавшей немедленно убраться из женского туалета куда подальше. – Оливка, ты в порядке??? Лив! Лив!!!

Это он, он. Он подарил ей все счастье в ее жизни, он спас ее от одиночества, он спасал ее каждый день, просто находясь рядом с ней... ее муж. Джонни. Ее рыцарь, герой. Бросив тест и умирая от счастья, Лив быстро вытерла слезы и мигом вылетела из кабинки, нацепив на лицо укоряющий вид. Джонни был у входа, тревожно осматривая помещение своими зелеными глазами, и Лив любила его еще больше сейчас, если это вообще было возможно...

Увидев друг друга, они бросились навстречу.

– Лив!

– Джонни, идиотина! – воскликнула Лив, не сдерживая улыбки, и схватив его за предплечья. – Ты чего сюда влез??? Думал, я тут полеживаю без сознания, воткнувшись лицом в грязную плитку??? Ну и фантазия, придурок!

Джонни тревожно заглянул в ее глаза, и на его лице вспыхнуло еще большее беспокойство. Он нежно провел рукой по щеке девушки, зарывшись в ее волосы, не зная, что она сейчас летает от бесконечной радости, не зная, что она чувствует внутри себя нечто особенное, необыкновенное, заставляющее ее дышать все глубже, наполняя маленькую, целиком зависящую только от нее, клеточку кислородом, заполняющую ее жизнь смыслом на долгие десятилетия вперед.

– Оливка. – выдохнул он требовательным тоном и нахму-

рился. – Пятнадцать минут! Что я еще должен был подумывать?!? Скажи мне, что с тобой, прошу!! Ты плакала?? Я вижу, ты плакала... Пожалуйста, я должен знать, я помогу тебе, малышка Лив, я все исправлю, только скажи...

Лив не могла наглядеться в его сияющие тревогой и любовью зеленые глаза, не могла насытиться этим стремительным теплым шаром, окутавшим ее с ног до головы, а от его слов ее захлестнула удивительная волна благодарности...

Она нежно улыбнулась и, обхватив нетерпеливо ожидающего ее ответа Джонни за шею, поднялась на цыпочки и поцеловала, попытавшись вложить в этот поцелуй всю свою бесконечную любовь к нему, которая горячим следом жгла ее сердце, то счастливое сияние, что разрывало ее изнутри...

Она благодарила его, не знающего пока ничего о ее состоянии, за то, что теперь у нее есть все, все, все... Есть он. Без него она не могла существовать. Есть маленькая, крошечная жизнь, совместившая в себе переплетение его и ее генов, есть семья, о которой она всегда мечтала...

Как же нежно она любила его в эту самую минуту, как упоенно, самозабвенно целовала его губы, не имея сил оторваться от них, получая такую же бешеную порцию ласки в ответ, чувствуя, что он как будто все понял...

Одна ее рука впилась в его мягкие, чуть волнистые волосы на затылке, а другая опустилась к сердцу, слушая, как ускоряется с каждой секундой его ритм...

Джонни с трудом вздохнул, и Лив ощутила, как его горя-

чие руки скользнули под ее куртку, ласково и игриво пройдясь по бокам к талии и, переместившись на поясницу, обжигая шлейфом страсти, также нежно и любовно поднялись обратно, остановившись в миллиметре от ее груди... Вспышка, вспышка... Лив обожала его руки, прижавшись к нему теснее, чувствуя усиливающийся жар его тела, она обожала его силу, его страсть, и губы, ласкавшие ее губы с жадной, ненасытной любовью, которой никогда не будет достаточно, которая всегда нужна, как воздух... Подразнивая ее и дыша все тяжелее, Джонни снова провел руками по ее спине, разжигая чертовски горячий огонь внутри ее груди и живота, и снова, будто не желая отрываться от этого места, вернулся наверх, к груди, в этот раз нежно, едва заметно проведя пальцами по ее нижней части так, будто это было бесценное сокровище для него...

Вспышка... Жар заставлял Лив задыхаться от его прикосновений, она крепче вцепилась в его шею и волосы и еле слышно застонала ему в губы, ощутив, как с новой силой вспыхнуло его тело и как неистово он прижал ее к себе, сходя с ума от ее реакции...

– Оливка... – шепнул он ей тихим, неровным шепотом, с трудом вдыхая воздух... Лив открыла глаза, очнувшись от бешеных вспышек внутри нее, от невероятного, обжигающего ей все внутренности, пламени и встретила с его страстным, безумно, до черна потемневшим взглядом. – Лив... Что ты со мной делаешь?... – задал он риторический вопрос ше-

потом, снова жадно глядя на ее губы, и Лив точно знала, что не было в ее зигзагообразной, черно-серой, с белыми крапинками, жизни момента, в котором она была бы счастливее, чем сейчас.

Лив улыбнулась и, преодолевая невероятное искушение целовать и целовать его до тех пор, пока за окном не стемнеет, пока не улетят и не прилетят все самолеты, пока она не станет совсем слабой и немощной от голода или пока не захочет спать так сильно, что рухнет и уснет на этом самом месте, просто нежно, мимолетно, но так мучительно для них обоих, легко поцеловала его в губы, задержавшись ровно на несколько секунд, чтобы ощутить волшебство момента (совсем как это обычно делает Джонни), и тихо проговорила:

– Я просто люблю тебя, Джонни. Вот и все. Идем. – она подмигнула недоумевающе уставившемуся на нее с неописуемым восторгом парню и потянула его к выходу, но он все стоял и смотрел на нее изучающим взглядом, в котором на место желанию приходила тревога.

Лив вздохнула, более настойчиво проговорив:

– Идем же скорее, пенек! Если ты не заметил, тут вообще-то женский туалет!

– Нет, Оливка. – уперся с самым упрямым лицом, на какое только был способен, Джонни, возвращая ее к себе. – Мы никуда не пойдем, пока ты мне все не объяснишь. Я должен знать, Лив! Что с тобой, что с тобой??? Ты больна? Ты смертельно больна?? Или это все последствия твоего само-

стрела?? Или у тебя депрессия... м-м-м... по поводу Макса? – с явным недовольством произнес Джонни его имя. – Или это из-за событий с Эрнесто?.. Скажи мне, скажи мне, я должен...

Лив с улыбкой слушала его, разрываясь от желания сказать ему правду, но как-то общественный туалет не очень подходил для таких личных сообщений... А Джонни весь сияет ужасом, в глаза ей заглядывает, переживает... Но ведь уперся, как бамбук, в это место и шага сделать не хочет, быктупогуб, тупогубенький бычок!

– Молодые люди! Может, вы, наконец, выйдите отсюда в зал? – недовольно проговорила какая-то пожилая женщина, недобро поглядывая на Джонни. – Здесь, вообще-то, ЖЕНСКАЯ уборная, разве вы не видите???

Вопреки своему обыкновению очаровывать любых женщин, вне зависимости от красоты или возраста, Джонни и бровью не повел, да и даже не посмотрел в ее сторону, не сводя горящих волнением глаз со своей жены.

– Извините, бабуля, но вы сами разве не видите?! Мы разговариваем! – жестко и грубо ответил он, отчего старушка в негодовании вытаращила глаза и открыла рот, резко бросив ему:

– Хам! А еще импозантно так оделся... Хамскую натуру никакими костюмами не скроешь...

Лив прыснула и с огромным трудом вытаращила упирающегося Джонни из туалета, весело проговорив:

– Пойдем уже, импозантная хамская натура!

Джонни на минутку стал самим собой, весело подмигнув бабушке, и, догнав Лив и обняв ее за талию, наклонился к ее волосам и шепнул на ушко так горячо и игриво, как мог только он:

– Мое волнение от твоего поцелуя тоже никакими костюмами не скроешь, моя малышка...

Лив вспыхнула, залившись румянцем, но сияла при этом ярче солнца, даже когда отпихнула Джонни от себя и шепнула:

– Вот же идиот!

В сопровождении Марти и Эдди, которые тоже бросали на Лив тревожные, но любопытные взгляды, они направились к «Кадиллаку», оставшемуся на стоянке без своего похожего «друга»: второй «Кадиллак» забрали, по просьбе Джонни, люди его отца, потому что вчетвером не было смысла ехать на двух машинах.

Всю дорогу до «Эскалэйда» Джонни дергал Лив за руку и канючил:

– Скажи мне, скажи мне, скажи мне... Я должен знать, Оливка, ты хоть представляешь, как я волнуюсь??? Почему ты там плакала??? Почему ты себя плохо чувствуешь??? Оливка, Оливка, Оливка...

– Да все со мной в порядке, отвяжись, прилипала! – раздраженно отмахиваясь от него, восклицала Лив, предвкушая, в каком невероятном шоке он окажется, когда она, все-

таки, признается ему в своем самом счастливом счастье в мире.

– Ты не можешь скрывать это, я же вижу, что что-то не так! Прошу, прекрати издеваться, малышка, скажи, скажи, скажи...

– Да отстань ты, мозгоклюй! Потом, все потом.

– Скажи, скажи... Это же как-то связано с твоим секретом, да? – зашел с другой стороны Джонни, а Лив закатила глаза.

– Ну вот! Ты еще и мозгами раскидывать начал! Остановись, Джонни, пока все остатки не раскидал, говорю же – обсудим позже...

– Когда? Когда позже? Нет, сейчас! Говори сейчас! – вновь завел свою шарманку зеленоглазый, вежливо отперев перед Лив дверцу машины и в то же время впериваясь в нее сияющим, пристальным взглядом.

– Вот же дурень! – покачала головой Лив, увидев, как он садится рядом с ней, с самым обиженным видом сложив руки на груди и уставившись в окно.

В негодующем молчании «Кадиллак» вырулил с парковки, управляемый неизменным зеленоволосым за рулем, которому без конца приходили ценные советы от красноволосого братца, спешащие сообщить, как быстрее выехать из аэропорта и по какой дороге.

Лив закусила губу и бросила взгляд на мужа, обиженно дующегося и игнорирующего ее взгляды. Внутри нее все све-

тилось, все горело и сияло, как звезда на макушке елки на Тайм-сквер... Облизав губы и выдохнув, с трудом скрывая ликование и волнение, Лив тихо, стараясь быть спокойной, проговорила:

– Я жду ребенка.

Джонни, Марти и Эдди одновременно развернулись к ней, уставившись круглыми, как у испуганных сов, глазами, чуть не скрипнув шеями от своих резких движений.

Лив захохотала, глядя на эти выпученные шесть глаз, пытающиеся обработать полученную секунду назад информацию.

– Что-о-о-о??? – заорали они хором, и Лив весело покачала головой.

– Ты – смотри на дорогу! Ты – смотри за ним! – приказала она по очереди Марти и Эдди, глядящим то на ее лицо, то на живот, будто пытаясь представить, где в этой маленькой, тонкой блондинке может прятаться целый ребенок, но, все же, с неохотой отвернувшись, и посмотрела на Джонни в неопишемом волнении.

Он секунду пялился на нее расширенным, обалдевшим взглядом, в котором вдруг, к невероятному ликование Лив, мелькнул бешеный, недоверчивый восторг, а затем стремительно придвинулся к ней вплотную, схватив ее за плечи и требовательно, жестко воскликнув:

– Повтори: что ты сказала?!?

Лив счастливо улыбнулась и снова произнесла эту вол-

шебную для любого уха фразу:

– Я беременна, Джонни, у меня будет ребенок!

Джонни так и осел, восхищенно и все еще ошарашенно глядя на нее, но в ту секунду, когда до его сознания, наконец, дошло, его глаза так заблестели, так засияли, что Лив поняла... Она будет абсолютно точно счастлива.

– Ты уверена?.. Это... правда??? И... и кто отец?? – задал сразу три идиотских вопроса подряд Джонни, так что Лив мгновенно вспыхнула:

– Да... После таких вопросов я еще подумаю, будет ли у моего ребенка вообще отец... Ты что, с дебильного облака по ниточке спустился, Джонни??? – она раздраженно отвернулась от все еще оторванного от реальности парня, с невероятным восхищением и бешеной радостью тарасившегося на нее своими ясными зелеными глазами, глуповато улыбаясь. Посмотрев на Эдди и наклонившись к нему, Лив насмешливо спросила:

– Эй, помидор! Не хочешь стать отцом моего ребенка? Ты серьезный, деловой, неплохо зарабатываешь... А то, судя по всему, в этой машине претендентов больше нет... Как тебе идея?

Эдди закашлялся, но вдруг глухо и неожиданно заявил в сторону чуть не упавшей, если бы было куда падать, Оливии:

– Если вам это нужно, мисс Оливия, я почту за честь...

– Эй! Эй! – очнулся, наконец, Джонни, дернув Лив к себе и прижав в свои горячие-горячие, крепкие объятия, зарыв-

шпись рукой в ее волосы и вспыхливо, но невероятно восторженно проговорил:

– А ну не смей предлагать моего ребенка никому, Оливка, слышишь??? Ты и он – вы оба мои, навсегда, навеки, пожизненно, понятно тебе, глупышка? Оли-и-ивка... – нежно протянул он и с невероятным счастливым порывом нашел ее губы и поцеловал... Лив почувствовала комок в горле, но сдержала слезы: от счастья не нужно плакать. Бог подарил ей самый лучший подарок, и она сделает все, чтобы ее семья была счастлива...

– Так, стоп. – вдруг неожиданно снова проговорил Джонни, прекратив свой нежный и такой чувственный поцелуй, требовательно уставившись на разомлевшую от его губ и теплых рук девушку. – Это и был твой секрет? Оливка!

Лив со вздохом кивнула.

– Да. Я уже год пытаюсь заполучить от тебя ребенка, но...

– Что-о-о??? – шокировано воскликнул Джонни, обхватив ее лицо ладонями и развернув к себе. – Год?!? Поверить не могу!!! Глупышка, почему ты не сказала мне??? Вроде бы как, я не последний человек в этом процессе!

Лив успокаивающе взяла его руки в свои и виновато улыбнулась:

– Прости. Я просто... боялась, что ты попробуешь меня остановить, станешь отговаривать... А я не хочу ждать, Джонни, ты даже не представляешь, как сильно я хотела этого ребенка, тем более... – она слегка покраснела и замя-

лась, – от тебя.

Джонни посмотрел на нее одновременно и укоряющим, и невозможно любящим взглядом и снова прижал к себе, вздохнув:

– Какая же ты дурында, моя маленькая самостоятельная девочка! Отговаривать тебя?!? Ты что, думаешь, я захотел бы подождать до того момента, когда из меня начнет песок сыпаться или до следующей экспедиции НАСА в сторону Марса??? Мне почти тридцать, Лив!!! И я люблю тебя, черт возьми. Очень. Сильно. – тихо шепнул он ей на ушко, заставив ее снова порозоветь, теперь уже от удовольствия.

– Э-э, мисс Оливия, так же нечестно!! – завопил вдруг пребывавший до этого в угрюмом раздумье Марти. – А почему вы мне не предложили стать отцом вашего спиногрыза?? Я был бы классным папочкой, покупал бы ему жвачку и всякое такое...

Лив расхохоталась и проговорила:

– Не переживай, огурец, если бы Джонни не выплыл из летаргического сна, ты бы стал следующим в очереди, кто получил бы это специальное предложение!

Джонни нежно погладил Лив по голове, не спуская с нее восхищенных, счастливых глаз, а Марти расслабился, снова по-детски улыбнувшись:

– Да? А, ну тогда ладно... Куда едем-то?

– В Бургер-Кинг. – махнула рукой Лив, и в этот момент почувствовала, как завибрировал в кармане ее телефон, спа-

сая от лекции заботливого муженька о вреде фаст-фуда, которую она успела прочесть на его лице прежде, чем он открыл рот.

Увидев на экране незнакомый номер, Лив недовольно поморщилась и не очень-то вежливо ответила, нажав кнопку приема вызова:

– Что за черт??

– Я хочу знать. – вдруг произнес голос, заставивший Лив подпрыгнуть чуть ли не до потолка и уставиться в пространство с ощущением абсолютной нереальности происходящего... Эти вкрадчивые интонации, тихий, гипнотический тембр она бы узнала из тысячи, потому что несколько недель отчаянно надеялась, что он, все-таки, позвонит, пыталась даже пару раз поискать его по тому самому «жучку», который был вшит в подклад его кардигана, но сигнал терялся на подступах к Детройту...

Она посмотрела на Джонни ошеломленным, но полным невероятной радости, взглядом, не веря, что все это происходит на самом деле и в один день, тогда, когда она меньше всего этого ожидала... Что за чудесный миг! Ей безумно захотелось рассмеяться, но она сдержалась и, посмотрев на озадаченное лицо Джонни, одними губами проговорила: «Эрнесто».

Джонни шокировано и весело поднял брови и ухмыльнулся, а Лив, желая выпрыгнуть из окна и станцевать на обочине все танцы, какие только знала, летая на крыльях новой люб-

ви, любви к жизни, взяла себя в руки и совершенно невозмутимо ответила:

– Думаю, это была пицца с креветками.

Пауза, затем тихое:

– Что?..

– Пицца с креветками. – погромче и поувереннее заявила Лив в трубку, на полном серьезе разыгрывая своего долгожданного собеседника. – Ну, это то блюдо, которым я отравилась в двенадцать лет и из-за которого мне сделали промывание желудка... Ты же об этом хотел узнать, кузнечик?

Джонни еле сдержал душащий его хохот, а Марти и Эдди настороженно прислушались, услышав хорошо знакомое «кузнечик» и прекрасно припоминая, сколько бед принес этот человек их любимому боссу.

В трубке раздался обреченный вздох, и Эрнесто тихо, но раздраженно проговорил:

– Оливия... Знаешь, твои шутки... Они, как бы помягче выразиться... Несколько...

– Тупые? – весело пришла ему на помощь Лив, а Эрнесто сказал:

– Плоские... Но, в общем-то, это то же самое... Ты говорила, что твое предложение останется в силе... Пожалуй... Я бы хотел... – он вздохнул, и его голос неуверенно дрогнул, что было совсем не похоже на того молодого, влиятельного босса Чикагской мафии, который придумал и почти реализовал хитроумный план мести боссу Нью-Йоркской семьи. –

Я хочу знать... Ты обещала... – он замолчал.

Лив понимала, как ему было сложно признаваться в этом, как сложно пойти против собственных принципов, отступить от идеалов и того смысла, которым он наполнял свою жизнь весь период своего существования... Лив не верила своим ушам. Она много дней думала, почему же ей не удалось убедить его? Что она сказала не так? Что еще должна была сделать ради того, чтобы вытащить его из глухой, темной ямы, в которую он упал еще в детстве и где таяли в темноте все лучики любой, пробивающейся к его душе, надежды?.. Она вспоминала то, сколько препятствий преграждали ей путь к нему в тот день, когда она самоотверженно сбежала из-под крыла Калеба, пытаясь предотвратить его убийство, и пришла к выводу, что ей просто не нужно было ехать, раз она ничего не смогла сделать для него. Судьба мигала ей красным сигналом светофора, но она не разгадала ее тайный намек...

А теперь Лив поняла. Знак судьбы был истолкован ею неверно. Судьба всего лишь проверяла, на что девушка может пойти ради спасения того, кто вошел в ее жизнь с четкой и планомерной целью разрушить ее. Сможет ли она понять и простить того, кто оступился? Станет ли бороться ради того, чтобы помочь ему найти себя и встать на иную дорогу, сложенную не из трупов ее семьи, а из обычного камня, освещенного брезжащим вдали солнцем? И она не отступилась от него, решив бороться за его душу. Она предложила руку

помощи после всего, что он сделал ей и ее родным... Она прошла испытание. Звонок Эрнесто окончательно убедил ее в этом. Нельзя прекращать бороться за того, кого еще можно спасти.

– Я своих слов назад не беру, Руди, так что если тебе вдруг стало интересно мое предложение, то я с удовольствием сделаю шаг к тебе навстречу. – заявила Лив беспечным тоном, но тут же строго добавила:

– Но учти, братик, теперь играть будем по моим правилам! Усек, синяя борода?

– Оливия, а в твоих правилах есть пункт о том, при каких условиях ты перестаешь обзывать? – недовольно прошелестел Эрнесто в трубку. – Если ты до сих пор не поняла, то окружающим не очень приятно, когда ты зовешь их названиями разных млекопитающих, населяющих нашу планету... И что означает это «по твоим правилам»?

Лив вздохнула и счастливо улыбнулась. Ну не день, а сказка... Внутри нее пели соловьи и звенели переливом колокольчики.

– Это означает, что в субботу я жду тебя в час дня у входа в парк аттракционов, естественно, здесь, в Нью-Йорке. Мы пойдем туда, только ты и я, и запустим первый этап новой игры под названием: «расскажи немного о себе, послушай такой же идиотский рассказ собеседника и начинай проникаться симпатией, мы, как-никак, семья». Устраивает такой расклад, мистер Центр Чикагской вселенной? А насчет обзы-

вательств... Ладно, буду звать тебя только Эрнесто или кузнечик... Уговорил. – согласилась на уступки по такому случаю Лив, а Эрнесто тихо произнес:

– Сомневаюсь, что взаимное изливание душ способствует укреплению родственных связей, но если никакого другого плана нет, то...

– Какой же ты смешной, Эрнесто! – хмыкнула Лив. – Ты даже себе не представляешь, сколько радости приносит нам, простым человеческим существам, подверженным влиянию собственных эмоций, мысль о том, что ты можешь слить на кого-то свои помои, и этот кто-то не просто поймет и похлопает тебя по плечу, а проявит жуткий интерес к твоим проблемам и поможет даже разгрести их, в меру своих возможностей... Так ты придешь?

– Я не верю тому, что сам лично говорю это, но... – Эрнесто ухмыльнулся. – Ты меня заинтриговала. И знаешь, что... Ты говоришь искренне, сестра. За это я попробую примириться с «кузнечиком» и не сжигать твой «Кадиллак», пока ты будешь сладко спать дома, в своей постельке, а также соглашусь на свидание ради пустого трепя в парке аттракционов... Так что да, я приду. Посмотрим, что из этого всего выйдет.

– Думаю, ты не разочаруешься. До встречи в субботу, кло... Эрнесто. – вовремя поправилась Лив и, вне себя от восторга, посмотрела на Джонни, когда звонок отключился. – Нет, это что, правда все происходит на самом деле?!?

Или я снова умерла и попала в рай? Я просто не верю, что в моей чертовски отвратной жизни вдруг появляется все это...

Джонни, который продолжал тепло и ласково обнимать Лив, не сводя с нее горячих глаз, строго пригрозил:

– Я тебе умру! И почему ты думаешь, что не заслужила чего-то хорошего для себя? Ты ведь не хуже, а намного лучше многих остальных людей... – он наклонился и, огненно оглядев ее лицо, притягательно проговорил:

– А для меня ты – самая лучшая... – он нежно погладил ее по щеке и, глядя на нее разгорающимся зеленым взглядом сияющих глаз, игриво добавил:

– Оливка... Ты знаешь, ты такая красивая, я бы смотрел на тебя всю жизнь, не отрываясь ни на одну проклятую секундочку! Можно я тебя поцелую?

Лив со смехом отпихнулась от него, покосившись на Марти и Эдди и прекрасно понимая, чем всегда заканчиваются эти поцелуи, и посмотрела на своего не в меру улыбчивого, сияющего, как небоскреб Эмпайер-стейт-билдинг в ночи, и абсолютно растворяющегося в бездонной нежности и страсти к ней, мужа, осчастливленного новостью о ее беременности.

– Отвянь, котяра, лучше закрой глазки и поспи, а то мне и без тебя нужно еще переварить все то, что сегодня произошло...

– Ну не будь такой жестокой, милая! А, может, тогда сядешь ко мне на колени? – с надеждой быстро сообразил

Джонни, притягивая Лив к себе, а она, проклиная своего настойчивого, но такого любимого ею муженька, ощущая, как огонь снова согревает ее тело откуда-то из области желудка, шлепнула его по тянущим ее все ближе к себе сильным, горячим рукам и проговорила:

– Ну ты, Кинг-Конг Джонни, веди себя прилично, иначе в Бургер-Кинге куплю тебе детский сундучок, чтобы ты, наконец, отвлекся от меня, все запомнил, горилла?

Джонни вздохнул и вроде бы успокоился, развязно развалившись на сиденье, но все-таки крепко держа свою Лив за руку, не желая выпускать ее ни при каких обстоятельствах, никогда, никогда, никогда...

– Назовем его Элрондом. – невозмутимо и мечтательно произнес Джонни, на что Лив тут же вспылила:

– Иди ты к черту из машины, вместе со своим Элрондом!!! Только через мой окончательно убитый и не подлежащий возвращению в мир живых труп! – она, правда, тут же смягчилась и расхохоталась вместе с Джонни, понимая, что он ее дразнит.

– Ладно, ладно, уж и пошутить нельзя! – хохотал Джонни. – Назовем Оливером, в честь моего отца...

– Ага, или Агамемноном, в честь моего папаши... Кстати, надо бы ему сообщить, а то со своей работой он о внуке узнает, только когда тот начнет претендовать на его наследство...

– А, может быть, там девочка?

– Очередной сомнительный, в плане пола, претендент на

руководство бизнесом? Тогда папашке – молчок, боюсь, его сердечко этого не вынесет...

Они снова рассмеялись, глядя друг на друга, а затем:

– Может, лучше подумаем над названиями бургеров, которые будем сейчас есть? Это как-то ближе к реальности... Я буду все номера по списку или каждый второй, но тогда в двойном экземпляре! – весело, с предвкушением сказала Лив, а Джонни прижал ее к себе и поцеловал в макушку, с веселой улыбкой проговорив:

– А ты уверена, Оливка, что та разновидность еды, которая еще совсем недавно бегала, мяукала или лаяла, грозно вычесывая собственных блох, или даже сама могла тебя съесть при большом желании и неудачном стечении обстоятельств, будет полезна нашему ребеночку? – осторожно подступился он к этому вопросу, и Лив с ухмылкой покачала головой, дав своему чрезмерно заботливому Джонни дельный совет:

– Ой, схлопни-ка свое звуковое отверстие, тромбон, и не открывай, пока не увидишь в непосредственной близости от своего лица восхитительный, ни с чем не сравнимый по вкусу и аромату, свеженький чикенбургер!

Джонни рассмеялся, окутывая ее своей невероятной теплой энергетикой, и Лив с улыбкой сжала его руку, посмотрев вперед, через лобовое стекло, на дорогу, уходящую темной, неровной лентой туда, где удобно расположился величественный, сияющий неоном и стеклом, сжимающий лег-

кие своим могуществом Нью-Йорк, с каждым метром приближающий к ней жизнь, в которой больше не было места ненависти, одиночеству или злости.